

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

О

ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ.

Водянский, О. М.

0

STANFORD LIBRARY

времени происхожденія

СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

О. Водянскаго.

СЪ 19-Ю СНИМКАМИ.

МОСКВА

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1855.

25

2115

B6

Р

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ что бы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва.
Генваря 10-го дня 1855 года.

Ценсоръ М. Похвисневъ.

О

ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ.

Снѣ ко и Диониси стѣи гѣтъ,
рекѣи: естѣ неплодѣно мѣю, мко
же и крико, иже не слѣз и разоу-
моу взимати, нѣ гѣмѣ.

Ноимѣ Ексархѣ Българскѣи.

Прологѣ къ книгѣ «Новосѣ.»

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи разсматривается мною одно только обстоятельство изъ жизни незабвенныхъ просвѣтителей Славянскаго племени, вопросъ о *письменихъ*, приписываемыхъ нѣкоторыми одному изъ нихъ, а другими обоимъ вмѣстѣ. О жизни ихъ такъ много писали уже, что почти нѣтъ въ ней ничего такого, о чемъ бы не было предложено нѣсколькихъ мнѣній, какъ водится, самыхъ разнорѣчивыхъ, а нерѣдко и совершенно противоположныхъ одно другому. Тѣмъ не менѣ, многое и многое въ житіи Солунцевъ заставляетъ насъ еще желать лучшаго и точнѣйшаго разъясненія; а изъ этого многого въ особенности нуждается въ томъ вопросъ о времени составленія письменныхъ знаковъ для передачи звуковъ Славянскаго языка. Открытіе въ наши дни нѣсколькихъ новыхъ памятниковъ, относящихся къ этому предмету, или

вѣрнѣе, старыхъ, но забытыхъ было небрежнымъ потомствомъ, и то обстоятельство, что никто еще не воспользовался ими во всемъ ихъ объемѣ, побудили меня сличить съ показаніями, представляемыми ими, показанія прежнихъ свѣдѣтельствъ и сдѣлать отсюда выводъ. Другіе, статья можетъ, сдѣлаютъ другой выводъ; но, во первыхъ, сколько головъ, столько и умовъ, говоритъ пословица; а во вторыхъ, радъ буду, что своей, какой ни есть, работой, ускорю етотъ лучшій выводъ, вызову болѣе счастливые труды. Первоначально я хотѣлъ было присоединить къ предлагаемому сочиненію и етъ, въ полномъ смыслѣ, *вновь* открытые, источники, равно какъ и важнѣйшіе изъ извѣстныхъ уже: тѣ и другіе, разумѣется, сличивъ по нѣсколькимъ, доступнымъ мнѣ, спискамъ, съ разнословіями въ концѣ; но непредвидѣнныя препятствія удержали меня отъ того на нѣкоторое время. Теперь же представляю 19-ть снимковъ со всѣхъ, бывшихъ у меня подъ руками, рукописныхъ памятниковъ по изслѣдываемому вопросу. Они сдѣланы съ возможной точностью извѣстнымъ художникомъ, І. Т. Шелковниковымъ. Очень жалѣю, что не могъ прибавить къ нимъ снимка и съ старѣйшаго до сихъ поръ рукописнаго Храброва сказанія «*О писменехъ*», находящагося въ Московской Синодальной Библіотекѣ № 145, и составленнаго, вмѣстѣ со многими другимъ, для Булгарскаго царя, Александра, тахомъ священно-

III

инокомъ Лаврентіемъ въ 1348-мъ году; въ первый разъ оно напечатано, какъ известно, К. О. Калайдовичемъ, при его «Іоаниѣ, Ексархѣ Болгарскомъ», въ Москвѣ, 1824, въ XI-мъ Приложеніи (стр. 189—192).

Судя по етому уже одному вопросу, очевидно, что пересмотръ свѣдѣній нашихъ о дѣятельности Славянскихъ благовѣстниковъ желателенъ въ высшей степени. Быть можетъ, кто ни будь ето и сдѣлаетъ къ тому времени, которое получено мною какъ итогъ, послѣ всесторонняго изслѣдованія его; быть можетъ, и я самъ буду имѣть возможность къ той порѣ что ни есть сдѣлать для того; по крайней мѣрѣ, отъ души желалъ бы видѣть самый точный, самый добросовѣстный, пересмотръ тому.

Und die aufgefundenе russische Acte macht eine Revision alles bisher über diese Materien im Publico verhandelten, nothwendig: ganz neue Data erscheinen, aber auch neue Widersprüche: ob und wie diese letztere alle zu heben sind? da sehe die bedächtige Kritik zu.

A. L. von Schlözer.

(*Исторія, III, Кар. X. S. 242; въ Рус. II, стр. 582*).

Въ жизни народовъ, какъ и человѣка, бываютъ событія, воспоминаніе коихъ всякой разъ погружаетъ мыслящія умы въ невольныя думы. Особенно это надо замѣтить о годовщинѣ ихъ, когда они, такъ сказать, сами напрашиваются. Тутъ, иногда, приходится раздуматься и самой даже неповоротливой, самой разсѣянной, головѣ. Цѣлыя поколѣнія пытаются свои умственные силы надъ тою, другою стороною ихъ, оставшейся недовольно еще освѣщенной, загадочной. По тому что любознаніе наше безгранично; мы часто не въ состояніи остановиться и тамъ, гдѣ, по видимому, нѣтъ ни какой надежды на успѣхъ. Чѣмъ больше неудачъ, тѣмъ сильнѣе во многихъ разгарается духъ пытливости. А все, не

поднимется ли на сколько ни будь завѣса таинственности, не подастся ли, хоть на шагъ, впередъ вѣковая работа, — и я ужь не напрасно жилъ, — думаетъ разоблачитель неразоблаченного. Да если и ничего не сдѣлаю, — это не значить, чтобы она рѣшительно была не подъ силу человѣческому духу, а просто только то одно, что я, одинъ лишь я, не доросъ еще до нея. Что отъ человѣка, то по человеку и для человѣка, и въ семь-то смыслѣ справедливо сказалъ лучший изъ Римскихъ писателей: «*Nil mortalibus arduum est.*» (Сарм. V.) И то правда, даромъ ничего не дается въ жизни совершить особеннаго, какъ замѣчаетъ тотъ же пѣвецъ: «*Nil sine magno vita labore dedit mortalibus.*» Самыя, такъ называемыя, дѣла случая, требуютъ, по крайней мѣрѣ, не случайнаго ума, чтобы схватить предлагаемое имъ указаніе, понять намекъ, разгадать, къ чему дается ключъ, открыть сокрытое. Сдѣсь та же, по видимому, игра, какую представляетъ, не рѣдко, счастье. «Помилуйте, сегодня счастье, завтра счастье, послѣ завтра счастье, всю жизнь счастье, да счастье; надо же когда ни будь и хоть крошку ума,» отвѣчалъ нашъ несравненный полководецъ, когда ему, какъ-то, передавали отзывъ другихъ объ его побѣдахъ. И точно, въ противномъ случаѣ, и золотая посредственность выигрывала бы битвы при Арбелахъ, Фарсалахъ, Акциумѣ, Полтавѣ, Нови, Ваграмѣ. открывала бы Америки, порохъ, компасъ, типографскій станокъ, законы тяготѣнія, пара, свѣтлописи, создавала бы Иліады и Одиссеи, и т. п., что только носить на себѣ признакъ творчества, печать генія. Сколько миллионѣвъ людей каждый день видѣло и видитъ паденіе всякаго рода тѣлъ съ извѣстной высоты на землю, и, однако же, только Нютонѣвъ умъ вызванъ былъ упавшимъ близъ него яблокомъ къ думѣ о тяготѣнія и стремленіи тѣлъ внизъ и, вдумываясь въ причину того, объяснилъ намъ тайну движенія мірозданія. Въ природѣ меньше, чѣмъ полагаютъ, непонятнаго для умѣющаго читать ея буквы, ума быстрога, вникательнаго, сообразительнаго. Міръ человѣческій, равнымъ образомъ, доступенъ такимъ избранникамъ. Цѣлыя столѣтія пролетали надъ исполинскими постройками Египта, цѣлыя поколѣнія глядѣли на письмена, начертанныя на нихъ, равно какъ на письмена

на скалахъ Мидіи, обломкахъ царскихъ зданій Ниневіи, Вавилона и т. п., частью на поверхности земли, а частью въ развалинахъ, покрытыхъ вѣковымъ хламомъ и мусоромъ; а только Шампольонъ далъ намъ ключъ къ іероглифамъ, которыя Лепсіусъ съ такимъ успѣхомъ читаетъ намъ теперь; только Гротендъ да Ролинсонъ разгадали клинообразные знаки; только Бюрнуфъ воскресилъ Зендъ; только Боппъ открылъ дверь къ познанію истинной сущности языковъ Индоевропейской семьи, и тѣмъ положилъ камень во главу угла новому вѣдѣнію, основанному на историческомъ сравненіи; только Лассенъ представилъ жизнь старой Индіи во всемъ ея богатствѣ, доступномъ современной наукѣ; Бунзенъ судьбы древняго Египта, Нибуръ Ветхаго Рима, Гротъ своеобразной Греціи. Значить, повторяю, для ума проникательнаго едва ли есть случай. Обыкновенно, имъ называютъ событіе, причины коего сокрыты, и по тому неожиданностью своей поражаютъ насъ. Но кто въ состояніи постигать отношеніе явленій къ ихъ двигателямъ, слѣдовательно, разгадывать сцѣпленіе обстоятельствъ, переплетеніе ихъ и взаимное дѣйствіе однихъ на другія, а разгадывая, видѣть, куда что стремится, и, согласно съ тѣмъ, направлять ходъ ихъ по своему соображенію, или же ставить себя внѣ ихъ ударовъ, для того вовсе нѣтъ нечаянностей, по крайней мѣрѣ, какъ можно меньше. Исключенія составляютъ такіа происшествія, корни которыхъ слишкомъ далеко ужъ скрываются за чертой круга, въ коемъ суждено намъ дѣйствовать. Стало быть, все тутъ зависить отъ склада собственнаго нашего ума и объема сферы, въ коей движемся, позволяющей на большее, или меньшее разстояніе раздвигать свой кругозоръ. О тѣхъ, кто имѣетъ всѣ етѣ необходимыя условія, не безъ основанія пословица говоритъ: «На ловца звѣрь бѣжить.»

Если это справедливо вообще, взятое по отношенію ко всему, что совершается вокругъ насъ, и что не бессмысленно проходитъ мимо мужа съ думой на челѣ, то тѣмъ болѣе справедливо по отношенію къ событіямъ важнымъ, которыя однимъ уже появленіемъ своимъ невольнo приковываютъ къ себѣ его пытливые взоры. По етому, и событія *идеициныя*

о, коихъ я упомянулъ въ самомъ началѣ, и къ коимъ все это веду, проносящіяся надъ головой большинства совершенно незамѣченными, не могутъ не затрогивать собой вниманія, привыкшаго наблюдать и вдумываться въ проходящее передъ его глазами. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже ни слова о прочемъ, привлекающемъ его къ нимъ, довольно одной урочности ихъ, чтобы, любознательный и отчетливый, остановился онъ на нихъ и захотѣлъ разузнать, что и отъ чего они; разузнавая же ихъ прошедшее и встрѣчая въ немъ многое въ темномъ, или загадочномъ, видѣ, естественно, пожелаетъ то уяснить себѣ. Такимъ образомъ, любопытство его, эта вообще самая щекотливая сторона природы нашей, задѣто, какъ мы привыкли въ подобныхъ случаяхъ выражаться, за живое, пища дѣятельности его нашлась, и — вотъ онъ, не удовлетворяясь сдѣланнымъ до него, съ самоотверженіемъ бросается въ поле, предѣлы коего чѣмъ далѣе идетъ, тѣмъ болѣе отдвигаются. Ни мало, однако, не робѣя передъ безбрежностью своего странствія, медленно, но осторожно, подвигается впередъ, твердо рѣшившись самъ исходить все поле разыскиваемого имъ, измѣрить его во всѣхъ направленіяхъ, и, подъ конецъ, непосредственно провѣрить правдивость показаній другихъ. Единственнымъ побужденіемъ къ тому, его путеводной звѣздой, — стремленіе найти истину, или, по крайности, подойти къ ней, какъ можно ближе; во имя науки и для науки предпринимаетъ онъ переслѣдованіе. Конечно, выборъ вполне зависитъ отъ него; но нельзя же ужъ быть на столько равнодушнымъ къ окружающему насъ, чтобы совершенно чуждаться его, жить въ одномъ лишь томъ кругѣ, который сами мы создали для себя. Сколько чрезмѣрная привязанность къ настоящему, событіямъ дня и мгновенія, вредна, столько и совершенное безчувствіе къ нему неизвинительно: и то, и другое — крайность, неестественно, отзывается предубѣжденіемъ, намѣренностью. Благоразумное желаніе постигнуть совершающееся передъ нами врожденно существу, получившему отъ самаго Бога способность постиженія. Одни животныя безчувственны къ тому; да и тѣ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, обнаруживаютъ нѣчто, похожее на влеченіе узнать виновника, на-

рушившаго однообразіе прозябательной ихъ жизни. Кѣмъ и для кого етъ волны житейскаго моря? Не ужь-то всѣ онѣ — дѣло слѣпаго случая и для слѣпцовъ? для каменія и тернія? Не ужь-то мы тутъ — посторонніе зрители, защищенные отъ всякихъ тревоженій самымъ положеніемъ своимъ, зрители, какихъ, иногда, видимъ на стѣнахъ многихъ нашихъ общественныхъ и частныхъ зданій, которые съ одинаковымъ глубокомысліемъ устремляютъ взоры свои на сцену, когда на ней разыгрывается драма тмами темъ, и тогда, когда все такъ молчитъ, какъ гробовая доска? Поступать такъ, значитъ вовсе не сознавать себя, своего опредѣленія, поступать не по человѣчески: «*Нотомо sum, humani а me nil alienum рuto;*» (Тер. Неха.) тѣмъ болѣе, когда въ событіи затронута еще бываетъ наша собственная, или же народная, личность.

Второй половиной нашего столѣтія открывається въ жизни Славянскаго народа непрерывный рядъ тысячелѣтнихъ торжествъ въ память событій, записанныхъ исторіей, и при томъ такихъ, послѣдствія которыхъ имѣли, а многихъ и теперь еще имѣютъ, и будутъ имѣть, пока самое племя существуетъ, рѣшительное вліяніе на жизнь всего его, или же какой ни будь его части. Первенство между етъми торжественными празднествами принадлежитъ тысячелѣтію *изобрѣтенія*, или точнѣе, *составленія письма*, предназначавшихся для всѣхъ Славянскихъ народовъ, и дѣйствительно употребившихся большинствомъ ихъ; стало, они открываються событіемъ, касающимся всѣхъ Славянъ. Когда же именно случилось это событіе?

Подъ Славянскими письменами, обыкновенно, разумѣется, такъ называемая, *Кириллица*, по имени изобрѣтателя или составителя ея, и объ ея-то времени появленія я сдѣсь пускаюсь въ поиски. Етъмъ уже исключаются отсюда всѣ изслѣдованія о томъ, имѣли ль Славяне какія либо письма до нея; далѣе, въ какомъ отношеніи находится она къ другой, тоже Славянской и, какъ показываютъ новѣйшія розысканія, почти современной ей, азбукѣ, именно Глаголицѣ или Глаголитикѣ; напоследокъ, какая связь обѣихъ ихъ съ

азбуками прочихъ Индоевропейскихъ народовъ? Всѣ егѣ вопросы, какъ ни любопытны сами по себѣ, и какъ, по видимому, ни тѣсно связаны съ задачей моей, скорѣе умѣстны въ подробномъ изслѣдованіи вообще о письменахъ Славянскихъ, или же въ критическомъ изложеніи жизни составителя ихъ, нежели при разсмотрѣніи одной только части егѣхъ предметовъ. Тамъ ихъ настоящее мѣсто, а по тому и желанное рѣшеніе.

ГЛАВА I.

Обзоръ источниковъ или свѣдѣтельствъ.

Gratius ex ipso fonte bibuntur aquae.

Ovid.

(5 P. 5.)

Всякое разслѣдованіе наше, если хотимъ сообщить ему прочную опору и достигнуть надежнѣе задуманной цѣли, должно быть произведено по, такъ называемымъ, *источникамъ*. Источники слагаются изъ современныхъ извѣстному происшествію, или, по меньшей мѣрѣ, ближайшихъ и непосредственныхъ, показаній, очищенныхъ, разумѣется, критикой. Позднѣйшія свѣдѣнія принимаются съ крайней осторожностью, и только при отсутствіи первыхъ. Стройное исчисленіе тѣхъ и другихъ касательно нашего вопроса представлено славнымъ Шафарикомъ въ безцѣнномъ сочиненіи его: «Славянскія Древности» (1); но съ тѣхъ поръ число ихъ возрасло значительно, и при томъ, нѣкоторые изъ первыхъ чрезвычайной важности. Съ открытіемъ ихъ какъ исторія принятія Христіанства Славянскими народами изъ устъ Цареградскихъ благовѣстниковъ, такъ и, нераздѣльно соединен-

ное съ нимъ, появленіе у нихъ особыхъ писемъ, бывшихъ естественнымъ послѣдствіемъ того, во многихъ отношеніяхъ, въ глазахъ спокойнаго изслѣдователя, принимаетъ совсѣмъ иной видъ. Не приступая еще къ самому разъясненію своей задачи, полагаю необходимымъ, прежде всего, назвать источники, прежніе и новые, доставившіе мнѣ основу для соображеній и выводовъ, сказать о нихъ свое мнѣніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выслушать ихъ показанія.

Казалось бы, скорѣе и болѣе всего сохранили намъ данныхъ о нашемъ предметѣ тѣ, которые были прямо замѣшаны въ немъ, составляли именно источникъ всего дѣла, т. е., Греки, ихъ тогдашніе лѣтописцы, съ такой подробностью передающіе намъ даже самыя пустыя происшествія своего вѣка и народа. Вышло наоборотъ. Гордые своимъ образованіемъ и гражданственностью, они съ презрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ тѣхъ, кто только не принадлежалъ къ нимъ, и, по тому, неохотно и сколько можно короче, отзывались о послѣднихъ, какъ бы ни было важно событіе, приводившее, такъ называемыхъ ими, варваровъ въ столкновение съ ихъ народомъ; не рѣдко же случалось, что и вовсе умалчивали о происшествіяхъ всемірнаго значенія. Я уже имѣлъ разъ случай, въ другомъ сочиненіи, близкомъ по содержанию къ нынѣшнему (2), говорить объ этомъ странномъ явленіи, особенно по отношенію къ Славянамъ, стараясь разгадать причину онаго. «Извѣстна, — говорилъ я тамъ, — старинная, наслѣдственная, народная ненависть Грековъ къ Славянамъ, своимъ постояннымъ сосѣдямъ, которая, соотвѣтствуя такой же враждѣ Нѣмцевъ къ Славянамъ Западнымъ, длится, сколько исторія запомнить, и которая, прибавлю, и теперь ни чуть не измѣнилась ни въ объемъ, ни въ силу своей. Она-то была причиною, что егѣ народы — сосѣди, находясь въ вѣчномъ столкновеніи и схваткахъ другъ съ другомъ, такъ мало оставили рассказовъ о своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и отношеніяхъ. Каждый изъ нихъ считалъ для своей народной гордости обиднымъ искреннюю повѣсть о неудачахъ и проигрышахъ егѣхъ варваровъ (такъ они взаимно величали себя), и упоминалъ тогда только, ко-

гда ни какъ нельзя было миновать того; но и тутъ замѣчае видное неудовольствіе и принужденность. Прибавьте къ сему чтеніе книгъ на своемъ языкѣ новообращавшимися Славянами, которое могло быть не совсѣмъ пріятно и Грекамъ (судя по поступкамъ ихъ даже въ наши дни въ Македоніи, Фракіи и Булгаріи) (3), и по тому могло наложить молчаніе на уста современниковъ о семъ событіи,» и проч. Вотъ по чему и о годѣ составленія Славянской азбуки, какъ вообще и о цѣломъ событіи, коего оно только часть, ни одинъ современный Византіецъ не сказалъ намъ ни слова въ своемъ сочиненіи; позднѣйшіе лѣтописцы, почерпавшіе свѣдѣнія свои уже не изъ первыхъ рукъ, но изъ мутнаго, во многихъ отношеніяхъ, народнаго преданія и стороннихъ писателей, говорятъ только вообще о принятіи крещенія Булгарскимъ Государемъ, Борисомъ, повторяя, большею частью, одинъ другаго (4), а по тому и не могутъ составлять собой, въ теперешнемъ нашемъ изслѣдованіи, ни какаго источника.

Есть, однако же, и на Греческомъ языкѣ одно сочиненіе, весьма важное и рѣшительное во многомъ для насъ. Это — *βίος καὶ πολιτεία, ὁμολογία τε, καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις, τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος, ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων.* «Житіе Святаго Климента, Епископа Буларскаго,» ученика Кирилла и Меодія, писанное, какъ сказано въ самомъ заглавіи его; Теофилактомъ, архіепископомъ Первой Юстиніаны и всей Булгаріи, что, по розысканіямъ, основаннымъ на етомъ сочиненіи новѣйшимъ издателемъ его, ошибочно; наоборотъ, оно памятникъ X вѣка, составленный однимъ изъ учениковъ Славянскихъ благовѣстниковъ, по происхожденію Булгаромъ, а Теофилактѣ приписанъ, конечно, въ послѣдствіи, для внушенія къ нему въ другихъ большаго довѣрія и важности (5). Примѣры подобнаго приписанія слишкомъ часты и обыкновенны не въ одной древности, будутъ ли побужденія къ тому болѣе, или менѣе чисты, т. е., происходятъ ли они съ доброй цѣлью, или, по незнанію настоящаго творца, опираются на одномъ гаданіи, или же съ намѣреніемъ, слѣдовательно, имѣютъ въ виду вы-

дать одно за другое, новое за старое, поддѣлку за подлинникъ (6). Но что за причина, заставившая Булгара писать жизнь своего учителя не на родномъ языкѣ? Мнѣ кажется, что подлинникъ ея былъ составленъ на Славянскомъ, и только въ послѣдствіи переведенъ кѣмъ-то на Греческій. Грекъ, по сказанному выше вообще объ его отношеніяхъ къ Славянину, не въ состояніи былъ съ такой теплотой, участіемъ и подробностью передавать дѣйствія чужеродца; да етому противорѣчить и прямое указаніе сочинителемъ на его Булгарское происхождение (гл. XXII): «Κλήμης τῆς Βουλγαρίας ὑμῶν παρέδωκε.» А чтобы Булгаръ рѣшился промѣнить отечественный языкъ на другой, хотя бы самый образованный, невѣроятно по тогдашнимъ отношеніямъ всѣхъ Булгарскихъ писателей къ Грекамъ и самимъ себѣ. Обыкновенно, не только въ первыя времена какой либо письменности, но и послѣ довольно долго еще, горячка родолюбія и отвращеніе ко всему чужому, царятъ, можно сказать, безгранично надъ умами, воображеніемъ и волей пишущей братіи. Тогда больше пытаются свои силы въ своемъ, либо переносятъ съ чужаго на отцевскую ниву, но не на оборотъ, по самой простой причинѣ — отсутствію, пока, достойнаго предмета для перевода. «Но не для описанія на иноземномъ языкѣ?» Конечно, въ етомъ не бываетъ недостатка у всякаго народа для умнаго и неупрежденнаго чѣмъ либо противъ него писателя; однако же, Греки не представили собой исключенія въ отношеніи къ изслѣдываемому мною предмету. Етѣ соображенія заставляють меня относить и «Житіе Св. Климента» не къ Греческимъ, но къ *Славянскимъ* источникамъ, хотя мы теперь имѣемъ его на одномъ лишь Греческомъ языкѣ. Я той мысли, что когда ни будь, при большемъ знакомствѣ съ сокровищами нашей Церковнославянской письменности, откроется и самый Славянскій подлинникъ онаго. Вотъ, однако, свѣдѣтельство, предлагаемое етѣмъ памятникомъ о нашемъ предметѣ (7):

«Μεθόδιος, ὃς τὴν Πανόνων ἐπαρχίαν ἐκόσμησεν ἀρχιεπίσκοπος Μοράβου γενόμενος, καὶ Κύριλλος ὁ πολὺς μὲν τὴν ἔξω φιλοσοφίαν πλείων δὲ τὴν ἔσω,.... εἶχοντο μὲν ἰκανῶς λόγου δι-

δασκαλικού, ἐλλάδι γλώσση προφερομένου, καὶ πολλοὺς εἶλκεν ἡ τῆς τοιαύτης σοφίας ἀλυσίς· ἐπεὶ δὲ τὸ τῶν Σθλοβενῶν γένος εἶτ' οὖν Βουλγάρων ἀσυνέτως εἶχον τῶν ἐλλάδι γλώσση συντεθειμένων γραφῶν, ζημίαν ἠγοῦντο τοῦτο μεγίστην οἱ ἅγιοι, καὶ τὸ μὴ τὸν λύχνον τῶν γραφῶν ἐπανάπτεθαι τῷ τῶν Βουλγάρων αὐχμηρῷ τόπῳ ἀπαρακλήτου λύπης ἐποῦντο ὑπέθεσιν· ἤλυον, ἐδυσφύρου, ἀπελέγοντο τὴν ζωὴν· τί γοῦν ποιούσι; πρὸς τὸν Παράκλητον ἀροβλέπουσιν οὐ πρῶτον δῶρον αἱ γλώσσαι καὶ τοῦ λόγου βοήθεια. καὶ παρὰ τούτου τὴν χάριν ταύτην αἰτοῦνται, γράμματά τε ἐξευρέσθαι, δασύτητι Βουλγάρου γλώσσης κατὰλληλα, καὶ δηνηθῆναι τὰς θείας γραφὰς πρὸς τὴν φωνὴν τοῦ ἔθνους τῇ ἐρμηνείᾳ μεταγαγεῖν. ἀμέλει καὶ νηστεία εὐτόνω καὶ προσευχῇ ἐπιμόνω κακῶσι τε σώματος καὶ ψυχῆς συντριβῇ καὶ ταπεινώσι ἐκδόντες ἑαυτοὺς τοῦ ποθομένου τυγχάνουσιν·... τυχόντες οὖν τοῦ εὐκταίου τούτου χαρίσματος ἐξευρίσκουσι μὲν τὰ Σθλοβενικά γράμματα, ἐρμηνεύουσι δὲ τὰς θεοπνεύστους γραφὰς ἐκ τῆς ἐλλάδος γλώσσης εἰς τὴν Βουλγαρικὴν, ποιῶνται δὲ σπουδῆν τοῖς ὀξυτέροις τῶν μαθητῶν παραδόναι τὰ θεία μαθήματα· οὐκ ὀλίγοι γὰρ τῆς διδασκαλικῆς αὐτῶν πηγῆς ἔπαινον, ὧν ἔγκριτοὶ τε καὶ τοῦ χοροῦ κορυφαῖοι Γοράσδος τε καὶ Κλήμης καὶ Ναοῦμ καὶ Ἀγγελάριος καὶ Σάββας (γλ. II).» И ниже (гл. IV, по новѣйшему изданію): «Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὃς ἐπὶ τοῦ τῶν Ῥωμαίων βασιλέως Μιχαήλ ἦν, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάλαι μὲν τέκνον ἐπαίησατο, καὶ τῆς οἰκείας γλώσσης τῆς πάντα καλῆς ἐξηρτήσατο καὶ τότε δὲ ταῖς τῶν λόγων εὐεργεσίαις ἀδιαλείπτως εἶχε δωρούμενος· ἦν γὰρ ὁ Βορίσης οὗτος καὶ ἄλλως γκώμης δεξιᾶς καὶ τοῦ ἀγαθοῦ δεκτικῆς, ἐφ' οὗ καὶ τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος τοῦ θείου τε καταξιούσθαι βαπτίσματος καὶ χριστιανίζειν ἤρξατο· ὅτε δὴ καὶ οἱ ἅγιοι οὗτοι, Κύριλλος, φημί, καὶ Μεθόδιος, τὸ πλῆθος τῶν πιστευόντων ἰδόντες... γράμματα ἐξεύροντο καθ' ὃ προειρήκαμεν, καὶ τὴν τῶν γραφῶν ἐπὶ τὸ

Βουλγαρικὸν μετάφρασιν ἐποίησαντο, ἵνα τὰ γεννηθέντα τέκνα τοῦ Θεοῦ καὶ Θείας τροφῆς ἰκανῶς ἔχαιεν, καὶ οὕτω τῆς σκυθυκῆς πλάνης τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος ἀπαλλαγῆν. . . τὸν Χριστὸν, ἐπέγνωσαν, ὅφει μὲν καὶ περὶ τὴν ἑνδεκάτην ἢ δωδεκάτην τὸν Θεῖον ὃ οὖν ἀμπελῶνα εἰσεληλυθὸς τῇ τοῦ καλέσαντος χάριτι ἐν ἔτει γὰρ ἑξακισχιλιοστῷ τριακοσιοστῷ ἑβδομηκοστῷ ἑβδόμῳ τῆς τοῦ κόσμου γενέσεως ἢ τούτου τοῦ γένους κλήσις γεγένηται.

Methodius, qui Panonum eparchiam ornavit, archiepiscopus Moravi creatus, et Cyrillus, multus in exteriori philosophia, sed major in interiori, satis quidem pollebant oratione didactica, quae graeco sermone profertur, multosque trahebat hujus sapientiae catena: cum autem Slovenorum gens siue Bulgarorum non intelligeret libros graece conscriptos, damnum hoc maximum reputabant Sancti, et facem scripturarum caliginosae Bulgarorum regioni non accendi inconsolabilis doloris faciebant materiam: conturbati erant, ferre non poterant, vitam abdicabant. Quid tandem faciunt? Ad Paracletum respiciunt, cujus primum donum linguae et sermonis auxilium, et ab illo gratiam petunt *litteras inveniendi* asperitati Bulgarorum linguae respondententes, ut possint sacras scripturas ad linguam hujus gentis interpretatione transferre. Et revera jejunio intenso et orationi constanti, corporis macerationi et animi contritioni et humiliationi cum se dedissent, cupitum consequuntur. Nacti igitur hanc gratiam *excogitant slovenicas litteras* et divinitus inspiratas scripturas e graeca lingua in bulgaricam vertunt et magna cum diligentia acutioribus discipulis tradunt sacras doctrinas. Non pauci ex eorum doctrinae fonte biberunt, quorum praecipui sunt et chori coryphaei: Gorasus et Clemens et Naum et Angelarius et Sabbas.

Quin etiam Bulgarorum ducem Borisen, tempore Romanorum imperatoris Michaël regnantem, quem magnus Methodius jam olim filium suum fecerat, et suae linguae omnino pulchrae affixerat, tunc sermonis beneficiis indesinenter donans captabat: erat enim Borises hic ingenii dextri et boni capacis, sub quo Bulgarorum gens christianizare coeperat, quando Sancti hi, Cyrillus inquam et Methodius, multitudinem cre-

dentium videntes, *litteras excogitarunt*, ut supra diximus, et scripturarum in linguam bulgaricam versionem fecerunt, ut nati filii Dei divinum cibum haberent; sic scythico errore Bulgarorum gens liberata Christum cognovit, sero quidem et circa undecimam aut duodecimam vineam divinam ingressa vocantis gratia. Anno enim sexies millesimo trecentesimo septuagesimo septimo a mundi creatione hujus gentis vocatio facta est.» (Edit. Pamper. p. 103, 107—108; ed. Mikl. p. 2—3; 6—7; Interpret. X, XII).

Совсѣмъ инаго рода и свойства извѣстiе, заключающееся въ отрывкѣ, напечатанномъ Бандури въ его «*Imperium Orientale*,» (p. 112—116), равно какъ и въ его же «*Animadversiones in Constantini Porphyrogeniti librum de administrando imperio*» (Ed. Bonn. 357—366), съ Латинскимъ переводомъ, откуда послѣднiй повторенъ Штриттеромъ въ «*Memoriae populorum*,» (Том. II, p. 959—967). Отрывокъ этотъ писанъ, по увѣренiю Бандури, нашедшаго оный въ рукописи Кольбертовой библiотеки, подъ № 4432-мъ, новѣйшимъ почеркомъ: «*quam (historiam) reperii in codice ms. Colbertino recenti manu conscripto.*» Въ немъ разсказывается объ обращенiи Русовъ въ Христiанство, но, — говоритъ Шлѣцеръ (Несторъ, III, S. 221—222, Руск. II, 542—543), — «здѣсь отиѣнно смѣшно перемѣшаны (auf eine gar lächerliche Weise) Моравы, Россы и Руссы (Ρως und Russen), и времена Рюриковы съ временами св. Владимiра,» что до него еще замѣтилъ самъ Бандури. То есть, дѣло въ томъ, что прежде всего излагается посольство Рускаго великаго князя (ὁ μέγας ἄρχων) въ разныя земли для испытанiя, которая Вѣра самая лучшая; послы посѣтили Римъ, а за нимъ Царьградъ и, возвратясь, донесли ему, что, хоть они точно видѣли въ Римѣ много великаго и блистательнаго, но видѣнное въ Царьградѣ превышаетъ всякое воображенiе чело-вѣческое. Послѣ сего в. князь Рускiй (μέγας ρῥῆγας) проситъ царя прислать ему епископа, который бы крестилъ его и народъ его, что тотъ и исполняетъ, отправивъ къ нему благочестиваго и добродѣтельнаго епископа съ двумя товарищами, Кирилломъ и Аванасiемъ, тоже извѣстными

добродѣтелию, ученостью и умомъ, чрезвычайно свѣдущими какъ въ Св. Писаніи, такъ и въ Словесности, доказательствомъ чему служатъ сочиненія ихъ. Прибывъ туда, они крестили Русовъ и наставили въ начаткахъ Христіанскаго ученія. Но видя, что народъ етотъ совершенно варварскій и необразованъ, а по тому не въ состояніи выгучить 24 Греческихъ буквъ, изобрѣли и начертали для него 35 буквъ, которыя такъ звучать (слѣдуетъ названіе каждой, что смотри ниже, въ самомъ Греческомъ изложеніи). Етѣ 35 Рускихъ буквъ заучиваются ими, а съ тѣмъ усвоется истинное познаніе благочестивой Вѣры: »ἦν δὲ τότε Βασίλειος ὁ ἐκ Μακεδονίας ὁ τὰ τῶν Ῥωμαίων σκηπτρα διέπων ὃς καὶ μετὰ χαρᾶς μεγάλης τοὺς σταλέντας ἐκ τῶν ἐκεῖσε ἀνθρώπους δεξάμενος ἀρχιερεὰ τινὰ αὐτοῖς ἐξέπεμψε, ἐπ' εὐλαβείᾳ καὶ ἀρετῇ διαβόητον, καὶ σὺν αὐτῷ ἄνδρας δύο, Κύριλλον καὶ Ἀθανάσιον, ἐναρέτους καὶ αὐτοὺς ὄντας καὶ πάνυ λογιωτάτους καὶ φρονιμωτάτους. καὶ οὐ μόνον τῆς θείας γραφῆς ἦσαν ἔμπλεοι, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἔξω καλῶς ἐξησκημένοι, ὡς τὰ τε γινόμενα ὑπ' αὐτῶν γράμματα μαρτυροῦσι τοῦτο καλῶς. οὗτοι δὲ ἐκεῖσε ἀπελθόντες πάντας ἐδίδασκον καὶ ἐβάπτισον καὶ πρὸς τὴν τῶν Χριστιανῶν εὐσεβίαν ἐνήγον. βάρβαρον δὲ πάντῃ καὶ σόλοικον βλέποντες τὸ τοιοῦτον ἔθνος, οὕκ εἶχον οἱ ῥηθέντες λογιώτατοι ἄνδρες ὅπως καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων εἴκοσι τέσσαρα γράμματα αὐτοῖς διδάξαι, μήποτε πάλιν τῆς εὐσεβείας παρεκκλίνωσι. διὸ καὶ τριάκοντα πέντε στοιχεῖα γραμμάτων αὐτοῖς ἐνεχάραξαν καὶ ἐδίδαξαν. ὧν περ καὶ ἡ κλησις ὀνομάτων ἐστὶν αὕτη, ᾗς, μπούκη, βέτδ, γλαῶδ, δοπρῶ, γέεστι, ζηβήτ, ζελῶ, ζεπλέα, ἦ, ζεῆ, κάκω, λουδία, μή, νᾶς, ὦν, ποκόη, ῥιτζή, σθλόβω, ντεβέρδω, ἦκ, φέρωτ, χέρ, ὦτ, τζῆ, τζέρβη, σάα, σθία, γέορ, γερῆ, γέρ, γέατ, γίου, γέους, γέα. ταῦτα μὲν εἰσι τὰ λέ γράμματα τῶν Ῥωσῶν ἅπερ καὶ ἕως τοῦ νῦν μανθάνουσι πάντες, καὶ καλῶς τὴν εὐσεβίαν γινώσκουσι. Tunc porro Basilii Macedo Romanorum sceptrum moderebatur; qui exceptis cum gaudio magno huiusmodi legatis episcopum eo misit pie-

tate et virtute clarum, cum comitibus duobus, Cyrillo et Athanasio, qui et ipsi virtute, eruditione et prudentia ornatissimi erant, neque solum divinae scripturae notitia repleti, sed etiam in humanioribus literis probe exercitati, ut eorum scripta testificantur. eo profecti illi omnes edocuerunt et baptizarunt et Christianae pietatis rudimentis instituerunt. cum autem gentem eam omnino barbaram et rudem cernerent, ac nullo modo possent doctissimi viri viginti quattuor Graecorum literas ipsos edocere, ne rursus a pia religione deflecterent, *triginta quinque literas ab se inventas et exaratas iisdem tradiderunt*, quarum nomina haec sunt: *As, Mpucl, Betd, Glaod, Dopro, Geesti, Zibit, Zelo, Zeplea, I, Sei, Caco, Ludia, Mi, Nas, On, Pocol, Ritzii, Sthlobo, Nteberdo, lc, Pherot, Cher, Ot, Txi, Tzerbi, Saa, Sthia, Geor, Geri, Ger, Geat, Giu, Geus, Gea*. Hae sunt triginta quinque Russorum literae, quas hactenus omnes ediscunt, atque rectam piae religionis notitiam obtinent.» За снѣгъ разсказывается чудо съ Евангелиемъ, которое епископъ бросилъ въ зажженный костеръ, по требованію князя и народа, и когда оно осталось нетронутымъ, какъ было, «*ἔπερ ἰδόντες οἱ βάρβαροι καὶ τῷ μεγέθει καταπλαγέντες τοῦ θαύματος, ἀνευδοιάστως πρὸς τὸ βάπτισμα ἤτομέλου, καὶ καθαιρόμενοι τὸν νοῦν τὸν σωτήρα ἔδοξαρον κύριον*. Quod conspicati barbari, ac magnitudine miraculi perculsi, sine mora vel dubitatione ad sanctum baptismum sponte accesserunt, ac mente purgati salvatorem dominum laudibus celebrarunt.» Оставляя другимъ, вмѣстѣ съ Шлѣцеромъ, потѣшаться промахами етого Грека противу языка, его неумѣньемъ назвать, какъ должно, наши буквы, равно какъ и мнѣніемъ о причинѣ, побудившей изобрѣсти ихъ, и пр., т. п., можемъ замѣтить, что, хотя составитель етого разсказа дѣйствительно не силенъ въ исторіи и путаетъ времена, лица и событія, однако, надо признаться, иначе и быть не могло, когда источники его тоже самое представляютъ. Источники етѣ, мнѣ кажется, были, преимущественно, разные лѣтописные сборники наши. Въ пользу такого мнѣнія говорить: а) чрезвычайная подробность въ изложеніи повѣсти объ испытаніи Вѣрѣ, совпадающей во многомъ съ находящимся въ

нашихъ источникахъ; б) изъ нихъ только могъ онъ узнать объ Анастасіи, какъ поправляетъ Добровскій, т. е., знаменитомъ Настасѣ или Анастасѣ Корсунянинѣ, котораго обративъ въ Аѳанасія, сдѣлалъ товарищемъ Кириллу, а обоимъ епископу или архіепископу (митрополиту) Греку. О Кириллѣ дознался онъ тоже изъ нашихъ лѣтописей и, подобно имъ, отправилъ его учить нашихъ предковъ. Статся могло, что Аѳанасій поставленъ у него вмѣсто Меодія, согласно съ нѣкоторыми Хронографами нашими, какъ увидимъ ниже; в) названіе буквъ нашихъ, въ которомъ, при всей портѣ, нельзя не замѣтить, что онъ списалъ его съ произношенія Рускихъ, и притомъ Южныхъ. Это доказываетъ первое: поставленіе буквы *і* впереди *мже*, — совершенно по обычаю Малороссійскому, между тѣмъ, какъ Великороссіяне дѣлаютъ то на оборотъ (*мже, і*); второе: произношеніе полугласныхъ и помѣщеніе носовыхъ. Изъ первыхъ написаніе *ѳ*, *уѳор*, близко подходитъ къ Малороссійскому названію его *ѳромъ*; въ противномъ случаѣ онъ написалъ бы, какъ и слѣдующія (*м, ѳ*), безъ *о* послѣ *ѳ*. Замѣтятъ: «*о* употреблено имъ для выраженія твердаго произношенія этого звука.» Согласенъ; но точно такъ и Малороссіяне его употребляютъ для того же самага въ формѣ *іо* (или, по нашему образу писанія, *ѳ*), какъ онъ *ѳо*. Изъ вторыхъ *юсъ* (*ж*), *уѳоус*, и *л*, *уѳа*, поставлены на самомъ концѣ опять по обычаю Малороссіянъ, наблюдавшемуся прежде въ грамѣткахъ Славянскихъ. Последнее, *л*, смѣшивалось, по причинѣ потери истиннаго его звука въ устахъ большей части Славянъ, съ буквой *м*, употребляясь одно вмѣсто другаго какъ въ произношеніи, такъ равно на самомъ письмѣ и въ печати; въ послѣдней *л* даже взяло перевѣсъ надъ *м*, оставивъ ему только нѣсколько словъ и случаевъ. Но бывало, что и въ азбукѣ отдѣляли то и другое; тогда порядокъ всѣхъ етѣхъ буквъ являлся именно тотъ самой, какой и у этого Грека: *ѳ, м, ѳ, ѳ, ю, ж, л, м*. г) Названіе буквы *р* словомъ *ριτζιη* скорѣе напоминаетъ, какъ называютъ этотъ звукъ тоже въ Южной Руси, нежели въ Сѣверной, разумѣю: *рци*, а не *рци*. д) Названіе буквы *икъ* (*ѳк*, *іс*) вмѣсто *укъ* (*оукъ*), рѣшительно по обычаю Малорускихъ букарей, которые часто называли въ старину,

а можетъ быть и теперь еще кое-гдѣ, такъ *укъ*, а не рѣдко и тремя разомъ именами: *икъ*, *укъ*, *оникъ*, указывая тѣмъ на тройное ея начертаніе, перенесенное съ Греческаго и въ Церковнославянскій: *υ*, *ου*, *ϛ* (*υ*, *у*; *ου*, *оу*; *ϛ*, *ѣ*), которыя всѣ три стояли вмѣстѣ, обокъ. Съ Малорусами согласны и Румыны (Валахи въ Валахиіи, Молдавіи, Бессарабіи, Буковинѣ, Угріи, Седмиградіи, Банатѣ, Македоніи, Фессалии, Албаніи и др.) въ названіи всѣхъ, упомянутыхъ тутъ, звуковъ, за исключеніемъ поставленія *и* и *і*, въ чемъ сходятся они съ Великорусами, да буквы *р*, которая у нихъ совершенно такъ звучитъ, какъ назвалъ ее Грекъ, *ρ*, *ριττι*, и буквы *икъ* (довольствуясь только *укомъ*, *ѣ*, и *оникомъ*, *оу*). (8) Самой же поводъ къ разсказу сдѣсь о буквахъ могла подать ему либо наша Степенная Книга, въ которой именно говорится о нихъ подъ однимъ годомъ съ княженіемъ Аскольда и Дира, ихъ походомъ подъ Царьградъ, крещеніемъ при Василіи Македонѣ, чудомъ съ Евангеліемъ, и т. д.: «Не предо многими бо лѣты преже крещенія блаженныя великія Ольги начало бысть Рускія азбуковы, ихъ же составиша дивніи философы Меодій и Константинъ самобратніи, иже отъ Солуня посланы быша Михайломъ Царемъ въ Болгары, по прошенію Князей Болгарскихъ, при немъ и крещены быша Болгары. По немъ же Кіевстѣи Князи, Оскольдъ и Диръ, и сіи плѣняху Римлянскую страну,» и проч.; либо же другой какой лѣтописный сборникъ, особливо Временникъ или Хронографъ, служившій источникомъ и для составителей самой Степенной Книги и Никоновской Лѣтописи, въ которой встрѣчаемъ почти тоже, съ нѣкоторою только разницею въ выраженіяхъ и пропускомъ извѣстія объ азбукѣ. Этой канвы довольно было для сметливаго, чтобы по ней вывести уже самому любаго рода узорочья, каковы: число буквъ и ихъ названія, которыя могли показаться Греку очень стоящими любопытства и, какъ такія, передачи своимъ соотчичамъ. Перечислить же ихъ могъ онъ пожелать точно такъ же, какъ и сочинитель Проложнаго Житія Кирилла, въ которомъ, впрочемъ, насчитано 38 словъ, что въ Четьи-Минее названо уже письменами, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, а у этого Грека ихъ только 35. Но «извѣстія объ Аскольдѣ и Дирѣ,

равномѣрно и о крещеніи ихъ, могъ онъ вычитать и не изъ Рускихъ источниковъ.» Да, но не въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ ихъ у него, не съ тѣми подробностями. Далѣе, у Византійцевъ (Амартола, К. Багрянороднаго, Кедрина, Зошары, Глики и др.) многого нѣтъ изъ передаваемого имъ; и, на послѣдокъ, всѣ извѣстія ихъ перенесены уже въ Рускіе Временники или Хронографы, иначе, какъ не рѣдко величали ихъ, Гранографы (коимъ столько обязана и наша, такъ называемая, Никоновская Лѣтопись, какъ откроется ниже), гдѣ и могъ онъ встрѣтиться съ ними, и при томъ съ готовой обстановкой, которою и воспользовался по своему, перемѣшивъ все еще пуце, чѣмъ его руководители, кои (какъ покажу послѣ) страшно противорѣчатъ сами себѣ, рассказывая одно и тоже въ одномъ случаѣ такъ, а въ другомъ иначе. Если моя догадка справедлива, тогда вѣкъ составленія этого отрывка ни коимъ образомъ не старѣе вѣка упомянутыхъ выше Рускихъ лѣтописныхъ Сборниковъ, и по тому, повторю съ Добровскимъ (Cyrill u. Meth. §. 9): «Мы не можемъ полагаться на сказанія, въ немъ заключающіяся,» какъ на современный, или, по крайности, ближайшій къ тому источникъ.

Гораздо любознательнѣе, а, можетъ быть, и безпристрастнѣе, былъ *Западъ*, который оставилъ намъ нѣсколько свѣдѣтельствъ объ изслѣдуемомъ событіи. Такъ, отъ *папы Иоанна VIII* дошло до насъ нѣсколько *посланій* (epistolae), важныхъ для нашего предмета (9). Этотъ папа, одинъ изъ достойнѣйшихъ преемниковъ Николая I-го, перваго и по желанію отщепиться отъ Восточнаго Православія, нѣсколько разъ колебался между двумя спорящими сторонами въ земляхъ Паннонскихъ и Иллирскихъ, и по тому, смотря по перевѣсу главныхъ своихъ отношеній къ Царьграду, переходилъ то къ тѣмъ, то къ другимъ. Такъ, по жалобѣ Нѣмецкаго духовенства на появленіе Меодія въ Панноніи и вообще Великоморавіи въ званіи епископа и съ богослуженіемъ на Славянскомъ языкѣ (870), принесенной папѣ Адриану II, но, по смерти его (872), рѣшенной его преемникомъ (Иоанномъ VIII), Славянскій языкъ въ Церкви былъ запрещенъ особымъ посланіемъ папы, отправленнымъ, черезъ

Аиконскаго епископа, Павла, какъ нарочнаго папскаго посла (Legata) въ Германію и Паннонію: «ne in ea lingua (barbara, hoc est, in sclavina) sacra missarum solempnia celebrares, sed vel in latina vel greca lingua, sicut ecclesia Dei toto terrarum orbi diffusa, et in omnibus gentibus dilatata cantat.» Спустя 4 года (въ 874), тотъ же папа писалъ уже къ Карломану, сыну Людвига II-го, совѣтъ противное, вѣроятно, подвигнутый къ тому мирнымъ договоромъ Святополка съ императоромъ, воевавшимъ весьма неудачно, и по тому принужденнымъ помириться во что бы то ни стало: «modo, quo rotuit, sibi Winidos reconciliavit» (Hinc. Remens.). Именно, тамъ читаемъ слѣдующее: «Reddito ac restituto nobis Pannoniensium episcopatu, liceat fratri nostro Methodio, qui illic a sede apostolica ordinatus est, secundum priscam consuetudinem libere, que sunt episcopi, gerere.» Въ Паннонскомъ Житіи Меодія сказано, что папа къ етому побужденъ былъ посольствомъ Моравлянъ, писавшихъ: «ѿ насъ и върѣе оѿи наши ѿ сѣго вѣтра крѣщение приими, то даждь намъ Меодіа архіеѿша и оуцѣдамъ,» который, между тѣмъ, послѣ торжественнаго состязанія своего съ Нѣмецкими священниками, когда возвратился въ Паннонію изъ втораго путешествія въ Римъ, былъ сосланъ въ Швабію («въ Сѣверъ»), гдѣ и оставался «полѣтретѣ лѣта» (2½ года): 871 — 874. Но противники Православія не теряли надежды на успѣхъ. Своими наговорами имъ удалось заподозрить Меодія у Святополка, по собственному признанію, мало понимавшаго догматическія тонкости Вѣроученія: «Ἐγὼ μὲν ἑμαυτῷ πολλὸν τὸν ἰδιωτισμὸν σύναδα, καὶ ἀπλοῦς εἰμί τὰ δογματικά· καὶ τί γάρ ἢ ἀγράμματος; τοῦ μέντοι χριστιανισμοῦ μεταποιῶμαι τε καὶ μεταποιήσομαι» (Vita S. Clem., с. XI, pag. 16.). Ego quidem magnae imperitiae mihi sum conscius et simplex sum quoad dogmatica: quid enim nisi illiteratus? Christianismum tamen mihi vindico et vindicabo» (Id., pag. XV.), который, однако, принялъ его, первоначально, съ большимъ радушіемъ и поручилъ ему «вѣса ѿрѣи и стрижьники къ всѣмъ градамъ (Житіе Меодія).» Слѣдствиемъ того было отправленіе имъ священника Іоанна (вѣроятно, «ex Venetiis,» котораго употреблялъ онъ передъ тѣмъ, за 4 года, въ сношеніи своемъ съ Людвигомъ) къ папѣ

съ посланиемъ о разрѣшеніи недоумѣній его касательно Меоодіева ученія. Въ отвѣтъ папа прислалъ посланіе къ обоимъ, Меоодию и Святополку, въ іюль 879. Первому писалъ: «*Audivimus, quod non ea, que sancta Romana ecclesia ab ipso apostolorum principe didicit, et cottidie predicat, tu docendo doceas, et ipsum populum in errorem mittas. Unde his apostolatus nostri litteris tibi iubemus, ut, omni occasione postposita, ad nos de presenti venire procures, ut ex ore tuo audiamus et cognoscamus, utrum sic teneas, et sic predices, sicut verbis ac litteris te sancte Romane ecclesie promisisti, aut non, veraciter cognoscamus doctrinam tuam. Audimus et iam, quod missas cantes in barbara, hoc est, in sclavina (al. cod. sclavonica) lingua.*» Второму же: «*Quod autem, sicut Johanne presbitero vestro, quem nobis misistis, referente didicimus, in recta fide dubitetis. Monemus dilectionem vestram, ut sic teneatis, sic credatis, sicut Sancta Romana Ecclesia ab ipso Apostolorum principe didicit, tenuit, et usque ad finem seculi tenebit.... Quia vero audivimus quia Methodius vester archiepiscopus ab antecessore nostro Adriano scilicet Papa ordinatus, vobisque directus, aliter doceat, quam coram Sede Apostolica se credere et verbis et litteris professus est, valde miramur. Tamen propter hoc direximus illi, ut absque omni occasione ad nos venire procuret, quatenus ex ore eius audiamus, utrum sic teneat et credat, sicut promisit, aut non.*» Впрочемъ, въ концѣ посланія своего къ Меоодию, папа запрещаетъ не безусловно употребленіе Славянскаго языка въ богослуженіи; онъ соглашается, чтобы проповѣданіе слова Божія и объясненіе его производились и на этомъ языкѣ, что составляетъ замѣчательную уступку, и, съ одной стороны, связывая новое распоряженіе съ предыдущими нѣкотораго рода послѣдовательностью, оставляетъ возможность ему, съ другой, перейти къ противному распоряженію, слѣдовательно, заготовляетъ уже, такъ сказать, заблаговременно мостикъ для перехода на другой берегъ: «*Predicare vero, aut sermonem in populo facere tibi licet, quum psalmista omnes commonet Deum gentes laudare, et apostolus omnis inquit lingua confiteatur, quia Jhesus in gloria est Dei Patris.*» Эта, можетъ быть, смутно предчувствованная имъ при написаніи сего посланія (раз-

умѣется, на основаніи всего прежняго), перемѣна, черезъ годъ же, не болѣе, дѣйствительно совершилась. Въ іюнѣ 880 года вотъ что писалъ уже папа къ Святополку черезъ Меодія, который, явившись, по требованію, въ Римъ, совершенно оправдался передъ нимъ во взведенныхъ на него навѣстахъ ожесточенными его и паствы его противниками: «Igitur hunc Methodium venerabilem archiepiscopum vestrum interrogauimus, coram positis fratribus nostris episcopis, si orthodoxae fidei symbolum ita crederet, et inter sacra missarum sollenia caneret, sicuti sanctam Romanam ecclesiam tenere, et in sanctis vniuersalibus synodis a sanctis patribus secundum euangelicam Christi Dei nostri auctoritatem promulgatum atque traditum constat. Ille autem professus est, se iuxta euangelicam et apostolicam doctrinam, sicuti sancta Romana ecclesia docet, et a patribus traditum est, tenere et psallere. Nos autem illum in omnibus ecclesiasticis doctrinis, et vtilitatibus *orthodoxum*, et proficuum esse reperientes, vobis iterum ad regendam commissam sibi Dei ecclesiam remisimus; quem veluti pastorem proprium vt digno honore, ac reuerentia, laetaque mente recipiatis, iubemus.... Presbiteros vero et diaconos, seu cuiuscunque ordinis clericos, siue Sclauos, siue cuiuslibet gentis, qui intra prouinciae tuae fines consistunt, praecipimus esse subiectos et obediens, in omnibus iam dicto *confratri nostro* archiepiscopo vestro, ut nichil omnino praeter ipsius conscientiam agant. Quodsi contumaces et inobedientes existentes, scandalum aliquod, vel schisma facere praesumpserint, et post primam et secundam admonitionem se minime correxerint, quasi zizaniorum seminatores ab ecclesiis et finibus vestris auctoritate nostra praecipimus procul esse abiiciendos, secundum auctoritatem capitulorum, quae illi dedimus, et vobis direximus.» Тоже самое, и почти слово въ слово, находимъ и въ посланіи папы, приводимомъ въ Паннонскомъ Житіи Меодія, т. е., когда, со-
Бравъ «люди Моравскыи велѣху прохити прѣдъ ними испустити, да выши слышати изгъланиѣ его,» о которомъ недоброжелатели распустили было слухъ, надѣясь, преждевременно, на осужденіе папой поступковъ Меодія, «воустьше двостолниковы книги (послание), обратиша яслиице, яко братъ нашъ Меодинъ прѣковерныхъ кустъ и яслино дѣлаице дѣлаеть, и въ роукоу его соуть ѿ Бѣ и ѿ айльскаго

стала къа славянскимъ страны, да нго же промалеть, промалеть да вѣди.» Послѣ чего, прибавляетъ жизнеописатель, «восфамдъ- шеса, разидомиса нко шгал, съ стѣдъмъ.» Причины такого неожиданнаго оборота дѣла надобно искать, кажется, въ боязни папы потерять и Паннонію, какъ, не задолго передъ тѣмъ, потерялъ Булгарію и Иллирикъ, отошедшія, по общему опредѣленію Цареградскаго собора (869 — 870), отъ Рима къ Царьграду, которыя теперь надѣялся снова возвратить, при помощи разныхъ уступокъ и непрерывныхъ увѣщательныхъ посланій то къ Булгарскому государю и его боярамъ, то къ духовенству Булгарскому и своимъ тамъ нунціямъ, то къ самому патріарху, то, наконецъ, къ Хорватамъ и ихъ властямъ, склоняя, «ut nihil dubitantes de parte Graecorum vel Sclavorum, ad gremium Romane ecclesiae revertantur» (Epist. ad Salonitanos ad ann. 878—880), и пр. Онъ даже, для достиженія этой цѣли, составлявшей задушевное желаніе его и его предшественниковъ, тайную причину ихъ дѣйствій и, въ послѣдствіи, главную причину отдѣленія Рима отъ Восточной Церкви, т. е., для подчиненія себѣ Славянскихъ земель, между Адриатическимъ и Чернымъ морями лежащихъ, согласился было признать снова Фотія, вторично вступившаго на патріаршій престолъ по смерти Игнатія (878), того самаго Фотія, который, изза егѣхъ же народовъ, 10-тъ лѣтъ тому назадъ, предалъ папу, Николая I-го, проклятію (867). Къ этому можно прибавить, конечно, и вѣроятныя представленія Меодія пацѣ о той чрезмѣрной привязанности Славянъ ко всему народному, особенно къ языку и словословію на немъ Бога, которой всегда и всюду племя наше отличалось и отличается и которая именно и побудила его преимущественно войти въ сношенія съ Греками, охотнѣе, чѣмъ Латыны, допускавшими и прочія нарѣчія при богослуженіи: «людемъ нашимъ погачьства сѣ шкрѣшнимъ, и по нрѣчаньскѣ сѣ закономъ дрѣхачимъ, оунтєла не нмимъ тмочєго, нже емъ нмъ къ скою дѣмъ истєю вѣрѣ нрѣчаньскѣ сназдѣлѣ, да емша и нмъ страшнѣ того здѣше, подобни емъ сѣ намъ, то послѣдъ чмъ, кѣко, рѣшнѣ и вунтєла тмѣ. Шъ кѣсѣ бо на нса страцѣ нѣсєгда добрымъ закономъ нскѣдѣ (Житіє Кирила).» Въ Житіи Меодія исчислены и самыя егѣ учителя по ихъ происхожденію, приво-

дившіе, своимъ разногласнымъ ученіемъ (полагаю, преимущественно происхожденіи Св. Духа, освященіи и жертвоприношеніи агнца, по обычаю Евреевъ, на алтарѣ, виѣстѣ съ Святыми тайнами, и т. п. *Mansi XV, 355. Mabillon Comm. in ord. Roman. в Museum ital. II, pag. CXIX ss.*), Славянь, понимавшихъ языкъ ихъ, въ смущеніе, а не понимавшихъ просто въ отчаяніе: «я соуть къ ны вѣшли оутитеа мнози крѣстияни, изъ Владхъ и изъ Грънхъ и изъ Итальяцхъ, оутяще ны разануъ, а ны Словкни преста уады, и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истиную и разоумъ сьмадуаъ. то, докранъ кѣдно, посланъ такъ моужь, иже ны испранитъ къ славоу вѣрлѣдоу.» т. е., просили именно наставниковъ на своемъ языкѣ; самыхъ Греческихъ проповѣдниковъ, учившихъ не по Славянски, не понимали, какъ и всѣхъ прочихъ. Слѣдовательно, «ѣ каяъ во на вса страныъ кѣсегда докранъ ханонъ исходиъ» должно разумѣть только относительно готовности, которую Греческое духовенство показывало къ Христіанскому Вѣроученію и богослуженію, соглашаясь на допущеніе и прочихъ языковъ, сверхъ трехъ «Пилатныхъ» («по Пилатовой писанию, иже на крѣстѣ Гѣи написа.» *Житіе Меѳодія*). Туземное духовенство, уже въ то время довольно численное (судя по тому, что, при погребеніи Меѳодія, сочинитель *Житія Климента* насчитываетъ 200 человекъ онаго: *δηλοῖ δὲ καὶ τὸ πλῆθος τῶν τε πρεσβυτέρων καὶ διακόνων καὶ ὑποδιακόνων, οὓς τελευτῶν διακόνους τῇ ἐνορίᾳ τῆς οἰκείας ἐκκλησίας ἐγκάτελιπεν.* (Сар. VI.), слѣдовательно, по знанію Славянскаго языка, со вліяніемъ на народъ, доставляло, съ своей стороны, значительную опору Меѳодіевымъ представленіямъ папѣ о необходимости оставить языкъ Славянскій при богослуженіи; въ противномъ случаѣ, неудовольствіе было неизбѣжно, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ населенія, и тогда отпаденіе отъ Рима Моравской іерархіи рѣшено. Да и внѣшняя обстановка не могла радовать Іоанна VIII-го: внутренняя борьба съ Итальянскими князьями и потомками Карла, вѣчно несогласными, и по тому усобившими, равно какъ борьба съ Сарацинами и, пуще всего, іерархическое соперничество съ Греческимъ патріархомъ, столь удачно начатое и поведенное двумя его предѣстниками, обѣщавшее, съ первенствомъ, распространеніе предѣловъ духовнаго владѣнія надъ милліо-

нами еще свѣжаго и нетронутаго племени; все это невольно склоняло папу къ умѣренности и терпимости, до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, а по сему и къ допущенію внутри Церкви нѣкоторыхъ различій даже во взглядѣ на самыя догматы, не окрѣпшіе еще, по своей новостн, тѣмъ болѣе на часть обрядную. Отъ того, онъ легко, кажется, уступилъ представленіямъ Паннонскаго архіепископа въ извѣстномъ Вѣроученіи («закръстиши тѣло родею крещеніе истери наш (на Меодіа), иже Давидъ и Акиронъ изъ Меса, снъ шкъ, а дръгымъ тав, иже волать новлаторское крестю и славенна сърадрати изъ севъ съ правде поутн.» Жит. Мео.), котораго, по всему судя, Меодій никогда не признавалъ, тѣмъ болѣе, что оно, при жизни его, не успѣло еще обратиться въ непремѣнное вѣрованіе Запада; по крайности, какъ видѣли выше, пана не упоминаетъ о томъ въ письмѣ къ Святополку о правобѣрїи Меодія, но только выражается, что онъ нашелъ его мыслящимъ согласно съ ученіемъ Церкви Римской и постановленіямъ Вселенскихъ Соборовъ (10). Но и того съ большею охотою попустилъ папа въ другой ереси, далеко уступавшей, сущностью своей, въ важности первой, хотя не менѣе значительной по вліянію своему, долго и сильно въ послѣдствіи волновавшей міръ Западный, а съ нимъ и Славянскій, ереси трезычной: «Бладохъ же истера многа уады, иже оуухохъ Словянскими книги глѣше, яко недостонъ ни которемоу же изъиноу нмъти боунокъ своихъ, рзукъ Юевен и Гракъ и Латинъ, по Пилатокоу писанию, иже на крестъ Гинъ написа, иже апостоликъ пилатъ и тръзъмуиникъ изрелъ проклатъ» (Житіе Меодія), что еще въ первое посѣщеніе Меодія съ братомъ своимъ, Константиномъ, произнесено было папой Адріаномъ II-мъ (867—869); а по етому, теперь, тѣмъ удобнѣе казалось Іоанну утвердить такое распоряженіе своего прѣдшественника: «Оумьслехомъ испытатъше послати Меоодикъ, сѣше и съ оуенины, изъ страны вашъ, моужъ же съкършенъ разоумъ и прлвокрънъ, да къ оуунтъ, яко же есте просили, съмъздамъ кънигы къ языкъ вашъ, по всемоу црѣвномоу уиноу испѣднъ, и съ стою мѣшею ренъше съ словъкою и крщениемъ, яко же есте философъ изъахъ Востантинъ» (Житіе Меодія);—распоряженіе, уже однажды и имъ самимъ допущенное (874). Отъ того, продолжая посланіе

къ Святополюку, папа Іоаннъ VIII-й, прежде нежели рѣшается проишествъ вновь позволеніе на введеніе при богослуженіи Славянскаго языка, упоминаеть вкратцѣ объ изобрѣтеніи письменъ для него Константиномъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, приводитъ причины, по чему восхваленіе Бога на етомъ, и всякомъ другомъ, языкѣ, сверхъ трехъ «Пилатныхъ», непротивно ни здравому уму, ни Правовѣрію, подтверждая все это ссылкой на Священное Писаніе: «*Litteras denique sclauonicas (11), a Constantino quondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudamus, et in eadem lingua Christi Domini nostri preconia et opera ut enarrentur, iubemus: neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis Dominum laudare auctoritate sacra monemur, quae praecipit dicens: Laudate Dominum omnes gentes, laudate eum omnes populi. Et apostoli repleti Spiritu sancto locuti sunt omnibus linguis magnalia Dei. Hinc et Paulus, coelestis quoque tuba insonat monens: Omnis lingua confiteatur, quia Dominus noster Jesus Christus in gloria est Dei Patris. De quibus etiam in prima ad Corinthios epistola satis et manifeste nos admonet, quatenus linguis loquentes, ecclesiam Dei aedificemus. Nec sanae fidei, vel doctrinae aliquid obstat, siue missas in eadem sclauonica lingua canere, siue sanctum euangelium vel lectiones diuinas noui et veteris testamenti bene translatas, et interpretatas legere, aut alia horarum officia omnia psallere: quoniam qui fecit tres linguas principales, hebraeam scilicet, graecam, et latinam, ipse creauit et alias omnes ad laudem et gloriam suam. Iubemus tamen, ut in omnibus ecclesiis terrae vestrae propter maiorem honorificentiam euangelium latine legatur, et postmodum sclauonica lingua translatum in auribus populi, latina verba non intelligentis, annuncietur; sicut in quibusdam ecclesiis fieri videtur. Et si tibi et iudicibus tuis placet, missas latina lingua magis audire, praecipimus, ut latine missarum solennia tibi celebrentur.*» Читая его въ посланіи папы, невольно припоминаете себѣ многое изъ посланія другаго папы, его предшественника, къ Ростиславу и подручнымъ его князьямъ, приводимаго составителемъ Меѳодіева Житія: «съ же кдинѣ хранити обшчан, да на мѣши нѣркъѣ уѣтоуѣтѣ аѣлъ и ѡскѣганѣ римскѣ, таѣе словѣнскѣ, да са испѣланитѣ книжьное сло-

но, или съскалатъ Гѣльси изъици, и другоще: или съдугѣти изъици раздвугѣти величымъ кожимъ, или же дастъ имъ стѣни дѣи Бѣгавати.»
 Вся розница тутъ только въ одномъ размѣщеніи. Конечно, при составленіи этого посланія въ Куріи Папской имѣлось въ виду и первое; отсюда, естественно, объясняется такое сходство ихъ въ приведенныхъ словахъ; а жизнеописатель Меѳодія тоже, вѣроятно, имѣлъ послѣднее передъ глазами, можетъ быть, даже самый подлинникъ. Такое согласіе двухъ, независимыхъ одно отъ другаго, показаній, составленныхъ въ разное время, разными лицами, на разныхъ языкахъ и въ разныхъ мѣстахъ, говорить о подлинности того и другаго. Стало, свѣдѣтельство папы Іоанна VIII-го, какъ современника Константина и Меѳодія, лично знавшаго обоихъ, посланіе котораго, кажется, только 10-ью годами отдѣлено отъ кончины перваго, чрезвычайно замѣчательно. А что это точно было такъ, т. е., что онъ хорошо зналъ составителя писемъ Славянскихъ, на то указываетъ одно выраженіе, находящееся въ его посланіи, разумѣю, «*quondam*,» которое, по новѣйшему и самому вѣроятному объясненію Шафарика (Slov. star., str., 815, розп. 90, Руск. пер. II, кн. 2-я, стр. 325), не рѣдко означаетъ въ средневѣковой Латыни не, «нѣкоторый, какой-то,» но «извѣстный.»

Кромѣ папы Іоанна VIII-го, второе извѣстіе, современное Кириллу и Меѳодію, предлагаетъ намъ неизвѣстный Зальцбургецъ, *Anonymus Salisburgensis: De conversione Bagoariorum et Carantanorum* an. 873» (12), который, перечисляя, въ послѣдовательномъ порядкѣ, кратко Зальцбургскихъ архіепископовъ и ихъ дѣянія, замѣчаетъ, при одномъ изъ нихъ, и о появленіи въ Панноніи, принадлежавшей къ ихъ церковному округу, Меѳодія, заставившаго удалиться изъ оной намѣстника ихъ, протопресвитера Рихвальда (pag. LXXV): «*Post illum vero (Swarnagalum, praesbyterum) Altfridum presbyterum et magistrum cujusque artis Liuprammus illuc direxit; quem Adalwinus successor Liuprammi archipresbyterum ibi constituit, commendans illi claves ecclesiae, curamque post illum totius populi gerendam. Similiter, eo defuncto, Rihbaldum constituit archipresbyterum. Qui multum tempore ibi*

commoratus est, exercens suum potestative officium, sicut illi licuit archiepiscopus suus, usque dum quidam graecus, methodius nomine, noviter inventis slavinis litteris, linguam latinam doctrinamque romanam atque literas auctoriales latinas philosophice superducens, vilescece fecit cuncto populo ex parte missas et evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebraverunt. Quod ille ferre non valens sedem repetivit Juvavensem.»

Третье известіе составляетъ: «*Vita SS. Cyrilli et Methodii cum translatione Sancti Clementis,*» изданное Болландистами, по рукописи Дюканжа, въ «*Acta Sanctorum,*» подъ 9-мъ Марта (Vol. II, p. 19 sq.). Такъ какъ Левъ де Марси (de Marsi), Монтекассинскій монахъ, потомъ кардиналъ-епископъ Остіискій (de Ostia), жившій въ XII-мъ вѣкѣ (13), дѣлаетъ выписку, въ лѣтописи своего монастыря, изъ этого сочиненія, то отсюда заключаютъ, что оно было уже извѣстно, по меньшей мѣрѣ, въ XI-мъ столѣтіи. Одинъ изъ издателей его, отецъ Геншенъ (Godefroi Henchenius (14), полагаетъ, что етъ «*Vita et Translatio*» сочинены Гавдерикомъ, епископомъ города Велитры, т. е., что оно составляло часть какого-то творенія его, теперь уже утраченнаго. Добровскій, въ сочиненіи своемъ «*Кирилль и Меѳодій*» (стр. 15, Руск. пер. 10), называетъ «*Vita et Translatio*» *Легендой*, и при томъ *Итальянской* или *первой*, въ отличіе отъ *второй* или *Моравской*. Онъ напечаталъ ее, вмѣстѣ со второй, основанной преимущественно на ней до самой кончины Кирилла, въ 1826 годѣ, и сопровождалъ учеными замѣчаніями. По сему и эта *Вторая* или *Моравская Легенда* (15), какъ дословное почти повтореніе *Итальянской* въ первой своей части, съ перемѣной лишь выраженій, сокращеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, риторическими украшеніями и собственными догадками или выдумками составлявшаго ее, можетъ быть причислена, если не къ современнымъ источникамъ (по тому что появилась, по мнѣнію Добровскаго (16), вѣроятно, въ XIV стол.), то къ такимъ, которые несомнѣнно и очевидно по нимъ составлены, и показанія ея должно, по крайности, считать съ первообразомъ ея. Свѣдѣтельства етъхъ обоихъ Скандій или Легендъ о нашемъ предметѣ предлагаютъ слѣдую-

щес. *Итальянское Сказаніе*: «Cumque ad partes illas, Deo praeparante, venisset (Constantinus cum suo fratre Methodio), cognoscentes loci indigenae adventum illorum, valde gavisi sunt, quia et reliquias beati Clementis secum ferre audierant, et *Evangelium in eorum lingua a Philosopho praedicto translatum*. Exeuntes igitur extra civitatem obviam honorifice et cum ingenti laetitia reciperunt eos. Coeperunt itaque ad id, (ad) quod venerant, peragendum, studiose insistere et *parvulos eorum literas edocere*, officia ecclesiastica instruere et ad correptionem diversorum errorum, quos in populo illo repererant, falcem eloquiorum suorum inducere, sique abrasis et extirpatis de agro illo pestifero multifariis vitiorum sentibus, divini verbi gramina seminare.» *Моравское Сказаніе* такъ: «Cumque viri Dei ipsum Regem cum populo suo religiosa sollicitudine ad fidei lumen omnino provocassent, illis deinde vetus et novum testamentum vigilantia cura (Bolland. deest «vig. cura») exponentes et informantes eos, *plura de Graeco et Latino transferentes*, in Sclavonica lingua canonicas horas et missas in ecclesia Dei publice statuerunt decantare.» И такъ, по Первому Сказанію Философъ, т. е., Константинъ, принесъ съ собою Евангеліе въ Моравію, уже переведенное, и, вмѣстѣ съ Методіемъ, началъ учить грамотѣ учениковъ (parvulos), конечно, приготовляя въ нихъ себѣ причетниковъ; слѣдовательно, письма были составлены имъ еще до прихода въ эту страну. А по Второму сказано только, что оба братья ревностно объясняли уже *готовый* (предложеніемъ) Ветхій и Новій Заветъ и многое переводили не съ одного Греческаго, но и съ Латинскаго; последнее едва ли въ строгомъ смыслѣ справедливо, т. е., касательно перевода съ Латинскаго, по тому что самый переводъ Библии указываетъ на подлинникъ Греческій, кромѣ нѣкоторыхъ апокрифическихъ книгъ, переведенныхъ, дѣйствительно, съ Вульгаты въ послѣдствіи. А что въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ Глагольскихъ памятникѣхъ, равно какъ и въ Кирилловскихъ, списанныхъ съ нихъ, изложеніе напоминаетъ Вульгату, то это произошло, по объясненію Добровскаго, скорѣе отъ того, что переводчикъ пользовался Греческимъ подлинникомъ, такъ называемой, Западной семьи или, по Церковнославянски, извода (рецензи), съ коей

Вульгата, какъ извѣстно, наиболѣе сходится, нежели отъ того, что переводъ сдѣланъ былъ прямо съ послѣдней. Впрочемъ, Шафарикъ, возражая Добровскому, замѣчаетъ, что переводившій только справлялся съ Вульгатой: «*že rúvodce hlaholské recensí nahlízel do Vulgaty,*» по тому что Латынь была въ большомъ употребленіи въ той странѣ, въ которой онъ жилъ (Македоніи и Далмаціи) и, слѣдовательно, не могла быть ему неизвѣстной, а съ ней и Вульгата (*Památky hlaholského písemnictví. Praga, 1853; str. XXXVI—XXXVII, XXXIX*). Сверхъ того, въ Моравскомъ Сказаніи говорится еще о Славянскомъ Служебникѣ и Часословѣ (*Liturgiacion, missagium liber, et Hologium*); стало, также принесенныхъ въ готовности; слѣдственно, и по Второму или Моравскому Сказанію писмена Славянскія сославлены до прибытія Солунцевъ въ Моравію.

Тоже слѣдуетъ замѣтить и о «*Житіи св. Вячеслава,*» написанномъ Христаномъ и составившемъ собой вторую половину Моравской Легенды, хотя и въ первую вошло достаточно изъ него, что и образовало, съ Сказаніемъ Гавдерика, ету часть (*Cyryll und Method, S. 17, Рус. 11—12*). Впрочемъ, Вторая Легенда скоро была вытѣснена новой, основанной на ней и Христанѣ, съ прибавленіемъ вновь кой-чего (17), и названа Добровскимъ *Третьей*. Етого Христана не должно смѣшивать съ извѣстнымъ сыномъ Чешскаго князя, Болеслава I-го, жившимъ въ X-мъ вѣкѣ (18) и бывшимъ Бенедиктинскимъ монахомъ (какъ того хотѣли нѣкоторые, достаточно опровергнутые Добровскимъ), хотя за такого онъ и выдаетъ себя въ своемъ сочиненіи: онъ былъ составитель Житія св. Вячеслава и Житія св. Людмилы, и жилъ въ концѣ XIII, или началѣ XIV вѣка, скорѣе всего игуменъ Бенедиктинскаго Бренивскаго монастыря близъ Праги (1279—87), и дѣйствительно носилъ имя Христана (въ дипломахъ *Cristannus*) (19). Для перваго черпалъ онъ многое изъ Житія св. Вячеслава, написаннаго неизвѣстнымъ, по распоряженію императора Оттона II-го (973—83) (20), для втораго—Житіемъ XIII-го вѣка (21) и другимъ половиною XIV (22), по кониъ и составилъ свой трудъ (23), хотя послѣднее, можетъ статься, въ первобыт-

номъ своемъ видѣ не уступаетъ въ древности Житію св. Вячеслава. Творенія его послужили, въ свою очередь, источникомъ для другихъ, между прочимъ и упомянутому выше составителю Моравскаго Сказанія (24). Въ томъ и другомъ (въ Сказаніи о Людмигѣ по древнѣйшему и по передѣлкѣ его Христаномъ) находимъ извѣстія о нашемъ предметѣ такого рода. *По легендѣ о Св. Людмиль*: «Sanctus Cyrillus graecis et latinis apicibus sufficientissime instructus, postquam Ungariam ad fidem Jesu boni convertisset, in nomine sanctae trinitatis et individuae unitatis Moraviam est ingressus, ubi omnipotenti Deo, cum eius adjutorio, non modicum populum acquisiuit. Inuentisque novis apicibus siue literis vetus et novum testamentum pluraque alia de graeco siue latino sermone in Sclauonicum transtulit idioma, missas caeterasque canonicas horas resonare sclauonica voce in ecclesia statuendo, quod usque hodie in Ungaria et in pluribus Sclauonorum regionibus observatur, multaeque ex hoc animae Christo Domino acquiruntur.» *По Христановой передѣлкѣ*: «Siquidem Quirillus quidam natione graecus, tam latinis quam ipsis Graecorum apicibus instructus, postquam Bulgarii crediderant, aggressus est in nomine Sanctae trinitatis et individuae unitatis etiam supra dictae genti, Moraviae degenti, fidem Domini nostri J. Chr. praedicare, et cooperante gratia diuina, postquam illos Christo lucratus erat, etiam apices vel *characteres novos comperit*, et vetus novumque testamentum pluraque alia de graeco siue latino sermone in Sclauonicum transtulit idioma, missas caeterasque canonicas horas resonare sclauonica voce in ecclesia statuendo, quod usque hodie in Ungaria et in pluribus Sclauonorum regionibus observantur, multaeque ex hoc animae Christo Domino acquiruntur.» Очевидно, что Сказаніе о Людмигѣ, ничѣмъ не обязанное Итальянскому Сказанію, служило, однако же, какъ замѣтилъ уже Добровскій, источникомъ для Сказанія Моравскаго и Христанова о Славянскихъ письменахъ и богослуженіи, съ тою, впрочемъ, разницею, что извѣстіе объ обращеніи Константиномъ Угрии въ Христіанство до прибытія своего въ Моравію, а также и о существованіи того и другаго въ ней и многихъ Славянскихъ земляхъ, прибавлено оттуда, а Христаномъ измѣнено въ извѣстіе о Булгаріи. Оно перешло, повторяю, и во

Вторую или Моравскую Легенду, по тому что Сказанія сіи (о Людмигѣ и Вячеславѣ) составитель ея имѣлъ въ виду при повѣствованіи о посольствѣ Константина и Меѳодія къ Ростиславу: «Egressus vero venit (Constantinus) primo ad Bulgaros, quos divina cooperatrice gratia sua praedicatione convertit ad fidem.» Еще больше: извѣстіе это находимъ даже въ 6-ти «*Lectiones de Cyrillo et Methodio*» въ древнемъ Оломуцкомъ Служебникѣ (ex veteri ms. Breuiario Olomuc.), слово въ слово почти сходно съ Христановымъ. Такъ и въ немъ читаемъ: «*Beatus Cyrillus natione Graecus, tam Latinis quam ipsis Graecorum apicibus instructus, postquam Wulgari crediderunt, aggressus est, in nomine sanctae Trinitatis et indiuiduae unitatis, etiam genti Moraviae fidem Domini nostri Jesu Christi praedicare. Et cooperante Diuina gratia, postquam illos Christo lucratus fuerat, etiam apices et characteres novos comperit, et vetus nouumque Testamentum, pluraque alia de Graeco seu Latino Slaunicam in linguam transtulit, ac missas praeterea ceterasque canonicas horas in Ecclesia resonare statuit. Quod et usque hodie in partibus Slauium agitur, maxime in Wulgaris, multaeque ex hoc animae Christo Domino acquiruntur.*» Это сходство объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, по замѣчанію Добровскаго (Cyrill. und Meth. §. 3), что всѣ три: Христанъ, Вторая или Моравская Легенда и этотъ Служебникъ, списывали только одинъ другаго: Служебникъ и Моравская Легенда Христана, а онъ Легенду о Людмигѣ, перемѣнивъ лишь «*Vulgarii*» въ «*Bulgarii*.» Вѣроятно, писавшій Житіе Людмилы зналъ уже о Житіи Климента, составленномъ однимъ изъ учениковъ его и сохранившемся на Греческомъ языкѣ, гдѣ именно сказано тоже самое, т. е., извѣстіе о пребываніи Константина и Меѳодія въ Булгаріи помѣщено прежде прибытія ихъ въ Моравію, что встрѣчаемъ также и у другихъ: продолжателя Константина Багрянороднаго, Скилицы, Кедрина, Дуклянскаго священника, Градиштскаго или Опатовицкаго монаха, въ Проложныхъ Житіяхъ Кирилла и Меѳодія, Несторовой Лѣтописи и др.; послѣдніе, впрочемъ, посылаютъ Кирилла изъ Моравіи въ Булгарію, но все же такъ посылаютъ въ нее.

Того же самаго значенія, то есть, какъ писатели, хотя не современные, но ближайшіе къ современнымъ, непосредственно слѣдовавшимъ за ними, сохранившіе воспоминаніе, или преданіе, старшихъ, были еще:

I. Въ *Чехахъ*: такъ называемый, *Сазавскій монахъ*, въ разсказѣ о св. Прокопѣ (основателѣ монастыря на рѣкѣ Сазавѣ, въ которомъ богослуженіе совершалось на Церковнославянскомъ языкѣ и въ которомъ онъ былъ игуменомъ (1035 года), равно какъ и въ разсказѣ объ его обители (уничтоженной изгнаніемъ монаховъ изъ Чехъ и отдачей монастыря ихъ Католикамъ 1097 г.). Тутъ сказано, что онъ зналъ Славянское письмо, изобрѣтенное св. Кирилломъ: «Tempore siquidem praefati Ducis Oudalrici fuit heremita *Procopius* nomine, natione Bohemicus de villa Chotun, *Sclauonicis litteris, a sanctissimo Quirillo Episcopo quondam inventis et statutis, canonice admodum imbutus, in seculo praesbiter eximius, honesta vitae et casta mysteria celebrans, postmodum infula monasticae parmatus professionis, solus cum solo Deo in fidei pignore inconuulsus deguit.*» Извѣстіе его составляетъ вставку въ лѣтописи Козьмы (*Script. rerum Bohem.*, ed. Pelcel et Dobrowski, I, p. 90) подъ 1038 г. Согласно съ егѣмъ монахомъ и другими Чешскими сказаніями и *Далмиль*, Чешскій писатель, или тотъ, кого подъ снмъ именемъ согласились Чехи разумѣть и относить къ 1282 — 1314 г., въ своей *Хроникѣ Чешской*, рассказывая въ стихахъ о крещеніи Боривою, упоминаетъ только, что онъ, не допущенный Святополкомъ къ столу, какъ язычникъ, тотчасъ:

«prosi krsta ot Svatoptuka moravského,
a ot Methodieie arcibiskupa velehradského.
Ten arcibiskup Rusin (въ др. Ruseńin, Rusky) biěie,
mšu svú slovansky stúžieše.
U Velehradie krsti Āecha prvěho,
Bořivoie knieze českého,
leta ot narozenie božieho
Po oami set po devietidsát ětvrtěho.»

Но объ изобрѣтеніи письменъ онъ рѣшительно ни слова не говоритъ (25).

II. Другой монахъ жилъ въ *Moravia*, въ половинѣ XII вѣка, и извѣстенъ подъ именемъ *Градишскаго* или *Опатовицкаго монаха*: онъ, приписывая обоимъ братьямъ изобрѣтеніе письменъ, называетъ ихъ Булгарскими (26): «*Hac ipsa tempestate Cyrillus et Methudius, inventis Bulgarorum literis, verbum Dei praedicaverunt Moravicis.*»

III. Къ этому же времени (1150 и слѣд. г.) относится и преданіе объ изобрѣтеніи нашей азбуки въ *Далмаціи*, записанное неизвѣстнымъ *Диоклейскимъ* или *Дуклянскимъ священникомъ* (*Anonymus presbyter Diocleas*) въ лѣтописи, первоначально составленной на Сербскомъ или Хорватскомъ языкѣ, а послѣ переведенной на Латинскій (27). Въ этой послѣдней сказано, что Константинъ, по обращеніи Козарской земли (*Caesarea*, про *Cosarea* или *Cosagia*), пошелъ въ Булгарію, которую тоже привелъ въ Христіанство: «*Post haec convertit totam gentem Bulgarinorum et similiter baptizati sunt in fide Sanctae Trinitatis;*» между тѣмъ, папа Стефанъ, слыша о такихъ подвигахъ Константина, пригласилъ его къ себѣ. На пути въ Римъ, онъ проходилъ черезъ землю, въ коей владѣлъ тогда Святополкъ, который принялъ его съ почестями и былъ обращенъ въ Христіанскую Вѣру. Между отбытіемъ Константина въ путь, по волѣ папы, и приходомъ къ Святополку помѣщено извѣстіе объ изобрѣтеніи имъ письменъ и переводѣ книгъ. Я приведу все это въ томъ видѣ, какъ оно находится у Дуклянца: «*Inter haec mortuus est rex Saramirus, et accepit regnum eius Sfetopelek nomine. Regnante vero rege Suetopelek, misit papa Stephanus litteras ad venerabilem virum Constantinum doctorem, vocans eum ad se: audierat enim de eo, quod sua praedicatione converti fecerat innumerabilem gentem, et ob hanc caussam desiderabat eum videre. Itaque Constantinus vir sanctissimus ordinavit presbyteros, et litteram lingua Sclavonica componens, commutavit Euangelium Christi, atque Psalterium, et omnes divinos libros veteris et novi Testamenti, de Graeca litera in Sclavonicam, nec non et Missam eis ordinans more Graecorum, confirmavit eos in fide Christi. Et valedicens omnibus, quos ad fidem Christi conuerterat, secundum Apostolicum di-*

ctum, Romam pergere festinabat. Dum autem pergeret transiens per regnum regis Sphetopelek, honorifice ab eo susceptus est. Tunc vir Dei Constantinus, cui nomen postea Kyrillus a papa Stephano impositum est, quando consecrauit eum monachum, coepit praedicare regi Euangelium Christi et fidem sanctae Trinitatis; ad cuius praedicationem rex Sphetopelek credidit Christo, et baptizatus est cum omni regno suo, et effectus est orthodoxus, et verus sanctae Trinitatis cultor. Aliquantis post haec diebus immoratus cum rege vir beatissimus, confirmauit eum in fide atque doctrina Christi; et valefaciens omnibus Christicolis, Romam profectus est (apud *Lucium: De regno Dalmatiae et Croatiae etc. Amstl. 1666, fol., 288 sq.*). Въ недавно открытомъ и изданномъ въ свѣтъ подлинникѣ етой лѣтописи, тоже самое рассказано по Славянски (по Сербски или Хорватски, т. е., нарѣчіемъ Далматскимъ), стихами (ст. 319—379), съ небольшими измѣненіями, каковы: вм. Suetopelek читаемъ *Budimir*, а послѣ оба являются, сперва Будимиръ, по ходу рѣчи, король Булгарскій, который отправляется въ Козарию, гдѣ принимаетъ его *Svetipuk*, государь ея, обращенный, какъ и Будимиръ, въ Христіанство Константиномъ, а потомъ (ст. 388 и слѣд.) *Svetipuka* виднмъ опять лицемъ особеннымъ, которое, какъ и у Дуклянца, позволяетъ Христіанамъ-Латинцамъ возвратиться въ свои мѣста свободно и возобновить города и крѣпости, разоренныя язычниками, и, наконецъ (ст. 428 и сл.), отправляетъ съ Будимиромъ посольство къ папѣ Стефану, съ просьбой, прилать учителей въ Вѣрѣ и т. д. Вообще, въ лѣтописи Дуклянскаго священника, какъ въ подлинникѣ, такъ и переводѣ, царствуетъ страшное смѣшеніе именъ и событій, Богъ вѣсть откуда взятыхъ и неразгаданныхъ. Въ ней часто происшествіе извѣстное и не подлежащее ни какому сомнѣнію ставтъ объ руку съ такимъ, которое, по всему, либо чистая выдумка, либо же, по крайней мѣрѣ, съ большею примѣсью изъ мутнаго источника родныхъ преданій, а не рѣдко привнесено составителемъ лѣтописи даже изъ чужой исторіи, и при томъ, большею частью, безъ должнаго различенія мѣста, времени, лицъ и т. п. Примѣръ тому смѣшеніе, какое видимъ въ приведенномъ мною происшествіи, въ коемъ собы-

тія Великоморавскія перепутаны съ Хорватскими , а отчасти и съ Козарскими, не говоря уже ничего о времени и лицахъ, каковы, на примѣръ, имя папы Стефана, сюда вовсе не принадлежащее , равно какъ обращеніе Святополка Константиномъ и т. п. Видно, что въ основѣ всего этого лежитъ истинное событіе , т. е., проповѣдь Константина въ Козарской, Булгарской и Моравской земляхъ , путешествіе въ Римъ къ папѣ (добровольно, или же по приглашенію), составленіе Славянскихъ писемъ и переводъ богослужебныхъ книгъ на языкъ Славянскій. Последнее не сказано прямо , гдѣ произведено имъ; можно догадываться только по ходу разсказа о мѣстѣ и времени, какъ это увидимъ въ послѣдствіи. Ясно, что и Далматскіе Славяне, зная и видя на самомъ дѣлѣ , какое благо для народа богослуженіе на своемъ языкѣ , но, съ другой стороны , не желая совершенно прервать всякое общеніе съ Западнымъ первосвященникомъ , скрѣпляемое какъ сосѣдствомъ , связями, такъ равно и временемъ, пытались примирить въ етомъ сказаніи столько противоположные основы и, такимъ образомъ , примкнуть и себя къ общему благодѣянію для Славянскаго племени, оказанному безсмертными трудами Селунскихъ благовѣстниковъ. Естественно, отъ стремленія совмѣстить столь несомѣстимое , должно было произойти смѣшеніе и несообразности въ разсказѣ. Тѣмъ не менѣе , цѣль очевидна , и попытка достигнуть ея не разъ повторялась послѣ тутъ же и тѣмъ же народомъ. Впрочемъ, замѣчательно, что въ Славянскомъ изложеніи етого сказанія «*lingua Sclauonica*» названа «*knjiga hãrvacka.*» «... i tada biše Papa Stipan, i posla listove ka svetu mužu Kostancu zovući ga k sebi, jere slišao biše, kako pripovidaše viru Isusovu, i da biše tolik puk obratio na viru Isusovu, i za to ga viditi želiše. I tako sveti muž Kostanc naredi popove i knjigu Hãrvacku, i iztumači iz gãrčkoga hãrvacku knjigu, hãrvacki iztumači evangjelja, i sve pištule crikvene, i tako staroga, kako novoga zakona, i učini knjige s papinim dopušćenjem, i naredi misu, i utvãrdi zemlju u viru Isukãrstovu, i vase prošćenje, i obrati k Rimu put svoj, koji mu pod posluh sveti zapovidan biše.... и пр. (ст. 334—333).» Слово книга употребляется въ Сербскомъ не только въ смыслѣ нынѣшнемъ , но также и въ старинномъ,

едва ли не первоначальному, т. е., въ смыслѣ буква, письмо, языкъ, и тому подобн., откуда теперешнее простонародное, Сербское, книга, наше письмо, грамотка. (См. Сербскія народныя пѣсьни, изд. Вукомъ Стеф. Караджичемъ и другими).

IV. Въ XI-мъ столѣтїи *Теома*, архидїаконъ *Сплитскій* (*Spalatensis*), передавая опредѣленіе Собора, держаннаго въ Салонѣ во второй уже разъ (въ первой 925 г.) противъ совершавшихъ службы Божїя на Церковнославянскомъ языкѣ, рассказываетъ, что отцы Собора, между прочимъ, по тому возставали на такое богослуженіе, что письмена-то етѣ были выдуманы, какъ они говорили, извѣстнымъ еретикомъ, Меоодиѣмъ, и назвали ихъ, конечно, по етой причинѣ, Готскими (28). «Fuerat siquidem tempore Domini Alexandri Papae et Joannis decessoris Laurentii supradicti, a domino Maynardo quondam Pomposiano Abbate et postea Episcopo Cardili, quaedam Synodus omnium praelatorum Dalmatiae et Chroatiae multum solemniter celebrata, in qua multa fuerunt conscripta capitula, inter quae siquidem hoc firmatum et statutum, ut nullus de cetero in lingua Sclavonica praesumere divina mysteria celebrare, nisi tantum in Latina et Graeca, nec aliquis ejusdem linguae promoveretur ad sacros. Dicebant enim Gothicas literas a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra Catholicae fidei normam in eadem Sclavonica lingua manendo conscripsit. Quam ob rem divino judicio repentina morte fuisset damnatus.» (*Archidiaconus Spalatensis*, ap. *Schwandtneri* Scriptores rerum Hungaricarum, III; *Farlatti*, *Illyria sacra*, III, и проч.).

V. *Бернардъ Креммонстерскій*, по замѣчанію Добровскаго (*Cyrrill und Method. § 9*), не выразумѣвъ словъ неизвѣстнаго сочинителя исторїи крещенїя Баварцевъ и Хорутанцевъ, обратилъ Рихвальда въ Освальда, а сказаніе своего источника о Меоодиѣ въ Паннонскомъ краѣ измѣнилъ въ слѣдующее: «Interjecto aliquo tempore supervenit quidam Sclavus ab Histriae et Dalmatiae partibus nomine Methodius, qui adinvenit slavicas litteras et slavice celebravit divinum officium et vile-

scere fecit latinum; tandem fugatus a Karantanis partibus intravit Moraviam ibique quiescit.»

VI. Извѣстный *Авентинъ* (собственно *Иоаннъ Турмайръ*, 1466 — 1534), основываясь на Западныхъ писателяхъ, тоже повторилъ только то одно, что вычиталъ въ своихъ источникахъ, а по тому, какъ большая часть ихъ, считалъ *Мееодія* составителемъ Славянскаго письма. «Eadem tempestate Methudius Philosophus Venedas (hoc est, Slavicas) invenit litteras vertitque divina oracula in vernaculum Slavorum sermone (Annal. Bojorum).»

Но если ни Востокъ, ни Западъ Европы не оставили намъ больше свѣдѣнй о такомъ важномъ, во всѣхъ отношенйхъ, событйи, каково было принятйе Христйанства отъ Грековъ изъ рукъ Солунскихъ благовѣстниковъ, на языкѣ новообращенныхъ и, естественное послѣдствйе того, составленйе особыхъ письменъ, за то сами *предки наши* вознаградили отчасти это упущенйе далеко просвѣщеннѣйшихъ себя сосѣдей, но дѣйствовавшихъ, въ отношенйи къ намъ, не всегда безпристрастно. Извѣстйя егѣ оставлены намъ самыми *сотрудниками Славянскихъ апостоловъ, а также преимкнуками и послѣдователями ихъ непосредственныхъ учениковъ*. Я разумѣю: 1) «Житйе и жизнь и подвизы, иже въ стѣхъ оца нашего Константина философа, прѣлаго наставника и оучителя Словянскоу изумоу; 2) Наматъ и житйе бжсенаго оца нашего и оучителя Мееодия, архидиа Моравьска.» Оба егѣ памятника не рѣдко встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ, слѣдовательно, хорошо были извѣстны предкамъ нашимъ; такъ, о первомъ говорится съ похвалою уже въ XI-мъ вѣкѣ, въ Сборникѣ 1076 г., принадлежавшемъ прежде Эрмитажной библиотекѣ, а теперь Императорской Публичной въ Петербургѣ (29): «Послоушати житйа стѣаго Василѣа и стѣаго Іоанна Златоустѣаго и стѣаго Кирилла фѣлософа и нѣхъ много стѣихъ, како и ти съирѣка поведомоу о нихъ речоуште: измлада принадлеакоу стѣхъ книгѣ, тоже и на доврамъ дѣла подвизакоушася» (стран. 7). Такъ, Несторъ извѣстйе свое объ изобрѣтенйи нашихъ письменъ и переводѣ книгъ и т. п., преимущественно, какъ увидимъ ниже, основывалъ на нихъ; такъ, все Житйе обоихъ Святыхъ просвѣтителей, находящееся

въ печатной Четви-Минеи, есть не иное что, какъ передѣлка Житія Кирилла; на это указываютъ и слова, выставленные тутъ же, на поляхъ: «Отъ разданныхъ харатейныхъ Четви сокращеннѣ.» Слѣдовательно, въ послѣднихъ находились оба Житія, особенно Кириллово. И точно: то и другое, сколько я знаю теперь, помѣщены, во первыхъ: въ извѣстныхъ большихъ «Макарьевскихъ Четвяхъ-Минеяхъ», въ которыя вошли, какъ я лично убѣдился въ томъ, многіе памятники, цѣликомъ списанные съ харатейныхъ рукописей; во вторыхъ: Житіе Меодія въ Четви-Минеи на апрѣль и май, принадлежащей Московской Духовной Академіи (бум. рук. въ листъ, полууст., № 94.); въ третьихъ: въ другихъ сборникахъ, о коихъ скажу ниже, и изъ коихъ нѣкоторые далеко идутъ назадъ въ древность. Какъ восхищался Житіемъ Кирилла Шлѣцеръ (въ своемъ Несторѣ II, §. 234 — 241, въ Руск. III, 567 — 578), извѣстнымъ ему только по печатному источнику, и по одному уже ему охотно отдавагь первенство нашей Четви передъ Латинской! Сдѣсь видѣнъ глубокій и проницательный его умъ, который угадывалъ источникъ повѣствуемому въ Житіи, утверждая, что въ немъ все далеко правдивѣе, чѣмъ въ «Acta SS,» не смотря на нѣкоторые промахи противу времени и т. п. Согласуясь въ существенномъ, — продолжаетъ Шлѣцеръ, — съ свѣдѣніями, доселѣ извѣстными, оно и противорѣчитъ онимъ во многихъ другихъ, а это указываетъ намъ на то, что сочинитель сего Житія заимствовалъ совсѣмъ изъ иныхъ источниковъ, нежели сочинители Латинскихъ Легендъ. За то, какъ промахнулся Добровскій, который, дѣлая свои замѣчанія на Шлѣцера Нестора, между прочимъ, выразился объ етомъ высокомъ уваженіи совѣстливаго ученаго къ нашей Четви-Минеи не совсѣмъ почтительно! Увлеченія безъ изслѣдованія ни куда не годятся и дѣлаютъ насъ смѣшными у самаго поздняго потомства. Какъ бы то ни было, только не ранѣе 1843 года обращено было на етѣ два памятника должное вниманіе ученыхъ статей ей, помѣщенной въ VI-й книжкѣ (стр. 406—434) «Москвитянина» (30) и принадлежащей одному изъ достойнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ профессоровъ Московской Духовной Академіи, который открылъ ихъ въ бумажной рукописи

XV-го в. (въ л.), находящейся въ библиотекѣ той же Академіи (31). Сдѣсь, въ первый разъ, сообщены изъ нихъ, въ лѣтописной послѣдовательности, выписки разнаго объема, сопровождаенныя историческими и археологическими разысканіями и замѣчаніями, обличающими въ сочинителѣ свѣтлый умъ, большую начитанность и во многомъ вѣрные приемы. Объясненія его нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ весьма удачны, а другія невольно вызываютъ къ новымъ поискамъ. Но, хотя то и другое Житіе составляетъ безцѣнный памятникъ общеславянской старины, предлагающій множество новаго для уясненія такой отдаленной древности, тѣмъ не менѣе, къ крайнему удивленію, онъ нашелъ издателя себѣ спустя только десять лѣтъ, и то не у насъ: равнодушіе, ни чѣмъ неизвинимое! Именно: въ 1-й части «Югославянскихъ памятниковъ» («*Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův*» или: «Изборъ Югославянскихъ достопамятностей», изданныхъ въ 1851 г. (32), въ Прагѣ, и содержащихъ въ себѣ древнѣйшіе письменные остатки Сербской словесности, Кириллицей писанные, обоихъ разрядовъ (Церковнославянскіе подъ вліяніемъ Сербскаго, и Сербскіе подъ вліяніемъ Церковнославянскаго). Изъ нихъ одно только Житіе Меводія помѣщено Шафарикомъ въ самомъ началѣ, по тому что Житіе Кирилла напечатано имъ тамъ по списку Рыльского Булгарскаго монастыря, взятому изъ рукописи Похвальныхъ словъ и Житій Булгарскихъ и Сербскихъ святыхъ, писанной грамматикомъ Владиславомъ, 1479 г., въ Жеглиговѣ, подъ Черною горой, въ Македоніи, слѣдовательно, извода Сербскаго, хотя, очевидно, какъ етотъ списокъ, такъ и прочіе (извѣстные доселѣ изводы, коихъ Шафарикъ насчитываетъ 6-ть, ему доступныхъ, кромѣ упомянутаго, и кои суть: Московскій Макарьевской Четы-Минеи; Львовскій 1-й XV-го в. Сербскаго разряда; Львовскій 2-й Рускаго разряда, находящійся въ монастырѣ св. Онуфрія; Римскій XVI—XVII ст. въ Ватиканской библиотекѣ, и Сѣвероугорскій пергаменный, но неполный, въ частныхъ рукахъ), составляютъ противни съ Булгарскаго подлинника. Такое предпочтеніе свое Сербскому изводу Шафарикъ основываетъ на томъ, что онъ принадлежитъ извѣстной странѣ, вѣку и представляетъ цѣлое съ начала до конца, чего въ

прочихъ онъ не видитъ. Древнія грамматическія формы во всѣхъ почти всюду замѣнены новыми; Московскій далеко больше содержитъ въ себѣ толкованій и порчи, нежели Владиславовъ, съ чѣмъ, однако, я не могу согласиться. Да если бы и такъ, все же онъ гораздо ближе, по складу своего языка, къ подлиннику, чѣмъ Сербскій. Львовскій 1-й не помню, 2-й совершенно передѣланъ по свойству Рускаго языка, и при томъ содержитъ вставку о владѣніи Моравскихъ князей на Руси, а Ватиканскій наибольшимъ подвергся передѣлкамъ. А какъ изданіе назначено предпочтительно для историческихъ, а не филологическихъ и подобныхъ, цѣлей, то, по тому, допущены были исправленія по другимъ спискамъ только самыхъ очевидныхъ промаховъ Сербскаго писца. Второе же Житіе помѣщено въ етѣхъ памятникахъ по списку, упомянутому выше, полученному издателемъ изъ Москвы, съ небольшими переиѣнами, не измѣняющими сущности ни мало (33). Давно уже оба етѣ Житія изготовлялись мною къ напечатанію въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ,» и при томъ по двумъ, доступнымъ мнѣ тогда, спискамъ; я предполагалъ было помѣстить ихъ въ одной изъ книжекъ 1848, или 1849, года, по открытіи въ нихъ особаго отдѣла для Славянскихъ матеріаловъ.

Раздѣляя мнѣніе Шафарика, выраженное имъ уже въ 1848 году, въ сочиненіи его: «Разцвѣтъ Славянской письменности въ Булгаріи» (34), о томъ, что первое изъ сихъ Житій составлено ученикомъ Солунскихъ братьевъ, Климентомъ (35), замѣчу, что, вчитываясь въ Житіе Кирилла и сличая со всѣмъ, извѣстнымъ мнѣ о немъ изъ другихъ источниковъ, я убѣдился, что и, такъ называемая Добровскимъ, первая или Итальянская Легенда, есть не что иное, какъ только сокращеніе этого Житія. Къмъ оно сдѣлано, навѣрное сказать нельзя, хотя нѣкоторые и приписываютъ ето Гавдеріку. Можетъ быть, епископъ Велитрскій воспользовался Житіемъ Кирилла, составленнымъ Климентомъ и, безъ сомнѣнія, ходившимъ по рукамъ у Славянъ западныхъ и южныхъ, изъ коихъ знающій могъ сдѣлать изъ него сокращеніе по Латыни; или же Гавдерикъ пользовался, для значи-

тельной части своего сочиненія, однимъ и тѣмъ же источникомъ, что и Климентъ, т. е., сочиненіемъ Кирилла: «Приникъ съ Магометаны и Жиды въ Козаряхъ», которое писано было по Гречески, а на Славянскій переведено Меѳодіемъ, раздѣлившимъ его на восемь словъ, и извѣстно намъ еще въ XII вѣкѣ подъ заглавіемъ: «Кирилъ Словѣнскыиъ», но теперь уже, кажется, исчезло: «Ѣ многа же мы се оукиръше, къ млатъ положихомъ седина, памати ради, а иже хощеть съкършеныхъ вѣсэдъ снхъ стыхъ искати, къ книгахъ его обратиеть а, еже праложи оуитель нашъ и архимитъ Мефодіи, братъ Константина философа, раздѣла м на осмъ словесехъ, и тоу оузреть словесноуе силоу Ѣ Бина влодати, яко и пламень палади на противыма», говоритъ творецъ Житія Кирилла, заключая црѣніе его съ Іудеями въ присутствіи Козарскаго Кагана (а не всѣ прѣнія въ Козаріи, по тому что они продолжались еще и на другой день). Существенныхъ прибавленій со стороны сократителя очень не много, а что лишняго противу Житія, относится болѣе къ случившемуся на Западѣ, слѣдовательно, привнесено, какъ дополненіе туземца. Если моя догадка справедлива, въ такомъ случаѣ всѣ свѣдѣтельства Западныхъ источниковъ, за исключеніемъ дипломатическихъ сношеній, т. е., посланій папы Іоанна VIII-го, перестаютъ быть первостепенными источниками, но переходятъ въ разрядъ второ-степенныхъ, которые, какъ составленные вольно со словъ другихъ, естественно, должны были, въ послѣдствіи, подвергаться дальнѣйшимъ измѣненіямъ. передѣлкамъ и тому подобному, что и видимъ уже на второмъ или Моравскомъ Сказаніи. Миѣ сдается, что первая или Итальянская Легенда находится точно въ такомъ отношеніи къ Климентову Житію Кирилла, въ какомъ нѣкоторыя изъ Сказаній о Меѳодіи, встрѣчаемыхъ въ нашихъ рукописныхъ Прологахъ. Или же тутъ правда на оборотъ, то есть, Славянское Житіе Кирилла составляетъ распространеніе Латинскаго, приписываемаго Гавдеріку? И это дѣло статочное. Кто ни будь изъ учениковъ Кирилла, или Меѳодія, вообще изъ современниковъ, даже нѣсколько близкихъ къ тому времени Славянскихъ книжныхъ людей въ земляхъ Славянскихъ Оракійскаго полуострова, имѣя въ рукахъ жизнеописаніе незабвеннаго про-

свѣдѣтеля и наставника своего племени на языкѣ, неслѣдующимъ для большинства облагодѣтельствованныхъ имъ, могъ рѣшиться оказать услугу эту предложениемъ онаго, дополнивъ его другими, извѣстными ему, данными, состоящими, большею частью, въ размноженіи второстепенными свѣдѣніями заключающагося уже въ разсказѣ. То ли, иное предположеніе болѣе справедливо, во всякомъ случаѣ неопровержимо чрезвычайно поразительное сходство обоихъ Житій между собою; отъ того заимствование одного у другаго яснаго самаго солнечнаго дня. Указать, кто тутъ кого списывалъ, при теперешнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ етѣхъ памятникахъ, рѣшительно невозможно.

Что до мнѣнія, высказаннаго тоже и тамъ же Шафарикомъ, о сочиненіи Житія Меѳодіева Моравцемъ Гораздомъ, назначавшимся имъ, по смерти своей, въ преемники (36), то съ онымъ я не могу согласиться, и вотъ по чему. Въ одномъ пергаменномъ Прологѣ Московскаго Успенскаго Собора, въ л., въ два столбца, уставомъ, по каталогу 1814 года, № 179, принадлежащемъ XII-му вѣку, между прочимъ, помѣщены (на стр. 192-й, во 2-мъ столбцѣ, и слѣдующ.): а) упомянутое выше Житіе Меѳодія, подъ заглавіемъ: «Мѣлаши въ ї дѣи памѣ и житію блженлаго оѣдѣлаши и оучителѣ Меѳодіи, архіеѣпа Моравскаго,» и, въ слѣдъ за нимъ: б) «Слово похвално на памѣ стѣша и прѣславныи оучителѣа Словацкѣскоу мѣшиноу, сътворшемоу (такъ!) писменѣи мѣшоу, прѣложшемоу шѣкам и вѣтъхѣи ханѣи въ мѣшии ихъ, блаженѣмоу Курілоу и архіеѣпоу Памоньскоу, и (такъ!) Меѳодію.» Послѣ второе встрѣтилось мнѣ какъ въ упомянутыхъ Макарьевскихъ Четьяхъ - Миняхъ, такъ равно и въ Четьи-Миней на апрѣль и май Московской Духовной Академіи, тоже названныхъ уже мною выше. Впрочемъ, въ Макарьевскихъ Четьяхъ оно помѣщено подъ 14-мъ февраля и 6-мъ апрѣля, и при томъ въ томъ и другомъ случаѣ непосредственно за самымъ Житіемъ, какъ бы необходимое сопровожденіе того и другаго, между тѣмъ какъ въ обѣихъ Академическихкихъ рукописяхъ, т. е., въ стои Четьи-Миней и бумажномъ сборникѣ, № 63-й,

XV-го в., Похвальное Слово слѣдуетъ только за Житіемъ Меодія (какъ и въ Успенской Четив на апрѣль). Уже одно такое непосредственное помѣщеніе этого Похвального слова за Житіемъ Меодія въ древнѣйшемъ ихъ спискѣ (XII-го вѣка), нѣкоторымъ образомъ, наводитъ на мысль, что оба они, вѣроятно, твореніе одного и того же лица. Вѣроятность эта обращается въ убѣжденіе, если сравнимъ слогу того и другаго, согласіе историческихъ данныхъ, въ нихъ высказанныхъ, на примѣръ: о правленіи Меодія въ званіи воеводы княженіемъ Словѣнскимъ, удаленіи его на Олимпъ, облеченіи въ черныя ризы, отреченіи отъ архіепископскаго сана и принятіи игуменства въ монастырѣ Полихронѣ (37); далѣе, о приходѣ въ Моравію, путешествіи въ Римъ, годѣ кончины Кирилла, возвращеніи къ Ростиславу, Святополку и Коцелу съ посланіемъ папы, и проч.; потомъ, сходство самыхъ выраженій: «кого же вса добрымъ дѣлан и подвигы прилагоуше сихъ оугодницяхъ по единомуу не постыднмъса, ѡвѣтъ бо рѣкъъ бѣ, оуѣтъ же мѣдѣи мѣнии, а друугънхъ болни, словеснѣмъ дѣтелю прѣспѣтъ, а дѣтелнѣмъ словѣмъ, всѣмъ бо са оуподобѣ, всѣхъ образъ на себѣ мѣлаше,» читаемъ въ Житіи о Меодіи, и то же въ Словѣ Похвальномъ о немъ, съ небольшою только перестановкою: «всѣмъ себѣ оуподобѣ, всѣхъ образъ на себѣ повоше, ѡвѣтъ рѣкъъ бѣкъ, ѡвѣтъ мѣнии, а друугънхъ прѣспѣтъ слаоу и дѣтелю и подвигъмъ, вѣснѣтъ яко сѣнце лоууамн притъуѣвамн и наздннѣмъ.» Придайте сюда сходство выраженій въ посланіи папы Адріяна II-го въ обѣихъ твореніяхъ. Конечно, въ Словѣ Похвальномъ посланіе это короче; но что сохранено, то сохранено дословно. Подобное же сходство встрѣчаемъ и въ другихъ твореніяхъ Климента, который, какъ обыкновенно водится за писателями, имѣлъ свои любимыя слова и обороты; такъ въ Житіи Меодія, по случаю жалобъ Нѣмецкаго духовенства на Меодія непріятелю Моравскаго короля (Карломану, къ владѣніямъ коего принадлежало княжество Блатенское, въ которомъ Меодій находился у Коцела, послѣ вторичнаго возвращенія своего изъ Рима; либо же это относится къ Людовику Нѣмецкому, отцу Карломана, правившаго еще при жизни Людовика (876) Хорутаніей и Пан-

нонїей съ властію королевскою), «нико изъ нашей области оутити,» говорили жалобщики, сочинитель выразился о причинѣ того: «но семь же стѣрши врагъ, злѣнѣннѣши доверу и протѣннѣши истинѣ, възденже сѣдѣе врагоу Моракьснаго корола намъ съ вѣстннѣ снѣтъ;» а въ «Похвалѣ стѣмъ Клименту патриарху Римску,» списанной «Климомъ испѣмъ,» говоря о поводѣ къ мученію св. Климента, онъ употребляетъ тѣже самыя выраженія: «решителъ же и злѣнннѣши доверу старѣи врагъ дѣмволаъ нлѣусти истѣри салгу своего лѣфнениа ил игемона, да скратитъ искорѣ бѣоуоужномъ шго житѣи (38).» Думаю, что и слѣдующее мѣсто изъ Житія св. Климента на Греческомъ языкѣ можетъ нѣсколько (отнюдь же не окончательно), при другихъ данныхъ, подкрѣпить мое мнѣніе о причисленіи Житія Меѳодіева къ твореніямъ Климента: «Σκοπὸν δὲ τοῦ βίου τὸν μέγαν ἐποιεῖτο Μεθόδιον, καὶ πρὸς ἐκεῖνον ἀπευθυνόμενος μὴ ἀποτυχεῖν ἠπειγέτο τε καὶ ἤθυετο, καὶ διὸν τινα πίνακα σοφοῦ τὴν τέχνην ζωγράφου τὸν ἐκείνου βίον καὶ τὰς πράξεις τῆς οἰκείας ἀγωγῆς προστησάμενος ἑαυτὸν ἐ ζωγράφει πρὸς τοῦτον ἐπιμελῶς. τὸν γὰρ τούτον βίον ὡς οὐδεὶς ἄλλος ἐγίνωσκεν, οἷα ἐκ νέου ἔτι καὶ ἀπαλοῦ ἐκείνω παρηκολουθητικῶς καὶ ὀφθαλμοῖς πάντα τὰ τοῦ διδασκάλου παρειληφώς (Vita S. Clementis, cap. XXII, p. 27, ed. Mikl.). Если етѣ слова снесемъ съ тѣмъ, что говоритъ сочинитель Житія Климента, въ слѣдъ за симъ, ниже о немъ, т. е., исчисливъ творенія его (Слова или проповѣди на праздники, Похвалы Богородицѣ, Иоанну Крестителю, Житія пророковъ, апостоловъ, страданія мучениковъ), спрашиваетъ читателя: «προθεῖς καὶ πατέρον ὁσίων ἀγωγὴν, καὶ ζηλωτῆς εἰ πολιτείας ἀσάργου μικροῦ καὶ ἀναίμονος; εὐρήσεις ταύτην Βουλγάρῳ γλώσση πονηθεῖσαν τῷ σοφῷ Κλήμεντι· φέρονται γὰρ ταῦτα πάντα παρὰ τοῖς φιλοπόναις σωζόμενα, τοῦτο μὲν εἰς πολλοὺς τῶν ἁγίων συντεθειμένα, τοῦτω δὲ τὴν πανάμωμον τοῦ θεοῦ μητέρα ἱκετηρῶις, εὐχαριστηρῶις, καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν, πάντα τὰ τῆς ἐκκλησίας, καὶ οἷς μνημαὶ θεοῦ καὶ ἁγίων φαῖδρύνονται, καὶ ψυχαὶ καταναυσοῦνται, Κλήμηις τοῖς Βουλγάρῳις ὑμῖν παρέδοκε;» то не можемъ подуматъ, что-бы онъ, столько старавшійся подражать ему во всемъ, опи-

сылавшій жизнь и дѣянія святыхъ мужей, равно какъ и восхвалявшій ихъ въ особыхъ Словахъ, оставилъ въ сторонѣ Житіе своего учителя и образца, не прославилъ его своимъ витійствомъ. Последнее, какъ видѣли уже выше, дѣйствительно сдѣлано было имъ какъ для него, такъ и брата его, Константина. При томъ, можно ли допустить, чтобы, написавъ отдѣльно «Ποηκαλοῦ σκατομοῦ Κυριλοῦ οἰκουμενικοῦ Σλοβѣνσкаго λημνοῦ» («святителя Климента епископа», сказано въ самомъ заглавіи «Похвалы» (39), и его «Житіе» (въ чемъ теперь, послѣ всего сказаннаго доселѣ, кажется, никто не усомнится), равно какъ такую же Похвалу обоимъ вмѣстѣ, онъ не сдѣлалъ того же самага и въ отношеніи къ Меодію, объ особенной любви къ которому биографъ его именно замѣчаетъ намъ? А если Слово Похвально Кириллу и Меодію вмѣстѣ, и отдѣльно одному первому, равно какъ и Похвала Клименту Римскому, составляютъ трудъ Климента, епископа Словѣнскаго, то само собою слѣдуетъ, что и Житіе Меодія, въ силу приведенныхъ сейчасъ доказательствъ, должно принадлежать ему же. Вообще, Славянскій Климентъ любилъ писать Похвалы или Слова Похвальные: это говоритъ намъ и жизнеописатель его, замѣчая, что съ него только появился «Βουλγάρων γλώσσα πανηγυρική.» Такъ: «Συνιδων δὲ τὸ τοῦ λαοῦ παχὺ καὶ περὶ τὸ νοῦσαι γραφὰς ἀτεχνῶς δερμάτινον, καὶ ἱερεῖς δὲ πολλοὺς Βουλγάρους δυσζυνέτως ἔχοντας τῶν γραμμικῶν ὧν περὶ τὴν ἀνάγνωσιν μόνην ἐνετρίβησαν γράμμασι, κἀντεῦθεν κτηνώδεις ἔντας, ὡς μὴ ὄντος Βουλγάρων γλώσση πανηγυρικοῦ λόγου, ταῦτα τοίνυν συνεγνωκῶς μηχανᾶται καὶ πρὸς τοῦτο, καὶ καθαιρεῖ τὸ τῆς ἀγνοίας τεῖχος τῷ μηχανήματι λόγου γὰρ συντεθεικῶς εἰς πάσας τὰς ἑορτὰς ἀπλοῦς καὶ σαφεῖς καὶ μηδὲν βαθὺ μηδὲ περινενοημένον ἔχοντας, ἀλλ' οἷους μὴ δεαφεύγειν μηδὲ τὸν ἡλιθιώτατον ἐν Βουλγάρους, διὰ τούτων τὰς τῶν ἀπλουστέρων ψυχὰς ἐθρέψατο γάλακτι ποτίσας τοὺς μὴ δυναμένους στερεωτέραν τροφήν προσήμασθαι, καὶ Παῦλος ἄλλοις τοῖς Βουλγάρους Κορινθίοις ἄλλος γενόμενος· δι' αὐτῶν γὰρ τῶν τε Χριστοῦ καὶ ἐπὶ Χριστῷ τελουμένων ἑορτῶν ἔξῃσι μαθεῖν τὰ

μυστήρια καὶ τῆς πανάγνου Θεοτόκου ταῖς μνήμαις πολλάκις, ὡς ἴστε, γινομέναις τοῦ ἔτους ἔγκώμια καὶ διηγήσεις τῶν περὶ αὐτὴν θαυμασίων διὰ τῶν λόγων ἐκείνων ὁ Κλήμης περιλοτήμῃται· οὐδὲ τὸν Βαπτιστὴν εὐρήσεις ἀνεγκωμιάστον, ἀλλὰ καὶ τὰς τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ θαυμαστάς εὐρέσεις μαθήσῃ, καὶ προφητῶν καὶ ἀποστόλων ἐντεύξῃ βίαις καὶ περιόδοις, καὶ μαρτύρων ἀθλοῖς πτερωθήσῃ πρὸς τὸν ἐκείνου διὰ τοῦ αἵματος αὐτοῦ προσλαβόμενον (caput XXII).» Да и творенія его, дошедшія до насъ (40), тоже самое подтверждаютъ. Въ нихъ встрѣчаемъ (сколько доселѣ извѣстно) 9-ть Похвальныхъ словъ и только 4 Поученія, да два Житія (всего 15-ть), хотя, какъ видѣли выше, и етѣхъ послѣднихъ написалъ онъ много (41). Сочинитель статьи о Кириллѣ и Меѳодіи (въ «Москвитянинѣ» 1843 г.) первый, основываясь на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ и выраженій, въ Житіяхъ обоихъ святыхъ встрѣчаемыхъ, сказалъ, что они принадлежатъ одной странѣ и одному времени, но отнюдь не утверждалъ, чтобы были произведенія одного лица, какъ это полагаетъ Шафарикъ (въ предисловіи къ Житію Кирилла, стр. IV): вѣроятно, онъ вывелъ такое заключеніе изъ образа выраженія сочинителя, употребившаго слово «жизнеописатель» одинаково о томъ и другомъ Житіи, такъ что легко можно было подумать, будто онъ считаетъ виновникомъ ихъ кого либо одного (стр. 405 — 409). За то, первый, подавшій голосъ въ пользу принадлежности етѣхъ Житій одному лицу, былъ В. М. Ундольскій, поставивъ ихъ въ числѣ твореній Климента Словѣнска въ письмѣ, писанномъ ко мнѣ въ мартѣ 1848 г., и напечатанномъ мною въ предисловіи къ «Славянорусскимъ сочиненіямъ въ пергаменномъ сборникѣ покойнаго И. Н. Царскаго» (въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», 1848 г., кн. VII, стр. XI). Разумѣется, и онъ, какъ и я, имѣлъ на то достаточныя причины, которыя не мѣсто было ему излагать тогда въ упомянутомъ письмѣ, содержаніе котораго преимущественно составлялъ рассказъ объ открытіи имъ твореній Климента (когда и какъ), вызванный моимъ къ нему о томъ вопросомъ.

Но такъ ли, иначе, только въ Житіяхъ Кирилла и Меѳодія встрѣчаемъ весьма важное свидѣтельство о нашемъ предметѣ. Пригласивъ Константина въ собраніе, нарочно составленное по случаю посольства отъ Ростислава, князя Моравскаго, царь Михаилъ «призва Константина философа, и сътвори и слышати рзѹ съю, и рече: възь та троуденъ соуци, философе, но достонѣ тебѣ тамо ни, сѣа бо рзѹи не можеть ниѣ никто же испракити, ино же ты. Ѣвѣща же философъ: и троуденъ съ тѣломъ и болешъ, радъ идоу тамо, аше иноуѣ боуиен въ ѡзымъ свои. и рече црѣ къ нему: дѣдъ мой и ѡцѣ мой, и ниѣ мнози, и скѣше того, не обрѣаи соуѣ, то како азъ то могу обрѣсти; философъ же рече: то кто можеть на водѣ бесѣдоу написати, или бретнѹсно има сѣбѣ обрѣсти; Ѣвѣща سموу пѣны црѣ и съ Вардою оуемъ своимъ: аше ты доуиши, то можеть Бгѣ тебѣ дати, иже дати всемъ, иже просати несоумнѣемъ и ѡбръзаетъ тѣлкоуцимъ. шедъ же философъ по ирѣкѣмоу обмыаю на молитвоу сѣа иложи и съ низми сънесѣшшимы, къснорѣ же сѣа سموу Бгѣ ики, послонѣша молиткы рѣзъ своихъ, и аше сложи писмени, и илаѹа бесѣдоу писати евангелъ سموу: и сконни бѣ слово, и слово бѣ оу Бга, и Бгѣ еѣ слово, и проум.» И въ посланіи Михаила къ Ростиславу, приведенномъ тутъ же въ слѣдъ: «и посла и съ дары многи, написавъ къ Ростиславоу еписистолю сице: Бгѣ, иже велитъ всакомоу, дѣи въ разоумъ истинныи пришелъ и на больши сѣа униѣ стажѣлъ, индѣкъ итроу твою и поденгъ, сътвори и шыиѣ въ наша дѣта, шѣа въ боуиен къ вѣшъ ѡзымъ, его же не бѣ дѣно было, томо въ перѣла дѣта, да и вы ирѹтетеса велицѣхъ ѡзыцѣхъ, иже сѣакѣтъ Бга своимъ ѡзымомъ.» А въ Житіи Меѳодія нѣскольکو короче разсказывается это событіе: «тѣгда црѣ Михаилъ рече къ философѹ Константину: слышнши аи, философе, рзѹ съю (посланіе Ростислава); ниѣ сего да не можеть сътворити, рѣзѣ тебе. тѣ на ти дары мнози, и номъ братъ свои, игоуменъ, Мефедни, иди же. вы бо иста Селоуианиа, да Селоуиание вси (въ другихъ списк.: «все») иусто Слоуѣнскии бесѣдоуѹють. тѣгда не съмѣстѣса Ѣрѣни ни Бга, ни црѣа, по словеси стѣо илаѣ Петра, ино же рече: Бѣа вонтеса, црѣа уѣтѣте. иѣ вели(коу) слышавѣша рзѹ, на молитвоу сѣа иложиста и съ низми, иже вѣахоу того же дѣа, его же и си, да тоу ики Бѣ философоу Слоуѣнскии книги, и абиѣ оустроиѣши писмени и бесѣдоу съставѣа, поути сѣа итѣ Моравскаго, номъ Меѳодни.»

Но, доказывая принадлежность Месодіева Житія одному и тому же лицу съ сочинителемъ Житія Кириллова (40), я, съ тѣмъ вмѣстѣ, назвалъ уже и *третій отечественный источникъ* для изслѣдуемаго мною дѣла, т. е., «Слово похвальное на память стѣша и прѣславныхъ оучителема Словѣнскоу музикоу, сътворшеша писменъи мноу, прѣложшеша поѣти и вѣдѣхъи законъ къ музикѣ ихъ, блаженому Кирилоу и архидіакоу Павловскоу Месодиу,» въ которомъ больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ памятникѣ, говорится объ етомъ, хотя, по самому свойству сочиненія, безъ всякихъ дальнѣйшихъ подробностей. Такъ, выслушаемъ все это. «Законъ же Бжии соудуею прѣложша, къ поѣти музикѣ прѣдста, и писмена сътвориша мноу.... слоудъ и проповѣдателя мѣстася, аѣлоу соупроужьника, изъ тоже дѣло изъбраша. ирѣсъ мѣстасю на рамоу своєю къспримѣша, късю къселѣбноую оудоста, испѣлаюуща оученикъи та мѣста.... по тѣмъ же стовѣмъ и си ходѣша и того же дѣла напоужа ѿ Бжї, томоу же словеси къста проповѣданна и новамъ дѣла, не на тоужемъ основании своѣ дѣло полагающа, ихъ изнова писмена въокражшя, и съвършѣста къ музикѣ поѣтъ.... Упомянувъ о проповѣди ихъ въ Срацинѣхъ и Козарѣхъ, гдѣ «къ соборѣхъ срацинѣстѣхъ и жидовскѣхъхъ обрѣтъшася, своимъи имъ книгамъи и музикѣмъ, Бохминтоуки блди и жидовскоую злобоу доуховьнѣхъи метъмъ ѿстишя, потребѣста, аю пѣвель,» духовный витія обращается къ тому, какъ они «спридоѣста ѿтоуду на западѣхъи страни, къговѣстѣствоующа слово Бжїе къ музикѣ поѣтъ, и къса црквиьнѣхъи законъ прѣложша ѿ Гръцъскаго, къ своимъ музикѣ прѣдста, трамъзѣтънѣкомъ же зълѣоу изъзѣожшя, потребѣста, ико пѣвель ѿ пѣвельнѣхъи ѿрафѣшя, ти уисто цркви и свѣтообразно жито прѣдста. къ западѣхъи же странахъ Павловѣстѣхъи Моравскѣхъи странахъ, шю сѣици къспимѣшя, ирака грѣховьнѣхъи ѿгънанъшя, ирѣскѣтѣста боужькѣамъи, и илоуушя оученикъи црквиьномуу уиноу испѣлѣнъ.» Наконецъ, припомнивъ епистолю папы «къ кнѣзѣмъ страни томъ (Ростислакоу, и Сѣопѣлкоу, и Коцѣлоу),» приводитъ изъ нея, между прочимъ, слѣдующія слова: «къспимъ вѣрѣта нашего, устьмънѣго Месодимъ сѣвѣна на архидіакоу на страни ваша, мно же есте просили оу насъ, да къи оучитъ, къ музикѣ прѣлагамъ книги, да са испѣланитъ прѣрусноу слово, мно же рѣша: хвалѣте Гжї всѣи музѣици, и похвалѣте его вси людѣе,» и проч. Сюда

же должно отнести и «Похвалоу святому Кирилоу, оучителю Словянскоу азыкоу, сътвореноу Климентомъ Епископомъ.» Въ этой «Похвалѣ,» однако, рѣчь о нашемъ предметѣ ведется только стороною. именно: «Словянскоу же азыкоу, въ неразрочіи и мрѣцѣ грѣховнѣ соущоу, милостію и услоукомлюемъ Гдѣмъ нашимъ Ісѣмъ Хрѣтомъ явленъ бысть пастырь и оучитель, ниже затѣе оуста нико двомъ тридцатымъ еретикомъ, иже завистію омрачашася и глаголахоу: недостонтъ имъ азыкомъ салвти Кѣга, токмо Жидомъ, ти Роумомъ, ти Еллинномъ, принудитици са злобою Пылатоу творѣще, ихъ же блади разори исними притудами, пала сндою престѣго Дѣха, преложи и весь чернокны оустакъ отъ Греускаго на Словянскіи азыкѣ.» И ниже: «Кое бо мѣсто оукрѣса, его же не освати столпни своимн; или же ли хитрость оутантса блаженныа его дѣшл; всякъ бо азыкомъ сокровенныа тѣмъ бо извѣстѣхъ словесныхъ разоумно исповѣдаа смизл, овомоу писменны, овомоу оученіемъ.... Напоследокъ: «или же боготканнымъ вѣнцемъ оукѣзе многоплодилго азыка Словянска, томоу бо съ ковыи апостолѣ посланиъ бысть, отъ тѣхъ оубо оустѣ истееу источникъ животныхъ словесъ, напѣна пресохшою соухотоу нашу (стр. 29).»

Четвертое свѣдѣтельство составляетъ «Нѣкиъ прозвѣтеръ Ексархъ Българскыи,» въ «Прологѣ» къ «прѣложенію, прѣподобнаго уърворизьца и прозкоутерк Нолниъ Дамаскинска, слова о правнѣ вѣрѣ.» или къ «Книгѣ Месеса,» иначе «Богословію.» Онъ жилъ, по соображеніи всѣхъ мѣстъ, встрѣчающихся о немъ въ твореніяхъ его, въ правленіе Булгарскаго царя, Симеона (888—927), занимая весьма важное званіе ексарха, означавшее, по древнему объясненію, намѣстника патріаршаго, обязанностию коего было наблюдать за сохраненіемъ церковнаго порядка, посредничать между Церковью своего народа и верховной духовной ея главой. Я не думаю, чтобы нашего Іоанна можно отождествить съ Іоанномъ пресвитеромъ, упоминаемымъ въ посланіи папы Іоанна VIII-го, 879 года, къ Великоморавскому Святополку, котораго етотъ послѣдній отправилъ было къ нему по дѣламъ вѣроисповѣднымъ, и отъ котораго папа узналъ о сомнѣніяхъ его въ Правовѣрїи: «Quod autem, sicut *Johanne presbitero vestro*, quem nobis misistis, referente didicimus, in recta fide dubitatis, etc. (Epistola 201, pag. 77, ap. Boczek, Codex diplomat.

et epistol. Moraviae, № LVIII, I, pag. 41).» Это тотъ самый пресвитеръ Іоаннъ, котораго Святополкъ, какъ я сказалъ уже однажды, и какъ основательно замѣтилъ сочинитель «Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in-Maehren und Boehmen» еще въ 1849 году, употребилъ было уже разъ, тоже въ сношеніи своемъ съ королемъ Нѣмецкимъ, Людвикомъ, 874 г., и извѣстенъ подъ именемъ «Johannes de Venetiis». Стало быть, Іоаннъ Ексархъ вовсе не былъ въ Моравіи. Калайдовичу простительно было сблизать егѣхъ Іоанновъ между собою, но въ наше время подобныя промахи не нѣе извинительны (43). Чтобъ удержатъ старое мнѣніе, нужно опровергнуть новое, противоположное ему, тѣмъ болѣе, когда оно высказано до нашего труда въ такомъ сочиненіи, которое прямо относится къ предмету, изслѣдываемому нами, и не принадлежитъ къ разряду дюжинныхъ явленій. Незнаніе о существованіи етого изысканія—не извиненіе, по тому что изслѣдователь прежде всего долженъ знать, что было сдѣлано до него по предмету, занимающему его. Возвращаясь къ Ексарху, замѣчу, что онъ предпочтительно отличился переводами съ Греческаго, къ которымъ, однако, составлялъ свои дополненія, объясненія, введенія и тому подобное. Видно, что онъ въ особенности любилъ Іоанна Дамаскина, коего перевелъ Богословіе, Философію, Грамматику Греческаго языка, съ приспособленіемъ къ Славянскому, равно какъ св. Василія и Северіяна Габальскаго Шестодневъ или толкованіе первыхъ главъ книги Бытія о сотвореніи міра; кромѣ того, оставилъ нѣсколько собственныхъ поученій на праздничные дни. Извѣстно изслѣдованіе о немъ незабвеннаго труженика на полѣ древней нашей словесности, К. Θ. Калайдовича, изданное у насъ ровно 30 лѣтъ назадъ; къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ доселѣ свидѣнія наши объ Ексархѣ и знакомство съ твореніями его ни на волосъ не подвинулись впередъ. Въ упомянутомъ сочиненіи помѣщены только для образца, отрывки изъ Ексарховыхъ сочиненій (числомъ 9-ть), и при нихъ нѣсколько (3) отрывковъ изъ другихъ старинныхъ памятниковъ, а частію вполнѣ нѣкоторыя небольшія сочиненія (5-ть); все это сопровождается множествомъ примечаній (119), въ которыхъ разбросаны самыя любопытныя

писки изъ старинныхъ рукописей и иногда довольно удачныя догадки и объясненія; сверхъ того, въ концѣ довольно палеографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ чрезвычайно отчетливо. Это—наше первое замѣчательное археолого-филологическое сочиненіе, имѣвшее у насъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, впрочемъ, извиняемыхъ временемъ, самое благотворное вліяніе на изученіе родной старины. Вотъ, однако, что Эксархъ говоритъ, въ упомянутомъ выше Прологѣ къ «Богословію» или къ «Книгѣ Небесн.» о нашемъ предметѣ (44): «Помже оубо сватыи челоувѣкѣ Бѣни Къстатинѣ философѣ река, многы труды прии, строи писмена Словѣтскихъ книгъ, и отъ евангелна и апла праллака изборо. ианко же достиже, жити въ мнрѣ семь тмынѣмъ, толико же преложъ. престоупи къ бескомъльтии (по другимъ спискамъ, въ Синодальномъ же неправильно «въ бескомъцѣ и») свѣтъ, приати дѣла сконхъ мздоу, съ симъ же (по другимъ списк., въ Синодальномъ «съ сими же») съ и остлѣвъ его въ жити семь, великии Бѣни архиепископуи, Мефодии, братъ его, преложн вса оустлѣвныи книги .ѣ. отъ Сливьска азъика, иже есть Гръцьскъ, въ Словѣтскъ».

Пятый отечественный источникъ: «О писменехъ, урѣзорица Храбра (45), или «Сказаніе, како състави стѣи Кирилъ Словѣномъ писмена противюу языкоу» (46). Только по первому заглавію узнаемъ имя и званіе сочинителя, между тѣмъ какъ въ другомъ того не находимъ. Конечно, оба заглавія принадлежатъ не самому писателю, но сдѣланы послѣ, и первое, кажется, должно признать древнѣйшимъ, когда еще извѣстно было, кому именно сочиненіе это приписывалось. Разсматривая Сказаніе о составленіи Кирилломъ Словѣнскихъ писменъ, видимъ, прежде всего, что оно *не есть* самостоятельное *цѣлое*, писанное съ желаніемъ передать потомству это событіе, но что оно, напротивъ, часть другаго сочиненія, вѣроятно, въ тѣсной связи съ нимъ бывшаго. На это указываетъ уже самое начало Сказанія, въ которомъ второе слово: «оубо,» послѣ «прежде» («Прежде оубо Словѣне не имѣхъ книгъ» (или, по другимъ, «писменъ»)), какъ частица заключительной-окончательная (*igitur, itaque etc.*), прямо указываетъ собой на связь послѣдующаго съ предыдущимъ, т. е., того,

что послѣ него слѣдуетъ, съ тѣмъ, что передъ нимъ говорилось. Далѣе, сочиненіе сіе не было единственнымъ трудомъ Храбра объ этомъ предметъ; по крайней мѣрѣ, изъ словъ его: «сѣть же и нини откѣти, аже ниде реуемъ, а нини нѣсть вѣтмѣ», можно заключать, что онъ собирался еще разъ говорить о немъ. Время сочиненія открывается изъ самаго содержанія его и нѣкоторыхъ выраженій. Въ немъ сочинитель, рассказывая о происхожденіи письменъ у Славянъ, впереди всего выставляетъ, что они въ язычествѣ не имѣли книгъ, употребляя только черты и рѣзи, а по крещеніи начали, по нуждѣ, пробиваться Римскими и Греческими буквами, какъ пошло, по тому что не было еще до того изобрѣтено ни какого строя письменнаго, другими словами: не было знаковъ, приравленныхъ къ ихъ звукамъ, къ природѣ языка ихъ. «Прежде оубо Словяне не имѣхъ книгъ, нѣ урѣтами и рѣзми урѣхъ и глѣхъ, погани сѣще, крѣстнишесѣса, Римскими и Грѣцкими писмени наждахъса писати Словѣмъскъ рѣчь безъ оустросина». За сими слѣдуютъ примѣры въ доказательство недостаточности обыкновенной Греческой азбуки для выраженія Славянскихъ словъ (губ. в, шип. и свистящ., мягкихъ гласныхъ и согласныхъ, полугласныхъ и носовыхъ). Неустройство это прекратилось съ изобрѣтеніемъ знаковъ для Славянскихъ звуковъ Кирилломъ Философомъ, частью взятыхъ имъ просто изъ Греческой азбуки, а частью новыхъ,—согласно съ свойствами Славянской рѣчи: «По томъ же ушколюбѣць Кѣ, строанъ вѣса и не оставата уѣуа рода безъ разоумѣ, нѣ вѣса къ разоумоу прикода и сплсемню, пошнѣолакъ родѣ Словѣмъскъ, посла имъ сѣаго Костянтина философа, наричаемаго Кирила, мажа праведна и истинна, и створи имъ писмена тридесате и осми, ока оубо по умноу Грѣцкимъ писменѣ, ока же по Словѣмъскѣ рѣчи» (первыхъ 24, послѣднихъ 14, всѣхъ же 38). Послѣ этого сочинитель обращается къ возраженіямъ, изъ коихъ первое противу числа письменъ: «а можетѣса и меньшимъ того писати» (меньшимъ числомъ знаковъ), подобно Грекамъ, и отвѣчаетъ, что етѣми буквами «не маляшѣтѣса книги ихъ» (Грековъ), а по тому, нужно было добавить къ нимъ еще 15-ть (11 доегласныхъ, да 3 для чиселъ), что и составило всѣхъ 38, именно, столько, сколько и для Славянъ понадобилось: «етѣмъ же томоу подобно и къ тѣмъже

образъ створи стми Кирилъ тридесате писменъ и осмъ.» Второе, противу возраженія: «Уесомоу же сать Словѣнскы писмена (книгы)?» Вѣдь ихъ не сотворилъ Богъ, или ангели, ни они «ниде отъ коиа сать (искоини) какъ Жидовскія, Римскія и Еллинскія, принятыя самимъ Богомъ, повелѣвшимъ только на сихъ трехъ языкахъ «книгамъ быти», и освященныя надписью на крестѣ Спасителя? На етогъ вопросъ, какъ извѣстно изъ Жизнеописанія Кирилла и Меѳодія и подлинной переписки папы Иоанна VIII-го, поднятый Латинско-Нѣмецкихъ духовенствомъ, противнымъ Славянскому богослуженію, и составлявшій, по видимому, самое неопровержимое доказательство ихъ, сочинитель Сказанія о писменехъ Словѣнскихъ отвѣчаетъ, вооружась всею своей ученостью «отъ стыхъ книгъ, яко же илючичомсѧ,» и называетъ его безумнымъ: «Къ тамъ уто глаголемъ, или уто речемъ изъ тѣмъ безоумнымъ?» Тутъ ясно слышится голосъ чловѣка, если не современника самому событію, то весьма близкаго къ нему, когда пылъ страстей еще не совсѣмъ было погасъ. Богъ,—говоритъ онъ,—всякой вещи назначилъ свой рядъ; не етъ языки были первобытными, но «Сирьскы, ны же и Адамъ глагола;» по смѣшеніи же языкъ, «са размысиша и ирѣки, и обычае, и оуставы, и закони, и хитрости изъ азыки;» каждому народу дано свое: «Египтянамъ землемѣріе, Персамъ, Халдеямъ и Ассиріямъ звѣздохетство, волхвованіе, врачеваніе, и всѣ хитрости чловѣчскія; Евреямъ—Святыя книги, а Еллинамъ—грамматикы и философи.» Прежде они не имѣли своихъ письменъ, но употребляли Финикійскія, что длилось много лѣтъ. Тутъ опять слѣдуетъ разсказъ о постепенномъ изобрѣтеніи Греческихъ буквъ, съ указаніемъ на самыхъ изобрѣтателей: Паламидъ нашель 16-ть, Кадмъ 3, Симонидъ 2, Епихарій 3, что и составило 24, къ коимъ, спустя довольное время, Діонисій грамматикъ прибавилъ еще 6-ть двогласныхъ, за нимъ кто-то другой 5, и, въ заключеніе, три для числительныхъ («численица»), всего 38; по томъ опять прошло очень много лѣтъ, когда переведено было и Священное Писаніе 70-тью мужами съ Жидовскаго на Греческій. Между тѣмъ какъ столько времени и лицъ потребовалось для составленія Греческой азбуки и перевода слова Божія, для Славянъ одинъ лишь чловѣкъ все ето сдѣлалъ, и при томъ въ самое короткое вре-

мя, *книга*: «а Словянскими книги единъ стъи Костантинъ, нарицаемыи Кирилъ, и писмена нмѣи створи и книги прѣложи въ мѣстѣхъ лѣтѣхъ.» Тамъ трудились многіе и много: 7-мь надъ письменами и 70-тъ надъ переводомъ, сдѣсь же одинъ, и не долго: «а они мнози многы лѣты, семь ихъ писмена оустри, а седмьдесятъ прѣложени;» по сему, «Словянская писмена стѣши сѣтъ и уставиша, стъ бо мѣжь створиаъ и кестъ, а Гръцкая Еллина погани.» Но, скажутъ, — продолжаетъ далѣе Храбръ приводить возраженія противниковъ, конечно, своего и предшествующаго времени:—«Не хорошо, де, устроиъ, по тому что все еще построяютъ ихъ;» на это отвѣтимъ: и Греческія тоже долго и нѣсколько разъ строились, на примѣръ, Акилла, Симмахъ и многіе другіе: легко послѣ добавлять къ тому, что уже разъ сдѣлано, перестраивать: «оудове бо есть послѣжде потворити, неже прѣвое створити.» При томъ, многіе ли изъ Грековъ знаютъ имена изобрѣтателей своихъ письменъ и время изобрѣтенія имъ? Напротивъ, Славянскіе книжники всѣ вѣдаютъ составителя ихъ буквъ и переводчика книгъ; да не только имя его, но и время, даже государей, въ правленіе конхъ это случилось, по тому что еще живи тѣ, которые видѣли изобрѣтателя и брата его, помощника: «Аще бо въпросиши книгъуна Гръцкая, гла: кто вы есть писмена створиаъ, или книги прѣложилъ, или въ кое время; то рѣдѣи отъ нихъ вѣдати. Аще ли въпросиши Словянскими боукара, гла: кто вы писмена створиаъ есть, или книги прѣложилъ, то вси вѣдати, и откѣдѣше рекътъ: стъи Костантинъ философъ, нарицаемыи Кирилъ, тѣи мѣи писмена створи и книги прѣложи, и Меодие братъ его. сѣтъ бо еще живи, неже сѣтъ видѣли ихъ. И аще въпросиши, къ кое время; то вѣдати и рекътъ, яко въ времена Михила цѣа Гръцка, и Бориса княза Българска, и Растица княза Моравска, и Коцеа княза Блатьска, въ лѣто же отъ създавѣи всѣго мира .лѣтѣхъ.» Слѣдовательно, выраженія, первое: «нмѣи створи», принадлежащее списку монастыря св. Саввы, въ Далмаціи, и второе: «сѣтъ бо еще живи, неже сѣтъ видѣли ихъ,» находящееся въ спискѣ библіотеки Московской Духовной Академіи, прямо опредѣляютъ время написанія Храброва Сказанія. Если бы кто назвалъ етѣ мѣста вставкой, то, во первыхъ: вставка эта сдѣлана очень рано, при томъ, «тѣми, кои имѣли

причины догадываться о времени, когда жилъ Храбръ, или, быть можетъ, и знали о томъ изъ другихъ источниковъ,» какъ дѣльно замѣтилъ уже его издатель Храброва Сказанія по Савинскому списку (стр. 31—32); во вторыхъ: къ чему предполагать такой подлогъ? Ссылка, влагаемая другими въ уста сочинителя о томъ, что составленіе Славянской азбуки произошло почти въ наши дни, по тому что много еще въ живыхъ, лично знавшихъ виновниковъ ея, ни къ чему не могла пригодиться вставщикамъ, такъ какъ сущность дѣла отъ того и безъ того ни мало не измѣнилась. Это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣхъ прочихъ спискахъ слова сіи пропущены, конечно, по тому, что они казались уже переписчикамъ етѣмъ не современными, а по тому и не идущими прямо къ дѣлу. Да притомъ, слова, слѣдующія за тѣмъ: «и аще въпросиши, въ кое время; то вси вѣдати не рекъати,» нѣкоторымъ образомъ, указываютъ уже на недавнее еще время составленія Славянскихъ письменъ; въ противномъ случаѣ «Славянскіе букари,» какъ выражается Храбръ, то есть, люди книжные (знакомые съ буквами или письменами, слѣдов., письменные, какъ говорятъ въ Малороссіи, или грамотные, какъ величаютъ ихъ въ Великороссіи; по Хорут. буква, букъ дерево, а букве, им. мн., книга, откуда búkvica, книжка), не могли бы, конечно, помнить о томъ, ибо по недавности письма и, стало, рѣдкости его, книжное дѣло было не въ большомъ ходу, записки о томъ, если и существовали, не успѣли еще распространиться до того, чтобы говорить о времени изобрѣтенія азбуки по нимъ, а не по преданію, изустной памяти.

Однако, если мы теперь узнали время составленія Храброва Сказанія о нашихъ письменахъ, т. е, что это было, по всему вѣроятію, X-е столѣтіе (47), все таки свѣдѣнія наши о самомъ Храбрѣ ни сколько не увеличились. Знаемъ только, что онъ былъ черноризецъ или мнихъ, и мнихъ, какъ показываетъ сочиненіе его, просвѣщенный, довольно знакомый съ Греческой Словесностью, прекрасно владѣвшій роднымъ словомъ, которымъ выражался точно, плавно и сильно. Быть можетъ, со временемъ узнаемъ и другія его творенія. Но гдѣ онъ жилъ? Если бы твореніе его дошло до

насъ въ списокѣ старше XIV-го вѣка, по крайности, такомъ, въ которомъ, не смотря на молодость противня, переписчикъ не измѣнялъ ничево въ выраженіяхъ и вообще складѣ и ладѣ грамматическомъ и лексическомъ (чево, въ строгомъ смыслѣ, по сю пору, не знаемъ ни за однимъ нашимъ памятникомъ, писанъ ли онъ на Руси, въ Панноніи, Булгаріи, или въ Сербіи), тогда бы уже по одному языку можно было, съ большею, меньшею достовѣрностью, опредѣлить вѣкъ сочиненія, стало бытъ, и вѣкъ самаго сочинителя. Но всѣ списки етого сочиненія, доселѣ намъ извѣстные, не переходятъ за половину упомянутаго выше столѣтія, а по языку одни указываютъ на составленіе ихъ въ Новобулгарскомъ Царствѣ, другіе въ Сербскихъ земляхъ, третьи же на Руси и т. д. (48). Отъ того мѣсто жительства Храбра и прочія обстоятельства жизни его остаются неразгаданными для насъ, если не захотимъ остановиться на одномъ выраженіи Вратиславскаго списка, важность коего открывается уже изъ того, что Шафарикъ внесъ изъ него довольно въ свой, по возможности, возстановленный, древній текстъ етого Сказанія, и тѣмъ отдалъ должное открытому и изданному нѣкогда мною списку. Мѣсто ето читается такъ: «Се нже сѣтъ писмена (ловенска, снѣ ихъ подобаетъ писати: ѿ, ѿ, ѿ, даже до д, и ѿ сихъ всихъ сѣтъ уетыры междесатм подобм Греускымъ писменомъ.» Сдѣсь особенно бросается намъ въ глаза слово «уетыры междесатм, между десатм, обыкновенно въ Церковнославянскомъ выражаемое «дѣкдесать уетыре.» Оно было уже разъ мною объяснено, при изданіи самаго списка (стр. 29—39), и по тому мнѣ остается теперь только повторить сказанное тамъ, то есть, что формула ета въ Церковномъ языкѣ одна изъ самыхъ рѣдкихъ, такъ что Добровскій въ своей Грамматикѣ етого языка могъ привести для нея одинъ только примѣръ (Instit. ling. Slav. dial. vet. II, с. 2, §. 22, pag. 509, Руск. пер. стр. 64). Изъ всѣхъ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчій одно лишь Чешское представляетъ, въ своихъ письменныхъ памятникахъ, примѣры такого способа составленія етого числительнаго, удержавшагося даже въ наше время въ устахъ простаго народа и въ языкѣ книжномъ, т. е., въ немъ двойств. «между (въ Остром. Ев. чаще междѣ, что едва ли правильно) десатма упо-

требуется только для числительныхъ отъ 20 до 30, и звучало въ старину по Чешски «*mezi desjetma*,» которое сокращалось постепенно: «*mez dsjetma*, *mez dcjetma*, *mez sjetma*, *mecitma*.» Эту формулу можно означить числами такъ: $10 + 1 + 10 = 21$, $10 + 2 + 10 = 22$, $10 + 3 + 10 = 23$, и т. д., а словами: «*одинъ между десятима*, = *jeden mezi desjetma* (или *mez dsjetma*, — *dcjetma*, — *sjetma*, *mecitma*), «*два между десятима*,» = *dva mezi desjetma*, и т. д. до «*девять между десятима*,» *devjet' mezi desjetma* (*jednemecitma*, *dvamecitma*, *trimecitma*, *ctyrmecitma*, *pětmecitma*, *šestmecitma*, *sedmmecitma*, *osmmecitma*, *devětmecitma*) (49). Догадываются, что такое образование произошло у насъ точно такъ же, какъ и Римское «*un de viginti*», т. е., $X + 1 + X$, одинъ между десятию, «*одинъ между десятима*, *jeden mezi dvěma desítma* (50). Но это едва ли такъ. Тогда слѣдовало бы допустить, что Чехи сняли свою форму съ математической формулы $(X + 1 + X)$, чего нельзя предполагать, слѣдов., подражали, слѣдов., оно принадлежитъ книжному языку, между тѣмъ какъ дѣло было совершенно на оборотъ: слово это встрѣчается равно въ старинныхъ и простонародныхъ памятникахъ. При томъ, самое объясненіе невѣрно, по тому что «*un de viginti*», собственно значитъ не «одинъ между десятию», но «одинъ отъ двадцати», *unum de viginti* ($1 - 20 = 19$, или $20 - 1 = 19$), т. е., безъ одного двадцать, точно какъ «*duo de viginti*» вмѣсто *decem et octo*, два отъ двадцати или безъ двухъ двадцать, двадцать безъ двухъ: *duo* (2) *de viginti* ($- 20$), т. е., $2 - 20 = 18$ или $20 - 2 = 18$, что повторяется, такимъ же образомъ, и для выраженія 28, 29 до 98 и 99 включительно: *duo de triginta* (28), *undesexaginta* (59), *undecentum* (99), и проч. Тутъ же и самая формула этого числа говоритъ противъ (XVIII, а не $X + II + X$) (51). Впрочемъ, все дѣло въ томъ, что форма эта, уцѣлѣвшая лишь въ Чешскомъ, встрѣчается и въ самомъ Церковнославянскомъ, по моимъ наблюденіямъ, только въ такихъ его памятникахъ, которые, всѣми своими свойствами, указываютъ на переписку ихъ съ Глагольскаго письма; а Глагольское письмо, какъ видно изъ новѣйшихъ розысканій Шафарика (52), по всей вѣроятности, имѣло колыбелью своей земли, лежа-

щія на западъ отъ Θρακίи и Βουλγαρίи, особенно Μακεδονίю и Αλβανίю, гдѣ находилась Велицкая епархія, такъ названная по горѣ и рѣкѣ Велицѣ (впадающей въ Струмицу), съ городомъ (теперь селеніемъ) Велицей, и смѣнившая прежнюю знаменитую Тиверіопольскую епископію, въ землѣ Славянъ Драговичей. По крайней мѣрѣ, это вѣроятно въ отношеніи къ Глагольскимъ памятникамъ Βουλгарскаго извода или разряда, по тому что Далматскій или Хорватскій разрядъ ихъ, конечно, такъ же древній на Адриатическомъ поморьѣ, какъ тотъ въ названныхъ земляхъ, по сию пору не обследованъ съ надлежащей точностью и не выказано отношеніе его къ Βουλгарскому. Отсюда, при теперешнемъ состояніи сего вопроса, нельзя еще сказать, который изъ нихъ старѣе, первобытнѣе. Трудность рѣшенія увеличивается, сверхъ того, близостью сихъ странъ другъ къ другу, отъ чего появившееся въ одной легко могло перейти въ другую, и на оборотъ. Какъ бы то ни было, сдѣсь, въ окрестностяхъ Охрида, какъ главною пребываши своею, на разграньѣ Μακεδονίи, Θεσσαλίи, Δαρδανίи и Αλβανίи, дѣйствовалъ довольно долгое время Климентъ, знаменитѣйшій изъ учениковъ и послѣдователей Кирилла и Меѳодія о которомъ, какъ замѣчено было уже выше, во второмъ Греческомъ Житіи его или Сказаніи (меньшаго объема), отзываются, какъ объ изобрѣтателѣ особенныхъ Славянскихъ письменъ, яко бы, болѣе ясныхъ, чѣмъ тѣ, кои составлены были учителемъ его, Кирилломъ: «Ἱστορίσαστο δὲ καὶ χαρακτῆρας ἐτέρους γραμμάτων πρὸς τὸ σαφέστερον ἢ οὓς ἐξεῦρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος. Καὶ δι' αὐτῶν τὴν θεόπνευστον πᾶσαν γραφὴν καὶ τοὺς πανηγυρικοὺς τῶν λόγων καὶ μαρτύριων καὶ ὁσίων βίους ἁγίων, καὶ ἱερὰ ἄσματα γραφῇ παραδέδωκεν, ἃ καὶ ἐπιμελῶς τοὺς εὐφρεστέρους τῶν παιδιῶν ἐδίδαξεν, ἐξ αὐτῶν δὲ τοὺς ἀξίους καὶ πρὸς ἱερτικὸν βιβλίον ἀνεβίβασε καὶ βάρβαρον οὗτο καὶ ἄμῶν ἔθνος εἰς ἔθνος ἅγιον διὰ τῆς οἰκείας σπουδῆς μετεποίησεν, ἀποστολικὸν ἔργον ἀνύσας καὶ ἀποστολικῆς διὰ τοῦτο ἀξιοθῆεις χάριτος.» *Excogitavit etiam alias litterarum formas, quae praeberent majorem perspicuitatem, quam quas sapiens Cyrillus invenerat, et per illas formas universam*

scripturam a Deo inspiratam et panegyricos sermones martyrumque et sanctorum divinorum vitas et carmina sacra tradidit, quae quidem industrie docuit pueros ingeniosiores, et qui ex his digni erant ad gradus sacerdotales evexit, itaque gentem tam barbaram rudemque in gentem sacram proprio studio commutavit, apostolicum opus perficiens et apostolica gratia propterea dignatus» (53). Подъ етѣми же особенными письменами, Шафарикъ доказываетъ, можно разумѣть Глаголицу. Ибо, хотя точно въ древнѣйшихъ памятникахъ Церковнославянскихъ встрѣчаемъ довольно слѣдовъ Глаголицы, указывающихъ, что они списаны съ Глагольскихъ противней (нужды нѣтъ, писаны ли были первоначально Глаголитикой, или же только списаны съ Кириллицы, и по томъ съ Глаголицы опять Кириллицей), и хотя древнѣйшіе Глаголитскіе памятники тоже содержатъ въ себѣ тѣ сочиненія, о коихъ говорится въ етомъ Житіи Климента (въ большей, меньшей, мѣрѣ), однако, *навѣрное* сказать нельзя, чтобы Глаголица принадлежала Клименту. Въ особенности сему противорѣчитъ не столько выраженіе «*εὐφορίσато*,» употребленное сочинителемъ етого извѣстія о новыхъ знакахъ, приписываемыхъ имъ Клименту, и означающее, если не «изобрѣлъ,» то, по крайности, «придумалъ,» что одно отъ другаго не Богъ вѣсть какъ далеко, сколько то обстоятельство, что въ твореніяхъ самаго Климента, изъ коихъ нѣкоторыя дошли до насъ въ довольно древнихъ спискахъ (даже XII-го в.), не встрѣчаемъ, по замѣчанію Шафарика (Památku Hlaholského písemnictví, стр. XVIII), ничего, чтобы малѣйше намекало на Глаголицу въ какомъ угодно отношеніи. Если Климентъ дѣйствительно «*придумалъ*,» что либо для письма, казавшееся, или бывшее въ самомъ дѣлѣ, болѣе яснымъ буквъ, изобрѣтенныхъ Кирилломъ, то подъ етѣмъ не слѣдуетъ ли понимать тѣхъ измѣненій, о которыхъ уже, близкій къ тому времени. Храбръ замѣчаетъ, говоря: «*Дще ли кто речеть, мно иесть оустронъ добръ, ииже се постраждъ и еше, откътъ речешъ смъ: и Гръуьскы тлюжде ииогажди сѣтъ постражди. . . оудове бо есть послѣжде потворити, иеже пръвое створити?*» Шафарикъ, ссылаясь на етѣ слова, прибавляетъ, однако, что подъ ними скорѣе слѣдуетъ разумѣть небольшія измѣненія и по-

правки въ Кириллицѣ, каковы, на примѣръ, ѿ вѣ. ѿ (у Сербовъ), ѿ вѣ. ѿ (которое, замѣчу съ своей стороны, встрѣчаемъ уже въ памятникахъ XII-го вѣка), и т. п., нежели тѣ, какія можно предполагать, судя по словамъ этого Сказанія о Климентѣ. Другіе думаютъ, что измѣненія Климента ограничивались только нѣкоторыми чертами въ буквахъ, составленныхъ Кирилломъ по Греческому первообразу (54), ибо Славянская азбука Кирилла слишкомъ уже походила на Греческую, а по тому измѣненія Климента отдалили ее нѣсколько отъ своего образца. Но памятники свидѣтельствуютъ противное: формы Греческихъ буквъ съ VIII даже до XIII в. столько сходны съ нашими Церковнославянскими (разумѣю, съ уставомъ, по тому что онъ преимущественно употреблялся тогда), что, какъ сказано уже разъ, если бы не содержаніе, легко можно принять однѣ за другія. На послѣдокъ, догадываются, что Климентъ вовсе не изобрѣталъ новой азбуки, а только исправлялъ ту, которая уже была въ обычаѣ. Какъ разумѣть етѣ слова! Относятся ли они къ Кириллицѣ? Въ такомъ случаѣ мнѣніе ето сходится съ мнѣніемъ Шафарика, упомянутымъ выше, хотя неизвѣстно, въ какой степени допускаются тутъ исправленія въ Кириллицѣ. Или же ето относится къ измѣненію формъ Глаголицы для большей ясности, что точно сочинитель утверждаетъ въ первой части своего періода («Но Житіе говоритъ, что Климентъ измѣнилъ формы Глаголицы «для большей ясности»)? Но, допуская и етого возможность (да и по чему нѣтъ, если допускаемъ то въ отношеніи къ Кириллицѣ?), замѣчу, впрочемъ, что въ Житіи Климента вовсе не употреблено слово «Глаголица», ниже что либо, похоже на нее. Во всякомъ случаѣ, взаимное вліяніе етѣхъ двухъ Славянскихъ азбукъ, по всему современнымъ, т. е., одной на другую, уже въ первые, кажется, годы обращенія нашихъ предковъ, особенно въ мѣстахъ, близкихъ къ колыбели Православія, не подлежитъ теперь ни какому сомнѣнію. И по тому, что дивнаго, если обѣ онѣ извѣстны были и Храбру, хотя онъ, въ своемъ Сказаніи о писменехъ, говоритъ лишь обѣ одной? если выраженія, встрѣчающіяся намъ преимущественно въ памятникахъ Глагольскихъ, указывающихъ на земли, почитаемыя перво-

родиной ихъ, попадаютъ въ сочиненіи Храбра, и тѣмъ даютъ, нѣкоторымъ образомъ, знать о мѣстѣ, откуда онъ происходилъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ намекаютъ на это? Дошло же, полагаю, не даромъ, до насъ твореніе его въ спискѣ, который, по даннымъ, содержащимся въ немъ, переписанъ Кириллицей съ Глаголицы, въ спискѣ, сохранившемъ его, чрезвычайно важное извѣстіе, не встрѣчающееся ни въ одномъ изъ прочихъ, довольно таки уже многочисленныхъ: я разумѣю знаменитое: «*сѣт бо еше живи, иже сѣтъ видѣли ихъ (Кирилла и Мееодія).*» Слѣдовательно, мнихъ Храбръ жилъ бы, въ такомъ случаѣ, въ западной части Булгарскаго Царства, то есть, тамъ, гдѣ подвизались, со времени удаленія своего изъ Великоморавіи по смерти Мееодія, и прочіе товарищи Климента, Наумъ, Гораздъ и Константинъ (55).

Шестой отечественный источникъ: *Несторово* сказаніе, находящееся въ его «*Повѣсти времяныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля,*» подъ 898-мъ, изложенное имъ послѣ извѣстія о приходѣ Угровъ въ предѣлы Славянскіе, покореніи ихъ и о воеванъ на Грековъ, Мораву и Чехы. Коснувшись послѣдняго, лѣтописатель вспомнилъ, что Славяне, сидящіе на Дунаѣ и покоренные Уграми, принадлежатъ къ одной и той же семьѣ съ Моравой, Чехами, Ляхами и Полянами, называвшимися уже въ его пору Русью, и что для всѣхъ ихъ переведены были, когда-то, книги съ Греческаго въ Моравѣ (или Маравѣ), при пособіи особенныхъ письменъ, прозванныхъ, съ того времени, грамотой Словѣнской, употребляемой въ Руси и въ Дунайской Булгаріи: «*Бъ единъ языкъ Словѣнскъ: Словѣни, иже съдяху по Дунаеви, ихъ же пріашиа Угри, и Маравъ, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомаю Русь. Смиъ бо первое преложены книги Маравѣ, яже прозвася грамота Словѣнская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарьхъ Дунайскихъ*» (Пол. собр. Русск. лѣтописей, томъ I-й, стр. 11). За симъ, естественно, слѣдовало ему рассказать, какъ это случилось, что и сдѣлалъ онъ. Разсказъ этотъ принадлежитъ собственно лѣтописцу, т. е., изложенъ имъ своими словами и выраженіями; тѣмъ не менѣе, основанъ

онъ на другомъ, и при томъ письменномъ источникѣ, на который указалъ первоначально тотъ же самый, кто познакомилъ насъ такъ обстоятельно и умно съ Паннонскими Житіями, а за нимъ и другіе (56), вопреки нѣкоторымъ, приписывающимъ теперь честь ету себѣ (57). Такимъ источникомъ для Нестора было «Житіе Меѳодія». Опираясь на него, лѣтописецъ нашъ передаетъ намъ то только, что шло къ его предмету, именно: посольство Ростислава, Святополка и Коцела (прибавленнаго имъ изъ хода разсказа Житія, по тому что въ етомъ источникѣ первые два названы поименно: «Придоуужеса къ ты днѣи Ростиславъ князь Словѣнскъ съ Стопѣлкѣмъ, посласта изъ Моравы къ црѣю Михаилоу;» въ Житіи же Кирилла, бывшемъ тоже не безъизвѣстнымъ Нестору, рѣчь идетъ объ одномъ Ростиславѣ, а о Святополкѣ и Коцелѣ сказано общимъ выраженіемъ «Князи»: «Ростиславъ, Моравскимъ князь, Бгомъ оустимъ, съвятъ сътвори съ Князи своими и съ Моравляны, посла къ црѣю Михаилоу;» а какъ и въ «Словѣ Похвальномъ» всѣ они три упомянуты, одинъ за другимъ, именно, въ епистолинѣ «къ княземъ стрлѣи томъ, Ростиславоу и Стопѣлкоу и Коцѣлоу», то, дѣло возможное, что и етотъ источникъ былъ извѣстенъ Нестору, стало, могъ быть принять имъ въ соображеніе, сверхъ Паннонскаго Житія Меѳодія, и изъ него-то, безъ дальняго, взято свѣдѣніе и о Коцелѣ, будьто участвовавшемъ въ семъ посольствѣ) въ Царьградъ къ Михаилу царю, о присылкѣ учителей, которые бы объяснили Священное Писаніе и разумъ его; тогда царь созвалъ всѣхъ ученыхъ и объявилъ имъ прошеніе Словѣнскихъ князей, а тѣ указали на двухъ образованныхъ сыновей одного Селунянина, Льва, искусныхъ въ языкѣ Словѣнскомъ. Когда они были вытребованы къ царю, послѣдній объявилъ имъ желаніе приславшихъ Славянъ, и уговорилъ ихъ отправиться къ нимъ, между тѣмъ какъ въ Житіи Меѳодія Кириллъ представленъ присутствующимъ уже въ собраніи ученыхъ, и Михаилъ прямо къ нему обращается съ предложеніемъ пуститься съ братомъ къ приглашавшимъ, такъ какъ оба они родомъ изъ Селуня, въ которомъ говорятъ чисто по Словѣнски: «да Селоушаве вси (или «все») уисто Словѣнскимъ бесѣдоуютъ,» и они, не смѣя отказать, согласились пойти въ Моравію. По

Нестору, оба брата, но приходѣ уже въ послѣднюю, составили азбуку Словѣнскую и преложили Апостолъ и Евангеліе, а за тѣмъ и прочія богослужебныя книги, что привело въ большую радость Славянъ, когда услышали они славословіе Божіе на родномъ языкѣ: *«Сма же пришедъшема, начаста съставлявати писмена азбуковьяная Словѣмски, и преложиста Апостолъ и Еуангеліе. Ради быша Словѣни, яко слышаша величія божья своимъ языкомъ.»* Въ Житіи же Меодія на оборотъ: писмена Славянскія изобрѣтаются въ томъ мѣстѣ, откуда они посланы были, и при томъ младшимъ братомъ, философомъ; слѣдовательно, согласно съ показаніемъ Житія сего послѣдняго. За тѣмъ, въ Житіи кратко сказано о прибытіи ихъ въ Мораву, трелѣтнемъ въ ней пребываніи и приглашеніи папой въ Римъ, о посвященіи тамъ Меодія на «поповство» (по слову Похв. «*вредоуѣтерство*»), возстаніи «етерой многой чади,» противу перевода Библии на Славянскій языкъ, чади, опирающейся на надписи на крестѣ Христовомъ только на трехъ языкахъ, что, однако, папа не одобрилъ и предалъ ее за то проклятію, назвавъ Пилатниками и триязычниками. Еще больше: онъ велѣлъ одному изъ такихъ епископовъ посвятить нѣсколько учениковъ Славянскихъ. За симъ говорится о кончинѣ Кирилла, посольствѣ Коцела къ папѣ съ просьбой отпустить къ нему Меодія, и тотъ, исполняя желаніе князя, отправляетъ его съ посланіемъ, наполненнымъ похвалами тремъ князьямъ Словѣнскимъ, ихъ Славянскому языку, и повторяетъ клятвы на хулителей его за употребленіе въ богослуженіи. Изъ всего этого Несторъ удержалъ у себя, въ сжатомъ извлеченіи (но все почти словами Житія), только рассказъ о хулителяхъ Словѣнскихъ книгъ, послѣ чего тотчасъ замѣчаетъ, что возвратившись назадъ, одинъ изъ братьевъ (Кириллъ) вскорѣ отправился на проповѣдь въ Булгарію, а другой (Меодій) остался въ Моравіи. Это опять противорѣчитъ показаніямъ Житія. Но далѣе снова, за одно съ етѣмъ Житіемъ, пишеть, какъ Коцель поставилъ Меодія епископомъ въ Паніи (Панноніи), т. е., отправивъ его для того вторично къ папѣ «*съ .ѣ. моужь устьнымъ уади, да и кмоу стити на сѣмьстѣи въ Паннони, на столѣ стѣи Андрониа лѣва ѣ .б.*» Къ послѣднему Несторъ прибавляетъ отъ себя: *«ученика святаго апостола Павла,»* и, вспомянувъ, словами Житія, (вы-

хваченными изъ самаго конца онаго) о переводѣ Меѳодіемъ въ полгода Свящ. Писанія съ Греческаго языка, при пособіи двухъ поповъ скорописцевъ, еще разъ замѣчаетъ о томъ, что «Меѳодій — настольникъ Андроника, посѣщавшаго Моравы, (впрочемъ, и въ «Похвальномъ Словѣ» говорится объ этомъ въ выраженіяхъ, весьма близкихъ къ Житію Меѳодія и Несторову извѣстію: «сѣше же прѣдъстѣяго и бѣгъстѣяго Меѳодія на архіепѣство на столѣ стѣо Андроника лѣа къ Павловѣ ѿ .б., поустѣша и на стрѣли Словѣнскы оучитъ къ языкъ ихъ»), а черезъ Андроника и апостола Павла, который училъ тутъ, по тому что тутъ Илюрикъ, до коего доходилъ онъ и въ коемъ прежде всего («первѣе») жили Словѣни; стало быть, Павелъ былъ учителемъ и Словѣнскому языку; а какъ и мы Русь, — говоритъ Несторъ, — того же языка, то, по тому, и намъ учитель Павелъ; Словѣнскій же языкъ и Русскій — одно и то же; Русскимъ же прозвался онъ по Варягамъ Руси, но первоначально былъ Словѣнскій, а Русь — Словѣне, не смотря на то, что нѣкогда Русь называлась еще Полянми, т. е., по тому, что жила въ поляхъ; однако, она говорила и говоритъ Словѣнскою рѣчью.» Судя по такому ряду умозаключеній, очевидно, что весь этотъ рассказъ, вызванный нашествіемъ Угровъ на Словѣнъ, вставленъ тутъ лѣтописцемъ для того лишь, чтобы доказать, что всѣ племена Славянскія, не смотря на разныя ихъ названія, суть одинъ народъ какъ по языку, пребыванію или жилищамъ, такъ и по принятію Христіанства, крещенію и самой грамотѣ, изобрѣтенной именно только для нихъ однихъ, и по тому прозванной «грамотой Словѣнской» (Славянскою). Начавъ положеніемъ: «*бѣ единъ языкъ Словѣнскъ,*» онъ и кончилъ тѣмъ же самымъ положеніемъ: «*языкъ Словѣнскыи единъ* (58).» Сверхъ того, это доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что разсужденіе сіе помѣщено между разсказомъ объ Уграхъ: «Въ лѣто 6410 (о 6407—6409 годахъ нечего было сказать, а поставлены они имъ сдѣсь только для одного числительнаго порядка) Леонъ царь на я Угры на Болгары,» и проч. Отсюда ясно открывается, что Несторъ не былъ простымъ списчикомъ чужихъ словъ; на оборотъ, заимствуя изъ другихъ, позволялъ себѣ, по поводу того, другаго обстоятельства, собственныя соображенія, не рѣдко совер-

шенно противоположны своему источнику, какъ это видимъ и въ передачѣ имъ разсказа о нашемъ предметѣ. Такая двойственность характера Несторовыхъ сказаній заставляетъ насъ отвести имъ мѣсто между собственными источниками и источниками второстепенными, дѣлаетъ ихъ между тѣми и другими посредствующимъ звеномъ.

А второстепенные источники или, какъ называютъ ихъ обыкновенно, вспомогательные, *пособія*, принадлежатъ не личнымъ свидѣтелямъ, очевидцамъ, или, по крайности, современникамъ, но ближайшимъ къ нимъ, равно какъ и слѣдовавшимъ за ними, которые пересказываютъ сказанное уже другими, изъ другихъ рукъ. Таковы въ нашемъ вопросѣ:

а) *Прологи* или коротенькія Житія, въ видѣ извлечения изъ большихъ; говорю въ видѣ извлечения, по тому что въ дошедшихъ до насъ печатныхъ и рукописныхъ спискахъ можно замѣчать и явныя заимствования изъ пространныхъ Житій и, съ тѣмъ вмѣстѣ, изъ другихъ какихъ-то источниковъ, оказывающіяся, большею частью, смѣшеніемъ исторически извѣстнаго съ неизвѣстнымъ. Таково, на примѣръ, въ *«Проложномъ Житіи Кирилла»* (59) увѣреніе, какъ онъ молитвою уморилъ еретика Замбрія (или Замврія, по другимъ Замбѣ), подговаривавшаго другихъ посягнуть на жизнь его. Все, что до этого темнаго извѣстія ни говорится въ семъ Проложномъ Житіи, очевидно, составляетъ извлечение изъ большаго его Житія (Паннонскаго), даже коегдѣ дословное; но отсюда начинается уклоненіе отъ него. Такъ, сказавъ, согласно съ своимъ источникомъ, объ отходѣ Кирилла на Мораву и о наученіи имъ многихъ Вѣрѣ Христовой, вдругъ прибавляетъ, что онъ тамъ умертвилъ какого-то еретика, по имени Замбрія. За тѣмъ, по словамъ его, Кириллъ отправился на проповѣдь въ Булгарію (согласно съ показаніемъ Нестора), и это составляетъ новое отступленіе отъ прежняго источника; изъ Булгаріи въ Словенны и на Дунай: «По семъ иде въ Мораву, и многи мнози увериху Хѣи, и Замбрѣ еретика молитвою оумори, иже мнози еретици сѣго. По семъ иде въ Болгары, проповѣдалъ Хѣ. Тако и въ Словени: прииде, и вса глгды мнози и по Дунаю верѣ Хѣ;» тутъ останавливается въ

епископа въ Канаонъ градъ , для жителей коего , послѣ сорокадневнаго поста и моленія , составляетъ , по просьбѣ ихъ , 38-мь словъ : «и молиши и , да идоути а ишигамъ своимъ думомъ. Онъ же постнелъ .и. дѣти, изъ Бѣоу моласа, и написа ишъ .а. словъ и .и.» очевидно, буквѣ или письменъ, по тому что въ слѣдъ же за симъ сказано: «и тако идоути а ишигамъ Словенскимъ думкомъ, сего ради Словенскимъ оучитель нареуеса, и тако поживъ и уюдеса сътворъ , въ старости добръ изъ Гѣоу отиде , и погребенъ бысть въ Канаонъ градъ.» Да и въ «Книгѣ Житій» или нашей печатной «Четьи Миней,» въ Житіи Кирилла и Меѳодія, подъ 14-мь февраля, мѣсто его, съ ссылкой на Проложное Житіе Кирилла, передано въ томъ смыслѣ, въ какомъ слѣдуетъ понимать его по ходу рѣчи: «Онъ же перже постиса днѣи уетиридесать, и посвятствуюшемъ емъ благодати Сѣто Дѣдъ, изобрете Азбуку Славенскую, ишицию въ сѣвъ тридесать и осмь письменъ» (Кіев. изд. 1700 г., стр. 541). Слѣдовательно, конецъ этого Проложнаго Житія нѣсколько измѣненъ противу большаго Житія, и измѣненъ, полагаю, позднѣйшими составителями Проложныхъ Житій, принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ разряду чисто Славянскихъ произведеній (а не переводовъ съ Греческаго). Отъ того тутъ сказано даже изъ сколькихъ именно буквѣ состояла азбука, изобрѣтенная Кирилломъ для какихъ-то Канаонянъ.

Дѣйствительно, городъ *Канаонъ* или *Каонъ*, даже *Каинъ*, по сю пору остается загадкой для всѣхъ. Отправляясь отъ мѣсто, что Прологи не принадлежать къ переводной письменности нашей, и зная общій ихъ характеръ, я, послѣ разныхъ соображеній, наконецъ предложилъ себѣ вопросъ: Не есть ли тутъ Канаонъ или Каонъ просто *Катаонъ* или *Катанъ*, откуда Катанскій вмѣсто Костанскій, или Костенскій, Костенчскій, по имени края на границѣ Македоніи, изъ коего родомъ былъ другой Кириллъ, тоже философъ, прозванный Костенскимъ, Костенчскимъ или, по нѣкоторымъ рукописямъ, Костанскимъ, Кастанскимъ, также много трудившійся для Славянской письменности и писавшій объ азбукѣ Славянской? Отсюда, заключалъ я, легко могли смѣшать его съ Кирилломъ Селунскимъ, приписать дѣйствія и творенія одного другому, какъ это точно замѣчаемъ въ

нѣкоторыхъ извѣстіяхъ о томъ и другомъ (60). Догадка моя не обманула меня. Изучая Хронографы и сличая извѣстія, находящіяся въ нихъ: «О предложѣніи книгъ отъ Греческаго языка изъ Словенскими», которыя всѣ почти схожи одно съ другимъ, какъ увидимъ ниже, я, однако, нашелъ въ двухъ, сверхъ обычнаго извѣстія, т. е., «О предложѣніи», еще «Взиратца сказаніе о рожденіи и житіи сѣаго Кирила философа», которое есть не что иное, какъ наше «Проложное Житіе». Только тутъ оно далеко исправнѣе и коегдѣ полнѣе, нежели во всѣхъ прочихъ, извѣстныхъ мнѣ доселѣ, спискахъ (61). Но главное достоинство етѣхъ двухъ Хронографныхъ списковъ состоитъ въ предполагавшемся мною названіи Канаона именемъ города Катаона. Списки етѣ находятся, одинъ въ Хронографѣ № 393, писанномъ на бумагѣ, въ листѣ, церковникомъ Никитой Александровымъ (62) и доведенномъ по «црствю всемъ Росси цра Микхила Феодоровича», въ 169-ти главахъ (63), а другой въ Хронографѣ же № 394-й, тоже бумажномъ, въ листѣ, и относящемся къ одной порѣ съ первымъ, въ 178 главахъ, изъ коихъ послѣдняя озаглавлена: «О болгарскомъ державствѣ Московскаго государствѣ» (64). Оба принадлежатъ къ богатому собранію рукописей В. М. Ундольскаго, и, заисключеніемъ небольшихъ разнословій, большею частью въ правописаніи, почти во всемъ сходны между собою. Вотъ какъ читается въ обоихъ ихъ мѣсто, относящееся къ нашему предмету: «По семъ же иде въ Болгары, проповѣдалъ Хрѣта, тако же и въ Словены пришеде, и вса грады по Двиаву иавунъ вѣрвати Хрѣтови (или «во Хрѣта»). И поставленъ бысть епѣропомъ въ Катаонѣ градѣ; и молишася ему, да иавунтъ ихъ кингамъ своимъ ихъ языкомъ. Онъ же постиса .м. днен, молиса Бгѣ, и иависа имѣ по ихъ языкъ .м. словъ, и тако иавунъ ихъ кингамъ Словенскимъ языкомъ, и сегѣ ради иврученъ бысть Словенскіи зунтель. И тако пожнѣ, и многи треды и подвиги подѣмѣ ѿ вѣрѣ Хрѣтова, и уюдеса многа сотворишъ, во старости добръ ко Гдѣ ѿиде, и погребенъ бысть въ Катаонѣ градѣ.» Слѣдующее за симъ прибавленіе указываетъ, по моему мнѣнію, нѣкоторымъ образомъ, на народъ, мѣсто и время составленія етого Проложнаго Житія: «Мы же Словенскіи и Болгарскіи языкъ да глѣмъ стѣмъ оцѣ ишемы и зѣтяю Кѣрѣла (или «Кириласъ») философа, вѣтувалъ память!» Послѣ, наводя справки, я увидѣлъ, что это же самое находится также

и въ двухъ Хронографахъ Румянцевскаго Музея, описанныхъ А. Х. Востоковымъ подъ № CCCCLVII и CCCCLIX, оба, XVII-го вѣка, изъ коихъ первый писанъ полууставомъ разными почерковъ въ л. на 931, а второй неполный (недостаетъ начала до 104-й главы), въ 4-ку на 534 л., скорописный. Въ полууставномъ, передъ главой 171-й, говоритъ описатель, помѣщено изъ Пролога: «О преложеніи книгъ изъ Словенскихъ и киратцъ сказаше о рожденіи и житіи свѣта Кирилы Философа», слѣдов., заглавіе почти до слова одинаковое съ заглавіемъ нашихъ Хронографовъ; только изъ одного заглавія ничего нельзя еще узнать, каково въ этомъ спискѣ названіе разыскаемаго города; вѣроятно, такое же, какъ и во всѣхъ прочихъ, судя по тому, что оно не выписано; напротивъ, въ скорописномъ Хронографѣ названіе его совершенно сходно съ названіемъ Хронографовъ, рассмотрѣнныхъ нами, что открывается изъ сличенія окончанія этого Житія, помѣщеннаго въ 171-й главѣ и приведеннаго разбиравшимъ его (стр. 777, столб. 2-й «Опис. Румянц. Музея»): «погребенъ емь въ Катаонъ граде. Мы же Словенскіи и Болгарскіи языкъ да гдѣ свѣтъ оуи шимъ и вѣтаю Кирилу Философу вѣува память» (65). Я такъ думаю: составитель Проложнаго Житія, державшійся, до самаго путешествія Кирилла въ Моравы, подробнаго Житія его, когда дошелъ до этого событія, вдругъ, не извѣстно по чему, оставилъ свой источникъ, и началъ примѣшивать къ вѣрному и неизвѣстное намъ ни откуда, по крайней мѣрѣ, по сю пору не уясненное еще ни кѣмъ. О путешествіи же въ Булгарію, послѣ Моравіи, онъ могъ узнать изъ словъ Нестора: («Костянтинъ же възвратився всплать, и иде учитъ Болгарьскаго языка»); а о возвращеніи его къ Словенамъ Подунайскимъ, статья можетъ, заключилъ изъ того обстоятельства, что Кириллъ былъ учителемъ у нихъ и изобрѣлъ для нихъ письмена. Бывши вѣроучителемъ, разсуждалъ онъ, могъ быть и епископомъ; но какимъ же? Вѣроятно, Катаонскимъ или Катаонскимъ; вѣдь помнится же, подъ 21-мъ марта, Кириллъ, епископъ Катаонскій? Конечно, это—одно и то же, а Катаонскій то же, что Кастанскій или Костанскій, Костенскій, по горному хребту *Kastagna*, упоминаемому старинными путешественниками (XV и XVI стол.), по Турец-

ки Костендже , а по Славянски Костеница или Костаница , который находится не далеко верховьевъ рѣки Мьсты (древнихъ Nestus) и Марицы, на разграньѣ Булгаріи, Оракіи и Македоніи. И точно, тутъ были, по словамъ Белони, путешествовавшаго въ XVI-мъ вѣкѣ, четыре монастыря, и тутъ же, какъ мы знаемъ, родился другой Константинъ, жившій при Сербскомъ деспотѣ, Стефанѣ, сынѣ Лазаря, погибшаго на Косовомъ полѣ (1389 г.) въ битвѣ съ Турецкимъ Султаномъ, Мурадомъ , и описавшій жизнь етого деспота (1389 — 1427). Онъ извѣстенъ , кромѣ того, также и филологическимъ сочиненіемъ о Славянскомъ языкѣ, изъ коего до насъ дошло только извлеченіе, въ которомъ онъ названъ прямо *«Константиномъ философомъ Костенскимъ и учителемъ Сербскимъ»* (66). Всего етого довольно было, чтобы сдѣлать упомянутыя посылки, вывести оттуда заключеніе о сходствѣ всѣхъ етѣхъ, столько несходныхъ и отдаленныхъ временемъ и мѣстомъ, лицъ и , стало быть , переиѣшивать одно съ другимъ, и т. д. Что ето дѣйствительно такъ происходило, доказательствомъ тому служатъ сходныя выраженія, особливо въ заключеніи Проложнаго Кириллова Житія, съ такимъ же Житіемъ Кирилла, епископа Катанскаго. Въ первомъ: «и тако пожниъ и уюдеса створи (въ друг. «створи, створиши»), въ старости добра (въ др. «добра») въ Гѣоу отънде [въ др. «престависа»]; проп. «къ Гѣоу»), и погребенъ бысть въ Каллои градѣ уѣно.» А во второмъ: «и нитѣхъ же не мало створи уюдесъ, въ глаубоу старость дошедъ, въ Гѣу отънде, и положенъ бысть въ томъ островѣ уѣно.» Я привожу ету выписку по Проложному Житію Кирилла, епископа Катанскаго , помѣщенному въ Макарьевскихъ Четвяхъ-Минейхъ подь 21-мъ марта, и при томъ въ двухъ спискахъ (что не рѣдкость въ Прологахъ етѣхъ Миней): первый на листѣ дрн (въ началѣ втораго столбца), второй же на дрн; оба въ сущности сходны, но въ вырашеніяхъ значительно отличаются. Слѣдовательно, смѣшеніе тѣмъ вѣроятнѣе возможно было, что оба Кирилла философа принадлежали, по рожденію, почти одной и той же странѣ, и при томъ колыбель одного не въ дальнемъ разстояніи отъ колыбели другаго. Далѣе: оба они назывались философами, словомъ, которое, кажется, охотно давалось въ старину у насъ людямъ, отличавшимся особенной ученостью, или умомъ,

обогатеннымъ начитанностью и т. п.; такъ, на примѣръ; извѣстно же намъ «Слово изъ Свѣтъ Архистратига Хртѣа Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ небесныхъ,» передъ коимъ читаемъ прибавленіе: «иже во стѣхъ бѣи нашего Кирилла философа» (подъ 11-мъ ноября), первоначально напечатанное въ 4-й книжкѣ «Твореній свв. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ (годъ 1-й)», гдѣ сказано, что подъ етѣмъ Кирилломъ философомъ слѣдуетъ разумѣть Кирилла, епископа Ростовскаго; потомъ г. А. Розовъ отыскалъ полнѣе списокъ и прислалъ его ко мнѣ, который и былъ обнаругованъ мною въ VII-й книгѣ «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» 2-го года; по мнѣнію нашего, Слово это должно оставить за Кирилломъ II-мъ, митрополитомъ Русскимъ (жившимъ нѣсколько позже Кирилла, Ростовскаго), которому обыкновенно приписывается оно (67).

Подобно Кириллу, и Меѳодій имѣеть свое *Пролѣжное Житіе*, въ которомъ тоже является Замбрій, но уже съ прибавкой «родомъ Козаринъ, а взроу еретикъ,» какъ противникъ Меѳодіеву ученію, и при томъ съ 2,000 сообщниковъ, разсѣявшихся послѣ гибели своего предводителя; кромѣ того, Замбрій тутъ имѣеть у себя помощникомъ какого-то Сьдислава или Седислава (который, судя по имени, былъ представителемъ языческихъ Славянъ, недовольныхъ Христіанствомъ?), и градъ Каонъ (или, по другому списку, Каинъ), куда Меѳодій, какъ и Кириллъ, поставленъ епископомъ въ Царѣградѣ, и въ коемъ все это происходило. Во первыхъ: очевидное смѣшеніе одного съ другимъ, т. е., дѣйствія одного приписаны другому, по тому что не могли же оба они быть въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же городѣ епископами, равно какъ и имѣть дѣло съ Замбриемъ, котораго первый «мѣткою оумори» еще въ первое посѣщеніе свое Моравы за намѣреніе убить его, послѣ чего отправился къ Болгарамъ, отъ коихъ, возвратясь къ Дунайскимъ Славянамъ, былъ поставленъ ими въ епископа въ Канаонѣ градѣ и т. д.; а второй, на оборотъ, посланъ былъ въ этотъ самый городъ патріархомъ, въ санѣ епископа, когда онъ, тоже вторично, собирався къ Моравамъ, прибывши къ коимъ многія сотворилъ чудеса, между прочимъ, погубилъ, послѣ прѣнія въ сбо-

рѣ, составленномъ Моравскимъ княземъ, Жидовъ и еретика, Козарина Замбрія, съ его единомышленниками. Такое противорѣчивое извѣстiе, безъ сомнѣнiя, привнесено составителемъ (а можетъ и составителями) Проложнаго Житiя того и другаго, позволившаго себѣ прибавленiя, по своимъ соображенiямъ, къ первоначальному источнику. Доискиваясь, откуда бы этотъ еретикъ попалъ сюда, я остановился на сказанiи Георгiя Амартола въ его «Книгахъ временныхъ и образныхъ» или «Временныя въпростѣ ѿ разнучныхъ хронографъ и создатель», именно въ отдѣлѣ «ѿ хрестыанскихъ цркъ.» Сдѣсь, сказавъ о воцаренiи Константина Великаго по Максентii, Георгiй излагаетъ исторiю Сильвестра, папы Римскаго, т. е., его прѣнiе, по волѣ императора, съ Жидами: «Бжтвнному же Константину вображи Жиды, нрцк же и книгунн .р. .и., да сн пратъ съ Силвестромъ, да сн мнть истина вса изъ разираченнхъ жидовскаго вестоудн.» Когда онъ, послѣ долгаго словопрѣнiя, остался побѣдителемъ, вдругъ одинъ изъ среды ихъ, по имени Замбрiй, озвался съ упрекомъ къ одновѣрцамъ: «Аще ли Силвестрока словеса выимлите, ноужа есть оубскаихъ словесъ и ханомъ оставити,» и тутъ же обратился съ прошенiемъ къ царю позволить «не глншьемъ, но вѣщымъ мнти истинноу,» т. е., онъ требовалъ привести быка, на которомъ вызвался «мнти слоу бѣ скомго», говоря, что провознесенiемъ одного имени этого умертвить его: «зале нма вѣдъ влшего ни едина творема естьстка оубскашнн, жннхъ боудеть,» что и сдѣлано было имъ; но Сильвестръ потребовалъ, чтобы онъ же и воззвалъ убитаго снова къ жизни; «снѣннхъ пднхъ призоки къ оубн волоу тоже нма и жннхъ боудеть, и разоумккъ всн вѣ нма то втровати.» Замбрiй не взялся, обѣщаясь, самъ и всѣ Жиды сдѣлаться Хрестiянами, если Сильвестръ возвратитъ погубленнаго имъ: «такъ нма глнвы црвы: всн Жидове, оставннне законъ, изъ Хрѣтнмьстн вѣрн прннцемъ.» Епископъ Хрестiанскiй, послѣ молитвы къ Богу, оживилъ и поставилъ убитаго «съ ксею лнптою,» послѣ чего видѣвшiе его «зале уюдишнса и крестннхъ (68). Явно, что событiе это припоминаетъ намъ подобное же, случившееся за три вѣки, въ томъ же самомъ мѣстѣ, съ апостоломъ Петромъ и Симономъ волхвомъ, когда, по выраженiю Амартола, «мысль изъ Римъ матежъ многъ и сѣрстанiе Петра ради и Симова, ино вредъ обою уюдеса твордохутса»; когда послѣднiй,

какъ и Замбрій, «покая привести юнецъ преселѣн, възгла къ оубѣ снѣ, и оубѣ юнецъ; Петръ же помолася, воспреси и; людѣ же видяхше, днѣшася, глѣше: констиноу еже ожнети пауче оумираиѣ еврѣши естѣ тудю,» и многія другія «назnamenѣ створиста, и словесы когослохнымы и родословнымы глѣста межн сокою не тоуію къ Римѣ, но и во Асирѣи древле, иже Кланѣ Римланинѣ, прѣмрѣи оубѣи Петроу и сѣлвестрѣниѣ сѣдѣательственнѣише исповѣдлетѣ (69)». Безъ сомнѣнія, сходство етѣхъ событій въ существенномъ, т. е., препираніе Христіанъ съ Жидами, не смотря на несходство времени, мѣста, народовъ и дѣйствователей, было главной причиной, что составитель Проложныхъ Житій нашихъ апостоловъ, считалъ себя вправе перенести изъ одного изъ нихъ, извѣстнаго ему (прѣнія Сильвестрова), то, что, по его мнѣнію, шло и къ прѣнію описываемыхъ имъ: я разумѣю имя Замбрія, котораго онъ представилъ Козариномъ, принявшимъ Жидовство, болѣе другихъ состязавшимся съ Солунцами и противившимся ихъ ученію, но, наконецъ, побѣжденнымъ ими. Въ Житіи Кирилла о гибели его сказано просто, что тотъ «его мѣткою оумери,» а въ Житіи Меѣодія говорится: «Замъри оубѣ расадеса.» Можетъ быть, первую мысль вывести это лице подало сказаніе Паннонскаго Кириллова Житія (служившаго ему, болѣею частью, какъ замѣчено, руководной нитью) о томъ мужѣ, котораго Козары выслали Кириллу и Меѣодію на встрѣчу къ Каспійскимъ вратамъ, который еще до прибытія къ Кагану, вступилъ уже въ препираніе, и который, по стому Житію, былъ человекъ хитеръ и заскопивъ: «Въсѣдъ же въ моракъ, поутѣ са итѣ Козарьскаго, на Меѣотскоу изеро и Каспискиа врата Канънажскихъ горъ. Послаша же Козари противю юмоу моужѣ лоткакъ и хасноинкѣ, иже бесѣдоу съ нимъ синдеса.» Судя по содержанию вопросовъ етого хитреца и отвѣтамъ на нихъ Кирилла, то былъ Жидовинъ, либо же, по меньшей мѣрѣ, послѣдователь Жидовства. Замѣчательно сходство Пролога о Меѣодіи съ сказаніемъ Амартола о Сильвестрѣ даже въ самомъ пріемѣ разсказа о началѣ прѣнія и концѣ его. Какъ Константинъ, такъ и князь Моравскій собираетъ соборъ: «и покелъ кѣзѣ Моравскимъ емити соборѣ», на который явилось съ Замбріемъ двѣ тысячи, между тѣмъ какъ въ Римѣ только сто двадцать. По одержаніи побѣды Сильвестромъ надъ Замбріемъ, Жиды крестились:

«и къ радость великиа, ирѣ же и людие зокоуше вси во днюу гласу, и речекоша: великиъ Бѣ иртѣнискиъ.» Сдѣсь же побѣжденные «радзвгошася», но и радн же быша иртѣне (по друг. списк.: «радость же бысть хрстіаномъ»), и нарекоша и (Меоодіа) оуста Хѣл.

Во вторыхъ: въ етомъ Прологѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что Кириллъ упросилъ Меоодіа сопутствовать ему къ Козарамъ, по той причинѣ, «ако оумзаше изумъ Словянскъ.» Можетъ быть, сдѣсь источникъ мнѣнію о Славянскомъ происхожденіи Козаръ, которое не рѣдко попадаетъ намъ въ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ и которое заставило прибавить въ Четьи-Миней, въ слѣдъ за Житіемъ, особую статью «О Козарехъ», въ коей, между разными историческими извѣстіями о нихъ, утвердительно сказано, что это «еаше народъ Сигѣснн, изумна Славянскаго или Рускаго (л. 542),» и что, послѣ разныхъ перемѣнъ, Козарекъ нини ямауть оуста къ Малороснскому ннз Воинствк иранкомъ, подокнз томъ, здео малю времзнно пмензномъ» (л. 543). Дѣйстви- тельно, въ разныхъ Малороссійскихъ лѣтописяхъ не разъ встрѣчается мнѣніе ето. Но скорѣе всего, кажется, было на оборотъ, т. е. цовода къ такому мнѣнію составителя Проложнаго Меоодіева Житія о Козарахъ Славянахъ должно искать въ самомъ названіи етого народа, которымъ въ сред- нѣе вѣки объясняли не шутя значеніе имени Козакъ, пере- шедшаго первоначально на южныхъ Русовъ, а отъ сходства или сродства имени, для многихъ даже тождества, заключи- ли о сходствѣ, сродствѣ или тождествѣ и народовъ, носив- шихъ оныя. И не одни только наши ученые вѣрили въ Славянство Козаровъ: сочинитель «Commentarii graevii de Sanctis Cygillo et Methodio» въ «Acta SS.», тоже самое дока- зывалъ, противъ чего возставали уже Ассемани и Шлецеръ (70). Буде же послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, тогда вре- мя составленія обонхъ Проложныхъ Житій Кирилла и Меоодіа нѣкоторымъ образомъ разоблачается: имъ будетъ то пространство его, когда начали сблизать названія Козаровъ и Козаковъ между собою и одно другимъ объяснять. Отсюда самъ собою вытекаетъ вопросъ: стало быть, Кириллъ не зналъ Славянскаго языка? И для кого же? Для Козаръ языкъ Славянскій! При томъ, самъ Меоодій, приглашенный братомъ,

какъ знавшій языкъ Славянскій, выучился ему, по словамъ етого Пролога, только во время своего управленія Славянскою областью въ званіи князя или воеводы: «и прѣмьхъ тамо лѣтъ .л. изыме языкъ Словенскій.» Слѣдовательно, оба наши апостолы первоначально не знали Славянскаго языка, а выучились ему въ послѣдствіи, стало быть, не въ Солуни, и т. п.!

Во всякомъ случаѣ, путешествіе Меѳодія съ Константиномъ въ Козары, вовсе не есть чье либо мнѣніе, но оно опирается на показаніи обоихъ Паннонскихъ Житій ихъ, Похвального Слова имъ, а также Проложнаго Житія Меѳодія Сербской семьи, о коемъ сейчасъ поведу рѣчь ниже. Такъ, въ Житіи Кирилла читаемъ: когда, на возвратномъ пути изъ Козаръ въ Царьградъ, Кириллъ пришелъ въ безводныя мѣста, и, терпя страшную жажду, рѣшился, не дожидаясь, пока принесутъ ему воды сопровождавшіе его, испить «въ слатнѣхъ водницѣхъ» которая «вѣлаше амы и золу», то, обратясь къ Меѳодію, просилъ его почерпнуть ея: «и рече къ Меѳодію братоу своему: не трѣблю оуже жажда, да поуръпи оубо воды сея.» и проч. А въ Житіи Меѳодія читаемъ: «прилюхашюжеса прѣмешн тамоу, и послаа цѣ по философа, брата него въ Козары, да помът и съ собою на помощь, владхоу во тамо Индоке крѣпннскоую вѣроу велики хоудаше. онъ же рече, яко готовъ есмь да крѣстнннскоую вѣроу оумрѣти, и не ослоушася, нъ шѣдъ слоужи мио рабѣ мнѣшоу братоу, покниоумса іемоу. Съ же мѣткою, а философъ словесы прѣмешеть е, и посрамнсте.»

Что значать, противъ егѣхъ прямыхъ и ясныхъ показаній лучшихъ, первостепенныхъ, источниковъ для исторіи нашихъ апостоловъ, всѣ кривыя соображенія, выводимыя изъ невѣрно понятыхъ словъ Климентова жизнеописателя, объ особенной привязанности Климента къ Меѳодію? Напротивъ, можно полагать, что онъ, какъ слѣдовавшій всюду за учителемъ своимъ, послѣдовалъ и тутъ за нимъ, въ Козары, и, будучи очевидцемъ обрѣтенія мощей Климента, папы Римскаго, Константиномъ, не только, по мнѣнію Шафарика (71), составилъ Сказаніе о томъ, но даже рѣшился, изъ особеннаго уваженія и благоговѣнія къ сему святителю, принять на себя имя его при постриженіи своемъ въ монашество. Еще больше: онъ-то лучше всякаго другаго могъ описать намъ жизнь Константина и Меѳодія, какъ неразлучный спутникъ и соуча-

стникъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же, какъ не очевидецъ, въ состояніи былъ передать, съ такой подробностью, хоть, на примѣръ, состязаніе обоихъ братьевъ съ Латинскимъ духовенствомъ? Чтобы отвергать показанія такихъ источниковъ, каковы оба Житія, и мнѣніе такого ученаго, каковъ Шафарикъ, нужно, по крайней мѣрѣ, первыя хотя прочесть со вниманіемъ и сообразить прочтенное, а послѣднее раскинуть умомъ-разумомъ, на чемъ, де, основалъ онъ такое свое мнѣніе.

б) *Проложное Житіе* или *Сказаніе* о Кириллѣ и Меѳодіи, находящееся въ одномъ харатейномъ Прологѣ, писанномъ полууставомъ, въ листъ (на 171), не позже XIII вѣка, по замѣчанію Калайдовича (Іоан. Екс. Болгарскій, стр. 90), можетъ быть, Сербомъ, въ Хиландарскомъ монастырѣ, на Аео-нѣ (или начала XIV в., по словамъ А. Х. Востокова въ «Описаніи Румянц. Музея», коему и принадлежитъ, подъ № СССХІХ, стр. 447—454). Прологъ этотъ содержитъ въ себѣ полные 12-ть мѣсяцевъ, но въ этомъ спискѣ первый изъ нихъ, сентябрь, уже утраченъ; къ краткимъ жизнеописаніямъ святыхъ присовокуплены иногда тропари. Вообще, етѣ Житія не рѣдко расходятся съ подробными. Подъ 25-мъ августа въ этомъ Прологѣ помѣщена также «Память въ светыхъ по истиннъ преподаваню отцоу нашему Архїепископоу Моравьскоу Костандина, нарицаемаго Кирила философа, и Методїа брата его, и оучителя соущїи Словеньскоу языкоу.» За симъ прибавлено тутъ же: «И творить же память ею .5. Апрѣля мѣсяца и кельми Церкви празднують въ день памяти ею». Издатель его (Калайдовичъ) прибавляетъ къ этому, что Православная Церковь празднуетъ память сихъ Славянскихъ учителей еще 11 мая и 6-го апрѣля, а Кирилла и особенно, февраля 14-го дня; Чехи и Моравцы марта 9-го, какъ это видно изъ «Acta Sanctorum,» t. II. Языкъ Пролога вовсе не Булгарскаго, но Сербскаго, разряда или извода; первоначальное же составленіе Житія очень можетъ быть Булгарское. Не смотря на всю краткость его, въ немъ довольно новаго. Такъ, судя по заглавію, и Кириллъ былъ архїепископомъ Моравскимъ, слѣдов., это согласно съ позднѣйшими Моравскими Житіями (72); но, кажется, тутъ, просто, описка писца, или же скорѣе, заглавіе сдѣлано кѣмъ-

то не по содержанию Житія, но по памяти и понятію о сихъ учителяхъ нашихъ, по тому что въ самомъ изложеніи, какъ замѣтилъ уже и Добровскій (въ *Maehrgische Legende von Cyrill und Method*, S. 65), архіепископомъ названъ только Меѳодій, Кириллъ же учителемъ: «Тамъ вѣданы оубо и преходосымъ отецъ имъ Меѳодіе, Архіепископъ Вышнюю Моравку, братъ соуща преходоснаго Кирила философа, ирѣкаго оутителя Слокенскихъ книгъ, родомъ соуща Солуцанина.» Далѣе замѣчательно, что Меѳодій, какъ я сказалъ уже выше, отправляется съ Константиномъ къ Сараццинамъ и Козарамъ: «Ба же сынъ Методіе съ своимъ братомъ въ Срацинахъ и Козаряхъ, оубо съ имъ православити вара.» Какъ понимать это? Что Меѳодій сопровождалъ брата въ Козарскую землю, это намъ извѣстно уже изъ подробнаго Житія его. Но о сопутствіи Меѳодія Кириллу въ Срацину, кромѣ Слова Похвальнаго, нигдѣ и никто, сколько я знаю, не говорилъ; а по тому, не отсюда ли составитель Пролога взялъ это извѣстіе? или, не на живомъ ли участіи Меѳодія въ дѣлѣ брата своего основалъ онъ догадку также и объ участіи его въ посольствѣ къ Срацинамъ, бывшемъ на 24 году отъ рожденія Константинова (851), тѣмъ болѣе, что и въ Козарѣхъ Константинъ препирался, кромѣ Жидовъ, тоже и съ Сараццинами? Дальнѣйшее согласіе этого Житія съ пространными Житіями Кирилла и Меѳодія состоитъ въ извѣстіи о пребываніи ихъ въ Моравѣ, приготовленіи способныхъ причетниковъ и путешествіи съ ними въ Римъ, гдѣ Римляне «дадо оубо скате и апостольско нарекоше, поставише презентере Слокенские оутеники», самаго же Меѳодія «напещ постави Архіепископа изъ столь Андроника апостола Павловска области (73), идаже оубо, многи власти и власти пострада отъ сьрѣчьскихъ Епископъ и презентеръ, противещрѣхса ирѣкти вара.» т. е., рѣчь объ извѣстныхъ козняхъ Латинско-Нѣмецкаго духовенства. Находясь на семъ столѣ, онъ «изъ земли Моравскыи преложи все ѿ книгъ Ветхаго и Новаго Закона отъ Гръцкыи въ Словѣнскыи;» это совпадаетъ почти дословно съ показаніемъ Іоанна Ексарха Болгарскаго: «преложи вса оуставьныи книги ѿ Слѣньскыи азукы, иже естъ Гръцкыи, въ Словѣнскыи,» между тѣмъ какъ въ Житіи Меѳодія сказано вообще: «преложи въ вѣрѣхъ вса книги, вса испови, рѣчи Манасти, ѿ Гръцкыи азукы въ Словѣнскыи,» за чѣмъ указывается и самое время предложенія,

т. е., полгода (съ марта по 26 октября); тутъ же, на оборотъ, означенъ даже самый годъ, что, собственно, и нужно намъ для нашего изслѣдованія: «къ ѿ индиктъ, къ ѿ сотное ѿ бѣ и третіе лѣто, при Скатоупльцѣ Кнезѣ, Царь въ тогда Грѣномъ Кнѣслѣ, а Благаромъ отъ Бога Кнезь Борьсь и Крѣль Нѣмеускимъ людемъ.» Означеніе года сбивчиво, и сбивчиво по ошибкѣ писца, по тому что такъ, какъ выставлено сдѣсь, не считаютъ не только въ Славянскихъ земляхъ, но и нигдѣ въ мірѣ: въ шести сотное, триста, четыреста третіе лѣто. Калайдовичъ, не могши объяснить такого счисленія, поставилъ послѣ него вопросительный знакъ въ скобкахъ, а Добровскій (Maehrgische Legende, S. 66, Anm.) объяснялъ такъ: «Слово: «сотное» и слѣдующее твердо (т) переставлены, буква же т сдѣсь означаетъ тисоуѣа (т. е., «сотное» относится къ «тисоуѣа,» и при томъ вмѣсто «соуштное,» что Сербъ; по свойству своего языка, легко могъ обратить въ «сотное»), а по тому, все это значить: «къ шести тисоуштное уетыреста и третіе лѣто,» 6403, что составляетъ 895 годъ. А какъ 895 не совпадаетъ съ 3-мъ Индиктомъ, то, — продолжаетъ Добровскій, — тутъ надо разумѣть одинъ изъ слѣдующихъ трехъ годовъ: 855, 870, 885. Что до «Крѣля Нѣмеускимъ людемъ,» то уже этотъ проницательный изслѣдователь замѣтилъ, что послѣ «Крѣля» пропущено «Карль», въ чемъ ни какъ нельзя сомнѣваться, разумѣя подъ нимъ либо «Карла» (III-го, Толстаго), либо же «Карломана,» смотря по тому, къ какому году приурочимъ 6403 годъ. Я полагаю, что показаніе года можно еще и такъ объяснять, т. е., что «сотное» поставлено писцемъ вмѣсто «тисоштное» или «тисоуштное, ѿ означаетъ триста (ѿ), а «оуѣ» должно раздѣлить: о отнести къ т (въ выраженіи словами «трисото»), у вмѣсто у, означающаго 90, т же вмѣсто г: тогда выйдетъ 900, годъ, тотъ самый, какой встрѣчаемъ и въ про странномъ Житіи Меѳодія (885), и, что замѣчательно, тотъ же самой Индиктъ (г) въ обоихъ. Разница лишь въ томъ, что сдѣсь годъ этотъ составляетъ годъ перевода книгъ Меѳодіемъ, а тамъ — годъ смерти его, о переводѣ же рѣчь идетъ въ слѣдъ за рассказомъ о возвращеніи его къ царю и патріярху. Въ заключеніе говорится о кончинѣ Меѳодія, предсказанной имъ за три дня, и мѣстѣ погребенія: «Лежить же въ вѣлицихъ церкви

Моравьстѣи, отъ лѣвою страпоу къ стани за олтареи светые Богородице.» Добровскій извѣстіе это называетъ «страннымъ» (sonderbare Nachricht), спрашивая, гдѣ эта «великая церковь Моравьскимъ?» Но на это же самое мѣсто указываетъ и Паннонское Житіе Меодія: «и положиша и къ съворьшии цркви.» Этой великой или соборной церковью въ Моравіи, конечно, могла быть только церковь стольнаго города ея, мѣстопребыванія великаго князя и архіепископа. Такимъ же стольнымъ городомъ Ростислава и Святополка былъ Велеградъ (74), на рѣкѣ Моравѣ, развалины котораго извѣстны теперь подъ именемъ «Градишта» (городища), основаннаго, послѣ разрушенія перваго Уграми (907 и слѣд), только въ началѣ третьей четверти XIII столѣтія (1258 г). Прямое показаніе сихъ двухъ Житій о погребеніи Меодія въ Моравіи подтверждается и «Службою» ему и Кириллу, въ которой, въ одномъ мѣстѣ, между прочимъ, такъ воспеваются они: «О ваоу стѣл хвалитса славно градъ Солоушский Кирѣлѣ стѣ и Меодіѣ, Мисна и Памонна (Памонна) и Моравьская бѣжене земѣ, славашии и въпаши: бѣмъ ЖБ.»

«Сѣ Меодіѣ, оучителю прѣжде... та бѣжене поестъ земѣ Моравьская. уестно твоє тѣло имаши и Памоньская стѣю, просвѣщенъ тобож, и людемъ ею, съмедшеса враздоуѣ твоѣа память.» (75).

Такое согласное показаніе этого Житія съ Паннонскимъ Житіемъ Меодія въ данныхъ, заключающихся преимущественно съ такой отчетностью единственно въ нихъ, даетъ мнѣ поводъ предполагать, что Житіе это чуть ли не есть просто извлеченіе или сокращеніе пространнаго, и при томъ сдѣланное ученикомъ Меодія, который одинъ лишь въ состояніи былъ означить такъ вѣрно мѣсто погребенія его, конечно, самъ присутствуя при ономъ, но меньшей мѣрѣ, видя его гробъ: «въ велицѣи церкви Моравьстѣи, отъ лѣвою страпоу, въ стани, за олтареи светые Богородице.» Такъ говорятъ одни только очевидцы. Могло даже стать, что это писано и не зависимо отъ пространнаго Житія, но такимъ же лицомъ, какъ и первое, т. е., непосредственнымъ ученикомъ Меодія, коротко знакомымъ съ жизнью и самимъ мѣстомъ дѣятель-

ности своего учителя. На это указывает и поставленіе имени князя Святополка прежде именъ другихъ государей, употребленныхъ имъ для означенія времени перевода Св. Писанія на Словѣнскій языкъ, хотя можетъ быть, уже не въ Моравіи, но въ Булгаріи, и при томъ Булгарскимъ, по происхожденію, Славяниномъ: «а Българомъ отъ Бога Кнезь Корысь» — тутъ ясно слышимъ голосъ одноземца и однородца сего князя.

в) Разныя показанія послѣдующихъ *Лѣтописей*, *Лѣтописцевъ*, *Временниковъ* или *Хронографовъ*, такъ называемыхъ, *Сказаній*, и т. п. По свойствамъ языка, который всюду Церковнославянскій или *Словенскимъ*, но по изводу своему или редакціи содержитъ уже въ себѣ примѣсь другаго, хотя родственнаго, показанія етѣ принадлежатъ *Булгарамъ*, послѣ разрушенія ихъ перваго Царства, далѣе *Сербамъ*, и наконецъ *Рускимъ*.

Изъ *первыхъ* (Булгарскихъ) въ нынѣшнее время могу назвать: 1) «Сказаніе ѿ сѣтвореніа міра», т. е., краткое исчисленіе замѣчательнѣйшихъ событій, найденное мною, въ 1842 году, въ концѣ одного рукописнаго Служебника, вмѣстѣ съ Храбровымъ Сказаніемъ о писменехъ; оно принадлежитъ Вратиславской Гимназической библіотекѣ при церкви св. Магдалины. Сдѣсь, въ концѣ этого лѣточислительнаго Сказанія, предъ самымъ Сказаніемъ Храбра, читаемъ коротенькій итогъ времени, прошедшаго отъ Р. Х. до Михаила, царя Греческаго: «Ѿ Хѣа Рождства до ѿрага пракоцрнѣа црѣ Костатина лѣтъ .лѣи. (318), Ѿ Константина црѣ до Михаила црѣ Греческаго лѣтъ .фѣи. (542). Въсѣхъ лѣтъ ѿ Адама .зѣи. (6865).» За симъ слѣдуетъ самое свѣдѣтельство, какъ увидимъ сейчасъ ниже, о крещеніи Моравы, посланіи въ нее Кирилла и Меѳодія и переводѣ ими Св. Писанія на «Словенскимъ языкъ на Българскимъ». Послѣднія слова составляютъ, какъ уже было доказано разъ мною въ особой статьѣ, единственное прямое свѣдѣтельство, дошедшее до насъ отъ древности, о томъ, на какой именно языкъ переведено Священное Писаніе. А какъ лѣточисленіе тутъ доведено только до 18-го года царствованія Михаила III-го, т. е. $318 + 542 = 860$, то это указываетъ намъ на самое время составленія онаго; послѣ того указаніе на 6865 годъ отъ со-

творенія міра принадлежитъ послѣдующему времени, т. е., тому лицу, которое, выставивъ этотъ годъ въ семь лѣточисленіи, прибавило еще отъ себя извѣстіе о принятіи Христіанства Моравскими Славянами и посылкѣ къ нимъ Селунскихъ апостоловъ, переведшихъ Св. Книги съ Греческаго языка на Славянобългарскій. Стало быть, егѣмъ опредѣляется самое время происхожденія нашего свѣдѣтельства, именно: это будетъ половина XIV-го вѣка: 6865 г. отъ Адама и 1357 отъ Рожд. Христова, т. е., при Шишманѣ, послѣднемъ царѣ Българскомъ, преемникѣ Александра, при коемъ списанъ былъ, попомъ Филиппомъ, Сборникъ, содержащій въ себѣ, между прочимъ, «Събраніе латно (Временникъ) врандара Мамаси», 6653 (1345) г., по сию порю, къ сожалѣнію, не обнородованное. Это подтверждается и самымъ языкомъ Сказанія, который, не смотря на то, что содержитъ въ себѣ много старинны, по правописанію, принадлежитъ къ разряду Среднебългарскому (76). Въ этомъ-то лѣточислительномъ Сказаніи читаемъ, послѣ означенія 6865 года отъ Адама или 1357 отъ Р. Х., тотчасъ свѣдѣтельство о занимающемъ насъ вопросѣ: «Въ црствю сего Михаила црл ирченъ емствъ Словенскимъ изымъ Морянъ, и давъ емствъ нмъ епѣ Меооди, и повелъ съ нимъ, братъ его Кирилъ, едѣ философа сѣла, сѣлъ Меооди, едѣ философа. Сѣлъ нтъ предложиста нтъ Бжствное писаніе Греческимъ языкъ на Словенскимъ изымъ на Българскимъ.» Стало, по этому показанію, Меоодій выдвинуть на первое мѣсто, а Кирилъ приданъ ему, конечно, по Фому, что тотъ названъ въ немъ епископомъ: совершенно на оборотъ противу свѣдѣтельства Житія Меоодіева, въ коемъ сказано, какъ мы видѣли уже, что Константинъ, «оустронѣкъ писмена и беседаю составѣлъ, поутѣ сѣ нтъ Морнѣскимъ, поимъ Меоодицъ,» гдѣ послѣдній «слушатъ намъ съ покорьмъ покинѣдасѣ словѣннѣ философу и оутѣти съ нимъ;» тутъ «намъ» составляетъ намекъ на первое покорное служеніе его младшему брату въ Козарахъ. Впрочемъ, въ заглавіи къ Проложному пергамъ Житію ихъ XIII или XIV-го в., находящемуся въ Румянц. Музеѣ, оба они, какъ извѣстно намъ, названы даже архіепископами. На послѣдокъ, достойно примѣчанія, что тоже оба они поименованы философами и переводчиками (послѣднее встрѣчаемъ и въ другихъ показаніяхъ) Св. Писанія

именно на Славянобългарскій языкъ, что совершенно ими въ 860 г., или въ слѣдъ за тѣмъ. Годъ этотъ открывается изъ показанія лѣтъ отъ Р. Х. до Константина Великаго, а отъ него до Михаила III-го, протекшихъ, т. е., $318 + 542 = 860$.

2) Показаніе о «днѣ кончины Меодія, архіепископа Моравска,» заключающееся въ рукописномъ «Апостолѣ» XII-го в., найденномъ въ Охридѣ и замѣчательномъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ есть двѣ страницы, писанныя на половину Кириллицей и Глаголицей, а, сверхъ того, и въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются какъ отдѣльныя буквы, такъ и цѣлыя реченія Глагольскія. Нашедшій относитъ его къ XII-му вѣку; но, судя по сообщенной имъ выпискѣ (всего 4 строчки), можно сказать навѣрное только то одно, что памятникъ этотъ списанъ съ Глаголицы (77). Вотъ это показаніе: «Въ тожде днѣ поуми блаженъ ѿць нашъ Меодіе архіепіскопъ Моравскъ, оучитель Словянскую азбуку, иже приложи къ сиресъ, наставлялъ ꙗти ѿ Грецьскя въ Словянскы азбуки (78).» Безъ сомнѣнія, подъ «къ сиресъ» разумѣется тутъ либо 1-я глава Евангелія отъ Іоанна, читаемая въ Свѣтлое Воскресеніе Христова, либо же, точнѣе всего, Евангелія на дни воскресные или недѣльные, «Апракосъ.» Слѣдовательно, етѣмъ утверждается участіе Меодія даже въ переводѣ Воскресныхъ Чтеній, обыкновенно приписываемыхъ одному Константину. Далѣе: «наставлялъ ꙗти ѿ Грецьскя въ Словянскы азбуки,» по моему мнѣнію, означаетъ не то, чтобы одинъ лишь онъ сталъ писать съ Греческаго по Славянски, т. е., Греческими буквами, примѣненными къ свойству Славянскихъ звуковъ, но только вообще, что и онъ, какъ братъ настоящаго изобрѣтателя Славянскаго азбуки по образцу Греческой, принадлежитъ къ первымъ, начавшимъ употреблять ее. О Кириллѣ же не сказано здѣсь по тому, что онъ «поуми» не «въ тожде днѣ.» Иначе, слѣдовало бы показаніе это поставить выше всѣхъ другихъ показаній и, согласно съ нимъ, приписать, вопреки свѣдѣтельству всей древности, переводъ Воскресныхъ Евангелій, а съ тѣмъ и изобрѣтеніе письменъ, не Константину, но Меодію, какъ того (т. е., послѣдняго) дѣйствительно и хочетъ сочинитель статьи «О древней письменности Славянъ (стр. 67—89).» Но,

чтобы доставить мнѣнію своему какую либо степень вѣроятности, надлежитъ, прежде всего, доказать несостоятельность всѣхъ прочихъ свѣдѣтельствъ, въ пользу Кирилла говорящихъ, что, надѣюсь, едва ли возможно.

3) Показаніе древней «*Службы св. Меодію,*» находящейся у того же самага лица, что и предыдущее, въ одномъ тропарѣ коей онъ названъ «*обратникомъ буквъ:* «Законъ благодати вѣнчателя стажихъ си, стѣю Меодіе, тѣмъ оубо бысть скатымъ коучамъ прѣмѣдръ обратникъ и прѣдаль еси своимъ людемъ и стадоу оучении ихъ, ни же утѣше и поучающеся въ скатыи книги благоговѣати Господи» (стр. 68). Сдѣсь слово «*обратникъ*» можетъ представлять два смысла: по первому оно то же, что *обратитель*, отъ *обратити*, оборотить, слѣдственно, тотъ, кто обратилъ что либо отъ чего либо и къ чему либо, тутъ — Греческія письма въ Славянскія, т. е., сдѣлалъ ихъ Славянскими, принаровивъ или примѣнивъ къ звукамъ Славянскимъ, стало быть, обратникъ то же, что примѣнитель. По второму смыслу обратникъ то же, что обрѣтатель, находчикъ, отъ *обрѣсти*, т. е., допустивъ, что въ немъ ѣ измѣнилось въ *а*, какъ въ Церковнославянскомъ прѣславѣмъ, гдѣхъ; Полабскомъ млака, цлавакъ, дара, нина, пана, Любомаръ, и под., вмѣсто, прѣславѣмъ, гдѣхъ; млѣко, цлавѣкъ (человѣкъ), дѣра, нынѣ, пѣна, Любомѣръ (79). Изъ етѣхъ двухъ объясненій трудно сказать, которое вѣроятнѣе; но, во всякомъ случаѣ, отъ того ли, другаго будемъ производить его, главный смыслъ одинаковъ — изобрѣтеніе или нахожденіе буквъ Меодіемъ для Славянскихъ звуковъ, намекалъ ли писавшій етѣмъ на простое обращеніе Греческаго письма въ Славянское посредствомъ снаровки или примѣненія чуждыхъ знаковъ къ новымъ, что, судя по большинству буквъ, взятыхъ изъ Греческаго алфавита, вѣроятно; или же видѣлъ въ етомъ только обрѣтеніе, иначе изобрѣтеніе, составленіе. Судя по выраженію «*оучении ихъ,*» т. е., познаніе, которое передалъ онъ «*своимъ людемъ и стадоу,*» естественнѣе будетъ предполагать послѣднее толкованіе. Но подъ етѣмъ я понимаю только примѣненіе Греческихъ буквъ къ Славянскимъ звукамъ, отнюдь же не къ какимъ-то извѣстнымъ уже въ Славянскомъ языкѣ буквамъ

(80), слѣдовательно, существовавшимъ до Константина и Меѳодія, которыя, во первыхъ, вовсе не извѣстны, а допускаются только утверждающимъ это, какъ извѣстныя, и, во вторыхъ, если бы это было такъ, то не для чего было бы тогда и трудиться обращать ихъ. «Однако,»—замѣтятъ мнѣ, «такъ ли, иначе, все же Меѳодій, а не другой кто, не Константинъ или Кириллъ, братъ его, по прямому смыслу этого показанія, былъ обратникъ или обрѣтникъ, обрѣтатель Славянскихъ буквъ?» Свѣдѣтельство это принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ составленіе нашей азбуки, дѣйствительно, приписывается старшему изъ двухъ братьевъ. Уже Добровскій обратилъ на это обстоятельство вниманіе, и по тому, въ сочиненіи своемъ о Кириллѣ и Меѳодіи, распредѣлилъ всѣ свѣдѣтельства объ изобрѣтеніи письменъ въ этомъ отношеніи на три разряда: на свѣдѣтельства, приписывающія то одному Кириллу, Меѳодію и, на послѣдокъ, обоимъ вмѣстѣ. Замѣтимъ, что второе мнѣніе утверждали до сихъ поръ только Западныя показатели, но отнюдь не очевидцы, хотя отчасти и современники, именно: неизвѣстный Зальцбургскій сочинитель исторіи обращенія въ Христіанство Баварцевъ и Хорутанцевъ, и Салонскій Соборъ. Это и естественно было, по тому что и Зальцбургское и Далматское Католическое духовенство больше и дольше всего соприкасалось и спорило не съ Константиномъ, который промелькнулъ въ Моравскихъ и Паннонскихъ странахъ какъ бы молніей (всего съ небольшимъ 4 года, а по другимъ и меньше), но съ Меѳодіемъ, которой трудился тутъ около 20-ти, и даже, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, за 20 лѣтъ одинъ, и при томъ, какъ верховный духовный пастырь обширнѣйшей іерархіи. Отправляя богослуженіе на языкѣ народа Славянскаго, для котораго отыскались даже особыя письмена, получившія, съ той поры, названіе Славянскихъ, Меѳодій особенно былъ непріятенъ Латинскому священству, которое, въ жалобахъ своихъ, прямо высказываетъ это, ни мало не скрывая причины ненависти къ нему: «*Quidam Graecus nomine, noviter inventis Slavinis literis, linguam latinam doctrinamque romanam atque literas auctorabiles latinas, philosophice superducens, vilescere fecit*» (*Anonymus Salisburg.*); «*qui (quidam Methodius haereticus) multa contra catholicae fidei normam, in eadem*

Slavonica lingua manendo conscripsit (*Archidiaconus Thomas Salonit.*).» А что къ симъ чужимъ свидѣтельствамъ присоединяется теперь и Славянское, причину тому, полагаю, слѣдуетъ искать не въ етѣхъ свидѣтельствахъ; но, скорѣе, въ нѣкоторыхъ туземныхъ показаніяхъ. Таковы, прежде всего, отчасти неточныя выраженія самыхъ Жизнеописаній Кирилла и Меѳодія въ разсказѣ объ изобрѣтеніи письменъ. Въ первомъ читаемъ, какъ Константинъ, склоняся на увѣщаніе царя, «по прѣкомоу обзѣваю, на мѣткою са иложи, и съ шѣми съ поспѣшными;» а во второмъ увѣщаніе царя обращено къ обоемъ братьямъ, которые «не съмастѣса брѣдѣи ни Бѣ, ни црѣ... ни вели(коу) слышашѣша рѣчь, на молиткою са иложиста и съ шѣми, иже блѣдоу того же дѣа, иго же и си.» Если взять етѣ слова отдѣльно, то не только, прежде всего, подумаешь, что оба брата участвовали въ изобрѣтеніи, но даже при пособіи другихъ поспѣшниковъ, бывшихъ одинаковаго съ ними духа (разумѣется, больше всего, учениковъ и сотрудниковъ въ дѣлѣ обращенія народовъ въ Христіанство), между тѣмъ какъ, снесши его мѣсто съ предыдущимъ и послѣдующимъ, откроемъ, что все оиспѣшествованіе Меѳодія и иныхъ единомысленныхъ ограничивалось въ семъ случаѣ только общей молитвой. Да при томъ, въ томъ и другомъ Житіи, при разсказѣ о самомъ изобрѣтеніи письменъ, прямо указывается на одного только Константина: «къ скороу емоу (Константину) Бѣ мѣи, послушани мѣткѣ рѣкъ своихъ, и тогда сложи писмени, и явуа бесѣдоу писати Славяньскоую.» И ниже, въ посланіи Михаила къ Ростиславу: «и то ти посладомъ того, емоу же са Бѣ мѣи, моужа уестѣи и благозрѣи, книжна зѣдо, и философѣ.» Последнее названіе во всѣхъ источникахъ усвоется всегда почти одному лишь Константину или Кириллу. А выраженіе: «посладомъ того, емоу же Бѣ са мѣи,» какъ сходное съ предыдущимъ, относящимся къ явленію ему Богомъ письменъ, т. е., внушенія касательно изобрѣтенія ихъ, и сдѣсь должно, по тому, означать тоже. Въ Житіи же Меѳодія прямо сказано объ изобрѣтеніи азбуки нашей именно философѣмъ: «да тоу мѣи Бѣ философу Словѣнскимъ книги, и азбукъ оустроивѣи писмени и бесѣдоу съставлял, поути са мѣу Моравьскимъ, пошѣи Меѳодіи.» Слѣдовательно, Меѳодій въ семъ дѣлѣ, т. е., въ

самою изобрѣтеніемъ; является, собственно говоря, въ сторону, равно какъ и при переводѣ бесѣды Евангельской (Евангелія отъ Іоанна), а за нимъ и прочихъ Воскресныхъ или Недѣльныхъ чтеній (въ переводѣ конхъ, можетъ быть, и участвовалъ, но не въ переводѣ, по крайней мѣрѣ, 1-й главы отъ Іоанна, что принадлежитъ, по прямому смыслу Житія Константинова, одному лишь Константину), и только послѣ совершенія всего этого, Меѳодій, бывшій, статься можетъ, въ то время все еще настоятелемъ Полхронской обители, присоединяется къ Константину, отправляется съ нимъ въ Моравію и начинаетъ опять помогать ему въ новомъ подвигѣ. «Низъ сего да не можеть сътворити, разже тебе,» говоритъ царь Константину; «тъ мѣти дѣры мнози, и понимъ братъ скон, игоумевъ Меѳодии, иди же... научать (Меѳодій) пакы съ покорымъ поклоуася слоужити философю и оугити съ нимъ.» Да и царь Михаилъ, въ упомянутомъ выше посланіи своемъ къ Ростиславу, ничего не говоритъ объ участіи Меѳодія въ изобрѣтеніи азбукъ, между тѣмъ какъ тутъ-то и было самое настоящее мѣсто къ тому, если бы старшій братъ, по крайности, сколько ни будь замѣшанъ былъ въ этомъ дѣлѣ; если бы сочинитель Житія зналъ что либо о томъ, сочинитель, съ такою обстоятельностью и подробностью изобразившій намъ жизнь его. При томъ, Константинъ отличался особеннымъ даромъ и способностью къ языкамъ, а Меѳодій совсѣмъ другими, не менѣе важными, но все же другими, способностями и свойствами. Такъ въ самыхъ дѣтскихъ лѣтахъ, когда отданъ былъ «къ оугенію книжнов, Константинъ спаше науче всѣхъ оугеникъ въ книгахъ, паматію и хитростію (быстротою ума) доброю памятью, мнози двентиса всѣхъ, съдаше бо къ домоу своемъ, оугася книгамъ изучестъ;» вызванный логоветомъ Теокистомъ, родственникомъ своимъ, ко Двору, въ товарищи при ученіи молодому Михаилу, «илемусъ къса (Славянскы оугени), мно же ин единъ ѿ нихъ (соучениковъ), скоростъ са съ прижежливемъ съключи, съ тамъ всядоуаше, съ ними же блаше полезите, оуклянаса ѿ оуклоуающихся въ стровѣтъ.» По совершеніи же образованія, его уговорили «оугувельнымъ слухъ вѣрити, оугити философию своа земца и странна.» Въ этомъ званіи онъ показалъ себя особенно въ прѣвнн съ патриархомъ Аяннемъ, иконоборцемъ, въ присутствіи царя и высшаго

духовенства (843, на 16 году отъ рожд.); потомъ не менѣе отличался въ прѣнїи съ Сарацинами (851, на 24 г. отъ рожд.) о Сятой Троицѣ, требовавшими нарочно для того лучшаго философа изъ Грековъ (кажется, у Мелитенскаго емира, Аммермана); по возвращенїи оттуда, удалился въ безмолвіе, на гору Олимпъ, къ брату Меоодию, тоже проводившему тамъ жизнь въ отшельничествѣ, «томо книгами бесѣдоуд.» Такіе успѣхи побудили царя отправить его и къ Козарамъ, просившимъ прислать къ нимъ «моужа книжиа, да препрїтъ Евреа и Срдѣины,» склонявшихъ ихъ въ свою Вѣру, и соглашавшихся послѣ того принять Греческое исповѣданіе: «то мо вѣшоу са вѣроу имемъ.» Достоинно вниманія, что и тутъ, какъ послѣ, при отправленїи къ Славянамъ, императоръ замѣтилъ ему: «ниъ во ннито не можеть сего достоинно сѣтворити.» Потому-то и писавшїй Похвальное Слово ему выразился о немъ: «родъмъ съ мнѣни вѣжнѣи Костантинъ, а оумъмъ и добродетельми вѣспрѣ възвѣтамъ мно же оумъмъ дѣоковыми придома и свѣтаса вѣсѣмъ оуученикъмъ философскѣмъ... слово рѣсѣкъ комоуждо изъикоу протнкоу спокмоу рѣдоумоу, въ во имоу данъ дѣрѣ дѣоковыми изъими гѣти мно и айлоу.» Напротивъ, Меоодїй, по словамъ жизнеописателя его, отличаясь благообразїемъ, любя «издѣтаси устьыми бесѣды,» сначала быстротою своею (способностями) побудилъ царя дать ему «нашеени дѣржати словѣмъско,» которое, однако, послѣ 10-ти лѣтняго управленія, оставилъ, замѣтивъ много безчиннаго въ жизни сей и, не хотя «устьымъ дѣа орѣкѣтнѣ (навлечъ на себя роптанїя благородныхъ душъ), овѣтѣса къ урѣи рѣхи,» удалился на Олимпъ въ уединенїе, гдѣ тоже «прлежаше», между прочимъ, «и книгамъ.» Тѣми же самыми красками изображаетъ его и сочинитель Похвальнаго Слова: «измада житнѣснѣи сѣмъ нахѣтъ принмѣти, моудростнѣю бо мно цѣтѣтъ вѣгоукальнѣ цѣтѣтнѣ, вѣсѣми вѣдѣтѣми бѣлюбнѣмъ, въ бесѣдахъ мно Соломонъ вѣвѣлѣшѣса, днѣнѣма прѣтѣумъ и наказаннѣа и вѣспрѣшаннѣа износѣа, на слоужѣтъ вѣсѣмъ оугоднѣмъ, мно и крилатѣ обрѣтѣшѣса, и на конѣа мно и Слѣхсонъ и Гедвонъ и Їсѣ Навѣгнѣмъ, тѣмъ же и комѣодѣскѣи сѣмъ приннѣмъ.» По удаленїи на Олимпъ, «бѣзъ поевнѣоумѣса вѣсѣмъ съ покорѣннѣмъ и сѣмѣрѣннѣмъ, къ вѣдѣтнѣи и молнтѣа, къ сѣтоужѣннѣи и слоужѣтъ, въ издѣрадѣвѣ пощѣннѣи, въ тѣрѣкѣтнѣи вѣсѣгда, къ оумнѣннѣи дѣоковѣмъ, къ пѣауѣ вѣаѣтъ, бѣ оумѣю истоуникѣа испоуѣшѣа мно рѣкоу, и тою оумѣю

какъ все тѣло своимъ, пахъснаго покомъ отиноудѣ невядѣи, или жесть, нѣ на вѣсноу ношѣ стокъ, ѿ зходоуца сѣнца до вѣскодауца не даи съна оумна своимъ, ни кѣжла си дреманни, ни покомъ брѣкъша своимъ, пооууакса къ всламѣхъ и пѣннѣхъ и пѣсмѣхъ дѣоуѣннѣхъ, сънодеуагасъ съноступноути житни стѣхъ оиръ, ѡкы же прѣсия кротостию и мѣдуаннѣмъ, а друугимъ постѣмъ и бѣдѣннѣмъ и мѣтею и съмѣреннѣмъ въздрядно, и тако имѣспитъ къкъкъ къ къкъкъ оирѣхъ, водокѣхъ кѣлнкому Дръсению и Автонию и Слѣа, къкъкъ житни совою съмѣршамъ.» Такое подвижничество обратило вниманіе на него всѣхъ прочихъ подвижниковъ, которые, съ согласія патріарха, желали поставить его митрополитомъ «къ устьямъ масть,» но, не могли убѣдить его къ тому, склонили принять игуменство въ Полихронскомъ монастырѣ, одномъ изъ богатѣйшихъ на Азіатской сторонѣ Мраморнаго моря (81). Впрочемъ, и жизнеописатель Кирилла, рассказывая о Ростиславовомъ посольствѣ и соѣщаніи царя на особенномъ соборѣ, снова влагае въ уста Михаила то же самое, что прежде, при отправленіи къ Козарамъ, и тѣмъ, какъ нельзя лучше, опредѣляетъ отличительную черту свойствъ младшаго изъ братьевъ, которыми онъ превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ, слѣдоват., и брата своего, т. е., глубокую *ученость и языковѣднѣе*. Пособіе же Меоодія младшему брату въ такомъ высочомъ дѣлѣ, совершенное, съ особенной кротостію, и въ етотъ разъ, какъ и прежде (въ посольствѣ, конечно, къ Козарамъ), стало, ограниченіе себя второю ролью (что жизнеописатель и выставляетъ на видъ); далѣе, ученіе съ нимъ вмѣстѣ и въ одинаковомъ духѣ, равно какъ долговременная дѣятельность послѣ смерти братьней и особенная заслуга въ окончаніи перевода Божественнаго Писанія на Славянскій, преимущественно ему приписываемая біографомъ его: все это, въ совокупности взятое, очень могло навести на мысль читавшихъ его жизнь, что и онъ былъ участникомъ въ составленіи писемъ для того народа, для котораго столько потрудился. Это и видимъ мы (не говоря уже о неизвѣстномъ сочинителѣ исторіи обращенія Баварцевъ и Хорутанъ, равно какъ и о Сплитскомъ архидіаконѣ Томѣ) въ Несторовомъ разказѣ, который, какъ замѣчено уже, составилъ его преимущественно по Житію Меоодіеву, и который

сдѣлать участникомъ и Меѳодія въ изобрѣтеніи азбуки: «Сима же пришедъшема въ Словѣньскую землю (къ Ростиславу), начаста съставлявати писмена азъбуковѣныя Словѣньски, и преложиша Апостолъ и Еуангеліе (П. С. Р. Д. I, стр. 11).» Сообразивъ всѣ егѣ обстоятельства, и я спрашиваю, на оборотъ: можно ли заключать, что «Меѳодій сталъ первый писать Греческими буквами въ Славянскій языкъ?» (82).

Изъ вторыхъ (Сербскихъ) относятся сюда показанія, встречаемыя въ небольшихъ Сербскихъ летописяхъ, изъ коихъ двѣ обнаружены уже Шафарикомъ въ его «Югославянскихъ памятникахъ», именно:

1) «Летописьць» по списку Сеченіевскому, около 1501 года, въ которомъ читаемъ: «Въ лето .,sīx. (6360—852) написа се се словеса светымъ Кирилломъ.»

2) По списку рукописи Рацкой (изъ Рачи) около 1671 года: «Въ лето .,sīx. (6360—852) написа се наша словеса светымъ Кирилломъ философомъ и оучителемъ Българскаго языка, при црн Гръцкомъ Михаиле и Обедори матери его, иже оутвърдише климати се светымъ иконамъ.» (83). Кромѣ указанія на годъ изобрѣтенія «нашихъ словесъ» Кирилломъ, важно въ послѣднемъ еще названіе его «оучителемъ Българскаго языка» (народа). Если это мнѣніе и не слишкомъ отдаленной древности, все же оно обличаетъ взглядъ людей, по крайней мѣрѣ, XVII-го вѣка, видѣвшихъ въ Кириллѣ наставника Славянъ Българскихъ, по тому что подъ «Българскимъ языкомъ» сдѣсь, конечно, должно разумѣть не собственныхъ Булгаръ и языкъ ихъ, т. е., племя, принадлежащее къ Сѣверной вѣтви языковъ, родичей Гуновъ, Обровъ, Козаръ, Печенѣговъ, Половцевъ, Татаръ, Турокъ, и т. под., но народъ и языкъ Славянский, покоренный Булгарами и въ это время успѣвшій уже побѣдителей своихъ и владыкъ почти совершенно слить съ собою, за исключеніемъ одного имени, оставшагося на память прошедшаго, какъ наше имя Русь, свѣдѣтельствующее тоже о подобномъ отношеніи двухъ народовъ, кромѣ покоренія, замѣннаго у насъ призваніемъ.

3) Свѣдѣтельство «Сказаніи възраста старшаго ѿ Адама до дѣтскаго вѣку», помѣщеннаго въ концѣ одного сборника разныхъ подлинныхъ и переводныхъ (съ Греческаго) сочиненій на Церковнославянскій языкъ по Сербскому изводу (редакціи), прежде принадлежавшаго Черногорскому Владыкѣ, Петру Петровичу Нѣгошу 1-му, и подареннаго имъ извѣстному Польскому ученому, Андрею Кухарскому, во время его путешествія (ок. 1830 г.) по Славянскимъ Землямъ, съ цѣлію занять кафедру Славянскихъ нарѣчій, въ прежнемъ Варшавскомъ Университетѣ (84). Въ 1842 году я имѣлъ случай разсматривать этотъ сборникъ въ самой Варшавѣ и сдѣлать изъ него большія выписки, изъ коихъ одну, именно, относящуюся къ теперешнему предмету моего изслѣдованія, обнародовалъ тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Москву (85). Сказаніе это составляетъ окончаніе сборника, состоящаго изъ 4-хъ книгъ, изъ коихъ первой недостаетъ уже начальныхъ 14 листовъ, и состоитъ изъ 5 статей. Сказанію предшествуетъ «Житіе и жизнь пріо поминнаго слоужаго бѣгоустиаго гдѣ деспота Стефана, съмисливо покаянныи и помоужденныи стѣнаго патриарха земле тое Сръбские, крѣ Никѣномъ и полатій илуцѣныи.» и проч.; а выше (№ 49): «Георгіа икона о Моукмеде,» равно какъ (№ 48) «о преставленіи деспота Гюрга изъ граде Смедерова» (6965—1457); въ срединѣ же 4-й книги (№-и 25): «Новѣсть изложена о Сръбскѣи госпѣ, иже поименованъ къ земли Сръбстанѣ бѣхъстѣи своего, коликѣ кто поиметь, и ѿкуда илуцество просебе, и кто по кѣ высть, и клянокѣ кончанъ приде.» Самое Сказаніе содержитъ исчисленіе замѣчательнѣйшихъ событій съ приуроченіемъ ихъ къ году. Судя по слѣдующимъ словамъ: «Въкоуча ѿ Адама дозѣ лѣ, зѣмъ,» (6856—1348), видно, что Сказаніе сіе первоначально оканчивалось въ этомъ мѣстѣ, и что дальнѣйшее, въ которомъ чрезвычайно много и точно говорится объ отношеніяхъ Сербовъ къ Греческой и Турецкой Имперіямъ, а также и прочимъ сосѣдямъ, составлено было уже послѣ, и при томъ въ нѣсколько пріемовъ. Эта вторая часть его доведена до лѣтъ (7082—1574) лѣта: послѣднее извѣстіе о преставленіи «прѣосвѣщеннаго архіепископа Амѣонѣа, тожде чрѣе Пейские архіепископа» (86). Въ его-то первой части читаемъ слѣдующее извѣстіе: «Михаилъ сѣи Осѣфловъ съ матерію си Осѣровъ,

лѣ .ѣ. и съ Ксислѣмъ Миледонѣмъ лѣто едно, и мѣ .д̄. При сихъ описаніи се Прокославѣ и икоини стѣмъ въ цркви кытаише се илмы, и Българи хрѣтланы быше, и слокаси Слокенскыиа състакыше се стѣмъ Курѣлѣмъ къ лѣ .стѣ. (6360—852). Ксислѣ Миледонъ .ѣ. лѣ. При сѣ Руси ирѣтныи се и быше Хрѣтлане.»

Наконецъ , къ Сербскому разряду относится и показаніе «Синаксаря» или Святцевъ при Псалтыри, печатанной въ Черногорьѣ, на Цетинѣ (въ 4-ку, на 347 лист.), 1495 года, второй изъ напечатанныхъ тамъ книгъ (первая, Октоихъ или Осмогласникъ 1494 г., въ л., на 270 л., отъ коей сохранился только одинъ листъ въ мѣстѣ печатанія своего), и дошедшей къ намъ только въ одномъ экземплярѣ, который, какъ сказано было г. Кухарскому, уступленъ въ одно изъ Рускихъ книгохранилищъ (87). Въ Синаксарѣ этой псалтыри читаемъ, подъ 14-мъ февраля: «Светаго Кирилла философа и оутителя Слокенскаго» (88). Слѣдовательно, изъ этого узнаемъ только, что Кириллъ философъ и по свѣдѣтельству одной изъ древнѣйшихъ первопечатныхъ книгъ Кириллицей былъ учителемъ Славянскимъ. Въ другихъ же, какъ древняго, такъ и послѣдующаго, времени Мѣсяцесловахъ, рукописныхъ и печатныхъ, не рѣдко и того менѣе говорится о немъ. На примѣръ, въ Синаксарѣ, при извѣстномъ Остромировомъ Евангеліи: «д̄и (фекрѣра) иѣ ирѣданаго Лухейта уоудотворѣа, и ирѣданаго оца нашего Константина философа, ирѣсенаго къ урнѣхъустко иисельмъ Курѣла» (оборот. 265 листа, столб. 2). А въ Синаксарѣ харатейнаго (или пергаменнаго) Евангелія «Апракосъ», принадлежащаго Московскому Архангельскому Собору, № 3-й, въ л., (на обор. 251 л., столб. 1), подъ 6-мъ апрѣля: «Въ .ѣ. стѣхъ сѣиомѣхъ .ста. и .ѣ. и стѣо оца, сѣтѣха архиепѣа. И стѣо Мефедѣа архиепѣа, и Курѣла крѣта иго.» (89) На оборотѣ, въ Святцахъ нѣкоторыхъ, весьма старинныхъ, рукописныхъ Евангелій и т. п. (на прим., при пергаменномъ Мстиславовомъ Евангеліи, хранящемся въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, 1125 г., № 1-й; при такомъ же Евангеліи 1144 г., Московской Синодальной Библиотеки, и др.), вовсе не находимъ ни одного изъ Селунскихъ просвѣтителей Славянъ.

Изъ *Третьихъ* (Русскихъ) принадлежатъ сюда:

1) *Сказанія Русскихъ Хронографовъ*, изъ коихъ, въ нынѣшнее время, доступны мнѣ слѣдующія: а) *Сказаніе Хронографа*, писаннаго на бумагѣ, въ 4-ку, полууставомъ, конца XV-го вѣка (1494 года), въ *Псковѣ*, *Дьякомъ съ Дубкова* или изъ *Дубкова* (въ подлинникѣ *Сдубкова*), и находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Петербургѣ (въ мал. л., на 475 л., въ два столбца, полууст.). Сказаніе это напечатано при сочин. Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій» въ Рускомъ переводѣ, въ числѣ «Приложеній» (III-е, стр. 108—120); самъ же Хронографъ подробно описанъ А. Х. Востоковымъ (въ «Описаніи Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музея,» подъ № ССССЛІІІ, стр. 725—734). Отсюда узнаемъ, что онъ «содержитъ въ себѣ сначала *Палею*, т. е., Священную Исторію по книгамъ Ветхаго Завѣта, со вставками изъ апокрифическихъ книгъ, потомъ Исторію Монархій по Временнику Георгія Амартола, а Русскія происшествія только до Владиміра, въ немногихъ краткихъ выпискахъ. Начинается шестодневомъ, т. е., описаніемъ сотворенія міра, съ богословскими толкованіями, болѣею частію по шестодневу Іоанна Ексарха; при чемъ сочинитель часто обращаетъ слово свое къ Жидовину, приводя противъ него изъ Ветхо-Законныхъ книгъ доказательства о истинѣ Евангелія.» Такъ какъ въ этомъ спискѣ первые листы утрачены (до описанія 3-го дня), то и нельзя знать, каково было, собственно, начало его; но, судя по Сборнику подъ № ССССЛХІ (въ мал. л., на 347 л., полууст. исхода XVI, или начала XVII в., заключающаго въ себѣ только изъясненіе Книги бытія до Авраама, послѣ чего слѣдуютъ разныя историческія и богословскія статьи; стр. 517—519), содержащему въ себѣ тоже *Палею*, заглавіе было: «*Палея ꙗкодоваго оца нашего Іоанна Дамаскина.*» Въ другихъ спискахъ (Собранія Гр. Толстова I, 78, и V, 50) она приписана Іоанну Златоусту. *Палея* эта, замѣчаетъ Востоковъ (тамъ же), совершенно отлична отъ *Палеи*, находящейся въ Румянц. Музеѣ подъ № СССХСѴІІ (въ 4-ку, 310 л., полуустав. XVII в., подходящимъ къ скорописи), собранной изъ Хронографовъ и тому подобныхъ источниковъ (стр. 421—422), съ довольно длин-

нымъ заглавіемъ (90). Послѣ взятія Царяграда Турками, слѣдуетъ, съ 287-го л., краткое повѣствованіе о Рускихъ происшествіяхъ отъ Рюрика до Михайла Федоровича. За то Хронографъ дѣяка съ Дубкова, судя по описанію его, совершенно сходенъ съ «Палеей», принадлежащей В. М. Ундольскому, въ л., на бумагѣ, полууставнаго, довольно четкаго, письма, на 885 л., съ таковымъ заглавіемъ (писаннымъ золотыми буквами и киноварью): «Сѣ книга нарицаша Палеа толкова. Съ Бѣгомъ повинаемъ. Гѣ блѣ.» За тѣмъ самое начало, одинаковое съ Палеей Дамаскинской: «Бѣ прежде всѣхъ языкъ ни пачаа шѣ, ни коща, яко Бѣ силенъ,» и проч. Конецъ же ея почти до слова одинаковъ съ концемъ Хронографа какъ передъ послѣсловіемъ, такъ и послѣ него; но самое послѣсловіе въ обѣихъ рукописяхъ различно и указываетъ на время, по крайней мѣрѣ, переписки той и другой. Въ первомъ оно такого содержанія (л. 454): «Въ лѣтѣ 738 вродѣ слышо .к. аѣ .і. видѣ .в. написаны быша сѣи книги въ градѣ бѣгомъ спасемъ во исковъ пре великѣ книзи ꙗра всесъ русіи князе князьевнуи и при книзи великѣ князѣ его дмитрѣи иванокѣи и при всеѣщимѣ хрѣстѣиъ великого новгорода и искова вѣлѣ генадѣи. и при книзи исковскѣ князьевнуи при послѣднѣ исковскѣ степенѣи мковѣ афанѣевнуи и левонтеи тимофеевнуи. списѣ сѣбѣ на оутѣшаніе многогрѣшномуу самуѣи димкоу сдѣбкоу и послѣшаніе вѣломъи хрѣстѣио и кѣ по нѣи илѣи ѣсти данъ емѣ гѣи мѣтѣ свою и мѣтѣю дѣдию и ѣтѣю и мѣтѣю яко ѣ пѣно мѣтѣ ѣтѣи и мѣтѣ оутѣржаеть дома ѣдѣ вѣѣи и рѣ. яко гѣи сѣи рекаъ любаи ма и словеса моа соблюдаѣи и пѣи рекаъ еси сосоудѣи своѣи избранииъ пакѣи аѣлѣи любаиъи бѣа все поспѣваѣи во бѣгомъ. даи емѣ гѣи бѣи многомѣтѣе в сѣи языкѣ со бѣгомъи дѣамъ пожитѣи въ мѣтѣи твоѣи. мѣтѣамъи вѣтѣамъи твоѣи матери полуѣити ѣставленне грѣховъ въ ѣи языкѣи вѣдѣи хрѣстѣии вѣдѣи данѣи по дѣаѣи ишии коумѣиоу сѣи ко гѣи рекаъи к стѣи вѣтѣи просѣемѣу даиѣи толкѣемѣу ѣвердетѣи иѣиѣи ѣверѣи. яко аѣлѣи пакѣи гѣтѣи вѣгѣи ѣио не вѣи ни оѣхо не слыша ни на сѣрѣи ѣлѣкѣи вѣдѣи вѣгѣи бѣи оутѣтѣи любаиъи его. И скончаны быша книги сѣии ѣѣи аѣри дѣи на илѣи и ѣи во стѣи ѣѣи ишѣи испокѣии мѣтѣи папы рѣскаѣи.» (91) Во второмъ послѣсловіе ето стоитъ совершенно на томъ же самомъ мѣстѣ, но, гдѣ нужно, приспособлено писцемъ къ себѣ тѣми же выраженіями, что и въ первомъ: «Въ лѣтѣ 738. в. .к. .і. написаны быша сѣи книги. и аѣлѣи во градѣ бѣгомъ сѣсасемъ во исковъ. при великѣи книзи ꙗра

замѣтить, что та часть ея, въ коей заключаются свѣдѣнія, относящіяся къ нашему предмету, представляетъ, какъ нарочно, самое странное смѣшеніе извѣстій, взятыхъ на поддержку изъ разныхъ источниковъ, Богъ вѣсть къмъ составленныхъ, но списанныхъ обоими писцами со всею добросовѣстностью. Замѣчательно, что такая путаница существуетъ только въ одной етой статьѣ. Извѣстія егѣ, по видимому, всѣ подбирались, преимущественно, для уясненія начала крещенія Руси и, по поводу одного, начала грамоты въ ней и богослужебнаго языка. Доказательствомъ тому служить то обстоятельство, что въ етомъ хронографическомъ показаніи встрѣчаемъ нѣсколько разъ, кстати и не кстати, рассказъ о началѣ Христіанства на Руси и, съ тѣмъ вмѣстѣ, Славянской азбуки, изобрѣтенной, яко бы именно для Рускаго языка, Рускимъ и на Руси: мѣнѣе, которое довольно рано начинается уже показываться въ нашей письменности подъ разными видами, и которое вкралось даже въ изложеніе Паннонскаго Житія Кирилла, какъ видѣли выше, въ томъ его мѣстѣ, гдѣ рассказывается о пребываніи послѣдняго въ Херсонѣ и изученіи языковъ Еврейскаго и Самарійскаго, равно какъ, по нѣкоторымъ спискамъ, и въ изложеніе Храброва Сказанія о писменехъ, въ коихъ извѣстіе о «Словѣнскихъ книгахъ» всюду примѣнено къ «Русскимъ», хотя это было въ совершенномъ разладѣ съ предыдущимъ и послѣдующимъ, не говоря уже о самомъ содержаніи сказанія. Такъ, на примѣръ, въ статьѣ (по счету 26-й): «Преложеніе грамотамъ», найденной мною въ извѣстной (разумѣется, больше по названію) «Чепи златой» (93), по списку въ Четьи-Миней митрополита Макарія (помѣщенной послѣ 31-го іюля, начиная съ 1897 листа, и составляющей свободную передѣлку Сказанія Храбра), читаемъ: «Прежде же всѣхъ вѣсть ѿмѣдовская грамота. С темъ слыша Единьстѣи грамотуици, тае по сихъ Римская и проуѣи и ииѣи мѣоуи. По мѣоуахъ же лѣтахъ Русьскѣи, послѣ же всѣхъ Пермьскѣи.» Послѣднее слово указываетъ на вѣкъ составленія етой статьи, что еще больше видно изъ того мѣста, гдѣ сочинитель, подобно Храбру, отстаиваетъ ее отъ нареканій, и при томъ почти его словами и выраженіями: «А Русьскую лѣтѣику Единь, не вѣрѣи стѣе, съставивѣи стѣе. Таѣи и по

тому жъ Пермская грамота, иже Славянская, южъ Стефанъ сътвори, но Кирилъ философъ спосоклаше многажды братъ его Мефодъ, или грамоту складати, или азбуку съставити, или книги преложити. Стефану жъ никто жъ обратася помощникъ, разже токмо едиъ Бгъ намъ приешице и сила, помощникъ въ скорбехъ, обратшихъ ны зде.» Наконецъ, мѣсто о времени и годѣ составленія азбуки такъ передѣлано: «И аще въспросиши Русьскыя грамотныи, гдѣ: кто имъ есть грамоту сътвори и книги преложилъ, то вси издаютъ и всюря отвѣщаютъ, рекоуще: сынъ Костантинъ философъ, нарицаемъ Кирилъ; ты намъ грамоту сътвори, и книги преложилъ съ Греускаго языка на Русьскыи съ братомъ си съ брѣимъ с Мефодомъ, иже бысть послѣди еишъ Моравьскыи....» Вѣроятно, такая передѣлка Храброва Сказанія произошла, по крайней мѣрѣ, въ XV столѣтїи, т. е., вскорѣ послѣ кончины изобрѣтателя Пермской азбуки (1396 г.); слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что мнѣніе это встрѣчается намъ въ Палѣѣ и служило, такъ сказать, путеводной мыслью при составленіи свѣдѣнія о началѣ нашихъ письменъ, *сплоченнаю* кѣмъ-то изъ Паннонскаго Житія Кирилла и тому под. Въ послѣдствїи, етѣ извѣстія, отовсюду собранныя, были кѣмъ-то спутаны самими страннымъ образомъ, такъ что въ буквальноиъ смыслѣ слова представляютъ собою «*membra disjecta*». Пересмотримъ же составъ этой статьи со всѣми ея излучинами, безъ чего не можемъ имѣть яснаго понятія о достоинствѣ ея и отношенїи къ изслѣдываемому нами вопросу.

Статья наша соприкасается съ статьей, содержащей въ себѣ сказанїе о «Царствѣ Римскомъ,» отъ Ромула до Константина. Извѣстія етѣ чрезвычайно кратки, особливо со времени Константина, и при томъ переплетены, на своихъ мѣстахъ, вставками о рожденїи, жизни, страданїи и т. д. Христа, осадѣ и взятїи Иерусалима, Оригенѣ, Манентѣ, мученикахъ при Максимилианѣ и Діоклитїанѣ, 7-ми соборахъ, Бахметѣ или Магометѣ, Петрѣ Гугнивомъ и о Латинахъ. Самыя же вставки всѣ имѣютъ свой смыслъ и мало нарушаютъ стройность цѣлаго, что продолжается до самаго Михаила, сына Теофилова, т. е., того самаго, съ коего и Несторъ повелъ свой рассказъ о Рускомъ народѣ и его соплеменникахъ. Но тутъ начина-

ются пополненія нашего издѣлія, въ сущности ничѣмъ не хуже такихъ же въ другихъ Временныхъ Книгахъ, только, какъ сказано, страшно перебиты въ обѣихъ спискахъ Палѣи. Сказавъ о числѣ лѣтъ царствованія Михаила, прежде всего сообщается извѣстіе о крещеніи Болгаровъ и переводѣ книгъ съ Греческаго на Славянскій: «По Феодоре же црѣкови Михаилъ съ его с мѣрою с Феодорою лѣ .д., а единъ .і. лѣ, а съ Каспальемъ лѣ .л. и при семъ црѣви, ко .б. е лѣ црѣви его, ирѣви въ зѣмля Болгарьскимъ, и преложилъ книги ѿ Грециаго шзѣмилъ на Словенскимъ изѣмилъ, Кирилъ философъ с Мефедьемъ, а лѣт .зѣ .и. зг., при Бориси иижи Болгарьстемъ.» За симъ слѣдуетъ разсказъ о походѣ Володимера (ошибочно, вмѣсто Аскольда и Дира) въ Греки, въ 200 ладіяхъ 6374 (866) года, съ замѣчаніемъ, что «преже тѣхъ лѣтъ Словени и Кривичи ходиша къ Варгому», прося, для наряду въ ихъ землѣ, дать имъ «инази, да владють ими.» Вмѣсто того, чтобъ продолжать извѣстія изъ Рускихъ лѣтописей, тутъ неожиданно встрѣчаемъ поворотъ къ прежнему: «Еще оубо на подлежаща да возратимся,» т. е., о томъ, какъ мать Михаила царя, Феодора, снова «оутверди протославенію вѣрѣ (Православіе) и стѣхъ иконъ по маламине.» Послѣ этого опять обращеніе къ разсказу о приходѣ Руси на двухъ стахъ лодьяхъ: «По сихъ же црѣ на Агарамы иде воевати,» и, дошедши «черимы рѣки,» получилъ вѣсть отъ епарха, «иже Ръсь изъ Костайтинъ градъ идетъ,» ея разсѣяніи и т. д. За тѣмъ объ убіеніи Михаила Василюемъ Македоняниномъ, замѣчая, что до этого событія прошло отъ 7-го Собора 64 года и 9-тъ мѣсяцевъ; за Василюемъ исчисляются его преемники, съ означеніемъ лѣтъ царствованія, до Константина Багрянороднаго, при коемъ «воека Семѣѣ с Болгары,» а «к лѣтѣ .зѣ .и .лѣ .и .лѣт. иде Игоръ на Грѣ къ .і. коракль,» за чѣмъ, какъ и съ извѣстіемъ объ Аскольдовомъ походѣ, поворотъ къ прежнему, т. е., о томъ, кто послѣ Константина былъ царемъ: «По Костайтинѣ црѣкови Ромилъ, поставленъ на Костайтинѣ црѣви и Николою патриархомъ,» и, какъ ни въ чемъ не бывало, «В лѣтѣ .зѣ .и .лѣ .и .лѣт., иидикъ юю же мѣдъ къ .і. дѣт, иривилъша Роѣ на Костайтинъ градъ в лодичхъ .і. и н снѣ гѣмъ, ѿ рѣдѣ Вардиска сѣривилъ,» и пр. Явно, что лѣточисленіе, поставленное выше, должно стоять тутъ, а послѣднее совершенно неу-

мѣстно, и скорѣе относится не къ Игореву походу на Греки, но къ походу на Печенѣгы, равно какъ и къ извѣстію о воцареніи Романа, дѣйствительно случившемся около того времени, а по другимъ, въ этотъ самый годъ; но это, какъ и многое другое, по обычаю, перепутано. Конечно, такая путаница произошла частью отъ самаго собирателя извѣстій, а частью и отъ переписчиковъ. Такъ, рассказавъ о разсѣланіи «людей Руси,» онъ обращается къ царствованію Романа, который, «долгою старостью и недзгою^{мъ} изнемогъся, во прапроудѣ рѣшкелго Востаніи^и повеле,» а «въ лѣтѣ .ѣ. и .ѣ. и .ѣ. индикта .ѣ. по радѣ на второе и третеею своа сѣмъ, шжъ о нѣи мѣи, оутверди,» и какъ на него возсталъ сынъ его, Стефанъ, «с полаты зде сиеде оѣя, и стронкъ, оземьствова, и постриже и уерморизуѣ, оствлкъ самодер жець Костантинъ сего зѣ, мѣа дѣбра въ .н.», а въ лѣто «.ѣ. и .ѣ. и .н. Романъ же црѣ во остроке оумре.» Сдѣсь, въ первомъ лѣточислительномъ показаніи пропущено цѣлыхъ 50 лѣтъ, между тѣмъ какъ во второмъ цифра эта на своемъ мѣстѣ, и пропущена едва ли дьякомъ съ Дубкова, или попомъ отъ Домонтовой стѣны, въ коихъ одинаково ее встрѣчаемъ; показаніе же, само по себѣ, вполне вѣрно. За нимъ ужь слѣдуютъ выписки о занимающемъ насъ предметѣ; но, какъ говорится, ступилъ впередъ, а пошелъ назадъ: годъ составленія Славянской грамоты, одинаковаго свойства съ годомъ 6403-мъ, т. е., какъ тамъ опущено число «н» передъ «ѣ», такъ и тутъ «ѣ» передъ тою же самою чистительной: «В лѣтѣ .ѣ. .ѣ. .ѣ. Костантинъ философъ наречеми Кирилъ створи^л грамоту Словенскимъ (въ спискѣ Дьяка «словеснымъ») «языкомъ, гѣмзю антицю, во дѣи Михаила црѣ Греускаго и во дѣи кнѣза Люрика (въ спискѣ священника поправлено «Рюрика») Новгородскаго (въ 1-мъ спискѣ («Невгородскаго»), егѣ сѣмъ Руска земля преиде.» Кромѣ, упомянутой уже выше, ошибки въ годѣ, указаніе на царствовавшихъ государей во время составленія Славянской грамоты говоритъ не въ худую сторону этого извѣстія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Да и въ другомъ отношеніи оно замѣчательно: я говорю о названіи грамоты Словенскаго языка словомъ «литница,» которое уже подало поводъ однимъ видѣть въ этомъ

намекъ на Глаголотицію, т. е., Глаголотику (94), а другимъ просто обращеніе на Рускій ладъ Латинскаго *littera, litterae*. Которое изъ сихъ двухъ мнѣній справедливѣе, пока, ничего не скажу, предоставляя полную волю историческому изложенію хода дѣла. Шафарикъ въ новѣйшемъ своемъ трудѣ «Памятники Глагольской письменности» (стр. XXIV—XXV), разбирая послѣднее мнѣніе, говоритъ: «Что же касается свѣдѣтельства Сказанія о Русскомъ письмѣ и переводѣ, найденномъ Кирилломъ, то я думаю, что его можно съ основаніемъ относить только къ Варягамъ—Руссамъ въ Тавріи и Готскому письму, по тому что, умалчивая уже о ненадежности показанія сего касательно происхожденія и времени, я не нахожу въ словахъ «Святцевъ» и «Службы» того значенія, какое насильственно придаютъ имъ. И точно, горько и даже рѣшительно невѣроятно, думать, чтобы Меѳодій, отвергая Славянскую азбуку Кирилла, и замѣняя ее своею Греко—Славянскою, старался самъ помрачить славу брата своего, правда, младшаго, но далеко ученѣйшаго и при томъ умершаго уже. Никогда *непозволительно* рѣшать предметы такого рода, и при томъ столько темные еще, словами того, или другаго посторонняго свѣдѣтеля, но рѣшать должно согласнымъ показаніемъ всѣхъ настоящихъ очевидцевъ. Въдъ ето же самое сказаніе въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что Кириллъ только въ послѣдствіи, именно, по возвращеніи изъ Тавріи, изобрѣлъ Славянскія письмена въ Царьградѣ, узнавъ изъ устъ самаго императора, что Славяне не имѣютъ еще ни какой азбуки, которая бы годилась для написанія священныхъ и богослужебныхъ книгъ? Да и современнѣйшій черноризецъ, Храбръ, утверждаетъ, что Славянское письмо составлено было на основаніи Греческаго; съ етѣмъ согласуются показанія папы Іоанна VIII-го, епископа Гавдерика, лично знавшаго Кирилла, неизвѣстнаго Хорутанца и Іоанна Ексарха Болгарскаго, жившаго въ самомъ началѣ X-го столѣтія: всѣ они въ одинъ голосъ говорятъ о новостіи письменъ и переводѣ книгъ на Славянскій языкъ. Сличая етѣ прямыя свѣдѣтельства съ толкованіемъ темныхъ и ложно понятыхъ словъ о Кириллѣ въ Тавріи по Румянцевскому Хронографу XV-го вѣка, послѣднія можно назвать просто «ды-

ломъ и паромъ.» Въ другомъ мѣстѣ, именно въ предисловіи къ «Житію блаженнаго оуцителя нашего Константина философа,» напечатанному имъ въ концѣ 1851 года (въ Прагѣ) въ «Памятникахъ древней югославянской письменности,» а также и въ общемъ предисловіи къ послѣднему, онъ говоритъ почти то же самое. Въ первомъ (стр. IV): «Житіе его распространено по многимъ землямъ и рукописямъ, и изъ него выписывались и вставлялись цѣлыя статьи въ другія старинныя сочиненія; таковы, на примѣръ: объ осми словахъ Константина, переведенныхъ Меѳодіемъ, о содержаніи философин, о поставленіи человека среди Ангеловъ и животныхъ, о чествованіи Константина у Кагана, о подписи на Соломоновой чашѣ и т. д. Какъ бы то ни было, Житіе наше, не смотря на позднѣйшія поновленія и вставки, въ нѣкоторыхъ спискахъ содержитъ въ себѣ доказательства того, что оно произведение близкаго очевидца всѣхъ дѣяній и предпріятій св. Константина. Впрочемъ, къ таковымъ обновамъ и вставкамъ не принадлежитъ, по моему мнѣнію, извѣстіе, упоминаемое въ VIII й главѣ о Русскомъ языкѣ и письмѣ, по тому что здѣсь слово «Русскій,» употреблено еще въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было въ ходу ок. 857 года, и относится не къ Славяно-Руссамъ, но къ Варяго-Руссамъ въ Тавриі, преемникамъ Готскаго богослуженія. Тутъ *Русскія письма суть Готскія письма.* Еще болѣе: можетъ быть, мѣсто въ XVI-ой главѣ, въ которой исчисляются «Готѣи, Обри, Турси,» обремененное столькими разнорѣчіями, первоначально читалось «Готѣи ти Руси (Ръси)». Во второмъ (стр. VI): «Къ сказанному въ предисловіи къ Житію св. Кирилла касательно объясненія мѣста въ VIII-й главѣ о Русскомъ Евангеліи и Псалтыри, прибавлю здѣсь еще, что, хотя, прочитавъ даже новѣйшія сочиненія Погодина, Круга, Куника и Крузе, считаю правдоподобнымъ извѣстіе сказаній о поселеніи и крещеніи Варяго-Руссовъ (Бравалина и другихъ) въ Тавриі до 860 года, однако же, охотнѣе отношу слово «Русскій» къ Готамъ. Другіе, статья можетъ, скорѣе захотятъ видѣть въ этомъ «*Глагольское письмо.*» Я даже и того не вижу въ этомъ сказаніи, что видитъ Шафарикъ, т. е., чтобы въ немъ рѣчь шла о Варяго-Руссахъ и Готскомъ пись-
7»

при Греческой *транскрипции*), ни какъ не слѣдуетъ еще предполагать, что етотъ переводъ былъ писанъ Глагольскими письменами. Прежде всего надобно доказать, что «Росьскіи писемъ» и Глагольски — одно и то же, къ чему упомянутое извѣстіе не даетъ ни малѣйшаго повода. Отъ того я все таки рѣшаюсь считать это извѣстіе скорѣе позднѣйшей вставкой въ Житіе Кирилла, съ цѣлю объяснить, откуда въ Константиновѣ знаніе языка Славянскаго, который здѣсь разумѣется подъ именемъ Рускаго (тѣмъ болѣе, что на Константина и брата его по большей части смотрѣли, какъ не на Славянъ, откуда въ Проложныхъ Житіяхъ ихъ, какъ мы видѣли уже, замѣчаемъ тоже самое намѣреніе уяснить знаніе Славянскаго языка, по крайней мѣрѣ относительно Меѳодія, выучившагося ему во время своего правленія Славянскимъ Княжествомъ; слѣдовательно, мнѣніе это показалось тогда, когда стали забывать, или мало обращать вниманія на Селунское происхожденіе ихъ), Житіе, изъ котораго оно перенесено и въ Палѣю, чѣмъ существенной частью онаго, принадлежащей составителю самаго Житія, по тому что тогда, по замѣчанію Шафарика, дѣйствительно произошелъ бы тотъ случай, о которомъ онъ упоминаетъ, т. е., послѣдній самъ бы собѣ противорѣчилъ, представляя вскорѣ за тѣмъ рассказъ о посольствѣ Ростислава въ Царьградъ, и тутъ же объ изобрѣтеніи Славянской азбуки, какъ послѣдствіи етого событія, азбуки, уже до того, но собственнымъ же его словамъ, отысканной Константиномъ «въ Козарѣхъ.» Подобныхъ вставокъ, дышащихъ ревностью не по разуму къ своему, довольно встрѣчается въ письменности каждаго народа, слѣдовательно, и нашего, на что, если нужно; можно представить цѣлыя десятки примѣровъ. То не оправданіе, что «на святыхъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія, глядѣли у насъ постоянно, какъ на Грековъ, и, стало быть не могли назвать роднымъ языкомъ ихъ языка Славянскаго (96).» Во первыхъ, не «постоянно,» и во вторыхъ, развѣ большинство такъ глядѣвшихъ на нихъ исключаетъ возможность взглянуть кому либо иначе, и такой взглядъ свой записать кстати, съ цѣлю передать его потомству? Взглянулъ же иначе кто-то въ етой самой Палѣѣ (я соединяю однородное въ ней вмѣстѣ, хотя оно

разбросано) на принятіе Русью Вѣры, пошедши въ слѣдъ за етѣмъ извѣстіемъ о Рускихъ письменахъ въ Херсонѣ, включенномъ сюда, очевидно, изъ Житія Кириллова, и, развивая все далѣе и болѣе сказанное въ началѣ только какъ бы намекомъ, въ двухъ мѣстахъ. Въ етомъ взглядѣ, высказанномъ подъ конецъ тоже опять по поводу выписки о смерти Кирилла, кажется, изъ какого-то Синаксаря, вклеенной сюда, очевидно, по тому лишь, что о немъ выше говорено было, уже не довольствуются тѣмъ, что Константинъ обрѣлъ Евангеліе и Псалтырь на Рускомъ языкѣ, равно какъ и человекъ, бесѣдовавшаго по Руски, но прямо утверждаютъ, что, какъ «въ роу Роуѣмъ изумъ ии ѿкоудоу же ирѣа,» такъ точно «и грамоту Роускоую,» которая «ининимъ же ивленѣа, но тонко самемъ Бѣмъ иседержителемъ, ѿрѣмъ, и Сѣомъ и Сѣмъ Дѣомъ». Первую «Володимероу Сѣмъ Дѣмъ идохноуцъ приити, а ирѣише ѿ Грекъ и проуми ирѣа ирѣимъ,» а вторая «иивналас Бѣомъ дна и Корсоуие Роусиноу, ѿ немъ же илоуѣиса философъ Константинъ, и ѿтоудоу сложилъ и написала книги Роускимъ гласомъ... (въ Моск. Акад. № 19 списокъ «языкомъ») тѣмъ же моужъ Роускимъ бѣмъ ѿговоревъ (въ Моск. Акад. «и жидже ѿговори»), вѣомъ и допродетелью, въ утѣмъ вѣрѣ, единъ оудинилъ, и тѣ единъ ѿ Роуски изумъ иивналас преже ирѣимъ, и исеудомъ иинимъ же, ѿкоудоу еъ вилъ.» Сдѣсь Константинъ ужъ даже «иивналас книги Роускимъ гласомъ» или «языкомъ.» Далѣе: опять рѣчь поведена о Константинѣ, какъ продолженіе извѣстія, представленнаго выше, и говорится, что онъ жилъ «въ дни Михаила ирѣа и ѿговорила Приим (?), послаилъ бѣмъ (въ Моск. Акад. сп. прибавлено: «философъ Константинъ») в Моравоу (опять прибавл. тамъ же: «Михаилъ ирѣмъ») Моравскомоу ииѣю, проснеишу философа, и тѣмо шедъ, илоуѣи Моравоу, и Лахи, и Уехи, и проула изумъ, и иеру ирѣкослаицею оутверди и иилъ (Моск. Ак. «и Лахи, и Уехи, и проула изумъ, и иеру оутверди въ иѣи Прѣвокрѣи»), и книга иивналас иилъ Роускимъ глѣмъ (Моск. Ак. «и книги иивналас Рѣскимъ изумомъ»), и допре илоуѣицъ, и ѿтоудд иде в Римъ, и тоу разбоилъ, ѿслетѣ в уервѣи рѣицъ, и ииреконла иилъ емоу Кирилъ, в тон болези и престѣилъ (Моск. Ак.: «добря... ѿтѣдъ... разбоилъ, и ѿслетѣ въ уервѣи рѣицъ... Кирилъ, и въ тон болези престѣилъ») (97). Извѣстіе это, конечно, весьма важное, но отнюдь не строго историческое, составляетъ дальнѣйшее чье-то предположеніе, основанное на

непререкаемомъ событіи, т. е., пребываніи Константина у Моравскаго князя. Опираясь на это, вывели, яко бы онъ «и Ляхи и Чехи» лично «научи, и книги написа имъ Рускимъ гласомъ.» Названіе языка Свящ. Книгъ, переведенныхъ (разумѣется, не всѣхъ), Константиномъ, языкомъ Рускимъ, конечно, должно принимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ не рѣдко, Славяне и иноземцы, величали такъ языкъ Церковнославянскій въ средніе вѣки, понимая подъ нимъ языкъ Славянскаго Православнаго богослуженія, въ противоположность Западнему Католичеству на языкѣ Латинскомъ, или даже Славянскомъ, но письмомъ Глагольскимъ и т. п.; на примѣръ, въ посланіи папы Іоанна XIII-го къ Чешскому князю, Болеславу II-му, принесенномъ сестрой его, Младой, по возвращеніи ея изъ Рима (967), въ которомъ дозволялось устроить пребываніе епископа въ Прагѣ, при церкви св. Вита, а при церкви св. мученика Георгія—первый женскій монастырь по обряду св. Бенедикта, подъ вѣдѣніемъ етой же княжны, посвященной въ игуменьи: «verumtamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel *Russiae*, aut *Slavonicae* linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica, unum potioem totius Ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, *latinis* adprime *litteris* eruditum, qui verbi vomere novalia cordis gentilium scindere, et triticum bonae operationis serere, atque manipulos frugum vestrae fidei Christo reportare sufficiat (98).» Или, въ извѣстной припискѣ къ, такъ называемому, Реймскому Евангелію, слѣланной по Чешски, но Глагольскимъ письмомъ: «аѣтъ гѣкъ. ѱ-ѣ. ѣ. ѣ. тато еѣиане а еѣиане. есто сѣ писани словѣтѣскимъ зѣемъ. ти Імаі списани ети на (а) годн. идижъ оѣтъ подъ корѣнѣ мши слѣжи. А дръга страна тисѣто пишени. книжъ ѣ подлѣ рѣскаго зѣи. исалъ ѣ сѣи проношъ оѣтъ сѣу рѣкѣ. а то писмо рѣскае далъ извожтнѣ карель утѣрѣти рѣ рѣисни.» и проч. Ясно, что сдѣсь Рускимъ закономъ, т. е., обрядомъ, и *Рускимъ письмомъ* названы Православіе Руское и языкъ богослужебныхъ книгъ, употребляемыхъ при немъ на Руси, слѣдоват., такъ называемый нами, Церковнославянскій, и что книги, на немъ писанныя, противопоставляются книгамъ Глаголическимъ, тоже находящимся съ первыми въ одномъ и томъ же переплетѣ, и по тому, видя ихъ

вѣстѣ, Чешскій иннокъ обители Емаусской въ Прагѣ, созданной императоромъ и королемъ, Карломъ IV-мъ, именно для отправленія на Церковнославянскомъ языкѣ по обряду, однако, Римскому, особенными монахами, вызванными имъ для того нарочно изъ Далмаціи, считалъ необходимымъ, въ 1395 году, сдѣлать, въ концѣ Глагольской части (или, по его страны), на всякой случай, надпись Глагольскими буквами, по Чешски, что, между прочимъ, говоритъ объ его происхожденіи. Надпись эта, слѣдственно, показываетъ его и, можетъ быть, также современниковъ его, взгляда на етъ два вѣроисповѣдныя обряда, а съ тѣмъ вѣстѣ, и двѣ азбуки, употребляемыя въ ихъ служебныхъ книгахъ (99). Стало, повторяю, такой взглядъ на Кирилла и Меводія, если бы онъ былъ дѣйствительно общимъ нашимъ предкамъ, не мѣшаетъ вставкѣ этого сказанія ни въ Житіе Кирилла, ни изъ него въ спутанное сказаніе Палѣи. Приводитъ же въ дополненіе его другое сходное сказаніе, находящееся въ одномъ изъ Хронографовъ Рускихъ XV вѣка, точнѣе Палѣи, не слѣдуетъ, по тому что это послѣднее не идетъ сюда, не составляя собою ничего новаго, но находясь именно вѣстѣ съ первымъ сказаніемъ и, такимъ образомъ, принадлежа съ нимъ къ одному и тому же роду, — компиляціи составителя Палѣи.

Сказавъ, какъ мы видѣли уже, объ изобрѣтеніи азбуки Кирилломъ при Михаилѣ, царѣ Греческомъ, и Рюрикѣ, князѣ Новгородскомъ, составитель хотѣлъ было далѣе представить объ этомъ событіи нѣкоторыя подробности, судя по заглавію, тутъ же имъ выставленному (и при томъ, въ строку): «**Ѡ грамотѣ**». Для того онъ сталъ выписывать изъ Храбра свѣдѣнія о составленіи, прежде всего, азбуки Греческой, какъ первообраза Славянской: «Греческую грамоту створиша .ѣ. мѣстъ: Паллиидѣ, Кадѣ Милсѣи, Симонѣ, Ѡпихарѣи, Димонѣ» (имена, по большей части, приведены въ превратномъ видѣ), и, не докончивъ выписки, тотчасъ перескочилъ къ другому предмету, къ молитвѣ, принадлежащей, по его и многихъ другихъ мнѣнію, Кириллу: «Снце же рече стын Кирилъ: «Азъ смѣхъ словомъ молю Бѣоу,» и проч. Въ спискѣ Домонтовскаго попа, въ верху оборота 811 листа, читаемъ, какъ заглавіе кнповарью: «**Ѡ сотвореніи**

грамоты Словенскимъ изыкомъ,» а въ верху 812 листа, «Мѣта. ст. Кир. «сеткореніи Словенскія литицы, и грамоты: антеръ.» Етѣмъ подтверждается упомянутое выше мнѣніе, что слово «*литоца*» есть просто передѣлка Латинскаго «*littera*,» въ объясненіе котораго прибавлено тутъ же «*грамоты*,» слѣдовательно, о Глаголитоцѣ въ этомъ случаѣ и помину быть не можетъ. Молитва сія часто встрѣчается въ «Толковыхъ Азбукахъ,» въ коихъ выдается, какъ сказано выше, за твореніе Кирилла (собственно же принадлежитъ ученику его, Константину), конечно, по сходству свѣтскаго имени Кирилла съ именемъ послѣдняго (100). Кончивъ эту молитву, составитель выписокъ снова обратился къ прерванному извѣстію Храбра объ Греческой азбукѣ: «и по семь Дниши,» и, опять не кончивъ, бессмысленно выхватываетъ изъ Храбра же 6-ть Славянскихъ буквъ изъ числа 14-ти, приводимыхъ имъ въ началѣ своего сказанія: «ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ» оставивъ даже послѣднюю букву невыписанной (ѡ), по тому что странно было бы считать етѣ буквы относящимся къ выписываемому изъ Храбра извѣстію о составленіи Діонисомъ для Греческой азбуки 6-ти доегласныхъ: «По ивозахъ же азъахъ Дниовскъ Грамлитикъ шесть доегласныхъ оварте,» тѣмъ болѣе странно, что въ спискѣ Палѣи Домонтовскаго священника етѣхъ буквъ не шесть, но семь, именно, вставлена еще и передъ ѡ. За тѣмъ опять переходитъ къ крещенію земли Руской при Владимирѣ: «Потомъ же мало днестъ мноуѣшнихъ, ирѣчевъ въ земли Руския ко днѣмъ вѣдгоуѣрваго кнѣа Владимира, сѣа Скатоуѣаема (такъ-съ!), кноуѣа Игоревъ и Олжнѣа, вложшѣа перкоа началю ирѣченню к земли Руской, и ирѣкноуѣа Люринокъ, к азъ, ѡ, и. ѡ. и ѡ,» послѣ чего обращается къ Житію Кирилла и выписываетъ изъ него, сперва разговоръ логоуѣта съ Константиномъ о философіи, за тѣмъ ирѣніе его съ патріархомъ (Аннѣмъ), далѣе переходитъ прямо къ прибытію Константина въ Срацины и бесѣдамъ его съ тамошними учеными, изъ коихъ, однако, приводитъ только начало, о крестномъ знаменіи, и тотчасъ обращается къ бесѣдѣ съ Иудеями (о любви къ врагамъ); но кончивъ того, выписываетъ вопросы «хитра и заскопина Козарина» (высланнаго ему на встрѣчу Козарами, когда тотъ отправился къ Кавказскимъ горамъ и Каспійскимъ вратамъ) о поставленіи царя изъ другаго рода, и о ссылкахъ

на книги, а не на свой умъ, въ словопрѣніи; тутъ слѣдуетъ бесѣда съ каганомъ за обѣдомъ и споръ съ Жидами о Троицѣ, послѣ обѣда о законѣ, Христѣ и иконахъ (все чрезвычайно отрывисто), и, не доводя до конца, вдругъ, какъ говорится, ни съ сего, ни съ того, вновь повелъ онъ рѣчь объ изобрѣтеніи Славянской Азбуки, которую, де, Кириллъ передалъ Моравцамъ, Чехамъ, прочимъ языкамъ, а потомъ и Руси: «Сгда же Костантинъ философъ сию грамоту (какую сию?) створи, и прѣдѣ ю Моравѣ, Уеховалномъ (въ друг. списк. «Уехомлаиномъ») и прочимъ лѣшномъ и потомъ Роу.» У помянувъ о грамотѣ, отправляется ко второй части Кириллова Житія, и выписываетъ изъ него, съ прежней небрежностью, состязаніе Кирилла о грамотѣ съ Латинами въ Венеціи, на пути въ Римъ. Надобно сказать, что тексты, приводимые въ Палѣѣ (изъ коихъ все почти словопрѣніе это состоитъ), представляютъ много отличнаго въ выраженіяхъ и словахъ отъ тѣхъ же самыхъ текстовъ, находящихся въ Паннонскомъ Житіи Кирилла, что, конечно, произошло отъ того, что переводъ Св. Писанія подвергался у насъ и, статья можетъ, и у прочихъ Православныхъ соплеменниковъ, нѣсколькимъ пересмотрамъ (101). Напоследокъ, слѣдуетъ, приведенное мною выше, мѣсто о смерти Кирилла въ Римѣ и обрѣтеніи Владимиромъ Руской грамоты, вмѣстѣ съ Вѣрой, въ Корсунѣ и проч., что еще разъ, въ заключеніе отрывка, повторяется такъ: «Се же къ того уише, мно единому Володимеру далъ Бгъ пренести в Роукою землю керу и грамоту и иѣрнше, и книги обрѣиша, Сѣлае, Алаъ и Пѣтръ, и нопы, и Камейтоки моши, и вса сосоу ѣрмокима, иконы, и иѣты, и ирше къ Роу и иѣти вса лѣ Роускимъ земля.» Прочее состоитъ изъ похвалы Владимиру въ витѣйственномъ духѣ, весьма напоминающемъ, по настроенію и оборотамъ, Похвалу митрополита Иларіона и Іакова мниха (102); съ последнимъ совпадаютъ даже дословно многія выраженія; на примѣръ, сличимъ, съ приведеннымъ сейчасъ, слѣдующее: «вмысли же и на Греукскимъ градѣ Корьскимъ, в сице молашеса илаъ Володимеръ Господу: Господи Боже, Владыко всѣхъ, сего у тебе прешу, даси ми градъ, да приму и, да приведу люди Христианы, и илчуатъ люди законъ крестьянскомъ, и послѣшеть Господь молитвы его. И приа градъ Корьскимъ, и кѣза сосѣды ѣрмокима и иконы,

моши скатаго скадренномученика Кавмента і нмьхъ скатыхъ.» Въ «Житіи св. и равноапостолика кел. князѣ Кіевскаго Владимира, ксел Россіи самодержца, кыралиномъ зъ лѣтописца Рускаго вѣрнаго Нестора Печерскаго,» о которомъ вскорѣ поведу рѣчь, тоже сказано: «Приказъ тежъ на тои уасъ зъ собою и моши стго сѣвениомученика Кавментѣ, и зѣина его Агла-агела, и нмьхъ не мало, образи, книги, аппарати и нмьхъ илуиныхъ цѣрковнѣхъ, сѣвениковъ, дминокъ, іконоѣ, дминокъ и родмантыхъ ремесниковъ зъ Греціи до Кіева.» Да и въ Несторовой лѣтописи читаемъ: «Володимеръ же по семь поемъ царицю и Настаса (въ др. «Анастаса»), и попы Корсуньскы, съ мощами святаго Климента и Фифа (въ др. «Фива»), ученика его, поима съсуды церковныя, иконы на благословенье себѣ (П. С. Р. Л. I, стр. 50).» Которое изъ егѣхъ извѣстій подлинникъ, а которое списокъ, не мѣсто и не время мнѣ разбирать теперь. Судя же по слѣдующему заключенію: «О стѣа цѣра (последнее слово пропущено въ 1-мъ спискѣ Палѣи) Костѣитинъ и Володимеръ, помозите на противныма сѣдѣникомъ кѣю, и люди издѣлавате ѿ всакомъ беды крѣпкыя и Рускыя, о мнѣ грѣшнемъ молатѣ Бѣгъ, мно имоуше дръзновекине и Бѣгъ, да спсоуся кѣю мѣткыма, молюся и мнѣса дѣю синсликыма грамотица сѣа малы, юже похвала кѣю, написѣ недостонныма,» можно полагать, что это взято изъ «Грамотицы» (т. е., сочиненія, письма) современника, и при томъ похвальной или Похвалы (Похвального Слова): «юже (грамотицу), похвала кѣю, написѣ.» Можно бы думать, что это писалъ даже родственникъ: «помозите на противныма сѣдѣникомъ кѣю»; но такъ какъ сдѣсь рѣчь идетъ и о Константиѣ, то, естественнѣе, выраженіе это принимать болѣе въ общемъ значеніи, разумѣю, родство духовно-христіанское, или же народное, племенное, хотя, конечно, слова: «и люди издѣлавате ѿ всакомъ беды крѣпкыя и Рускыя,» указываютъ на голосъ, если не вполне современника восхваляемому, то очень близкаго, жившаго въ пору «крѣпкой бѣды Руской», т. е., Княжескихъ усобицъ.

Надобно еще замѣтить, что между началомъ отрывка, къ коему относится это заключеніе («По Миландѣ же сѣшилъ цѣри мюзи, и потомъ цѣрѣ въ Романѣ») и сказаніемъ о Константиѣ, помѣщено также свѣдѣніе о Войтѣхъ, извѣстномъ Чешскомъ

епископъ (Адальбертъ), какъ ревнитель Католичества и, стало быть, противникъ и гошитель Православія въ Чехиѣ, Моравиѣ, Угрии и Польшѣ, въ коихъ истреблялъ онъ съ тѣмъ вмѣстѣ и Славянское письмо, которое тутъ опять названо «Руской грамотой»: «Потомъ многымъ лѣтомъ кривоумнымъ и пришедъ кон Латинскимъ к Моравоу, и к Уехи, и к Лахи, разрушиша (!) вероу прелекательную, и Роукою грамотоу ѿверже, а Латинскоу грамотоу и вероу постаки, прелекы крмы иномы поже, а епмы посете, а дрога разгнавъ, и иде к Роукою землю, хотя и тѣ ко свою вероу привести, и тамо поведе въ кон Латинскимъ.» Откуда это извѣстие? Навѣрное нельзя сказать, но должно думать, что оно гораздо старѣе времени переписки Палѣи дякомъ съ Дубкова и попомъ отъ Домонтовы стѣны. Оно находится и на концѣ Житія Кириллова по списку упомянутой выше рукописи Московской Духовной Академіи № 19 («Толкованіе Пророковъ»), вмѣстѣ съ извѣстіемъ: «Се же види каждому всамъ измы и всамъ людымъ, яко Рускимъ измы и Физди же прѣ крмы сел стѣмъ, и грамота Рускии ни кымже ивела, но токмо самымъ Бгомъ Вседръжителемъ, Оумъ и Стѣмъ Дгомъ» (обор. 389 л.), точь въ точь, какъ въ Псковской Палѣи по обѣимъ спискамъ; стало, новое доказательство въ пользу нашего мнѣнія объ источникахъ для составителя этой послѣдней. Въ упомянутомъ сейчасъ Академическомъ спискѣ извѣстие о Войтѣхъ гораздо точнѣе сохранилось, именно: «Потомже многомъ лѣтѣ мизкии, прише Квнтѣ къ Мораву, и къ Уехи, и къ Лахи, раздрши крмы прелеку, и Рускию грамоту ѿверже, а Латинскию крмы и грамоту постаки, и прелекы крмы епмы и номы икъсаете, а дрогмы разгна, и иде къ Рускию землю, хотя и тѣ къ крмы привести, и тамо зведе въ Квнтѣ, Латинскимъ писавъ» (л. 390). Ясно, что имя «Войтѣхъ» было уже для вносившаго это извѣстие въ Палѣю непонятно, и по тому онъ сдѣлалъ изъ него «кон», тѣмъ болѣе, что слово кониъ, конид, и ихъ производныя, не рѣдко пишутся, въ старыхъ рукописяхъ, съ ѣ (кѣниъ, кѣниа); а какъ дѣло шло о Латинствѣ, то, естественно, изъ второй половины собственнаго имени «Вонтѣхъ» (тѣхъ), онъ образовалъ «Латинскимъ»; такимъ образомъ, составилось изъ «Вонтѣхъ» «кон Латинскимъ», съ чѣмъ согласованъ уже и глаголѣ, къ нему относящійся и стоящій позади, «разрушиши» вмѣсто «разруши», хотя все послѣдующее оставлено нетронутымъ,

что, въ другихъ рукописяхъ, приписывается тоже Константину Философу. Послѣ толкованія о потирѣ (недостающаго въ 1-й Палѣѣ, по причинѣ потери 450 — 451 листовъ) прибавлено: «Сихъ же стиховъ никто не можетъ протолковать, не протолкова дрекле, иже приходи къ Роу филосоу Костантинъ, нарицаемы Кирилъ» — извѣстіе одинакого достоинства съ другими, утверждающими тоже, какъ увидимъ вскорѣ ниже. Слѣдовательно, на такомъ мутномъ источникѣ, очевидно, вставленномъ въ послѣдствіи кѣмъ-то изъ Рускихъ книжниковъ какъ въ Житіе Кирилла, по справедливому замѣчанію нашедшаго его («Москвитянинъ», 1843 г., стран. 409 и 414), такъ равно и въ самую Палѣю, не слѣдуетъ слишкомъ опираться, равно какъ и отставать, основываясь на немъ одномъ, «возможность Рускаго перевода нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ въ IX-мъ вѣкѣ, сдѣланнаго до Кирилла и Мессодія (105). Наконецъ, должно замѣтить, что все это спутанное сказаніе Палѣи по обоимъ Псковскимъ спискамъ, доселѣ намъ извѣстнымъ, отыскалось еще въ одномъ Хронографѣ, разобранномъ въ Описаніи Румянц. Музея (стр. 754—761) подъ № CCCCLVI, по письму XVII-го вѣка (скорописью, а потомъ полууставомъ, на 518 л.), со многими вставками и добавленіями. Впрочемъ, Хронографъ этотъ названъ (на 12 листѣ) «Прологъ сиречь собраніе ѿ многихъ летописецъ, ѿ многа на мло.» Сказаніе наше помѣщено въ немъ послѣ 3 гл. ст. 167, начинаясь словами, въ видѣ заглавія : «Ѡ Словенехъ», за коимъ тотчасъ: «Въ лѣто ꙗко ꙗкоу Михаилъ црѣ и цѣри его Феодоры наугаа призвахти (вм. «прозываети») Рускаа зѣмля,» и т. д., а потомъ наше извѣстіе: «Въ лѣто ꙗкоу днѣ Михаилъ црѣ Греческаго и во днѣ иже Рерка Новгородскаго, его же сѣомъ Рускаа зѣмля преиде, стѣи Костантинъ философъ, нарицаемы Кирилъ, сотвориша грамоту Словенскимъ языкомъ, глѣшюу латицу.» Въ слѣдъ за стѣмъ, какъ и въ обоихъ спискахъ Палѣи, заглавіе: «Ѡ грамоте,» и за тѣмъ: Греческую грамоту сотвориша ꙗкоу мѣтъ,» и т. д., до самаго конца, въ коемъ тоже обращеніе къ Константину и Володимиру, но, вмѣсто «сродникомъ» читаемъ «сроднимъ,» а «и люди издевалите ѿ всакоа кады крѣжылъ и Роуския,» измѣнено въ «и люди издевалита ѿ всакоа кады стѣдоу Греческое и Руское,» равно какъ «молю и мляхса дѣю синиимъ грамотѣца силъ

малы, юже похваламъ каю, написа недостонныи», обращено въ «молюса и мнлса дѣю снлсанна слѣва сего маллго в похвалоу каю шлнлслхъ недостонныи.» Но важнѣйшее различіе заключается не столько въ этомъ, такъ же и не въ замѣненіи имени Люрика именемъ Рерика, или перестановкѣ членовъ этого періода (въ Палѣи сперва говорится объ изобрѣтателѣ литицы, потомъ означается, въ чье царствование, а въ Прологѣ на оборотъ: сперва царствование Михаила и Рерика, а потомъ уже имя изобрѣтателя и самаго изобрѣтенія), сколько въ означеніи самаго года изобрѣтенія грамоты, который по Палѣи, 871 (6303), а по Прологу, 870г (6373=865). Спрашивается: кто кому служилъ источникомъ: Палѣя ли Прологу, или Прологъ Палѣи?

б) Сказанія собственно *Хронографовъ* или *Временниковъ*, которые, къ стыду нашей Археологіи, по сую пору не только не оцѣнены сколько ни будь ученымъ образомъ, но даже не показаны происхождение и виды или разряды ихъ. Описаны только нѣкоторые изъ нихъ по содержанию неутонченнымъ знатокомъ письменной старины нашей, А. Х. Востоковымъ (въ «Опис. Румянц. Музея,» числомъ 10-ть, подъ №№ CCCCLIII—CCCCLXII, да извлеченія изъ двухъ, CCCCLXIII и CCCCLXIV, стр. 725—790). Ни мѣсто, ни время не дозволяютъ мнѣ пополнять теперь этотъ недостатокъ. Скажу только, что во всѣхъ, разсмотрѣнныхъ мною, Временникахъ, принадлежащихъ Императорскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ (6-ть), далѣе, В. М. Ундольскому (тоже 6-ть), и, наконецъ, мнѣ (1-цѣ), я замѣтилъ, при большемъ сходствѣ, большое и разногласіе какъ въ порядкѣ статей, такъ содержаніи, числѣ, языкѣ, времени, до котораго простирается каждый изъ нихъ, равно какъ и различныхъ дополненіяхъ. Почти во всѣхъ етѣхъ Хронографахъ разныя извѣстія о Славянахъ начинаются съ царствованія Михаила, сына Теофилова, обыкновенно статьей «О Словенскомъ языкѣ в о Рускомъ (по Несторовой лѣтописи: «Въ столпотвореніи, егда раздѣли Богъ челоувѣкы на 72 языка,» и т. д., до извѣстія объ Уграхъ при Иракліи), за коей слѣдуетъ «О крещеніи Болгарскомъ» три статьи, далѣе «О хлѣвѣ царевѣ (мраморной конюшнѣ); потомъ «О при-

шестви Руси на Царьградъ (подъ Аскольдомъ и Диромъ: «Иногда прїидоша Русь на Царьградъ къ двою стѣ лодѣи,» и т. д.); черезъ двѣ статьи («Объ убїеніи Варды кесаря, и поставленіи Василія Македонянина на царство,» т. е., соправителемъ Михаилу) «О князѣхъ Рускихъ,» т. е., посольствѣ за море Новгородцами и союзниками ихъ и призваніи оттуда Рюрика и пр. («При Михаїля и Василя црѣмъ и при Фотїи патриарсѣ прїидоша Русь Словеня и Кривчукъ къ Карагомъ и рѣшл: земля влѣхъ великѣи и обидѣхъ,» и т. п.); за сѣмъ, еще черезъ три статьи («О разбїеніи зерцала,» «О убїеніи Михаїля царя,» и «о царствѣ Василя Македонянина»), «О князѣ Русѣхъ,»—повтореніе разсказа объ Аскольдовомъ и Дировомъ приходѣ подъ Царьградъ, но уже со словъ другаго лѣтописца («Роди же, ирицлемѣи Русѣи, иже и Кумляхъ,» и пр.); наконецъ, послѣ сказанія «О смерти Василя царя,» слѣдуетъ «Царство Льва Премудраго, сына Васильева.» Тутъ-то встрѣчаемъ извѣстіе: «О преложенїи книгъ ѿ Грецесилго шдшихъ на Словенскїи,» а въ нѣкоторыхъ еще прибавлено «и вкратцѣ снзхїиѣ о рожденїи и о житїи сѣго Кириалъ философа.» Хотя по заглавію слѣдовало бы, прежде всего, услышать о переводѣ, но въ тѣхъ, въ коихъ и то и другое помѣщено (именно въ 3-хъ Хронографахъ собранія В. М. Ундольскаго, №№ 393, 394 и 397, и въ 3-хъ же (Общ. истор. и древн. Росс.), послѣднее предшествуетъ первому, т. е., сперва читаемъ вкратцѣ сказаніе о Кириллѣ, которое, какъ замѣчено было выше, есть, такъ называемое, Проложное его Житїе, разобранное уже мною въ своемъ мѣстѣ довольно подробно. Что же до сказанія о преложенїи книгъ, то оно представляетъ тоже нѣкоторыя особенности: въ однихъ спискахъ это событіе приурочивается къ 6409 (5-ти Общ. ист. и др. Росс. №№ 280—281, 283—284, 287, и 2-хъ В. М. Ундольскаго №№ 394 и 397), а въ другихъ къ 6414 (1 Общества исторїи и древн. Росс. № 282, и 4-хъ В. М. Ундольскаго №№ 392, 393, 395 и 396, да въ Никонов. лѣтописи), или къ 901 и 906 по Р. Х. Сверхъ того, по однимъ имя князя Паннонскаго или Блатенскаго звучало Кочуль (Общ. истор. и древн. Росс. №№ 281 и 287), Кочюль (того же № 283, Унд. 394—397), Кочель (Никон. лѣтоп.), и даже, на выворотъ, Колецъ (Унд. № 393 и Общ. ист. и др. Росс. 282), и нѣкоторыя другія, меньшей важности, осо-

бенности. Но вотъ въ какомъ видѣ является намъ самое сказаніе это, сличенное по всѣмъ , доступнымъ мнѣ, спискамъ: «Къ лѣто ѿ Адама 7570 (7571), а ѿ седмаго собора ѿ лѣта, къ .лѣтѣ е лѣто Льва Прейраго, а ѿ вѣщеніа Болгарскаго .лѣтѣ, Константиинъ Философъ и братъ его Мефодіи преложиша стѣи книги ѿ Греческаго на Словянскими мзыкѣ. Болгари же, и Славяне, Сербы, и Дрѣвлясы, и Босане и Роуси, во всѣхъ тѣхъ едины мзыкѣ. Стѣи же Константиинъ Философъ многи книги преложиша, и ѿнде зунти преложениа мзыкѣ, и предати имъ стое писаніе по ихъ мзыкѣ. Брата же его стѣго Мефодіа кнѣзь Коюмълъ постави епѣска во Испании (такъ-съ!), во градѣ Моракѣ, еже естъ Илирикѣ, до него же айлъ Павелъ ходиашъ, проповѣдалъ Хрѣта. многи же книги тамо преложилъ преложи.» Сколько несообразностей въ этомъ извѣстіи въ одномъ означеніи года преложения книгъ Константиномъ и Мефодіемъ, не говоря уже о томъ, что онъ въ разныхъ спискахъ разнo выставленъ! Видно, что подбиравшій его, подбиралъ на удачу. Нельзя сказать, чтобы всѣ означенія этого сказанія были совершенно несостоятельны: они несостоятельны только относительно единицы столѣтія; но самое столѣтіе, (за исключеніемъ указанія на него по счисленію отъ сотворенія міра), вѣрно, даже означавшій его близко подошелъ и къ самому десятку столѣтія, конечно, смотря по тому, какой переводъ будемъ разумѣть. Далѣе, развѣ это не хронографшикова догадка (просто ли хронографшика-списчика, или же хронографшика-составителя), когда онъ вычисляетъ народы, для которыхъ переводъ етотъ сдѣланъ, и которыхъ будто бы Константинъ лично училъ и преподавалъ имъ Священное Писаніе? Положимъ, что подъ Булгарами и Славянами онъ разумѣлъ еще два народа, господствующій въ Царствѣ Булгарскомъ и принадлежащій, какъ извѣстно, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, къ Чудско-Татарскому или Турецкому племени, и другой, подчиненный, то есть, Славянъ Мизійскихъ, Фракійскихъ и Македонскихъ; но Арбанасы-то (Албанцы) какъ сюда попали? Развѣ не разумѣть ли подъ ними Славянъ, живущихъ даже и теперь (а тогда далеко въ большемъ числѣ и на большемъ пространствѣ) въ сѣверной и сѣверовосточной части Албаніи? Но и тогда все же останется чистымъ предположеніемъ мысль, чтобы Кириллъ Сербамъ, Босня-

камъ (т. е., тѣмъ же Сербамъ, только въ Босніи, такъ названной по рѣкѣ Боснѣ, протекающей по срединѣ ея, съ юга на сѣверъ, и впадающей въ Саву близъ города Брода) и Руси проповѣдывалъ Евангеліе и т. д. Форма названія одного изъ упомянутыхъ тутъ народовъ, именно: «Арбанасы (ед. Арбанась, также Арбанаса, откуда Арбанія, Албанія), указываетъ намъ и на самый источникъ, откуда ето извѣстіе списано, т. е., ето было какое ни будь Сербское сказаніе о Кириллѣ и Меѳодіи (въ Хронографѣ, или отдѣльно), по тому что форма ета принадлежитъ преимущественно Сербамъ, и образована ими, по свойству своего языка, допускающаго замѣну одного плавпаго звука другимъ, особенно въ иностранныхъ словахъ; отсюда изъ формы Албанась, Албанашъ, Албанецъ (л въ р, и, на оборотъ, р въ л) произошло Арбанась и т. д. Егѣмъ же естественно объясняется и включеніе Арбанасовъ или Албанцевъ въ число Славянскихъ народовъ, яко бы просвѣщенныхъ Константиномъ Философомъ, какъ сосѣдей Сербовъ. Не меньше сбивчиво и безсознательно сказанное Хронографами о братѣ Константина. Нельзя незамѣтить въ основѣ его того же самаго источника, изъ котораго черпалъ и нашъ Несторъ, или же, статья можетъ, послѣдній и былъ для него единственнымъ источникомъ. Ясныя слова нашего лѣтописца занутаны еще разными дополненіями: «По семь же Коцель князь постави Меѳедья епископа въ Паніи на столѣ святаго Онъдроника апостола, единого отъ .б. (70), ученика святаго апостола Павла» (П. С. Р. Лѣт. I, стр. 11). Изъ Коцела хронографщикъ сдѣлалъ Кочула, Кочюла, Кочела, даже Колеца, что встрѣчаемъ и у другихъ (даже въ нѣкоторыхъ спискахъ Паннонскихъ Житій Кирилла и Меѳодія), а изъ слова (испорченнаго уже и у Нестора) «Паніи» (вмѣсто Панноніи), бывшаго непонятнымъ для него, но очень напоминающимъ звуками своими Испанію, образовано имъ ето послѣднее слово. А какъ передъ симъ у Нестора сказано: «а Меѳодій оста въ Моравѣ;» Моравя же употреблена тутъ Несторомъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія, что она такое, страна, или же городъ, то хронистъ, судя по такому выраженію, очень намекающему на городъ, и принялъ ее за городъ, тѣмъ болѣе, что и во второмъ мѣстѣ, въ коемъ слово ето употреблено Несторомъ (нѣсколько ниже), оно тоже

стоитъ безъ всякаго поясненія, и тоже очень похоже на прежнее: «въ Моравы бо ходилъ, и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Иллирикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ.» Принявъ «Морава» за столичный градъ Испаніи, въ которой, по его, Кочуль поставилъ Меодія епископомъ, онъ думалъ пояснить то, написавъ, въ слѣдъ за словомъ, «Моравѣ», слова: «еже есть Иллирикъ, до него же аплъ Павелъ ходилъ,» давая тѣмъ знать, что Морава и Иллирикъ одно и тоже, т. е., столица Испаніи, гдѣ, пребывая, онъ перевелъ многія книги, разумѣется, сверхъ Св. Писанія, которое, какъ я сказалъ еще прежде, съ братомъ своимъ преложилъ. Какъ ни дико кажется все это, но, право, оно ни чѣмъ ни лучше, ни хуже извѣстій Палфи. Оба етѣ свѣдѣнія, безъ прекословія, порожденіе того вѣка, когда сказанія первохристіанской старины нашей слѣдвали уже довольно темными, и по тому позволяли лѣтописцамъ всякаго рода гаданія и поясненія, большею частью, какъ показываетъ опытъ, неудачныя и еще пуще запутывавшія дѣло. А что лѣтописцы, особливо хронографы, дѣйствительно допускали себѣ подобныя толкованія, примѣромъ тому можетъ служить любой изъ нихъ. Не ходя далеко, возьмемъ етѣ же самыя Хронографы. Вотъ какъ, на примѣръ, въ «Смазаніи о маулахъ Рускихъ кнзехъ», объясняется наше племенное имя, Славянинъ (стр. 331): «Словаже же маричахуса ѿ многихъ словъ писменнаго разума, понеже егда Кириллъ Философъ мауа творити бѣкы, но не выщашеса слово малыи писменны, яко же въ проухъ изыщехъ, и сего ради изрекшася Словами, рекше, великосломы. пріемлетъ бо Рускѣи языкъ .мѣ. писменны, но и тогда тѣснота рѣчи вылететь, въ проухъ же изыщехъ мѣже тридесати, и со днѣфонгами исполняется число (106).» Другой примѣръ оттуда же, касательно того, какъ хронографы обращали мало вниманія на выборъ извѣстій о какомъ либо лицѣ, или событіи, изъ разныхъ источниковъ, и по тому не рѣдко изъ одного дѣлали два и болѣе, какъ бы совершенно отличныя. Выписавши изъ Греческаго лѣтописца извѣстное сказаніе о склоненіи Болгарскаго царя, Бориса, въ Христіанство сестрой его, захваченной еще въ юныхъ лѣтахъ Греками въ плѣнъ и воспитанной при Императорскомъ дворѣ, внесившій въ Хронографъ Славянскія извѣстія, продолжаетъ: «Прѣиде же Болгар-

скѣи кнѣзь Борисъ въ Црьградѣ, просѣ стѣго крѣщенѣ со всѣмъ Кѣнѣнѣшѣмъ сконнѣмъ, и кѣтвенною блѣтнѣю сподобѣнѣ принѣти, и ѿ кнѣзѣи принѣти его крѣ Михаилъ, и нарекуе его по своимъ имени Михаилъ.» И, въ слѣдѣ за симъ, тутъ же, ставитъ снова сказаніе, яко бы «ѿ дръзѣмъ кнѣзѣ Болгарскомъ, и ѿ крѣщенѣи Болгарѣ, иже крѣтѣнѣнѣ въ лѣто 8708. (6376—868).» Сдѣсь представляется, какъ царь Михаилъ, съ кесаремъ Вардой (дядей по матери), «иде Болгарѣ коевѣтнѣ», которые, страдая отъ страшнаго голода, просили «Хрѣтѣне быти», и князь ихъ является самъ съ Болгарами въ Царьградѣ, гдѣ крестѣнѣнѣ и «крѣтѣнѣнѣ его ѿ кнѣзѣи крѣ Михаилъ, и нарекуе имя емѣ Симеонъ,» а съ нимъ и бояри его, и проч. Оба стѣ извѣстѣя относятся къ одному и тому же лицу; вся разница въ томъ, что первое читается въ одномъ, а другое въ другомъ Византѣицѣ, называющемъ крестѣнѣнѣшаго Болгарскаго государя не Борисомъ, но Симеономъ; изъ этого хронографъ вывелъ уже отъ себя, что князь Булгарскѣи, принужденнѣи нашествѣемъ Греческаго царя и голодомъ къ крещенію, долженъ быть лицомъ, отличнѣмъ отъ Бориса, тѣмъ болѣе, что и имя-то ему «Симеонъ;» отсюда явилось у него два государя, крестѣнѣнѣшихся въ одно и то же время, между тѣмъ какъ въ сущности всѣ лѣтописцы рассказываютъ это дѣло объ одномъ лишь лицѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и называютъ его иначе. Свѣдѣнѣя стѣ, однако, о Болгарскомъ крещеніи пригодятся намъ въ своемъ мѣстѣ отчасти и для занимающаго насъ предмета.

2) Разнѣя лѣточислѣтельные приписки, Булгарскаго и Рускаго происхожденѣи, встрѣчаемыя при извѣстномъ «Лѣтописцѣ въскорѣ», составленномъ Царьградскимъ патрѣархомъ, Никифоромъ, преемникомъ Тарасѣи, предсѣдательствовавшаго на седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ. Онъ извѣстенъ сочиненѣями своими противъ иконоборцевъ, удалившихъ его, по приказанію императора, Льва Армянина (на 6-мъ году патрѣаршества и 2-мъ правленѣи Льва) въ заточеніе, въ монастырь Теодора Студита, гдѣ и скончался. Но изъ всѣхъ сочиненѣи его наибольше распространено было «Χρονογραφία σύντομος», Chronographia brevis, или, какъ наши предки перевели, «Лѣто-

свѣтъ въскорѣ», напечатанный первоначально при Хронографіи Георгія Синкелла, въ Парижскомъ (1652 г., стр. 395—420) и Венеціанскомъ (стр. 315—335) изданіяхъ Византійцевъ, и перепечатанный при немъ же въ Боннскомъ 1829 (vol. I, pag. 737—788) В. Диндорфомъ, съ Латинскимъ переводомъ, сдѣланнымъ еще Анастасіемъ Библиотекаремъ. Эта Хронографія, какъ сказано въ самомъ надписаніи ея, простирается отъ Адама до императора Михаила и сына его, Теофила: «ἀπὸ Ἀδάμ μέχρι χρόνων Μιχαὴλ καὶ Θεοφίλου, υἱοῦ αὐτοῦ;» ab Adamo ad Michaelis et Theophili ejus filii temporis. Сомнѣнія, представляемыя самымъ заглавіемъ, объясняются просто, т. е., Никифоръ сдѣлалъ одно только общее заглавіе своему сочиненію («Χρονολογία σύντομος»), дальнѣйшее же все принадлежитъ другому, «qui opus manibus exserpit atque debuit in titulum praefigere μέχρι χρόνων Μιχαὴλ καὶ Θεοφίλου υἱοῦ αὐτοῦ;» какъ справедливо замѣчаетъ писавшій «in Breviarium Chronographicum Nicephori patriarchae Sp. breves annotationes» (ed. Bonn., pag. 551). Это случилось, прибавляетъ тотъ же объяснитель, около смерти императора Михаила и восшествія на престолъ сына его, Теофила, послѣдовавшихъ спустя четыре мѣсяца по кончинѣ Никифора, случившейся 13-го іюня, 828 или 829 года (послѣ 14-лѣтняго заточенія), смотря по тому, отъ сентября ли, или же генваря станемъ считать по Юліанскому календарю годы. Да и другія слова, въ заглавіи этого сочиненія находящіяся, именно: «τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν;» Sancti patris nostri, ясно говорятъ, что надписаніе его въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, принадлежитъ не самому творцу, но сдѣлано другими, стало «Лѣтописецъ въскорѣ» дѣйствительно составляетъ трудъ Никифоровъ, тѣмъ болѣе, что и Анастасій Библиотекаръ, современникъ и переводчикъ его, слѣдовательно, не могшій не знать, по своему мѣсту и значенію, чье сочиненіе переводить, прямо приписываетъ оное ему, а не иному кому либо; прибавленія же въ немъ, какъ и въ другихъ, указываютъ только на немедленное же распространеніе этого творенія, которое всякой воленъ былъ вести далѣе и пополнять по своему усмотрѣнію. А по тому все, что находимъ въ немъ послѣ кончины творца его, должно считать какъ въ Греческомъ подлин-

никѣ, такъ равно и нашемъ Славянскомъ предложеніи, позднѣйшими вставками, дополненіями и продолженіями. Таковы въ первомъ: означеніе лѣтъ царствованія Михаила Косноязычнаго, Феофила, Михаила III-го и Василия; впрочемъ, при послѣднемъ не выставлены годы царствованія его, но тотчасъ подведенъ еще разъ общій счетъ лѣтамъ отъ одного всемірнаго событія до другаго; оканчивающійся 6348, т. е., 848 по численію Никифора, принимающаго до Р. Х. 5500 лѣтъ, или же 840 по обыкновенному. Изъ сего открывается, что въ етомъ небольшомъ пространствѣ времени замѣтны вставки не одного, но нѣсколькихъ: годы правленія Косноязычнаго и Феофила—одного, Михаила III-го—другаго, общій счетъ—третьяго, а первый годъ Василия—четвертаго. Кромя того, кажется, Никифорово же лѣточисленіе, съ небольшими разногласіями, имѣемъ: а) при «Прологѣ о Хѣ създаннѣ сѣго ѣвангеліа, сътвореннѣмъ Константинѣмъ, имѣ же и предложениѣ емствѣ тогожде създаннѣмъ исхгельскаго.» Сдѣсь оно помѣщено въ концѣ, подъ названіемъ: «Историкѣмъ за Бѣ въкратцѣмъ одрѣжши лѣ отъ Адама до Хѣа пришествіа и пакы отъ Хѣа до истощамаго въ (!) ѣи индикта». По нему отъ Адама до потопа 2262, отъ потопа до Авраама 1070 или отъ Адама 3332; отъ Авраама до исхода изъ Египта 505 или отъ Адама 3837; отъ исхода до Саула 547 или отъ Адама 4384; отъ Адама до Александра 5029, а отъ Адама до Р. Х. 5500; отъ Адама до Константина 5843; оканчивается 7-мъ годомъ царствованія Льва Мудраго, т. е., $886+7=893$, или $887+7=894$, до котораго, отъ «пропатнѣ Хѣа девѣтъ сътъ ѣи» ($5533+918=6451$), а «отъ Адама до истощамаго въ ѣи индикта естъ лѣ „з.ѣг.“» (6406), что соотвѣтствуетъ 906, считая по его (5500 отъ Р. Х.), или 898, по обыкновенному численію; но упомянутой счетъ отъ распятія Христова «до Льва прѣ индѣшмамаго», очевидно, ошибоченъ; слѣдовательно, и сдѣсь нѣсколько счетовъ или приписокъ, вставокъ, какъ хотите назовите. б) Кодиць Георгій, Куропалатъ или начальникъ Царскаго Двора при послѣднихъ императорахъ, составившій описаніе чиновъ, зданій, св. Софіи и самаго начала Царяграда, равно какъ и краткое лѣточисленіе отъ сотворенія міра до взятія Византіи, въ которомъ, по царствованіи Михаила III-го, слѣдуетъ Никифору, считая,

какъ и етотъ, 5500 лѣтъ до Р. Х., и полагая правленіе послѣдняго въ 6349; но до перваго Христіанскаго государя приводитъ только одни итоги большихъ эпохъ счисленія, а съ Константина начинается вычислять всѣхъ его преемниковъ съ годами ихъ правленія, какъ въ «Историкѣ вѣратцѣ». Въ Славянскомъ же переводѣ Никифорова Лѣтописца привнесенія идутъ гораздо далѣе, смотря по тому, къ какому вѣку относится самый памятникъ, въ которомъ «Лѣтописецъ вѣскоръ» или «вѣборъ» (ибо и это встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ) помѣщенъ, или же независимо отъ того списанъ. Такимъ образомъ: а) въ списокѣ, приложенномъ къ, такъ называемой, «Лѣтсписи, по Никоновому списку, въ концѣ 1-й ея части (приложеніе III), подъ заголовкой «Никифоръ, патріарха Царграда, Лѣтописецъ вѣскоръ;» дополненія идутъ до 7-го года царствованія Константина Българороднаго, при коемъ въ Русѣ князита поухъ Игорьъ, а Олегъ умре.» б) Въ «Лѣтописцѣ ѿ созданія мѣра вѣратцѣ», помѣщенномъ въ Хронографѣ, писанномъ церковникомъ, Никитой Александровымъ (см. выше, стр. 67), содержащемъ тоже только годы большихъ эпохъ до Р. Х., а оттолѣ прямо до Константина (5812), съ коего по Соборамъ; послѣ послѣдняго изъ нихъ, бывшаго въ 6296, слѣдуетъ счетъ Славянскимъ событіямъ, изъ коихъ до «крщенія Болгарскаго» прошло, де, отъ Р. Х. 1206, что, будто бы, отвѣчаетъ 6377 году отъ Адама (по Никиф. 877, по обыкн. 869); «а ѿ крщенія до преложенія книгъ изъ Словенскімъ языкъ стѣмъ Кирилѣмъ (30) лѣтъ, ѿ Адама ꙗꙗꙗꙗ (6407=907 или 899), а ѿ седмаго Собора до преложенія книгъ ѿꙗꙗ (873 или 865); а въ Русѣ изухъ князита Рюрикъ въ лѣто ꙗꙗꙗꙗ (6375=875 или 867); ѿ преложенія книгъ до крщенія Рускаго рѣꙗꙗ»: ясно, что тутъ счетъ не отъ 907, 899 и даже не 873, но лишь отъ 865. Слѣдовательно, очевидныя противорѣчія етѣхъ счетовъ самимъ себѣ говорятъ намъ о томъ, что они не могутъ принадлежать одному и тому же лицу. Завершается же етотъ лѣтосчетъ указаніемъ, сколько прошло времени отъ крщенія Руси до начала седьмой тысячи: «а ѿ крщенія Рускаго до конця седмыа [неправильно, вмѣсто «шестыа] тысящи», или же «до началъ седмыа тысящи, лѣтъ .фд.» (1492?). в) Въ третьемъ списокѣ Никифорова Лѣтописца, встрѣченномъ мною въ Палѣѣ по списку попа Константина (см. выше, стр. 92 и слѣд.), съ заглавіемъ въ строку: «Гра-

пографъ ѿ Адамъ» и на полѣ: «Лѣтоисленіе Адамово» (стр. 834), на сборотъ, сначала выставлены лѣта каждой главной эпохи до Р. Х., по томъ показывается, за сколько лѣтъ жили до этого же времени Іовъ, Моисей, Давидъ, Самуилъ, Соломонъ, Іеремія, Езекія, Агей, Захарія, Даніилъ, Ілія, Елисей, равно время пребыванія сыновъ Израилевыхъ въ Египтѣ, послѣ чего, снова счетъ идетъ отъ вознесенія Христова до Константина, отъ котораго далѣе опять по однимъ Соборамъ, изъ коихъ отъ послѣдняго прошло «до Михаилова чрѣка и до предложія свѣиѣ кингъ изъ Словенскихъ языкъ Кириѣ философъ лѣтѣ ѿ», что сложивъ съ 796, прошедшими до седьмаго Собора по счету етого лѣтоиснца, получимъ 857, по обычному 865, «а ѿ предложія свѣиѣ кинъ до крѣщенія Роукомъ земли лѣтѣ ѿ рѣгъ (857+123=980, или, по обычному счисленію, 988 (иначе годъ принятія Христіанства Владимировъ); «ѿ Константина чрѣка до Михаила чрѣка въ всѣхъ лѣтѣхъ» (542), т. е., отъ перваго лѣта Константинова до 1-го лѣта Михаилова послѣ матери (842+14=856). г) Въ той же Псалѣ, съ 853 по 855 л., помѣщенъ, послѣ статьи «И еще ѿ всѣхъ стѣхъ скорѣ, ѿ времени, унизъ и котормъ по котормъ въ», второй такой же Лѣтоиснецъ, озаглавленный на полѣ кинварью: «ѿ лѣтоисленіи второе». Онъ почти во всемъ одинаковъ съ предыдущимъ, за исключеніемъ того, что при каждомъ Сборѣ показанъ и годъ отъ сотворенія міра. Послѣдній происходиѣ, какъ и по первому, отъ Адама 6296—5500=796 (а по обычному 788), отъ котораго до Михаила 61 годъ, т. е., то же, что и выше (857 или 865). Но далѣе иной счетъ, именно: «Въ лѣтѣхъ ѿ нидикта .сѣ., иауемъ Михаилъ чрѣстковати, иаульте именокатиса Роукомъ земли», т. е., 6360—5500=860 или 6390—5508=882; а «ѿ Михаилъ до крѣщенія Болгарьскія земли в лѣтѣхъ .зѣ. (вмѣсто лѣтъ .зѣ. = 860 + 17 = 877 или 852+17=869); ѿ крѣщенія Болгарьскія до предложія кингъ лѣтѣхъ .мѣ. (877+29=906 или 898); «ѿ предложія кинъ до крѣщенія Рускомъ земли лѣтѣхъ .ѿ», (т. е., 906+92=1000 или 990.) д) На послѣдокъ, Псалѣ Домонтовскаго священника предлагаетъ намъ и третье еще лѣточисленіе, именно, въ самомъ концѣ своемъ, т. е., тѣмъ статьямъ, которыми завершается етотъ списокъ Псалѣ, по тому что списокъ 1-й или дьяка съ Дубкова, судя по описанію его А. Х. Востоковымъ, прерывается въ самомъ началѣ

этого третьяго лѣтописца («Демонъ .бл. и мѣнь г. и заколѣнь въ... на торгѣ»); но и во 2-мъ спискѣ начала ему тоже недостаетъ; онъ соприкасается съ концемъ предпоследней статьи «Сѣго Василія т(однѣ) сѣвническѣи унѣ», «вдругъ на 881-мъ листѣ словами: «и мѣнь .б. при сѣ вѣмѣи Нгилѣи мѣнь» (т. е. «Тромицъ, лѣ бѣ); Андришиъ лѣ .м.» и т. д. Передъ статьей, предшествующей ему, помѣщенъ рядъ статей подобнаго же содержанія, начинающихся, на 864-мъ л., началомъ статьи «Ѡ лѣтосчисленѣи гѣфъ лѣ, а родѣи ѡ» (какъ выставлено на полѣ, вверху, киноварью); тутъ говорится только о рожденіи Христа, крещеніи, распятіи, воскресеніи, вознесеніи и ниспосланіи Св. Духа»; за тѣмъ «Дорофѣи свѣа Тзровскѣи ѡ двѣи лѣ. лѣлѣ»; послѣ чего «Тогѣ ѡ .б. вѣникъ.» Сличивъ этотъ лѣтописецъ съ напечатаннымъ при Никоновской Лѣтописи, я увидѣлъ, что онъ вполне съ нимъ сходенъ въ имѣющемся на лицо, кромѣ пустыхъ разнорѣчій, происшедшихъ больше отъ писца, да отмѣнъ правописанія. Тоже весьма совпадаетъ и съ своимъ Греческимъ подлинникомъ, за исключеніемъ нѣкоторой разности въ числахъ, очевидно, отъ небрежности переписчиковъ происшедшей; но годы, протекшіе, отъ одного Собора до другаго, равно какъ и имена лицъ, противъ которыхъ они держаны были и за что, составляютъ либо наше прибавленіе (т. е., Славянское, что подтверждается самобытнымъ означеніемъ мнѣній ересеначальниковъ, на примѣръ: противу Арія, «раздѣляющаго Божество»; на Македонія, «доухокорца»; на Несторія, «человѣкосоужевника»; на Евтихія, Дюскора и Севгира, «схмоуцренье и размашенье въводѣиныхъ»; на блади Оригеоновы»; на Арія, Кира и Макарія, «едини вола ереси»; по Никон. списку: «единовольныи ереси»; на «Никонорецъ»), либо переводъ съ Греческаго списка, нѣсколько отличнаго отъ того, который присоединенъ къ Синкеллу, либо же, наконецъ, составляетъ попытку передать, въ подлинникѣ заключающееся, какъ можно самостоятельнѣе, по своему, т. е., согласно съ духомъ Славянскимъ и свойствами его языка. Окончаніе же обоихъ списковъ, при Лѣтописи по Никоновскому списку и въ Псковской Палѣи по рукописи священника Константина, одинаково, т. е., и тамъ и тутъ завершается началомъ правленія въ Грекахъ Константина Багрянороднаго, а въ Руси Игоря (913-мъ годомъ). Что до вставокъ, то

онѣ въ томъ и другомъ спискѣ состоятъ въ слѣдующемъ: «Михаилъ, снъ его (Феофила, въ Никоновскомъ «Феодула»), съ Феодорою матерью его, и съ Фемасю, сестрою его, лѣ .дѣ. (пропущено противу подлинника: « и мѣѣ .а. дѣиѣ ѿи). Михаилъ (т. е., «единъ», какъ въ другихъ, подобныхъ Лѣтописцахъ, читаемъ) лѣ .лѣ. (въ «Историчии кыратъца»: «лѣ .лѣ. и мѣѣ .а. дѣиѣ .ѿ.» что ближе къ подлиннику: «Μιχαὴλ μόνος ἔτη ια, μηνα ενχ, ἡμέρας θ'»; а въ «Лѣтописца кыратъца» при Изборникѣ 1073 года: «Михаилъ единъ, мѣсно съ Вардох Кесарьмъ, лѣ .лѣ. и оукиѣна кмста ока»), съ Васильемъ лѣ и мѣѣ .дѣ. и змлаиъ кмста (въ Палѣи «законикъ кмѣ»); въ подлинникѣ: «ἐσφάγη ἐν τῷ παλατίῳ τοῦ ἁγίου Μάμαντος, in palatio S. Mamtantis dicto occisus est»; но въ Никон. пропущ. «лѣ»). Тутъ первая вставка, относящаяся къ Руси: «При сего црѣти приидеша Роуць, Юудь, Слокени (въ Палѣев. «Слокени»; въ Никон. прибавлено «Новгородцы») и Креници (Палѣев. «Креници») къ Вардохъ, рѣша: земаа нша келни и обмьли, а шрада къ немъ штъ; поидите ишажти и владѣти нами, просиша кнѣза и взаша три брата съ роды свои, Люрикл, Сисеѣсъ и Троукола (по Палѣѣ, въ коей, послѣ «велики», слѣдуетъ: «просиша кнѣза», и проч., а въ Никон. послѣ: «съ роды свои») тотчасъ: старей Рюрици седе в Новгородѣ, Сисеѣсъ на Белз озерѣ, Троукоръ во Изборскѣ). Потомъ «ѿ Дала лѣ .лѣ. и .т. ѿ», 6370, т. е., 862 по обыкновенному счету, которому, разумѣется, считавшій слѣдовалъ, потому что по пятисотному (5500), или Никифоровому, выйдетъ 870, что противорѣчитъ, какъ и выше, всѣмъ прочимъ, предыдущимъ и послѣдующимъ, событіямъ. За симъ: «по дою лѣтѣ Сисеѣсъ и Троукоръ оуше и приа всю власть и Роуци Рюрици», что по Палѣи: «По .лѣ. ю лѣ престаки Сисеѣ и Троуколъ, Люрици ѿжики.» Далѣе, опять по Греческому Лѣтописцу, но какому, не извѣстно; вѣроятно, по тому самому, по коему выставлено все счисленіе, по смерти Никофора, которое, какъ мы видѣли уже, почти во всемъ согласно, съ одной стороны, съ находящимся при подлинникѣ послѣдняго, а съ другой, съ прочими, дошедшими до насъ и доступными нынѣ мнѣ, подобными же Лѣтописцами, т. е., при твореніи Константиновомъ и Изборникѣ Святославовомъ. Вся разница ихъ противу Греческаго состоитъ только: а) послѣдняго въ томъ, что въ немъ Михаилъ II-й царство-

ихъ, а другое Славянъ Рускихъ, т. е., смерти перваго великаго князя ихъ: «Въ .л̄. л̄ѣ цр̄тѣ его цр̄тѣ ем̄ зема Болгарьскаа ѿ Адама л̄ѣ .ѣ. и .тоѣ.» и «въ .л̄. л̄ѣ цр̄тѣ его оумре Рюринъ (Люринъ оумре), и дастъ княжение (кн̄зѣ Олгоки), срединкоу скоемоу, и сѣм̄ малаго, Игоря». Годы того и другаго показаній, равно какъ и предыдущихъ, относящихся къ намъ, Славянамъ, совершенно совпадаютъ съ такими же Несторовой лѣтописи; и не одни годы, но и самый образъ выраженій почти одинъ и тотъ же съ Несторовымъ. Въ заключеніе: «Левъ и Александръ, сѣм̄ Василя цр̄а, л̄ѣ .л̄. Въ .л̄. с л̄ѣ цр̄тѣ его предложены быша книги ѿ Греускаго думца (въ Пал. «ѿ Грѣмъ») иа Словенскимъ (въ Палѣи «мзмиъ»), а ѿ цр̄тѣ Болгарьскаго до предложена книга (въ Палѣи «иа Роѣ») л̄ѣ .л̄.; а ѿ .ѣ. свора до предложена книга (последнія два слова не находятся въ Палѣи) л̄ѣ .оѣ., а ѿ Адама л̄ѣ .ѣ. и .ѣ. и .ѣ». Ясно, что все это собрано вмѣстѣ для одной и той же цѣли, т. е., опредѣленія времени предложенія книгъ; но, во первыхъ: число лѣтъ правленія царей Льва и Александра неточно, по какому бы мы счисленію ни означали годы правленія ихъ: вмѣсто 20 другіе полагаютъ 25 и 26 лѣтъ; послѣднее встречаемъ въ Лѣтописцѣ при Изборникѣ 1073-го года: «Леонъ и Александръ, сѣм̄ Василенъ, л̄ѣ .л̄. мѣ .л̄. дини .л̄г.»; да «Александръ единъ л̄ѣ .л̄. дини .л̄.» Дѣйствительно, по выкладкѣ Круга, лѣти Василя царствовали съ 30-го августа 886: первый по 11-е мая 912, а второй по 6-е июня 913 года; стало, первому выпаю, говоря круглымъ числомъ, 26 лѣтъ, а второму годъ съ небольшимъ; да и въ частностяхъ вычисленіе Круга совершенно совпадаетъ съ показаніемъ Изборникова Лѣтописца (107). Во вторыхъ: 12-е лѣто, по тому, правленія императора Льва будетъ приходится 898 года, что совершенно согласно и съ, присоединенными въ слѣдъ за тѣмъ къ опредѣленію перевода Священныхъ Книгъ, двумя вычислениями, т. е., показаніемъ лѣтъ, протекшихъ отъ крещенія Болгарскаго и отъ Адама. 30-е лѣто перваго падаетъ на 898 годъ, считая отъ втораго года Василева правленія (868-го), а 6405 отъ сотворенія міра, по обыкновенному счисленію, тоже указываетъ на это же самое (898-е) лѣто. Одна лишь выкладка времени отъ Седьмаго Собора не оправдывается, по тому что, откуда бы мы ни счита-

ли етъ 77 лѣтъ, отъ 783, 787, 795, 805, 806 и т. п., во всякомъ случаѣ протекшее время укажетъ не на Львово, но на другаго царствованіе; слѣдовательно, эта выкладка принадлежитъ и другому лицу и къ другому предложенію относится. Какое же изъ сихъ послѣднихъ будетъ относиться къ нашему предмету, увидимъ въ своемъ мѣстѣ; по тому что опредѣленіе предложенія на Славянскій языкъ Св. Книгъ 12-мъ годомъ царствованія императора Льва, не относится прямо къ теперешнему нашему розыску, хотя, конечно, можетъ и должно быть во многомъ принимаемо въ соображеніе. Последнее добавленіе къ Никифоровому «Лѣтописцу взиратца» по обоимъ спискамъ, какъ замѣчено выше, относится къ правленію Константина Багрянороднаго: «Костянитъ, сѣхъ Львовъ, зать Ромляновъ, ѿтѣвока лѣ .ḡ.» Подъ нимъ записано: «а в Роуси поуга князпни (Пал. «князпни») Игорь, а Олегъ оумре» (въ Пал. «а Олегъ и ть оумрль»); за симъ въ томъ и другомъ слѣдуетъ исчисленіе, кто изъ царей Греческихъ былъ вѣренъ Православію, а кто отступилъ отъ него, съ показаніемъ при каждомъ самыхъ лѣтъ правленія, что оканчивается, по списку Палѣи, 84-мъ царемъ, Мануиломъ, или 6899-мъ годомъ, а по списку Никоновой лѣтописи 85-мъ, Калуяномъ, или 6933=1425-мъ. Уже по одному етому исчисленію сіе не можетъ принадлежать патріярху Никифору, тѣмъ болѣе, что его нѣтъ и при Греческомъ подлинникѣ, хотя, съ другой стороны, оно могло быть доведено до того времени, до котораго и простое лѣточисленіе его, послѣ же его продолжалось другими. Такъ точно списокъ епископамъ Византіи, находящійся при Греческомъ подлинникѣ, какъ сочиненіе, принадлежащее ему, продолженъ въ немъ до самаго Фотія.

Есть еще особый видъ Никифорова Лѣтописца, который, подобно етому исчисленію православныхъ и неправославныхъ Греческихъ царей, не только что продолженъ до послѣдняго изъ нихъ, но даже, во многихъ случаяхъ, сличенъ съ другими подобными лѣточисленіями. Такой списокъ встрѣтился мнѣ при одномъ экземплярѣ «Книги, глаголемон Алѣянтъ, содержаща в себя толкованіе неодоукъ разумѣаемыхъ рѣшен, иже обрѣтаются во стѣ книгѣ Словенскаго языка, иностранними гл҃голами

положены,» томъ самомъ, которому предпослано, въ видѣ предисловія, Храброво «Сказаніе, како состави стѣи Кириакъ Философъ азѣвкы по азѣвкы Словенскы,» и проч. (см. прим. 46). Онъ писанъ нѣсколько отличнымъ отъ Сказанія и Алфавита почеркомъ, хотя тоже красивымъ, четкимъ и съ кинноварными заглавіями; бумага нѣсколько темнѣе; счетъ листовъ особой (43), озаглавленъ такъ: «Ѡ Летописца изъбрахо въкратцѣ ѡ мзуале родословіа Ѡ Адама перваго дни и Ѡ коего мотна ёго поидоша црѣе, свѣдѣ же и владѣлцы, и кто сподко лѣтъ вьсть мнѣ текущаго кола сего.» Это, кажется, составляетъ попытку нашихъ предковъ обработать Никифорово лѣтописное счисленіе. Трудившійся надъ нимъ тщательно сличалъ показанія Никифора съ другими, доступными ему, исчисленіями, и, находя разницу, отличалъ ее, но, большею частью, не пускаясь въ разысканіе причинъ оной. Такъ, на примѣръ: отъ смерти Моисея до Самуила 520, а по Библии 540, «глетъ же са в дѣлѣ ихъ Апостолскихъ Ѡ Мойсѣева оумертвѣ до Самуила лѣ .уѣ. Ѡбращемъ по семъ лѣтописцѣ изданше лѣтъ .ѡ., а по Библии изданше лѣтъ .ѣ. Сіе не апостолское писаніе погрѣши, но или преписующаго погрѣшеніа вьсть, долгааго ради времени пишема стираются и мезидема выкаю, яко же се ёгда оу тверда ёдина уертница сотрета, то и вьсть ризвѣсти, твердо ли было, или покон; тако же керхмаа уертница з покоа сотрета, тако же не вѣдати, покой ли былъ, или же нже, да тѣмъ ё три сотномъ унсла осмьдесатное минта, и въ осмьдесатномъ осмь минта.» Или: «По семъ лѣтописцѣ Ѡ перваго уѣвѣка родоуладника Адама даже до Рѣтва Хртова родословіѣ уѣвѣслагѣ вьтѣа лѣты на зидмемны и славны уѣвѣкы, црѣи же и свѣдѣи и владелецѣ соутенѣ лѣ .ѣф., лишки же ѡбрѣтеса лѣ .иѣ.; а по Библии разгласветса оумлаеніемъ недостаало ё пѣтисащоме и пѣсотное унсло лѣ .мѣ. и мѣѣ .ѣ. А старыя переуни такъ же разгласвуютса: Ѡ црѣ Аѣда до Рѣтва Хртова .амг. лѣта, а Ѡ племеніа Іеросалимова по семъ лѣтописцѣ до Хрѣта .хѣ. лѣтъ, а в старыхъ пишеть .фѣ. лѣтъ. А Ѡ умертвѣа Александроа до Августова црѣтва лѣтъ .скѣ., а Ѡ мзуала царства Августова до Рѣтва Хртова .мѣ. лѣта, то право; а Ѡ Александра лѣтъ .сѡ. И то раздогласіе в унслахъ лѣтописныхъ Ѡ преписующихъ вьсть, яко же преже рѣхъ Ѡ Мойсѣа до Самуила.» Съ Августа передъ каждымъ изъ государей выставляется, прежде всего, годъ отъ Р. Х., а по томъ ужъ число лѣтъ правленія. Точно такимъ же

образомъ разность лѣтописныхъ счетовъ указана при Константиѣ Великомъ и каждомъ Вселенскомъ Соборѣ, изъ коихъ приведу здѣсь только первое и послѣднее, необходимыя для нашихъ соображеній: «Ѿ Рѣткѣ Хрѣтова до перваго лѣта црѣ Константиина по семъ лѣтописцѣ лѣтъ .тѣа. и мѣць .ѣ., а Ѿ вознесенїа Гдѣа лѣтъ .сѣѡ. и мѣць .ѣ., а Ѿ Адама лѣтъ .сѡѡ. и мѣць .ѣ.; а въ старыхъ переумахъ лѣтописнѣ пишеть Ѿ Рѣткѣ Хрѣтова до црѣ Константиина лѣтъ .тѣѡ., а Ѿ вознесенїа Гдѣа лѣтъ .тѣ., ннѣ .сѡѡ. а Ѿ Адама .сѡѡ., ннѣ .сѡѡѡ. Во .лн. лѣто црѣткѣ ѣго бысть первнн вселенскїи Соборъ въ Ннкен стѣхъ ѡцѣ .тнн. на Арїа злоустннкаѡ, глѡщаѡ Снѣ Бжїа створена быти; Ѿ Рѣткѣ Хрѣтова до перваго Собора лѣ .тѣг. и мѣць .л., а Ѿ вознесенїа Хрѣтова лѣтъ .л. и мѣць, а Ѿ Адама лѣтъ .сѡѡг.; а въ старѣ переумахъ пишеть Ѿ вознесенїа Хрѣтова до перваго Собора лѣ .тнн., ннѣ .тнн., а Ѿ Адама лѣтъ .сѡнн. В лѣто .сннн. по лѣт црѣткова Константиинѣ снѣ с мтрїю Нрнною лѣ .хї. При снѣхъ бысть седмнн Соборъ въ Ннкен, въ .сї. лѣто црѣткѣ ѣго на ннкоборѡцѡхъ, стѣхъ оуецѣ .тѣх. прї Амдрѣанѣ папѣ Рннстемѣ и Тарасїн Црѣградскомѣ. Ѿ Адама до седмга Собора по семъ лѣтописцѣ .зтѣх. лѣта, а Ѿ Рѣткѣ Хрѣтова лѣ .ѡнн. и мѣць .ѣ., а Ѿ шестаго Собора до седмга лѣ .рнн.; а въ старыхъ переумахъ пишѣ Ѿ Адама до седмга Собора лѣтъ .сѣус., а Ѿ Рѣткѣ Хрѣтова .лѣус.» Здѣсь все совершенно противорѣчитъ какъ само себѣ, такъ и обыкновенному способу лѣтосчисленїа. Отъ того и царствованїе Михаила III-го пришлось «въ лѣто .сѣѡ.» (6405 = 805), и при томъ онъ правилъ, яко бы, «съ мтрїю своею, Феодорою, лѣта .д., а ѣдннѣ лѣ .л., а с Васнлѣмъ Македонннномъ лѣто ѣдннѡ и мѣць .д.» Слѣдовательно, въ послѣднемъ счетѣ пропущено цѣлыхъ десять лѣтъ, что тоже замѣчаемъ и при Василеніи, который, будто бы, царствовалъ только «лѣтъ .ѡ.» Не смотря на это, царствованїе послѣдняго Греческаго императора пришлось въ .сннн.» (6950=1442), а «скончаса въ лѣто .сннн.» (6961=1454), между тѣмъ въ заключительномъ его итогѣ открывается опять несостоятельность, именно, по счету его, «Ѿ Рѣткѣ Хрѣтова до великаго црѣ Константиинѣ лѣтъ .тѣа, а Ѿ перваго црѣ Константиина до послѣдняго сего црѣ Константиинѣ лѣ .лѣѡѡ (321+1095=только 1416!), а Ѿ Рѣткѣ Хрѣтова до послѣдняго црѣ Константиинѣ, до скончанїа ѣго, лѣ .лѣѡѡ (1460!); црѣтвѡюще црѣте Гречестїнн въ Константиинѣ градѣ .лѣрнз лѣтъ (1127, что съ 321 составитъ лишнѣ 1448!). Такое

Спрашивается, откуда пошли всѣ етѣ лѣтописныя показанія, особенно для древняго времени? Первые лѣтописцы, идущіе не далѣе X-го столѣтія, равно какъ и послѣдній, до половины XV-го (1454 въ части 1-й, а во 2-й до половины первой четверти XVII-го [1613] или избранія и возведенія на престолъ царствія Московскаго государства перваго Романова), основываются, какъ сказано уже, до Θεофила на Лѣтописцѣ Никифоровомъ, но далѣе, мнѣ кажется, составляютъ простое извлеченіе перечнемъ изъ нашихъ Лѣтописей и Хронографовъ, что доказывается какъ сходствомъ расположенія, такъ и тождествомъ, по крайности, чрезвычайной близостью, самыхъ выражений во многихъ и многихъ случаяхъ. Такъ, сличите приводимое въ етѣхъ Лѣтописцахъ съ тѣмъ, что находится въ Лѣтописи Нестора и нѣкоторыхъ Хронографахъ отъ царствія Василія Михайлу. Началомъ, конечно, послужили перечни, подобные перечню, предпосланному Несторомъ разсказу о томъ, «што сѧ оудѧ (къ) лѧти сѧ»,» который рѣшительно взятъ имъ «кѣкратѣцѣ» у Никифора и его неизвѣстнаго продолжателя (или продолжателей) до самаго Михаила. Свѣривъ всѣ ихъ между собою (какъ это я и сдѣлалъ), увидимъ, что несходнаго у Нестора съ ними весьма мало, да и это малое такъ незначительно и такъ причина тому очевидна, что только самый недалновидный, или же неопытный въ дѣлѣ исторической критики, можетъ не замѣтить оной. Но Несторъ самъ называетъ источникъ свой: «Игумену Михайлоу царствовати, наууса прозываети Роуска земля; о семъ во оубѣдахомъ, мно при семъ цари приходима Роусь на Царьгородъ, мно же пишется въ лѣтописани Гречустемъ, тѣмже отсеаъ поумемъ и тисла положимъ;» и тотчасъ же, дѣйствительно, начинается свою «Повѣсть креманныхъ лѣтъ» прежде всего положеніемъ лѣтъ, то есть, «лѣтописцемъ кѣкратѣцѣ,» отъ Адама до своего времени (смерти Святополка), рядомъ всемірныхъ поворотныхъ событий и ихъ представителей (отъ Адама до потопа, Авраама, Мойсея, Давыда, разрушенія перваго Иерусалима, Александра, Р. Х., Константина и Михаила): послѣдній изъ нихъ не по тому, чтобы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ такая же личность, какъ прочіе, но по тому единственно, что игумену емоу царствовати, наууса прозываети Роуска земля,» которой судьбы рѣшился

онъ изложить. Отъ этого же государя, въ описаніи правленія котораго вычиталъ Несторъ первое извѣстіе о Руси, счетъ лѣтъ идетъ у него въ «положеніи чиселъ» уже по собственнымъ государямъ, отъ правленія къ правленію. Представивъ, такимъ образомъ, напередъ лѣтописный обзоръ того, что намѣренъ былъ изложить въ своемъ Временникѣ, онъ открываетъ его 6366-мъ лѣтомъ (858), подъ которымъ напечатъ «въ Греческомъ лѣтописаньи» извѣстіе о народѣ, соплеменномъ своему, т. е., Болгарскихъ Славянахъ, именно, о войнѣ противъ нихъ Михаила, кончившейся крещеніемъ. За тѣмъ, къ слѣдующему году (6367=859) приурочиваетъ преданіе о дани Варягамъ съ Сѣверныхъ, а Козарамъ съ Южныхъ Славянъ, а черезъ три года (6370=862) объ изгнаніи первыми Варяговъ, объ усобицахъ у изгнавшихъ и средствѣхъ противу того—призваніи князей изза моря; послѣ этого опять три пустыхъ лѣтнихъ чиселъ (6371, 72, 73), о которыхъ ничего не могъ найти ни въ своемъ Греческомъ (хотя въ Славянскомъ преложеніи) подлинникѣ, ни въ памяти народной, и только подъ слѣдующимъ (6374=866) годомъ заноситъ о томъ приходѣ Руси на Царьгородъ, о которомъ сказалъ въ самомъ началѣ своей Лѣтописи и который далъ ему поводъ начать ее правленіемъ Михаила, по тому что ни въ какомъ Греческомъ лѣтописаньи подъ 6360 (852) годомъ не говорится о Руси; слѣдовательно, Несторъ тутъ разумѣлъ походъ Аскольдовъ и Дировъ, дѣйствительно рассказываемый подъ етѣмъ годомъ источникомъ его, Георгіемъ Грѣшнымъ, какъ это показываетъ самое дѣло. Ибо это событіе читаемъ у Георгія передъ убіеніемъ кесаря Варды (дяди Михаила по матери) Василиемъ, что, какъ извѣстно, предшествовало избранію послѣдняго въ соправители, почти за полтора года до смерти самаго Михаила (868 по Нестору, 866 по другимъ). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ рассказовъ у Нестора объ отечественномъ, и тѣмъ менѣе о Греческихъ и соплеменныхъ намъ народовъ дѣлахъ; но подъ 6376 (868) отмѣчено вступленіе на престолъ Василія, подъ 6377 (869) крещеніе *всей* Болгарской земли, подъ 6395 (887) царство Льва и Александра, дѣтей Василія. Занесеніе извѣстій изъ Греческой лѣтописи не переходитъ половины X-го столѣтія: я разумѣю такихъ, которыя почти никакого не имѣютъ къ намъ отно-

пенія, или же только второстепенное. По чему же не далѣе? По тому, кажется, что и источникъ его, Георгій, въ своихъ неизвѣстныхъ продолжателяхъ не простирается далѣе Романовой смерти. «Стало, Георгій, а не Никифоръ, Несторовъ источникъ?» И тотъ, и другой: первый черезъ послѣдняго. По тому что, взявши изъ Амартола извѣстныя данныя, онъ не могъ, однако, взять у него лѣтописнаго обзора, предпосланнаго имъ, послѣ введенія, самой лѣтописи, такъ какъ его нѣтъ въ Хроникѣ Византійца; составить же его изъ соображенія разныхъ мѣстъ ея было слишкомъ искусственно для черноризца конца XI-го, или начала XII-го вѣка, когда онъ могъ ближе и удобнѣе перенести нужное ему изъ творенія другаго Византійца, которымъ самъ Георгій, какъ своимъ современникомъ, воспользовался до того, что рѣшительно по нему расположилъ свой «Временникъ въпросъ», на что намекъ встрѣчаемъ уже въ самомъ его названіи, по коему тотъ «оуъ раздану-тыхъ хронографъ и съмадатель собравъ и сложивъ.» Стоитъ только свѣрить лѣтописныя данныя, т. е., означеніе «лѣтоисъ» въ томъ и другомъ, чтобы убѣдиться въ такомъ употребленіи Грѣшнымъ Никифорова «Лѣтоисъца въпросъ». Сходство простирается даже на самыя выраженія; на примѣръ, изъ многаго малое: «По Самсонъ не вьсть соудъи лѣтъ .лѣ.; тѣмъ и велико зло вьсть», читаемъ у Никифора; «мко по Самсонъ не вѣ княженни лѣтъ .лѣ.; тѣмъ же и велик зло вѣи», читаемъ и у Амартола. Или, въ первомъ: «Ноулинъ Кесаръ .лѣ. лѣтъ. Тонъ законъ дастъ индита и високость изобрете. По Ноулинъ Августъ, сынокъ его, Октавинъ сынъ, иже и Славастъ нареуеся, лѣтъ .лѣ.»; а во второмъ: Ноулинъ црѣ индодержецъ лѣтъ .лѣ.; тѣ же и законъ дастъ, индита и високость обрете. По Ноулинъ овлада Августъ сынъ его, Октавинъ сынъ, иже Славастъ нареуе вѣи, лѣ .лѣ.» Очевидно, не Никифоръ у Георгія, но етотъ у него, заимствовался, такъ какъ первый кончиной своей опередилъ послѣдняго (828). Быть можетъ, и «Лѣтоисъца въпросъ» былъ въ рукахъ у Нестора уже съ дополненіями, или продолженіемъ, о которомъ я сказалъ выше, даже со включеніемъ Славянскихъ событій, точно такъ, какъ «Книгы временныхъ и ослздыма Георгия», которыя простираются, собственно, только до смерти Михаила III-го, дальнѣйшее же составляетъ, какъ и у Никифора, продолженіе неизвѣстнаго, судя по сло-

гу и приемамъ. Оба етѣ источника Несторовой Лѣтописи дошли до насъ въ весьма древнихъ переводахъ, составленныхъ, судя по языку, еще въ первое время по крещеніи Славянъ Булгарскихъ, отъ коихъ перешли, съ прочими письменными памятниками, и на Русь тотчасъ по принятіи ею Христіанства. Переводъ же ихъ на Славянскій объясняется временемъ ихъ появленія, совпадавшимъ съ временемъ обращенія Славянъ и знакомства ихъ съ книжнымъ дѣломъ. То и другое (Никифорово и Георгіево) произведеніе составляло въ самой Византіи книжную новостъ, слѣдовательно, такъ сказать, само напрашивалось на «предложеніе,» тѣмъ болѣе, что непосредственно удовлетворяло естественной потребности новопросвѣщеннаго народа знать, что *«са оудѣа въ лѣта си»* до него, какъ прекрасно выразился Несторъ. Во всякомъ случаѣ, етѣ лѣтописныя приписки къ Никифорову Хронографу, откуда бѣ ни зашли въ него, изъ Несторовой ли Лѣтописи и Хронографовъ, или же на оборотъ (по тому что сродство ихъ съ ними очевидно и въ равной мѣрѣ допускаетъ тотъ и другой способъ объясненія), въ большей, меньшей мѣрѣ, касаясь нашего предмета, невольны вызывали насъ войти во всѣ етѣ объясненія. Въ Хронографахъ онѣ встрѣчаются въ простѣйшемъ видѣ, т. е., въ нихъ говорится сперва о предложеніи книгъ при Львѣ Мудромъ, а за тѣмъ опредѣляется время его указаніемъ на годы, прошедшіе до него отъ Адама, послѣдняго Вселенскаго Собора и Болгарскаго крещенія; съ етѣмъ непосредственно соединено исчисленіе народовъ, для коихъ переводъ сдѣланъ былъ, какъ это и разсмотрѣно нами уже подъ извѣстіями Хронографовъ о занимающемъ насъ вопросѣ. Напротивъ, при Никифоровомъ Лѣтописцѣ, какъ мы знаемъ, извѣстіе это обставлено многими другими, близкими къ нему, событіями, и при томъ, въ разныхъ опискахъ етого Лѣтописца съ разными вычисленіями, чего вовсе не встрѣчаемъ въ Хронографной передачѣ его.

Но по чему же етѣ приписки къ Никифорову Лѣтописцу и Хронографы относятъ предложеніе Славянскихъ книгъ къ 12-му году правленія Льва Мудраго или Философа? Мы знаемъ по всѣмъ доселѣшнимъ показаніямъ отечественныхъ

и иностранныхъ источниковъ, что это могло состояться только либо въ царствованіе Михаила III-го, либо же Василия Македонянина, отнюдь же не Льва, сына его, по крайности, не въ 12-е лѣто правленія его, какой бы переводъ разные списки сихъ показаній ни разумѣли въ положеніи лѣтъ. Дѣло это опирается просто на одномъ недоразумѣніи. Извѣстно, что Несторъ подѣ 6406 годомъ (898), замѣчаетъ, какъ, въ 20-е лѣто правленія Олега, «идоша Оугри мимо Кѣва горою», отъ чего мѣсто, гдѣ они, пришедши къ Днѣпру, стояли вежами, прозвалось по нимъ «Оугорское.» Угри етѣ были Оугри Уерни, пробиравшіеся къ Уграмъ Бѣлымъ, еще прежде прошедшимъ къ Дунайскимъ землямъ, въ сосѣдство Славянамъ (108). Тѣ и другіе шли «отъ вѣстока и оустремившася черезъ горы великіа (Карпатскія и Трансильванскія), и поумша косвати на жикущя тоу Волху (Волухы) и Словѣни», изъ коихъ, говоритъ онъ, первыхъ «Оугри прогнаша», такъ какъ они, подобно имъ, насиліемъ «прѣша землю Словѣнскую и сядоша съ Словѣны, покоряюще и подѣ сѣ.» Земля эта «оттоля прозвася земля Оугорская», а сами Угри «поумша косвати на Греки, и попланиша землю Фраульскую и Макидонскую доже и до Селоща», и не только на Грековъ, но и «изъ Моравоу и на Уахи (Уехы).» Это, какъ я замѣтилъ уже въ своемъ мѣстѣ, разбирая свѣдѣтельство Нестора о нашемъ предметѣ (стр. 61), это событіе, касавшееся большей части Славянъ (сѣверовосточныхъ, южныхъ и западныхъ) и имѣвшее чрезвычайное вліяніе на послѣдующія судьбы ихъ, представляло ему случай еще разъ напомнить единство языка (племени) Славянского и вычислить важнѣйшихъ представителей его: Славяне Дунайскіе, «идъ же прѣша Оугри, и Маравя, Уеси, и Лахове, и Подлѣ, иже шитъ зовомаи Роусь.» Они едины были и по грамотѣ: «Смихъ во перкое предложени кинги Маравя, же прозвася грамота Словѣнскимъ,» которая теперь (во время лѣтописателя), «грамота есть» только «изъ Роуси и изъ Болгарехъ Доуманскихъ.» Коснувшись, по поводу нашествія Угровъ на Словѣнъ, столько важнаго событія, Несторъ пускается въ подробности о немъ: излагаетъ, когда, какъ и черезъ кого показалась у его народа (Славянского) грамота: это-то и составляетъ извѣстный рассказъ его о посольствѣ Моравскихъ князей въ Царьградъ къ императору Михаилу, просившихъ прислать къ нимъ «оучители, иже бы (ихъ)

намазала (наоучила) и поучала и протопопала Святыхъ книгъ», и какъ къ нимъ посланы были учителя, которые не только въ состояннн были «протопопати Святыхъ книгъ», но даже «состависта писмена азъкоукована Словенскн, и предложиста Апостола и Евангелъ», а по томъ одинъ изъ нихъ (Меоодіи) покончилъ начатой трудъ: «предожи и вса книги исполдъ (сполна) отъ Греускаго азъка къ Словенскъ» (П. С. Р. Л. I, стр. 11). Разсказъ этотъ по поводу выступленія Угровъ, начавшихъ, съ тѣхъ поръ, играть важную роль въ жизни Славянскаго племени, а по тому всюду старательно отмѣчаемыхъ лѣтописцемъ въ своемъ Временникѣ (тотчасъ же за етѣмъ разсказомъ, подъ 6410 = 902 о наемѣ ихъ противу Болгаръ при Симеонѣ, разбившихъ его и вогнавшихъ въ Дерестръ; 6442=934, 6451=943), другіе лѣтописцы передали каждый по своему. Одни либо просто списывали Нестора, не мудрствуя лукаво; другіе, напротивъ, дозволяли себѣ передѣлки, именно: въ нѣкоторыхъ Хронографахъ, какъ мы видѣли уже, стоитъ въ етомъ мѣстѣ позднѣйшая обработка Житія Кириллова, такъ называемое, Проложное Житіе, и, въ слѣдъ за нимъ, «о предложеніи книгъ съ Греускаго на Словенскимъ азъкъ», начинающееся словами: «Во ѿ. лѣто ѿрста Леона предложены книги ѿ Греускаго на Словенскимъ азъкъ», съ чѣмъ соединено извѣстіе, для какихъ именно Славянскихъ народовъ ето сдѣлано было Кирилломъ и Меоодиємъ, непосредственно, яко бы, посѣщавшихъ и наставлявшихъ ихъ въ истинахъ Христіанства; впрочемъ, есть Хронографы, въ коихъ оба послѣдніа одно за другимъ слѣдуютъ (Прологъ впереди); либо, наконецъ, предложеніе книгъ внесено въ «Лѣтописецъ въскортъ» и тому под., какъ особая эпоха, къ которой и отъ которой исчисляется протекшее время, при чемъ, иногда, оно поближе опредѣляется другими событіями (седьмымъ Соборомъ, Болгарскимъ крещеніемъ, крещеніемъ Руской земли, и т. п.); въ Никоновской же Лѣтописи, какъ сводномъ собственно Хронографѣ неизвѣстнаго, жившаго въ XVI-мъ столѣтн, встрѣчаемъ нѣсколько (рядомъ) изъ етѣхъ опредѣленій времени перевода Священныхъ Книгъ: сперва по Нестору, съ вольной передѣлкой койчего (на примѣръ: «Снмъ ко первое положени книги ко Испаниѣ, по градѣ Мадридѣ, еже есть Илирицъ»), за тѣмъ по Хронографамъ о предложеніи: «ко второе идесатъ лѣто царствна Леа Премудрого пред-

жия книги,» съ исчисленіемъ, для кого изъ Славянъ; далѣе, вторая половина Несторова же сказанія со времени поставленія Кочеломъ Меодія въ епископы «во Нспаниі, на столѣ скатаго апостола Андроника,» какъ бы что-то отличное отъ изложенной выше первой половины, и при томъ еще съ надписью: «О томъ же, отъ инаго Лѣтописца» (часть I, стр. 26 — 29). Это обстоятельство, между прочимъ, говоритъ намъ, что составитель Лѣтописи или точиѣе Хронографа по Никонову списку не пользовался спискомъ Несторовой Лѣтописи непосредственно, но только подобными себѣ Хронографами; въ противномъ случаѣ онъ былъ бы согласенъ съ какимъ ни есть изъ нихъ, между тѣмъ какъ у него видимъ совершенно противное. Что ни было бы, только кто-то изъ трудившихся надъ устроеньемъ (а, статья можетъ, и просто переписываніемъ, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ) нашихъ Хронографовъ, внося въ свой списокъ Славянскія и Рускія извѣстія изъ Несторовой Лѣтописи, когда дошелъ до сказанія послѣдней о преложении книгъ, помѣщенномъ подъ упомянутымъ лѣтомъ Олегова княженія, по случаю прохода Угровъ мимо Кіева, вмѣсто того, чтобы прямо перенести этотъ рассказъ въ свой Временникъ, подъ главой, посвященной «црѣтову Льву Премоудраго, сына Василека,» или же, по крайности, въ извлеченіи, согласно съ характеромъ Хронографовъ (которые, дѣйствительно, етѣмъ наиболѣе отличаются), вздумалъ замѣнить его собственнымъ своимъ соображеніемъ времени, когда именно событіе это (переводъ книгъ) произошло. Это сдѣлалъ онъ просто, т. е., счелъ лѣта, протекшія отъ перваго года правленія Льва Мудраго до года, подъ которымъ Несторъ передаетъ свой рассказъ о преложении книгъ, именно: 6395 — 6406 или 887 — 898, въ итогѣ ровно «дѣвятидесятомъ лѣтѣ (12): «Во второснадесять лѣто Льва Премоудраго Константинъ философъ и братъ его Меодіи преложиста стѣи книги,» и т. д. Такимъ образомъ, благодаря этой выкладкѣ хронографщика, основанной совсѣмъ на другомъ соображеніи въ Несторовой Лѣтописи, мы получили новое извѣстіе о преложении книгъ, случившемся, яко бы, въ 12-й годъ царствованія Льва, сына Васильева, между тѣмъ какъ это время, не говоря уже о томъ, что не можетъ быть ни по какимъ данньимъ временемъ перевода, есть просто на просто

только время прохода Угровъ мимо Кіева, пробудившихъ въ начальномъ лѣтописцѣ нашемъ своимъ послѣдующимъ отношеніемъ къ народу Славянскому воспоминаніе, какъ я сказалъ уже, о событіи, хотя и недавно случившемся (относительно разстоянія времени переложенія книгъ отъ времени прохода Угровъ), но событіи первой важности для этого послѣдняго, а главное не въ 12-е лѣто правленія Львова. Къ этому вычисленію хронографщикъ нашегъ нужнымъ присокупить еще выписку изъ какого-то, доселѣ намъ неизвѣстнаго, Българскаго, или Сербскаго, Хронографа, о томъ, какіе именно Славянскіе народы теперь «единого языка и единой грамоты.» О такомъ заимствованіи изъ этого источника говоритъ намъ какъ самое свойство сказанія сего, такъ и языкъ его (см. выше стр. 113—114). А что это дѣло возможное, т. е., заимствованіе его изъ упомянутыхъ Временниковъ, подтвержденіемъ тому служатъ, съ одной стороны, статьи изъ исторіи обоихъ соплеменныхъ намъ народовъ въ Временникахъ, коихъ (статей) большей части нельзя найти ни въ одномъ иностранномъ памятникѣ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ въ Хронографахъ, а съ другой—указаніе даже въ заглавіи егѣхъ послѣднихъ на то, что они дѣйствительно служили составителямъ нашихъ Временниковъ источниками. Такъ, вычисляя источники, изъ коихъ составитель или составители ихъ брали свои свѣдѣнія, приводятся не одни лишь книги Библейскія и другія, но именно говорится, что черпано было еще «отъ Русскихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Българскихъ.» Изъ Хронографовъ же извѣстіе о преложеніи Книгъ въ 12-е лѣто Льва, царя Греческаго, могло перейти и въ другіе лѣтописныя памятники, съ приложеніемъ, или безъ приложенія, выписки изъ Сербскаго источника о народахъ, единыхъ съ нами по роду, Вѣрѣ и грамотѣ, и разнообразно обдѣльвалось, между прочимъ, такимъ образомъ, присоединено къ-то и къ Никифорову «Лѣтописецу късеръ», въ самомъ концѣ прочихъ приписокъ къ нему.

3) Одинаковаго достоинства съ предыдущимъ двумя (подъ а и б) показаніями о нашемъ предметѣ и извѣстіе, помѣщенное въ «Житіи свѣтѣ и рачнолюбноудіи кѣ нѣмъ Кіевскаго Владимера, ѿса Ресси самодержца,» по Круничпольскому списку «Пчелы» (109).

Исчисляя, сколько разъ крестилась Русь, сочинитель такъ выражается о второмъ крещеніи ея; «Покторѣ крѣтилси Русь роукѣ ѿ рождества Хѣа .ѿѣг. (863) за Михаила црѣм Грецикѣ, а за патрирѣхи Константинопольскѣ Фотѣа, ѿ которыхъ тѣ на прозвѣ кимъзи Словенскихъ Святѣодѣа, Ростислава и Коцѣа приславы были Словѣномъ и Русѣи ѹѹтаа црѣи Хрѣм Меѣодѣи и Кириллѣ, своеа ѹѣкаа зацѣмѣ Леа з Колючѣ; тѣи Дѣѣ Сѣымъ зложили Словенскѣи азѣтери, і предложали на ихѣи Словенскѣи Грецикѣи книги, стѣос Сѣаѣе, Аѣтѣолѣ и иныи» (стр. 14). Ошибка въ названіи города — очень понятна и, конечно, принадлежитъ позднѣйшему переписчику, для котораго Солунь напоминалъ край Рускій, Волунь или Волянъ. Отправить же Кирилла и Меѣодѣя и къ Руси, разумѣется, внушило ему то же самое побужденіе, которое и другихъ хронистовъ заставило сказать, что Кириллъ перенялъ даже самое изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ отъ какого-то Русина въ Козарѣхъ; впрочемъ, не то ли же самое говорятъ и приведенные выше Хронографы? Все различіе состоитъ лишь въ томъ, что они отправляютъ, между прочимъ, одного только Кирилла, и къ Руси «оуѹтити и предати стѣосъ писаніе по ихѣи азѣкии», тогда какъ въ этомъ Житіи, согласно съ главнымъ источникомъ его (поименованнымъ въ самомъ заглавіи, т. е., Несторовой Лѣтописью), посланы въ Русь оба братья. Но годъ, поставленный одинаково какъ для крещенія Руси при Аскольдѣ и Дирѣ (что, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ данныхъ, имѣло мѣсто), такъ и для благоустроенія Селунцевъ нашихъ Моравскимъ Славянамъ, весьма замѣчательнъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Онъ не могъ быть взятъ у Нестора, по тому ужъ, что оба разсказа у послѣдняго стоятъ подъ разными годами, т. е., походъ Аскольда и Дира подъ 6374-мъ (866), а посольство Ростислава, Святѣополка и Коцѣа въ Царьградъ подъ 6406 (898), по поводу, какъ я замѣтилъ выше, прохода Угровъ мимо Кіева и вторженій ихъ въ Паннонію, случившихся въ царствованіе и, отчасти, по винѣ Греческаго императора, Льва Мудраго, двинувшаго первоначально ету Восточную орду на Славянъ Булгарскихъ, непосредственныхъ сосѣдей владѣній его, Моравцевъ, тоже и по винѣ Нѣмцевъ, равнымъ образомъ побуждавшихъ къ тому Мадьяровъ за одно съ Визан-

тійцемъ. При томъ, Несторъ, рассказывая походъ Аскольда и Дира, ничего не говоритъ о крещеніи Руси. Тѣмъ не менѣе, сказанія нашихъ хронистовъ должно принимать съ большей осторожностью, особливо, что касается такой отдаленной древности, слѣдовательно, и нашего предмета. Свѣдѣнія свои берутъ они, откуда и какъ попало, ни мало не справляясь, точно ли все это идетъ къ тому, къ чему приурочиваютъ; а послѣ, извольте вы, поздніе потомки, разбирать, что и какъ причитается у нихъ кому въ родню. Да, возясь съ ихъ мозаикой, частенько приходится повторять пословицу, пущенную въ ходъ о какомъ-то Робертѣ еще Латынщиками среднихъ вѣковъ: «*Experto crede Roberto!*»

4) Заключая разсмотрѣніе источниковъ для нашего предмета, остается еще упомянуть мнѣ о показаніи: а) *Рускаго Анеологіона*, т. е., «Цѣтослова, во всѣхъ мѣсяцѣхъ лѣтнихъ по мѣсяцеслову предвѣднесткомъ, и праздникомъ Гдѣскимъ, и Бгородичнымъ, и сѣмъ и оугодникомъ Бжїимъ, некоторымъ особымъ и общимъ служемъ кому, когда и какю, по Црковномъ оуставѣ пяти поколѣлетса.» Иначе Анеологіонъ просто называется «*Минїа празднициа.*» Въ немъ (или въ ней), подъ 14-мъ февраля, упоминается о Моравскомъ епископѣ Кириллѣ, учителѣ Словѣнъ и Болгарь, а подъ 11-мъ мая, о братѣ его, Меоодіи. О первомъ замѣчено, что «*онъ составилъ Словѣнское письмо по образцу Греческаго,*» а о второмъ, что онъ «*братъ Кирилла Философа, Словѣнскаго Апостола, изобрѣтателя Словѣнской азбуки.*» Свѣдѣніе это беру я изъ извѣстнаго сочиненія Добровскаго, «*Кириллъ и Меоодіи*» (Cyrill und Method), которое самъ онъ тоже взялъ у Кульчинскаго, по тому что повѣрить его я не въ состояніи, такъ какъ въ теперешнемъ изданіи Анеологіона болѣе оно не находится. б) «*Созоринна дѣнадцати мѣмъ*» или «*Смѣтцекъ*, «иначе «*Мѣсяцесловекъ*», печатанныхъ въ разное время, отдѣльно и при другихъ твореніяхъ. Изъ нихъ въ одномъ, въ 12-ю долю, недавно приобрѣтенномъ мною, къ сожалѣнію, безъ выходнаго листа, по печати и языку принадлежащемъ къ книгамъ Южнорускимъ XVII-го столѣтія, читаемъ, подъ 14-мъ февраля: «*Прѣж: Кирилъ философъ оугитеца*

Словенскѣхъ и Бѣлорѣбъ, и Писемъ изъ Вѣртинки, име естъ въ лѣто, ѿхъ. Въ црѣкѣ Михаила третѣго» (110). Въ другомъ, при «Мелитословѣ» Кіевской печати прошлаго вѣка (въ 12-ю долю л.), подъ тѣмъ же числомъ: «Иже во стѣхъ оца нашего Киріла, Єпѣпа Катанскаго, Філософа и оунтеса Славенскѣхъ, и Болгарскѣхъ, и писемъ изъвѣрталеса, иже изъ Єллинскаго на Россійскій языкъ предложи: естъ же въ лѣто, ѿхъ, въ црѣкѣ Михаила третѣго;» а подъ 11-мъ мая: «Преподобнаго оца нашего Меѳодіа Єпѣпа Моравскаго, иже въ братѣ стѣго Киріала, изъвѣрталеса писмена Славенскіа: поживе въ лѣто ѿхъ. въ царство Васіліа Македона» (111). Въ «Мѣсяцесловѣ всѣхъ стѣхъ, празднѣемыхъ Православною Греко-Восточною Церковію, съ похвалѣемъ табельныхъ и торжественныхъ днѣхъ. Издаше третіе надесѣть. Москва, въ Синодальномъ типографіи, ѿѿгъ (въ 12-ю л. л.),» подъ тѣми же числами, просто: «дѣ. февр. Св. Киріала, Єпископа Катанскаго,» а подъ «дѣ. май: Св. Меѳодіа и Константина, Єпископовъ Моравскихъ.» Въ «Христіанскомъ памятникѣ, содержащемъ въ себѣ исчисленіе праздниковъ и святыхъ, прославляемыхъ Православною Греко-Россійскою Церковію, краткіа жизнеописанія святыхъ, духовныя стихотворенія на каждый день года, благочестивыя размышленія, пасхалию на 100 лѣтъ,» и проч. (112), въ Москвѣ 1840 г., подъ 14-мъ февр.: «Преп. Кирилла Епископа Катанскаго, философа и учителя Славянскаго, что предложилъ Россійскую граммату съ Греческаго, составивъ изъ 38 буквъ; скончѣся въ 9-мъ вѣкѣ по Р. Х. 867 году въ царство Михаила III-го;» а подъ 11-мъ мая: «Преп. Меѳодія и Константина, нареченнаго Кирилла, Епископовъ Моравскихъ, братій единопутробныхъ, изобрѣтателей письменъ Славянскихъ, переведшихъ на Славянскій языкъ Новый Завѣтъ и Псалтырь въ царство Васіліа Македонянина, жившихъ въ 880 лѣто и скончавшихся.» Сверхъ того, при рукописи «Послѣдованіе црѣковнаго шнѣла и сограшна вселѣтнаго ѿ мѣа септѣкрѣа до мѣа августа по уставоу, іже во Іерлѣимѣ стѣа Лавры прѣснаго и гѣоноснаго ѿца нашего Савы,» въ 12 долю листа (скорописью, съ киноварн. заглавіями), по крайней мѣрѣ XVII-го в., подъ 14-мъ февраля: «Прѣснаго ѿца шнѣа, Авгѣйсентна. І иже во стѣхъ ѿца шнѣа, Кирилла,

Єпѣи Катаръскаго, оутѣд Слокенѣ и Болгаромъ. Ёже предѣши Роуцкю грамотоу со Гречесина, і крести Слокены и Болгары.» Во всѣхъ сихъ показаніяхъ очевидно вліяніе Проложныхъ Житій Кирилла и Меодія, равно какъ и другихъ, разобранныхъ мною уже выше, и, стало быть, необходимое оттуда послѣдствіе (113).

И такъ, вотъ все, что только мнѣ, въ нынѣшнее время, извѣстно и доступно по источникамъ для изслѣдуемаго мною предмета. Я счелъ нужнымъ привести его здѣсь прежде всего, чтобы тѣмъ каждому доставить возможность не только повѣрить судъ другихъ, въ томъ числѣ и мой, но и самому произнести оный, по собственнымъ своимъ соображеніямъ,—словомъ, сколько можно больше дать простора, и сколько можно меньше зависимости отъ мнѣній и воззрѣній другихъ, что, какъ извѣстно, составляетъ жизнь всякаго самостоятельнаго труда, душу самобытныхъ изслѣдованій. По крайней мѣрѣ, тутъ, какъ говорится, игра въ открытую. Да и въ самомъ дѣлѣ: «*Tantum scimus, quantum memoria valemus*» (114). Приводя етѣ свѣдѣнія, я приводилъ ихъ по народамъ, коимъ они обязаны своимъ происхожденіемъ, равномѣрно и по внутренней цѣнности каждаго: оно образовало, въ первомъ отношеніи, два главные разряда: свѣдѣнія, предлагаемыя иностранными источниками, и свѣдѣнія отечественныя; первыя распались далѣе еще на два особые вида: источники Латинскіе и Греческіе, а вторыя—на столько видовъ, сколько Славянскихъ народовъ, сохранившихъ на письмѣ память о своихъ апостолахъ.

ГЛАВА II.

Ризборъ свѣдѣтельствъ.

Sed unde haec proferuntur, unde probantur? Mihi certe hic praesidio ea est Critices regula: «Contemnitur, quidquid a recentiore sine vetustioris auctoritate profertur.»

D o b n e r.

Annales Bohemorum, III, pag. 143.

Теперь, когда мы знаемъ, кто, что и какъ говорить о предметѣ, занимающемъ насъ, можемъ уже приступить къ соображеніямъ и выводамъ, предлагаемымъ етѣми показаніями.

Разсматривая всѣ показанія объ изобрѣтеніи или составленіи Славянскихъ письменъ, прежде всего видимъ, что ни одного изъ нихъ нѣтъ въ строгомъ смыслѣ современнаго, т. е., такого, которое, пошедши отъ современника, дошло бы къ намъ, если не въ подлинникѣ, по крайности, въ спискѣ своего вѣка. Пальма первенства по древности принадлежитъ посланіямъ папы Іоанна VIII-го, сохранившимся въ, такъ называемомъ, «Regestum,» писанномъ во второй половинѣ

Охрида; всѣ прочія свѣдѣтельства, какъ и свѣдѣтельства Латинскія, принадлежать послѣдующему времени.

Но дѣло принимаетъ совершенно иной видъ, когда станемъ смотрѣть на *внутренній вѣкъ* каждого свѣдѣтельства. Тутъ многія изъ дошедшихъ къ намъ въ самыхъ позднихъ спискахъ восходятъ, по всѣмъ даннымъ, предлагаемымъ содержаніемъ ихъ, почти къ одному вѣку съ самымъ событіемъ, т. е., IX, другія къ X-му, еще больше къ XI-му стол. Таковы изъ перваго разряда, именно *Церковнославянскія*: Паннонскія Житія, составленныя тотчасъ по смерти Меѳодія однимъ изъ учениковъ его еще до разрушенія Моравской державы (907 года), во владѣніи Коцсла; обѣ Похвалы имъ; Сказаніе обѣ обрѣтеніи мощей св. Климента, папы Римскаго; а изъ *Латинскихъ*: Исторія обращенія Хорутанцевъ, писанная неизвѣстнымъ Зальцбургцемъ, современникомъ Кириллу и Меѳодію, и при томъ спустя 4 года по смерти перваго (873); Посланія папы Іоанна VIII-го, тоже при жизни послѣдняго, въ слѣдующее десятилѣтіе (872—882); Vita S. Cyrilli et Methodii, in Acta SS., приписываемая Гавдеріку; слѣдовательно 5 Церковнославянскихъ, и 3 Латинскихъ, всего 8-мъ, современныхъ самому событію и двигателямъ его. Изъ втораго разряда (X-го вѣка), на *Славянскомъ*: Житіе Климента, епископа Словѣнска, составленное ученикомъ его немедленно по кончинѣ учителя (916-го, іюля 27-го дня); показаніе Пролога Іоанна, ексарха Болгарскаго, къ Богословію Дамаскина (888 — 927); Сказаніе Храбра о псыменехъ (въ первой четверти X-го, до смерти Симеона, царя Болгарскаго); Житіе Вячеслава (уб. 935); а изъ *Латинскихъ*: Житіе сего же князя, составленное, по повелѣнію императора Оттона II-го (961—983), равно Житіе бабки его, Людмилы (927); и того: 4 Славянскихъ и 2 Латинскихъ, всего 6. Изъ третьяго разряда (XI-го стол.): Службы Кириллу и Меѳодію, нѣкоторыя Житія въ Прологахъ, Житіе в. к. Владимира: 3; да изъ XII-го вѣка: Сказаніе Нестора въ его Повѣсти временныхъ лѣтъ, Сазавскаго (1126 — 62) и Градиштскаго или Опатовицкаго монаховъ (1143 — 1163), Дуклянскаго священника (1150—1200), Охридскаго Апостола: 3 Славянскихъ и 2 иноязычныхъ, хотя то же писанныхъ Славянами.

И такъ, начиная съ самаго почти появленія Селунскихъ благовѣстниковъ въ земляхъ Славянскихъ (869 или 873) до конца XII-го вѣка, стало быть, въ продолженіе трехъ съ половиной вѣковъ, свои и чужіе, на отечественномъ и другихъ языкахъ (Греческомъ и Латинскомъ), описывали ихъ благодѣтельные дѣйствія и передали современникамъ и позднему потомству; по тому рядъ свѣдѣтельствъ о нихъ, слѣдовательно, и о нашемъ предметѣ, непрерывно продолжался и доставилъ намъ 22 свѣдѣтелей ($5 + 3 = 8$; $4 + 2 = 6$; 3 ; $3 + 2 = 5$), изъ коихъ 15-ть Славянъ, и 7 инородцевъ. Есть, стало быть, что послушать и раскинуть, какъ говорится, о чемъ умомъ-разумомъ. Ибо не всѣ они одно и тоже передаютъ намъ: тутъ слышимъ голосъ съ разныхъ сторонъ, разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ. Отъ того, естественно, нельзя было ожидать строгаго согласія и точности въ передаваемомъ: не всякій рассказываетъ только, что и какъ происходило, но еще прииѣшиваетъ къ тому и свой взглядъ, а иногда даже догадки о такомъ, чего, по его мнѣнію, недостаетъ тутъ для его полноты. Это необходимо вело къ порчѣ, искаженію первоначальной основы дѣйствительно случившагося. Но такова, обыкновенно судьба, всѣхъ человѣческихъ дѣяній, и изза нея не имѣемъ права отвергать цѣлаго, какъ не отвергаемъ же изза поврежденія одной какой либо части въ машинѣ всего устроая ея, цѣлой машины; напротивъ, стараемся удалить порчу, исправить поврежденное. Такъ и здѣсь: нужно отдѣлать, что не принадлежитъ, не могло и не должно принадлежать, по существу самаго дѣла, первоначально къ рассказываемому происшествію, а привнесено послѣ людьми къ людскому, въ свѣдѣствіе разныхъ причинъ, цѣлей и побужденій. Правда, лучше, если бъ этого не было, если бъ событіе можно было прослѣдить по однимъ подлиннымъ бумагамъ, однимъ очевидцамъ и современникамъ; но гдѣ же это, столько желаемое всѣми нами, непререкаемое совершенство свѣдѣтельствъ, идеалъ историка-ислѣдователя и судьи, гдѣ его намъ взять? Если станемъ гоняться за нимъ настойчиво, судить единственно по доказательствамъ, одновременнымъ съ случившимся, то, желая остаться послѣдовательными и вѣрными своимъ требо-

ваніямъ и правиламъ, приуждены будемъ, что ни шагъ, отвергать то, другое, за отсутствіемъ подлинныхъ показаній и улыкъ, между тѣмъ какъ ни предыдущее, ни послѣдующее, ни самое свойство подлежащаго суду нашему не противорѣчатъ правдѣ событія, по крайней мѣрѣ, возможности. Не могу не привести здѣсь сказаннаго мною уже разъ по поводу отвѣта людямъ, которые захотѣли бы не признавать истинности найденнаго мною свѣдѣтельства о томъ, на какое именно Славянское нарѣчіе перевели богослужбеныя книги Кирилъ и Меѳодій. «Искать свѣдѣтельства объ языкѣ переводчиковъ Св. Книгъ, *современнаго самимъ переводчикамъ*, было бы вовсе неумѣстно. Правда, оно показывало бы намъ добрую волю и стремленіе къ истинѣ ищущаго; но, при всемъ томъ, рѣшительно никогда *не осуществимо*, противорѣчить самой природѣ дѣла, тогдашнему положенію вещей и обстоятельствъ. *Возможно ли*, чтобы Константинъ и Меѳодій, устроившіе для своего перевода Славянскую азбуку, тотчасъ же записали: «Вотъ, де, мы, а не кто другой, перевели Божественныя Книги съ Греческаго на такой, а не иной какой, языкъ, въ такое-то и такое время? Гдѣ же это бываетъ? Совсѣмъ иное въ новѣйшія *отчетливыя* времена, когда люди такъ всему извѣрились, когда недостаточно уже видѣть своими глазами и слышать своими ушами, надобно еще *ослзать*, записать, пожалуй, на гербовой, внести въ протоколъ и скрѣпить подписью дюжины и больше свѣдѣтелей. Случается нерѣдко, что и послѣ такой даже законности поговариваютъ еще: «Все такъ, да не при насъ». Напротивъ, въ то время каждый и всѣ знали совершившееся, видѣли и ощутили его, больше или меньше сами участвовали въ немъ. За чѣмъ же было имъ записывать еще столь извѣстное каждому, имъ, только что получившимъ письма для своего *«безъоустроенна»* языка? Обыкновенно, въ старыя времена, самые просвѣщенные народы, коротко знакомые съ письмомъ, рѣдко прибѣгали тотчасъ къ письму, для того, чтобы записать какое либо происшествіе по его горячимъ слѣдамъ; проходило довольно времени, когда оно уже становилось повѣстью, сказаніемъ, обращалось въ преданіе и грозило исчезнуть, или изыначиться, и тогда являлся какой ни будь книжникъ и вносилъ въ свою

лѣтопись, домашнія, келейныя записки, или же просто записывалъ его на бѣломъ листѣ первой попавшейся ему рукописи, книги, даже на поляхъ ихъ, «памяти ради», умоляя неотступно чтущихъ, «оже ся гдѣ описалъ, переписалъ, или не дописалъ, исправляти Бога дѣля, зане умъ молодъ, не дошелъ». Не уже ли вы (возьмемъ изъ тысячи одинъ примѣръ) отвергнете крещеніе Руси при Владимирѣ по тому только, что оно не записано въ *современныхъ отечественныхъ* памятникахъ? Добываясь такой современности, придется намъ отвергнуть всю нашу древность, по крайней мѣрѣ, до половины XI-го вѣка. Вообще, отрицать, отвергать весьма легко; еще легче требовать того, другаго современнаго и, за неявку его, не вѣрить въ истинность событія, засвѣдѣствованнаго кѣмъ либо спустя два, три вѣка. Чѣмъ болѣе углубляемся мы въ древнія сказанія и памятники, соображаемъ со всѣхъ сторонъ, предшествовавшее, тогдашнее и послѣдующее, время, обстоятельства, людей, и т. п., тѣмъ становимся отчетливѣе въ юношескихъ нашихъ сомнѣніяхъ, происходящихъ почти всегда отъ недостатка короткаго знакомства съ сѣдою стариной, поверхности и излишняго, но очень естественнаго, довѣрія въ свои свѣжія силы, не испытавшія еще всей тяжести архивныхъ занятій и сладости пыли страшныхъ фоліантовъ (117). То же самое слѣдуетъ стазать и о томъ, чтобы всѣ свѣдѣтельства объ изобрѣтеніи письменъ, неразлучно соединенныхъ съ переводомъ книгъ на Славянскій языкъ, условливавшихъ самую возможность его, чтобы всѣ свѣдѣтельства о нихъ были отиѣчены печатью подлинности и современности, чтобы дошли они къ намъ безъ всякихъ наростовъ и измѣненій, въ ихъ первичности и чистотѣ. Плавая по морю, нельзя, чтобы какой валъ его не хлеснулъ когда и намъ въ лице, не оставилъ слѣда своего и на нашемъ платьѣ. Не много такихъ счастливецъ, которые безъ тревоженій и крушеній выходятъ на берегъ. Все дѣло въ томъ, въ какой мѣрѣ поврежденія судна, уцѣлѣло ль что отъ его первобытнаго вида, годно ли еще оно, и по скольку годно? А по тому первое дѣло отдѣлать первооснову отъ нароста, бывшее отъ не бывшаго, голосъ очевидца-современника отъ голоса толкователей послѣдующаго времени, ихъ догадокъ, украшеній, пе-

редѣлокъ и т. п. По сему вся тайна успѣха изслѣдователя заключается въ умѣннѣ отличить дѣйствительное отъ возможнаго, вѣроятное отъ невѣроятнаго и даже небывалаго. Это главное и существенное какъ во всякомъ разысканіи, такъ, стало быть, и нашемъ. Что до того, если количество добытаго етѣмъ путемъ окажется не велико, за то: «малъ золотникъ, да дорогъ», привыкли мы говорить въ такомъ случаѣ. Отдѣлимъ же и мы въ нашемъ вопросѣ все, привнесенное вѣсками къ первоначальнымъ извѣстіямъ: покажемъ, что въ нихъ дѣйствительнаго, что вѣроятнаго и, наконецъ, совершенно вымышленнаго, намѣренно и безнамѣренно, съ какою либо цѣлію, или по невѣдѣнію: «Мы же сде инуесо же своего можемъ полгати, нъ кже слышавше ѿ тѣхъ мѣужь, тоже слагамъ», говоритъ Іоаннъ, ексархъ Болгарскій (въ Шестодневѣ, по Московскому Синодальному харатейному списку, л. 2-й, столб. 1-й).

Сдѣсь, прежде всего, поражаютъ насъ *разнорѣчія* въ показаніяхъ касательно лица изобрѣтателя. Особенность эта не могла пройти не замѣченной мимо Шлѣцера и Добровскаго. Первый говоритъ: «Изобрѣтателемъ Славенскія грамоты и переводчикомъ Библии на Славенскій языкъ иной называетъ *Константина*, другой *Кирилла*, третій *Меоодіа*» (118); а второй, въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи о Кириллѣ и Меоодіи, посвятилъ етому два отдѣльные §§-фа (8 и 9-й), изъ коихъ въ одномъ разсматриваетъ свѣдѣтельства, приписывающія «изобрѣтеніе Славянскаго письма Кириллу и Меоодію вмѣстѣ» (Zeugnisse für Cyrill und Method zugleich), а въ другомъ «одному лишь Меоодію» (Zeugnisse für Method allein, als Erfinder der slawonischen Schrift). Совершенно естественно должно было ожидать, что онъ воспользуется только тѣми изъ нихъ, какія были ему въ ту пору доступны, именно: о Кириллѣ и Меоодіи приводитъ онъ просто два (Нестора и Климентова жизнеописателя), а о Меоодіи четыре (сочинителя Исторіи обращенія въ Христіанство Хорутанцевъ, Бернарда Кремсмонстерскаго, Салонскаго Собора 1060 г. и какого-то Грека, упоминаемаго Бандури въ его *Imperium orientale* (119), между тѣмъ какъ первыхъ теперь имѣет-

ся у насъ подѣ руками 6-ть, а вторыкъ однимъ больше прежняго, т. е., 5-ть, да 4 такихъ, что глухо, или сомнительно, выражаются о томъ (Лѣточислительное сказаніе по списку Вратиславскому; Проложное харатейное Житіе XIII-го или XIV в., рукописный Охридскій Апостолъ XII в., и Служба св. Меѳодію). Всѣ прочія единодушно приписываютъ составленіе письменъ одному лишь Кириллу.

Шлёцеръ, приведши мнѣнія о трехъ будто бы изобрѣтателяхъ нашего письма, тотчасъ же замѣчаетъ: «Теперь мы знаемъ, чего держаться. *Константинъ* и *Кириллъ* есть одинъ и тотъ же человекъ; постригшись въ монахи, долженъ онъ былъ имя свое переимѣнить на такое, которое съ прежнимъ начиналось бы тою же буквою; а *Меѳодій* былъ его братъ и сотрудникъ. Несторъ обоихъ величаетъ философами, и всюду говорить о нихъ въ двойственномъ числѣ. Что вновь изобрѣтенная азбука названа *Кириллицею*, *Кирилловскою*, это сдѣлалось только по случаю: въ услугахъ, оказанныхъ обоими братьями Славенамъ, Меѳодій имѣетъ не токмо столько же, сколько и Кириллъ, но и еще болѣе его участія; послѣдній умеръ очень рано, а Меѳодій жилъ еще послѣ него, можетъ быть, лѣтъ съ 30, и честь *совершенія* перевода Библии принадлежитъ токмо ему». Етъмъ, по моему мнѣнію, достаточно объясняется причина, по чему изобрѣтеніе азбуки приписывалось обоимъ братьямъ, т. е., первое, по тому, что Меѳодій былъ *братъ* и *сотрудникъ* Константиновъ, хотя и на второмъ мѣстѣ, до самой его смерти, какъ показываютъ то оба Паннонскія Житія ихъ; второе, что онъ еще больше, по крайности, долѣе потрудился для тѣхъ, кому братъ составилъ письмена и началъ переводъ книгъ; и третье, что онъ, по всей вѣроятности, участвуя, на первыхъ порахъ, вмѣстѣ съ братомъ въ преложеніи самыхъ необходимыхъ для богослуженія книгъ (а въ послѣдствіи, какъ увѣряетъ его жизнеописатель, и другіе: Іоаннъ, ексархъ Болгарскій и т. д.), повершилъ переводъ Св. Писанія. Такой взглядъ на труды братьевъ очень естественъ, по тому что основывался на самомъ дѣлѣ, вытекалъ изъ совмѣстнаго служенія ихъ и дѣятельности въ столь различныхъ земляхъ и въ различное время. Отъ того оба они

сдѣлались уже почти въ глазахъ самыхъ современниковъ ихъ неразлучными, и, говоря объ одномъ, нельзя было не заговорить о другомъ, и на оборотъ. Ибо рѣшительно невѣроятно, чтобы, на примѣръ, жизнеописатель св. Климента (ум. 916), какъ сказано уже, ученикъ его, не зналъ, кому изъ двухъ братьевъ собственно принадлежитъ изобрѣтеніе Славянской азбуки. И того невѣроятнѣе, чтобы сочинитель Слова Похвальнаго имъ, по всему сопутникъ ихъ, не вѣдалъ настоящаго виновника етого изобрѣтенія; но, поставивши задачей себѣ восхвалять своихъ и племени своего учителей и наставниковъ вмѣстѣ, онъ вездѣ, по тому, говорить о нихъ безразлично, смотритъ на дѣла ихъ, въ равной мѣрѣ принадлежащія тому и другому; отъ того всюду выражается о нихъ, по свойству Церковнославянскаго языка, числомъ двойственнымъ. Только въ двухъ мѣстахъ рѣчи упоминаетъ отдѣльно о каждомъ: когда описываетъ душевныя и тѣлесныя свойства того и другаго, и когда рассказываетъ, какъ Меодій, по кончинѣ брата, отправился, съ посланіемъ папы, обратно къ Славянамъ Моравскимъ; по послѣ того, когда и онъ «приложиса къ оцѣмъ своимъ», витія снова обращается къ прежнему образу выраженія, опять *хвалы воздасть совокупно*: «Тамъ же кимъ оубо хваламъ къудамъ вама, троужьшимася толнико Хѣ ради къ етстоушимыхъ и западнихъ и северскихъ странехъ, не ириюца врѣмениныхъ и тязюциныхъ, иъ вхуымыхъ и бескомылымыхъ, ирсть гѣмоужьски на рамѣ въспримъша, и твѣ оладвѣшю грядѣмъ землю потрѣбъша рзориста, и къста дховное стѣла и унсто црки иринесоста жито, дѣное оучение, имъ же снѣста стѣла шко святѣа», и проч. По етому и въ заглавіи сего Слова надобно было ожидать того же самаго, что въ Словѣ,—названія обоихъ не только учителями «Словѣньскоу изъмоу», но и сотворителями письменъ его: «сѣтворъшема писменъ кмоу» (120). Что до Нестора, то, хотя источникъ его, на которомъ онъ преимущественно основалъ рассказъ свой объ етомъ предметѣ, какъ то было уже мною показано выше, тщательно отдѣляетъ, въ дѣлѣ изобрѣтенія письменъ, Меодія отъ Кирилла, однако, и онъ смотрѣлъ на нихъ съ той же самой точки, съ какой и два его предшественника, что ему, какъ двумя вѣками жившему позже, еще извинительно. Къ етому прибавлю: на-

часть извѣстіе свое прошеніемъ трехъ князей о присылкѣ учителей, которые бы могли истолковать имъ божественныя книги и смыслъ ихъ роднымъ словомъ, онъ и далѣе уже ведетъ рѣчь объ учителяхъ, т. е., какъ царь нашелъ двухъ такихъ наставниковъ, какъ склонилъ ихъ отправиться къ просившимъ и, какъ они, пришедши туда, принялись за то, къ чему были призваны, т. е., «сказаши слово Божіе въ азукѣ ихъ», для чего, разумѣется, нужно было прежде составить азбучныя письма: «Сима же пришедъшема, науста сѣставивати писмена азукѣкованимъ Словѣнскимъ, и предложиста Апостолъ и Евангеліе». Прочіе повторяютъ это за Несторомъ болѣе или менѣе придерживаясь его словъ; такъ Степенная Книга списываетъ у него со всею точностію; только, какъ показалъ еще Шлёцеръ (121), дѣлаетъ вставку между извѣстіемъ о составленіи азбуки и переводомъ книгъ (122), вставку, въ которой исчисляетъ народовъ, говорящихъ языкомъ, одинакимъ съ Рускимъ (примѣшавъ, впрочемъ, и Арбанасовъ), что, какъ замѣтилъ я уже разъ, составляетъ умствованіе самаго составителя этой Степенной лѣтописи, или взято имъ изъ какого ни есть Хронографа, подобнаго разобраннѣе уже мною выже въ 1-й главѣ, въ коихъ именно то же и почти тѣми же словами читаемъ; разница лишь въ томъ, что въ Степенной исчисленіе поставлено тотчасъ за извѣстіемъ объ изобрѣтеніи письменъ азбучныхъ, и по томъ слѣдуетъ указаніе на годъ, въ который переведены Апостолъ и Евангеліе (12-е лѣто Льва Премудраго), чего нѣтъ въ Несторовомъ Временникѣ, между тѣмъ какъ въ Хронографахъ на оборотъ, да еще и съ добавленіями (сперва указаніе на годъ отъ сотворенія міра, по томъ на годы, прошедшіе отъ 7-го Собора, и за тѣмъ ужъ на 12-е лѣто Льва), назначенными служить къ большому и точнѣйшему опредѣленію времени такого важнаго событія, хотя отъ того вышло совершенно противное. При томъ Хронографы не говорятъ прямо объ азукѣ, но только о слѣдствіи изобрѣтенія ея — предложеніи книгъ. Изъ того, что Константинъ по томъ посылается съ етѣмъ переводомъ (какъ въ Степенной Книгѣ, такъ Хронографахъ и Никоновской Лѣтописи) къ Славянскимъ народамъ, поименованнымъ непосредственно за извѣстіемъ о предложеніи,

видно и самая цѣль этого исчисления: надобно было доказать, что они приняли крещеніе и ученіе Христіанское непосредственно отъ него, равно, какъ и Священ. Писаніе «во ихъ языкѣ», переведенное имъ и братомъ его, Месодіемъ, о которомъ снова повторяется, что онъ, пребывая епископомъ во градѣ Моравѣ, много тамъ потрудился надъ предложеніемъ книгъ. Последнее, какъ доказано въ своемъ мѣстѣ, составляетъ неудачное толкованіе словъ Нестора: «По семъ же Коцелъ князь востаемъ Месодіи епископа въ Пани на столѣ святаго Андроника апостола», и проч., что встрѣчаемъ въ Степенной въ одномъ мѣстѣ съ Несторомъ, но съ обращеніемъ Пани въ Испанію (къ чему, конечно, больше всего содѣйствовали нѣкоторые списки Несторовой Лѣтописи, на прим., Политикинскій, въ коемъ уже находимъ «въ Испаніи»), и съ такимъ же объясненіемъ, какъ и Хронографовъ, что въ ней былъ «градъ Моравъ, еже есть Илюрикъ», гдѣ и пребывалъ Месодій. Но въ другомъ мѣстѣ, именно: въ Словѣ Похвальномъ в. к. Ольгѣ (123) поименованъ сперва Месодій, а за нимъ и Константинъ, какъ составители «азбуквы Рускія»; Никонова же Лѣтопись въ одномъ мѣстѣ слово въ слово списываетъ только съ Нестора (стр. 27), а въ другомъ (стр. 28) тоже дословно сходится съ Хронографами. Такая простая выписка изъ лѣтописей и проч. источниковъ составляетъ отличительную особенность Никоновскаго лѣтописнаго сборника, особенно въ 1-й части. Подобнаго же рода и извѣстіе Житія св. Владимира по Крупичпольскому списку, повторяющаго тутъ слова своего источника, Лѣтописи Несторовой. Остается Градиштскій или Опатовицкій черноризецъ. И онъ, какъ и другіе, говоритъ въ своей лѣтописи о нашемъ предметѣ мимоходомъ, вскользь, не останавливаясь особенно надъ нимъ, не входя въ подробности, но только *вообще*, и при томъ, по поводу рѣчи о крещеніи Боривоя, какъ извѣстно, перваго Христіанскаго князя Чеховъ, по преданію, записанному въ Латинскихъ легендахъ и лѣтописи Козьмы.

Отсюда открывается, что всѣ етѣ показанія, приписывающія составленіе нашихъ письменъ обоимъ братьямъ, произошли больше изъ образа возрѣнія *вообще* на нихъ, чѣмъ ихъ

всюду почти *совмѣстную* дѣятельность, неразлучное соупотребленіе одного другому, равно какъ и взаимодѣйствіе, нежеланіе на самое изобрѣтеніе. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, напротивъ, дѣло столько же естественно, сколько и приписаніе тому и другому во многихъ Сказаніяхъ сана епископскаго, даже архіепископскаго, и при томъ въ одномъ и томъ же городѣ; сколько проповѣданіе Слова Божія, крещеніе и сообщеніе Св. Писанія не однимъ лишь Моравскимъ и Българскимъ Славянамъ, но и всѣмъ Славянскимъ народамъ; сколько обращеніе не Бориса лишь, но и Владимира; сколько назначеніе для обоихъ одного и того же мѣста погребенія, и пр. Нужды нѣтъ, что противу этого вопіяли и Исторія, и Хронологія, и Етнографія (причисленіе Козаровъ и Албанцевъ или Арбанасовъ къ народамъ Славянскимъ): многіе знаютъ того не хотѣли, а по тому неразлучныхъ въ жизни своей не рѣшались разлучать и по смерти, тѣмъ болѣе въ дѣлахъ ихъ, особливо при самомъ выступленіи на поприще своей дѣятельности, въ такомъ рѣшительномъ и благодѣтельномъ дѣйствіи ихъ для всего рода Славянскаго, каково изобрѣтеніе письменъ и преложеніе Божественныхъ книгъ «въ своимъ языкъ», «не на тоужемъ освокании свое дѣло неидглагоша, нъ изюмока писмена въображаша, и съквершиста къ изыкъ новъ»; «просвѣтити ста боуиъ вама». Какъ это важно было, видѣть можемъ изъ словъ самаго царя Михаила въ посланіи его къ Ростиславу: «Бѣ... видѣвъ вѣроу твою и подвигъ, сътвори и нынѣ въ наши дѣта, шель боуемъ въ ваши дзыкъ, его же не вѣдамо было, токмо въ прѣкамъ дѣта, да немъ приутетеса велицѣхъ дзыцѣхъ, иже слевати Бѣа своимъ дзыкомъ». Если такъ смотрѣли на это въ Царьградѣ, какъ же могли не цѣнить того высоко сами Славяне, ихъ потомки? И дѣйствительно, радость ихъ была безмѣрна, по свѣдѣтельству разныхъ лицъ и на разномъ мѣстѣ: «И ради быша Словѣне, ико слышаша величїемъ вошїемъ своимъ дзыкомъ», говоритъ Несторъ. А сочинитель Итальянскаго Сказанія или, по Добровскому, Первой Легенды, оказавъ о прибытіи Константина съ Мессодіемъ въ Моравію, замѣчаетъ тутъ же, что жители ея, когда узнали о томъ, чрезвычайно обрадовались, по тому что слышали, что къ нимъ принесены были ими какъ

мощи блаженнаго Климента , такъ и Евангеліе , *переведенное на ихъ языкъ философъ*: «Cumque ad partes illas venisset (Constantinus), cognoscentes loci indigenae adventum eorum (Constant. cum Methodio), *valde gavisii sunt*, quia et reliquias b. Clementis secum ferre audierant, et Evangelium *in eorum linguam* a philosopho praedicto translatum».

Свѣдѣтельства, приписывающія изобрѣтеніе Славянской азбуки одному лишь *Методію* , принадлежатъ единственно Западу; етѣмъ все сказано о причинѣ того. Дѣйствуя столь долгое время въ самой паствѣ, окруженной отовсюду Латинскимъ, непріязненнымъ ему и ей, духовенствомъ, конечно, Методій долженъ былъ находиться съ послѣднимъ въ частыхъ сношеніяхъ и вольныхъ, невольныхъ, столкновеніяхъ, и тѣмъ произвести живое впечатлѣніе, слѣдовательно, оставить по себѣ долгое воспоминаніе въ умахъ ихъ, какъ главный представитель и, съ тѣмъ вмѣстѣ, виновникъ новаго Богослуженія, столько по душѣ пришедшагося народу, больше же всего распространитель и двигатель его, онъ Латинскимъ священствомъ совершенно естественно могъ быть почитаемъ также и творцемъ тѣхъ буквенныхъ знаковъ, которыми передавались письму священные хвалы, раздававшіяся, со времени появленія его, на языкѣ народномъ въ храмахъ и подъ открытымъ небомъ Великоморавіи,—нововведеніе, какъ извѣстно, нуще всего пугавшее Западную іерархію, на которое никогда и нигдѣ она не соглашалась, и по сю пору не согласилась въ отношеніи ко всѣмъ народамъ, за исключеніемъ Славянъ, принудившихъ ее отступить отъ своего основнаго правила, хотя съ затаенной мыслью не упускать ни какого случая и средства и етѣхъ отщепенцевъ приводить постепенно подъ одинъ уровень съ прочими. Отсюда понятенъ и тонъ, отзывающійся внутренней насмѣшкой, тонъ, съ какимъ писатели-пилатники, какъ величаетъ ихъ Житіе Кирилла, отзываются о Методіи, изобрѣвшемъ, по ихъ мнѣнію, письмена, «*иже не отъ мона сати, ихъ же нѣсть никто же инъ прѣвѣкъ обрѣтъ, ни апостоли, ни Римскими папа*», которые думали заклеить навсегда позоромъ, назвавъ оныя письменами Готскими (*Goticas literas*), т. е., еретическими, такъ какъ Готы всегда были въ глазахъ ихъ

раскольниками. Тогда это имя (Готъ, Готскій) было подобо-значацимъ слову отщепенецъ, какъ въ старину и нынѣ имя Рускій синонимомъ Православнаго, а не то, чтобы клеймившіе имъ Меѳодія, не знали, въ самомъ дѣлѣ, что это за письменна, смѣшивали ихъ съ азбукой Готова, давнымъ давно не существовавшихъ уже на свѣтѣ, слѣдовательно, принадлежавшей Нѣмцамъ, которыхъ, по тому, какъ ревностныхъ еще послѣдователей ученія Римскаго, не могли ставить на одну доску съ Славянами, или Греками. Отсюда, это имя (*Goticus*), равно какъ *Graecus* и *Sclavus*, употребленныя Латинскими писателями о Меѳодіи и, мнимомъ его изобрѣтеніи, письменахъ, употреблены не въ собственномъ значеніи, но больше, меньше съ отбѣнкомъ вѣроисповѣднымъ, т. е., *извѣстный Грекъ Меѳодій* въ устахъ Зальцбургца (*quidam Graecus Methodius*), *извѣстный Славянинъ изъ Истріи или Далмаціи, по имени Меѳодій* (*quidam Sclavus ab Histriae et Dalmatiae partibus, nomine Methodius*) въ устахъ Бернарда Кремснунстерскаго, и *Славянскія письмена* (*Slavinae literae, Sclavicae literae*) у того и другаго значать, первыя два—членъ, послѣдователь Восточнаго Православія, а вторыя—письмена Православія Греко-Славянскаго, такъ какъ оба прямо противопологаютъ ихъ Латинскому исповѣданію, Латинскимъ письменамъ: «Linguam latinam doctrinamque romanam atque literas auctorabiles latinas vilescere fecit» (*Anonymus Salisburgensis*); «ad invenit Sclavicas literas et Sclavicae celebravit divinum officium et vilescere fecit Latinum» (*Bernardus*); «qui (Methodius) multa contra Catholicae fidei normam in eadem Sclavonica lingua manendo conscripsit» (*Archidiacon. Spalatensis*). Сдѣсь, по сему, всѣ етѣ названія, повторяю, придаваемыя Меѳодію и Славянскому письму, имѣютъ еще и переносный смыслъ, смыслъ религіозный; ими хотѣли указать на принадлежность того и другаго къ другой Церкви, другому обряду и ученію, точь въ точь, какъ и папа Іоаннъ XIII-й называлъ уже Греческое Православіе по Славянскимъ народамъ, особенно его делѣвшимъ, обрядомъ Булгарскимъ, Рускимъ, или вообще обрядомъ Славянскаго языка: «non secundum ritus Bulgaricae gentis vel Russiae aut Sclavonicae linguae». Хотя не одинъ Меѳодій проповѣдывалъ Христіанство и славилъ Бога на етомъ языкѣ, одна-

ко, братъ его подвизался съ нимъ слишкомъ короткое время, а по тому тотъ, какъ главный требователь и распространитель его въ земляхъ Славянскихъ, смежныхъ съ Западомъ, преимущественно остался въ памяти Латино-Нѣмецкаго духовенства представителемъ и первовиновникомъ ненавистнаго ему обряда и вѣроученія, а съ нимъ, естественно, и изобрѣтателемъ поваго письма. О силѣ впечатлѣнія апостольской дѣятельности Меодія въ егѣхъ странахъ на послѣдователей Римскаго папы можемъ судить по тому обстоятельству, что прошло уже безъ малаго тысяча лѣтъ, а и теперь еще имя Меодія самое извѣстное, самое любимое у нашихъ Западныхъ соплеменниковъ, и при томъ далеко въ большей степени, нежели имя его брата, Константина или Кирилла, только что промелькнувшаго передъ ними:

«Nitra milá, Nitra, ty vysoká Nitra:
 Kdeže sú té časy, v ktorých si ty kvitla?
 Nitra milá, Nitra, ty Slovenská mati!
 Co pozrem na teba, musím zaplakati.
 Ty si bola něgdy všeckých krajín hlava,
 V ktorých tečie Dunaj, Visla i Morava;
 Ty si bola bydlo kráľa Svatopluka,
 Keď tu panovala jeho mocná ruka.
 Ty si bola svaté město Methodovo,
 Keď tu naším otcom kázau božie slovo.
 Všilek tvoja sláva, v touni skryta leží:
 Tak sa časy menia, tak tento svēt beží!» (124)

поютъ нынѣшніе Словаки, хотя, признаться надобно, со словъ и голоса уже пѣвца *ученаго*, но пѣсню, сдѣлавшуюся теперь рѣшительно общеизвѣстной и вполне народной. Дѣло тутъ не въ томъ, отъ кого пошла она, но о чемъ она поетъ. кѣмъ и съ какимъ духомъ поется.

Послѣ сего, если исключимъ отсюда еще тѣ изъ показаній объ изобрѣтателѣ нашихъ писменъ, которыя выражаются о немъ слишкомъ неопредѣленно, не указывая прямо на лице, но больше на самое дѣло изобрѣтенія, или послѣдствіе его—переводъ Св. Книгъ, каковы, изъ иностранныхъ, въ осо-

бенности; Моравское Сказаніе, а изъ отечественныхъ: Продолженія Житія Кирилла и Меѳодія Сербскаго извода, Охридскій Апостоль, Служба Меѳодію, Вратиславское Лѣточислительное, сказаніе, сказаніе Хронографовъ, Никоновская Лѣтопись (во второй выпискѣ своей, на стр. 28-й части 1-й), и проч., под. имъ; если, говорю, исключимъ етъ неточныя, смѣшанныя показанія, то всѣ прочія свѣдѣтельства говорятъ намъ прямо, ясно и опредѣленно совсѣмъ противное, т. е., въ одинъ голосъ указываютъ на Константина, какъ на главнаго творца нашихъ письменъ. Свѣдѣтельства етъ идутъ не съ одной только стороны, но ото всѣхъ четырехъ. Тутъ слышимъ и вѣсти съ Запада, а въ нихъ различаемъ голосъ Итальянцевъ (Посланія папы Іоанна VIII-го и Перваго или Итальянскаго Сказанія), и вѣсти изъ разныхъ краевъ Славянскихъ, непосредственно, или только отчасти, замѣшанныхъ въ етомъ событіи, и при томъ на чужомъ и своемъ языкѣ: трехъ Чеховъ, Латинскимъ словомъ передающихъ намъ, дошедшее до нихъ, славянское (Легенда о св. Людмилѣ и Христанова передѣлка оной, Лѣтопись Сазавскаго монастыря); далѣе, на родномъ языкѣ: одну изъ Чехъ (Сказаніе о св. Прокопѣ), два изъ Паннонскій или Великоморавской архіепископій Меѳодія (Паннонскія Житія), четыре изъ земель Сербскихъ (Дуклянскаго или Дюклейскаго священника, краткія Сербскія лѣтописи, сказаніе Черногорскаго Сборника), два изъ краевъ Булгарскихъ (Іоанна, эксарха Булгарскаго, и Храбра о письменехъ), и нѣсколько Рускихъ (Хронографовъ, въ разсказѣ о значеніи названій Славянъ и т. д.). Нѣкоторыя изъ етѣхъ показаній, по всему, идутъ изъ первыхъ рукъ, отъ непосредственныхъ учениковъ, очевидцевъ и участниковъ въ дѣлѣ благоустройство Славянскихъ апостоловъ, каковы: Паннонскія Жизнеописанія ихъ, которыя, по даннымъ, содержащимся въ нихъ, составлены во время, самое ближайшее къ дѣйствителямъ. Именно: Житіе Кирилла послѣ его кончины, что доказывается, съ одной стороны, тѣмъ, что сочинитель завершаетъ свою повѣсть извѣстіемъ о погребеніи его, а съ другой—согласіемъ въ етомъ съ нимъ Первой или Итальянской Легенды, если она дѣйствительно составляетъ отдѣльное, самобытное, сказаніе. Далѣе, сочинитель называетъ Константина прямо учителемъ своимъ: «Богъ...

сѣтворѣнъ къ нѣмъ родъ, възвѣдѣнъ намъ оутѣсѣль снръ, нѣмъ пресекти думнъ ядѣнь, самостѣно омерзѣннѣмъ оумнъ нѣмъ». Такъ обыкновенно выражаются только въ первое время послѣ крещенія о виновникѣ или виновникахъ его: сличите Похвальное Слово Кириллу и Меѳодію, такое же Слово Царіона, митрополита Кіевскаго, св. Владимиру, равно какъ и Іакова мнѣхъ ему же и т. п. Етому не вредятъ ни мало нѣкоторыя вставки, замѣчаемыя въ семь Житіи, указывающія на позднѣйшее время, по тому что они слишкомъ обличаютъ себя, стоятъ особнякомъ и находятся въ противорѣчій съ прочими показаніями Житія и вообще со всѣмъ его содержаніемъ. Въ Житіи же Меѳодія и того яснѣе указано на время составленія его: первое: сочинитель является очевидцемъ распространенія Христіанства, умноженія духовенства и возвышенія Великоморавіи Святополкомъ: «Ѣ того же дѣе великии изуть рѣсти оутѣнне бжне и стрижавнии множитиса въ всахъ грдѣхъ, и погании взрокути въ истиннѣмъ Бѣ, своихъ владни бжтвощеса, и Моравскѣи овалстѣ пространити изутьъ вса стлѣны и вргги снѣдъ повѣжати, и съ неогрѣшеннѣмъ, яко и слми повѣдхутьъ присно». Второе, въ заключеніи исцраивается благословеніе его на учениковъ его, защита отъ неприяностей, споспѣшествованіе ученію распространеніемъ его и изгнаніемъ ересей, чтобы, послѣдую примѣру его (Меѳодія), стало его было въ одномъ съ нимъ мѣстѣ: «Ты же сълѣши, стѣи и уастѣиѣи галико, мѣтѣмии своими призири изъ нѣмъ, желающи тебе, и излѣмѣи Ѣ всакомъ нѣлѣсти оутѣвнѣи снѣмъ, и оутѣнне пространѣи, а преси прѣгона, да достоинно зѣлѣиѣи нашего (невольное обращеніе къ обонѣмъ Кириллу и Меѳодію) живѣше сѣде, стѣиѣмъ съ токомъ, токомъ стѣде, оудсноу стѣиѣу Хѣ Бѣ нашего, изутьвоу живѣи приклищесе Ѣ него». Стало быть, умалчивая о паденіи Великоморавскаго Царства, послѣдовавшемъ въ 907 году (спустя, по однимъ показаніямъ, 22, а по другимъ 15 лѣтъ по кончинѣ Меѳодія), а еще больше о гоненіи на Меѳодіевыхъ учениковъ, принужденныхъ въ самый годъ преставленія его бѣжать въ Булгарію, сочинитель тѣмъ указываетъ на время составленія своего творенія, которое, по сему, писано имъ тотчасъ по смерти своего учителя, до наступленія еще преслѣдованій. Кромѣ того, являясь принадлежащимъ къ обитателямъ Ко-

целова Княжества, когда говорить о клеветахъ на Меодія Латинскаго духовенства Нѣмецкому королю: «не семь же старымъ врагъ (дьяволъ), заклятымъ джевроу и противникомъ истинѣ, взуденже срдце врагоу Моравьскаго короля на нь (въ др. сп. «на нль») съ кысьми сѣпъ, яко на нашехъ области оутнши», даетъ знать, гдѣ именно было писано имъ ето Житіе. Можно было бы утверждать, на основаніи выраженія «на нь» въ спискѣ Московскаго Успенскаго Собора, что тутъ указаніе прямо на одного лишь Меодія («на него» сокращенно «на нь»), но другіе списки противорѣчатъ тому, слѣдовательно, подтверждаютъ мнѣніе, упомянутое выше, т. е., что оно составлено въ Коцеловой Панноніи, доставшейся, по смерти его (861 — 877 или 884) Святополку, жители коей, по недавности соединенія съ Моравіей, отличали еще себя отъ жителей послѣдней, какъ показываютъ то, приведенныя уже выше, слова сочинителя о послѣднихъ: «яко же и сами повѣдаютъ врисно». Въ противномъ случаѣ, онъ не сталъ бы такъ отзываться о нихъ, если бъ проживалъ въ собственной Моравіи. Да и вообще взглядъ на многое обличаетъ въ сочинителѣ, хотя и Православнаго, но Православнаго тамошнихъ странъ, а не изъ Задунайскихъ Славянъ, т. е., по жительству во время написанія, а не по происхожденію. Взглядъ етотъ наиболѣе отразился въ особенномъ предпочтеніи, даваемомъ имъ какъ папамъ вообще передъ патріархами, такъ и въ раздѣленіи нѣкоторыхъ понятій ихъ, на примѣръ, касательно числа Вселенскихъ Соборовъ, титулъ его: «Анстольникъ, Настольникъ ключоудержца црствію нбсномуу», «Петрова соуда», и т. п., хотя въ главномъ и не поддався онъ вліянію Запада, т. е., въ исповѣданіи Символа, начинавшемъ составлять уже и тогда, по свѣдѣтельству жизнеописателя св. Климента, существенное отличіе Каѳоликовъ отъ Католиковъ, по тому что говорить (во вступленіи): «ѿ того же оца и стѣмъ дхъ исходитъ, яко же рече самъ сѣхъ кнѣземъ гламъ: дхъ истинный, иже ѿ оца исходитъ» (125). Житіе Кирилла, какъ сказано уже, дошло къ намъ лишь въ спискѣ не старѣе XV-го вѣка; но изъ етого еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что его не было прежде. Откуда же, спрошу, отправляясь назадъ въ древность, составитель Изборника 1076-го года взялъ извѣстіе объ етомъ Житіи, говоря: «послоушши ты

Житіе... свѣта Кирилла Философа? Другаго Кирилла Философа не было въ то время столь извѣстнаго своею любовію къ книжному ученію, по тому что нельзя же тутъ подозрѣвать Константина Философа, родомъ изъ Африки, жившаго во время Нестора и перваго начавшаго переводить съ Арабскаго на Европейскіе языки (126). А Проложное Житіе его, если было уже тогда, судя по спискамъ съ одного, дошедшимъ до насъ, вовсе не распространяется столько о занятіяхъ Константина книгами и тому под., чтобы можно было указывать на него, какъ на образецъ любви къ чтенію книжному, наравнѣ съ Василиемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустымъ, «иже измлада прилежаху сѣтихъ книгъ». При томъ, Житіе Меводія, Іоаннъ ексархъ Болгарскій, Послания папы Іоанна VIII-го, Итальянское Сказаніе (или Легенда), Сказаніе о Людмилѣ и Дуклянскій священникъ: всѣ они сохранились въ спискахъ старѣе XIII-го вѣка, изъ коихъ нѣкоторые, какъ показано уже, почти современны самимъ Солунскимъ самобратьямъ. Прологъ Іоанна, ексарха Болгарскаго, дошедшій въ пергаменномъ спискѣ XII-го в., приписываетъ Константину лишь составленіе азбуки, прибавляя, что онъ «многмъ трудоу прии, строи писмена Словѣнскихъ книгъ,» и т. д. Храброво Сказаніе тоже своимъ противнемъ съ Глагольскаго списка и нѣкоторыми выраженіями, въ немъ только уцѣлѣвшими («сати бо еше живи, иже сати видали ихъ»), указываетъ на время, самое близкое къ етѣмъ незабвеннымъ мужамъ, по крайности, дѣлаетъ сочинителя его современникомъ ученикамъ и сотрудникамъ ихъ. Дуклянецъ, столько баснословящій не только во многомъ другомъ, но и тутъ, въ разказѣ о дѣйствіяхъ Константина и его жизни, правильно приписываетъ ему изобрѣтеніе азбуки, хотя въ Славянскомъ подлинникѣ названа она у него «книгой Хорватской», а въ Латинскомъ переводѣ «lingua Slavonica, litera Slavonica». Прочіе отечественные памятники, сюда относящіеся, хоть и позднѣйшаго происхожденія, каковы: Анеологіонъ и др., а нѣкоторыя (какъ Хронографы Псковскихъ списчиковъ или Палѣя) даже во многомъ переимѣнивающіе времена, лица и событія, однако, въ етомъ вѣрно передаютъ слова своихъ подлинниковъ, называя одного только Константина или Кирилла составителемъ письменъ нашихъ (въ 3-мъ мѣстѣ приписываютъ переводъ обонимъ

братьямъ), каковымъ онъ, дѣйствительно, и былъ, по согласному свѣдѣтельству обоихъ Паннонскихъ Житій его и, брата его, Меодія: «сѣдъ же философъ, по прѣкомуу обычаю на мѣткѣ са на лежи... и дѣиѣ сложи нисмена (Житіе Кирилла)»; да тоу (послѣ молитвы, какъ и въ Житіи Кирилла) пиши Бѣ философѣу Словенскимъ книги, и дѣиѣ оустроениѣ нисмена и бесѣдоу состави (переведши I-ю главу Іоанна и всѣ Воскресныя Евангельскія Чтенія), поутн са итѣ Моравьскаго» (Житіе Меодія). И это, столь прямое и рѣшительное, показаніе подтверждается, какъ мы знаемъ уже, всѣми прочими, выше названными, свѣдѣтельствами, особенно свѣдѣтельствомъ современника обоихъ братьевъ, лично ихъ знавшаго и имѣвшаго съ однимъ изъ нихъ (Меодіемъ) долгія и частыя служебныя сношенія: «*litteras Slavonicas a Constantino quondam philosopho (извѣстнаго всѣмъ) repertas*», и проч., писалъ онъ торжественно къ Святополку. Могъ ли онъ этого не знать? Вѣдь со времени кончины Кирилла, при которой онъ могъ быть и участвовать въ великолѣпныхъ похоронахъ, прошло всего только 10 лѣтъ? Могъ ли онъ отнести такое изобрѣтеніе къ другому, пишучи къ государю, лично въ етомъ дѣлѣ замѣшанному, и при томъ, посылая письмо свое съ Меодіемъ? Одно изъ двухъ, или папа ошибся сдѣсь самымъ грубымъ образомъ, или же посланій его, особливо этого, никогда не существовало, слѣдовательно, они поддѣлка? То и другое, разумѣется, надо впередъ доказать, и доказать не голыми предположеніями, съ какими выступилъ было извѣстный Блумбергеръ, но по всѣмъ правиламъ строго ученой и неумытной критики, безъ всякой, напередъ уже взлѣблянной, мысли, но опираясь на самомъ точномъ пересмотрѣ всего, сюда относящагося, какъ говорится, до послѣдней нитки; и тогда уже, убѣдясь непосредственно самымъ дѣломъ въ противномъ, отвергать голосъ етого папы въ изслѣдуемомъ вопросѣ.

Столько же неопредѣленности и разногласія въ показаніяхъ источниковъ и о мѣстѣ изобрѣтенія нашихъ писменъ. Это естественно, по тому что составляетъ необходимое послѣдствіе показаній о лицѣ. Изъ нихъ: Степенная Книга въ «Словѣ Похвальномъ в. к. Ольгѣ», указываетъ на *Бумарію*,

но чрезвычайно сбивчиво. Сказавъ, что не задолго до Ольги «млауло бысть Рускіа азкувы», составленной «дичиими философы, Меодіемъ и Константиномъ самобратами», Солунцами, тотчасъ отправляетъ ихъ, съ согласія царя Михаила, въ Болгары, по прошеію князей Болгарскихъ, которыхъ они и крестятъ, а за тѣмъ, поворотивъ круто, рассказываетъ объ обращеніи Рускихъ князей, Оскольда и Дира, и извѣстномъ чудѣ съ Евангеліемъ, послѣ чего, слѣдуетъ выписка изъ Несторовой Лѣтописи о преложеніи книгъ, только не на Словѣньскій, а на Рускій языкъ; стало, Руская азбука изобрѣтена, по етому показанію, собственно, не извѣстно гдѣ; можно догадываться только, судя по слѣдующимъ за тѣмъ словамъ, что сіе сдѣлано въ Булгарахъ Солунскими самобратами, когда они приводили въ Христіанство князей ихъ и переводили, въ 12-е лѣто царствованія Льва Премудраго, книги съ Греческаго на Рускіи. Такое смѣшеніе истиннаго съ ложнымъ, понятно, какъ происшедшее отъ желанія приписать своему народу честь изобрѣтенія письменъ и перевода Священныхъ Книгъ; стало быть, такое мнѣніе указываетъ на происхожденіе свое въ тотъ вѣкъ, когда преданіе объ етѣхъ событіяхъ начало уже тускнѣть, а письменныя показанія книжныи людѣ, принялся толковать по своему, когда Христіанство сильно уже пустило корни въ народѣ, который гордился новой жизнью, а начетчики старались еще больше дать пищи тому, увѣряя, что онъ не только крещеніе, но и самую даже письменность, съ азбукой, получилъ непосредственно изъ рукъ Славянскихъ апостоловъ. Сдѣсь начало всѣмъ етѣмъ извращеніямъ первоначальнаго извѣстія о принятіи Христіанской Вѣры Рускими и, соединенномъ съ ними нераздѣльно, изобрѣтеніи письменъ; при етомъ, разумѣется, мало, а иногда и вовсе, не обрацали вниманія на лица, мѣсто, и время, рѣшительно ни на что, но смотрѣли на одно лишь, какъ бы и во что бы ни стало, а приписать *себѣ*, своему народу и землѣ, такое важное дѣло. По сему, дивиться ли намъ, если одинъ и тотъ же писатель, увлеченный любимой мыслью, черезъ нѣсколько строкъ, самъ же себѣ противорѣчить и, въ ослѣпленіи, не замѣчаетъ того? Такъ составитель или составители етой же самой Степенной Книги, въ извѣстіи о св. Владимирѣ, повторивъ слова рассказъ о крещеніи Осколь-

да и Дира и чудесномъ сохраненіи Евангелія въ огнѣ, тотчасъ выписываютъ изъ Нестора посольство къ царю Михаилу Ростислава, Святополка и Кочела, обращенныхъ ими въ князей Рускихъ: «Руси ѹдичишася, ѹдѣшася сила Христова, и вси крѣстншася. Кнѣзи же ихъ, Ростиславъ, и Святославъ (!), и Коуель послѣши къ царю глаголюще», и пр.; но въ дальнѣйшей выпискѣ утверждаются, держась того же Нестора, что Константинъ и Меѳодій посланы Михаиломъ въ «Словенскую землю», куда пришедши, «снѣша составити писмена азбукѣюма Словенскимъ изумомъ». Послѣ сего ичисляють Словѣнскіе народы, при чемъ замѣчается, что «не всѣхъ тѣхъ единыхъ языкъ съ Русію», однако не утверждается, чтобы переводъ сдѣланъ былъ (все таки въ 12-е лѣто Льва Премудраго) на Рускій, но на Словенскій, и только, въ заключеніе всего разказа, восхваляя благость Божию, помилвавшую «древле злѣлѣдшамъ во мѣлостяхъ правести Русіимъ люди», опять возвращаются на первую, задушевную, мысль свою, и утверждаютъ «къ нимъ же прѣже благоволи преславаго Боже нашъ, Русскимъ писменемъ, Русскимъ же и изумомъ, быти книжному исполненію». Стало, по ихъ мнѣнію, писмена, изобрѣтенныя въ Словенской землѣ, все же суть писмена Рускія, то есть, етѣмъ хотѣли указать либо просто на тождество Руской азбуки съ изобрѣтенною въ Словенской землѣ, либо, на оборотъ, не смотря на явное противорѣчіе, утверждали, что, хотя и въ Словенской землѣ составлена она и книги переведены на Словенскій языкъ, все же то и другое Рускія, для Русовъ, не перестаютъ быть Рускими, по тому что князья-то самые были князья Рускіе; а отсюда неминуемо слѣдуетъ, что землю Словенскую считали они частью Руси.

Но «Словенская земля» тутъ, очевидно, то же, что *Словенчина*, *Словенска земля*, какъ называютъ испоконъ Словаки свою родину, а за ними и самые Нѣмцы въ старину, «*Sclavinia*». Названіе ето правильно, по тому что принадлежитъ большинству народа, составлявшаго Великоморавскую Державу, такъ названную только въ землеписномъ значеніи, по рѣкѣ Моравѣ, распадавшейся на Моравію по сю и по ту сторону Дуная, слѣдовательно, и по отношенію къ другой еще Моравѣ (то же на рѣкѣ Моравѣ), находящейся въ Верхней

Мизіи и Иллирикѣ; отъ того, первая Моравія слыла Великою Моравіей, Вышнѣ Моравѣ (верхнія Моравы), и заключала въ себѣ, кромѣ нынѣшней Моравіи, еще землю Словенскую и верхнюю Паннонію, въ которой княжили Прибина и Коцель, и которая въ иностранныхъ памятникахъ извѣстна подъ именемъ просто «Pannonia, regio Pannonia, или limes Pannonicus, Pannonia superior, Hunia, quae et Avaritia dicitur, provincia Avarogum (по жительству въ ней Гунновъ и Аваровъ), partes Avarogum et Sclavogum, Oriens, plaga Orientalis (откуда Австрія), Confines Carantanogum» (127). Название Словенской земли перенесено точно такъ же и по той же причинѣ и на собственныхъ Моравцевъ (Чеховъ на Моравѣ), какъ въ старину названіе послѣднихъ на Словенскую землю и ея жителей (128). Да и теперь Словаки, живущіе на лѣвой сторонѣ рѣки Моравы, по самыя Карпаты, называются въ землеписномъ смыслѣ Моравцами. Названіе «Словенская земля» взято съ прочимъ Степенной Книгой у Нестора и сохранено, вопреки ожиданію, безъ всякой перемѣны: «Оучилсѣ есмь царемъ (Константиномъ и Мессодіемъ), и послалъ я (въ др. св. «и мѣсто») въ Словѣнскую землю къ Ростиславу, и Сватоволаву, и Къчелюви. Сима же пришедшемъ, иаудѣа съставилъ еи писма азбукѣю Словѣнскіи, и предложилъ Диостолъ и Евангеліе; ради быхъ Словѣни, яко слышаша веленіе Божье своимъ азбукѣю». Отсюда ясно, что Несторъ полагалъ составленіе азбуки на Моравѣ или въ Моравіи, названной имъ «Словѣнскою землею», какъ показано выше, по Словѣнамъ въ тѣсномъ смыслѣ, что нынѣ Словаки, въ «Словѣнчинѣ», и при томъ по приходѣ въ нее Кирилла и Мессодія, и что писмена сіи были Словѣнскія, примѣненныя къ звукамъ «Словѣнскою» языка, на который и предложеніе Книгъ совершено ими, чему прежде всего возрадовались етѣ же «Словѣни». Я уже выше объяснилъ етотъ взглядъ нашего начальнаго лѣтописца, который сдѣланъ имъ не на основаніи какого либо источника, по тому что въ большей части его разсказа объ етомъ событіи источникомъ ему служило Паннонское Житіе Мессодія, но на основаніи собственнаго своего соображенія, логическаго наведенія, что замѣчаемъ и въ другихъ частяхъ его Лѣтописи. Слѣдующая Степенной Книгѣ Никоновская Лѣтопись тоже самое дословно повторяетъ (стр. 27). Псковской Хро-

пографъ, или Палѣя, отправляя, въ одномъ мѣстѣ, Константина «въ Мораву, Моравскому князю, просиши философа», и заставляя его учить Православной Вѣрѣ Моравовъ, Чеховъ, Ляховъ и проч., утверждаетъ, что онъ «*туть* (разумѣется у Моравскаго князя, слѣдовательно, въ Морави въ обширномъ смыслѣ) и *книги написа имъ*», но, вѣрный своей любимой мысли, прибавляетъ къ етому «*Роусинимъ гымъ*». Житіе Сербскаго извода въ пергаменномъ спискѣ XIII-го в. (у Калайдовича, Іоаннъ Екс. Болгар., стр. 90), правда, ничего прямо не говоритъ объ изобрѣтеніи письменъ, но мимоходомъ тоже даетъ знать, что оно могло быть тамъ же, гдѣ и Несторъ полагалъ, въ «Словѣнской землѣ», которая въ немъ безъ дальняго названа уже «*Моравой*»: «и въ Моравѣ многуша оученици» (Констан. и Метод.); о переводѣ же 60 книгъ Ветхаго и Новаго Заветъа сказано въ немъ, что ето совершено, когда онъ (Методій) «*сидѣ въ земан Моравстанѣ*».

Другое Проложное Житіе, тоже пергаменное, но двумя вѣками моложе (ок. полов. XV-го в.), принадлежащее Императорской Публичной Библиотекѣ, сличенное съ бумажнымъ спискомъ XII-го Румянцевскаго Музея, также помѣщаетъ составленіе грамоты нашей въ «*Словѣнахъ*» (въ печатномъ измѣнено въ «*Славянахъ*») и по Дунаю; послѣднее выраженіе прогоняетъ всякое сомнѣніе на счетъ того, какіе ето Словѣны, т. е., какіихъ Словѣнъ край, какая земля Словѣнская. Во всякомъ случаѣ замѣчательны етѣ указанія Проложныхъ Житій на сии страны, какъ на мѣсто, въ которомъ письмена Православныхъ Славянъ изобрѣтены; по крайней мѣрѣ, при всей несостоятельности своей, они показываютъ намъ, какъ предки наши смотрѣли на етѣ края, что было, когда-то время, что и въ нихъ славилъ Бога единоплеменные единымъ съ нами глаголомъ; что ето относится къ самымъ первымъ днямъ нашего Христіанства, и что память о томъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ отъ своихъ и чужихъ, постоянно сохранялась и сохраняется изъ рода въ родъ по сю и по ту сторону Карпатъ, находить самое живое сочувствіе въ каждомъ сословіи. И точно, чѣмъ же инымъ объяснить етѣ непрерывныя попытки Чеховъ истребовать согласіе папы на введеніе, сперва Церковнославянскаго, а послѣ хоть своего, Чешскаго, языка въ

Церковь, попытки, которыя проходятъ черезъ всю Исторію ихъ, отъ Боривоя до торжественнаго молебнаго пѣнія въ наши дни подъ открытымъ небомъ, совершеннаго на языкѣ нашей Церкви среди Праги, на одной изъ обширнѣйшихъ и красивѣйшихъ ея площадей, передъ ликомъ святаго Вячеслава, на котораго, по свѣдѣтельству Славянскаго Житія его, «взложи Богъ благодѣть такоу», что онъ «изоученъ бысть книгамъ Словѣнскимъ по слѣдоу номовоу, намысѣ разумъ добра и проту-таше а глѣдъ безъ блздна, шко же доврии смыслонъ, или повъ» (стр. 86 — 87). Тутъ-то, въ етомъ желаніи получить драгоценнѣйшее благо, «его же не въ исрѣмъ емо», — какъ писалъ Греческій царь въ посланіи своемъ съ Константиномъ и Меводіемъ Ростиславу, «въ тѣмъ изъ врьданъ аѣта, да сопротуетеса великихъ аѣмцахъ, иже славати Бога своимъ аѣмомъ», скрывается источникъ всѣмъ тѣмъ многословнымъ и обширнымъ подробностямъ, въ какія пускаются почти всѣ Латинскіе списки Житія Кирилла и Меводія о пѣніи въ Венециі и Римѣ съ Римскимъ духовенствомъ, подробности, во многомъ отличныя отъ подробностей въ Церковнославянскихъ спискахъ.

Дуклянскій священникъ, переиждавшъ лица, времена и событія въ сказаніи своемъ о Константиѣ, естественно, смѣшалъ и самое мѣсто составленія имъ *книги*, то есть, письменъ. Судя по тому, что это было во время Святополка, можно бы тутъ думать о Моравской или Словѣнской землѣ; судя же, съ другой стороны, о томъ, что Будимиръ, обращенный Константиномъ въ Христіанство, ходилъ въ *Казаріку*, гдѣ «*grbiva kraljući sveti rika*», котораго тоже Константиѣ обратилъ, «*koji Kostant biše obratil*», можно думать, что и азбука изобрѣтена либо въ *Казарикѣ*, либо во владѣніи Будимировомъ, которое тоже трудно понять, гдѣ оно собственно лежало, въ Булгаріи или же въ Далматской Хорваціи, на что, по видимому, указываетъ самое названіе, данное имъ ей, т. е., «*knjiga hãgvaska*»). О Казарикѣ или Казаріи говорятъ еще нѣкоторые памятники: отрывокъ какого-то Грека у Бандури, перепутаннаго времена Ростиславовы, Аскольдовы и Владимировы. Конечно, тутъ указаніе на Казарію или Хазарію только стороной, такъ что можно думать и о ней, и собственно

о землѣ Руской; за то, Псковскій Хронографъ въ другомъ мѣстѣ прямо уже утверждаетъ о Владимирѣ, что при Романѣ царѣ крестилась Руская земля, царь Володимеръ въ градѣ *Корсуки*; «идеже книги оубраташа, тоу и ирещеніе оубратесь», и при томъ: «Роускимъ гласомъ писаны быша книги». Въ какомъ смыслѣ понималъ писавшій это обрѣтеніе Книгъ, и, по тому, и намъ слѣдуетъ понимать его, открывается изъ извѣстной вставки въ Паннонскомъ Житіи Кирилла, гдѣ тоже замѣчено, что Константинъ въ Херсонѣ «оубрате евангеліе и писатыи Роусскимъ писменъи писано», и т. д. Можетъ статья, эта вставка въ Житіи Кирилла, бывшемъ, какъ мы знаемъ, хорошо извѣстнымъ въ старину, сдѣлалась источникомъ всѣхъ прочихъ сказаній о первоначальномъ изобрѣтеніи письменъ какимъ-то Русиномъ и для Рускаго языка, отъ котораго, въ бесѣдѣ, перенялъ уже Константинъ, стало быть, присвоилъ себѣ чужое; можетъ статья, это было и на оборотъ: вставка сдѣлана на основаніи сказанія въ какой либо Лѣтописи, Временникѣ, или другомъ подобномъ памятникѣ, поводъ къ чему подава таже самая мысль, которая внушала не разъ многимъ самымъ странныя понятія о древности и знатности своего рода и народа, побудила, на примѣръ, еще перваго Рускаго митрополита выразиться о предшествовавшихъ Владимиру князьяхъ, что они «не къ хоща и не къ нещадеи земли кадыуестевокаша, не къ Роусскои, кже къдома исамшии естъ естимконци земля (129), а Царя Ивана Васильевича выводитъ свое происхожденіе прямо отъ Августа, Кесаря Римскаго. А и то можетъ быть, что она есть произведеніе того времени, когда давнымъ давно уже покорители Славянъ Мизійскихъ, Фракійскихъ и Македонскихъ, Булгаре, «придоша отъ азъкиа къ азъкиа, и отъ чрѣтениа къ люди мези» (Псал. CIV, 13), сблизились съ покоренными и, слѣдовательно, сдѣлались Славянами, а по тому книжники, гдѣ ни начитывали это имя, видѣли въ немъ истыкъ Славянъ, а съ нимъ и имя родичей ихъ, Коваръ и другихъ. Родство же тѣхъ и другихъ, тѣмъ далѣе отъ насъ въ древность, тѣмъ болѣе было еще свѣжо. Иначе, откуда же бы сталъ утверждать Ибн-Гаукаль, что «lingua Bulgarogum similis est linguae Chazarogum?» (130) А «lingua Chazarogum» вовсе ничего не имѣетъ сходнаго съ Турецкой и Персидской рѣчью: «a Turcica et

Persica differt (131). Впрочемъ, это рѣшатъ окончательно намъ только списки Паннонскаго Житія Кирилла болѣе древняго извода, нежели тѣ, какіе теперь имѣемъ у себя подъ руками, хотя, какъ сказано было уже разъ, въ Житіи Кирилла и Меѳодія, помѣщенномъ въ печатной «Книгѣ Житіи святыхъ», извѣстіе объ обрѣтеніи Рускихъ письменъ въ Херсонѣ не находится—знакъ, что составитель его, пользовавшійся различными харатейными Четьями, которыя, по собственнымъ словамъ, лишь сократилъ, сомнѣвался уже въ справедливости онаго.

Всѣ прочія, сюда относящіяся, показанія частью глухо отзываются о *мѣстѣ* изобрѣтенія Кириллицы, частью мимоходомъ, частью же вообще, частью не только ничего не говорятъ, но, судя по свойству и направленію сообщающаго показаніе, и не могли что либо сказать о немъ; напоследокъ, есть и такія, которыя не называютъ по имени самое мѣсто, но оно само собой вытекаетъ изъ ихъ разказа. Къ первымъ тремъ разрядамъ относятся, изъ иностранныхъ: Житіе Климента, неизвѣстный историкъ обращенія въ Христіанство Баварцевъ и Хорутанъ, Бернардъ, оба Чешскіе черноризцы (Сазавскій и Опатовицкій или Градиштскій), а изъ своихъ: Іоаннъ, ексархъ Болгарскій, сочинитель Похвальнаго Слова Кириллу и Меѳодію, и такого же одному Кириллу, Храбръ, Крупничпольское Житіе св. Владимира, Анеологionъ или Цвѣтословъ и Никоновская Лѣтопись въ статьѣ «О преложеніи книгъ отъ Греческаго на Словенскій» (стр. 28). Къ четвертому: Посланія папы Іоанна VIII-го, Македонскій Апостолъ XII-го вѣка, Служба Меѳодію, краткія Булгарскія и Сербскія лѣточислительныя сказанія (Вратиславское, Сеченіевское, Рацкое и Черногорское), Рускіе Хронографы (Псковскіе и другіе). Предоставляя каждому провѣрить точность такого моего расpredѣленія по разрядамъ егѣхъ свѣдѣтельствъ касательно извѣстій ихъ о мѣстѣ составленія нашихъ письменъ, считаю нужнымъ сказать, однако же, нѣсколько словъ и самъ сдѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это относится собственно къ Похвальному Слову Климента и Храброву Сказанію. Первый, говоря, что Кириллъ и Меѳодій въ западныхъ странахъ Паннонскихъ (т. е., Панноніи Задунайской, на западъ отъ Дуная, слѣдователь-

но, Коцеловомъ владѣніи) и Моравскихъ (т. е., обѣихъ Моравахъ, Верхней и Нижней, по ту и по сю сторону Дуная простиравшихся), «просвѣтителя коуиъама», вовсе не утверждаетъ тѣмъ, чтобы етѣ послѣднія были тутъ изобрѣтены ими; наоборотъ, это составляетъ лишь повтореніе другими словами сказаннаго уже нѣсколько выше: «спрадѣста оттоудоу (послѣ пребыванія въ Коарахъ) на Западнымъ страны, бѣговѣстькоуиоуа слоко бѣникъ къ мѣстѣмъ некъ, и късь цѣкъымъ законъ прѣложьша, ѿ Гръуьскаго къ скон нмъ мѣстѣмъ прѣдаста». Только такъ «просвѣщаютъ коуиъама». А второй (Храбръ) занимается не столько розыскомъ о мѣстѣ, сколько вообще повѣстью о способѣ изобрѣтенія письменъ Славянскихъ, ихъ составѣ, отношеніи къ первообразу своему и звукамъ, для коихъ предназначались, необходимостью ихъ и защитой отъ порицателей со стороны излишества и несовершенствъ, и, на послѣдокъ, лицемъ изобрѣтателя и временемъ составленія ихъ, а при пособіи ихъ, и прѣложеніемъ книгъ. Понятно, что тутъ вопросъ о мѣстѣ не входилъ въ соображеніе Храбра, конечно, по тому, что далеко меньше возбуждалъ, или и вовсе не возбуждалъ, ничего сомнѣнія, какъ всѣмъ извѣстный, отъ того не подвергавшійся чьему либо нападенію, не вызывавшій любопытства. Впрочемъ, какъ онъ, такъ и многіе до него и послѣ него передававшіе сказаніе о происхожденіи нашей азбуки, обыкновенно начинали его указаніемъ на такое лице, котораго одно уже имя заключало въ себѣ непосредственный отвѣтъ и на самый вопросъ о мѣстѣ. Я разумѣю «Миханла цесари Гръуьска». Въ самомъ дѣлѣ, къ чему тутъ было еще указывать на мѣсто, гдѣ это случилось, когда все событіе излагалось съ такой обстановкой и подробностью, когда поименованы были кто, откуда, куда и за чѣмъ отправилъ посольство: «прилоуунжеса къ тѣ дѣи Ростислакъ, князъ Слонъискъ, Бѣомъ оустимъ, съкѣтъ сътвори съ князи сконни и Моравимъ, послѣ къ цѣю Миханлоу, гѣа тако», и проч.? При томъ, въ обоихъ Паннонскихъ Житіяхъ, а отчасти въ Несторовой Лѣтописи и Итальянскомъ Сказаніи (Моравское Сказаніе или Вторая Легенда, по снесеніи предыдущаго съ послѣдующимъ, тоже не противорѣчитъ этому, и по тому скорѣе всего относится въ семъ случаѣ къ одному разряду съ Итальянской), слово въ слово почти повторя-

ются самыя рѣчи пословъ, или же посланія, послѣ чего слѣдуетъ разсказъ, какимъ образомъ Греческій царь исполнилъ просьбу, т. е., черезъ кого и какъ Константинъ Философъ, прославившійся уже своимъ вѣроисповѣднымъ путешествіемъ къ Сарицынамъ и Козарамъ и, по сознанию царя, единственный человѣкъ, способный къ тому, склоненъ былъ подъять такое важное дѣло: «*къмъ та труднѣ соущѣ, философѣ, не потрака ти тамо нти, сѣмъ бо рзукъ не можетъ нмъ никто же исправити, мно же ты*»; какъ онъ, наконецъ, «*оумолкнѣ црѣмъ, сложи писмена и бесядоу състала (переводъ Евангелія отъ Иоанна), поути са мтъ Морлкски, поимъ Меѳеодии*». За чѣмъ же, послѣ всего этого, еще называть то мѣсто поименно, гдѣ все сіе происходило? Кто не видитъ и не знаетъ, что это былъ по преимуществу «*Градъ Царей*», какъ прекрасно назвали его предки наши? Такимъ образомъ, два древнѣйшіе *источные* памятника представляютъ намъ самый обстоятельный отвѣтъ, какъ показало все доселѣшнее разслѣдованіе, также и на вопросъ, гдѣ именно слѣдуетъ полагать колыбель Славянскихъ письменъ изобрѣтенныхъ Кирилломъ? Сдѣсь древнѣйшее есть и самое надежнѣйшее и основательнѣйшее, а потому, какъ такое, должно имѣть первенство передъ всѣми другими показаніями, далеко уступающими ему въ старинѣ и обстоятельствахъ: «*Contemnitur, quidquid a recentiore sine vetustioris auctoritate profertur*».

ГЛАВА III.

Исторія вопроса.

Multum, crede mihi, refert, quo fonte bibatur.

Аноним.

Познакомившись, сколько возможно, обстоятельнѣе съ источниками изслѣдуемаго вопроса, а также разобравъ возрастъ ихъ, взаимное отношеніе и самыя показанія о лицѣ и мѣстѣ, то есть, *кому и гдѣ*, по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать составленіе Кирилловскаго письма, можно бы уже было, какъ говорится, наложить на него и послѣднюю руку, другими словами, приступить къ рѣшенію, *когда же* именно составлена наша азбука? Но, имѣя дѣло съ лѣточислительной задачей, нельзя обходить лѣточисленія; я хочу сказать егѣмъ, что, не касаясь еще пересмотра показаній разныхъ источниковъ о времени, въ которое явились Славянскія письмена, надобно изложить *исторію* этого вопроса, *кто, когда и какъ* рѣшалъ его, что сдѣлано другими до насъ и въ какомъ состояніи онъ теперь на ходится? Это необходимо сколько для того, чтобы просто удовлетворить человѣческому любопытству, желающему знать прошедшее лица, или предмета, съ которыми приходится поближе столкнуться, по по-

словицѣ: «Скажи, съ кѣмъ водишься, и я скажу, кто ты таковъ!» столько и для того, чтобы, видя, какимъ судьбамъ подвергался изслѣдуемый предметъ, не дѣлать уже вновь, сдѣланнаго другими, стало, сберечь время, и, главное, схватить нить, съ которой должно начать дальнѣйшую работу, а черезъ то скорѣе и вѣрнѣе пристать къ берегу. Это же выкажетъ и разницу между нашимъ и чужимъ трудомъ, и тѣмъ опредѣлить относительное достоинство обоихъ.

Всѣ, писавшіе о Кириллѣ и Меѳодіи, больше или меньше касались и изслѣдуемаго вопроса; не смотря на то, не всѣ они подлежатъ сдѣсь нашему разсмотрѣнію, но только тѣ, которые особенное вниманіе обращали на него, старались, по мѣрѣ силъ и средствъ, уяснить себѣ въ точности самый годъ этого событія, или, по крайности, подойти къ нему сколько можно ближе.

Первый, сколько мнѣ извѣстно, пытавшійся опредѣлить время изобрѣтенія Славянскихъ письменъ научнымъ образомъ, былъ ученый издатель Житія Кирилла и Меѳодія въ «Acta S. S.», отецъ *Геншенъ*, который въ замѣчаніяхъ, предпосланныхъ ему подъ числомъ 31, говоритъ, что слухъ объ обращеніи Козаровъ въ Христіанство, распространившійся между Славянами, достигъ и Ростислава, главнаго въ ту пору князя Моравскаго (который коегдѣ, кажется, назывался и Святополкомъ), а тотъ, видя народъ свой оставившимъ уже язычество и жаждущимъ Христіанства, отправилъ тоже пословъ къ императору Михаилу, моля его прислать ему того самаго славнаго учителя, Константина, который уже наставлялъ Козаровъ, чтобы, такимъ же образомъ, и его народъ научилъ. Просьба была уважена. Я полагаю, — продолжаетъ Геншенъ, — это случилось около 856 года, когда Михаилъ удалилъ мать и сестру отъ участія въ правленіи Государствомъ, а св. Игнатія отъ дружескаго общенія. Товарищемъ въ этомъ второмъ посольствѣ Константина былъ родной братъ его, Меѳодій. Годъ прибытія ихъ къ стольному городу, Виллеграду, опредѣляетъ первое Житіе ихъ по списку Дюшена, въ коемъ сказано, что они провели въ Моравіи четыре съ половиной года

и обратили весь народъ съ его государемъ. Послѣ того призвалъ ихъ въ Римъ папа Николай, и они, отправившись тотчасъ, пришли, однако туда только при папѣ Адрианѣ II-мъ, преемникѣ Николая, скончавшагося въ половинѣ ноября 867 года. «Sparsus illico apud caeteras Slavinorum phylarchias rumor conversionis Chazarorum, ad Ratislaum praepotentem eo tempore Principem Moraviae (qui et Swantoplucus sive Sfantipulcus appellari alibi videtur), quum gentem suam videret ultro ab idolorum cultu recessisse, et Christianae fidei percipiendae avidam esse, legatos et ipse ad Imperatorem Michaëlem mittit, oratque, ut eximium illum doctorem Constantinum, qui Chazaros erudiisset, ad suam quoque gentem instruendam venire pateretur, quod sane haud gravate concessum. Id remur contigisse ante annum 856, quando Michaël et ab Imperii regimine matrem ac sororem, et se ab S. Ignatii familiari consuetudine removit, fraudulentis Bardae avunculi sui consiliis circumventus. Socius Constantino ad hanc secundam expeditionem germanus suus Methodius fuit. Quando ad regiam urbem Willegradum pervenerint Sancti, inde perspicui potest, quod in priorē vita e codice Duchesnii, dicuntur annos quatuor et medium in Moravia permansisse, gentemque universam cum Rege convertisse. Dein Romam evocati a Nicolao Papa, statim iter susceperunt, neque eo peruenerunt, nisi Hadriano II Pontifice, qui Nicolao idibus Novembris 867 mortuo, suffectus erat». Извѣстный Паджу (1624—1699), занимавшійся въ особенноти лѣточисленіемъ совмѣстно съ исторіей, въ своей «Critica in Baronii annales» (Antwerp. 1705; ed. 2-da Genev. 1727, 4 voll.), замѣчаетъ, подъ 863 годомъ (ч. 15), что Геншенъ ошибся, по тому что тогда Кириллъ и Меодій превели бы въ Моравію 10, если не больше лѣтъ, если они точно прибыли въ Римъ въ 867 году. А по тому приходъ ихъ въ Моравію онъ полагаетъ около 863 года, говоря: «Quum Cyrillus et Methodius in Moravia per annos quatuor et dimidium Evangelium disseminarint, annoque 867 Romam venerint, manifestum est, eos circa annum 863 Bulgariam reliquisse, et in Moravia perrexisse» (loc. cit. et ad ann. 866. num. 2). Знаменитый Иос. Сим. Ассемани, въ III-мъ томѣ своихъ «Kalendaria Ecclesiae universae», (Romae, 1755, pag. 120), приводитъ

мнѣнія обоихъ, названныхъ выше писателей, возражаетъ послѣднему тѣмъ, что, по его словамъ, держась Житій Кирилла и Меодія, Моравцы приняли Христіанство отъ нихъ только послѣ крещенія Булгарскаго царя, Бориса, а это произошло лишь 865 года. «Verum, si Actis SS. Cyrilli ac Methodii fides est adhibenda, colligitur, Moravos Christianam fidem a Methodio ac Cyrillo non accepisse, nisi postquam Michaël Rex Bulgarorum Baptisma suscepit: adeoque id factum fuisset oportet anno 865». И ниже: «Quare, postquam Michaël Rex Bulgarorum a Methodio (ut supra dixi) ad Christi fidem conversus esset, Rastices, ejusdem Michaëlis ac Chazarorum exemplo incitatus, eundem Methodium ab Imperatore Graecorum Michaële ante annum quidem 866 expetiit, ut in Moraviam accedens se suumque populum Christiana fide imbueret» (pag. 122). Ровно черезъ 10-ть лѣтъ вышла въ свѣтъ 3-я часть «Примѣчаній» Добнера на Чешскую лѣтопись Гайка: «Wenceslai Hagek a Liboczan. Annales Bohemorum, plurimis animadversionibus historico-chronologico-criticis aucti» etc. (Pragae, 1765), въ коей, разбирая 12-й годъ правленія князя Неклана, онъ упоминаетъ тутъ и о случившемся въ это время въ сосѣдней Моравіи, т. е., какъ Нѣмецкій императоръ, Людвикъ, желая надежнѣе усмирить сына своего, Карломана, возмущившагося было противъ него съ Хорутанцами и другими, подвластными ему, народами, распустилъ слухъ, что онъ идетъ войной лично противу извѣстнаго врага Нѣмецкаго царства, Растица (или Ростислава), который въ то самое время вступилъ въ связи съ Булгарами, спѣшившими ему съ востока на помощь. Но угрозы Людвика остались только угрозами, да и Растицу было не до того, по тому что етѣ толпы Булгаръ были не столько воинственнаго, сколько болѣе мирнаго рода, хотя, конечно, и не безъ государственныхъ цѣлей. Это былъ годъ прибытія въ Моравію Константина и Меодія съ ихъ Булгарскими послѣшниками, то есть, Булгарскими и Греческими Славянами. Годъ этотъ—863-й, какъ справедливо означилъ его уже Паджи, поправляя ошибку отца Геншена: «Haec autem vera epocha est, annusque certus adventus SS. Cyrilli et Methodii in Moraviam. Recte enim adnotavit Pagius falsum esse Bollandum (Henschenium scribere voluit), dum existimavit

sanctos hos jam ante annum 856 ad Moraviam advenisse. Nam cum uterque vitae author dicat SS. Cyrillum et Methodium per annos quatuor et dimidium Evangelium in Moravia disseminasse, ac demum Romam concessisse jussu Nicolai Papae, qui eodem anno videlicet octingentesimo sexagesimo septimo demortuus est, *ducto calculo adventus ipsorum in Moraviam haud alio anno quam praesente (863) accidere potuit* (pag. 57 — 58). За сѣмъ подтвержденіе того видимъ въ «Annales Francofuldenses» ad h. an., въ коихъ сказано, что Растицъ, по словамъ Людвика, какъ показано уже выше, «*imminet Francico Regno cum auxilio Bulgarorum ab oriente venientium*». Эта молва, конечно, опиралась на великолѣпномъ посольствѣ Восточнаго императора къ Ростиславу, въ коемъ находились просимые имъ учителя истинной Вѣры и наставники въ законѣ, сопровождаемые многочисленными Булгарскими и Греческими Славянами. Послѣднее оправдывается показаніемъ Блаубейрнскаго Сказанія (Второй или Моравской Легенды): «*Egressus itaque primo venit ad Bulgaros, quos divina gratia cooperante sua praedicatione convertit ad fidem. Abinde autem procedens, venit in terram Moraviae*». А что дѣйствительно въ это время Моравцы просвѣтились снова Христіанствомъ (послѣ принятія большей частью его изъ рукъ Латино-Нѣмецкаго духовенства, случившагося 40 — 50 лѣтъ передъ тѣмъ), доказательство тому Добнеръ находитъ въ «Annales Weingartenses», въ коихъ, подъ етѣмъ же годомъ, сказано: «*Gens Hunnorum Christianitatis nomen aggressa est*». Подъ Гуннами, въ то время уже давно не существовавшими, нельзя разумѣть Аваровъ, родичей ихъ, то же совершенно потерявшихся послѣ разгрома ихъ Карломъ Великимъ, слѣдовательно, должно разумѣть Моравскихъ Славянъ, занявшихъ всѣ ихъ Задунайскія владѣнія: «*Moravos in omnes Transdanubianas Hunnorum regiones sese immisisse*». На послѣдокъ, Добнеръ опровергаетъ мнѣніе Ассемани, упомянутое выше, спрашивая: если Кириллъ и Меѳодій были около 866 года при Дворѣ Булгарскомъ, то по чему же не говорится о нихъ ни въ посланія Бориса къ папѣ Николаю I-му, ни въ отвѣтахъ послѣдняго, ниже въ другихъ письмахъ къ нему и вельможамъ его? Пришедши же въ Моравію около этого года,

сколько оставалось имъ пробыть въ ней, если черезъ годъ, по словамъ самаго Ассемани, должны были спѣшить въ Римъ? Изъ всего этого открывается, что честь опредѣленія 863 года принадлежить, собственно, Паджи, а не Лобнеру, какъ ошибочно замѣтилъ Шлѣцеръ (132), а за нимъ и другіе: первый не потрудился навести справки словамъ Добнера, по скольку тутъ его, и по скольку Паджи, а послѣдніе и подавну не стали себя беспокоить такой малостью, вѣря безусловно въ непогрѣшимость Шлѣцера, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же признавался, что всѣми данными для своей X-й главы, въ которой рассматриваетъ Жизнь Кирилла и Меѳодія, и которой столько былъ доволенъ, что не могъ удержаться, чтобы прежде всего самъ не похвалить ее (тамъ же, стр. 241, Руск. пер. стр. 579), обязанъ особенно Добнеру (133), который ничего существенно не прибавилъ къ Паджи, а тѣмъ менѣе прежде всѣхъ проложилъ путь къ рѣшенію этого вопроса посредствомъ вѣрныхъ соображеній. Етъ соображенія, отъ перваго до послѣдняго, принадлежать не ему, и онъ, какъ совѣстливый изслѣдователь, ни мало не присволяетъ ихъ себѣ, но именно указываетъ на того, кому они принадлежать, и почти его словами излагаетъ ихъ. Отъ того, какъ Шлѣцеръ, такъ и повѣрившіе ему на слово, ничего не сдѣлали для рѣшенія нашего вопроса, удовольствовались ссылкой на другихъ (134). Сюда принадлежатъ: *Исторіографъ нашъ*, который говоря, въ изложеніи «Исторіи Государства Россійскаго», объ изобрѣтеніи азбуки Кирилломъ и Меѳодіемъ, отправленными Греческимъ императоромъ, Михаиломъ, въ Моравію къ тамошнимъ Христіанскимъ князьямъ для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка (135), въ 261-мъ примѣчаніи, относящемся къ этому, выпиываетъ сжато изъ «Книги Житій» рассказъ, подъ 11-мъ (а не 15-мъ, какъ у него поставлено) маѣ, о дѣйствіяхъ того и другаго, слѣдовательно, и о четырехлѣтнемъ пребываніи ихъ въ Моравіи, и прибавляетъ отъ себя: «Ежели Константинъ и братъ его жили въ Моравіи 4 года (въ Житіи Четыи-Минен печатной): «оумеданша же тамо азъ естиры и вѣрше» (136), и пріѣхали въ Римъ скоро по смерти Николая IX (137), то Славянская грамота изобрѣтена ими въ 863 году: ибо сей папа умеръ

въ 867». Между источниками, на которыхъ основанъ онъ такое свое мнѣніе, приведены Добнеръ и Шлѣцеръ, въ которыхъ этотъ годъ означенъ, между тѣмъ какъ въ другихъ, тутъ же поименованныхъ (*Acta Sanctorum IX Mart.* и *Io. P. Kohlii Introductio in historiam et rem literariam Slavorum. Altonaviae, 1729, cap. II*) рядомъ, выставленъ совѣтъ другіи. Почти то же самое утверждаетъ и незабвенный митрополитъ нашъ, *Евгеній*, излагающій въ очеркѣ дѣйствія Кирилла и Меѳодія по печатному Житію ихъ (особенно обратившему на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей послѣ извѣстнаго отзыва о немъ Шлѣцера, совершенно справедливаго, такъ какъ въ сущности и большей частью оно составляетъ свободный разсказъ со словъ Паннонскаго Житія Кирилла, что только теперь уяснилось намъ, когда послѣднее съ Житіемъ Меѳодія какъ бы вновь найдено) и ссылающійся при семъ на Шлѣцера: «Императоръ Михаилъ посылалъ его (Кирилла) къ Сарацинамъ на рѣку Евфратъ для оправданія Вѣры Христовой, а потомъ, вмѣстѣ съ братомъ, къ Козарамъ, для обращенія ихъ ко Христу, и, наконецъ, около 863 г., когда Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель прислали въ Константинополь просить себѣ Христіанскихъ учителей, то по сему случаю отъ Императора и Константинопольскаго духовенства отправлены были къ нимъ оба брата, Константинъ и Меѳодій, первый, яко знатокъ многихъ Восточныхъ языковъ, а послѣдній свѣдущій наипаче въ Славенскомъ. Несторъ и многіе Западные писатели согласно свидѣтельствуютъ, что они изобрѣли Славенскія буквы и первые перевели на Славенскій языкъ Священное Писаніе и церковныя книги. Въ ихъ Жизнеописаніи, помѣщенномъ въ Четвѣрихъ-Минейхъ, подъ 11-мъ ч. мая, сказано, что они до отъѣзда къ Моравамъ въ Константинополь изобрѣли Славенскую азбуку, изъ 38 писменъ составленную, и тамъ начали переводить на Славенскій языкъ для опыта первое Евангеліе отъ Іоанна. Хотя труды ихъ были общіе, но азбука Славенская прозвана *Кирилловою*, можетъ быть, по тому, что Кирилль, по своему знанію многихъ Восточныхъ языковъ, выбралъ изъ оныхъ для Славенскаго языка буквы, недостававшія въ Греческой азбукѣ, а Меѳодій больше его

трудился въ переводѣ книгъ. Ибо Константинъ или Кириллъ только 4 съ половиною года былъ съ братомъ въ Моравіи, а послѣ отшелъ къ Болгарамъ, или, какъ Шлецерь думаетъ, въ Римъ и около 869 или 871 г. по вычисленію Шлецера, а по мнѣнію Миллера 868 г. въ Римѣ скончался» (138). К. *Калайдовичъ*, въ самомъ изложеніи изслѣдованія своего объ Іоаниѣ Ексархѣ Болгарскомъ, говоритъ: «Когда около 863 года Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель, незадолго предъ тѣмъ принявшіе святое крещеніе, просили у Греческаго Императора Михаила наставниковъ, которые могли бы имъ, какъ пишетъ Несторъ, сказати книжная словеса и разумъ ихъ: то Михаилъ, по совѣту съ своими учеными, отправилъ къ Словенамъ двухъ братьевъ, Константина и Меодія, какъ свѣдущихъ въ языкѣ Словенскомъ. Они прибыли въ Моравію, изобрѣли особенный алфавитъ, образованный по Греческому, и предложили сперва необходимыя для богослуженія книги. Слѣдуя согласному показанію, должны мы приписать честь изобрѣтенія Словенской азбуки блаженному Кириллу, коего именемъ она и доселѣ называется. Послѣдующіе труды, состоявшіе въ переводѣ съ Греческаго на Словенскій языкъ, должны принадлежать имъ совокупно. Константинъ во время пребыванія въ Моравіи, продолжавшагося, кажется, около четырехъ съ половиною лѣтъ, положилъ только начало знаменитыхъ трудовъ», и проч. (139). А въ 7-мъ примѣчаніи къ етѣмъ словамъ прибавляетъ: «Въ которомъ году случилось сіе достопамятное происшествіе (т. е., изобрѣтеніе азбуки), навѣрно не знаемъ. Посольство въ Константинополь, около 863, у насъ показано по *соображеніямъ Добинера*; а монахъ Храбръ увѣрять, что изобрѣтеніе азбуки послѣдовало въ лѣто отъ созданія въсего міра 5518 (855). Но на чемъ это основано?» (140). Сверхъ того, въ примѣч. 3-мъ, оговаривается такъ: «И Шлецерь догадывается, что трое Князей должны въ 861—864 г. отправить посольство въ Константинополь» (141). Не смотря на согласіе Калайдовича въ годъ съ предшественниками своими, какъ черпавшаго изъ одного съ ними источника, въ немъ пробивается уже другое мнѣніе на счетъ мѣста составленія письменъ, которымъ Евгенийъ, слѣдуя Четь-Минейному печат-

ному Житію, считаетъ Константинополь, а онъ Моравію, держась въ етомъ словъ Нестора; впрочемъ, о годѣ, имъ же открытаго и обнародованнаго, замѣчательнѣйшаго списка Храброва Сказанія (1348 г., трудъ таха священноиннока Лаврентія), выражается съ недовѣріемъ. Но далѣ всѣхъ зашелъ въ етомъ дѣлѣ Орестъ *Новицкій*, который, въ сочиненіи, писанномъ имъ 1835 г., какъ Э. Ор. профессоромъ еще Кіевской Духовной Академіи, «по задачѣ митрополита Евгенія и съ одобренія его напечатанномъ Академіей на счетъ суммы, пожертвованной имъ для изданія Академическихъ сочиненій по предмету Русскихъ древностей», именно «О первоначальномъ переводѣ Священнаго Писанія на Славянскій языкъ», замѣчательно, какъ первомъ опытѣ, многими удачными соображеніями, основанными на источникахъ, хотя не всегда изъ первыхъ рукъ, напротивъ, частенько изъ десятыхъ, который, говорю, въ сочиненіи етомъ, перебравши разныя мнѣнія разныхъ писателей о переводѣ Св. Писанія на Славянскій, и отдавая въ заключеніе преимущество, приписывающимъ его Кириллу и Меѳодію, восклицаетъ, подъ конецъ: «Теперь недостаетъ только прямаго указанія, въ какомъ именно году Кириллъ и Меѳодій начали дѣйствовать на своемъ поприщѣ. Несторъ ничего здѣсь не опредѣляетъ, кромѣ того, что Моравскіе Князья отправили посольство къ Императору Михаилу (см. Шлецера), по чему и должно ограничиться временемъ отъ 857 года (съ котораго Феодора уже не участвовала въ правленіи) до 867, когда Михаилъ былъ убитъ. Но въ которомъ именно году Кириллъ и Меѳодій приступили къ своему дѣлу? Монахъ Храбръ увѣряетъ, что изобрѣтеніе азбуки послѣдовало въ 855 (855). На чемъ основано это сказаніе—неизвѣстно (см. Калайдовича выше). *Добнеръ*, посредствомъ *вѣрнаго соображенія*, прежде всѣхъ проложилъ путь къ разрѣшенію етого вопроса: онъ обращаетъ вниманіе на Легенду Блаубейернскаго монастыря», и проч., и перечисляетъ мнимыя соображенія Добнера со словъ Шлецера, на котораго во всемъ етомъ и ссылается, и послѣ того заключаетъ: «слѣдовательно, прибытіе Кирилла и Меѳодія въ Моравію должно полагать около 863 года. *Вычисленіе Добнера имѣетъ все признаки истины*; оно совершен-

но согласно съ жизнеописаніемъ этихъ святыхъ въ Четьи-Минеи (см. мнѣніе Евгенія выше), не противорѣчитъ также сказаніямъ Нестора и догадкѣ Шлецера (см. тоже Калайдовича), который полагаетъ, что они отправились не задолго до смерти Императора Михаила, и, наконецъ, принято всѣми лучшими знатоками Славянской древности», и тутъ же, въ выноскѣ (63-й), указаніе на Карамзина и Евгенія, стало быть, далеко не всѣми (142). Такъ-то не рѣдко ошибка одного ученаго съ вѣсомъ расплывается, въ теченіи времени, отъ нашей довѣрчивости въ его безошибочность и совѣстливости въ передачѣ чужихъ мнѣній, и такъ-то многіе изъ колѣна въ колѣно передаютъ ложныя показанія и ссылки другихъ, не имѣя возможности, или же лѣнясь, проверити ихъ по самымъ источникамъ. Что у Шлецера, по недоразумѣнію, сказано о Добнерѣ вмѣсто Паджи, и принадлежащее послѣднему отнесено къ первому, то, въ продолженіе 30 лѣтъ (за исключеніемъ одного Добровскаго, который, говоря объ этомъ, всюду приводилъ имена обоихъ, Паджи и Добнера, на прим., въ объясненіяхъ «Mährische Legende» (S. 93): «Da sie nun im Jahre 867 nach Rom gingen, so schloss schon Pagi und Dobner, dass die slawischen Lehrer im Jahre 863 nach Mähren gekommen wären», а ниже (S. 94) только объ одномъ Паджи: «Nach Pagi, der die Taufe des Königs Bogoris in das Jahr 861 setzt, zogen beide Brüder aus der Bulgarey 863 nach Mähren, wo sie volle fünfthab Jahre bleiben konnten»), пока дошло до сочинителя о первоначальномъ переводѣ Св. Писанія на Славянской языкъ (съ 1805 года, когда явилась 3-я часть Шлецерова Нестора, до 1835, когда написано упомянутое изслѣдованіе), обратилось уже въ нѣкотораго рода непреложную истину, по которой Добнеръ и «прежде всѣхъ-то проложилъ путь къ разрѣшенію этого вопроса посредствомъ вѣрнаго соображенія, и вычисленіе-то Добнера имѣетъ всѣ признаки истины», и проч., и проч., и проч., небывалое, то есть, въ головѣ добросовѣстнаго въ этомъ случаѣ священника св. Екатерины (P. Gelasius Dobner a S. Catharina instituti scholarum piarum sacerdos). Къ большому изумленію моему, и сочинитель «Исторіи Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго Князя Владиміра» введенъ былъ въ заблуж-

деніе словами Новицкаго, что доказывается ссылкой его на однихъ и тѣхъ же писателей, какъ принимающихъ его мнѣніе (143): «Такое вычисленіе первый сдѣлалъ Добнеръ (см. Несторъ, слич. Шлецеромъ, ч. II, стр. 448). Подобно ему, етогъ же 863 годъ признаютъ временемъ прибытія Солунскихъ братьевъ въ Моравію и другіе знаменитые ученые (Ист. Гос. Росс. Карамзина ч. I, прим. 261.—Словарь историческ. о духовн. писат. въ Россіи, М. Евгенія, ч. II, стр. 57, 1827 г.)» (144).

Въ то время, когда мнѣніе Паджи, пріобрѣтая больше и больше приверженцевъ, стояло въ зенитѣ своемъ и, казалось, все объшало ему долготіе, оно уже заносило ногу на первую ступеньку лѣстницы, ведущей съ вершины подъ гору. Первое сѣмя къ тому посѣяно было самымъ Калайдовичемъ, отыскавшимъ новый и, относительно письма, до сихъ поръ старѣйшій списокъ Храброва Сказанія о письменехъ, которое вызвало у него одно только простосердечное признаніе въ томъ, что онъ не знаетъ причинъ, на коихъ основано ето сказаніе о совершенно иномъ годѣ изобрѣтенія Славянской азбуки. Въ сущности, извѣстіе ето было не новость. Уже въ послѣдней четверти XVI-го столѣтія оно (сказаніе) было напечатано, и по томъ нѣсколько разъ и при разныхъ случаяхъ появлялось въ печати (какъ ето показано мною въ одномъ изъ примѣчаній), о рукописной же извѣстности его нечего и говорить; едва ли есть сколько ни будь замѣчательное собраніе рукописей, въ которомъ бы не нашлось нѣсколькихъ списковъ его, хотя, должно признаться, древнѣе сдѣланнаго Лаврентіемъ такомъ доселѣ не отыскано. Подобно Калайдовичу, и Карамзинъ не обратилъ на показаніе Храбра никакого вниманія: такъ сильно было вліяніе мнимо Добнеровскаго вычисленія, и, прибавлю, такъ велико въ ту пору отсутствіе у насъ перваго самостоятельнаго шага при всякомъ открытіи, стоявшемъ въ явномъ противорѣчій съ прежнимъ порядкомъ вещей. Исторіографъ удовольствовался только слѣдующимъ извѣстіемъ, въ 260-мъ примѣчаніи къ 1-й части своей И. Г. Р.: «Одинъ Лѣтописецъ Россійскій среднихъ временъ, повторяя Несторово извѣстіе о буквахъ Кирилловыхъ, прибавляетъ: «прежде тѣхъ Словени не имашу письменъ, но начертанныи и шарзанныи уншадъ и гадаку» (см. въ

Синод. библиотекъ рукописн. книгу *О древностяхъ Россійск. Государства*, подъ № 529, Т. I, кн. 2). «Тоже извѣстіе найдено Г. Калайдовичемъ въ сочиненіи монаха Храбра о писменахъ, гдѣ сказано: «Прежде ꙗко Словени не имаху книгъ, но урѣтми и рѣзми урѣтху и гатаху, воглии сѣше». Сіе сочиненіе внесено въ книгу (въ Синод. библиотекъ подъ № 85), писанную въ 1348 году для Болгарскаго Царя Александра Иеромонахомъ Лаврентіемъ Тахомъ. Александръ извѣстенъ намъ по Исторіи: онъ умеръ въ 1350 году». Изъ етѣхъ словъ ясно, что писавшій ихъ не читалъ Сказанія о письменехъ нигдѣ: ни у Бурцова, ни у Новикова, рѣшительно нигдѣ, даже и послѣ открытія списка Лаврентія, которому, въ видѣ фамиліи или прозвища, придавъ слово тахъ, написавъ первую букву его прописью. Это подтверждается и словами его, въ слѣдующемъ примѣчаніи (261), сказанными объ Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ: «Я обязанъ Г. Калайдовичу слѣдующимъ любопытнымъ извѣстіемъ», и проч.: стало, самъ исторіографъ сочиненія Іоанна, ексарха Болгарскаго, не читалъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и списка Храброва сказанія о письменехъ, сдѣланнаго Лаврентіемъ тахомъ. Это и понятно, по тому что 2-е изданіе своего неопѣннаго творенія Карамзинъ началъ въ 1818, а сочиненіе Калайдовича показалося только въ 1824 г., когда тотъ отпечаталъ уже XI-ть томовъ (XII-й вышелъ въ 1829) и, большой, помышлялъ о переселеніи подъ другое небо.

Первый, выступившій съ мнѣніемъ, противоположнымъ господствовавшему дотогѣ, былъ знаменитый *Добровскій*, который еще въ 1818 г., въ своей «Исторіи Чешскаго языка и древней словесности» (145), утверждалъ, что «письменное искусство было вовсе неизвѣстно Славянамъ до счастливаго изобрѣтенія Славянскаго азбуки философомъ Константиномъ или Кирилломъ» (стр. 38), и что, по тому, нельзя и думать о первомъ до принятія Христіанства, т. е., до 845 года, а о второй до Кирилла, т. е., до 860 (стр. 45). Въ «Грамматикѣ языка Славянскаго по древнему нарѣчію, на коемъ Русскіе, Сербы и другіе Славяне Греческаго исповѣданія имѣютъ церковныя книги» (146), только нѣсколько видоизмѣнилъ его, говоря, что Меоодій, вызванный въ Моравію и Паннонію

около 863 года, по изобрѣтеніи Славянской грамоты, какъ говоритъ неизвѣстный объ обращеніи Хорутанцевъ, начавъ отправлять богослуженіе на языкѣ Славянскомъ, охладилъ народъ въ привязанности къ литургіи, Евангелію и церковному обряду на Латинскомъ языкѣ» (§. 2). Но спустя годъ онъ уже совсѣмъ не то заговорилъ. Видно, что мнѣніе это не вдругъ сложилось у него, по тому онъ всякой разъ, какъ приходилось ему вести рѣчь о годѣ изобрѣтенія Кириллицы, отдѣлялся отъ него либо молчаніемъ, либо же допускалъ время, довольно близко подходившее къ господствовавшему въ ту пору мнѣнію. Съ новымъ предположеніемъ онъ выступилъ въ первый разъ въ сочиненіи своемъ «Кириллъ и Меѳодій, апостолы Славянъ», какъ замѣчено было уже, помѣщенномъ въ VIII-й части «Исслѣдованій Чешскаго ученаго Общества за 1822 и 1823 годы, а изданнаго 1824, отдѣльно 1823 (147). Сдѣсь, приводя и рассматривая позднѣйшихъ писателей объ изобрѣтеніи Славянскаго письма и переводѣ книгъ съ Греческаго Константиномъ, Добровскій упоминаетъ и о Храбровомъ извѣстіи, не называя, однако, имени самаго сочинителя: «Сказаніе, или составки Св. Кирилла Философа азъбукѣ по азъбукѣ Словенскій и книги преводе отъ Греческихъ на Славенскій азъбукѣ», которое попадаетъ не только въ рукописяхъ, но и напечатано въ двухъ старинныхъ букваряхъ». За тѣмъ приводитъ изъ сего сказанія то мѣсто, въ коемъ говорится о времени составленія письменъ: «Аще бо въпросиши книгъуи», и проч., до конца, и, въ видѣ заключенія, дѣлаетъ таковъ выводъ: «ето будетъ 855 годъ, что согласно и съ истиною, хотя прочія числа не совсѣмъ вѣрно показаны». Эта невѣрность прочихъ чиселъ въ Рускомъ переводѣ кажется странностью, по тому что, въ приведенной выпискѣ изъ Сказанія, мы ихъ не видимъ; но дѣло въ томъ, что переводчикъ приводитъ ее по списку, отысканному Калайдовичемъ и напечатанному годомъ позже выпуска въ свѣтъ сочиненія Добровскаго, въ которомъ число етѣхъ нѣтъ, между тѣмъ какъ послѣдній выписываетъ по списку, напечатанному въ одномъ изъ старинныхъ букварей, въ коихъ мѣсто, содержащее опредѣленіе времени изобрѣтенія письменъ, такъ читается: «и аще въпросиши, въ кое время, то вѣдати и рекоуть, или по сед-

момъ Соборъ, въ .мѣ. лѣто, во времена Михаила црѣ Гротескаго и матери его Феодоры, иже православную веру оутвердиста», и т. д., согласно въ существенномъ съ прочими. Такимъ образомъ, неосмотрительность переводчика поставила знаменитаго ученаго передъ Рускими читателями въ противорѣчїе съ самимъ собою: услужливость, за которую, конечно, никто не чувствуетъ обязаннымъ себя благодарностью сдѣлавшему ее. Но безъ этой неловкой услуги, слѣдующія за тѣмъ слова Добровскаго, кажущіяся при ней безсмысленными, имѣютъ свой смыслъ и свое значеніе: «такъ 44 годъ послѣ седьмаго Собора соотвѣтствуетъ 831, а не 855 году, а Коцель вступилъ на престолъ по смерти отца своего, Привины, позднѣе 855 года». Три года спустя (1826), въ изслѣдованіи своемъ о «Моравскомъ Житіи (Легендѣ) Кирилла и Меѳодія», изданномъ имъ, какъ замѣчено уже, по древнѣйшимъ рукописямъ и сличенномъ съ другими сказаніями (напечатанномъ тамъ же и такъ же, какъ и изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи), Добровскій, въ «Лѣтописномъ обзорѣніи» къ етому Сказанію, вторично приурочиваетъ изобрѣтеніе азбуки къ упомянутому году: «855 Konstantin, der Philosoph, sonst Cyrill, vermehrt das griechische Alphabet mit einigen Zügen und richtet es für die slawonische Sprache ein, wahrscheinlich zu Konstantinopel, und fängt an die Evangelien, den Psalter, aus dem Griechischen in Slawonische zu übersetzen» (S. 53). Далѣе, говоря подъ 862 — 863 о посольствѣ Ростислава въ Царьградъ за наставникомъ или учителемъ Вѣры, тоже упоминаетъ объ етомъ, какъ о дѣлѣ, вызвавшемъ отчасти самое посольство: «862 — 863 verlangt Rastislaw vom Kaiser Michael einen tauglichen Lehrer, der die Mähren im Lesen unterrichten könnte», и прибавляетъ: «вѣроятно, Растиславъ слышалъ объ изобрѣтеніи Константиномъ Славянской азбуки и его переводахъ; въ слѣдствіе требованія его Константинъ и, братъ его, Меѳодій, были отправлены въ Моравію: «Wahrscheinlich hörte Rastislaw von Konstantins Erfindung des slawonischen Alphabets und seinen Uibersetzungen. Nach Mähren werden nun Konstantin und sein Bruder Method gesendet» (S. 54). Надобно замѣтить, что мысли Добровскаго о посольствѣ Ростислава и прибытіи Константина и Меѳодія къ нему давно уже установились и почти

ничего не потеряли во все время его жизни. Такъ еще въ изслѣдованіи своемъ о крещеніи Чешскаго князя, Бормвоа, явившемся въ 1803-мъ году (и помѣщенномъ, какъ и названныя выше, въ Трудахъ Чешскаго Ученаго Общества, и отдѣльно), въ Хронологической таблицѣ (S. 60) отнесъ онъ первое къ 862, а второе къ 863-му году: «Rastislaw, Swatopluk, Hezilo bitten den Kaiser Michael um einen Lehrer, der ihr Volk besser unterrichten könnte, als es die teutschen Priester bisher gethan haben.... um 862.—Cyrill und Method kommen nach (Pannonien und) Mähren 863».... (148). Не смотря на то, онъ, при всякомъ случаѣ, охотно распространялся объ этомъ посольствѣ и причинахъ его (предполагаемыхъ имъ), между которыми всегда отводилъ первое мѣсто изобрѣтенію письменъ, предложенію книгъ съ Греческаго на Славянскій и отпращивленію богослуженія на семь послѣднемъ. По крайности, разбирая извѣстія изданнаго имъ Моравскаго Сказанія, нѣсколько разъ разсуждаетъ о томъ, на примѣръ, на стр. 85—86: «Das Wahrscheinlichste ist, dass Konstantin *jetzt* (послѣ возвращенія отъ Козарь въ Константинополь: «Philosophus reversus est Constantinopolim» etc.), wo nicht schon *vor der Mission zu den Chasaren, das slawonische Alphabet erfand*, den Anfang mit der Uibersetzung der Evangelien und des Psalters machte, die slawonische Liturgie an den Gränzen von Macedonien und der Bulgarey einfuhrte, von welcher Anstalt sich der Ruf unter den slawischen Völkern verbreitete, bis er endlich auch zu den Ohren des mährischen Fürsten Rastislaw drang». Ниже, стр. 92—93: «Sie (Konstantin und Method) brachten nicht nur die ins Slawonische übersetzten Evangelien dahin (nach Mähren) mit, sondern sie mussten auch schon mit dem Messbuche (Liturgiarion) und dem Stundenbuche (Horologion, Часословъ,) versehen seyn.... Wenn nun nach dem Zeugnisse des bulgarischen Mönches Chrabr in seiner Schrift von den slawonischen Buchstaben (о писменехъ) Konstantin der Philosoph das Alphabet im Jahre 855 (wo nicht vielleicht schon *vor der chasarischen Mission, doch gewiss einige Jahre vor der Reise nach Mähren*) erfunden und die ersten Uibersetzungen unternommen, so geschah diess zum Behufe der Slawen, die zwischen Konstantinopel und Thessalonich wohnten und die Bulgaren berührten, von wo aus sich die slawo-

nische Liturgie und Literatur allmählich weiter, endlich bis an die Donau und über die Donau verbreitete. Daher ist der im Nestor Kapitel X. eingeschobene Bericht, nach welchem der Ursprung der slawonischen Literatur nach Mähren versetzt wird, ganz und gar nicht richtig. Und es ist allerdings zu billigen, dass die neue russische Legende (Житіе въ печатной Четьи-Минен, по его мнѣнію, новѣйшаго происхожденія, по тому что источники его были ему и многимъ другимъ до нашего времени неизвѣстны) hierin von diesem Berichte abweicht, und dafür annimmt, *Konstantin habe vor der Sendung nach Mähren das slawonische Alphabet zu Konstantinopel erfunden, und mit solchem die griechischen Bücher zu übersetzen angefangen*. Стало быть, Добровскій, судя по всѣмъ етѣмъ выпискамъ, хотя и пустилъ въ ходъ новое мнѣніе о времени изобрѣтенія Славянскихъ письменъ, оперши его на Сказаніи Храбра, однако жъ, утверждалъ оное не безусловно, по тому что не разъ ослаблялъ такое предположеніе другимъ соображеніемъ, по коему ето могло случиться либо передъ отбытіемъ Константина въ Козары, либо послѣ возвращенія его оттуда, и при томъ за нѣсколько лѣтъ до отъѣзда въ Моравію. А посольство къ Козарамъ онъ допускалъ, основываясь на словахъ Ассемани (II, pag. 371), въ то время, когда Петронъ, возвратясь отъ Козаръ, къ коню посланъ былъ, по прошенію ихъ кагана, Греческимъ императоромъ, для построенія столицы, Саркела, присовѣтовалъ отправить въ Херсонъ отдѣльнаго начальника, что и было возложено на него самаго, 840 года. Съ нимъ, будто, Константинъ посланъ былъ для проповѣди Евангелія. Такое мнѣніе Ассемани и Добровскій легко могли допустить, не зная настоящее года рожденія Константина, который сдѣлался намъ извѣстнымъ только изъ показанія Паннонскаго Житія его, гдѣ читаемъ, что онъ на 7-мъ году началъ учиться грамотѣ, на 14-мъ осиротѣлъ по смерти отца, а на 24-мъ отправленъ былъ для состязанія съ Сарацинами о Вѣрѣ къ князю ихъ, Амерману: все ето говоритъ, что онъ родился въ 827 году, слѣдовательно, долженъ былъ бы по 13-мъ г. проповѣдывать Козарамъ (840), а Сарацинамъ въ 851, и при томъ послѣ Козаровъ, что явно противорѣчитъ какъ упомянутому Житію его, такъ и прочимъ свѣдѣніямъ о немъ. Если бы Добров-

скій не увлекался предубѣжденіемъ противу Житія Кирилла и Меѳодія въ нашей печатной Четьи-Миней, сравнивая послѣднюю въ достоинствѣ съ Acta SS. Католиковъ, кажется, больше вопреки Шлѣцеру, чрезвычайно, какъ извѣстно, цѣнившему ее и поставившему далеко выше послѣднихъ, то бы легко могъ избѣгнуть такой лѣточислительной несообразности, по тому что въ етомъ Житіи сказано также и о началѣ ученія его по 7-мъ году отъ рожденія. Зная же это, равно какъ и годъ кончины Кирилла, который Добровский довольно близко означалъ (868), легко уже было найти и самый годъ его рожденія, стало, и годъ путешествія въ Козары и т. п. (149). По тому, изобрѣтеніе грамоты Славянской слѣдовало бы отнести, по крайней мѣрѣ, къ 12-му году жизни Константина (839), что, очевидно, нелѣпо. Второе же предположеніе, т. е., что она изобрѣтена имъ за нѣсколько лѣтъ до отъѣзда въ Моравію, слишкомъ неопредѣленно; по всей вѣроятности, онъ тутъ разумѣлъ 855-й годъ; иначе, не сталъ бы указывать на него по Сказанію Храбра о писменехъ. Сличая приведенное имъ мѣсто изъ етого сказанія въ сочиненіи «Кириллъ и Меѳодій» съ помѣщеннымъ въ Азбукѣ, изд. въ Вильнѣ 1621 и у Бурцова въ Москвѣ 1637, равно какъ у Новикова и Калайдовича, открываемъ, что мѣсто ето выписано Добровскимъ изъ Букваря: «Начало ученія дѣтемъ», который, по его словамъ, далеко древнѣ названныхъ, по тому что напечатанъ, будто, въ Вильнѣ 1575—1580, и уцѣлѣлъ только въ одномъ экземплярѣ, принадлежащемъ маіоратской библіотекѣ графовъ Ностицевъ въ Прагѣ, а не изъ Древней Россійской Вивліюэки, изд. Новиковымъ (М. 1791, изд. 2-е), части XVI-й, или разныхъ рукописей, какъ полагали то нѣкоторые (150). Сдѣсь сочиненіе ето означено: «Сказаніе, какъ состави Св. Кириллъ Философъ азбуку». Но и изданіе найденнаго Калайдовичемъ списка Храброва Сказанія было ему извѣстно, какъ ето видно изъ его отзыва о томъ въ «Mährische Legende von Cyrill und Method» (стр. 75—76), хотя онъ и не употребилъ его нигдѣ въ дѣло.

Шаткость мнѣнія Добровскаго касательно года изобрѣтенія Славянскихъ письменъ, основаннаго на Сказаніи черно-

рица Храбра, по видимому, устранена была счастливо и навсегда *Шафарикомъ*, который, принимая доводы его, подкрѣпилъ ихъ еще новыми соображеніями. Разбирая жизнь и дѣйствія нашихъ апостоловъ, Шафарикъ, естественно, долженъ былъ обратить особенное вниманіе и на нашъ вопросъ. Нѣсколько разъ разсуждаетъ онъ о времени изобрѣтенія Славянскихъ письменъ: именно, прежде всего, по поводу рѣчи о крещеніи Болгарскаго государя, Бориса: «Славяне Греціи задолго уже до Кирилла и Меодія были крещены и употребляли Греческое письмо, точно такъ, какъ Славяне Хорватскіе, Хорутанскіе и Чешскіе Латинское, обращенные тоже въ Христіанство еще до Меодіева апостольства. Сюда принадлежитъ и то, также, что Константинъ, по самому достовѣрному свѣдѣтельству Храбра и Сербскихъ лѣтописей, составилъ Славянскую азбуку еще въ 855 году, и началъ переводъ чтеній изъ Евангелія и Посланій, между тѣмъ какъ обращеніе Булгаръ случилось только въ 861-мъ г. Отсюда слѣдуетъ, что упомянутый благовѣстникъ, при началѣ своего дѣла, имѣлъ въ виду не Булгаръ, но Славянъ въ Греціи, все еще и тогда не совсѣмъ утвердившихся было въ Вѣрѣ и, можетъ быть, коегдѣ придерживавшихся язычества» (151). Далѣе, въ Отд. IX-мъ «О Мораванахъ и Словакахъ (§. 41, ч. 6): «Зная хорошо, съ какой пользою употребляли свой родной языкъ въ дѣлахъ, относящихся къ Вѣроисповѣданію, Армяне, Ибры, Сирияне, Копты и другіе Восточные народы, отличавшіеся языкомъ отъ Грековъ и имѣвшіе свои храмы даже въ самомъ Царьградѣ, не говоря уже ничего о древнихъ Бессахъ и Готахъ на Западѣ, Константинъ рѣшился сдѣлать участниками етого благодѣянія и самыхъ Славянъ. Съ етой цѣлью составилъ онъ, 855 года, Славянскую азбуку, совершеннѣйшую въ своемъ родѣ, въ основаніе коей положилъ Греческое письмо, прибавивъ къ нему нѣсколько новыхъ, отчасти изъ упомянутыхъ языковъ, буквъ, и по томъ приступилъ, безъ отлагательства, къ переводу чтеній св. Евангелія, Посланій, Псалтыря и нѣкоторыхъ другихъ книгъ, необходимѣйшихъ при богослуженіи. Не только Греческіе и Булгарскіе Славяне приняли съ радостію предложенный имъ даръ, но также и самыя Уральскіе Булгары, въ то время нѣсколько уже осла-

вянившіеся въ Мизіи, смягчены были силою слова Божія, и Меѳодій лично крестилъ Булгарскаго князя, Бориса, въ 861 году. Такимъ образомъ, Славянское богослуженіе начало распространяться 855 — 862, прежде всего, между Греческими, а послѣ и Булгарскими, Славянами, граничившими на Дунаѣ у Пешта, подъ Матрой и Ягромъ и далѣе у рѣки Торисы, непосредственно съ Моравской державой знаменитаго Ростислава. Около 863 г. (а въ примѣч. 111, въ Отд. о Славянахъ Булгарскихъ, допускаетъ и 862 годъ) (152) князь Ростиславъ, вѣроятно, зная уже о переводѣ Богослужебныхъ книгъ для Греческихъ и Булгарскихъ Славянъ, просилъ императора Михаила прислать ему Славянскихъ учителей. Етогъ тотчасъ отправилъ къ нему въ верхнюю Моравію, Константина и Меѳодія съ ихъ помощниками». На послѣдокъ: «Представивъ, въ возможной краткости, сколько то было нужно для предлагающей цѣли нашей, очеркъ апостольскимъ трудамъ Константина и Меѳодія, остается теперь еще привести главные доводы,» — говоритъ Шафарикъ нѣсколько ниже, — «по чему мы, вмѣстѣ съ Добровскимъ, Востоковымъ и другими (153), полагаемъ начало Славянской литургіи въ Булгаріи, а продолженіе ея въ Моравіи. И такъ, древніе отечественные, а съ ними и иностранные, писатели единогласно (!) приписываютъ изобрѣтеніе Славянской азбуки старшему брату, Константину или Кириллу, относя составленіе ея къ 855 году. Булгарскій черноризецъ, Храбръ, свѣдѣтель, очень хорошо знакомый съ своимъ предметомъ и, по всему вѣроятію, принадлежащій къ X-му, или, по крайней мѣрѣ, XI-му столѣтію, такъ выражается объ етомъ (слѣдуетъ выписка изъ вѣстнаго мѣста изъ него о времени изобрѣтенія письменъ, по списку Лаврентія таха). Съ етѣмъ согласны также краткія Булгарскія и Сербскія лѣтописи и временники, единогласно (!) приписывающіе изобрѣтеніе азбуки и первый переводъ книгъ Константину. Такъ, въ одномъ, конца XV-го столѣт., читаемъ: «Лѣта 855 (855) написана соуть шша писмена Кирилломъ Философомъ, оучителемъ азбукоу Булгарскомоу, при царѣ Михаилѣ и матери его Феодорѣ». Въ другомъ Временникѣ половины XV-го стол., написано: «Лѣта 855 (855) Константинъ Философъ, глаголетимъ Кирилъ, оустроилъ писмена Словенскомоу азбу-

ков». Подобнаго рода рукописей сравнилъ я около пятнадцати. Въ нѣкоторыхъ стоитъ ошибкой *ѣѣ* (852) вм. *ѣѣѣ* (855), что, разумѣется, произошло отъ недосмотра переписчика, считавшаго послѣднее число (г) слогомъ —го слова шестидесятаго (*ѣ*, съ титлой сверху, какъ нерѣдко пишется), и, по тому, выпустившаго его (154). Въ переводѣ на Рускій сочиненія Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій» помѣщенъ такой же отрывокъ изъ рукописи Хронографа 1494 г., въ коемъ тоже 6303 вм. 6363, какъ это замѣтилъ уже и Добровскій на полѣ въ своемъ извлеченіи (теперь въ Чешскомъ Музеѣ находящемся). Годъ 855-й Добровскій считаетъ истиннымъ (ссылка въ примѣчаніи на сочиненія Добровскаго, т. е., «О Кириллѣ и Меѳодіи,» стр. 43 подлин., 30 Руск. перев., и «Моравск. Сказаніе» стр. 53, 92, приведенныя мною уже въ своемъ мѣстѣ). Съ показаніями Славянъ согласны, также, и показанія Латинцевъ. Современникъ и, гораздо лучше сбивчиваго Зальцбургца, знакомый съ ходомъ дѣла, папа Іоаннъ VIII-й, прямо называетъ, въ посланіи своемъ къ Святополку, 880 года, Константина творцемъ Славянскаго письма. Не меньше ясно и важно свѣдѣтельство Сазавскаго черпоризца, приписывающаго составленіе Славянскихъ письменъ тоже св. Кириллу. Слѣдовательно, возраженіе, представляемое безыменнымъ Зальцбургцемъ, считающимъ Меѳодія творцемъ азбуки (чего, однако же, онъ прямо не говоритъ), и называющимъ ее новой, также Солинскаго Собора 1059, осудившаго буквы еретика Меѳодія, какъ Готскія (можетъ быть, это мѣтитъ уже на письмена Глагольскія, вѣроятно, изобрѣтенныя тогда въ Далмаціи и подсунутыя Меѳодію), вовсе неосновательно, какъ опирающееся на грубомъ и очевидномъ невѣжествѣ, или лжи етѣхъ показателей». Далѣе, Шафарикъ доказываетъ другое мнѣніе Добровскаго, что азбука эта изобрѣтена Греками (Кирилломъ и Меѳодіемъ по рожденію), въ Греціи, и при томъ для Славянъ Греческихъ, въ Константинополѣ: «Изобрѣтеніе и составленіе азбуки сдѣлано Греками, въ Греціи, и именно, вѣроятно же всего, въ Царьградѣ, для Греческихъ Славянъ. Доказательствомъ тому: Греческія буквы, взятыя въ основаніе, присоединеніе новыхъ письменъ изъ языковъ: Коптскаго, Еврейскаго, Армянскаго и т. д., а больше всего право-

писаніе , составленное по образцу Греческаго , Армянскаго и т. п. Составленіе азбуки Меѳодіемъ , при пособіи Латинскихъ помощниковъ , въ 870 году , по смерти Константина , въ Моравіи , землѣ , уже прежде ознакомившейся съ Латинскимъ письмомъ , приняло бы совершенно иное направленіе и произвело бы инья слѣдствія». По томъ доказывается , что Константинъ , послѣ изобрѣтенія азбуки , тотчасъ началъ переводить Евангеліе и Посланія на Славянскій: «По древнѣйшему и достовѣрнѣйшему свѣдѣтельству Іоанна , ексарха Болгарскаго , Итальянскаго Сказанія , составленнаго Гавдерикомъ , и другихъ , Константинъ немедленно , по составленіи азбуки , приступилъ къ переводу чтеній св. Евангелія и Посланій для Славянъ въ Греціи и Булгаріи . И точно , къ чему жъ бы онъ ее составилъ? Зачѣмъ бы , составленной въ 855-мъ году , не употреблялъ до самаго 869? Вѣдь Греческіе Славяне , принявшіе Христіанство (688 г.) , писывали уже до него Греческими буквами? Но такъ какъ это шло не совѣмъ удачно , то , по тому , возвышенный учитель составилъ для нихъ другую , полнѣйшую , совершеннѣйшую , азбуку . Это засвѣдѣствовано Іоанномъ , ексархомъ Болгарскомъ (приводятся его слова : «Ποικίλοϋτο» и проч.); то же самое говоритъ и древнѣйшее Итальянское Сказаніе о жизни Константина , именно , что онъ принесъ въ Моравію съ собой уже готовый переводъ св. Евангелія . Въ Кирилловскомъ Житіи по рук. XIII-го стол. (у. Калайдовича Іо. Екс. Б. , стр. 90) , въ Синаксаряхъ и Минеяхъ по древнѣйшимъ рукописямъ и изданіямъ , всюду называется Константинъ «пръвѣмъ оучителѣмъ Словѣнскихъ книгъ , пръвѣмъ оучителѣмъ Словѣнскоу азбуку» , что означаетъ не только творца азбуки , но , вмѣстѣ съ тѣмъ , и писателя и толкователя слова Божія . Этой заслуженной славы безсмертнаго мужа , основанной на одногласномъ (!) показаніи всего Христіанства , отъ папы Іоанна VIII-го , 880 года , до нашего времени , ни какъ не отнять неопредѣленнымъ выраженіемъ невѣжественнаго Зальцбургца , равно какъ и несправедливымъ рѣшеніемъ Солинскаго собора» (1059). За симъ Шафарикъ распространяетъ о томъ , что переводъ Богослужебныхъ книгъ , начатый Константиномъ и продолженный братомъ его , Меѳодіемъ , и Булгарскими помощниками , предпринять былъ для Славянъ Гре-

ческих и Булгарскихъ, что, по его словамъ, не только само собою въ природѣ вещей, но и подтверждается достовѣрнымъ показаніемъ цѣлой древности. «Невѣроятно, чтобы оба братья спѣшили съ переводомъ Св. книгъ въ далекія чужія земли, не подѣлившись прежде съ туземными Славянами, своими родичами, нуждавшимися въ этомъ и все еще, по недостатку въ книгахъ и ученіи, возвращавшимися въ язычество. Къ этому они имѣли и время и случай, по тому что до того еще путешествовали у Булгарскихъ Славянъ, а Меѳодій лично крестилъ князя ихъ, Бориса, 861 года. Апостольство же ихъ въ Булгаріи засвѣдѣтельствовано продолжателемъ Константина Багрянороднаго, Скилицей, Кедринимъ, жизнеописателемъ свят. Климента, Дуклянцемъ, черноризцемъ Градиштскимъ, Моравскимъ Сказаніемъ и Сказаніемъ о св. Людмилѣ (выписка изъ Житія Климента о составленіи азбуки). Сличая съ етѣми древними и разительными показаніями показаніе Нестора, полагающаго составленіе азбуки въ Моравіи и отправляющаго Константина, на оборотъ, изъ Моравіи въ Булгарію, видимъ, что онъ, какъ далекій житель, ошибся. Славянская литургія распространялась не изъ Моравіи въ Булгарію, но изъ Булгаріи въ Моравію, своимъ естественнымъ путемъ». А что языкъ перевода Свящ. книгъ Константиномъ и Меѳодіемъ есть Булгарскій, то это засвѣдѣтельствовано какъ жизнеописателемъ св. Климента и Градиштскимъ монахомъ, такъ равно и самымъ свойствомъ языка древнѣйшихъ Кирилловскихъ рукописей, который, очевидно Древнебулгарскій (исчисляются нѣкоторыя изъ етѣхъ свойствъ). Наконецъ: «Причина къ призванію, или побужденію къ отбытію въ Моравію, Константина и Меѳодія должна быть не иная, какъ только принесеніе письменъ и Богослужебныхъ книгъ, большею частью уже готовыхъ. Жители етой страны, до того принявшіе Христіанство, не понимали ничего изъ Богослуженія, совершавшагося у нихъ Баварскими священниками на Латинскомъ языкѣ, а по тому князь ихъ, слыша объ успѣхѣ Славянскихъ письменъ и Богослуженія въ сосѣдней Булгаріи, пригласилъ къ себѣ етѣхъ святыхъ мужей, твердо вѣря, что они несравненно больше сообщать ему и его народу, нежели сколько можно было ожидать того отъ Баварцевъ. Не будь етой увѣренно-

сти, не было бы и причины къ призванію ихъ. Разумѣется, къ этому примѣшались еще и другія второстепенныя причины: стремленіе къ тѣснѣйшему соединенію съ Византійскимъ императоромъ противъ Нѣмцевъ, главныхъ своихъ непріятелей, и прочее, тому подобное. Да и Константинъ и Меѳодій не посмѣли бы вступить въ зѣмлю, наполненную уже Нѣмецкими духовными, если бы не имѣли въ готовности большихъ даровъ и благодѣянія, чѣмъ етѣ соперники и противники ихъ. Это въ природѣ вещей и не противорѣчитъ вѣроятности, да и подтверждается показаніемъ древнѣйшихъ свѣдѣтелей, въ особенности Итальянскимъ Сказаніемъ, прямо увѣряющимъ, что Константинъ принесъ въ Моравію уже готовый переводъ Евангелія. Вступивъ въ нее, по приглашенію ли, или же сами по себѣ пришли изъ Булгаріи къ сосѣднимъ Славянамъ, уже расположеннымъ къ принятію ихъ, Константинъ и Меѳодій прожили тамъ безвыѣздно съ 863 по 870-й годъ, въ коемъ послѣдній, въ годину грозныхъ усобицъ, удаллся въ Паннонію къ Блатенскому князю, Коцелу, гдѣ и ввелъ тоже Славянское Богослуженіе, а послѣ прекращенія бури снова возвратился въ Моравію и скончался въ ней 885 года. Множество писателей, являющихся въ Булгаріи тотчасъ по смерти Константина и Меѳодія, частью даже до разрушенія Моравскаго Государства Уграми и вскорѣ послѣ того, особенно въ X и XI-мъ стол., показываютъ, что начало Славянской письменности въ ней значительно предшествовало позднѣйшему опустошенію Моравіи и Панноніи, а по тому вѣроятно, чтобы эта письменность въ Булгаріи такъ рано и такъ далеко распространилась, если бы Константинъ и Меѳодій не ввели ее въ оную еще въ 855—863, т. е., до своего отбытія въ Верхнюю Моравію. Даже можно полагать, что она и сдѣсь, какъ въ Моравіи, безъ этого начала скоро бы, при тогдашнихъ церковныхъ замѣшательствахъ, заглохла и, вѣроятно, совершенно исчезла» (155).

По всему, казалось, что и этому мнѣнію суждена была блистательная будущность, даже въ большей степени, чѣмъ предшествовавшему. И точно, чего недоставало ему для того? Знаменитость именъ основателя и утвердителя его, пользовав-

вшихся извѣстностью и довѣріемъ, исполнѣ заслуженными, между соплеменниками и иноплемениками въ такой мѣрѣ, въ какой никто до нихъ не могъ похвалиться тѣмъ; новость и свѣжесть самаго мнѣнія, его вѣроятность, не только не уменьшавшаяся при ближайшемъ углубленіи въ него, наоборотъ, еще возраставшая и даже обращавшаяся въ убѣжденіе; а основаніе, на которомъ построено это мнѣніе, исполнѣ оправдывало предположенія о древности написанія его новѣйшими открытіями. Словомъ, все пророчило ему завидную судьбу, множество послѣдователей, а, со временемъ, и всеобщее довѣріе. И, однакоже, послѣдователей въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ съ той поры, какъ оно было высказано въ первый разъ (1823), или 15-ти, какъ утверждено, по видимому, неотразимыми доводами, нашлось, сколько мнѣ извѣстно, только нѣсколько, безусловно принявшихъ его, но ничего не сдѣлавшихъ, съ своей стороны, въ пользу оного. Изъ нихъ три Славянина, а одинъ Нѣмецъ, хотя въ землѣ, наполненной Славянами. Еще за годъ (1836) до появленія четвертой тетради (листы 31—46, въ половинѣ марта) «Славянскихъ Древностей» (1837), Шафарика, *Палацкій*, историографъ Чешскихъ государственныхъ чиновъ, въ I-й части своей «Исторіи Чехіи», писанной на Нѣмецкомъ языкѣ («Geschichte von Böhmen»), повторилъ мнѣніе Добровскаго, но съ тѣми видоизмѣненіями, какія находимъ въ упомянутомъ сочиненіи Шафарика (156). Объясненіе стому—въ предисловіи послѣдняго къ своему творенію (157). Когда, семь лѣтъ по томъ, обращено было вниманіе на Паннонскія Житія Кирилла и Меодія статьей о нихъ въ «Москвитянинѣ», переведенной и помѣщенной въ 1846 году, по Чешски, въ Журналѣ Чешскаго Музея (стр. 5—33), то, согласуясь съ етѣмъ новымъ источникомъ, историографъ Чешскій хотя многое перемѣнилъ въ своей «Исторіи народа Чешскаго» («Dějiny národu českého»), писанной на Чешскомъ языкѣ и явившейся въ 1848, противу сказаннаго имъ первоначально въ томъ же сочиненіи по Нѣмецки (158), однако, мѣсто о годѣ составленія Славянскихъ письменъ оставлено по прежнему, съ тою разницею, что высказано только по Чешски, и при томъ почти въ подстрочномъ переводѣ: «Wichtig aber und vor allem anziehend musste es dabei für die slawischen Christen werden, dass Cyrill für

ihre Sprache eine eigene Buchstabenschrift — daher Cyrillitza genannt — erfand 855, welche alle die mannigfaltigen Laute dieser Sprache, bis auf ihre feinsten Schattirungen herab, mit wunderbarer Präcision, Klarheit und Vollständigkeit bezeichnete; und dass er, nachdem zu seiner Zeit von den macedonischen Slawen gesprochenen Dialecte, sowohl die heilige Schrift als auch die Kirchenbücher in Slawische zu übersetzen anfang» (S. 120). «Pro Slowany ale ještě wážnější a zajímavější musela býti zásluha ta, že Cyrill, wynalezew r. 855 zvláštní litery, — po něm *cyrillici* zwané, jenž wšecky rozmanité zwuky jazyka slowanského až do těch nejjemnějších rozdílů podiwnau určitostí, jasností a auplností značily, písma swatá i knihy církewní do téhož jazyka, podlé nářečí tehdaž u macedonských Slowanůw užíwaného, překládati byl počal» (str. 138). Что до году посольства Ростиславова къ императору Михаилу, то оно отнесено имъ къ 862-му: «Také Rostislawa Morawského donesla se powěst o tom, co u jižných Slowanůw, u Bulharůw a Chazarůw se bylo stalo. I bud' ze sama toliko potřeba zdárnějšího a důkladnějšího naučení, bud' ze spolu i žádost ho pobádala, wstaupíc do trwalého a důwérného s Byzantinci spolčení, wymaniti se i w této příčině od Němců: wždy jisté jest, že usilowal zjednati národu swému dobrodiní díla tak wýtečně apostolského. Wyprawiw poselstwí do Konstantinopole, 862, požadal cisáře Michala o slowanské učitele; neb ačkoli národ jeho již byl přijal křest od kněží německých, však pro nedostatek u wyučowání ještě křest'anstwí bylo do mysli jeho se newstípilo. Císar Michal radost maje z poselstwí toho, wyprawil k Morawanům oba slawné bratří samy, potřebami na cestu hojně je opatřiw. Tímto spůsobem dostawše se Cyrill a Methodius s učedlníky swými do Morawy, dowršili zde blahočinné dílo swé. Překlad slowanský písem swatých a potřebných knih církewních jimi tu dokonán, a w částém po wšech krajích říše Morawské cestowání hlásáno slovo boží lidu w řeči jeho vlastní», и прочее. Изъ Рускихъ первый повторилъ мнѣніе Добровскаго и Шафарика о годѣ составления писемъ М. А. Максимовичъ, въ «Исторіи Руской Словесности», вышедшей въ Кіевѣ 1839, гдѣ такъ выразился о томъ: «Въ 855-мъ году Константинъ

составилъ Словенскую азбуку. Вскорѣ за тѣмъ онъ, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, началъ въ Царѣгородѣ перелагать Богослужебныя книги на Словенскій языкъ, и потомъ распространять на семь языкѣ: ученіе и служеніе Христовой вѣры между Словенами Греческими и Болгарскими. Меѳодію принадлежитъ обращеніе въ Христіанство Болгарскаго Царя Бориса и его Бояръ, совершенное 861-го года, посредствомъ картины Страшнаго Суда. Около 863 года, въ слѣдствіе просьбы Моравскаго Князя Ростислава къ Царю Михаилу, Кирилль и Меѳодій перешли въ Верхнюю Моравію, съ Климентомъ и другими учениками своими, и распространяли тамъ Богослуженіе на языкѣ Словенскомъ, и проч. Въ другомъ мѣстѣ, именно въ главѣ X-й, разсуждая «О писменности Словенской вообще, и древней Руской въ особенности», подъ статьей: «О писменахъ Кирилловскихъ», еще разъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Что изобрѣтателемъ оной (Словенской азбуки) былъ нашъ первоучитель Кирилль, это не подлежитъ сомнѣнію, по единогласному о томъ свидѣтельству многихъ древнихъ писателей (Іоан. Екз. Болгарскаго, Храбра, Нестора, Священника Дюклейскаго), и по самому названію азбуки *Кирилловскою* или *Кириллицею*. Временемъ ея составленія, — у Храбра, также у лѣтописцевъ Сербскихъ и Болгарскихъ, — положительно назначается 6363 годъ отъ сотворенія міра, т. е., 855 годъ отъ Р. Х.; слѣдственно 8-ю годами прежде, чѣмъ Словенскіе учителя отправлялись въ Моравію» (около 863 г.) (159). Черезъ 6-ть лѣтъ послѣ «Исторіи древней Руской Словесности», остановившейся на первой книгѣ (до поры Татарскаго погрома), появилась другая «Исторія Русской Словесности, преимущественно древней», въ видѣ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ стѣнахъ Московскаго Университета, профессоромъ ея въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Казалось, особенное счастье улыбнулось нашей старинной письменности, когда два профессора ея, на двухъ, совершенно противоположныхъ, концахъ Руси, занялись изложеніемъ судьбы оной; но, къ сожалѣнію, оба они остановились почти на одномъ и томъ же порогѣ. Какъ бы то ни было, только сочинитель послѣдней, представляя историческій очеркъ судьбы нашего слова и произведеній его, 3-ю бесѣду посвятилъ Церковно-

славянскому языку и отношенію его къ прочимъ родственнымъ нарѣчіямъ, преимущественно Рускому. Приступая къ задачѣ, своей онъ, прежде всего, предлагаетъ вопросъ: «Отъ рѣчи устной мы перейдемъ къ рѣчи письменной и спросимъ: когда нашъ народъ началъ писать и откуда онъ заимствовалъ первоначальную грамоту?» Переходя же къ рѣшенію, замѣчаетъ, что, «рѣшая етотъ вопросъ, мы не можемъ отдѣлится нашихъ предковъ отъ ихъ соплеменниковъ, потому что первоначальныя преданія у насъ сходятся», и, за тѣмъ, приводить разныя извѣстныя показанія о томъ, были ли у Словенъ письмена въ язычествѣ; итогомъ было убѣжденіе, что «письма вразумительнаго мы не имѣемъ: оно начинается у насъ въ Христіанствѣ. Откуда же ведетъ начало грамота, нами теперь употребляемая? Чтобы рѣшить етотъ вопросъ, мы должны перенестись въ девятое столѣтіе, къ нашимъ соплеменникамъ, Словенамъ Болгарскимъ и Чешскимъ. Отъ нихъ мы приняли ету грамоту и черезъ тысячу лѣтъ ее сохранили». Тутъ слѣдуетъ перечисленіе ученыхъ, трудившихся надъ разработкой источниковъ (отечественныхъ и иностранныхъ) объ етомъ вопросѣ, и по томъ оговорка: «Не вдаваясь въ подробности изслѣдованій, которыя не входятъ въ мой предметъ, постараюсь предложить одни *полныя выводы, какъ они представляются моеѣ мысли*» (стр. 131). Изложивъ очеркомъ исторію Константина и Меѳодія (по статьѣ: «О Кириллѣ и Меѳодіи», помѣщенный въ Москвитянинѣ 1843 г., кн. 6-я) до возвращенія перваго изъ путешествія къ Козарамъ, замѣчаетъ: «Въ Царьградѣ соединился онъ опять съ своимъ братомъ, Меѳодіемъ — и тогда, оба вмѣстѣ, обратили они вниманіе на Словенскій народъ, простиравшійся по всей Греціи и Болгаріи. По большей части онъ былъ окрещенъ, но, по недостатку священныхъ книгъ на языкѣ народномъ, возвращался снова къ идолослуженію. Въ Болгаріи управляли имъ еще языческіе Государи. Между тѣмъ другіе народы около Византіи и далѣе: Армяне, Иверійцы, Сиріане и даже Готы на Западѣ, совершали богослуженіе на языкахъ отечественныхъ. Константинъ замыслилъ оказать то же благодѣяніе и Словенскому племени. Сорокъ дней постился онъ передъ совершеніемъ сего подвига. Должно было сочинить азбуку. Какъ

же онъ поступилъ? Двадцать четыре буквы Греческаго языка, благозвучнаго и художественнаго, были недостаточны для того, чтобы воспринять въ себя все разнообразіе, всю полноту звуковъ языка Словенскаго. Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть для того къ алфавитамъ другихъ племенъ. Иные думаютъ, что онъ ограничился для этой цѣли письменами Греческими, Еврейскими и Латинскими, удовлетворяя предразсудку нѣкоторыхъ учителей Западной Церкви, хотѣвшихъ этими тремя языками ограничить Богослуженіе для всѣхъ народовъ. Но такой предразсудокъ не существовалъ въ Византіи, едва начинался въ Римѣ — и не нужно было Константину прибѣгать къ такой хитрости. Скорѣе согласимся съ Добровскимъ, что мудрый изобрѣтатель Словенской азбуки, принявъ въ основу письмена Греческія, за другими же недостававшими обратился къ письменамъ Восточнымъ: Еврейскимъ, Армянскимъ и Коптскимъ. Средства у него были. Византія, кромѣ духовныхъ сношеній, и политическія вела на письмѣ тѣхъ народовъ, съ которыми сносилась. Соборная Софійская Библіотека, конечно, могла предложить Константину грамоту всѣхъ племенъ, тогда писавшихъ. Сорокъ четыре буквы потребовалось для того, чтобы выразить всѣ отгѣнки Словенскаго языка. *Въ 855 году, эти звуки были начертаны: черезъ десять лѣтъ мы будемъ праздновать тысячелѣтіе нашей грамоты.* Чѣмъ болѣе ученые вникали въ нее и вникаютъ, тѣмъ болѣе изумлялись и изумляются премудрому ея составленію». Приводятся слова Шлёцера, обращенныя имъ къ Константину и Месодию, какъ изобрѣтателямъ Славянскихъ письменъ (въ Несторѣ, гл. X), и по томъ слѣдуетъ отвѣтъ на вопросъ: «Что же первое предложено было съ Греческаго языка на Словенскій Константиномъ и Месодиемъ? — «Искони бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово; се бѣ искони у Бога». — Вотъ первыя слова, написанныя на языкѣ почти нашемъ: — ими Церковь благовѣствуетъ въ праздникъ Воскресенія Спасителя, выражая основную мысль Христовой Вѣры; — это слова Апостола Любви, который возлежалъ на персяхъ у Христа и которому Спаситель, умирая на крестѣ, поручилъ Мать Свою. Старѣе этихъ словъ не имѣетъ наша грамота. Когда предложено было благовѣстіе отъ Іоанна,

Константинъ и Меѳодій показали Царю, Патріарху и всему Собору, и всѣ о томъ съ радостію прославили Бога. За тѣмъ переведены были: все Евангеліе, Апостолъ, Литургія, Псалмы и всѣ необходимыя Богослужебныя книги. Греческіе и Болгарскіе Словене съ восторгомъ приняли даръ Слова Божія на языкъ народномъ отъ своихъ Первоучителей. Въ 861 году Меѳодій крестилъ Болгарскаго Царя, Бориса. Такимъ образомъ, отъ 855 до 862 года, Словенская литургія распространилась сначала у Словенъ Греческихъ, потомъ Болгарскихъ, которые по берегамъ Дуная, къ сѣверу, граничили съ другими своими соплеменниками. Между тѣмъ, Моравскіе Словене приняли крещеніе отъ Римской Церкви; но Римъ не имѣлъ преимуществъ Византіи, не заключалъ въ своихъ нѣдрахъ племенъ Словенскихъ и чуждался благой мысли: распространять и утверждать Божіе Слово черезъ народное. До Моравовъ доходятъ слухи о томъ, что братья ихъ соплеменники совершаютъ Богослуженіе на языкъ вразумительномъ. Западный расколъ, хотя уже тогда готовился, но еще не совершился. Потому, Моравскій Князь Ростиславъ, въ 863 году, могъ обратиться къ Императору Михаилу и просить его, чтобы онъ прислалъ для его народа Словенскихъ учителей. Михаилъ отправилъ къ нему немедленно Константина и Меѳодія съ другими помощниками, и проч. (стр. 134—138). Теперь очередь выслушать Нѣмца. Г. *Vattenbach*, въ своихъ «*Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen*», явившихся въ 1849 году (въ Вѣнѣ), составивъ, по случаю изданія найденнаго имъ одного посланія папы Стефана V-го къ Великоморавскому князю, Святополку (*Epistola Stephani Pape ad Zwentopolcum regem*), о коемъ сказано было мною выше, Жизнеописаніе Константина и Меѳодія, преимущественно по иностраннымъ источникамъ, и увѣряя, что оно въ цѣломъ очень сходится съ Паннонскими Житіями обоихъ братьевъ, сообщенными ему въ переводѣ по статьѣ «Москвитянина» В. В. Ганкой (S. 33—34), такъ выражается о нашемъ предметѣ: «Die slavische sprache kennen zu lernen hatte Konstantin sowohl in Thessalonich, wie in Konstantinopel vielfache gelegenheit; eine alte überlieferung setzt die erfindung der nach ihm genannten buchstaben in das jahr 855. Von geschichtli-

cher seite sehe ich keinen grund zu zweifeln , und dasz dem Konstantin der ruhm dieser erfindung gebührt, ist durch das ausdrückliche zeugniz Johaanns VIII in dem briefe an Methodius vollkommen sicher gestellt» (S. 7).

Больше не знаю, кто бы имѣлъ храбрость выступить съ Храбровымъ показаніемъ о годѣ составленія Славянскихъ письменъ. Новый, неожиданный, переворотъ произведенъ въ 1843-мъ году, когда напечатаны были выписки изъ Паннонскихъ Житій. Я уже замѣчалъ выше, что етѣ Житія вовсе не новость какая либо, что они хорошо были извѣстны нашимъ предкамъ, доказательствомъ чему ихъ списки, довольно не рѣдкіе, идущіе, сколько нынѣ извѣстно, съ самага XII вѣка, которыми и пользовались составители нашихъ рукописныхъ и печатныхъ Четій-Миней, равно какъ и новѣйшіе писатели, ссылавшіеся на етѣ послѣднія (Шлѣцеръ, Евгений, Калайдовичъ, Новицкій, Максимовичъ и др.), или же на письменные списки (въ Эрмитажномъ Иаборникѣ 1076 г., Мацѣвскій въ «Исторіи Первобытной Христіанской церкви у Славянъ», ссылающійся на Житіе Кирилла и Меводія по рукописи библіотеки Львовскаго монастыря св. Онуфрія, доставшейся изъ Сербской Хиландарскоѣ Лавры, подъ №-мъ 41-мъ, и составленой Рускимъ, судя по извѣстіямъ о власти Тверскихъ и Кіевскихъ князей и за Карпатами, слѣдовательно, ето, по Шафарику, списокъ Львовскій 2-й позднѣйшаго вѣка) (160). Но то обстоятельство, что выписки изъ сихъ Житій представлены были человекомъ, который хорошо изучилъ ихъ и, слѣдовательно, по всѣмъ требованіямъ строгой критики, при томъ сопровождалъ нѣкоторыми основательными замѣчаніями, объясняющими многое темное и сомнительное въ нихъ, выписки по спискамъ, не подлежащимъ ни какому сомнѣнію и доступнымъ повѣркѣ каждаго, и, главное, какъ источникъ, а не второстепенное свѣдѣтельство, или же передѣлка, степень достовѣрности коей нельзя опредѣлить, ето обстоятельство произвело нечаянный поворотъ въ исторіи вопроса о годѣ составленія Славянскихъ письменъ. Говорю, поворотъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и переворотъ, по тому что, въ сущности, съ этого времени замѣчаемъ въ новѣйшихъ изслѣдователяхъ обращеніе къ мнѣнію Паджи и Добнера, хотя на основаніяхъ, совершенно отличныхъ отъ

оснований, представленныхъ ими, и совершенно независимо отъ сихъ послѣднихъ. Самъ находчикъ или объявитель сихъ Житій ничего не сказалъ о годѣ появленія нашей азбуки, выразившись о томъ неопредѣленно, или вѣрнѣе, частью словами самыхъ Паннонскихъ Житій, частью же перифразомъ ихъ (стр. 417—419). Первый, воспользовавшійся выписками изъ хорошо извѣстныхъ когда-то, но въ новѣйшее время совершенно забытыхъ было, такъ называемыхъ, новооткрытыхъ Паннонскихъ Житій Кирилла и Меводія, былъ сочинитель весьма замѣчательной во многомъ «Исторіи Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра», вышедшей черезъ три года по объявленіи оныхъ (выписокъ), то есть, 1846 года. Сдѣсь, приступая къ изложенію «Исторіи Христіанства собственно въ царствѣ Русскомъ», сочинитель, въ особомъ вступленіи къ ней, разсматриваетъ проповѣдь Славянскихъ апостоловъ въ Болгаріи и Моравіи, въ особенности же переводъ ими Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій. Уже въ оговоркѣ своей, по чему онъ считалъ нужнымъ въ Исторіи Руской Церкви распространиться объ этомъ событіи, совершившемся собственно внѣ ея, намекаетъ на то, каковъ будетъ взглядъ его и на вопросъ о самомъ времени перевода и, необходимо условіи его, изобрѣтеніи особенныхъ для него письменъ. «Прежде всего скажемъ о переводѣ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ,—говоритъ онъ,—скажемъ по тому, что хотя переводъ сей совершенъ не у насъ, но онъ точно такъ же принадлежитъ и намъ, какъ прочимъ нашимъ братьямъ—Славянамъ, для которыхъ первоначально совершенъ; онъ принадлежитъ намъ нынѣ даже болѣе, нежели многимъ изъ нихъ, которые, будучи отторгнуты отъ Церкви Православной, давно уже лишены счастья слышать Богослуженіе на родномъ языкѣ; скажемъ прежде всего по тому, что переводъ сей совершенъ въ то именно время, когда въ новообразовавшееся царство Русское едва начинали проникать первые лучи святой вѣры, и, безспорно, явился лучшимъ предуготовительнымъ средствомъ къ скорѣйшему распространенію ея въ нашемъ отечествѣ» (стр. 186). Всматриваясь же въ то великое событіе (переводъ Св. Писанія и Богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ), обратившее на себя въ наци

особенно дни справедливое вниманіе, авторъ замѣчаетъ, что «въ немъ достопримѣчательно для насъ все: и обстоятельства событія, и самое событіе, и его послѣдствія». Далѣе приступая къ обзорѣню обстоятельствъ, «первый вопросъ и важнѣйшій есть вопросъ *о времени*»,—говоритъ онъ,—«когда положено начало сему славному переводу» (161). Разобравъ мнѣніе отомъ, «были ли у Славянъ еще съ первыхъ вѣковъ какой-либо переводъ хотя нѣкоторыхъ книгъ священныхъ», замѣчаетъ: «все, что можно придумать въ пользу такой мысли, очевидно, ведетъ только къ предположеніямъ, и притомъ очень шаткимъ, не представляя ни одного *прямоу* доказательства. Между тѣмъ какъ съ другой стороны есть рѣшительныя доказательства, которыя говорятъ, что переводъ Свящ. Писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ въ первый разъ совершенъ именно *въ концѣ девятого вѣка* св. Кирилломъ и Меодіемъ. Донынѣ уцѣлѣли, хотя въ позднѣйшихъ спискахъ, современныя жизнеописанія сихъ святыхъ братьевъ, составленныя ихъ учениками. И что же? Въ обоихъ жизнеописаніяхъ повѣствуется, что первыми изобрѣтателями Славянскихъ буквъ, первыми предлагателями священныхъ книгъ на Славянскую рѣчь, первыми учителями *Словенску языку* были св. Кириллъ и Меодій» (стр. 193—194). За симъ приводятся мѣста изъ Паннонскихъ Житій о составленіи нашей азбуки, по томъ вычисляются прочіе показатели объ етомъ, изъ современниковъ: Папа Іоаннъ VIII-й и неизвѣстный сочинитель записки объ обращеніи Хорутанцевъ, а изъ прочихъ: Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, жизнеописатель Климента, Епископа Болгарскаго, сочинитель Сказанія объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей Климента, Папы Римскаго, равно какъ и сочинитель Сказанія о Чешской Княгинѣ Людмилѣ, черноризецъ Храбръ, Несторъ, Дюклейскій священникъ, Проложное Житіе XIII-го в., Блэубейернская (Моравская) Легенда, и другія. Приведши свидѣтелей, сочинитель прибавляетъ, что «сомнѣваться въ достоверности о св. Кириллѣ и Меодіи, какъ первыхъ предлагателяхъ Слова Божія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ, при такомъ множествѣ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, было бы, конечно, или легкомысліемъ, или намѣреннымъ упорствомъ» (стр. 198). Послѣ такихъ точныхъ замѣчаній о

принадлежности Кириллу и Меѳодію первоначальнаго перевода Св. Писанія и нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ, читаемъ слѣдующее, прямо относящееся къ изслѣдываемому нами вопросу: «Для насъ, въ частности, Русскихъ, во время перевода св. Кирилломъ и Меѳодіемъ священныхъ книгъ на Славянскій языкъ, достопримѣчательно еще то, что оно, по началу своему, едва ли не въ точности, совпадаетъ *со временемъ основанія нашею отечества*. Въ одной Западной легендѣ (Блаубейернской) говорится, что св. Кириллъ и Меѳодій, прибывши въ Моравію, подвизались здѣсь *четыре съ половиною года*, что подтверждаетъ и гораздо древнѣйшая Западная легенда о перенесеніи мощей св. Климента; потомъ, по требованію Папы Николая I-го, отправились въ Римъ, гдѣ не застали его уже живымъ, а встрѣчены были преемникомъ его, Адрианомъ II-мъ, который, какъ извѣстно, вступилъ на святительскій престолъ 14-го Декабря 867 года. Отсюда справедливо заключаютъ, что время прибытія Солунскихъ братьевъ въ Моравію надобно полагать въ первыхъ мѣсяцахъ 863 года. Но такъ какъ изъ *другихъ источниковъ* (древнѣйшаго рукописнаго житія св. Кирилла и нашей Чети-Миней) мы знаемъ, что св. Кириллъ съ Меѳодіемъ изобрѣли Славянскую азбуку, и начали переводить Евангеліе отъ Іоанна еще въ Царьградѣ, предъ отправленіемъ своимъ въ Моравію: то и должно относить *начало перевода священ. книгъ къ 862 году*, когда началось и Царство Русское. Слѣдовательно, *чрезъ какіе ни будь семнадцать или шестнадцать лѣтъ Россія будетъ праздновать двойной тысячелѣтній юбилей и своего существованія и перевода Слова Божія на ея родное слово*. А въ примѣчаніи (388), слѣдующемъ къ этому, читаемъ: «Впрочемъ полагать съ *рѣшительностію* этотъ годъ началомъ перевода св. книгъ было бы не совсѣмъ основательно. Ибо, тогда какъ въ упомянутыхъ Западныхъ легендахъ время пребыванія св. Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, до отправленія ихъ въ Римъ, распространяется на четыре съ половиною года, въ нѣкоторыхъ Славянскихъ сказаніяхъ оно болѣе или менѣе сокращается; наприм. въ печатной Чети-Миней ограничивается только четырьмя годами съ небольшимъ, въ древнемъ рукописномъ Житіи св. Кирилла—сорока мѣсяцами, а въ

такомъ же Житіи св. Меѳодія—только тремя годами. Въ послѣднемъ случаѣ время прибытія ихъ въ Моравію едва ли не справедливѣе отнести къ 864, а начало перевода къ 863. И, слѣдовательно, на основаніи всѣхъ разныхъ показаній, *съ достовѣрностью* можно сказать только, что это начало положено *около 862 года* (стр. 199—200). Такимъ образомъ, расчетъ времени, сдѣланный тутъ, сдѣланъ вовсе не на показаніи одной какой-либо Легенды, наоборотъ, на показаніи какъ ея, такъ еще больше на совокупномъ соображеніи показаній, преимущественно писанныхъ на языкѣ отечественномъ, то есть, Четьи-Минеи и Паннонскихъ Житій, изъ коихъ первая составляетъ въ этомъ случаѣ переходъ отъ Западныхъ къ Восточнымъ источникамъ (и употреблена была уже для того Евгениемъ, Новицкомъ и др.), а послѣднія — совершенную противоположность къ первымъ. Вычисленіе Паджи, касающееся, въ сущности, только прибытія Константина и Меѳодія въ Моравію, ихъ пребыванія въ ней и отсюда, обратной посылкой, отправленія Ростиславова посольства по нимъ къ Греческому императору, подтверждается, въ основѣ своей, свѣдѣтельствомъ новыхъ источниковъ и, что особенно важно, къ нему прибавленъ выводъ и о составленіи писемъ, правда, первоначально уже внесенный митрополитомъ Евгениемъ, опиравшимся въ томъ на слова Четьи-Минеи, источники коей, означенные вообще, были не совсѣмъ ясны для многихъ, но здѣсь, по уясненіи ихъ, выдвинуты на первое мѣсто.

Почти въ одно время съ «Исторіей Христіанства въ Россіи до Владиміра» явилось небольшое, но въ высокой степени важное, сочиненіе: «Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители», принадлежащее тоже, какъ и предыдущее, лицу духовному, Преосвященнѣйшему Филарету, епископу Харьковскому (прежде Рижскому). Видно, что наши ученые пастыри съ любовію идутъ во слѣдъ незабвенному митрополиту Евгению, оказавшему столь памятные, столь безцѣнные, услуги нашей гражданской и церковной Исторіи. Оно было прислано въ Общество исторіи и древностей Россійскихъ и читано мною въ засѣданіи его ноября 30-го дня, 1846 года, и, вскорѣ за тѣмъ, напечатано въ декабрской книжкѣ (IV-ой)

«Чтеній», бывшихъ въ то время подъ моимъ завѣдываніемъ, какъ секретаря Общества. Сочиненіе его, главнѣйш образомъ, распадается на двѣ части: на очеркъ жизни нашихъ просвѣтителей (стр. 1 — 15), и розысканіе о сочиненіяхъ и переводахъ ихъ (15 — 28; сюда же относится и «Дополненіе», помѣщенное въ V-й книжкѣ «Чтеній», стран. 29 — 30). Обѣ части сопровождаемы многими примѣчаніями, глубоко вводящими читателя въ сущность дѣла. Къ нашему вопросу принадлежатъ слѣдующія строки изъ первой части: «Едва возвратились Св. братья изъ этой (Хазарской) миссіи (относимой сочинителемъ къ 858 году), какъ въ концѣ 862 года Славяно-Паннонскіе Князья, Ростиславъ, Святополкъ и Котель, не имѣя истиннаго учителя своему народу (хотя Латинскіе священники и были у нихъ), а еще болѣе того чувствуя нужду слышать на родномъ языкѣ богослуженіе и ученіе о вѣрѣ, просили Императора Михаила и Патріарха Фотія прислать къ нимъ нужныхъ для нихъ учителей. Кого же и избрать было для сего, какъ не благочестивыхъ и образованныхъ урожденцевъ Солуны? Св. Кирилль, понимая и важность перевода Св. книгъ на народный языкъ, и трудность дѣла, съ благоговѣйнымъ приготовленіемъ сдѣлалъ первый опытъ перевода. Царь и Патріархъ радовались рѣшимости благочестивыхъ братьевъ на великій подвигъ и послѣдили отправить ихъ. На семъ пути Меѳодій успѣлъ произвестъ перемѣну въ Болгарскомъ Царѣ, Борисѣ, такъ что тотъ не только самъ принялъ крещеніе, но и рѣшился бороться съ языческимъ упорствомъ своего народа. Въ Моравіи Кирилль и Меѳодій съ усердіемъ Апостольскимъ совершили дѣло, для котораго были призваны,—обучали дѣтей, устраивали богослуженіе, то и другое на Славянскомъ языкѣ.... Четыре года съ половиною (съ 862 по 867 г.) Кирилль и Меѳодій исполняли Апостольское распоряженіе Восточнаго Патріарха во славу имени Христова» (стр. 3—6). Правда, что тутъ годъ составленія нашихъ писемъ прямо не указанъ, но, судя по приуроченью Ростиславова посольства къ 862 году и отнесенію перевода Св. книгъ на народный языкъ въ слѣдствіе этого посольства, ясно, что они, по мнѣнію сочинителя, явились въ это время. Вообще сочинитель считаетъ изобрѣтеніе азбуки Славянской такимъ из-

вѣстнымъ и безспорнымъ дѣломъ, что переходя къ слову о письменныхъ трудахъ Константина и Меодія, находить даже не нужнымъ распространяться о томъ: «Желая говорить за тѣмъ о письменныхъ трудахъ Славянскихъ просвѣтителей, не будемъ говорить о дѣлѣ *извѣстномъ*, объ изобрѣтеніи Св. Кирилломъ азбуки Славянской; замѣтимъ только, что трудъ сей, важный самъ по себѣ, получаетъ особенную важность въ связи его съ дѣломъ вѣры; въ семъ послѣднемъ видѣ своемъ онъ есть плодъ той Апостольской мудрости, какою отличались и отличаются распоряженія Церкви Восточной; это есть первый шагъ къ великому дѣлу проповѣдниковъ, но который уже доказываетъ, какого духа проповѣдники» (стр. 14 — 15).

Открытіе Паннонскихъ Житій, искусное извлеченіе изъ нихъ въ исторической послѣдовательности, сопровождаемое, какъ я уже не разъ замѣчалъ, весьма остроумными примѣчаніями, а также обработка извѣстій о жизни нашихъ апостоловъ лучшими знатоками и ревностными воздѣлывателями нашей Церковной исторіи на основаніи какъ етѣхъ извлеченій, такъ равно и непосредственномъ знакомствѣ съ самыми Житіями въ ихъ полномъ составѣ по нѣкоторымъ спискамъ, съ тѣхъ поръ обратившихъ на себя вниманіе владѣвшихъ ими, все это, вмѣстѣ взятое, не могло не произвести вліянія на образъ возрѣнія, между прочимъ, и на разсматриваемый теперь вопросъ даже тѣхъ лицъ, которыя, казалось, сказали уже свое послѣднее слово о немъ, установившееся, наконецъ, однажды навсегда, послѣ долгихъ собственныхъ розысканій и самыхъ тщательныхъ соображеній. Я разумю здѣсь въ особенности знаменитаго *Шафарика*. Любя истину больше всего, онъ не колебался ни на мгновеніе отказаться отъ своего мнѣнія о годѣ составленія нашихъ писемъ, которое подкрѣпилъ было, какъ видѣли уже, 10 лѣтъ передъ тѣмъ, такими важными доказательствами, обѣщавшими, по видимому, совершенное преобладаніе мнѣнію его надъ всѣми прочими. Только такіе люди способны въ дѣлахъ, столько близкихъ къ нимъ, на такое высокое самоотверженіе, поднимать, такъ сказать, сами на себя руку, или, что одно и то же, на твореніе своихъ рукъ.

Впрочемъ , иначе и быть не могло съ Шафарикомъ: не въ первый уже разъ показалъ онъ намъ, пишущей и роющей-ся въ архивной пыли братиш , такой прекрасный примѣръ. Мы помнимъ еще хорошо, какъ онъ въ своихъ «Славянскихъ Древностяхъ» откровенно сознался въ ошибочности своего взгляда на происхождение Сарматовъ, будто бы родственныхъ Сербамъ , какъ это доказывалъ прежде въ сочиненіи своемъ «Ueber d. Abkunft der Slawen» (Ofen 1828), между тѣмъ, въ 1837 году, пересмотрѣвъ еще разъ етотъ предметъ строго, нашелся вынужденнымъ отказаться отъ прежняго своего мнѣнія: «И сочинитель егѣхъ изслѣдованій (о Славянскихъ древностяхъ),— говоритъ онъ—(162), въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій смѣшалъ было, по крайней мѣрѣ, по имени Мидскихъ Сарматовъ съ Виндскими Сербами и, слѣдовательно, хотя неумышленно, но все же содѣйствовалъ нѣсколько къ утвержденію ложнаго мнѣнія о сродствѣ Сарматовъ и Сербовъ. А по тому, тѣмъ болѣе обязанъ онъ позаботиться сдѣсь о томъ, чтобы, сколько можно, исправить вредъ, нанесенный такимъ промахомъ, и вывести изъ заблужденія какъ себя, такъ и другихъ, слѣдуя въ етомъ извѣстному изреченію древняго поэта: «Una manus nobis vulnus oreque ferat» (Ovid.). Да, повторяю, высокій примѣръ для всей, вооруженной перьями, «книжнои уади», не слишкомъ довѣрять себѣ и собственнымъ своимъ мнѣніямъ и предположеніямъ, по тому только, что они наши, кровь и сокъ нашъ. Развѣ не смѣшно думать, что мы, де, только непогрѣшимы, у насъ однихъ только и находится ключъ къ дверямъ, ведущимъ въ храмъ истины? Что насъ уполномочиваетъ на такія высомѣрныя мысли о себѣ, своемъ умѣ? Вѣдь не одни мы ищемъ правды, стало быть, нельзя же думать, чтобы всѣ прочіе соискатели, извѣстные и неизвѣстные намъ, принадлежали исключительно къ породѣ узколобыхъ? «Neminem decet consiliis adeo nitі propriis»,— говаривали въ старину въ школахъ, — «ut non cedat alienis». Но тѣмъ, кто водится въ етомъ случаѣ противоположными правилами, вѣрять больше въ себя во всѣхъ отношеніяхъ жизни, тотъ, рано, поздно, принужденъ будетъ сознаться въ своемъ заблужденіи, отъ самоувѣренности и самопоклоненія происшедшемъ, если только въ немъ человѣческая при-

рода не совсѣмъ еще огрубѣла, дошла до степени, такъ сказать, окаменѣнія, тотъ принужденъ будетъ сказать съ Римскимъ пѣвцемъ: «*Neu patior telis vulnere facta meis!*» (*Ovid., Hor.*). Шафарикъ, однако, не принадлежитъ къ разряду этого рода людей, и, по тому, судя по прежнему и вообще по его свойствамъ, напередъ сказать было можно, что онъ не замедлитъ и въ нашемъ вопросѣ тотчасъ же отступить отъ прежняго своего мнѣнія и присоединиться къ тому, какое указываютъ новооткрытые памятники. И точно, въ 1848-мъ году, въ 1-й книжкѣ 1-й части Журнала Чешскаго Музея (*Časopis českého Museum, dílu prvního svazek první*), издаваемого въ Прагѣ, явилась статья Шафарика: «*Rozkwět slowanské literatury w Bulharsku*», немедленно мною переведенная и напечатанная въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» (кн. VII-я), подъ заглавіемъ: «Разцвѣтъ Славянскои письменности въ Булгаріи», по читана была сочинителемъ въ королевскомъ Чешскомъ Ученомъ Обществѣ 25 ноября, 1847 г. нов. счисл. Статья эта представляетъ краткій, но чрезвычайно замѣчательный, обзоръ происхожденія письменности у Славянъ Булгарскихъ по новѣйшимъ даннымъ, изъ коихъ почти всѣ, принадлежащія до памятниковъ, находящихся въ Россіи, только что открытыхъ и печатаемыхъ, либо и прежде извѣстныхъ, но вполне приготовляемыхъ къ печати, взяты имъ изъ его переписки со мной (какъ я сказалъ уже разъ выше). Въ ней Шафарикъ много исправляетъ изъ прежнихъ своихъ мнѣній, въ томъ числѣ и мнѣніе о времени составленія Славянскихъ писемъ. Оно изложено имъ тотчасъ за очеркомъ жизни нашихъ первоучителей, принявшей, по собственнымъ его словамъ, теперь, въ слѣдствіе открытія совершенно новыхъ или, по крайней мѣрѣ, забытыхъ и мало извѣстныхъ, жизнеописаній, гораздо большій противу прежняго объемъ и отчасти новыи видъ (163). Вотъ его мнѣніе, въ подлинникѣ и моемъ Рускомъ переводѣ: «*Základ ke staroslowanskému písemnictví položen Cyrillem w Carhradě, nejpodobněji na konci l. 861 nebo na začátku l. 862, sestavením písma čili abecedy a přeložením čtení Sw. Ewangelium: w tom nejstarsí slowanská legenda o Cyrillowi od Klimenta a nejstarsí latinská od Gauderika zároveň jsau shodny* (Legend. slow. kap. XIV; Acta SS. M. Mart. 20. §. 7).

Dílo dokončeno w běhu čtyr let w Morawě přeložením hlawních tehdejších bohoslužebných čili liturgických knih, jakéž jsau, mimo *Čtení z ewangelií a epištol, Žaltár, Paremejnik, Časoslow, Služebnik, Trebnik a Oktoich Damaskina*. W této práci měli nemalé aučastenství bez pochyby i nejprvnější a nejpřednější učedníci Cyrilla a Methoda, zejména Kliment, Naum, Angelar, Sáwa, Gorazd, z nichž první rodilý Bulhar, poslední rodilý Morawan». «Начало Древнеславянской грамоты положено Кирилломъ въ *Царырадѣ*, по всему вѣроятію, въ концѣ 861, либо въ началѣ 862 года, именно составленіемъ письменъ или азбуки и переводомъ Чтеній изъ Евангелія; въ этомъ согласны какъ древнѣйшее Славянское Сказаніе о Кириллѣ, сочиненное Климентомъ, такъ равно и такое же древнѣйшее сказаніе Латинское, писанное Гавдерикомъ. Начатое дѣло кончено въ теченіе четырехъ лѣтъ на Моравѣ переводомъ главныхъ, въ то время употреблявшихся, богослужебныхъ или литургическихъ книгъ, каковы, кромѣ *Чтеній изъ Евангелія и Посланій, Псалтырь, Парамейникъ, Часословъ, Служебникъ, Требникъ и Октоихъ Дамаскина*. Въ этомъ трудѣ, безъ сомнѣнія, принимали не малое участіе также первѣйшіе и лучшіе ученики Кирилла и Меодія, именно: Климентъ, Наумъ, Ангеларъ, Савва и Гораздъ, изъ коихъ первый родомъ Булгаръ, а послѣдній Мораванъ» (163).

Надобно замѣтить, однако же, что Шафарикъ въ этомъ случаѣ, собственно говоря, возвратился только къ первоначальному своему мнѣнію, высказанному имъ еще въ его «*Geschichte der slawischen Sprachen und Literatur nach allen Mundarten*. Ofen, 1826», мнѣнію, конечно, тогда больше опиравшемуся на одномъ лишь предположеніи, нежели соображеніи, всѣхъ, къ нему относящихся, обстоятельствъ. Но не разъ уже повторяли, что часто простая догадка свѣтлой и многособъемлющей головы попадаетъ не меньше въ цѣль, какъ и самыя точныя, обширныя и совѣстливныя розысканія; что послѣднія не разъ блистательно подтверждали смутныя предчувствія истины, заключавшіяся въ первыхъ. И хотя послѣ, столкнувшись съ мнѣніями противоположными, но подкрѣпленными надлежащимъ числомъ до-

водовъ, расположенныхъ въ строгомъ порядкѣ и, по видимому, естественной связи между собою, случается поддаться обаянію мнимой учености, однако, когда наступитъ пора собственнаго изслѣдованія, невольно возвращаемся къ прежнимъ нашимъ, такъ названнымъ нами же самими, безотчетнымъ гаданіямъ, и съ изумленіемъ, въ первый разъ, замѣчаемъ, какъ много было въ нихъ вѣрнаго, хотя и высказаннаго, статья можетъ, темно, неопредѣленно, очеркомъ. Такъ и Шафарикъ, излагая дѣятельность нашихъ благовѣстниковъ, выразился было, почти 30 лѣтъ передъ тѣмъ, слѣдующимъ образомъ о нашемъ предметѣ: «Nach seiner Zurückkunft von der chazarischen Mission schickt der mährische Fürst Rastislaw zwischen 861 — 863 seine Gesandten an Ks. Michael, und bittet sich einen Lehrer aus, von dem sein Volk lesen lernen, und in dem christlichen Gesetze vollkommener unterrichtet werden könnte. So nach einer Legende, die die Bekehrung der Bulgaren ganz übergeht; allein wenn auch die Gesandtschaft aus Mähren an Ks. Michael nicht etwa eine blosse Ausschmückung seyn sollte, so ist doch aus andern Berichten mehr als wahrscheinlich, dass Constantin und Method vor ihrer Abreise nach Mähren an der Bekehrung der Bulgaren arbeiteten. Um sich mehr Eingang zu verschaffen, erfand Constantin, wo nicht schon zu Constantinopel, doch gewiss in der Bulgarei, die slawonische Schrift, und übersetzte das Evangelium u. s. w. Die Erfindung des slawischen Gottesdienstes musste natürlich auch bei andern slawischen, schon eher getauften, Völkern den Wunsch erregen, solche Lehrer zu erhalten. Diess gab Anlass, sie nach Mähren einzuladen, es möge nun durch eine Gesandtschaft an Ks. Michael, oder auf eine andere Art geschehen seyn. Nun gehen Constantin und Method 863 nach Mähren. Man nimmt sie mit Freuden auf. Vier und ein halbes Jahr bleiben sie daselbst, predigen und richten den Gottesdienst in slawischer Sprache ein» (164). Очевидно, составленіе Славянскихъ письменъ по етому мнѣнію Шафарика, произошло въ промежутокъ 861—863 года, по тому что посольство Ростислава, какъ онъ думаетъ, было только слѣдствіемъ желанія получить учителей, «яже къ ны въ свои думы истотоу крстоу Христовоу снахалъ» (Жит. Кирилла), т. е., когда

молва о проповѣданіи Христіанства въ сосѣднихъ юговосточныхъ земляхъ, на языкѣ народонаселенія ихъ, дошла и до Моравскаго князя: «*Philosopho autem reverso Constantinopolim, audiens Rastislaus, princeps Moraviae, quod factum fuerat a Philosopho in Gazarorum provincia, ipse quoque genti suae consulens, misit ad praedictum Imperatorem nuncios hoc, quod populus suus ab idolorum quidem cultura recesserat et christianam legem observare desiderabat, verum doctorem talem non habeat, qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsos edoceat: rogare se, ut talem hominem ad partes illas dirigat, qui pleniter fidem et ordinem divinae legis et viam veritatis populo illi ostendere valeat*» (Leg. Gauder.) (165). Нужды нѣтъ, трудился ли Константинъ и Меѳодій надъ обращеніемъ Славянъ до прибытія Моравскихъ пословъ въ Византію, или нѣтъ; они могли явиться уже и въ слѣдствіе проповѣди ихъ у другихъ народовъ на языкѣ сихъ послѣднихъ, особливо у Козаровъ, сосѣдей Моравцевъ, какъ о томъ именно говоритъ приведенное сейчасъ извѣстіе Итальянскаго Сказанія. Что сдѣлано для одного народа, то могло быть сдѣлано и для другаго, слѣдовательно, и для моего, заключалъ Ростиславъ. Тѣмъ болѣе это возможно было, если оба братья, или же, по крайней мѣрѣ (что, кажется, вѣроятнѣе), одинъ, возвратившись изъ Козаръ, занимался обращеніемъ Греческихъ и Булгарскихъ Славянъ. Тогда, слухъ о томъ, конечно, не могъ не дойти до Моравцевъ, какъ извѣстно, сосѣдившихъ съ владѣніями Булгаръ уже у Пешта на Дунаѣ. Въ эту пору обращенія Славянъ, какъ первую попытку, послѣ обращенія другихъ народовъ, когда не извѣстно было еще, какъ пойдетъ дѣло, не было настоящей нужды въ изобрѣтеніи письменъ для обращаемыхъ, какъ бы только для одного лишь опыта, точно такъ, какъ не нашли же оба они необходимымъ того и для Козаръ, не зная еще, каковъ будетъ успѣхъ предпринятаго ими. Стало быть, до Ростиславова посольства хотя бы кто изъ двухъ братьевъ и проповѣдывалъ уже Славянамъ на Фракійскомъ полуостровѣ, не было еще большой необходимости въ составленіи для нихъ особой азбуки: потребность ея вызывается, конечно, не первыми попытками, но очевидностью успѣха, осуществляемъ его, необходимостью въ ней большинства, массъ, а не

какихъ ни будь единицъ, какъ бы онѣ важны сами по себѣ ни были. По тому Шафарикъ правильно предполагалъ, говоря: если посольство Моравскаго князя дѣйствительно состоялось, а не есть пустая выдумка, то Селунцы наши, прежде, нежели пустились въ Моравію на проповѣдь, должны были заняться ею въ Булгаріи, что, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ источниковъ, въ самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто. Это и естественно, и сподручнѣе; при томъ, обращая чужихъ, далекихъ, какъ же не подумать было, кончивъ это, и о ближайшихъ, своихъ? Обращеніе это должно было имѣть хорошій успѣхъ, если о проповѣданіи ихъ узналъ и Моравскій князь; или, отвергая даже посольство, намѣреніе ихъ долженствовало быть довольно твердо и опираться на успѣхъ и виды на него несомнѣнные, если они рѣшились проникнуть далѣе на сѣверъ, въ Великоморавію, и тамъ попытаться то же произвести, что и въ сосѣдней Булгаріи. Ибо пребываніе ихъ у Моравцевъ засвѣдѣтельствовано самыми неопровержимыми источниками. А чтобъ рѣшиться на успѣхъ въ такомъ дальнемъ путешествіи, нужно было имѣть обезпеченіе въ немъ напередъ, разумѣю, нужно было имѣть успѣхи въ ближайшей землѣ. Впрочемъ, такъ ли, иначе происходило, только, замѣчалъ Шафарикъ, во всякомъ случаѣ еще до отправленія своего въ Моравію, Константинъ и Меѳодій вмѣстѣ, или же порознь, даже одинъ кто либо изъ нихъ, трудился уже въ проповѣданіи между Славянами Булгарскими, какъ увѣряютъ въ томъ тоже нѣкоторыя показанія древности, на примѣръ, Моравское Сказаніе: «Egressus vero venit primo ad Bulgaros (vel Vulgares), quos divina cooperatrice (alii «cooperante») gratia sua praedicatione convertit ad fidem» (166); и трудъ былъ, должно полагать, не напрасенъ, по тому что, пришедши къ Моравцамъ, они явились туда уже съ словомъ Божиимъ на языкѣ Славянскомъ, по единодушному свѣдѣтельству всѣхъ почти источниковъ; слѣдовательно, первый опытъ перевода сдѣланъ былъ, — заключаетъ Шафарикъ, — въ одномъ изъ двухъ мѣстъ: либо въ самомъ Царьградѣ, либо же навѣрное въ Булгаріи, а по тому, и азбука или письмена составлены тамъ же; стало быть, до прибытія въ Моравію и послѣ возвращенія изъ Козарской земли, другими словами, между 861 и 863-мъ

годомъ. Справедливость такого, такъ сказать, предварительнаго, умозаключенія, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, вполне оправдалась новѣйшими самаго умозаключавшаго и другихъ, независимо отъ него дѣйствовавшихъ, изслѣдованіями, произведенными въ разное время и подъ разными обстоятельствами.

Совершенно инаго мнѣнія о началѣ и времени Славянскихъ писемъ *Копитаръ*, *Венсливъ* и нѣкоторые изъ современныхъ намъ писателей.

Копитаръ былъ когда-то жаркимъ поклонникомъ знаменитаго Добровскаго, сочиненій коего не выпускалъ изъ рукъ своихъ даже въ послѣдніе дни жизни; однако, по смерти его, мало по малу, сталъ кое въ чемъ уклоняться отъ своего образца и, наконецъ, во многомъ совершенно разошелся. Это ни чуть не унижаетъ его, напротивъ, служитъ еще къ большому возвышенію, свѣдѣтельствуя о нѣкоторой своеобразности. Такъ, спустя 7-мъ лѣтъ послѣ кончины своего друга, какъ онъ любилъ повторять это, былъ изданъ имъ «Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi λεῖψανον foliorum XII membraneorum, servatum in bibliotheca comitis Paradis Cloz Tridentini. Vindobonae MDCCCXXXVI. fol.». Въ этомъ сочиненіи предпослано имъ «XXXIX Prolegomena», потомъ «Opus ipsum», переписанное Кириллицей («interpunctio codicis et distinctio editoris»), «graecum προλεγμενον Slavi interpretis, slavicae versionis interpretatio, et locorum biblicorum collatio»; далѣе «Epimetron, h. e. collatio interpretationis psalmi CIII, I—II, e codice sec. XI. glagoliticyrilliano, cum archetypo graeco ejusdem interpretationis, itidem inedito, e codd. Ambros. et Vindobonensi»; а въ заключение «Slavorum linguae sacrae Grammatica brevis et lexicon». Въ «Prolegomena» онъ выступилъ съ мнѣніемъ, совершенно противоположнымъ Добровскому, о древности Глагольскаго письма, утверждая, что оно если не старѣе, такъ ужъ ни чѣмъ не моложе Кирилловскаго: «Stat ergo firma sententia: literas Slavorum glagoliticas, quoad aetatem, esse saltim aequales cyrillianarum. An sint etiam antiquiores, nunc non est nostrum scrutari: sufficit

non videri recentiores» (pag. IV, col. 2). Въ этомъ, конечно, имѣя отрывокъ Глаголическаго памятника, по всему, древнѣйшаго тѣхъ, которые были извѣстны Добровскому и на основаніи которыхъ онъ относилъ появленіе Глаголитики къ первой четверти XIII-го столѣтія, Копитаръ осилилъ послѣдняго, хотя, по сию пору, не рѣшено еще окончательно, точно ли защищаемое имъ письмо не уступаетъ въ старинѣ Кирилловскому. Во всякомъ случаѣ, появленіе обѣихъ азбукъ, по его словамъ, современно; стало быть, опредѣливъ годъ одной, съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлимъ и годъ другой. Какой же именно этотъ годъ, Копитаръ ничего обстоятельно не говоритъ, и только въ одномъ мѣстѣ указываетъ на него, и то не безъ оговорки. Ревностный защитникъ правъ своей Церкви и верховнаго главы ея, онъ и тутъ, какъ во многихъ другихъ своихъ, явныхъ и тайныхъ, сочиненіяхъ, свелъ вопросъ чисто ученый на вѣромповѣдно-спорный. Пользуясь свѣдѣтельствомъ исторіи о пребываніи Константина и Меодія у Коцела, сталъ утверждать, что богослуженіе на Славянскомъ языкѣ въ первый разъ появилось сдѣсь, у Славянъ Паннонскихъ, иначе Хорутаянскихъ, а по тому языкъ напихъ Священныхъ книгъ, собственно, есть языкъ области князя Блатенскаго, стало, и письмена составлены и приспособлены, первоначально, для говорившихъ имъ и на его землѣ. Вотъ мѣста изъ его, упомянутаго выше, сочиненія, относящіяся сюда: «*Pannonici Slavi, olim primi linguae Slavorum sacrae auctores, hodie illius expertes sunt in ecclesia; latinam plerique colentes Missam, domi tantum utuntur vernacula; quae tamen, licet plus mille annis ieterlapsis, sacrae veteri et ipsi inter peregrinos plus minus mutatae etiam hodieque reliquarum omnium proxima et simillima permansit. Proximi his Bulgari, apud quos sec. X—XIII laetissime effloruerat S. Methodii lingua sacra, Serbis cessere locum, cumque his etiam veris in Dalmatia Croatis (nam qui nunc ita vocantur Zagrabienses, ad pannicos potius Slavos pertinent). Serbi et Croatae continuavere usque ad typographiae inventionem captamque a Turcis Constantinopolin. Ex eo vero tempore Russi, qui quamvis omnium novissime conversi, tamen statim ab initio officio quidem suo fecerant satis, in his reliquorum Graecorum et Slavorum graeci ritus angus-*

tiis, ipsi ex tuto speculati pedetentim et ecclesiae graecae et slavicae ejus ritus liturgiae curam tutelamque universam, una cum tanti patronatus fructibus amplissimis, nemine obstante, sibi vindicarunt» (Glagol. Cloz., pag. XII—XIII). Далѣе, сказавъ о мѣстѣ жительства Паннонскихъ Славянъ, простиравшихся когда-то отъ устья Савы до Адриатическаго моря и верховьевъ Дравы и Муры, продолжаетъ: «Certeque frequentissima cum indigenis et vicinis Christianis exercentes pacis commercia, pannonicum hi Slavi (partim tributarii, partim liberi), primi omnium Slavorum Christo nomen dederant, hocque Fortunae beneficio gloriam immortalem sunt adepti, *sua primum dialecto reddita Christianae fidei mysteria iisdem plane vocabulis Croatis primum (167), postea etiam reliquis omnibus Slavorum populis imperiendi*» (pag. XXX, col. 1). При этомъ ссыла на «Слованку» Добровскаго. Ссылка эта сдѣсь повторена только: выше, въ отдѣлѣ XII, озаглавленномъ: «Slavorum linguae sacrae origines», она приведена въ первый разъ послѣ самыхъ первыхъ словъ о томъ же предметѣ, именно, утверждая, что слова, относящіяся до Христіанскаго богослуженія, принадлежатъ, по мнѣнію самаго Добровскаго, Славянамъ Паннонскимъ: «Slavis omnino Pannoniis, utpote primis omnium christiana sacra amplexis, prima deberi rerum christianarum vocabula, sponte jam dudum agnoverat ipse Dobrovius (v. Slovanka A. 1814, I. 72); nec nisi cavillans (ut erat ingenio luxuriante animoque victae causae succurrere gestiente) postremo maluit in eremos et latibula nescio cujus veteris, nondumque commixtae dialecti serbo-bulgaro-macedonicae secedere (v. illius Cyrillum et Methodium, 1823, p. 131—133). Poterat ille quidem jure abnuere propositam a Russo Kalajdovič (in «Joanne Bulgariae exarcho, Mosquae 1824) dialectum moravicam: sed aequae debebat nimis bene fundatam primam suam sententiam de pannoniorum Slavorum primatu aut servare, aut melioriobus ipse argumentis evertere. Id quod nec fecit, nec puto potuisset facere. Nam ut taceamus, hodiernam sesquimillionis *reliquiarum* Pannoniae et Norici Slavorum dialectum, per varios casus, perque tot discrimina rerum, tamen hoc ipso adhuc die propius abesse a lingua sacra, quam aut reliquorum Pseudo-Illyriorum aut ipsorum Bulgarorum pessime a Dobrovio Illyriis accensitorum» (pag. XI). Нѣтъ сомнѣнія,

что въ нашъ, можетъ быть, мало признательный вѣкъ (не смотря на множество всякаго рода признаній, исповѣдей, и тому подобнаго, излагаемыхъ въ, такъ называемыхъ, запискахъ, посмертныхъ и досмертныхъ, большею частію скрывающихъ, нежели разоблачающихъ), всякое признаніе показываетъ, въ душахъ благородныхъ, признательность, а въ людяхъ съ противными свойствами, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ исправленію, если только они не совсѣмъ еще загубѣли (по тому что тогда это просто хвастовство тѣмъ, чего не слѣдуетъ выказывать); отъ того, читая приведенную ссылку Копитара на Добровскаго, сперва можно было бы подумать о первомъ, т. е., что онъ, указывая на нсе, хотѣлъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, указать на первопричину той мысли, вовсе не желая присвоить ее себѣ, но довольствуясь только второстепенной ролью, ролью разработчика ея. При позѣркѣ оказывается противное. Въ сборникѣ своемъ, названномъ «Слованкой» (Славянкой), и содержащемъ разнаго рода статьи, преимущественно критическія, по поводу чтенія различныхъ сочиненій и памятниковъ писанныя, Добровскій напечаталъ небольшое объясненіе Славянскихъ названій мѣсяцевъ, выписавъ ихъ изъ «Славенки» г. Ганке изъ Ганкенштейна, въ которой помѣщенъ былъ послѣднимъ разборъ одной старинной богослужебной рукописи (Будинъ, 1804, въ 4-ку), стр. 64, въ концѣ коей находится Синаксарь или Святцы. Заключая объясненіе свое, онъ говоритъ о трудности указать на землю и народъ, въ коей етѣ названія показались въ первой разѣ, и прибавляетъ, въ видѣ догадки: *Vermuthlich haben die raanonischen Slawen vom Kroatischen Stamme diese Namen erfunden, von welchen sie durch die Cyrillisch-liturgischen Bücher bis nach Russland gekommen seyn mögen*» (168). То ли у него? Что Добровскій не придавалъ етому мнѣнію своему особенной важности, служить доказательствомъ, во первыхъ, оговорка его, «*vermuthlich*», а во вторыхъ дальнѣйшія слова: «*Man hat sich aber eben nicht sehr an diese Namen gebunden, indem man von Zeit zu Zeit in andern Ländern wieder andere ausgesonnen hat*», чему тутъ же приводить и примѣры. Слѣдовательно, онъ не заслуживаетъ ни того упрека, который сдѣлалъ ему Копитаръ, за невѣрность самому себѣ (какъ будто писатели ужъ не могутъ ошибатъ-

ся, или, сказавъ , даже напечатать разъ , должны при томъ вѣчно оставаться), ни той чести, которою думалъ онъ почтить его , какъ первовиновника этой мысли; въ самомъ же дѣлѣ , умыселъ тутъ , очевидно , другой былъ , выражаясь словами всѣмъ извѣстной басни, то есть :

«Хозяинъ музыку любилъ».

Какъ тогъ уловкой старался заманить къ себѣ сосѣда своихъ доморощенныхъ пѣвчихъ слушать, такъ и онъ, указывая на первоисточникъ, конечно, мнимый, приводимой имъ идеи, имѣлъ въ виду сообщить ей тѣмъ хотя нѣкотораго рода значеніе, понимая хорошо, что славное имя всегда производитъ магическое дѣйствіе на толпу читателей, или слушателей, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Что это имѣлъ онъ въ виду, лучше всего показывать то обстоятельство, что ни разу не былъ пропущенъ имъ случай сдѣлать ссылку на его мнѣніе Добровскаго, какъ оно ни коротко и мало цѣнимо самымъ виновникомъ его. Тѣмъ не менѣе, опирался на него, какъ на скалу, Копитаръ, съ свойственной ему отъ природы смѣтливостью, продолжалъ, кстати и не кстати, утверждать одно и то же въ своихъ сочиненіяхъ, безпрестанно разнообразя только однѣ лишь формы выраженія. На примѣръ, въ томъ же *Glagolita Clozianus* и на томъ же мѣстѣ (Отдѣлъ XXIX, р. XXXI), продолжая далѣе свою рѣчь, говоритъ : «*Neque enim primo favore contenta bona Fortuna etiam A. 870 Methodium graecum ab ipsa Romana Sede Apostolica constitutum Pannoniae Archiepiscopum impulit, ut ad expungendos, tempore quidem temporisque jure potiores, sed et ferociores violentioresque, ideoque odiosos, e nova sua Metropoli Pannoniensi rivales Salisburgenses, «Slavind linguâ cantaret missam», exemplo in Occidentali ecclesia novo et inauditout A. 880 ipse Johannes papa VIII, iterumque A. 1248 Innocentius IV, mallent permittere novationem speciosissimi unicusque in Occidente privelegii, quam in periculum adducere salutem fidemque gentis in Europa omnium numerosissimae.... Sed nec hostes, Arnulphus Photiusque, interea dormiebant, paganos Hungaros hinc evocantes, illinc immitentes nefario scelere in novam Methodii segetem, sicque Bulgariam asserentes Graecis! Ita jurisdictioni quidem Romani pontificis tunc periit interius*

Illyricum; eodemque fato profugi pannonici S. Methodii libri sacri apud Bulgaros, Serbos et Croatas Dalmatasque, tandemque ipsos remotissimos Russos paratissimum quidem receptum habuere, imo et profectum ad nostra usque tempora continuatum: primae tamen *originis*, et *patriae sedis gloria* manet aeternumque manebit Slavis Pannoniis. In Pannonia enim, ipsaque Pannonicorum Slavorum dialecto, Christianorum minime recentium romanae ecclesiae, illiusque calendario utentium, liturgiam slavicam cepisse initia, praeter argumenta firmissima, quae jam §. XII attulimus, accidit testimonium luculentissimum Ostromiriani codicis, omnium hucusque vetustissimi, A. 1057, in cujus synaxario festum S. Silvestri papae assignatur ad d. pridie Kal. Jan., more occidentalis ecclesiae, cum orientalis illud assignet ad d. IV. Non. Jan.». Не прерывая нити выписокъ объ одномъ и томъ же его мнѣннн, я приведу всѣ ихъ тутъ же въ подрядъ, и по томъ уже обращаюсь къ его «*firmissima argumenta*». Въ Огдѣлѣ XXX: «*Dialectorum slavicarum cisdanubianarum contentio*», говоря о трехъ главнѣйшихъ изъ нихъ, замѣчаетъ, что «*Carantani omnes, Croatarum et Serborum major pars jam ducentis circiter ante SS. Cyrilli et Methodii adventum annis Christo nomen dederant, ope latinorum ex Italia potiusque Francia monachorum missionariorum. De Bulgaris certant Critici, utrum A. 861 an 863 — 865 acceperint baptismum; quamquam nostro quidem iudicio hoc proprie de Dominis Bulgaris est intelligendum, nilque impedit, quo minus subjecti illis Slavi et in Pannonia Savia et in Moesia jam antea, plus minus Christiani fuerint, vel tacente historia. Neque ipsa historia tacebit, si quis quaerat curiosius. In concilio Constantinopolitano A. 870 legati Bulgarorum confitebantur, populares suos, cum primum occupassent Moesiam, graecos ibi presbyteros invenisse. Urge sis quae hinc consequantur. Utcunque fuerit, sive a subjectis sibi Slavis Bulgari didicerint rerum christianarum vocabula, sive ea SS. Cyrillus et Methodius importarint e Pannonia, hoc certo est certius, esse necessario haec vocabula primitus profecta a Germanis, quippe ipsa germanicissima, deberique Slavis Carantanis utpote unis cis Danubium historia teste Germanorum catechumenis» (pag. XXXII). Етъ «*vocabula sacra Slavorum*», на которыя онъ столько на-*

пираеть тутъ, и которыя, по его убѣжденію, неопровержимо подтверждаютъ «*Pannoniæ* (liceat sic appellare pannonicam originem patriamque) linguæ Slavorum sacrae», суть: цѣръ Kirche; олтареъ Altar; хръсть et хръстити (recentius крѣсть et крѣстити) Christ et christen; постъ Faste; немъ phaph; немъ et немъ рѣch Alemannis sec. IX pro inferno; среда (medium) pro die mercurii cum Germanis, quibus est Mittwoch; цесарь francica medii aevi pronuntiatione Caesaris; itidemque оцъть acetum, aliaque id genus plane non potuisse proficisci nisi a populo Germanis et Italis vicinissimo, ab iisque primitus Christianismum edocto. Atqui hoc non nisi in Slavos Norici et Pannoniae (sive eos malis medii illius aevi vocabulo universim Carantanos appellare) quadrat, dudum Christianos uno pluribusve ante Methodium seculis» (pag. IX). Въ примѣчаніи къ отдѣлу XXIX прибавляетъ еще нѣкоторыя: «Etiam vocabula nonnulla succurunt, e Bavarorum aperte lingua in Slavicam sacram illata: немъ e phening germanico fecere Slavi, sicut немъ e chuning, et jam olim in Sarmatia оусраъ e gothico ausarings (inauris, hodie Ohrring). Vides germanicum g rite mutatum in ж, sequente ъ; idemque postliminio redire in немъ sequente ъ. Sic et немъ fecere e carmula, voce citata pro bavarica in Lege Bajuvariorum medii aevi; ubi itidem vides Slavum more suo praemittere consonantes (нр- pro car-) sicut facit in градъ, врада, средъ, золото, respondentibus germ. gard, bart, furt, gold etc.» (pag. XXXII). Ни мало не думая пускаться здѣсь въ подробное опроверженіе несостоятельности такого доказательства Паннонскаго происхожденія языка нашихъ Священныхъ книгъ, считаю достаточнымъ упомянуть только о нѣкоторыхъ.

Прежде всего выставлю на видъ то обстоятельство, что Житія Кирилла и Меодія, извѣстныя, по мѣсту ихъ написанія, подъ именемъ Паннонскихъ, рѣшительно противорѣчатъ такому мнѣнію, прямо относя составленіе Славянскихъ письменъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, переводъ Священнаго Писанія (конечно, не всего, но лишь извѣстной части его), еще во времени пребыванія обоихъ братьевъ въ столицѣ Греческаго Царства, и при томъ въ слѣдствіе предложенія самаго царя Михаила и Собора принять приглашеніе Великоморавскаго

государя объ отправленіи къ нему «оучителю, иже бы» народу его къ своимъ азукъ истощю вѣроу хрѣтльскоу снздалъ»; что, Константинъ, когда на него именно было указано, какъ на единственнаго, къ тому способнаго, мужа, послѣ отклоненія отъ себя стого предложенія за болѣзнію, соглашался на него, только подъ условіемъ, «аще имоуть боукы къ азукъ своимъ»; а когда императоръ отвѣтилъ отрицательно, и настаивалъ на своемъ, опровергая его возраженія и замѣчая, если только онъ согласится, Богъ непремѣнно дастъ ему искомое, «иже даятъ всьмъ, иже просать несоумнѣишь, и отерѣхаетъ тьлкоуфрнмъ», философъ, на послѣдокъ, уступилъ, «на молитвоу сѧ положи, и вскорѣ а имоу Бгѣ мѣи, послоушаша молитвы рѣчь своихъ, и акии сложи писмени, и яла всьдоу писати ѣтъскоу: испови къ слоко, и проуаш». Въ посланіи къ Ростиславу, Михаилъ, между прочимъ, тоже прямо замѣчаетъ, что шлетъ къ нему мужа, которому Богъ, видя вѣру твою, открылъ буквы: «и ичше къ яша аты, шель боукы къ яше азукъ, да и бы приулетесе велицяхъ азукъхъ. иже сзкати Бгѧ своимъ азукомъ, и то ти послахомъ того, мѣжа уьстна и благокрѣи, иижиаа улао и философъ». Въ Житіи Меѳодіа тоже самое и почти тѣми же выраженіями, только сжатѣе: «тѣгда не смьстасѧ ѳрции (Константинъ и Меѳодій) ни Бгѧ, ни чрѣ, но келно слышавъши рѣчь, на молитвоу сѧ положиша ... да тоу шен Бѣ философъ Словьскыи иингы, и акии оустроменъ писмени и всьдоу съставля, поути сѧ итъ Моравьскыго, помъ Меѳодіи». Противу такого прямаго, современнаго и туземнаго показанія, нельзя ничего возразить, по тому что здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать какой либо подлогъ; а если это такъ, то, безъ сомнѣнія, такое точное и непосредственное свѣдѣтельство въ прахъ обращаетъ всѣ наши недоумѣнія. Чтобъ сколько ни будь ослабить его, прежде всего нужно доказать намъ подложность, по меньшей мѣрѣ, несовершенство онаго, что едва ли возможно: въ такой высокой степени оба егѣ памятника проникнуты во всемъ своемъ составѣ подлинностью, дышатъ своимъ вѣкомъ и духомъ. «Знай Копитаръ сѧи памятники, навѣрно не сталъ бы доказывать противнаго». Можетъ быть; но, зная его и лично, и по сочиненіямъ, сомнѣваюсь, тѣмъ болѣе, что Житія Паннонскія, въ сущности своей, какъ замѣчено уже выше, суть источникъ,

давнымъ давно извѣстный нашимъ предкамъ; лучшимъ доказательствомъ тому служатъ различныя обработки ихъ, изъ коихъ послѣдняя извѣстна была уже Шлѣцеру, приходившему въ такое восхищеніе отъ нея и сдѣлавшему ее доступной всѣмъ изыскателямъ въ своемъ Несторѣ, слѣдовательно, и Копитару, не говоря уже о томъ, что въ земляхъ Православныхъ памятникъ этотъ всегда былъ доступенъ большинству въ «Книгѣ житій Святыхъ», составляющей то же самое для нихъ, что для Католиковъ «Acta Sanctorum» (169).

Довольно было бы и этого одного доказательства, но я остановлюсь нѣсколько на одномъ съ Копитаромъ полѣ, и разсмотрю его доводы, какъ бы вовсе не существовало только что приведеннаго мною противъ него неопровержимаго доказательства, чтобы показать, что и безъ этого послѣдняго, они не могутъ быть названы удовлетворительными. И точно, держась его мнѣнія, намъ придется отвергнуть всѣ показанія древности о мѣстѣ перваго появленія Богослуженія на Славянскомъ языкѣ и, неразрывно соединеннаго съ нимъ, составленія письменъ, изъ коихъ ни одно не указываетъ на его Паннонію. Не уже ли никому изъ цѣлой древности, въ теченіе тысячелѣтій, не могла прійти въ голову мысль считать эту страну колыбелью письменъ нашихъ, если бы представлялась тому хотя малѣйшая вѣроятность? Соглашаюсь, что человѣкъ необыкновенной остроты ума и силы сообразительной въ состояніи открыть присутствіе истины тамъ, гдѣ никому не снилось даже въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ; соглашаюсь и на то, что такой случай могъ имѣть мѣсто именно тутъ, и, однако же, я все таки позволяю себѣ спросить: какимъ же образомъ согласить тогда три, совершенно противорѣчающія одно другому, мнѣнія Копитара, изъ коихъ по первому: *Cyryllum et Methodium fratres, Slavorum linguam Pannonicae suae dioeceseos vernaculam adhibuisse etiam ad sacra, eamque scripsisse commodiore sibi, utpote Graecis, caractere graeco, assumtis e veteriore glagolitico, ignoti, ut in re veteri, auctoris, nonnullis signis sonorum Slavis propriorum* (XIII, pag. X.); по второму: «*Cyryllum pro sua ipsius commoditate ex illorum (sc. Slavorum cisdanubianorum glagolitarum) alphabeto nonnisi trientem adoptasse, reliqui bessis loco retentis*

commodioribus sibi graecis litteris simplicibus, aequivalentibus totidem simplicibus slavica» (Hesychii pag. 40); а по третьему: «Anno 870 Methodium.... ut.... Slavina lingua cantaret missam», exemplo in Occidentali ecclesia novo et inaudito? (Glag. Cloz. pag. XXXI). Последнее предположение подкреплено у него еще следующим примечанием: «Non temere arponimus A. 870, sed rite expensis omnibus rei adjunctis. Vetus Cyrillianorum traditio inventionem alphabeti cyrilliani assignat indictioni III, quae A. 870 aptissime respondet; A. 872 e Pannonia remeant Salisburgum presbyter Richbaldus, «ferre non valens contemptum missae latinae, noviter inventis slavicae litteris adornata missa vernacula»; metropolita Salisburgensis, hanc novationem sibi longe incommodissimam sine mora c. 873 detulerit Romam, cum 878 Johannem papam VIII videamus inhibuisse; nullum in Joh. VIII epistolis liturgiae Slavicae apud Bulgaros vestigium» etc. (pag. XXXI, not. 2). Какъ? Разъ Солунцы вдвоемъ изобрѣтають азбуку, на основѣ Греческой, какъ Греки, съ присоединеніемъ изъ Глаголицы, составленной неизвѣстнымъ, буквъ для выраженія тѣхъ именно звуковъ, для конхъ ибѣтъ въ первой знаковъ, то есть, собственно Славянскихъ, и употребляютъ етъ писмена при переводѣ Священныхъ книгъ на нарѣчіе Славянъ Паннонскихъ; въ другой—одинъ только Константинъ совершаетъ это, а въ третій—подвигъ сей отнесенъ лишь къ Меѳодію, и при томъ въ 870-мъ году? Слѣдовательно, когда онъ, по смерти Кирилла, возвратился къ Коцелу? Етого мало; ниже увидимъ еще два новыя предположенія его о началѣ той и другой азбуки, совершенно противныя тому, равно какъ и всѣмъ прочимъ, сейчасъ приведеннымъ выше, и самимъ себѣ. Рѣдко можно найти столько противорѣчій объ одномъ и томъ же предметѣ у одного и того же писателя, и при томъ именно въ одномъ и томъ же сочиненіи. Какую ни будь одну изъ стѣхъ несообразностей слѣдовало принять, но не оставлять ихъ одну подлѣ другой; а какъ етого не сдѣлано, то очевидно, что сочинитель, передавая письму свою мысль, не отдалъ еще себѣ яснаго отчета въ ней, по тому она просто—одно гаданіе, отнюдь же не убѣжденіе въ истинѣ, хотя онъ и старался придать ей свойства послѣдняго. Касательно заимствованія знаковъ изъ Глаголицы для выраженія чисто Славянскихъ звуковъ, на-

дбно замѣтить, что прежде всего слѣдовало доказать, а не предпосылать, какъ непреложность, старѣйшинство Глаголицы передъ Кириллицей. Въ дѣлѣ Науки это непозволительно; въ ней имѣють мѣсто одни только изслѣдованія, такъ какъ сама она есть не что иное, какъ стройное цѣлое, сложившееся изъ открытій ума, дознанныхъ самымъ дѣломъ. Въ ней ни какой вѣсь самаго необыкновеннаго ученаго не имѣеть мѣста, коль скоро не подкрѣпленъ самобытнымъ разысканіемъ о предметѣ. Справедливость этого самъ Копитаръ сознавалъ, отвѣчая противникамъ своимъ, замѣчавшимъ ему, что такое «мнѣніе его о Паннонскомъ происхожденіи священнаго языка Славянъ стоитъ особнякомъ и ни кѣмъ не принято»: «ubi rationibus et argumentis res agitur, vel maximarum auctoritatum non sufficit auctoritas» (Hesychii pag. 48), и, однакоже, не держался того, продолжая, по прежнему, въ 13-мъ отдѣлѣ (170) «Appendix miscellanea philologici maxime et slavistici argumenti» къ «своему» «Hesychii glossographi discipulus et ἐπιλωβιστής Russus in ipsa Constantinopoli sec. XII—XIII», изданномъ 1840 (1839) году (171), отстаивать ету мысль одними только голыми утверженіями и ссылкой на то обстоятельство, и что Я. Гриммъ одинаково съ нимъ думаетъ о старшинствѣ Глагольскихъ письменъ передъ Кирилловскими: «Quod ipse *Jacobus Grimm*, etsi commotus aenigmatico Dobrovii strategemate et ipse fuerit labefactatus quoad pannoniatarem, tamen novum majusque facinus admisit in Cyrillianos, palma longe remotioris antiquitatis litteris glagoliticis ultro delata» (pag. 49). И въ другомъ мѣстѣ (Отдѣл. 15), отклоняя отъ себя подозрѣніе въ томъ, будто бы онъ приписывалъ изобрѣтеніе Глаголитики Латинскому духовенству, снова ссылается на авторитетъ Гримма: «in quo, pro remotiori antiquitate, vehementer consentientem habet (Копитаріусъ) Grimmium» (pag. 57). Спутанность понятій его о составленіи Кириллицы и Глаголицы еще яснѣе откроется, когда сопоставимъ слѣдующія его предположенія о той и другой.

Сказавъ, что Кирилица изобрѣтена съобща обоими братьями изъ соединенія Греческихъ и Глаголическихъ знаковъ, вдругъ прибавляетъ: «Aut quid si ipse postea Methodius, ad

vitandam graecizantis alphabeti Cyrilliani inter Latinos invidiam, *glagolitici auctor exstiterit?* (pag. X.). Въ защиту противъ тѣхъ, кто бы назвалъ это мечтой (въ пользу чего исторія не можетъ представить намъ ни одного доказательства), отвѣчаетъ, что точно такая же мечта и мнѣніе Добровскаго о происхожденіи Глаголитики, опровергнутое появленіемъ двухъ, трехъ Глагольскихъ памятниковъ, принадлежащихъ несомнѣнно древнѣйшему времени того, къ которому приурочивалъ тотъ происхожденіе ея: «*Si porro quis objiciat, fingi haec, nec probari ullo argumento historico, illi nos respondebimus, aequae fictam plane esse Dobrovii de origine alphabeti glagolitici hypothesim*», etc. (pag. XI). Какъ будто чужая несостоятельность извиняетъ собственную нашу несостоятельность! Недовольный, однако, и етѣмъ временемъ, предлагаетъ послѣднюю догадку, далеко отважнѣйшую всѣхъ предыдущихъ: «*Quid si Ethicus iste, cui etiam orbis descriptio quarti ad summum seculi tribuitur, et Slavicarum literarum ante Cyrillum auctor exstiterit: cum illoque memoratus ab Hrabanو presbyter Hieronymus ansam dederit alphabeti S. Hieronymo tribuendi?* Яснѣе дня, что тутъ самъ онъ не зналъ, какъ быть съ Кириллицей, признать ли ее дѣломъ обоихъ братьевъ, или одного изъ нихъ, и котораго именно; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, не желая оставить и Глаголицы въ тѣни, сперва даетъ ей въ отцы Меѳодія, а потомъ почти пять вѣковъ старшинства. Она-то, судя по его словамъ, была настоящее *Славянское письмо*: «*Sed postea (по смерти Меѳодія) liturgiae longe gratissimae arographa reliqua ab ipsis Slavis in Bulgaria et Macedonia, Croatia, Istria et Dalmatia exarata fuisse alphabeto itidem sibi consveto pure Slavico, id est glagolitico*» (Append. miscell. pag. 38), и при томъ письмо, существовавшее еще до Кирилла, письмо въ гражданскихъ или свѣтскихъ дѣлахъ первоначально употреблявшееся, а по томъ и въ церковныхъ, но, послѣ раздѣленія Церквей, мало по малу приверженцы Царьграда совершенно перестали писать имъ, бывшимъ нѣкогда общимъ, и, такимъ образомъ, Греко-Славянскому дали у себя предпочтеніе, а Глагольское оставили за послѣдователями Римскаго епископа: «*Nonne ergo sat probabilis hinc sponte se quasi vel invito tibi obtrudit conjectura, Slavos cisdanu-*

bianos ante S. Cyrillum habuisse et ad civilem usum adhibuisse litteras glagoliticis, sicut Germani ad usum civilem latinis.... at Slavos ipsos eadem commoditatis sed suae lege ductos primitus ex asse suum alphabetum integrum intulisse etiam in libros sacros, et nonnisi confirmato tandem inveteratoque ecclesiarum utriusque Romae schismate pedetentim graeci ritus Slavos graecissantem Cyrillianam scripturam adoptasse, glagolitica, antea utrisque communi, latini ritus Slavis relicta» (Ib., pag. 39—40). Съ другой стороны, спустя четыре года, наставшая пуще и пуще на Паннонское или Хбрутанское происхождение Церковнославянского языка, нашелся въ необходимости отвергать всѣ показанія исторіи о Кириллѣ и Меѳодіи, не подходящія подъ его мѣрку, говоря «historiam immortalium horum duumvirum liceat integram servare ab *fabulosis amplificationibus*» (pag. 51). Отсюда изъ всей исторіи того и другаго принимаетъ только 4-хлѣтнее съ половиной пребываніе ихъ между Моравцами и Паннонскими Славянами, оставляя нерѣшеннымъ, сами ли они пришли къ нимъ изъ Греціи, или же были призваны Славянами; далѣе поставленіе старшаго въ архіепископы Моравіи и Панноніи 868 года папой Адрианомъ II-мъ, а младшаго въ епископы, по смерти коего (13-го февраля того же года) тотъ возвращается одинъ къ своей паствѣ, и немедленно вводитъ Богослуженіе на языкѣ послѣдней, т. е., Славянъ Паннонскихъ, такъ какъ къ нимъ-то, а не къ Моравцамъ, прибылъ Меѳодій, по причинѣ военныхъ безпокойствъ, возникшихъ у послѣднихъ съ Нѣмцами; но нововведеніе ето въ землѣ, принадлежавшей въ церковномъ управленіи Зальцбургскимъ Нѣмцамъ, вызвало жалобы послѣднихъ передъ папой на него, который вынужденъ былъ нѣсколько разъ принимать то ту, то другую, сторону, что продолжалось до самой кончины Меѳодія (885—895). Слѣдственно, по его мнѣнію, все, что сверхъ етого, принадлежитъ безусловно къ вымысламъ, т. е., что ни передается намъ, гдѣ бы и кѣмъ бы то ни было, о дѣйствіяхъ нашихъ Солунцевъ до отбытія ихъ въ Римъ и посвященія папой, большею частью испорчено разными прибавленіями послѣдующаго времени; единственно же несомнѣнно то лишь, что заключается въ посланіяхъ святѣйшаго отца, который хо-

тя и называетъ Константина составителемъ Славянскихъ писменъ, одобряетъ и восхваляетъ ихъ («*Literas sclaviniscas, a Constantino quondam philosopho reperitas*» etc.), однако, собственно говоря, они были, по одному мѣсту его «*Appendix miscellanea*» къ «*Hesychii glossographi discipulus*» (Отд. 7 «*De psalterio slavico Bononiensi cum expositione S. Athanasii*», pag. 38), «*exaratae a Methodio discipulisque ejus*»: «*Methodium privatis de causis coepisse λειτουργειν slavice librosque concinasse lingua quidem slavica suae dioeceseos pannonicae, sed a se discipulisque exaratos utcumque alphabeto sibi commodiori graecoslavico a fratre quondam suo Cyrillo combinato e graeco et glagolitico*», а по другому, безъ дальняго — изобрѣтены Меѳодіемъ, который только выдалъ ихъ за дѣло брата своего и рекомендовалъ папѣ: «*Methodius suam combinationem graecoslavicam fratri in acceptis retulit, et Papae probavit*» (Hesychii etc. 14, pag. 53, not.). Последнимъ приемомъ, конечно, хотѣлъ онъ избѣжать противорѣчій самому себѣ въ своемъ «*Glagolita Clozianus*», оставляя, такимъ образомъ, всю честь какъ введенія Славянскаго богослуженія, такъ равно и составленія для него писменъ, за однимъ лишь изъ братьевъ, тѣмъ самымъ, который наиболѣе благопріятствовалъ его любимому мнѣнію, т. е., выводу Священнаго языка нашего и азбуки изъ той страны, къ которой онъ самъ принадлежитъ по своему рожденію и воспитанію. «*Nos caput rei est, nec non lacrimatum causa*». Меѳодій изобрѣтатель разомъ двухъ алфавитовъ: Грекославянскаго и Глагольскаго: и коротко и ясно! А кто недоволенъ современностью послѣдней съ первой, тотъ, пожалуй, коли хочетъ, можетъ отодвинуть старину ея и далѣе въ древность, хоть, на примѣръ, приписать Етику. Во всякомъ случаѣ все же за Меѳодіемъ останется другая, а съ тѣмъ вмѣстѣ, такъ, или иначе, Славянское богослуженіе и писмена явились только въ Панноніи, и первоначально то и другое предназначалось, собственно, для Паннонскихъ Славянъ, отъ коихъ въ послѣдствіи, по смерти виновника етого благодѣянія, въ силу стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, перенесено было его учениками въ соседнія земли соплеменниковъ, предпочтительно на югѣ лежащія, а съ теченіемъ времени проникло и на отдаленный

сѣверъ Европы, въ коемъ и теперь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, процвѣтаетъ: «Concludamus ergo: cantare coepisse Methodium in pannonico ducatu Blatensi ducis Hecilonis a. 870 missam lingua Slavina; sed hanc novationem licet a papa admissam, fuisse extrusam в Pannonia post Methodii obitum (885—895) jam ante Hungarorum adventum; at hoc laetius effloruisse in Bulgaris, Croatis et Serbis, unde et a. 988 in Russiam traducta est, immensum inde cum tempore captura incrementum: *in hodierna contra Moravia, Bohemia et Polonia nunquam viguisse* (Hesychii pag. 54).

Прибѣгая къ такому способу доказательствъ, все на свѣтѣ можно доказать, т. е., отвергая всѣ несогласныя съ нашимъ воззрѣнiемъ на что либо, извѣстiя и мнѣнiя, подъ тѣмъ предлогомъ, что они «fabulosae amplificationes», а своимъ гаданiямъ выдавая за «ex asse purum et integrum, veritatem quadrans», выражаясь его же Латынью. Еще разъ повторяю: вмѣсто подобныхъ названiй, слѣдовало бы, прежде всего, опровергнуть егѣ извѣстiя древности и доказать ихъ «баснословность», а своимъ утвержденiя подкрѣпить болѣе существеннымъ, нежели голословное настоянiе въ ихъ справедливости, болшемъ значенiя передъ показанiемъ исторической старины. Того же самаго, естественно, требуетъ строгая и неумытная критика и отъ доказательствъ со стороны языка, приводимыхъ имъ въ пользу Паннонскаго происхожденiя нашихъ священныхъ книгъ, а не простаго увѣренiя въ ихъ «твердости» («argumeta firmissima», Glagol. Cloz. p. XXXII) «и неодолимости» («invicta», Hesych. pag. 49). Въ дѣлѣ языковѣдѣнiя мало сопоставить два слова, близко схожихъ между собою по звуку, для доказательства происхожденiя одного изъ нихъ отъ другаго, но надобно это послѣднее ясно и неопровержимо представить путемъ филологическимъ. Мало ли найдется словъ, даже въ рѣчи народа полудикаго, судя по коимъ можно подумать, что онъ находился когда-то, или и теперь еще находится, въ непосредственномъ сношенiи съ тѣмъ народомъ, котораго егѣ слова составляютъ прямую собственность, или же, по крайней мѣрѣ, получили отъ него ту оболочку, въ коей перешли къ заимствователю, не смотря на все неизбѣжное въ такихъ случаяхъ

видоизмѣненіе? Напомню, изъ множества примѣровъ въ разныхъ языкахъ, нѣкоторыя изъ роднаго: такова значительная часть словъ Латинскихъ, Еврейскихъ, Греческихъ, Итальянскихъ, Испанскихъ и т. п., слыша которыя, иной подумаетъ, что предки наши усвоили ихъ изъ первыхъ рукъ, т. е., отъ непосредственнаго сношенія съ ними, между тѣмъ какъ извѣстно, что они перешли къ намъ, одни изъ третьихъ, а другія даже пятыхъ и т. д., весьма же не многія изъ первыхъ. Стало, тутъ прежде всего требуется доказать это непосредственное заимствованіе изъ источника, а не довольствоваться простымъ указаніемъ на то, или однимъ сопоставленіемъ. Къ такимъ словамъ принадлежатъ, послѣ всесторонняго обследованія, и приводимыя имъ въ пользу своего мнѣнія: *хръсть*, *хръстити* или *кръсть*, *кръстити*, *михъ*, *нашежь*, *попъ*, *пестъ*, *оусеразь*, которыя, правда, не Славянскія, но занятыя нами отъ другихъ, только занятіе это не нуждалось въ посредствѣ Паннонскихъ Славянъ, по тому что первыя четыре уже одной формой своей, въ какой перешли къ намъ, указываютъ не на Нѣмцевъ, Латинянъ, или Славянъ, обращенныхъ Нѣмецко-Латинскимъ духовенствомъ, но на Греческій языкъ, въ коемъ звучатъ: *Χριστός*, откуда *Хръсть*, послѣ *Хръстоць* (Остром. Ев. 145, ст. 2, мн. ч. им. пад. «Лъжи хръсти», «*ψευδοχριστοι*»); если же разумѣть подъ *хръсть*, *кръсть* въ смыслѣ нынѣшняго крестъ, *σταυρός*, *сгух*, а подъ *хръстити*, *крестити*, *кръстити*, *βαπτίζειν*, то извѣстно, что буквы *х* и *и* у всѣхъ Славянъ весьма часто одна въ другую переходятъ, отъ чего всѣ етъ три слова одинаково звучатъ не рѣдко даже нынѣ въ устахъ самыхъ образованныхъ, тѣмъ болѣе, что и самыя понятія, выражаемыя ими, кажутся чрезвычайно близкими простому и не хитрому уму. Далѣе *михъ* въ большей части Нѣмецкихъ нарѣчій имѣетъ двоякую форму, какъ и въ Славянскихъ, изъ коихъ каждая указываетъ собой на самостоятельную передѣлку Греческаго *μοναχός*, независимо другъ отъ друга, будетъ ли то прямо отъ Грековъ, или черезъ Латинское духовенство; такъ полныя формы: ДВН. *municho*, *municha*, АС. *munich*, *munec*, *monec*, Гол. *munnik*, *monick*, НС. тоже *monnik*, Ис. *muner*; усѣченныя: ДВН. *munch*, НС. *Munk*, *Monk*, А. *monk*, Ис. *munkr*, Б. *munch*, Н. *Mönch*; подобныя формы его и въ Романскихъ нарѣ-

чїяхъ: Ит. monaco, Ис. mongo, Ф. moine; въ нарѣчїи Кельтскомъ, именно Валлискомъ, mupach, mupac; такъ и въ Славянскомъ мнихъ и монахъ, именно Ч. и П. mnich, ВНЛ. mīch, ум. mīsk; Хорут. meih, minik, mnih. Папешъ своей формой прямо указываетъ на Греческое *πάπας*, *πάππας*, котораго другая форма *πάππος*, коего простое въ Еолич. *πά*, а съ нами въ сродствѣ *ἄππα*, Сир. abba, въ Гр. *ἄββα*; Латин. и Роман. его отрасли имѣють рара, равно какъ и Нѣмецкїя, изъ коихъ одни лишь Шведы удвояють послѣднее р (rappa), а другїя сдѣлали изъ него Papst или Babst (по одноорганичности р и b), Англичане pope; въ устахъ же Славянъ искони ближайшая форма къ Греческой папешъ, у Чеховъ, Словаковъ, Поляковъ, Хорутанъ, папешъ и папашъ; Папешъ, кромѣ Остроум. Еванг. подъ 31-мъ декабря, встрѣчается и въ Синаксарѣ Глагол. Ватик. Еванг., принесен. Ассемани, XI-го вѣка, подъ 25 ноября (см. Hesych. pag. 41). Папъ есть только видоизмѣненіе предыдущаго, по чему и звучитъ въ нѣкоторыхъ нарѣчїяхъ совершенно сходно съ одной изъ приведенныхъ формъ перваго, на пр., АС. рара, НС. и Гол. Раар, Rare; но въ ДВН. уже рафъ, а въ нынѣшнемъ книжномъ Pfaffe, откуда, съ известной перемѣной а въ о, въ Валлиск. pope и въ Слав. попъ, точь въ точь, какъ папа въ Норв. rori; слѣдовательно, можно ли тутъ указывать на Баварское rharh? Скорѣе же, судя по большому сходству, можно было бы допустить заимствование у Кельтовъ въ Валлисъ; но тогда куда же дѣваться съ исторїей? По тому, не всегда и самое сходство звуковъ предполагаетъ заимствование, или, какъ выразился уже I. П. Коль, одинъ изъ первыхъ нашихъ академиковъ, въ своемъ «Introductio in historiam et rem literariam Slavorum, imprimis sacram» (1729 г.): «Ex nonnullis, quae duobus populis communia sunt vocabulis, linguae ipsius communio non statim efficitur» (pag. 8, not. a). Не естественнѣе ли и при немъ думать, если ужъ пошло на заимствование, прежде всего о Латинскомъ языкѣ, употреблявшемся, какъ известно, и на Франкїйскомъ полуостровѣ долгое время и какъ государственный (до императора Фоки), и какъ разговорный множества Латинскихъ жителей, занимавшихъ тутъ цѣлыя области, изъ коихъ нѣкоторые, отъ смѣси съ туземцами, въ особенности

же Славянами, образовали особый видъ Романской вѣтви, извѣстный подъ родовымъ именемъ Румунскаго, Ромынскаго? Въ Латинскомъ же, какъ первообразъ одной его половины, встрѣчаемъ слово это, живо напоминающее наше, именно: рора въ смыслѣ жреца, съ которымъ сличите Сербское попа, попо и попъ, у прочихъ же Славянъ обыкновенно попъ, а у Румунъ повъ (ъ = средній звукъ между о и твердымъ е). Такого же точно происхожденія и пость, имѣющее во всѣхъ Славян. нарр. л (отъ коихъ перешло къ сосѣдямъ ихъ, Чуди, раasto), и Румун., т. е., съ Латинскаго *Fasti*, первоначально дни, въ которые не работали, откуда двойное значеніе дней праздничныхъ (свѣтское) и постныхъ (церковное), въ кои воздерживались отъ обыкновенной скоромной пищи (*Fast-und-Feier-Tag*). Въ такомъ же церковномъ смыслѣ оно перешло и къ Нѣмецкимъ народамъ, только съ сохраненіемъ f: Г., ДС., Ш. *fasta*, Д. *faste*, ДВН. и Н. *fasten*, АС. *fāstan*, Д Фриз. *festia*, и пр.; если же выводить отъ Г. *fastan*, откуда *fasta*, *fastubni*, воздержаніе, пощеніе, то извѣстно, что тогда заимствованіе обойдется еще ближе и непосредственнѣе, такъ какъ Готы долго жили вмѣстѣ и по сосѣдству съ Славянами на сѣверѣ и на югѣ, особливо въ Подунайскихъ и Адриатическихъ краяхъ, гдѣ были до насъ уже Христіянами. На возможность такого принятія указываютъ другія слова, перешедшія въ это отдаленное время общенія нашего съ Готами, исчисленныя давно Шафарикомъ въ его «Славянскихъ Древностяхъ» (Отд. о Готахъ, стр. 347, Руск. пер. I, кн. 2, стр. 251), и наоборотъ, отъ насъ къ нимъ; къ первымъ принадлежитъ и оусеразъ, Гот. *ausahriggs*, *inauris*, отъ *auso* ДН. *ōga*, *auris*. Лучшимъ доводомъ этого служить то обстоятельство, что его нѣтъ въ прочихъ Славянскихъ нарѣчійхъ, кромѣ ЦС. и Рускаго, между тѣмъ какъ это непременно должно бы быть, если бъ оно шло отъ Западныхъ Нѣмцевъ. Если это слово усвоено нами въ дохристіанское наше время и по томъ, естественно, должно было, уже какъ свое, войти и въ языкъ преложенія Священныхъ книгъ, за то «номиникъ» принадлежитъ времени, гораздо позднѣйшему Кирилла и Меѳодія, по тому что оно не встрѣчается въ Библии и сочиненіяхъ, обыкновенно считаемыхъ за переводы

ихъ или ближайшихъ къ нимъ лицъ; а по тому, вся важность его въ такомъ случаѣ пропадаетъ, откуда бы оно ни пришло въ Церковнославянскій языкъ, изъ Латинскаго ли (что дѣйствительно такъ, составляя видоизмѣненіе слова *communicatio*, въ смыслѣ приобщенія Св. Тайнамъ), или другаго какого, черезъ посредство третьяго. Остаются еще слова, взятые, по увѣренію Копитара, отъ Баварцевъ: *къмазь* и *пеназь*. Касательно перваго уже Шафарикъ ставитъ его между сомнительными, то есть, не рѣшаясь сказать утвердительно, кто у кого взялъ его: Готы ли у насъ, мы ли у Готовъ (172); но новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что оно въ равной мѣрѣ свое тѣмъ и другимъ, будучи образованно каждымъ независимо по законамъ своего языка отъ однаго, общаго всѣмъ Индоевропейскимъ нарѣчіямъ, корня *id*, послѣ *gam*, *gan*, или позднѣе *kan*, собственно значащаго итти, двигаться, выходить, по томъ рождать, производить, и т. п., откуда, по естественному понятію о власти родительской, присвоено родоначальникамъ и понятіе вообще власти, какъ старшаго, высшаго, начальника и судьи и т. п. И не только въ Индоевропейской семьѣ отъ этого слова пошло названіе старшины, но и во многихъ нарѣчіяхъ Сѣверной, т. е., древнѣйшая Монголо-Тюркск. форма *Каганъ* является въ послѣдствіи въ формѣ *Каанъ*, т. е., великій Ханъ, *Ханъ* (к въ одноорган. *x*), *Канъ* (173), Лапон. *konoges*, и пр. Что же до втораго, *пеназь*, то и оно того же гнѣзда, что и *оусеразь*, т. е., Готское, *penning*, да и всѣ прочія Нѣмецкія нарѣчія имѣютъ его, разнообразя каждое по своему (ДВН. *pfening*, *pfending*, *pfentinc*, *pfantinc*, *pfanthiuc*, *pfenpinc*, *phenning*, *phenningo*, *phendico*, *fending*, *pending*, *penthing*, АС. *pening*, *peninc*, *peninck*, *penig*, *peneg*, *paenig*; Исл. *pening*, pl. *penningar*; Д. *pendig*, pl. *penge*; Ш. и Го. *penning*; А. *penpu*, pl. *penpe*; а присутствіе этого слова преимущественно въ однихъ Западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ говоритъ больше въ пользу заимствованія его отъ Нѣмцевъ каждымъ изъ нихъ точно такъ, какъ Славянами Мизійскими отъ Готовъ; по тому что Сербы Далматскіе и Хорутане тоже знакомы съ нимъ. Но, *олтарь*, *оцъть*, *цръмъ* или *цръмъ* и я считаю перешедшими къ намъ отъ Латинянъ. Первое какъ въ Нѣмецкихъ, такъ и Славянскихъ нарѣчіяхъ распространено (*altare*, отъ *altus*); второе дѣйстви-

тельно есть передѣлка Латинскаго *acetum*, которое, однако, то же, что Греческое *ἄξος*, встрѣчающееся уже у Эсхила, Ксенофонта и другихъ, и произведенное отъ *ἄξυς*, Лат. *acer*, острый, отъ кор. *ἄξ*, *ἄκ* (откуда *ἄκυς*, быстрый, скорый, Лат. *ocios*, cito), вм. *ἄκ* (откуда *ἄκῆ*, *ἄκόνη*, *ἄκίς*, Лат. *acus*, асцо, *ἀκίω* и пр.), Сан. *ашу*, вѣроятно отъ акш (затерявшагося уже корня), уцѣлѣвшаго въ Лат. *aqui-la* (*aqui-ala*, h. e., *habens*, *ἰκτιτερος*) (*Pott*, *Etym. Forsch.* II, S. 54), *ашва*, *ашвас*, Лат. *equus*, вм. *ашва*, *ашава*, а *velocitate sic nominatus*, Гр. *ἵππος* вм. *ἰκμος* (и въ *π*, какъ *κῶς*; *κοῦ* и *κῶς*, *κοῦ*), ДН. *ehu*; *ашвâ*, *equa*. Лит. *ашва*, и проч. (*Vopp*, *Gloss. Sanscr.*, ed. 2, pag. 35. col. 1.); по другимъ отъ *аш*, *аниш*, *ἄγω*, *ἀγνύω*, *асео*, *асцо*, unde *acidus*, *acer*, etc.; въ Нѣмецкомъ *acetum* или *ἄξος* приняло видъ Гот. *akeit*, ДС. *acid*, АС. *eced*, *ecede*, ДВН. *ezih*, Гол. *edik*, *eek*, *azyn*, Ш. *aetika*, Д. *aedike*, И. *edit*, А. *egar* (*vin*), что все, конечно, составляетъ такое же измѣненіе Лат. *acetum*, какъ оно само и наше Руск. *уксусъ* измѣненіе Греческаго *ἄξος* (а можетъ бытъ и независимо образовавшееся отъ одного и того же, родственнаго всѣмъ, корня). Третье же (цркви, цркви) распространенное у Нѣмцевъ, менѣе всего употребительно у непосредственныхъ ихъ сосѣдей, Славянъ западныхъ, на пр., Чеховъ, Словаковъ и Лужичанъ, встрѣчаясь только изрѣдка въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ: въ Чешскомъ и Польскомъ оно теперь исключительно въ смыслѣ вѣроисповѣдно-отвлеченномъ, да и прежде весьма рѣдко, судя по памятникамъ; въ послѣднемъ преимущественно подъ *serkiew* разумѣютъ Православную церковь. Етого не могло быть, если бы оно зашло къ Славянамъ прямо черезъ посредство Нѣмцевъ, было просто независимая передѣлка ихъ *Kirche* или *Kirka*. И наше и Нѣмецкое есть передѣлка Латинскаго *circus*, означающаго, собственно, кругъ, округъ, окружіе, откуда уже мѣсто собранія и самое собраніе, какъ и у насъ быть на кругу, значить быть въ собраніи или мѣстѣ, гдѣ происходитъ собраніе; слѣдовательно, оно отвѣчаетъ Греческому *ἐκκλησία*, первоначально, *conventus*, *collectio*, *convocatio*, т. е., *populus convocatus*, *collectus*, *conventus*; далѣе, *locus*, in quo *congregationes fiunt*, proinde pro templo seu aede sacra publico pietatis exercitio et cultui divino destinata, in qua convenit fide-

lium coetus; monasterium; отсюда, не рѣдко, pro domo clericorum: «In quocumque loco sacerdos aedificaverit ecclesiam suam, id est domum suam in uno anno, haereditas ejus erit sempiternum» (*Du Cange*, Glossarium med. et inf. latinitatis, ed. Par. MDCCXXXIII — XXXVI, tom. III, p. 4 — 6). Оно отъ *έκ* и *κλειω*, *κλήω*, запираю, замыкаю; отъ *κλείς*, р. *κλειδός*, или *κλήϊς*, *κλήϊς*, *κλαϊς*, въ Лат. принявшее форму *clavis*, *κλαϊς*; отъ него *κλεισία* или *κλεισία*, *κλεισιον*, мѣсто огражденное, запертое, хижина, куща, палатка; какъ отъ *κλήϊς* глаголь *κλήϊζω* pro *κλήϊδω*, такъ и отъ *clavis*, *claudio*, *clausus*, *claudus*, отъ чего *claustrium*, огражденное (запертое) мѣсто, замокъ, монастырь, откуда Нѣмецко-Романское, принятое отъ нихъ и Славянами Запада, *claustrum*, Ч. и П. *klāster*, ВЛ. *klošter*, Хорв. *kloster*, Хорут. *klošter* и *kloštr*, Сербо-Катол. *klostar*, Н. *Kloster*, А. *cloister*, Ис. *claustrum*, Ф. *cloître*, сколько отъ того, что убѣжища сии служили надежнымъ пріютомъ для жившихъ въ нихъ, по своему укрѣпленію, оградѣ, совершенно одинакой съ замкомъ (а это съ замкомъ, откуда первое составляетъ переносное значеніе послѣдняго, отличное у насъ самымъ удареніемъ), столько и по первичному своему смыслу. Въ силу перехода гортанной въ шипящую (*κ* въ *ш*), образовалось ДВН. *sluz*, НН. *slüten*, Н. *schliessen* (откуда *Schloss*, замокъ и замокъ). Самое же *circus* въ средствѣ съ Греч. *κίρκος* (въ смыслѣ Лат. *circus* въ обоихъ значеніяхъ), другая форма *κρίκος*. Преслѣдуя далѣе родство его, видимъ связь между нимъ и слѣдующими словами: Р. *крюкъ*, А. *crook*, Н. *krücke*, ДН. *kringr* (*gyrus*), АС. *hring* (*annulus*), Авар. у средневѣковыхъ писателей *hringus*, укрѣпленный окопами станъ; Сл. *крякъ* (отъ коего *крякъ*, *кряжало*), а съ переходомъ *р* въ родственную *л*, кромѣ приведенныхъ выше, Н. и Д. *klinke*, Ш. *klinka*, НС. и Го. *klink*, Ф. *clinche*, *clenche*, и под. тому; Славянскія: *клюка* въ смыслѣ, близкомъ къ *крюкъ*, отъ коего и *ключь* названъ по своему сходству съ тѣмъ и другимъ, и означаетъ, какъ и *крякъ*, въ переносномъ смыслѣ, извѣстное пространство, или собраніе, однородное въ себѣ заключающее; кромѣ того *ключь* значить иногда и *крюкъ* въ нѣкоторыхъ Слав. нарр. Стало быть, кор. въ С. *крянч*, *curvum*, *inflexum esse*, отвѣчающее Слав. *кряж*, съ

переходомъ *k* въ одноорганную *ç* и шипящую *ç*. Съ другой стороны, можно сличать *circus*, *κίρκος*, АС. *cyrc*, *circ*, Гол. *kerk*, НС. *karke*, Ш. *kyrka*, И. *kyrkia*, Д. *kirke*, ДВН. *chilcha*, съ другимъ вставочнымъ *i*: ДВН. *kirrichu*, *chirichu*, *chirichhu*, *chirihha*, *chilichu*, АС. *cirica*, *ciric*, *cyrice*, *cyric*; съ переменной *k* въ *h*: ДВН. *haruga*, *harga*, Г. *kelikn*, башня, храмъ, Гр. *εἰρκτή* про *εἰρκτή*, съ Сан. *griha*, вмѣсто *graha*, отъ кор. *grah*, *capere*, *sumere*, *percipere*, вмѣщать и т. п., образовавшееся изъ *grabh*, отъ коего осталась только придыхательная, какъ и во многихъ другихъ (а *grabh* есть наше *грабъ*, гдѣ *л* вставочная благозвучная, безъ коей *грабъ*), въ Лит. не существующая: *grėbju*, какъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ областныхъ нарѣчьяхъ), Г. *greira*, Н. *greifen*, Э. *geger*, И. *grabain*; съ обращеніемъ гортанной въ придыхательную Гр. *ἀρκάζω* вм. *υρακάζω*, даѣе *υρῖκος* или *υρῖφος* и т. д. (*Vorr's Glossar. Sanscr.*, ed. 2-da, s. h. v.). Есть еще третье мнѣніе, по коему *цркъ* составляетъ только видоизмѣненіе Греч. *κυριακή*, т. е., *olnia*, въ смыслѣ *templum Domini*, scil. *Dei*, какъ *ірѣч* и п. т. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, *цркъ* не можетъ составлять прямого заимствованія съ Нѣмецкаго, но, либо, вмѣстѣ съ нимъ и по однимъ и тѣмъ же причинамъ, идетъ отъ Латинскаго *circus*, употреблявшагося въ средней Латыни, кромѣ обыкновеннаго своего значенія, какъ и *circulus*, т. е., *ageae seu campi spatium*, еще и въ смыслѣ «*hominum coetus, collectus, consessus*»; при томъ «*circa*» или «*cerchia*» въ средніе вѣка означало *vigiliae, excubiae*, а *circum-eundo, quia qui urbium custodiae invigilant, muros circumeunt*, какіе были и въ монастыряхъ: *circam etiam faciebant monachi in monasteriis, qui certis horis circuire debent monasterii officinas, observantes injurias et negligentias fratrum; est eorum officium circuire claustrum, ne forte inveniatur frater acediosus, aut alicui vanitati deditus*, по тому «*eorum etiam munus erat fratres ad horas canonicas colligere, signo pulsato*» (*Du Cange, Gloss. med. et inf. latin. s. h. v.*); все это называлось *circa, circha, cerchia*, откуда производныя *circare, κυκλεῖν, circumire, circator, circatores (visitatores), qui monasteria et domos, nec non parochias visitabant, ut statum eorum diligenter inspicerent et corrigerent*; отсюда самое церковное блѣ-

ніе, особливо ночное, называлось часто *excubiae sive circa*: «*Excubiae plurimum sumuntur pro vigiliis seu horis et precibus nocturnis, quae in Ecclesia peraguntur*» (Id. II, 627); либо же *црѣмъ* и *Kirche* произведены, подобно Латинскому, отъ одного и того же, общаго Индоевропейской вѣтви, корня, показаннаго выше, независимо другъ отъ друга и каждое сообразно съ законами своего языка (174). Последнее предположеніе, признаю, считаю менѣе вѣроятнымъ, по тому первое, кажется мнѣ, сообразнѣе съ положеніемъ дѣлъ во время перваго сближенія Нѣмецкаго и Славянскаго народовъ, непосредственныхъ сосѣдей Латинскаго Христіанскаго населенія обоихъ полуострововъ (Итальянскаго и Эракійскаго), отъ котораго тѣ и другіе, по временамъ, принимали крещеніе, а съ нимъ и названія ихъ для новыхъ предметовъ и понятій. Многія же Латинскія слова были въ ходу и въ устахъ Византійскихъ Грековъ, называвшихъ себя не иначе, какъ только *Ῥωμαῖοι*, т. е., Римляне, разумѣется, въ смыслѣ государственномъ, и гордившихся имъ до того, что и теперешнее еще простонародье Греческое величаетъ себя точно такъ же, а языкъ свой *Ῥωμαϊκὴ ἀπλή* улюбба. Это тѣмъ вѣроподобнѣе, что *circus* дѣйствительно употреблялось у Грековъ въ формѣ *κίρκος*, какъ сказано уже, даже въ сочиненіяхъ Отцевъ Церкви (*Du Cange, Glossar. med. et infim. graecitatis. Lugd. MCLXXXVIII, s. h. v.*). При томъ, извѣстно, что уже задолго до Кирилла и Меодія Славяне Греческаго полуострова были хорошо знакомы съ Христіанствомъ, даже многіе изъ нихъ занимали высшія государственныя и церковныя мѣста; вспомнимъ императора Юстиніана, коего Славянское имя было Управда, по свѣдѣтельству наставника его, Теофила (ум. 534. *Ргос. Hist. arc.*), полководцевъ Доброгоста, Всегрѣда и Татимира, вельможу Оногоста (555 — 593), патріарха Никиту (766 — 780); дагѣ, самые Булгарскіе послы говорили на съѣздѣ въ Царѣградѣ 869 г., что предки ихъ, пришедши въ Мизію, (678 г.), нашли уже между тамошними Славянами Греческое духовенство (*Guill. Bibl. Vita Hadr. ap. Assemani II, 190*). Во Эракіи же, Эссалии и Македоніи до того распространялось Христіанство, что Булгарскій государь, Мурта-Канъ (Мортагонъ) силою старался положить преграду, строго преслѣдуя про-

повѣдниковъ его, переведенныхъ въ Булгарію изъ егѣхъ областей. На западъ же отъ нихъ жили Сербо-Хорваты, которые, тотчасъ по приходѣ своемъ сюда, по старанію императора Ираклія (ум. 641), были (хотя и не всѣ, но все же значительное число) крещены, и крещены священниками, присланными, по распоряженію его, изъ Италіи папой (Іоанномъ IV-мъ), какъ ближайшей къ нимъ, и обязались послѣднему *письменно* не вторгаться въ чужія земли (*Const. Porph. De adm. imp. c. 31.*). Такое распоряженіе ничего не значило въ отношеніи къ Римской Цекви, такъ какъ въ то время не было еще ни какого различія между нею и Восточной, и папа оставался въ полной зависимости во всѣхъ отношеніяхъ отъ Византіи. Можно ли же, по тому, думать, чтобы, при такомъ напорѣ Христіанства отовсюду, оно, при извѣстномъ отвращеніи нашего племени къ чужому языку, особливо въ дѣлѣ Богослуженія, совершалось у нихъ единственно на Греческомъ, или Латинскомъ, языкѣ, чтобы новообращаемые не пытались, сколько ни есть, выражать доступные понятіямъ ихъ новые предметы собственной рѣчью, а менѣе доступные разумѣнію усвоили себѣ, сообщая такимъ форму болѣе, менѣе согласную съ свойствами своего говора? А что же могло быть, такъ сказать, обыкннѣе и подручнѣ словъ изъ области новаго вѣрованія, какъ тѣ, кои Копитаръ старается провести въ языкъ Церковнославянскій черезъ пять, десятыя, какъ говорится, руки (Славянь Паннонскихъ, Нѣмцевъ и Латинянь)?

Еще менѣе вѣроятнымъ становится мнѣніе Копитара, когда, для подтвержденія его, нужно прибѣгать къ такимъ доводамъ, каково увѣреніе, будто бы слова *среда* или *срѣдъ* и *некло* или *чкло*, иначе *сѣдъ*, *сѣдъдъ*, перешли къ намъ отъ Нѣмцевъ. Не шутя, онъ увѣряетъ, что первое не что иное, какъ только переводъ Нѣмецкаго «Mittwoch»: *среда* (*medium*) *pro die mercurii cum Germanis, quibus est Mittwoch*» (*Glag. Cloz., pag. IX*), забывая, что въ такомъ случаѣ Нѣмцы должны были бы имѣть собственныя свои названія для всѣхъ, или, по крайности, большей части дней седмицы, между тѣмъ какъ у нихъ видимъ совершенно противное, т. е., всѣ недѣльные дни,

за исключеніемъ среды, суть чистой переводъ съ Латинскаго (175), а у Славянъ, ихъ сосѣдей, наборотъ, т. е., кромѣ субботы, всѣ названія дней недѣльныхъ — свои, указывающія на дохристіанское время; стало, кто же у кого могъ скорѣе заимствовать? Статочное ли дѣло, чтобы, при такой естественной связи всѣхъ названій для дней недѣльныхъ, вытекающихъ одно изъ другаго, а всѣхъ отъ одной общей мысли (недѣли, дня не дѣла, отдыха; понедѣльника, послѣ недѣли; вторника, втораго дня въ недѣлѣ; среды, средняго въ недѣлѣ, между воскресеніемъ, понедѣльникомъ и вторникомъ съ одной, и четверкомъ, пятницей и субботой съ другой стороны; четверка, дня четвертаго; пятницы — пятаго), Славяне не сумѣли уже дать имени одному изъ етѣхъ дней, а прибѣгли за нимъ къ переводу отъ сосѣдей, у которыхъ, однако, оно стоитъ собнякомъ, какимъ-то межѣумкомъ, безъ всякой связи съ предыдущими и послѣдующими названіями дней, составляющими просто чужое добро? Естественно ли, чтобы, по тому, Нѣмцы, изъ всѣхъ дней недѣли, дали только одному изъ нихъ свое названіе, а для прочихъ обратились къ Латинцамъ? Уже одна такая искусственность говорить въ пользу заимствования имъ и для етого дня названія у другихъ, на что указываетъ и самое построеніе етого имени: *Mittwoche*, собственно, — *die Mitte der Woche*, среда, среда недѣли, что мы, Славяне, означили однимъ простымъ, а несоставнымъ, словомъ; а сложность, какъ извѣстно, всегда признакъ искусственности, несамостоятельности. Что до *ивило*, то оно, по Копитару, яко бы изуродованное нами Алеманнское *pēch*, нынѣшнее Нѣмецкое *Pech*, смола, варъ: «*ивило* а *pēch* Alemannis sec. IX pro inferno usitato» (Glag. Cloz.); и въ другомъ мѣстѣ: «*ивило* 1) *pix*; 2) *infernus*, qui et *ивило* m., ut adeo nil dubii maneat de importatione vocabuli e Germania: *pēch* (*infernus*), de quo cf. *Grimmium* (*Vocabularium ling. Slav. sacrae*, ap. Glagol. Cloz. p. 79). Стало, сближеніе чужое, но имъ усвоенное и развитое въ одномъ примѣчаніи Glagol. Clozian., именно въ Отд. XXIX («*In historiam Bulgariae et Pannoniae respectus*»), слѣдующимъ замѣчательнымъ образомъ: «*Vocabuli autem ивилъ m. aut ивилло, ивилло n., а German. pēch* maedii aevi, pro Inferno, non quidem ipsum etymon alemannicum, at vim tamen

et notionem illius graece redditam habes in ipsa vulgari hodiernorum Graecorum *πίσσα* (pix) pro majorum suorum et ecclesiastico *ἄδρυ*. Sic peregrinatum Germanicum *pēch* ab Alpi-bus Carnicis per totam Adriatici maris oram Slavicam, tandem in ipsa Graecia Cretaque *μεταμόρφωσιν* subiit, nisi *ἀναμόρφωσιν* malis dicere pristinae suae *πίσσης* sive *picis*» (р. XXXII). И точно, последнее (*ἀναμόρφωσις*) въроподобнѣе, по тому что *πίσσα* или *πίττα*, въ значеніи Латинскаго *pix* (которое то же самое и отъ одного съ ними корня пошло, только, со-гласно съ свойствомъ языка Латинянь, приняло такой, а не иной, видъ), встрѣчается уже у Гомера, Эсхила, Фукидида, и друг.; а *πίσσα* и *πέσσω* или *πέττω*, Л. *pinso*, Сл. *пеш*, идутъ отъ одного корня съ Сан. *пач*, въ коемъ ч изъ *к*, какъ показыва-ютъ: *пактас*, *coctus*, *πεκτός*, *пактис*, *πέκσις*, *πέψις*, *coctio* и т. п.; съ переменнѣю на одноорганную (б) б'адж (дж = г), что удержа-лось преимущественно въ Нѣмецкихъ нарр. (ДН. *bakken*, *ba-chen*, АС. *basan*, *baesan*, *basjan*, А. *bake*, Ис. и III. *baka*, Го. *bakkea*, Н. *backen*, Д. *bage*), хотя и съ *п* встрѣчается (другая форма ДН. *pacchen*), но рѣже; съ переменнѣю гор-танной въ губную: *πέπτω*; на оборотъ: *соquo*, Н. *kochen*; далѣе съ опущеніемъ начальной согласной и измѣненіемъ слѣ-дующей гласной твердой въ слабую: *ὀπτάω*, *ὀπτός*, *ἔψο*; на-конецъ, съ перестановкой: Лит. *kėppū*, *asso*, Сл. *ишаш*, и пр. (*Vopp's Gloss. Sanscr. s. h. v.*; также: *Vergl. Accentuationssy-stem des Sanscrit und Griech. Berl. 1854, S. 174*). Первоначаль-ное значеніе, судя по всему, было приводить въ мягкое состоя-ніе чѣмъ бы то ни было. въ состояніе, на пр., броженія (отсюда *πέσσω*, *πέττω*, вм. *πέσσω*, *πέττω*, Лат. *pinso* вм. *pinkso*, гдѣ *п* но-совое), которое такъ какъ производится, не рѣдко, посредствомъ мѣшанія, то отсюда Греч. и Лат. глаголы означаютъ также и мѣ-сить, на пр., муку и под. для изготвленія въ пищу; отсюда въ нихъ дальнѣйшій отгвѣожъ, съ одной стороны, варить, съ другой печь, будетъ ли то посредствомъ естественной, или искусствен-ной, теплоты (солнечныхъ лучей, или огня); послѣднія понятія присуци какъ Сан., такъ Греч., Латин., Славян. и Нѣм. фор-мажь, именно печь вообще; въ послѣдствіи, испеченное на ис-кусственномъ огнѣ помощію какого ни будь орудія стали отли-чать отъ испеченнаго безъ онаго: отсюда у Славянъ жарить

и сжарить, у Нѣмцевъ *braten*, у Латинянъ *frigere* (*frictum* или *frictum*), у Грековъ *φρύγειν*, *φρύσσειν*, *φρύττειν*, и т. д.; но у многихъ такъ ли, иначе что либо испечено, называется печенымъ, на пр., по Малор., Чеш., Пол., Серб., и т. д., мясо, а также иногда овощи и т. п.; точно такъ и Сѣверные Нѣмцы говорятъ: *das Backfleisch* и *Backobst*, откуда и мѣсто, орудія для того или при томъ употребляемыя, и вообще все испеченное: *der Backofen*, *die Backfanne*, *Backschüssel*, *der Backstein*, *das Backwerk*, НН. *Backfische*, *Backäpfel*, и тому под. Сверхъ того, такъ какъ съ понятіемъ о мягкости или смягченіи находится въ средствѣ понятіе о спѣлости, зрѣніи или созрѣніи, т. е., о приведеніи въ это состояніе посредствомъ теплотворнаго начала, то отсюда уже въ Сан. *πάκας*, *maturitas*, *πάκ'ιμας*, *maturus*, равно какъ и Греч. глаголь означалъ и еготъ оттѣнокъ: сдѣсь зрѣлое представляется какъ бы изготовленнымъ, приведеннымъ, помощію внутренняго дѣйствія теплоты и тому под., въ положеніе спѣлости. Вотъ по чему и *смола*, деготь и т. п. какъ Греки, Латинны, Нѣмцы, Кельты, такъ и нѣкоторые изъ Славянъ называли словомъ отъ корня *век*, именно, какъ показано выше: *πίμβα*, *πίμβα*, вм. *πίμβα*, *πίμβα* (или *πέμβα*, *πέμβα*), Л. *pix*, (отъ него въ Романскихъ нарр., Ит. *resce*, *regola*, Ис. и П. *pez*, Ф. *poix*, Н., подобно глаголю), въ двойкой формѣ, съ *p*: Бав. *pēch*, НС. *Pick*, АС. *pic*, НН. *Pech*, Нор. *pik*, А. *pitch*, и съ *b*: ДВН. *beh*, *besch*, И. *bik*, Ш. *bek*, *beck*, Л. *beg* *beeg*: Кельт.-Ирл. *resc*, К.-Брет. *res*, К.-Вал. *rug*; а у Славянъ: ЦС. по одному памятнику XII-го вѣка, Псалтырю, Кириллицей писанному (впрочемъ, вѣроятно, противню съ Глаголицы, судя по одному мѣсту съ етой послѣдней и вообще языку), находящемуся въ библіотекѣ Августинскаго монастыря у Спасителя въ Болонѣ, и другому XVI-го, Прологу, семьи Сербской, въ Придворной Вѣнской библіотекѣ, въ коихъ стоитъ *векло*, по увѣренію издателя «*Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti. Vindobonae 1850*» (fol., s. h. v.); оно же, по его словамъ, встрѣчалось, когда то, и въ 1-мъ стихѣ XIII-ой главы Сираха («*olim etiam*»); но, справившись съ Острогскимъ изданіемъ Библии и, ея противнемъ, Московскимъ 1663 г., читаемъ въ обожъ: «*Кисласа некачъ ѡтернута, и ѡкрасила гордома*,

тотомъ ѣмъ вздѣтъ». Не знаю, какъ въ лицевой Кіевской Библии 1648 г. (въ 4-ку), но въ Библии 1779, тамъ уже находимъ «смола» вм. «вѣшъ». Слѣдовательно, окончаніе послѣдняго указываетъ на мнѣніе «вѣшъ», а не «вѣшю». Въ одномъ Прологѣ (ноября 28-го) вѣшю отличено отъ смола: «Друга же дѣла (кокетеля) вѣшю смолаю и вѣшюмъ, что, по объясненію «Словаря Церковнославянскаго и Русскаго языка» (откуда взяты и самый примѣръ), значитъ «горючая сѣра, варъ», а по тому отъ вѣшъ, то же 1) жаръ, зной, варъ; «Возможность же сѣра вѣшюмъ, емъ вѣшъ и раздѣлѣ много на земли (Прол. сентября 26-го. Тамъ же), и 2) вещество, вывариваемое изъ смолы; въ переносномъ смыслѣ пекло — тяжкая, несносная работа: «Попагъ въ пекло»; равно какъ и адъ; *пѣкло* же у Архангельцевъ и Новгородцевъ (Тихвинскихъ) — деревянная лопата, на которой сажаютъ въ печь хлѣба, а *пекунство* въ Вышневолоцкѣ называютъ солнопекъ («Опытъ области Великорусскаго Словаря. СПб. 1852 г., п. с. с.). У Малорусовъ подъ *пекломъ* всегда разумѣется предпочтительно адъ. Далѣе, названіе дегтя отъ корня «пек» встрѣчается еще у Сербовъ Православныхъ, но съ *a*, и при томъ въ формѣ «паклина» («Као катранъ, што се кола мажу», «Art Wagenschmiege»; см. *Вука Караджича* Сербскій рѣчникъ, изд. 2-е, 1852 г., п. с. с.), конечно, отъ *пакъ*, отъ коего пошло *пакано* вм. *пакаль*, въ двоякомъ смыслѣ: смола и адъ; впрочемъ, то и другое въ ходу наиболѣе въ западныхъ краяхъ Сербин, смежныхъ съ Далмаціей, въ коей отъ формы «пак» вм. «пек» употребительны слова, означающія не только смолу, деготь и т. п., но и вообще огонь адскій: *пакно*, и., 1) адъ; 2) *рѣх* («пакно неварентъ», *рѣх* поп соста); «пакно жнтакъ», *рѣх* fluida; «пакно живи, Bitumen); *пакаль*, (р. пакла) и *пакано*, адъ, откуда *паклима*, бѣсится, смолить и п. т.; *пакленъ*, адскій, преисподній, и смоленый, засмоленный, осмоленный, смольный, смольнистый и т. п.; при томъ въ ходу и форма «пекель» (*Stulli*, *Riečoslozje*, п. с. с.); между тѣмъ Православные Сербы отъ формы «пек» образовали лишь слова преимущественно для означенія печенія хлѣба (*pinso*), варива (*coquo*) и мяснаго, рыбнаго и т. п. (*azzo*), равно какъ показанія силы солнечныхъ лучей (*уго*), при чемъ сущ. *лека*, 1) *vas pistorium*; 2) попече-

ние, и 3) избалованное дитя (последнія въ переносномъ смыслѣ). Ясно, что первая форма (*лек*) болѣе свойственна Сербамъ Восточнымъ, а вторая (*лак*)—Западнымъ. Хорутанцы, по нарѣчьямъ, то же имѣютъ обѣ формы: *rekal*, *rekeu*, *rekov*, и *rakal*, *rakl*, но въ значеніи только адъ, кромѣшная, отъ *лек* же спеченное и тотъ, кто печеть, въ особенности хлѣбъ, иначе *rekag*, съ производными отъ нихъ; *rekeu*, сковорода; *rekati*, кусаться (о курахъ), — *se*, спорить; *rekliti*, мучить, терзать, пытаться; но *ресі*, *ресет*, печь вообще, жарить, жечь, и, въ переносномъ смыслѣ, какъ въ другихъ, имѣтъ попеченіе, бояться. Форма *лекло* и всѣ ея производныя, съ корнемъ *лек*, равно извѣстна также Чехамъ, Словакамъ (*peklo*) и Полякамъ (*pieklo*), отъ *лек*, а *накло* рѣшительно не извѣстно, хотя Поляки и знаютъ *рак*, 1) въ значеніи смолы, и 2) въ смыслѣ связки, вязки (также и *рока*), спешащая по формѣ съ чужимъ *пакетъ*, Фр. *rasquet*, А. *rask*, Гол. *рак* и т. д., въ Средне-вѣковой Латыни преобразившееся въ *raccus*, *fasciculus*, *sarcina*; Ит. *racco*, Исп. *raquete* (*Du Cange*, Gloss. med. et inf. lat. s. h. v.), хотя *φάκελλος* или *φάκελος*, встрѣчаемое уже у Еврипида; Оукидида и др., и говорить, что и это значеніе корня *лак* было извѣстно древнимъ, а также и Кельтамъ *рас* или (*p* въ одноорган. *b*): *bag*, *baich*, *beac'h*, въ какой формѣ попадаетъ въ Романскихъ нарр.: Исп. *baga*, Пров. *bagna*, ДФ *bague*, откуда Ит. *bagaglia*, — *lie*, — *lio*, Пров. и Фр. *bavage* (*Diez*, Etymolog. Wörterbuch der roman. Sprachen. Bonn, 1853, S. 36). Все это показываетъ, что слова етѣ, столько распространенныя по всѣмъ Индоевропейскимъ нарѣчьямъ и, замѣтимъ, въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ, которыя, впрочемъ, сводятся къ двумъ главнымъ видамъ (*лак* и *лек*), непременно пошли у cadaго собственнымъ своимъ путемъ отъ одного корня, общаго етой семьѣ языковъ (разумѣется, кромѣ слова, означающаго связку, и т. п.), но первоисточину коего трудно съ достовѣрностью указать, и по тому ни коимъ образомъ нельзя согласиться на переходъ слова *лекло* изъ Нѣмецко-Баварскаго въ Хорутанское, или, по Копитару, въ Церковнославянское. Если бы это сколько ни будь возможно было, то, во первыхъ, то значеніе, которое оно имѣетъ въ Нѣмецкихъ нарѣчьяхъ, безъ сомнѣнія, перешло бы и въ

Хорутанское, между тѣмъ какъ его-то и нѣтъ въ немъ ни подъ одной формой, напротивъ, слово это тутъ употребляется въ томъ самомъ смыслѣ, какой имѣло и имѣетъ во всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчіяхъ, и какой, судя по тому, должно признать главнымъ, по тому что онъ идетъ прямо отъ первично главнаго, выражающаго, такъ сказать, непосредственное, наглядно осязаемое, пластическое дѣйствіе теплоты и огня, между тѣмъ какъ то, на оборотъ, выведено отъ этого уже посредствомъ отвлеченія (что происходитъ отъ внутренняго, или же внѣшняго жара, пека, въ жидкомъ или липкомъ, кленстомъ видѣ, слѣдовательно, горючая сѣра, смола, варъ, и т. п.; отсюда уже дальнѣйшее отвлеченіе, на основаніи понятій о будущей жизни, преимущественно Христіанскихъ, пеклу приданъ смыслъ ада, хотя, съ другой стороны, таксе понятіе могло родиться и отъ дѣйствительныхъ ощущеній тѣла нашего въ сей еще жизни разнаго рода страданій, въ высшей степени истязательныхъ для насъ, по чему и выражается нашъ народъ о подобномъ состояніи несчастливца, какъ выше упомянуто: «Попагъ въ пекло!»). Во вторыхъ: рѣш какъ проводникъ понятія объ адѣ, должно было имѣть это понятіе какъ въ Нѣмецкомъ, такъ, равно, и Латинскомъ, изъ коего, походу рѣчи и мыслей, Копитаръ велеть его; но ни въ томъ, ни въ другомъ послѣдняго понятія не замѣчаемъ. «По тому Славяне сами его уже составили»? Если такъ, то за чѣмъ же было имъ брать его у чужихъ безъ этого понятія? Не сручиѣ ли было самимъ составить его, имѣя въ своемъ распоряженіи испоконъ тотъ же самый корень, какъ и етѣ два народа, и при томъ съ значеніемъ, гораздо ближайшимъ къ тому, для чего навязывается имъ это слово? По чему же нѣтъ слова этого въ Нѣмецкомъ значеніи у прочихъ Западныхъ Славянъ, бывшихъ, какъ и Хорутанскіе, въ не меньшихъ связяхъ съ Нѣмцами и столько перенявшихъ отъ нихъ волей и неволей? Етого не могло не быть, если бы дѣло происходило такъ, какъ стараются увѣрить насъ. Напротивъ, по чему слово это въ Древнегреческомъ значить *πίη*, а въ Новогреческомъ *infernus*? Явно, по тому самому, по чему и въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, однажды же не по тому, будто бы оно перешло въ него изъ Латинскаго черезъ посредство Нѣмцевъ и Славянъ.

Въ третьихъ: допустивъ, однако, на время возможность етого, мы непременно должны допустить и то обстоятельство, что Хорутанское нарѣчіе находится ближе всѣхъ прочихъ своихъ собратій къ Церковнославянскому, по той простой и естественной причинѣ, что тогда оно будетъ непосредственное, такъ сказать, порожденіе сего послѣдняго, которое, не смотря ни на какія переменны съ нимъ въ теченіе вѣковой разлуки, не могло до того отойти, чтобы близость его сдѣлалась подозрительной. Таковъ законъ природы, оправдываемый самымъ опытомъ, на примѣръ: изъ Романскихъ нарѣчій все таки Итальянское и въ теперешнемъ своемъ книжномъ видѣ, и по областнымъ своимъ подрѣчіямъ, самое ближайшее къ Латинскому, особливо къ его *lingua Romana rustica*, чѣмъ всѣ прочія его отрасли во Франціи, Испаніи, Португаліи, Швейцаріи и прежней Дакии. Я разумѣю здѣсь близость по перевѣсу всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя составляютъ сущность всякаго языка; въ частности не рѣдко случается, что самое позднее нарѣчіе, даже разнорѣчіе, въ какомъ ни есть захоlustѣ, сохраняетъ такое изъ свойствъ, или словъ, древняго языка, какого напрасно искали бы въ самомъ старѣйшемъ его нарѣчій, иногда даже указываетъ прямо на самый праязыкъ, т. е., употреблявшійся въ доисторическое время, о которомъ заключаемъ по всему его составу, что онъ долженъ быть таковъ, а не иной. Что же? Языкъ нынѣшнихъ Хорутанцевъ по всѣмъ его, доступнымъ мнѣ, источникамъ и самому опыту, и при томъ въ разныхъ краяхъ, гдѣ только онъ звучитъ, я нахожу далеко не тѣмъ, за что Копитаръ выдаетъ намъ его; а етого не могло быть, если бы онъ былъ тотъ самый, на который Кириллъ и Меѳодій перевели богослужебныя книги во время пребыванія своего въ Панноніи. По крайней мѣрѣ, что ни будь напоминало бы такое тождество, что ни будь посущественнѣе тѣхъ не многихъ словъ, опираясь на которыя думаютъ доказать то, словъ, при томъ, иноязычныхъ, стало быть, какъ говорится, перелетней дичи, оказывающихся, при ближайшей повѣркѣ, дѣйствительно дичью, но дичью, залетѣвшей болѣе прямой дорогой, а нѣкоторыя даже достояніемъ Индоевропейскихъ нарѣчій, или большинства ихъ, по общему всѣмъ имъ праязыкѣ (176).

Сдѣсь ничто не значить и *название* Хорутанцевъ именовъ *Словенцы* или *Словинцы*, а нарѣчія ихъ *Словенское*, *Словинское*. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей, кажется, имѣя въ виду это, силятся подкрѣпить слабость доводовъ Копитара тѣмъ, что, безъ дальняго величаютъ языкъ Хорутанскихъ Словенцевъ *Новословенскимъ*, въ отличіе отъ Церковнославянскаго, по ихъ мнѣнію, родоначальника его, и по тому называемаго ими *Древнесловенскимъ* или *Старословенскимъ* что, де, гораздо правильнѣе, тѣмъ названіе «*Церковнославянскій*», по тому что подъ етѣмъ разумѣется языкъ, употребляемый въ богослужебныхъ книгахъ Руской Церкви, слѣдовательно, подъ вліяніемъ Рускаго языка, больше, меньше обрусѣвшій (какъ будто съ примѣсю вліянія, на примѣръ, Сербскаго, онъ уже не Церковнославянскій!). Етотъ Новословенскій языкъ, по етому, родной братъ Новобулгарскаго; и какъ древнѣйшіе памятники Древнесловенскаго, или собственно Словенскаго, отца обоихъ ихъ, составляютъ: Клоцовъ Глаголита, Ассеманіево Евангеліе, Супрасльская рукопись и ц. 1. (разумѣется, большею частью, такъ называемые, Глагольскіе памятники), такъ точно и старѣйшій памятникъ Новословенскаго суть Фрейзингенскіе отрывки: голословное мнѣніе, ни на чемъ не опертое, по крайности, доказательства въ пользу его по сю пору остаются за высказавшимъ его (177). Видно, что духъ мелкаго и узкаго родолюбія не переводится между земляками Копитара, когда ни успѣхи сравнительнаго языковѣдѣнія, ни такого же дѣписанія и народовѣдѣнія, не въ силахъ отклонить отъ подобныхъ богатырскихъ пошибовъ и стропотныхъ помысловъ. Въ самомъ дѣлѣ, выдавать (не приводя даже малѣйшихъ причинъ, но выставляя выдаваемое, какъ дѣло извѣстное и доказанное) за собственно Словенскіе или Древнесловенскіе памятники Глагольскія рукописи, хоть бы то было и до половины XIII-го вѣка, а Фрейзингенскіе отрывки за памятники Новословенскаго, и называть послѣдній братомъ Новобулгарскаго, такъ что Словене Булгарскіе суть даже вѣтвь Словенскаго племени («ein Zweig des slovenischen Stammes»), что иное можетъ значить, какъ не то, что обыкновенно, но совершенно по дѣломъ, пятнаемъ именовъ квасной любви къ своему роду и плоду? Другіе, не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, и принимая такіа ошѣло и положительно выра-

женныя мысли за дѣло доказанное, уже пытаются и въ Исторіи Славянской письменности ставить на первомъ мѣстѣ Глагольскіе памятники, а за ними Кирилльскіе, изъ обоихъ же (Глагольскихъ и Кирилльскихъ), составляютъ первую часть Исторіи Словенской Литературы, а вторую изъ Новословенской, т. е., Хсрутанской (178). Вопреки натянутымъ, вѣрнѣе, неестественнымъ, умствованіямъ, языкъ Новобулгарскій, не смотря на всю порчу его отъ вліянія сосѣднихъ ему языковъ, преимущественно Румунскаго и Шкипетарскаго или Албанскаго, лишившихъ его склоненій, въ оставшемся, именно: въ нѣкоторыхъ временахъ спряженій и словарѣ, несравненно ближе къ Церковнославянскому, чѣмъ всѣ прочія Славянскія нарѣчія. Въ этомъ послѣднемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ изъ Турецкаго, Румунскаго, Новогреческаго и Албанскаго, которыя, сверхъ чаянія, сравнительно съ другими нарѣчіями, далеко въ меньшемъ количествѣ въ немъ, нежели въ нихъ такія же чужія, почти всѣ слова Церковно-славянскія, отъ чего ни одинъ изъ Славянскихъ народовъ, если исключимъ Рускихъ, такъ скоро не усвоитъ себѣ разумѣніе Церковнославянскихъ памятниковъ, какъ самыя даже простыя Булгаре (другихъ у нихъ и нѣтъ, благодаря четырехвѣковому гнету Турковъ); ни одинъ въ такое короткое время и такъ хорошо не знакомится съ Рускимъ книжнымъ и народнымъ языкомъ и произношеніемъ его (больше, нежели какое другое изъ родственныхъ нарѣчій сблизившимся съ Церковно-славянскимъ въ слѣдствіе тысячелѣтняго общенія съ памятниками его и, какъ показываетъ исторія, даже родовыхъ и историческихъ узъ): говорю, опираясь на ежедневный опытъ, какъ профессоръ Славянскихъ нарѣчій, исторіи и литературы, имѣя въ числѣ слушателей по нѣскольку и изъ прочихъ соплеменниковъ. Да и на оборотъ: ни съ какимъ изъ Славянскихъ нарѣчій Рускій такъ быстро и легко не осваивается, можно сказать, на лету, какъ съ Новобулгарскимъ, не взирая на все измѣненіе его; не будь этого, тогда разумѣется, не стоило бы почти ни какого напряженія знакомиться съ нимъ, во всякомъ же случаѣ не больше того, какое нужно для правильного пониманія Церковнославянскаго. Его обстоятельство не

можетъ быть оставлено безъ вниманія при опредѣленіи близости и сродства какихъ угодно нарѣчій и языковъ: что отъ насъ не далеко, то и дается намъ легко. Напротивъ, Сербъ уже больше требуетъ усилій для знакомства съ Новобулгарскимъ, нужды нѣтъ, что онъ отъ старины непосредственный сосѣдь Булгару, а Областной Хорватъ и Словенецъ и того больше; точно такъ и Булгаръ, послѣ Рускаго, легче всего осваивается съ Сербскимъ, за нимъ съ Областнымъ Хорватскимъ, а тамъ ужъ и Словенскимъ. Между Булгарскимъ и Рускимъ такое же отношеніе, какое между Чешскимъ и Словацкимъ, Польскимъ и Кашубскимъ, Верхнелужицкимъ и Нижнелужицкимъ, а между Булгарскимъ и Сербскимъ, какое между Чешскимъ и Польскимъ и Нижнелужицкимъ, Чешскимъ и Верхнелужицкимъ, Сербскимъ и Областнымъ Хорватскимъ, или Словенскимъ. Не доказательство справедливости противоположнаго мнѣнія сопоставленіе подъ одно названіе Булгарскихъ и Хорутанскихъ Славянъ и ихъ нарѣчій, какъ я замѣтилъ выше, а также и самый способъ разсматриванія ихъ, какъ двухъ равноправныхъ частей одного цѣлаго: это просто на просто одно лишь предположеніе, выраженное, впрочемъ, безъ дальнѣйшаго доказательства, въ видѣ общезвѣстной и дознанной истины. Подобныя приемы въ области исторіи и языковѣдѣнія могутъ путать только однихъ неопытныхъ; это сылокъ для легковѣрныхъ и мало знакомыхъ съ дѣломъ, всегда почти удающійся въ началѣ, но также всегда и разоблачаемый въ послѣдствіи. Строить на такомъ песочномъ основаніи могутъ лишь люди, которые болѣе гонятся за успѣхомъ во что бы и на сколько бы то его ни стало. Напередъ пусть намъ докажутъ, что Словѣне Булгарскіе или поселившіеся въ Мизіи, Фракіи, Македоніи и остальной Греціи, съ Словенами Хорутанскими, какъ бы ни раздвигало предѣловъ ихъ пристрастіе къ своему, первоначально и существенно такое же цѣлое, какое, по крайности, представляютъ собой Славяне Рускаго Сѣвера, Юга, или Запада, измененіе говора коихъ можно прослѣдить изъ столѣтія въ столѣтіе по памятникамъ письменнымъ, представляющимъ, въ самомъ началѣ, дѣйствительно, едва замѣтное уклоненіе отъ одного, общаго имъ, такъ сказать, склада и лада рѣчи, которое, однако, какъ ни увеличивалось съ теченіемъ времени, все же не

ны, посла къ црѣю Михаилоу, гла», и пр. Житіе Кирилла), на что смотрѣли, какъ на непосредственное внушеніе Божіе («Бгѡмъ оустимъ». Тамъ же.), языкъ, принятый съ такою радостію всѣми («ради выша Словани, ино слышаша велнчїа Божїа своимъ азъкомъ». Несторъ. П. С. Р. А. т. I, стр. 11), не могъ тотчасъ исчезнуть, равно какъ и сочиненія на немъ, разумѣется, относящіяся до богослуженія, что подтверждено на самомъ дѣлѣ упомянутыми двумя памятниками въ Чехахъ. А если это возможно было въ Чехахъ, то тѣмъ болѣе въ Моравїи и Панноніи, куда, собственно, и призванъ былъ онъ. Заключение о возможности этого подтверждается, такъ называемыми, Паннонскими Житїями самихъ нашихъ благовѣстниковъ, которыя и слывутъ такъ именно по тому обстоятельству, что писаны въ Панноніи, вскорѣ послѣ кончины Меодїа, какъ это показано уже неопровержимымъ образомъ въ, часто упоминаемой нами, статьѣ: «Кириллъ и Меодїи». Какъ въ нихъ и памятникахъ этого языка въ Чехахъ встрѣчаемъ, тамъ и сямъ, слова, указывающія на языкъ народа, среди котораго они писаны (179), такъ равно и етѣ Фрейзингенскїе отрывки суть памятникъ того же самаго языка, съ такой же, какъ и тѣ, невольной примѣсью изъ нарѣчїа народа, у коего и для коего были составлены. Слѣдовательно, и тѣ, и етѣ писаны языкомъ Церковнославянскимъ или языкомъ Славянъ Булгарскихъ, внѣ земли и владѣній послѣднихъ, а по тому, естественно, подъ влїяніемъ другихъ (хоть и родственныхъ) нарѣчїй. Въ противномъ случаѣ пришлось бы считать Житіе св. Вячеслава и Церковную пѣснь древнѣйшими памятниками Чешскаго языка, такъ какъ и въ нихъ на столько же замѣтно присутствїе послѣдняго, на сколько въ тѣхъ и въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ пробивается языкъ Славянъ Паннонскихъ. И такъ, разсматривая етотъ памятникъ самъ по себѣ, по однимъ лишь его внутреннимъ свойствамъ, убѣждаемся въ принадлежности его времени, которое слѣдовало послѣ Кирилла и Меодїа, а съ тѣмъ и въ невозможности подтвердить имъ мысль о томъ, чтобы Хорутанскїе Славяне когда либо говорили языкомъ, въ немъ и прочихъ Церковнославянскихъ памятникахъ заключающемся, такъ какъ во всемъ согласныхъ съ нимъ.

Но окончательной ударъ Копитарову мнѣнію нанесенъ тѣмъ самимъ, къ чему виновникъ его отсылалъ на судъ и послѣднее рѣшеніе всѣ недоумѣнія и сомнѣнія объ етѣхъ памятникахъ, а съ ними, стало быть, и предположеніе свое о тождествѣ языка Хорутанцевъ съ языкомъ нашихъ Богослужебныхъ книгъ. «*Verum prius etiam rogandi erunt qui bibliothecas praesertim germanicas tractant, ut duce hac nostra qualicumque interpretatione exquirere velint sive latinum sive germanicum archetypum, ex quo haec nostra monumenta, omnium sui generis antiquissima fluxerint. Quo invento facile et nostra interpretatio emendabitur, et quae dubia aut controversa nobis amicisque fuere, liquido patescent*» (Glag. Cloz. pag. XLIV). Етотъ, столько желанный имъ, «*archetypum*», теперь въ рукахъ нашихъ, только по «*latinum*», не «*germanicum*», и не для всѣхъ трехъ отрывковъ, но «*slavicum*», для одного только изъ нихъ, за то самаго замѣчательнаго по объему и содержанию своему. Уясненіе происхожденія етого отрывка открытіемъ первообраза его уясняетъ многое и въ судьбѣ остальныхъ двухъ, даетъ право дѣлать такія же заключенія и о нихъ, ни чѣмъ не отличающихся отъ него своимъ языкомъ и всѣмъ прочимъ. Первообразъ же для третьяго изъ Фрейзингенскихъ памятниковъ составляетъ то самое «Поученіе на память св. апостола Марка», на которое первый указалъ все же глава нынѣшнихъ Рускихъ филологовъ, Востоковъ, въ своихъ образцовыхъ «Грамматическихъ объясненіяхъ» етѣхъ отрывковъ, «представивъ сводное изложеніе его по нѣсколькимъ спискамъ, помѣщеннымъ въ Прологахъ подъ 25-мъ апрѣля. «Сравнивалъ оно (Поученіе) съ проповѣдью Словенскою, вписанною въ Фрейзингенскую рукопись»,—говоритъ А. Х.;—«читатель удостовѣрится, что одно изъ сихъ сочиненій передѣлано съ другаго, или, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, даже буквально списано. Въ печатномъ Прологѣ нѣкоторыя выраженія перемѣнены, отъ чего въ ономъ сходство съ Фрейзингенскою статьею въ мѣстахъ потеряно». Нѣсколько выше: «Неизвѣстно, кѣмъ сочинено сіе поученіе: слогъ и манеръ въ ономъ кажутся не Греческіе». Далѣе: «Мѣста сходныя въ семъ Поученіи съ увѣщательною проповѣдью Южно-Словенскаго Миссіонера, расположены не въ томъ же самомъ поряд-

кѣ, и обставлены другими мѣстами несходными; сверхъ того въ первомъ изъ сихъ сочиненій рѣчь идетъ объ одномъ Св. Маркѣ, а послѣднее указываетъ вообще на Святыхъ. Но за всѣмъ тѣмъ, нельзя конечно считать сходства сія случайными, ибо они простираются не на малое только число выражений и мыслей одинаковыхъ. Трудно доискаться, отъ чего произошло сіе сходство между двумя письменными памятниками, столь отдаленными одинъ отъ другаго и временемъ, и мѣстомъ, и разностью буквъ: ежели только счастливый случай не откроетъ еще какихъ нибудь остатковъ древности, могущихъ служить къ разрѣшенію сей загадки» (180). Копитаръ, не смотря на то, что Крайнецъ по происхожденію, и при томъ уже издателемъ «Собранія Словенскихъ памятниковъ въ Россіи названный превосходнымъ филологомъ» (стр. 3), ничего не сумѣлъ сказать намъ особеннаго, помимо сообщеннаго Рускимъ филологомъ, равно какъ и открыть первообразъ хоть одного изъ трехъ отрывковъ, напротивъ, какъ сейчасъ упомянуто было, удовольствовался лишь превознесеніемъ похвалами объясненій упредившаго его филолога, примѣчаньями («commentarioli») второй руки, да, въ завершеніе всего, перепечатаніемъ самаго «Поученія на память св. ап. Марка» и переводомъ его на Латинскій, по тому что нельзя же считать тѣмъ либо особеннымъ мнѣнія его, тутъ же, въ четырехъ строчкахъ, высказаннаго, по коему ето Поученіе, могло стать, занесено было въ Россію посломъ къ в. к. Ольгѣ, 960 года, Трирскимъ (послѣ Магдебургскимъ) архіепископомъ, Адальбертомъ, современникомъ Авраама, Фрейзингенскаго епископа, 957—994, по мнѣнію Копитара, «scriptoris codicis Frisingensis» (181). Списокъ съ списка Авраамова, оставшійся у насъ, какимъ бы то ни было образомъ послѣ Адальберта, могъ быть, отысканъ митрополитомъ Макаріемъ, поклонникомъ Западнаго просвѣщенія (?), либо даже другимъ какимъ ни есть способомъ полученъ имъ изъ Нѣмецкой земли: «Quid si missus c. 960 Olgae ducissae Adalbertus Treverensis, dein Magdeburgensis Archiepiscopus, Abrahami nostri aequalis, descriptam ex hujus *ἐϋκολλη* tulerit in Russiam, ibique relictam aut perditam a repulso, posthac invenerit Macarius metropolita? Quamquam Macarius occidentalium doctrinae admirator potuit alia

etiam via ipse pancisci e Germania» (182). Такого рода предположения свѣдѣтельствуя только, что для человѣка, рѣшившагося, однажды, отстаивать какую либо мысль, самое несообразное и невѣроятное кажется дѣломъ совершенно въ порядкѣ вещей, очень возможнымъ, даже чуть ли на самомъ дѣлѣ не существовавшимъ. Какъ бы то ни было, только скоро 30 лѣтъ, какъ въ первый разъ было указано на необыкновенное сходство Фрейзингенскаго Поученія съ Поученіемъ на память св. апостола Марка, а объясненія причины тому по сю пору нѣтъ, какъ нѣтъ, ни откуда, ни съ Запада, ни съ Востока. Востоковъ всю надежду въ этомъ случаѣ возложилъ на «счастливый случай», который, авось, «откроетъ какой ни будь остатокъ древности, могущій служить къ разрѣшенію сей загадки». И, странно, случай этотъ, казалось, выжидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ, по крайней мѣрѣ, знатоками и замѣшанными въ семь дѣлъ, нѣсколько лѣтъ тому представился, и, однако же, не только не вызвалъ ни чьего объясненія, но прошелъ незамѣченнымъ даже тѣми, которые больше всѣхъ, по видимому, дожидались его. Въ упомянутомъ уже разѣ письмѣ ко мнѣ, въ мартѣ 1848 года, В. М. Ундольскаго, о твореніяхъ «Климентъ, епископа Словѣньска», представлень былъ «перечень Словъ Климентъ, съ ихъ началами», съ цѣлю, не встрѣтится ли кому либо чего еще новаго изъ сочиненій сего писателя. Подъ числомъ 2-мъ приведено тутъ: «Поученіе на память Апостола или Мученика». Начало: «Братіе, присно ждаа». Оно, вмѣстѣ съ двумя другими (предшествующимъ и послѣдующимъ) (183), отыскано сочинителемъ письма еще въ 1840 году, въ одномъ пергаменномъ сборникѣ XII-го вѣка, принадлежащемъ Библіотекѣ Троицко-Сергіевой Лавры подъ № 11-мъ (184). Такое начало этого Климентова Слова само собою вызывало сличеніе съ такимъ же началомъ «Поученія на память св. ап. Марка». Конечно, тотъ, кто первый выписалъ его, знаетъ объ отношеніи его къ «Поученію» и, безъ сомнѣнія, въ свое время, при изданіи твореній Климентъ, предпринятыхъ имъ (185), упомянетъ о томъ, даже, статья можетъ, займется подробными поисками о соотношеніи между егѣми Поученіями; однако, считаю нужнымъ замѣтить, и съ своей стороны, о послѣднемъ, тѣмъ болѣе, что оно, какъ нельзя лучше, свѣдѣтельствуя противъ Ко-

питарова мнѣнія о Хорутанскомъ происхожденіи нашего Бого-
служебнаго языка.

Теперь, зная положительно, кому принадлежитъ значительная часть 3-го отрывка Фрейзингенской рукописи (у Конитара 2-го, въ Glag. Cloz.), т. е., Клименту, епископу Словѣньскому, непосредственному ученику Кирилла и Меѳодія, какъ мы видѣли уже, скончавшемуся 27-го іюля, 916-го года, теперь, говорю, имѣемъ полное право сдѣлать слѣдующія послышки и вывести отсюда заключенія: а) что рукопись эта не можетъ быть старѣе, по крайней мѣрѣ, первой четверти X-го вѣка; слѣдовательно, б) быть древнѣйшимъ памятникомъ какъ вообще Славянской письменности, такъ и въ особенности Церковно-славянской, и, по тому, в) свѣдѣтельствомъ въ пользу Паннонскаго или Хорутанскаго происхожденія Священнаго языка Славянъ Православной Церкви. Напротивъ, открытіе принадлежности «Поученія» Клименту показываетъ, окончательно и навсегда, еще съ новой стороны, ту истину, добытую уже при посредствѣ другихъ обстоятельствъ, что языкъ нашихъ богослужебныхъ книгъ дѣйствительно и непреложно есть языкъ тогдашнихъ Славянъ Булгарскихъ, такъ какъ самъ Климентъ былъ, по показанію его жизнеописателя, природный Булгаръ, слѣдственно, писалъ на своемъ родномъ языкѣ, а не на языкѣ Хорутанскомъ, хотя и родственномъ, но не въ такой степени, чтобы онъ былъ одно и то же съ языкомъ Славянъ Булгарскихъ. Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ парѣчія Славянскія ближе къ себѣ: ето правда; но правда и то, какъ показываетъ исторія и новѣйшія основательныя изслѣдованія, что, при всемъ еродствѣ и сходствѣ, нарѣчія етѣ уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ. А если Климентъ употреблялъ языкъ Славянъ Булгарскихъ, то, естественно, то же должно сказать и объ учителяхъ его и Славянъ на Фракійскомъ полуостровѣ, равно какъ и въ Великоморавіи; въ противномъ случаѣ такое важное и существенное обстоятельство не было бы пропущено описывавшимъ жизнь Климента. Отсюда, г) третій отрывокъ Фрейзинген-

ской рукописи, столько сходный даже дословно во многомъ съ твореніемъ Климента, свѣдѣтельствуешь, что онъ писанъ на одномъ и томъ же языкѣ съ етѣмъ послѣднимъ, отнюдь же не на оборотъ. Нѣкоторыя, самыя мелкія, разнорѣчія слѣдуетъ приписать тому, что до насъ дошелъ не подлинникъ, но только списокъ Климентова сочиненія изъ XII-го столѣтія, и при томъ разряда Рускаго, равно какъ и тому, что Фрейзингенскій отрывокъ переданъ Латинской азбукой, какъ извѣстно, самой недостаточной для воспроизведенія звуковъ языка нашего племени, особенно за столько вѣковъ въ древность. Не смотря на все искусство объяснявшаго ихъ, довольно еще остается сомнительнаго, какой именно Славянской звукъ хотѣлъ выразить писецъ той, или иной, Латинской буквой, хотя, съ другой стороны, это послѣднее ни мало не мѣшаетъ видѣть въ отрывкахъ сихъ Церковнославянское, а не Паннонское или Хорутанское, нарѣчіе. По сему полагаю, вмѣстѣ съ Востоковымъ, что одно изъ етѣхъ двухъ «Поученій» (Фрейзингенскій третій отрывокъ, точно такое же поученіе, какъ и Поученіе на память св. ап. Марка) есть, по меньшей мѣрѣ, передѣлка съ другаго, и передѣлка, что называется, рабская, т. е., допускающая буквальныи снимокъ. Что съ чего списано или передѣлано, ясно. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же предполагать, чтобы Климентъ заимствовалъ сходное изъ Поученія, не извѣстно кѣмъ и когда составленнаго для Хорутанцевъ, стало быть, до прихода къ нимъ Солунцевъ, стало быть, на языкѣ Климента, т. е., Славянъ Булгарскихъ? Или думать, что оно составлено на Хорутанскомъ, но бывшемъ до того сходнымъ съ языкомъ Климентовымъ, что оба слѣдовало считать однимъ и тѣмъ же, а не двумя, даже родственными, нарѣчіями? Въ такомъ случаѣ, всякой толкъ о переводѣ богослужебныхъ книгъ на одно изъ етѣхъ нарѣчій, въ существѣ своемъ, становится излишнимъ, по тому что тогда его — одно и тоже, а разница въ одномъ лишь названіи. Но такое сходство должно доказать, а не предполагать, или допускать только, какъ возможность, и на ней строить системы, Такъ какъ поученіе Климента писано на память апостола или мученика, то отсюда становится понятнымъ, что оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ поученій, ко-

торья обыкновенно назначаются для произношенія не въ одинъ опредѣленный день, и при томъ разъ навсегда, но въ разные, сходные между собою по чему либо, церковные дни. Въ поученіяхъ такого рода всякой новообращенный народъ пуще всего нуждается, и по тому-то Климентъ, какъ извѣстно изъ Житія его, старался, прежде всего, удовлетворить етой первой потребности Славянъ Христіянъ; отъ того, въ древнѣйшихъ спискахъ етого поученія и другихъ подобныхъ, не встрѣчаемъ надписанія, на память какого именно лица, или событія, оно предназначалось, но вообще, что выражается въ самомъ изложеніи словомъ «имѣ» («има речѣ») (186). Можно думать, что ето твореніе Климента, послѣ его удаленія, вмѣстѣ съ прочими товарищами, изъ Великоморавскихъ владѣній, было передѣлано кѣмъ ни есть изъ Православныхъ преемниковъ ихъ, чѣмъ объясняется обстановка взятаго изъ етого поученія другими мѣстами, равно какъ и самое расположеніе; либо еще самъ Климентъ взялъ изъ него то, что шло, и перенесъ въ другое поученіе о грѣхахъ (весьма обыкновенное явленіе, какъ извѣстно, въ древности), и, въ семъ послѣднемъ видѣ оно было кѣмъ-то записано Латинскимъ письмомъ, когда Кириллица, время отъ времени, болѣе и болѣе приходила въ забвеніе между Хорутанскими Славянами, подпавшими, съ тѣхъ поръ, зависимости Нѣмцевъ въ государственномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ. Подъ Поученіемъ о грѣхахъ, разумѣется такое, коимъ побуждаются вѣрующіе къ исповѣданію своихъ грѣховъ, или, какъ въ немъ сказано, «поутатию» то есть, исчисленію передъ «Божіими рабамъ» или духовными отцами: «da po tomu zínzi (sincí) boží raba prizvavše, tere im grechi vaša počtete i im ispovedni bodete grechov vašich»; по Кирилловскому письму: «дл по томоу, сынци, божни раба призъвавше, тере имъ грѣхи ваша поутате и имъ исповѣдани бадте грѣховъ вашихъ». Стало, оно есть какъ бы приготовленіе или введеніе къ тому, что составляетъ содержаніе прочихъ двухъ отрывковъ; по сему, всѣ три, имѣя одну цѣль, по необходимости, и приспособлены къ ней, слѣдовательно, составляютъ нѣкотораго рода одно цѣлое. Я готовъ думать, что и прочіе два отрывка, гораздо меньшаго объема, изъ коихъ первый просто «исповѣдь грѣховъ» или въ грѣхахъ для каждаго, на

что указывают и слова, поставленные въ заглавіи ея: «Glagolite po naz (nas) redka zloveza (slovesa)», а второй — исповѣдная молитва, то есть, передъ исповѣдью, что видно изъ словъ: «da bim čisto izpovjed stvoril i odpustek ot bo-ga prijel»: да вѣмъ устъ исповѣдь сътвориша и отпоустѣхъ отъ бога приша, что и етъ два, говорю, отрывка первоначально писаны однимъ изъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, быть можетъ самимъ же Климентомъ, или кѣмъ либо изъ непосредственныхъ послѣдователей ихъ, и только съ теченіемъ времени подверглись передѣлкѣ, т. е., приспособлены больше къ обряду Западной Церкви. Но всего вѣроятнѣйшимъ полагаю составленіе етѣхъ трехъ памятниковъ туземцемъ (Паннонскимъ или Хорутанскимъ), но туземцемъ, жившимъ въ то время, когда языкъ Кирилла и Меѳодія не совсѣмъ еще вышелъ изъ употребленія, по крайности, между духовенствомъ, да и простолюдину былъ на столько понятенъ, на сколько теперь въ земляхъ Православныхъ. Такимъ же временемъ естественнѣе всего считать пространство его отъ кончины Меѳодія до присоединенія Хорутани къ Баваріи (885—937), т. е., то самое время, когда, не смотря на изгнаніе Меѳодіевыхъ учениковъ, какъ богослуженіе, такъ и, органъ его, языкъ Церковнославянскій или Славянъ Булгарскихъ, продолжали все еще коекакъ пробиваться. Да и по чему же не такъ, если мы знаемъ навѣрное, что первые государи самыхъ разрушителей Великоморавской Державы были послѣдователями Православія? когда въ сосѣдственной и родной землѣ, Чешской, тоже нѣкоторые изъ членовъ семьи перваго Христіанскаго Чешскаго князя (Боривоя) крѣпко держались етого Исповѣданія, такъ что святая и богоугодная жизнь ихъ была описана не на Чешскомъ, тѣмъ менѣе Латинскомъ, или Нѣмецкомъ, языкѣ, но именно на языкѣ Церковнославянскомъ, и описаніе ето, какъ мы уже знаемъ, хотя не въ современномъ подлинникѣ, дошло даже до нашего времени? (187) При томъ же, и послѣ долго и долго, не взирая на переходъ владѣтельнаго Дома и высшаго сословія, простой народъ Чешскій питалъ сильное сочувствіе къ Славянскому богослуженію и языку, какъ онъ обыкновенно называлъ Православіе и его Церковнославянскій глаголь, такъ что среди его по-

являлись, не рѣдко, мужи, основывавшіе особыя обители для безпрепятственнаго отправленія его (между прочимъ, знаменитый Сазавскій монастырь, о коемъ говорено было выше). Если дѣйствительно возможно было Чеху описать Житіе и кончину св. Вячеслава на етомъ языкѣ, то по чему же считать невозможнымъ такое же знаніе и употребленіе Церковнославянскаго языка въ ету пору въ Панноніи, имѣвшей передъ Чехіей то важное преимущество, что въ ней, по извѣстіямъ, не поддежающимъ ни какому сомнѣнію, не разъ и не мимоходомъ, пребывалъ Месодій, слѣдовательно, и его ученики? Жизнеописатель Климента говоритъ о многочисленности послѣднихъ при погребеніи его: не могли же всѣ они состоять изъ однихъ Великоморавцевъ, но, разумѣтся, по крайней мѣрѣ, на половину было ихъ и изъ владѣній Коцела? По сему, очень статочное дѣло, что одинъ изъ современниковъ Кирилла и Месодія, или же ихъ учениковъ, родомъ Хорутанецъ, былъ виновникомъ всѣхъ упомянутыхъ трехъ отрывковъ, написавъ ихъ на языкѣ нововведеннаго богослуженія, сдѣлавшемся ему извѣстнымъ точно такимъ же образомъ, какимъ и жизнеописателю св. Вячеслава, и т. п. Тогда понятно, что онъ, какъ членъ уже Римско-Нѣмецкой Церкви, но имѣвшій дѣло съ народомъ, недавно еще съ такимъ восторгомъ принявшимъ слово Божіе на понятномъ ему языкѣ, и по тому не могшимъ тотчасъ охладѣть къ нему, долженъ былъ, для вѣрнѣйшаго успѣха, т. е., склоненія къ своей Церкви и удержанія за ней, на первыхъ порахъ много кой въ чемъ сообразоваться съ волей и расположеніемъ послѣдняго, слѣдовательно, могъ составить на языкѣ, на которомъ такъ недавно провозглашалось ученіе Церкви Православной и совершалось покаяніе въ грѣхахъ, и самъ, сколько можно, близкій по формѣ и содержанію отъ себя, приуготовительное поученіе къ исповѣди, молитву передъ исповѣдью и самую исповѣдь, или же бывшія уже и извѣстныя ему на етомъ языкѣ, измѣнить по своему, т. е., приспособить къ нововводимому, такъ сказать, порядку вещей. Подъ етѣмъ я разумѣю, преимущественно, вставки, указывающія на обрядность или обычай Западной Церкви, именно: о Маріи, Петрѣ, Михаилѣ, Лаврентіи (Лаврентцѣ), вѣрникахъ (*confessoribus*), дѣвахъ и

божнихъ рабахъ (*Dei servis*), какъ обыкновенно любить называть себя Западное духовенство, о законникахъ (*fidelibus*), мощахъ, Крисусть (Христусть по древнему или Христъ) и т. п. А какъ трудно, почти невозможно, было (по крайней мѣрѣ, сколько исторія Церковнославянской письменности по сию пору показываетъ), пишучи на языкѣ, хоть и родственномъ (что тѣмъ опаснѣе), но все же не родномъ, т. е., языкѣ Православнаго богослуженія, выдержать его во всемъ безошибочно, то отсюда, сами собою, объясняются нѣкоторыя Хорутанскія формы, безсознательно сообщенныя словамъ и оборотамъ Церковнославянскимъ, равно какъ и нѣкоторыя выраженія Хорутанскія и Хорутано-Нѣмецкія, т. е., такія, которыя принадлежатъ Нѣмцамъ, но, нечувствительно привившись, по сосѣдственному общенію, къ нарѣчію Хорутанскому, черезъ него навязаны и писавшимъ Церковнославянской рѣчью. Къ первымъ относятся, между прочимъ, касательно звукоизмѣненія: поставленіе *е* вмѣсто доегласной *я*, равно какъ и вмѣсто мягкаго *е* (*ж*), изрѣдка только показывающагося; такое же отвращеніе къ смягченію гласныхъ и согласныхъ; *у* (выраженное черезъ *и*) *вм.* *шт* или *ф*; вставочное *д*: *clanam ze i modlim ze* (III, 36); *taco zinzi i nam ze modliti tomu ge vuirchnemo Otzu Gozpodi* (III, 59): оно и теперь еще, по свѣдѣтельству Ярника: «*Versuch eines Etymologicons der slowenischen Mundart in inner Oesterreich*» (Klagenfurt, 1832, S. 52), употребляется, тамъ и сямъ, въ собственной Хорутани. Касательно измѣненія словъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ: предпочтительное поставленіе сокращенныхъ формъ, то есть, въ именахъ существительныхъ творительный именъ женскаго рода един. числа твердогогласныхъ (*а*) на *о* *вм.* *посоваго*, по Польскому правописанію, *а* (*ø*), или *и* (*u*), что попадаетъ также въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ: *zemlo* (II, 11), *cisto* (II, 22), *nasu praudnu vuerun i praudnu izbovuediu* (III, 104—106), *mo dusu, i mo vuoliu, i mo vueru* (I, 30—31); равно какъ и въ глаголахъ: *poruso* (II, 61), *poronso* (I, 29); далѣе, другія стяженія: *tua* (I, 29), *tuima* (II, 55), *tuo* (I, 32), *me* (I, 29—30), *memu* (I, 19), *vuecsne* (I, 34), *pomislenie* (II, 63), *zlodgem prestupam* (III, 24), *klanam ze* (III, 36), и пр.; но въ особенности, рядомъ съ окончаніемъ родительна-

го ед. ч. муж. и ср. прилаг. и мѣстоименій на *што, ево, ого*, окончаніе на *вгл, ега, ога*: *saco mi iega potreba* (I, 20), *i u iega z(s)in* (II, 6, 11); *ni mega poz(s)ta* (I, 18), *za mega izvolenie* (I, 33), *i inoga mnogoga* (I, 19), *uchrani me ot uzega (vsega) zla* (II, 72); *bim* въ выраженіяхъ: *i da bim na zem zuete tacoga grecha pocazen vzел* (I, 25); *i da bim uzlissal na zodni den tuó milozt vueliu* (I, 35); *da bim cisto izpouued ztuoril* (II, 22); *da bim nezramen i neztiden na zudinem dine pred tuima osima ztoial* (II, 53—56), т. е., *бѣмъ*, встрѣчается иногда, какъ видно изъ примѣра, приведеннаго Востоковымъ (пергам. Псалтырь XII-го вѣка), и въ Церковнославянскомъ въ формѣ *бѣмъ*, *бѣми* и *бѣми* «Собраніе Словен. памятниковъ внѣ Россіи», стр. 49). Что до поставленія *б* вм. *р*, то оно, по мнѣ, принадлежитъ скорѣе переписчику, а не сочинителю, и, такимъ образомъ, показываетъ, что памятники етѣ дошли къ намъ уже въ спискѣ, и въ спискѣ. Нѣмецъ, а не въ подлинникѣ. Впрочемъ, это замѣненіе встрѣчается очень рѣдко, и при томъ, рядомъ съ нимъ, въ одномъ и томъ же словѣ, иногда, написано, какъ слѣдуетъ: *bo tomu oztanem zich mirzcih del* (III, 17); *da bo tomu nine u circuvah ich clapanam ze* (III, 35); и тутъ же: *mosete po tomu zinci uvideti i zamí gazumeti* (III, 28); *da po tomu zinci bosí raba prizuause* (III, 109); *bozcekachu* вм. *poscekachu* (III, 55); *izbovuediu* (III, 106); *nabciachu* (III, 46); *g* вм. *k*: *i pagi bratriia pomenem ze* (III, 14); и, на оборотъ, *k* вм. *g*: *Ese iezem ztuoril zla pot den po(o)nge se bih na zi zvuet vuuraken i bih crisken* (I, 13). Сдѣсь *vuuraken* = Хорутанское *urogen*, т. е., *g*, по старинному Нѣмецкому правописанію, а съ него и у прочихъ, сосѣднихъ Нѣмцамъ, Славянъ (Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ, Хорутанцевъ и пр.), вм. *j*, откуда происходитъ форма *urojen* вм. *urodjen*, ЦСлав. *оурождѣмъ*. Ко вторымъ (Хорутанскимъ) относятся слѣдующія слова, сохранившіяся, сколько извѣстно, теперь преимущественно только въ устахъ Словенцевъ, но прежде, вѣроятно, извѣстныя и другимъ Славянамъ въ большей, меньшей, мѣрѣ: *zlodeiem*, *zlodeiu* (I, 28); *zlodgem* (III, 74), *злодѣй* или *зълудѣй*, въ смыслѣ злой духъ, дьяволъ; *da bi ni ztodeiu otel; otmi me zem zlodeiem* (I, 28); *jaz ze zaglagolo zlodeiu i uzem iego delom i uzem iego lepocam* (II, 1—4); *nu ge stati pred stolom bosigem ze zopir-*

nicom nasim ze zlodgem starim (III, 72—74); *segna*, *žejna*, *жейна* вм. жедна, жадна, жадна: *oni bo lasna patrovuechu*, *segna* *паво-јасчу* (вм. *пароиасчу*; III, 45—46), отъ *žeјati*, *žeјen*: *žeја*, жажда: особенность этого нарѣчія состоятъ въ превращеніи ЦС. жд или дж, мягкаго д Сербовъ, нашего ж и т. д., въ *је*; *lasna*, т. е., *ласна*, отъ *lačen*, *lačati*, алкать, *lačnost*, алчность: *oni bo lasna patrovu echu* (III, 45); *lakomztue*, отъ *lakom*, скупъ, *lakomstvo*, *lakomnost*, скупость: *ulakomztue* (II, 35); *lepocat*, отъ *lēr*, лѣпъ, откуда *lērōta*, краса; *lepōtica*, прикраша, приманка, прелесть; *lērōiti*, прикрашивать, румяниться, бѣлиться, и т. п.: *i uzem iego lepocat* (II, 4); *nizce*, *nič že*, ничто, вм. *ničo* (съ опущеніемъ нашего *т*, ничто): *niz ce teh del mirzene* (III, 26); однако, по словамъ Востокова, *ниуъ же* встрѣчается и въ ЦСлав. (въ «Словахъ Григорія Богослова», рук. Импер. Публ. Библиотеки, три раза), вм. *ниуто же*; *otmi*, *oteti*, 1-е л. *otmem*, *otimam* (*ot imu*): *da bi ni zlodeiu otel* (I, 28); *otmi me vzem zlodeiem*, тамъ же: *i gemu ze oteti* (III, 96); *preise*, нынѣ *prejšen*, ЦСлав. *преждьшн*, *прежній*, *прошлый*, *предокъ*, отъ *preј*, *преждь*, наше *прѣже*, *преже*, Серб. *предѣ*, *пріе*: *preise* *passi zesztoko stradacho* (*преждьши* [предки] *наши жестоко страдахъ*; III, 97); *rote*, *roti*, отъ *gota*, клятва (отъ *реж*), по томъ толпа (нынѣшнее значеніе въ Рускомъ): въ обоихъ значеніяхъ употребительно въ Хорутанскомъ нарѣчіи, отъ коего *rotišce*, мѣсто присяги; *rotiti*, присягать, клясться: *ili u ne praudnei rote* (I, 15); *ese choise ih ne pazem*, *nu ge prestopam* (*eže rotу koize ih ne pazem*, *на је prestupam*; III, 23—24); *zpitnich*, отъ *zpitен*, вм. *izpitен*, отъ *izpitati*, испытати, *izpit*, испытъ: *u zpitnich rotach* (въ испытательныхъ ротахъ; II, 33); *storiti*, вм. *stvoriti*, т. е., благозвучная *v* (в) не вставляется, отсюда Словенецъ говоритъ *toriti*, въ смыслѣ гнать пиво, *torenje*, *torilo*, чаша, *torica*, репейникъ; чаще сложное *storiti*, створить, дѣлать, хотя и *stvariti*, сдѣлать, совершить, *stvar*, твореніе, *stvarniza*, природа и т. п.; отъ того и въ етѣхъ памятникахъ обѣ формы встрѣчаются одна подлѣ другой; точно также и *tor*, *torek*, вм. *vtork*, *vtorek*, вторникъ: *to ie mosim storiti*, *ese oni to vuelico strastiu stvorise* (III, 107—108); въ Новобулгарскомъ тоже *storiti*, особливо въ пѣсняхъ; точно также обѣ формы и отъ производныхъ татъ: *tatba* и *tatva*, откуда *tatbina*, *tatvina*, *tatoven*:

ili u lsi (lši), ili tatbe (I, 15); v lisnih resih (ložnich řečích), v tatbinach (II, 34); ese (eže) tatua, ese raszboi (III, 22); *tepechu*, отъ *tepem*, *tepsti*, бить: *nebo ie tepechu metlami* (были розгами, бичами) (III, 98); *tere*, вм. *теже*, какъ Серб. *ерь*, *ербо*, *морем*, *мореш*, *море* и т. д., вм. *ежъ*, *ежъ бо*, *еже*, *еже бо*, *можемъ*, *можешъ*, *може*; впрочемъ, теперь въ Хорутанскомъ только *ter*, но въ Сербскомъ полная форма, *тере*; *circuvach*, *circua*, нынѣ *circva*, *crikva*, *cirkev*, *cérkev*, *cérkov*, *cérkva*: *ni ne u circuvah ich clanam ze* (III, 36); *zredu*, отъ *zred*, *čred*, ВР. и МР. *чередъ*, но *čreda* или *čeda*, *череда*, *чрѣда*, *грех*, какъ во всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчiяхъ. Къ третьимъ (Хорутано-Нѣмецкимъ) формамъ принадлежитъ выраженiе *uz tazi*, *uzmaztue*, не разгаданное и Востоковымъ, но по Копитару составляющее передѣлку Древнѣмецкаго *ûz der mâze*, *aus der Masse*, τὸ ἔκμετρον, *extra modum*: *ili v uzmazi*, *aut in intemperantia* (I, 15); v *lichopiti*, v *uzmaztve i u uzem lichodiani* (*in nimis bibendo, in intemperantia et in omni immoderatione*) (II, 36 — 37). Всѣ етѣ слова, по тремъ видамъ ихъ, указываютъ намъ только на то, что творенiе на языкѣ Славянъ Булгарскихъ, занесенное въ Паннонiю при Кириллѣ и Меѳодiи, или даже составленное тамъ кѣмъ либо изъ учениковъ ихъ и послѣдователей, и сдѣсь, какъ и въ другихъ краяхъ, родственнымъ племенемъ занятыхъ, подверглось, со временемъ, влiянiю нарѣчiя туземнаго съ одной стороны, а съ другой, по той же самой причинѣ, отразило на себѣ влiянiе тамошнихъ обстоятельствъ тогдашняго времени, точь въ точь, какъ и самыя Жизнеописанiя Кирилла и Меѳодiя, какъ Жизнеописанiе Вячеслава и Людмилы въ Чехахъ и т. п. А по тому, повторяю, нѣтъ необходимости утверждать Паннонское, или что одно и то же, Хорутанское, Словенское, происхожденiе языка Кириллова и Меѳодiева, пересаживать его оттуда въ Булгарiю, а изъ нея въ другiя Православныя Славянскiя земли, слѣдовательно, приписывать Хорутано-Нѣмецкое происхожденiе и тѣмъ не многимъ словамъ, которыя указываютъ на Латинскiй языкъ: они и безъ этого посредства могли хорошо войти въ языкъ Славянъ Греческихъ и Булгарскихъ, отъ гораздо чащаго и долговременнѣйшаго общенiя ихъ съ самыми Новоримскими Греками, много

Шафарыку въ своемъ Гезихи (pag. 49): Imo ipse antiquissimus Russorum Novogradensis codex Ostromirianus A. 1057 in Calendario suo aperta certaue prodit vestigia pannonici, unde descriptus fuit sive ἐμμέσως sive ἀμέσως archegraphi in die festo S. Silvestri ex usu Romanae ecclesiae, et versione мѣстоу и ихъ facta e latini textus *Capitoleorum* genitivo, id quod jam monstravimus in Gtagolita Cloziano, quodque sat perplexum habet doctissimum Schaffaricum (Antiq. Slav.), ne quidquam provocantem ad μακρόν χρόνον, quo quidem potuit probabiliter interpolari festum S. Cyrilli, at non aequè inveni in media Russia Romanae ecclesiae dies S. Silvestri festus alius quam ecclesiae graecae, nec latinismus мѣстоуаи ихъ», считать, говорю, все это, опираясь на такихъ разъединенныхъ и въ высшей степени натянутыхъ доводахъ Хорутанизмомъ или Паннонизмомъ, значить представлять вещи совершенно въ превратномъ видѣ, изъ мухи, какъ говорится, дѣлать слона. Тутъ ни какая вѣра въ неопровержимость своихъ доказательствъ, ихъ побѣдоносность, не доставитъ намъ побѣды; равновѣрно, напрасны всѣ вызовы опрокинуть ихъ, въ родѣ слѣдующаго: «At nos opinionis nostrae testimonia et argumenta produximus, ut speramus, plane *victricia*: haec igitur *refellat* ante omnia, qui nos falli velit aut fallere» (Hesychius, p. 67), или же брань на невѣрующихъ и разнаго рода намеки на человѣческія слабости своихъ противниковъ (Ib., p. 56 — 62, 68 — 72), скажемъ его же самого словами: «Indignum est honesto homine, *calumniari* malle, cum non possis rationes opponere rationibus» (Ib., p. 68). Изъ того, что коечто вошло въ языкъ Церковнославянскій, во время его странствованія тамъ и сямъ, изъ другаго языка, родственнаго (или чужаго), не позволительно называть его послѣднимъ, или выводить происхождение изъ земли, составляющей родину етого, какъ не позволительно же дѣлать заключеніе и на оборотъ. Что дивнаго, если въ самыхъ древнѣйшихъ Кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаемъ особенности не только Хорутанскаго нарѣчія, но и говора Славянъ Угорскихъ, Моравскихъ и Чешскихъ, когда была пора въ жизни Славянскаго племени, что всѣ безъ малого его вѣтви слышали слово Божіе на етомъ языкѣ, почти своемъ, языкѣ роднаго имъ бра-

та, ничѣмъ не старшаго, хотя и одареннаго отъ природы большими талантами, чѣмъ каждый изъ нихъ отдѣльно, даже всѣ, вмѣстѣ взятые? Весьма вѣроятна, по тому, догадка Шафарика, что нѣкоторые изъ самыхъ старыхъ Церковнославянскихъ рукописныхъ памятниковъ, принадлежащихъ теперь намъ, Рускимъ, суть списки съ подлинниковъ Русовъ Карпатскихъ или Угорскихъ (Slovan. star., выше), прибавлю, даже Славянъ Адриатическихъ. Вотъ по чему въ етѣхъ спискахъ встрѣчаемъ слова и формы, противныя языку Кирилла и Меодія, по указывающія на землю и народъ, гдѣ они списаны, на примѣръ, въ Паннонскихъ Житіяхъ и Фрейзингенскихъ отрывкахъ — Паннонскія, въ Житіи Вячеслава и Церковной пѣсни «Господи, помилюи ны» — Чешскія, Остромировомъ Евангелии — Южнорускія или Карпаторускія, каково: 3-е лице наст. врем. исцъ: «Уѣто ѡ тебѣ? (Іоан. XXI, 22, стр. 53, стол. 4.); Уѣто ѡ нама и тебѣ, Иісе? (Мат. VIII, 29, стр. 65, стол. 3), а въ Глаголическихъ — Хорватскія, Кирилловскихъ — Сербскія и Хорватскія. Все это признаки, указывающіе на историческія судьбы этого нарѣчія, отнюдь же не на происхождение его отъ народа, языку котораго принадлежать они. А по тому, соглашаясь съ Копитаромъ на счетъ равновѣчія обѣихъ Славянскихъ азбукъ, Кириллицы и Глаголицы, пока другія открытія не отдадутъ первенства одной изъ нихъ, но не гаданія и мечтанія грамотниковъ, и охотно подписываясь подъ его правымъ выводомъ, доставленнымъ ему изученіемъ Клодова памятника: «Alphabetum nunc dictum *glagoliticum* hodieque Slavorum tantum ritus latini reliquiis per Istriam Dalmatiamque quasi proprium, si minus antiquius, at saltem aequale esse antiquitate *cyrilliano*», не можемъ, въ силу всего, сказаннаго доселѣ, того же сдѣлать подъ другимъ его выводомъ, непосредственно за тѣмъ слѣдующимъ, о Паннонскомъ происхожденіи Церковнославянскаго языка: «Dialectum Slavorum utriusque ritus sacram, nunc emortuam, seculo nono fuisse *vernaculam* S. Methodii archiepiscopi Pannoniensis dioecesanorum, *Slavorum* nimirum *Pannoniae*, seu (ut passim vocantur illius aevi annalium scriptoribus) *Carantani*. Hanc ergo suae dioeceseos dialectum slavicam S. Methodium A. 870 in Pannonia primum evexisse ad aras, mox

ingenti Slavorum reliquorum omnium applausu exceptam, primaeque patriae per Hungarorum vastitatem exulem pupillam paratum receptum habuisse apud cognatos Bulgaros, Croatas, Serbos tandemque Russos, e quorum singulorum commercio etiam traxisse complura, quae ignorasset in Pannonia, et vicissim amisisse profugam quae domi habuisset» (189). Однако, и послѣ нашего разсмотрѣнія остающимся все таки при предложеніяхъ Копитара, скажемъ его же словами, что, подобно ему, и «Nos religiose quaesisse *verum*, paratos transire in contrariam sententiam, si quis nostris funditus eversis *meliora pro ea attulerit argumenta*» (Ib., pag. LXXX), но при этомъ просимъ не забывать заключительныхъ его словъ, хоть самъ онъ, правду молвить, какъ показываютъ всѣ его сочиненія, особливо «Hesychius», меньше чѣмъ кто либо слѣдовалъ требуемому имъ въ нихъ отъ другихъ: «Est veris Criticis sive linguae sive historiae palma proposita, minime tamen ea declamationis aut sy-cophantiae, sed *rationum et argumentorum*» (Ib.). Впрочемъ, какъ мало самъ Копитаръ вѣрилъ въ душѣ такому происхожденію языка Священныхъ книгъ Православнаго Исповѣданія, стало быть, и, нераздѣльно соединенному съ нимъ, образованію письменъ, для совмѣщенія коего съ первымъ принужденнымъ нашею, вопреки свѣдѣтельству всей древности, даже, по его, почти непогрѣшительной, Латинской древности (папы Іоанна VIII-го и другихъ), отдать преимущество какому-то древнему Кирилловскому показанію (не называя, однако, по имени, что и не нужно, по тому что оно, по всему, было показаніе Продолжнаго Житія Сербскаго разряда и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, слѣдов., далеко несовременное, но, какъ онъ выражается, преданіе, «*Cyrgillionogum traditio*») о появленіи ихъ (письменъ) въ 3-мъ индиктѣ, а по тому, какъ видѣли уже выше, все, несогласное съ тѣмъ, отвергать, какъ мало, говорю, самъ Копитаръ убѣжденъ былъ въ прочности выставленнаго и, съ отчаяніемъ погибающаго, защиждаемаго имъ положенія о Паннонствѣ или Хорутанствѣ Кирилловскаго языка и Кириллицы, лучше всего показываютъ собственныя его слова: «*Ceterum, —* говоритъ онъ, — (Glagol. Cloz., pag. XXXI, not. 2), *liturgiae slavicae initium non necessario cohaerere cum alphabeti inventione*». До чего не доведетъ человѣка, во всемъ дру-

гомъ, статья можетъ, довольно благоразумнаго, страстность въ спорѣ съ мнимыми вѣроисповѣдными и литературными соперниками, старавшимися, какъ онъ увѣрялъ, перехватить себѣ мнимую кафедру патріарха критиковъ-историковъ у Западныхъ Славянъ, оставшуюся праздною послѣ смерти Добровскаго и принадлежавшую будто бы, по словамъ главы Нѣмецкихъ филологовъ (190), по всему праву, ему, Копитару! Въ самомъ дѣлѣ, если и не такова была побудительная причина его книжныхъ походовъ противъ большей и лучшей части тамошнихъ Славянскихъ изслѣдователей, то, судя по его же простосердечному заключенію упомянутаго уже «Appendix miscellanea» къ «Nesychii discipulus et ἐπιγλωσσοβότης Russus», это обстоятельство имѣло чрезвычайное вліяніе на ходъ ученыхъ работъ его и самый образъ выраженія, заставляло, противу воли, подаваться все далѣе и далѣе въ мнѣніи, однажды высказанномъ, не страшась ни какихъ, вытекающихъ отсюда, посылокъ и выводовъ, напротивъ, самъ еще отважно вызывая и бросая ими въ противниковъ. Къ сему присоединялась еще и мелочная, приходская, такъ сказать, любовь къ своему родному краю, какъ извѣстно, въ людяхъ, не умѣющихъ, или не желающихъ, различить родины отъ отечества, приводящая, не рѣдко, къ довольно превратнымъ и забавнымъ поступкамъ, въ существѣ своемъ истекающимъ изъ самаго похвальнаго, самаго возвышеннаго, чувства: «Neque veremur, ne apud aequos iudices nobis officiat patria Carniola, ad cuius utpote Carantani et Pannoniae particulae gloriam haec conepemur adstruere» (Glagol. Cloz. pag. LXXX). Дивиться ли послѣ всего этого, что Копитаръ, утверждая Паннонское происхожденіе Церковнославянскаго языка и его азбуки, мало обращалъ вниманія на то, что послѣднюю, по тому, придется Кириллу изобрѣтать послѣ смерти своей, или же, замѣчая такую несообразность, прибѣгалъ, какъ показано было мною уже выше, къ самымъ насильственнымъ, даже нечестнымъ, толкованіямъ и изворотамъ, то есть, яко бы не Кириллъ былъ настоящимъ творцемъ нашихъ письменъ, но Мессодій, который «suam combinationem graecoslavicam fratri in acceptis retulit, et Papae probavit», другими словами, допустилъ намѣренный подлогъ! И для чего же все это извращеніе лицъ, чиселъ, событій, эта, выра-

жаясь его же языкомъ, «*integra veritatis profanatio*? Чтобы только «*linguae Methodii liturgicae pannonietatem argumentis extrinsecis et intrinsecis illustrare extraque omnem dubitationem ponere*»! Но «*sermo datur cunctis, animi sapientia paucis*», скажемъ подобнымъ въ заключеніе.

Гаданія Копитара по сю пору не нашли себѣ ни въ комъ сочувствія изъ Славянскаго и чужаго міра, кромѣ нѣсколькихъ чело-
вѣкъ, изъ коихъ назовемъ: Якова Гримма, который еще въ 1824-мъ году, въ «*Vogrede*» къ переведенной имъ «*Wilks's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik*» (Leipzig, 8°), въ коемъ много и очень дѣльно говорить о Славянахъ вообще, ихъ нарѣчіяхъ и отношеніи къ другимъ родственнымъ, особливо Нѣмецкимъ, прежде всѣхъ повторилъ мысль его (Копитара) о Паннонскомъ происхожденіи языка Церковнославянскаго, высказанную имъ въ первый разъ въ разборѣ «*Institutiones linguae Slavicae veteris dialecti*», Добровскаго, помѣщенномъ въ Вѣнскихъ «*Jahrbücher der Literatur*», 1822 года (XVII Band, Jänner — März, S. 66—107), и отдѣльно (43 стр.), а послѣ, спустя 15 лѣтъ, снова повторенную и развитую, по случаю изданія Клоцова Глаголическаго памятника (191). Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отецъ Нѣмецкой филологіи высказалъ тогда Копитарово мнѣніе: «*Natürlichste Annahme scheint, dass ihrem Ruf und ihrer Sendung gemäss Cyrillus und Methodius sich nicht der ihnen zu Hause geläufigen südöstlichen Mundart (welcher die heutige bulgarische etwan am nächsten stünde) bedient, dass sie vielmehr in Pannonien die pannonische, deren sie sich durch Befragung eingeborner Geistlichen leicht bemächtigen konnten, gewählt und genommen haben werden. Methodius wenigstens musste sich während seines langen Aufenthaltes vollkommene Fertigkeit in dem Dialect des Landes erwerben, andere zum Theil unbekannte Nacharbeiter vollendeten das Werk. Als die Ungarn in Pannonien fielen, flüchtete man ohne Zweifel die ältesten Handschriften der Kirchenbücher auswärts, und gerade dies mag zu ihrer grossen Verbreitung mitgewirkt haben. Serbische, polnische, litthauische, endlich auch russische Geistliche schrieben sie ab, wagten aber nur geringe Abweichungen*

nach ihrer Mundart einzuführen. Eine critische Vergleichung aller Handschriften wird diesen Abweichungen ihr Recht thun und aus den noch lebenden Volkssprachen erläutern; sie wird darauf Rücksicht nehmen, dass eben *der pannonische Dialect, von dem die Kirchensprache ausgegangen zu seyn scheint*, in seiner Entwicklung gehemmt wurde und heutzutage, wo nicht gänzlich erloschen ist, nur noch schwach in einigen Comitaten Westungarns fortlebt (VIII—IX). Другой — это близкій Копитару по многому и, главное, его землякъ, г. Миклошичъ, который, кажется, отчасти раздѣляетъ его взглядъ, называя, какъ показано уже выше, языкъ Новобульгарскій и Словенскій (своихъ Словенцевъ или Словинцевъ въ прежней Паннонии и Хорутаніи или теперешнихъ Штирцевъ, Краинцевъ и т. д.) братьями, образовавшимися изъ языка прежнихъ Славянъ Бульгарскихъ, у насъ извѣстнаго подъ именемъ Церковнославянскаго, и отличающаго послѣдній (192) именемъ Старославянскаго (altslowenische), а свой Новословенскаго (Neuslovenische). Такой взглядъ, собственно говоря, есть только выводъ, сдѣланный имъ изъ одного Копитарова положенія, касательно того, что Бульгарскій языкъ ближе всѣхъ къ языку Словенцевъ Паннонскихъ или, что по его одно и тоже, языку Меодіеву: «Proximi his (Pannonicis Slavis, olim primis linguae Slavorum sacrae auctoribus) Bulgari, apud quos sec. XIII laetissime effloruerat S. Methodii lingua sacra» (см. выше, стр. 214). Отъ этого замѣчаемъ въ сочиненіяхъ и изданіяхъ его много несообразностей, несогласныхъ съ возрѣніемъ на памятники Кирилловской письменности, свободнымъ отъ подобнаго совмѣщенія несомвѣстимаго, между прочимъ поставленіе ъ вмѣсто ѣ, строго соблюдаемаго въ извѣстныхъ случаяхъ древнѣйшими рукописями (193)—промахъ, при всей, по видимому, маловажности своей, имѣющій большое вліяніе на правильное пониманіе ученія о Славянскихъ звукахъ. Вѣроисповѣдное отраженіе пробивается въ немъ въ употребленіи Латинскихъ буквъ для Новобульгарскаго и Малорускаго нарѣчій, при чемъ старается увѣрить всѣхъ и каждого, что такъ гораздо приличнѣе и удобнѣе выражать звуки ихъ: «ich habe die überzeugung gewonnen, dass das entsprechend vermehrte lateinische alphabet zur bezeichnung der laute beider sprachen (bulgar. und

kleinruss.) *angemessener ist als das cyrillische* (194). «Ету большую удобность или соразмѣрность можно видѣть въ особенностяхъ въ Грамматикѣ Новобулгарскаго языка, написанной и изданной братьями Кириакъ-Цанковыми по мысли и взгляду Миклошича, въ Вѣнѣ 1852, въ коей нынѣшняя Булгарщина является какими-то іероглифами, если не хуже (195). Въ какой мѣрѣ раздѣляетъ онъ взглядъ Копитара о Глагольскомъ письмѣ, по сю пору не извѣстно, хотя и сдѣсь не обошлось безъ увлеченія, судя по тому, что онъ къ памятникамъ, собственно Словѣнскаго, т. е., Церковнославянскаго, языка въ его безпримѣсномъ видѣ, относитъ только древнѣйшіе памятники Глаголическіе, всѣ же прочіе считаетъ принадлежащими къ разряду етого языка подъ влияніемъ другаго какого родственнаго: «Die quellen altslovenischer sprache können eingetheilt werden in die *eigentlich slovenischen*, zu denen ich den glagolita clozianus, das assemanische evangelium, den suprasler codex u. s. w. zähle, und in diejenigen, in denen der charakter des altslovenischen durch einfluss anderer sprachen mehr oder weniger gelitten, die ich daher slovenisch-bulgarisch, slovenisch-serbisch, slovenisch-russisch nenne, welche letzteren wieder in zwei classen zerfallen, je nachdem der einfluss von den Klein-oder Grossrussen ausgegangen» (196). Вотъ по чему онъ, при исчисленіи источниковъ для Церковнославянскаго языка, всегда отдастъ преимущество етѣмъ мнимымъ собственно Словѣнскимъ памятникамъ, ставя ихъ вѣчно на первомъ мѣстѣ (197). Въ наше время одно изъ Копитаровыхъ гаданій, о началѣ появленія Глаголиты, выраженныхъ, какъ показано уже выше, въ видѣ вопроса, обращено профессоромъ Славянскихъ нарѣчій, исторіи и литературы въ Казанскомъ Университетѣ, В. И. Григоровичемъ, въ статьѣ его: «О древней письменности Словянъ», въ утвердительное положеніе, т. е.: «Св. Кириллъ нашелъ Глаголиту, а Месодій (вмѣстѣ съ Кирилломъ?) послѣ *обратилъ* ее и Греческій алфавитъ въ другую Славянскую азбуку (Кирилловскую)» (стр. 67). Я уже разъ показалъ несостоятельность етого, разобравъ, въ своемъ мѣстѣ (стр. 197), приводимыя имъ свѣдѣтельства въ пользу такого положенія, откуда вытекло заключеніе, что Кириллъ ни кониъ образомъ не могъ найти Глаголиты, а Месодій

быть обратникомъ ея и Греческаго алфавита въ Кириллицу, иначе, составить изъ той и этого особую азбуку. Впрочемъ, и это мнѣніе, какъ намъ извѣстно уже, въ сущности своей, т. е., въ томъ, что и Меѳодій, какъ вѣрный помощникъ своему брату во всемъ (по свѣдѣтельству лучшихъ и надежнѣйшихъ источниковъ объ ихъ дѣятельности), могъ принимать и въ составленіи письменъ нѣкоторое участіе, не есть какая либо новость: оно до насъ приходило въ голову тысячи другимъ; доказательствомъ тому рядъ показаній, названныхъ и оцѣненныхъ уже мною во 2-й главѣ этого изслѣдованія, приписывающихъ изобрѣтеніе азбуки нашей посредственно или непосредственно также и Меѳодію. Это-то, безъ сомнѣнія, обстоятельство, побудило и Копитара допустить къ участію въ составленіи азбуки и Меѳодія, когда онъ говоритъ: «Cyrillum et Methodium fratres, Slavorum linguam Pannonicae suae dioeceseos vernaculam adhibuisse etiam ad sacra, eamque scripsisse commodiore sibi, utpote Graecis, charactere graeco, *assumptis e veteriore glagolitico, ignoti, ut in re veteri, auctoris, nonnullis signis sonorum Slavis propriorum*» (Glag. Cloz., pag. X). Однако, если мы захотѣли бы дойти до перваго, высказавшаго такое мнѣніе печатнымъ образомъ, то найдемъ, что имъ былъ уже *Добнеръ*, который, по словамъ Добровскаго (198), помѣстилъ, въ 1785-мъ году, въ 1-й части Записокъ Чешскаго ученаго Общества (199), рѣшеніе вопроса: «Дѣйствительно ли, такъ называемая теперь, Кирилловская азбука есть изобрѣтеніе Славянскаго апостола Кирилла?», написанное, по поводу, три года передъ тѣмъ (1782) явившагося сочиненія Добровскаго, доказывавшаго несостоятельность мнѣнія о составленіи Глаголитики блаженнымъ Иеронимомъ. Въ изслѣдованіи своемъ Добнеръ называетъ истинной *Кирилловой азбукой Глагольскую*, существовавшую уже при Меѳодіи и папѣ Іоаннѣ VIII-мъ, разумѣвшемъ подъ изобрѣтенными Кирилломъ письменами именно только ее, а не другую какую, и по тому, такъ называемая Кириллица, т. е., составленная по Греческой, столько же мало достойна названія своего, сколько и Глаголица названія Иеронимова письма. Послѣ, Греческіе Славяне, особливо духовенство ихъ, ету древнюю Славяно-Кирилловскую грамоту, для большаго удобства и быстроты въ пи-

саніи, прои́няли на Греческую, то есть, дополнили ее Глаголицей, именно, знаками ея для дwoегласныхъ и плавныхъ, удержавъ какъ начертаніе оныхъ, такъ равно и самое названіе каждой буквы. По етѣмъ двумъ причинамъ и новосоставленная азбука изъ Алфавиты и Буквицы или Глаголицы, истиннаго Кириллова письма, могла тоже по справедливости назваться Кириллицей: «Aus diesen beyden Ursachen konnte man es eben nicht unrecht ein cyrillisches Alphabet nennen» (S. 135). Новая азбука съ одной стороны, а съ другой способъ писанія Латинской Абецедой Славянъ, къ Римской Церкви отошедшихъ, нанесли смертельный ударъ Глаголицѣ. Стало, въ етомъ мнѣніи Добнера Копитаръ, въ одной изъ догадокъ своихъ, замѣнилъ Духовенство самими Кирилломъ и Меѳодіемъ, въ другой же приписалъ дѣло духовенства одному лишь Меѳодію, а въ третьей соглашался даже на изобрѣтеніе Глаголицы Меѳодіемъ, то есть, какъ я сказалъ уже, самъ не зная, какъ тутъ быть, и надѣясь такими извѣтїями, частью своего, частью чужаго, изобрѣтенія, какъ ни есть попасть въ цѣль касательно отношенія Славянскихъ письменъ къ Солунцамъ; а касательно отношенія ихъ къ Хорватско-Далматскому преданію о Глаголникѣ—въ отношенія къ Іерониму, извѣстному Отцу Церкви, или неизвѣстному священнику (упоминаемому Грабаномъ) и Етику. Что до мнѣнія профессора Григоровича, то оно, какъ видно, первой половиной своей вполнѣ Добнерово, а второй Добнеро-Копитарово. Въ какомъ родствѣ все это между собою, знаютъ лучше всего тѣ, до кого оно непосредственно касается. Могла быть тутъ и случайная стачка, какую иногда замѣчаемъ у людей, одаренныхъ особенной проницательностью и занимающихся однимъ и тѣмъ же предметомъ; но умѣстенъ и тотъ случай, о которомъ самъ же Добнеръ разсказалъ намъ въ заключеніе своего изслѣдованія. «Я ищу одного только уясненія, и ужь три года тому назадъ сообщилъ было письменно вкратцѣ нѣкоторыя изъ своихъ сомнѣній моему собрату по Ордену, Максимилиану Шинку, приготовлявшему къ изданію сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Розысканіе о Славянскомъ языкѣ». Я не могу навѣрное сказать, ето ли мое сомнѣніе имѣло какое вліяніе на его взглядъ, или онъ и до того уже было сошелся со

мною во мнѣніи, только, въ объявленномъ имъ планѣ, я прочелъ, въ самомъ почти началѣ, таково сужденіе его о выговорѣ Глагольскихъ и Кирилловскихъ буквъ: «Провизношеніе Глаголическихъ буквъ, происхожденіе коихъ, вопреки мнѣнію всѣхъ нововодителей, далеко древнѣе происхожденія нынѣшнихъ Греко-Кирилловскихъ». Сколько и въ наше время Шимковъ! Напротивъ, какъ мало людей, похожихъ на Добнера, которые бы, подобно ему, откровенно сказали: «Auch ich bin nicht *der erste*, der das Alterthum und die Authenticität des cyrillischen Alphabets bestreitet» (S. 137), и, въ слѣдъ за тѣмъ, подобно ему, назвали бы намъ своихъ предшественниковъ въ этомъ: «Eine ganze illyrische Nation hält es für untergeschoben, ja theils für barbarisch, theils für eine spätere griechische Erfindung. Nicht genug, schon im sechzehnten Jahrhundert haben es unpartheyische Gelehrte dafür gehalten und ausgegeben». Таковы: Лейденскій профессоръ, Павелъ *Мерула*, который говорилъ: «Linguae Voge (вмѣсто Буквы, Буквица, подъ чѣмъ разумѣтъ онъ письменный или Церковнославянскій языкъ) duplices characteres sunt: Rutenici seu Moscovitici e Graecis depravati totidem numero et figura pene similes adjunctis pauculis barbaris. Item Dalmatici qui et Hieronymiani eadem potestate, totidem numero, sed figura longe dissimillimi» (*Cosmographia generalis*, p. II, L. 1, c. 8.); а Вильгельмъ *Постелль*, жившій еще раньше, Глаголицу считаетъ старше Кириллицы, появившейся въ ту лишь пору, когда Славяне Греческіе стали съ ихъ Церковью отдѣляться и удаляться отъ Римской (*Linguarum XII. characteribus differentium Alphabetum*) (200). Такъ какъ оба, заспорившіе о Глаголитикѣ, а по поводу ея и о Кириллицѣ, Добнеръ и Добровскій, принадлежали къ членамъ ученаго Общества, по уставу коего не позволялось сочленамъ вступать ни въ какія между собою прѣнія, то послѣдній не могъ отвѣчать своему противнику, надѣясь, что другъ его, Дурихъ, еще въ 1777 году доказывавшій мнѣніе, совершенно противоположное мнѣнію Добнера, въ «*Dissertatio de Slavobohemica sacri codicis versione*», т. е., что «*Hieronymiani vulgo glagolitici characteres ex Cyrillicis litteris repetuntur*» (§. V.), подвергнетъ разбору Добнерово предположеніе въ своей

Bibliotheca Slavica (201). Между тѣмъ оригинальное мнѣніе тотчасъ, какъ водится, нашло послѣдователей. Краинецъ *Амгартъ*, въ своемъ «Опытѣ исторіи Краины» (202), и Верхне-лужицкій *Сербъ*, *Антонъ*, въ «Первыхъ чертахъ опыта о происхожденіи, нравахъ, вѣрованіи и образованіи древнихъ Славянъ» (203), съ жаромъ повторили выводы Добнера и каждый по своему повели ихъ далѣе. Послѣдній на-шелъ (S. 104—110), что старшинство Глаголицы передъ Кириллицей доказывается самимъ видомъ ея, который безыскусствен-нѣе и грубѣе вида етой, потому древнѣе самаго Іеронима, составляеть первобытныя Славянскія письма: «ein ursprüngliches, uraltes Alphabet seyn muss», а первый утверждаетъ, что Краинцы знали письменное искусство еще до отдѣленія своего отъ прочихъ Славянъ, т. е., перехода черезъ Дунай въ сосѣдство Италіи; впрочемъ, продолжаетъ онъ далѣе, Буквица изобрѣтена уже въ новыхъ жилищахъ, стало, во второй половинѣ V-го или первой VI-го стол., на основѣ Греческой азбуки (что доказывается порядкомъ самыхъ буквъ), за исключеніемъ, однако, нѣкоторыхъ согласныхъ и шипящихъ съ свистящими; етѣми-то пись-менами подписались, въ VII-мъ вѣкѣ, Хорваты, въ договорѣ съ папой, не воевать болѣе, и ихъ-то, черезъ двѣстѣ лѣтъ, (въ IX в.), переобразовали Греческіе проповѣдники, именно, Константинъ Философъ, который, для большаго успѣха въ народѣ, далъ каждой буквѣ прежнія Глаголическія названія, равно какъ недостающія въ Греческой азбукѣ замѣнилъ безъ дальняго буквами Глаголицы (*ц*, *ч*, *ш*, *щ* и слогъ *ръ*); съ нею явился онъ къ Задунайскимъ Славянамъ, распространилъ тамъ, какъ епископъ ихъ, помощію богослужебныхъ книгъ, и оставилъ ей по смерти свое имя (Кириллицы). Когда произошло раздѣленіе Церквей, послѣдняя осталась у тѣхъ изъ Славянъ, которые пребыли вѣрны Цареградскому патріарху (Рускіе, Сербы, Булгары и Румыны въ Молдавіи и Валахіи), но отдавшіеся Риму замѣнили Кирилловскую грамоту Абецедой, хотя Босняки, Далматы и Хорваты Греческаго Исповѣданія долго употребляли попеременно то Кириллицу, то Глаголицу. Краинцы еще въ XVI стол. писали послѣдней, но первой—никогда, такъ какъ они никогда не принадлежали Восточной Церкви, получивъ Христіанство черезъ посредство Фран-

ковъ и Итальянецъ (S. 347 — 358). Обрадовавшись случаю, разводявшему его съ Добнеромъ, но доставлявшему, однако, возможность посчитаться съ нимъ при посредствѣ другаго, Добровскій написалъ изслѣдованіе о спорномъ вопросѣ, и издалъ въ 1808 г., подъ заглавіемъ «Glagolitica» (Prag, 8°), въ коемъ подвергъ строгому разбору всѣ доводы Добнера и Лингарта касательно происхожденія обѣихъ азбукъ, присоединивъ къ тому самую исторію своего прѣнія (204) и отозвавшись, между прочимъ, объ изслѣдованіи перваго такъ: «Er gaffte überall alles zusammen, ohne Auswahl, ohne genauere Prüfung, was nur immer zur Bestätigung seiner ganz unerhörter Meinung auch nur von weitem dienen konnte» (S. 22). Не взирая, впрочемъ, на такой приговоръ, «несмысленное» дотошъ мнѣніе о Глаголитикѣ произвело сильное впечатлѣніе на ученыхъ (205) и имѣло на послѣдующіе труды занимавшихся уже до того етъмъ предметомъ немаловажное вліяніе, если судить по тому обстоятельству, что самъ Дурихъ подъ конецъ перемѣнилъ свое прежнее мнѣніе о началѣ письменъ Славянскихъ, какъ показываютъ то бумаги его, разсмотрѣнныя Добровскимъ. «Verosimilior illa opinio videtur»,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ ихъ,—«quae Cyrillo et Methodio origines utriusque Alphabeti ita defert, ut Cyrillus auctor sit figurarum sonos Slavis proprios repraesentantium et formis Alphabeti graeci seculo IX usurpatis adaptatarum; Methodius vero earundem formarum Slauonicarum propagator, sed exigua quadam commutatione, quae alteri Alphabeto cuidam vetusto, Oscis, Runis, Rhetrariisque simili, aptior sit linearum reclarum magis quam curuarum ductu, quo duae vel tres literae in monogramma coire valeant» (206). Сдѣсь Меѳодій является только второстепеннымъ лицомъ въ дѣлѣ составленія азбуки, приписанной безусловно младшему его брату, округлителемъ (commutator) и дальнѣйшимъ распространителемъ (propagator) готовыхъ уже письменныхъ знаковъ. Точно ту же роль придалъ онъ ему и въ отношеніи къ Глаголитикѣ въ другомъ отрывкѣ, относящемся ко второй части его Библиотеки, въ отдѣлѣ о Ретрскихъ Рунахъ, обнаруженныхъ графомъ Я. Потоцкимъ (въ «Voyage dans quelques parties de la basse Saxe». Hamb. 1795, 4.): «Comitis Clementis Grubissichii (207) in originem et historiam Alphabeti Slave-

nici Glagolitici vulgo Hieronymiani disquisitio etsi quasdam assertiones in se contineat, quibus assentiri non possum; hujus tamen viri sub finem proposita opinio maxime ad veritatem accedit. Fatebor, est etenim pro veritate simplicius agendum, ante annos tredecim me nondum experientia edoctum, quanta lux rebus Slauicis ex Literatura septemtrionali accedat, Grubissichii argumenta etymologiae audacius subinde innixa, etiam ab ista opinione reddiderunt alienum, quam certis monumentis et rationibus infra confirmare studebo: nimirum *formam scribendi glagolicam Runicam similem a Methodio emendatam* atque seruato Runarum fundamento calligraphico *Staf Gothis*, et Slavis identidem *Staw* nuncupato ex cyrillicis formis locupletatam, et sonis Slauonicis aptatam fuisse» (208). Причиной такого страннаго мнѣнія, вопреки собственному его признанію Добровскому въ томъ, что Глаголица образовалась изъ Кириллицы, при чемъ, говорить Добровскій, онъ мнѣ «*Zug für Zug vorzeichnete, wie die Glagolitischen Buchstaben aus den Cyrillischen entstanden seyn mögen*», причиной такого страннаго мнѣнія было «*gewiss nichts anders, als einige unerwiesene Voraussetzungen und das unzuverlässige zweideutige Zeugniß des Archidiacons von Spalatro, Thomas, der den Method zum Urheber der Gothischen (er meinte die Slawonischen) Buchstaben und schon desshalb auch zum Ketzler machte*» (209). То ли, другое произвело такую перемѣну во взглядѣ Дурриха, но оба мнѣнія его не лишены своей доли правды, по тому что, какъ мы знаемъ, уже изъ сѣдой древности шло преданіе, по коему изобрѣтеніе нашихъ письменъ приписывалось также и Меѳодію, который, разумѣется, могъ, трудясь вмѣстѣ съ братомъ и послѣ него первый такъ много и долго для Славянъ, коечто усовершенить и дѣйствительно способствовать ихъ распространенію своею дѣятельностію. Что до усовершенствованія Глагольскихъ знаковъ, то, соглашаясь даже съ возраженіемъ Добровскаго: «*Woher will man es beweisen, dass, wenn auch die Slawen an der Ostsee die Runen schon im IX Jahrhunderte von ihren Nachbarn, den Dänen, angenommen hätten, auch die Slawen in Pannonien und Dalmatien sich je einer Runischen, oder Oscischen, oder einer*

aus beiden gemischten oder nur ähnlichen Buchstabenschrift bedient habent» (Ib., S. 44), замѣчу, что нельзя отрицать пользы для Славянской исторіи, литературы и языка отъ изученія и сличенія съ такими же народовъ Европейскаго Сѣвера, равно какъ и сходства нѣкоторыхъ Глагольскихъ и Кирилловскихъ знаковъ съ Руническими, какъ это показываютъ новѣйшія изслѣдованія Я. Гримма и Шафарика (210), хотя въ главномъ Дурихъ, конечно, и ошибся, т. е., касательно мнимаго усовершенствованія и пополненія имъ Глаголицы Кириллицей, съ сохраненіемъ «Runarum fundamento calligraphico» (211), какъ выразился онъ выше. Сходство же Рунъ съ обѣими нашими азбуками опирается не на заимствованіи послѣдними отъ первыхъ, но на томъ, что и тѣ, и другія, какъ и самыя употребляющіе ихъ, пошли отъ одного, общаго имъ, источника, по которому письма народовъ Индоевропейскихъ и Симиическихъ суть только видоизмѣненія одной, общей всѣмъ, основы, праазбуки, какъ показываютъ то новѣйшія открытія сравнительнаго языковѣдѣнія (212). Первое мнѣніе Дуриха объ образованіи Глагольскихъ письменъ изъ Кирилловскихъ встрѣчаемъ, кажется, прежде всего у *Ж. Л. Фриша*, который, по случаю выбора своего въ ректоры Берлинской Гимназии, слѣдуя обычаю Нѣмецкихъ Учебныхъ Заведеній, произнесъ Рѣчь (2-го апрѣля, 1727 года), содержаніемъ коей избралъ «*Origo characteris Sclavonici, vulgo dicti Cirulici, paucis generatim monstrata, ortus vero et progressus characteris, vulgo dicti Glagolitici, pluribus sigillatim descriptus, tanquam eximia historiae linguae Sclavonicae pars*». Въ ней, во первыхъ, утверждаетъ онъ, что Славянскія буквы составлены Константиномъ Философомъ, названнымъ послѣ Кирилломъ, откуда и тѣ Кириллицей: «*Seculo post C. N. nono, Philosophus quidam natione Graecus, religione Christianus, nomine Constantinus, primus fuit qui Linguam Sclavonicam literis Graecis scribere coepit, quod alii ante eum Latinis tentarunt. Hujus conatus ipsae Sclavonicae literae, etiam historia tacente, testes esse possunt. Figuram enim Graecarum literarum omnium, quas vocamus majores (minores enim tum non erant), adhuc in eis agnoscimus. Quia vere Sclavonicae gentes sonos in pronunciatione quarundam*

Vocalium, Diphthongorum et Consonantium habent, quos literis Graecis non exprimere potuit Constantinus, his peculiaribus sonis novas finxit figuras. Deinde adscripsit cuilibet literae, tam Graecae, quam a se inventae, Slavonicum quoddam Vocabulum, quod ab eadem litera incipit. Hoc vocabulum postea, sicut apud Hebraeos, nomen literae mansit, cui adscriptum erat. Propter haec nova literis Graecis adscripta nomina, et propter novas iisdem additas characterum figuras Constantinus dicitur literarum Slavonicarum inventor, in primis a Pontifice Romano Iohanne II in Epistola, qua concessit primum Sclavis, Latinae Ecclesiae iu Moravia adhaerentibus, linguae Slavonicae publicum in cultus divini caeremoniis usum. Non retinuit vero hic Philosophus et Characteris Slavonici Auctor nomen Constantini usque ad obitum, sed postquam aliquandiu in Moravia Episcopus fuisset, Romam rediens, ihidem nominis Latini loco adoptavit Graecum Cyrilli. Per quam vero mutationem nominis, quia Scriptores omnes eum deinde constanter neglecto Constantini nomine, Cyrillum appellant, in hac Historiae parte molesta orta est confusio. Quam auxit Methodii, Fratris Constantini, in Episcopatu Moraviae successio. Ita ut multi e Constantino quondam Philosopho, postea dicto Cyrillo, fecerint duos, ex illo patrem, ex hoc filium; alii vero Methodio Fratri tribuerint, quae de Cyrillo commemorantur. Nova quoque ratio scribendi linguam Slavonicam non a Constantini, sed a Cyrilli nomine dicta est Cyrillica, sive, ut plerique hodie corrupte scribunt, Cyrulica, cum potius, si Sclavorum pronunciationem sequi vellent, Kiriullica scribere deberent (pag. 4—9). Во вторыхъ, отъ Кириллицы выводятъ и самую Глаголицу, называя ее только выродкомъ той, происшедшимъ такимъ образомъ: «Apices hujus Characteris Cyrillici beneficio aliquot Typographicarum officinarum apud Italos et Russos manserunt fere incontaminati et irretorti. In Manuscriptis vero, partim per calami mercenarii furorem Calligraphicum et tachygraphicum, hoc est, per eos qui vel inutilem literarum ornatum, vel majus e scribendi celeritate lucrum affectarunt; partim per scribarum imperitiam et negligentiam, adeo mutatus est, ut ex eo alius et quasi novus ortus sit. Eodem modo ac e Graecae et Latinae linguae Characterе majori hodiernus minor natus est,

et e Germanicae linguae figuris typographicis tot aliarum monstrarum molesta seges adhuc quotidie provenit. Accepit quidem hic corruptus scribarum Slavonicorum character novum nomen, et vocatus est *Glagolicus* sive *Glagoliticus*, sed latet sub figurarum ejus larva vetus et genuinus Cyrillicus, qui, lineamentorum qualitate fere amissa, eundem tamen constanter ordinem, eandem pronunciationem, idem literarum nomen, tanquam verissimos originis testes retinet. In iisdem etiam regnis et provinciis, quibus Glagoliticis literas scribarum insania obrusit, Croatiae, scilicet, Dalmatiae aliisque, Cyrillicus simul, ut archetypus, in usu est. Glagoliticus vero dicitur a Verbo Slavonico glagoliti (loqui), quia hac scribendi ratione primum vulgaris dialectus, et nihil fere quod ad res sacras sive ecclesiasticas spectabat expressum est, quemadmodum in oppositione Linguae Slavonicae, et characteris Cyrillici, qui in rebus Theologicis et moralibus a typographis olim tantum apud Russos in usu fuit, character illorum, quem scribunt, sive tachygraphicus (*Skoropiss*) et Dialectus quam eo expriment, simplex sive vulgaris (*prostoi*) dicitur» (pag. 9 — 10). О названіи Глаголицы Іеронимовымъ писемомъ и отношеніи Іеронима къ Кириллицѣ, замѣчаетъ: «Qui Hieronymo hujus characteris Glagolitici inventionem attribuunt, vocant eum *Hieronymianum*, sed frustra distinguunt eum a Cyrillico, e quo ortus, et ita multo junior est; non enim in primis statim annis eo deformitatis pervenit, quo nunc eum conspiciamus. Et qui Cyrillici auctorem faciunt Hieronymum, refutantur non tantum Pontificis Ioh. IX testimonio, qui Constantinum eius inventorem vocat, sed et temporis ratione, quia diu post mortem Hieronymi inventio literarum Slavonicarum Constantino a Pontifice tribuitur» (Ib.). Такое мнѣніе Фриша о началѣ двухъ Славянскихъ азбукъ и ихъ взаимномъ отношеніи, не смотря на малый объемъ его сочиненія, выраженное ясно, толково и не безъ слѣдовъ нѣкотораго знанія разбираемаго дѣла и вообще хоть одного Славянскаго нарѣчія, а также съ большею увѣренностію въ справедливости предлагаемаго, должно было произвести на современниковъ значительное впечатлѣніе; отъ того долго послѣ него ученые, которымъ приходилось вести рѣчь объ этомъ предметѣ прямо, или мимоходомъ, довольствовались повторе-

нiемъ сказаннаго Берлинскимъ Гимназіальнымъ ректоромъ, либо ссылкой на него. Такъ, уже, довольно извѣстный въ прошломъ вѣкѣ, I. П. *Коль*, вызванный при учрежденіи нашей Академіи Наукъ въ Петербургѣ въ профессора Церковной Исторіи и Словесности, гдѣ приучился нѣсколько и нашему языку, особливо Церковнославянскому, излагая въ сочиненіи своемъ: «*Introductio in Historiam et rem literariam Slavonarum, imprimis sacram, sive Historia critica versionum Slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephreми Syri, duobus libris absolutata*», изданномъ, вскорѣ по возвращеніи его, въ Альтонавѣ (*Altonaviae*), 1729 (въ 12-ю д.), исторію перевода Св. Писанія на Славянскій языкъ, долженъ былъ неминуемо коснуться и вопроса объ азбукахъ нашихъ; но, доказывая самымъ подробнымъ образомъ несостоятельность мнѣнія, приписывающаго переводъ Библии Иерониму Стридонскому, онъ происхожденіе ихъ излагаетъ почти словами Фриша, ссылаясь на него нѣсколько разъ въ примѣчаніяхъ: «*Non diffitendum est duplicem existere Slavonicum characterem, Cyrillicum unum, alterum Glagoliticum: quorum illud a Methodii socio Slavonicaeque gentis doctore maximo, Cyrillo, hoc autem ab auctore quodam incerto, inventum et comparatum est. Ad Hieronymum vero auctorem alterius originem referendam esse nemo affirmabit. Nam ut Cyrulici, sive potius Cyrillici characteris inventum Constantino Philosopho, Cyrilli nomine a Pontifice ornato, unice acceptum ferendum esse vel nomen ipsum eidem inditum declarat: ita Glagoliticum, ut vocant, alphabetum longe recentioris esse originis, quam ut Hieronymo tribuatur. Errant igitur, qui Glagoliticum Hieronymo alphabetum tribuentes Hieronymianum illud vocant. Quid enim gravius est ipsius Pontificis Johannis octavi testimonio, qui in epistola, jam pluribus commemoranda, literarum Slavonicarum inventum Cyrillo uni adscribit, non Hieronymo, quem tamen, utpote magnae apud Pontificios existimationis Doctorem, si vel minimam veritatis speciem res habuisset, haud dubie commemorasset*» (213). Впрочемъ, «*De Glagolítico caractere*», — говоритъ онъ въ примѣчаніи, — «*non omnia adeo expedita et ad planum deducta esse videntur. Primum quidem origo ejus*

admodum incerta et obscura est. Nos etiam aliquando, ut verum fateamur, Glagoliticum eundem atque Cyrillicum characterem nobis finximus, ea maxime ratione inducti, quod nullum unquam librum Glagolitico characterе scriptum nec ipsi in Russia vidimus, nec aliis visum accepimus. Sed aliter sentire coepimus, postquam doctissimi Frischii historiam linguae Slavonicae, cum peculiari quadam super hac re scripta ad nos epistola conspeximus ac legimus. De origine tamen hujus alphabeti nondum plane certus sum. Vix enim adduci possum ut iis assentiar, qui *vel a Cyrillico non distinguendum vel e Cyrillico esse ortum glagoliticum asseverant*: tanta enim utrosque characteres comparantibus diversitas elucet, ut nulla propemodum litera alterius similitudinem referre, aut ex ea nata esse potuisse videatur» (pag. 76—80). По тому-то, разсматривая (въ §§. 6, 7 и 8) Жизнь Кирилла и Меѳодія, Коль ничего не могъ, съ своей стороны, прибавить ни для уясненія времени составленія той или другой азбуки, ни другихъ вопросовъ, вызываемыхъ отношеніемъ егѣхъ Солунскихъ братьевъ къ Славянскимъ народамъ, довольствуясь просто выпиской изъ разныхъ, старыхъ и новыхъ, сочиненій, больше или меньше говорящихъ о томъ. Адав. Фойгтъ, въ «*Untersuchung über die Einführung, den Gebrauch und die Abänderung der Buchstaben und des Schreibens in Böhmen*», помещенномъ въ «*Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen*», 1-er Band (Prag, 1775), тоже считаетъ мнѣніе Фриша о Глаголицѣ самымъ вѣроятнѣйшимъ: «*Die wahrscheinlichste ist, dass dieses Alphabet (Glagolitza) viel jünger als die Kirililitza, und vermuthlich aus derselben entstanden sey*» (S. 173). Въ примѣчаніи (26-мъ) прибавляетъ: «*Diese Meynung erhält dadurch eine nicht geringe Verstärkung, dass die glagolitischen Buchstaben mehr gekünstelt und zusammengesetzt, als die cyrillischen sind. Man hält aber immer das Einfache für älter als das Verzierte*» (S. 175—176). Перебравши же всѣ, доступныя ему тогда мнѣнія, о той и другой азбукѣ, Фойгтъ заключаетъ: «*Kurz, alle Zeugnisse sowohl der Freunde, als der Feinde unsrer slavischen Aposteln stimmen darinn überein, dass denenselben die eigentliche und ganz neue Erfindung der vorhin unter den Sla-*

ven noch durchaus unbekanntem Buchstaben zuzuschreiben sey. Hätten unsre Vorfahren vor der Ankunft Cyrilli und Methodii bereits ihre eigene Schreibart gehabt; was wäre es nöthig gewesen, eine neue zu erfinden: da es ihnen ja verstattet ward, den Gottesdienst in ihrer angebohrnen slavischen Sprache zu halten; wozu ihre alten Buchstaben würden hinlänglich gewesen seyn? Allein, weil das kriegerische und auf seine Muttersprache erpichte Volk nicht zu bereden war, dass sie sich in einer fremden Sprache, als der griechischen oder lateinischen unterrichten liessen; so sahen sich ihre Bekehrer gezwungen, um ihren Zweck zu erreichen, sie wenigstens ihre Muttersprache schreiben zu lehren; ohne welche Beyhülfe sie weder das Christenthum, noch den allgemeinen Gottesdienst unter ihnen würden haben verbreiten können. Sie behielten zu diesem Behufe die griechischen Buchstaben bey, so weit sie zureichten: allein, um verschiedene der slavischen Sprache eigenthümliche Töne auszudrücken, mussten sie neue Zeichen oder Buchstaben erfinden» (S. 184—185) (214).

Етѣ усилія Западныхъ ученыхъ, своихъ и чужихъ, отгадать происхождение, или, по крайней мѣрѣ, взаимное отношеніе, нашихъ двухъ азбукъ, не могли не имѣть вліянія и на тѣхъ изъ Рускихъ писателей, особливо занимавшихся исторической критикой, которые, уже по роду и воспитанію своему, были изъ краевъ обширнаго Рускаго племени, касавшихся чужаго рубежа. Я тутъ разумѣю покойнаго Ю. И. Венелина. По происхожденію *Карпатскій Русь*, учившійся во многихъ заведеніяхъ Угрии и Галиціи, владѣвшій, подобно другимъ землякамъ и соплеменникамъ своимъ, нѣсколькими языками, древними и новыми, что условливалось преимущественно родиной его, называемой, не шутя, Европой въ маломъ видѣ (миніатюрѣ), Венелинъ, врожденной страсти къ историческимъ изслѣдованіямъ, могъ удовлетворить больше, меньше, всюду, гдѣ ни приходилось служить ему, имѣя въ своемъ распоряженіи, такъ сказать, ключъ къ умственнымъ сокровищамъ, т. е., языкознаніе, безъ котораго, разумѣется, ни какія дарованія не сдѣлаютъ никого критикомъ-историкомъ. Но хотя книжный міръ былъ ему открытъ настежь, однако, онъ не любилъ никому и ни въ чемъ вполнѣ

нѣ поддаваться. Принимая все, какъ говорится, къ свидѣнію, онъ за то все и норовилъ къ одному и тому же, одной любимой мысли, составленной имъ о своемъ племени. Какъ ни странной кажется доселѣ эта душа всѣхъ его произведеній, *nervus regum gegendatum*, тѣмъ не менѣе, прежде нежели произнесемъ надъ нимъ свой приговоръ, необходимо выслушать все, что онъ оставилъ онъ послѣ себя, какъ бы оно ни поражаало нашъ, слишкомъ, можетъ быть, изысканный вкусъ. Съ этой-то цѣлю, вовсе не раздѣляя основной мысли Венелина, я всегда одобрялъ и одобряю обнародованіе неизданныхъ еще сочиненій его, такъ какъ въ нихъ, при всѣхъ преувеличеніяхъ и извѣстныхъ уже напередъ недостаткахъ, заключается множество чрезвычайно вѣрныхъ замѣчаній и блестящихъ соображеній, перѣдко совершенно неожиданныхъ и мѣткостью своей донельзя поражающихъ. Отъ того, завѣдывая изданіемъ «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», я помѣщалъ въ нихъ его посмертныя произведенія, за нихъ, повторю, послѣднія достоинства. Естественно было ожидать, что онъ, въ своихъ походахъ противъ авторитетовъ (215), страсти, вынесенной имъ изъ первоначальной его родины и мѣста образованія, ученые коихъ предпочтительно передъ всѣми странами Европы отличаются, сколько могъ я замѣтить изъ чтенія и личнаго наблюденія, етѣмъ духомъ, условливаемымъ историческими и этнографическими судьбами старой Панноніи или Угорской земли, естественно, говорю, было ожидать, что и онъ, рано, поздно, коснется и начала Славянскихъ письменъ, и коснется по своему. И точно, во 2-мъ томѣ изслѣдованія своего: «Древніе и нынѣшніе Болгаре, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ», изданномъ, по смерти его (Москва, 1841), тѣмъ же самымъ лицомъ, что и 1-й томъ издало (къ коему, т. е., 2-му, дополненія, жизнеописаніе и списокъ рукописнымъ сочиненіямъ, присоединены въ 1846-мъ), посвященномъ *Словенамъ*, т. е., Славянамъ въ Хорутанскихъ краяхъ, онъ весь §. 11-й занялъ толкованіемъ о «Словенскихъ писменахъ». Согласно съ основной мыслью своей о томъ, что жители Норика, Панноніи, Реціи, Карніи, Истріи, Венеціи и Винделиціи испоконъ были Славяне, доказатель-

ство чему думалъ видѣть въ самомъ названіи Ретовъ (Rheti, Rhaeti, Rhoeti, Raeti, Raiti), производя его отъ Греч. ῥητοί, по Лат. Rheti, отъ ῥητος (rhetus), сказанный, словный, словесный (отъ ῥέω, говорю), слѣдовательно, ῥητοί, Rheti, — Словенцы, а Реты были выселенцы Етрускіе (по Ливію, lib. V, с. 33), сохранившіе только одинъ языкъ, и то не безъ искаженія: «ne quid ex antiquo, praeter sonum linguae, nec eum inconruptum, retinerent», стало, Етрускія письмена вмѣстѣ и Ретійскія, согласно со всѣмъ егѣмъ, Венелинъ видѣлъ въ Етрускахъ и Ретахъ Словенцевъ Паннонскихъ или Хорутанскихъ, а въ письмѣ Етрускомъ — письмо Словенское, которое, де, уцѣлѣло только въ горахъ Словенскихъ, а послѣ сообщилось и далѣе. Мысль эта совершенно ложна, по тому что новѣйшія изслѣдованія (L. Staub; Die Urbewohner Rhätians und ihrer Zusammenhang mit den Etruskern. Stuttg. 1843), говорятъ, что жители Реціи и Норика, какъ показываетъ разложеніе ихъ мѣстоименныхъ и другихъ названій (Id., Zur rhätischen Ethnologie. Stuttg. 1854), были Етруски, а не Славяне. слѣдовательно, и письмо ихъ Етруское, которое совсѣмъ не похоже на Славянское (G. Dennis, Städte und Begräbnisplätze Etrugiens. Leipz. 1852). Тѣмъ не менѣе письмо это, какъ легко догадаться, было не что иное, по словамъ Венелина, какъ письмо Глагольское (Ретійское): «Если Этруски, по увѣренію *современныхъ* очевидцевъ, были единоплеменники Словенцевъ (?), то какое могло быть нарѣчіе, такъ называемыхъ Этрусковъ, какъ не Словенское?! Какой же особенный алфавитъ, о которомъ говоритъ Веллей Патеркулъ, могъ быть у Словенцевъ, какъ не Этрускій?! Что ежели етотъ же алфавитъ и доселѣ въ употребленіи у Словенцевъ Истрійскихъ, Далматскихъ и на островахъ Адриатическаго моря?!» (стр. 173). Изложивъ, за тѣмъ, мнѣнія о Глаголическомъ алфавитѣ по Шафариковой «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten» (стр. 239—241), онъ, по обыкновенію своему, осмѣиваетъ каждое, равно какъ и мысль объ изобрѣтателѣ какой бы то ни было азбуки, называя то нравственной и физической *невозможностью*: «нравственно по тому, что невозможно вообразить себѣ такого глупца, который рѣшился бы уже, при одномъ существующемъ алфавитѣ, вы-

думывать другой. Всѣ народы Европы до сихъ поръ не изобрѣтали себѣ писменъ, а дожидались, пока къ нимъ не перейдетъ принятый у Грековъ Римлянами. Физически невозможенъ изобрѣтатель по тому, что *онъ одинъ только* знаетъ свою грамоту, слѣдовательно, онъ долженъ бы *самъ же* вездѣ заводить школы на свой щетъ; но еще пагубнѣе для успѣховъ *изобрѣтательства* было то, что, въ случаѣ извѣстности другаго алфавита, *изобрѣтатель* долженъ бы имѣть силу Правительства, чтобы умѣть *заставить* принять всякаго свои шутки» (стр. 179). Поглумившись вдоволь, онъ переходитъ къ Копитарову «*Glagolita Clozianus*», изданному передъ тѣмъ за годъ, рассказываетъ его исторію, и по томъ примѣняетъ опредѣленіе Салонскаго (близъ Спалатро) Собора 1060 года къ Глаголическому алфавиту, утверждая, что подъ «*Gothicas literas*, которыми Меодій «*multa contra Catholicae fidei peritiam in eadem Slavonica lingua manendo conscripsit*», Отцы Собора разумѣли алфавитъ Словенцевъ (ссылка на Дубровничанина Туберо XV в. и Архидіакона Ому 1200 — 1268, называющихъ Далматинцевъ Готами (216), который, однако, «былъ забытъ въ послѣдствіи въ Италіи, но который при- таился въ небольшомъ уголкѣ, получивъ новое названіе *Глаголическаго*» (стр. 184—185). Въ полной увѣренности въ истиннѣ сказаннаго, приводитъ начертаніе послѣдняго алфавита и разныя выписки изъ Клоцова Глаголиты, послѣ которыхъ дѣлаетъ выводъ: «Вотъ вамъ вѣрное (?) понятіе о писменахъ, которыя Сербы и Кроаты Православнаго исповѣданія назвали *Глаголическими* по тому только, что своихъ единоплеменниковъ Латинскаго обряду прозвали *par sobriquet* *Глаголитами* отъ того, что у нихъ послѣднихъ чтеніе Евангелія начиналось не словомъ: «*Рече Господь притѣхъ снѣ*», или: «*Рече во Ноудеомѣ*», но словомъ: «*Глагола Господь*». Эти писмена, однако, Греки и Латины называли *literae Gothicae*, а я наименовалъ *Словенскими* (*literae Pannonicae* или *Rheticae*), чтобы дать почувствовать весь смыслъ словъ *Веллея Патеркула*, и чтобъ опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что Словенцы и Краинцы никогда не писали Глаголическими буквами» (стр. 202). «При томъ же принято», — продолжаетъ далѣе, — «что грамота сдѣлалась необходимою и

возможною для Славянъ только тогда, когда нужно было переводить Св. Писаніе для отправленія Богослуженія,—принято за непреложное, что Св. Кириллъ и Меѳодій крестили жителей Панноніи и Мизіи (Словенцевъ, Сербовъ и Болгарь) въ IX вѣкѣ, слѣдовательно и необходимость въ писменахъ оказалась для Славянскихъ племенъ только съ этого времени. Такимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій заслонили не только исторію Словенскихъ писменъ, но и *подлинную* эпоху крещенія самихъ *Словенцевъ*. Однако если взять въ уваженіе такія свидѣтельства и обстоятельства, на которыя Историческая Логика не можетъ не обратить особеннаго вниманія, можетъ оказаться, что *обращеніе* Панноніи и *первое* введеніе *Славянскаго* Богослуженія дѣйствительно также *несправедливо* приписано позднѣйшими Св. Меѳодію, какъ и изобрѣтеніе Греческаго устава и *нѣсколькихъ* *Глаголическихъ* буквъ, *коими* *пополненъ* *Греческій* *Алфавитъ*, *приписано* *Св. Кириллу*» (стр. 202—203). И ниже о послѣднемъ; «Народы Греческаго исповѣданія принятый ими Греческій алфавитъ дополнили буквами изъ, такъ называемаго, Глаголическаго шрифта, на пр. б, ж, ч, ш, ц.» (стр. 270). Тутъ доказываетъ, своимъ образомъ, обращеніе Словенцевъ вмѣстѣ съ жителями Италіи, переводъ Св. Писанія Улфилой на Словенскій языкъ, такъ какъ Готы, по его, Славяне и употребляли Словенское или Глагольское письмо (стр. 222—223). «Между тѣмъ какъ начало Богослуженія *на одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій testes oculati* относятся къ IV-му вѣку стараніемъ Епископа *Улфилы*, Св. Кириллъ и Меѳодій (если исключить подложныя посланія Іоанна VIII къ послѣднему, сочиненныя въ XIII вѣкѣ) ничего и имкого не имѣютъ имъ современнаго о переводѣ Кирилломъ Св. Писанія или же о введеніи Меѳодіемъ Славянскаго Богослуженія» (стр. 223). Касательно приписанія Зальцбургскимъ неизвѣстнымъ сочинителемъ исторіи обращенія въ Христіанство Хорутанцевъ изобрѣтенія Славянскихъ писменъ Меѳодію, замѣчаетъ, что «это означаетъ только то, что они существовали, но со времени Карла V. въ Латинскихъ церквахъ не были въ употребленіи, что даже Латинскіе монахи молитвы и другія вещи, по *новому* обряду, на *Словенскомъ* языкѣ старались выражать Латинскими буквами, да и самую исторію *безыменную* нельзя назвать

исторією ихъ обращенія въ Христіанство, а просто исторією *притязанія и вліянія* на эти области (Хорутанія и Славонія) Салцбургскихъ Архіепископовъ» (стр. 247). «И такъ изъ выраженія Салцбургскаго современника видно, что Апостольское призваніе Св. Меѳодія было не въ *Азбуку*, которая до него существовала, а въ *новомъ ученіи*» (стр. 247), т. е., возстановленіи бывшаго до введенія Латинскаго Богослуженія, иначе: въ содѣйствіи къ возстановленію Славянскаго Богослуженія, а съ нимъ и такого же письма. Отрицая составленіе письма Кирилломъ или Меѳодіемъ по поводу рѣчи о Глаголицѣ, Венелинъ только продолжалъ, давно уже начатое имъ: я хочу етъмъ сказать, что онъ еще въ своей «Исторіи Болгаріи», писанной имъ во время пребыванія въ нашемъ Университетѣ, стало, вмѣстѣ съ первой частью сочиненія своего «Древніе и Новые Болгаре» (217), составилъ себѣ о томъ окончательное понятіе. Тутъ онъ, дошедши до Бориса, и рассказавъ обращеніе его въ Христіанство (863 г.) Меѳодіемъ, при помощи сестры Борисовой, сдѣлавшейся, во время плѣна, Христіанкой при Цареградскомъ Дворѣ, гдѣ была воспитана, и другихъ Греческихъ и Славянскихъ помощниковъ, онъ разбираетъ разныя изысканія новѣйшихъ критиковъ о виновникахъ крещенія Болгарскаго народа, при чемъ обращаетъ вниманіе на обученіе народа, введеніе богослуженія и перевода Св. Писанія. «Во всемъ етомъ помощникомъ Меѳодію былъ братъ его, Константинъ, вызванный имъ въ Болгарію. Какъ природные Болгаре, родомъ изъ Македоніи (Солунцы), они перевели Св. Писаніе на свой родной языкъ и для родныхъ, т. е., соплеменниковъ своихъ, Болгарскихъ Славянъ, доказательство чему въ томъ, что Болгаре приняли Христіанскую Вѣру прежде всѣхъ Славянскихъ племенъ Восточнаго Вѣроисповѣданія; что переводчики были уроженцы Болгарской страны или Болгаре; что переводъ, если онъ даже не существовалъ до Меѳодія, по естественному порядку и по требованію Короля, долженъ былъ быть совершенъ на языкъ или нарѣчій царствующаго народа, Болгарь, и, наконецъ, неоспоримымъ доказательствомъ тому служитъ нынѣшній языкъ Болгарскій, живой и истинный отпечатокъ Церковнаго» (66—67). А чтобы вполнѣ доказать принадлежность всего этого Болгаріи, онъ рассматриваетъ сказа-

нія Житій и Лѣтописей о Солунскихъ братьяхъ, которыя и отвергаетъ, называя «Латинскія Легенды произведеніемъ XIV или XV-го столѣтія (или того времени, съ котораго Латинцы приняли Кирилла и Меѳодія въ свой Мѣсяцесловъ), съ цѣлію показать, что Греко-Моравская и Чешская Церковь и ея Греко-Славянское Богослуженіе происходитъ изъ Рима, а тѣмъ самымъ доказать и утвердить зависимость сихъ странъ отъ Папы; для перваго сочинителя Латинской Легенды затеряны были уже настоящія свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Кирилла и Меѳодія, а потому пристрастіе и ревность къ распространенію Латыни были довольнымъ поводомъ для сплетенія небывалой исторіи. Не зная, какимъ образомъ и откуда перешли въ Моравію переводы Свящ. Писанія и Богослужебныхъ книгъ, которые, собственно, принадлежатъ Болгарамъ, онъ (сочинитель 1-й Легенды) приписалъ сіе Кириллу и Меѳодію: для сего выдумываетъ посольство Славянскихъ Князей къ Императору Михаилу, съ требованіемъ отъ него учителей, отправленіе къ нимъ изъ Цареграда проповѣдниковъ Кирилла и Меѳодія, изобрѣтеніе ими Словенскихъ буквъ и переводъ Св. Писанія на языкъ, который называетъ Словенскимъ (стр. 111). Посольство основывается только на предположеніи, будто нашими Апостолами Богослуженіе введено въ Моравію, между тѣмъ какъ это сдѣлано было ими лишь въ Болгарскомъ государствѣ. Оно (посольство) неестественно, ибо Моравія отъ Имперіи отдѣлялась обширною Болгаріей, коей принадлежитъ вліяніе на Моравію. Невѣроятно, чтобы Моравы, какъ Славяне, просили себя въ учителя Грека, а не лучше какого либо Болгарина Славянина, да и Михаилъ не могъ располагать ни Меѳодіемъ, ни Кирилломъ, находившимися уже въ Болгаріи (стр. 112); слѣдовательно, ни тотъ, ни другой, ни въ Моравіи, ни въ Римѣ никогда не бывали, напротивъ, весь кругъ ихъ дѣйствій, все ихъ поприще заключалось въ предѣлахъ Болгарской Державы (стр. 113). Какъ Легенды—просто выдумка пристрастныхъ головъ, такъ точно и Буллы Папы Іоанна VIII-го къ Меѳодію, чеканенныя жалкимъ образомъ въ XV ст., уже послѣ появленія Легендъ, потому что въ нихъ заключаются понятія сочинителя Легендъ, изъ коихъ составлены во время Гуситскихъ войнъ, какъ историческія доказательства въ сіи

критическія времена принадлежности Чеховъ къ Римской Церкви. Сюда же относится и Біографія Климента, Архіепископа Болгарскаго, которая, де, по доказательствамъ (мнимымъ) Добровскаго, въ томъ, гдѣ касается Кирилла и Меѳодія, заимствована изъ Легендъ; а если ее сочинялъ Грекъ прежде появленія Легендъ, то она умножена въ послѣдствіи статьей о Кириллѣ и Меѳодіи какимъ либо Латинцемъ, или Грекомъ подкупленнымъ; если же вся составлена однимъ лицомъ, то писана только съ XIV столѣтія» (стр. 115) (218). Принесши въ жертву такому своему предположенію о дѣятельности Кирилла и Меѳодія, показанія Запада, Венелинъ также поступилъ и съ показаніями Востока: «Несторовъ разсказъ, судя по ясности и краткости слога Несторова, слишкомъ подробенъ и теменъ, чтобы приписать его Нестору; притомъ, въ извѣстіяхъ заграничныхъ онъ пользовался только одними Византійцами; но ни они не говорятъ о событіяхъ, содержащихся въ семь мѣстѣ, ни Латинскіе современные писатели; явно, что оно вставлено не извѣстно кѣмъ изъ продолжателей Нестора, въ качествѣ объясненія на текстъ Лѣтописи, и вставлено отсюда же, откуда и Буллы: всмотрѣвшись хорошенько въ оное, увидите, что оно есть не иное что, какъ только переведенная, хотя съ нѣкоторыми отмѣненіями, Латинская Легенда. Какой-то южный Русинъ, видя, что Несторъ, пропустилъ объяснить происхождение, такъ называемой, Славянской грамоты, пожелалъ замѣнить, сколько возможно, сей недостатокъ, и, не имѣя для сего особыхъ источниковъ, и будучи слишкомъ довѣрчивъ, принялъ отъ своихъ близкихъ сосѣдей, Латиновъ, Легенду, и внесъ ее въ текстъ Нестора» (стр. 117). Напослѣдокъ, и о Житіи, помѣщенномъ въ Четь-Миней, принимаетъ безусловно мнѣніе Добровскаго, признавая, однако, съ Шлѣцеромъ, во всемъ превосходство ея надъ Легендами. «Самое же затруднительное обстоятельство есть то, что сочинитель оной совершенно забылъ упомянуть о крещеніи Болгарской Державы, событіи, въ которомъ Меѳодій и Кириллъ были главными дѣятелями, и которое было величайшимъ событіемъ тогдашняго времени (стр. 119). Отсюда вытекаетъ, что Болгарское Богослуженіе и книги пришли въ Моравію по требованію не Ростислава, не изъ Византіи и не при по-

средствѣ Кирилла и Меѳодія, но по обращенію Святополка къ Борису, послѣ бѣгства, во время бурныхъ войнъ съ Нѣмцами, Латинскихъ, Франкскихъ и Нѣмецкихъ монаховъ изъ владѣній его, а съ ними и непонятной Латыни и ненужныхъ десятинъ и под. тому поборовъ. Въ сіе-то время (послѣ 876, въ которомъ умеръ Императоръ Людовикъ, а владѣнія его раздробились на три части) приняты въ Моравіи и Богеміи обряды Восточной Православной Церкви, при чемъ и Болгарскія Священныя книги перенесены туда изъ Болгаріи, тѣмъ паче, что Болгарское нарѣчіе было понятно всякому Моравянину. И это естественно: отвергая Латинское, надобно было принять Болгарское, какъ вразумительное, сверхъ того, не требовавшее ни податей, ни зависимости Моравіи, предоставлявшее имѣть у себя собственныхъ Епископовъ, чего не позволяли имъ Франки (стр. 131—132). И по тому не начало положили Кириллъ и Меѳодій сей Славянской Церкви, но гигантски распространили и развили, образовали членовъ ея. Вотъ величайшія услуги и заслуги ихъ!» (стр. 121). Такое мнѣніе свое о началѣ письменъ Славянскихъ, опираетъ еще на томъ обстоятельстве, что рѣшительно, молъ, «не вѣроятно, чтобы лишь одному Кириллу, или Меѳодію, могло придти на мысль писать Болгарскія слова Греческими буквами; напротивъ, знакомя народъ Болгарскій съ истинами Св. Писанія, естественно, сіи мужи познакомили оный и съ письменами. По крайней мѣрѣ источники указываютъ на нихъ, какъ главнѣйшихъ виновниковъ сего великаго и спасительнаго дѣла. Но одни голыя (справедливыя или подложныя) свидѣтельства не могутъ быть употреблены въ изслѣдованіи, если не сообразимъ оныхъ ни съ естественностью дѣла, ни съ теченіемъ обстоятельствъ, ни съ порядкомъ вещей, ни здравымъ разсудкомъ. А по тому, тогда только можно приписать Кириллу и Меѳодію первое употребленіе Греческаго алфавита въ Болгаріи и для Болгарскаго языка, когда докажутъ, что никому изъ многочисленныхъ Болгаръ, наполнявшихъ Европейскія области Восточной Имперіи, и даже поселенныхъ въ Малой Азіи, съ давняго времени болѣею частию смѣшанныхъ съ Греками, бывшихъ гражданами, Христіанами, въ силѣ и уваженіи, ни случая не было, ни мысль не приходила въ голову писать Болгарскія

слова Греческими. А какъ этого доказать совершенно невозможно, то допустить должно, что Имперскіе Болгаре еще до Меводія и Кирилла писали сими буквами, ибо принятіе ихъ было неразлучно и необходимо соединено съ принятіемъ Христіанской Вѣры. Зная, что письменность у Восточныхъ Славянскихъ племенъ распространялась вмѣстѣ съ Христіанствомъ, и что начало ихъ обращенія значительное время заключалось въ предѣлахъ Имперіи между Болгарскими ея жителями, я совершенно убѣжденъ,—говорить Венелинъ,—что и письменность между ними уже долгое время была въ употребленіи, пока, наконецъ, при благопріятномъ случаѣ, изъ-за горъ Балканскихъ не распространилась и на прочія страны. Стало, Болгаре переняли отъ своихъ добрыхъ согражданъ, Грековъ, и буквы и Вѣру вмѣстѣ; но сіе случилось не вдругъ и не однимъ человѣкомъ введено, напротивъ, постепенно, и могло входить въ употребленіе у разныхъ лицъ въ одно и то же время. Тоже разумѣть слѣдуетъ и о переводѣ Св. Писанія и служебныхъ книгъ, ибо одно не могло случиться безъ другаго; то, другое и третье—принадлежности одного и того же событія. Сообразно сему Имперскіе Болгаре должны были имѣть въ переводѣ если не все Св. Писаніе, то, по крайней мѣрѣ, какую либо самую нужную часть онаго. Приписываемый источниками Меводию и Кириллу переводъ всей Библии и даже другихъ служебныхъ книгъ, заключаетъ въ себѣ что-то затруднительное, неестественное (стр. 73—78). Возможно ли, чтобы сіи мужи, въ непрерывномъ своемъ путешествіи и занятіи проповѣдываніемъ, крещеніемъ и спорами, могли и помыслить о переводѣ тѣхъ огромныхъ книгъ (прежде надобно было имъ перевести служебныя, безъ коихъ не могли ввести Богослуженія, а послѣ Библию), для перевода коихъ, сообразно тогдашнему искусству писать, не довольно было цѣлой жизни, спокойной, сидѣльческой, да еще такими письменами, кои еще не существовали, и кои надобно только еще изобрѣсть? (стр. 60). Кто утверждаетъ переводъ за ними, тотъ, съ одной стороны, по Легендамъ, утверждаетъ это въ Булгаріи и Моравіи: но не ужели кто будетъ столько опрометчивъ, чтобы отважиться приписать такое двукратное предложеніе Св. Писанія одному,

или двумъ челоуѣкамъ , между тѣмъ какъ переводъ сего же самаго Писанія , за исключеніемъ Новаго Завѣта и Богослужебныхъ книгъ , на одинъ только Греческій , нѣкогда стоилъ довольно труда и времени 70-ти толковникамъ? Слѣдовательно , переводъ могъ быть сдѣланъ на одинъ только языкъ , и Св. Писаніе оставалось на семъ одномъ языкѣ , пока , въ послѣдствіи времени , не переведено и на прочіе виды общаго Славянскаго. Этотъ одинъ языкъ и былъ Болгарскій , и на немъ оно было пренесено и въ Моравію , такъ же какъ и въ Россію. Или неужели вздумаете сказать , что Кириллъ переводилъ оное въ Моравіи для Болгаръ? Или на Болгарскомъ языкѣ въ Моравіи для Мораванъ? Но неужели Христіанская Вѣра , и съ нею Св. Писаніе , обратнымъ путемъ перенесено изъ Моравіи въ Булгарію и Россію , да еще на Булгарскомъ языкѣ? То же разумѣется и о Меѳодіи: чтобъ онъ самъ и одинъ занимался тѣмъ , это не можетъ быть доказано , и невѣроятно. А какъ не трудились надъ этимъ переводомъ въ Моравіи , то онъ долженствовалъ быть совершенъ въ Болгаріи еще до 861 , или 863 года , въ которомъ заставляють Константина и Меѳодія путешествовать въ Моравію , потому что , слѣдуя Легендамъ , какъ они могли бы вводить Богослуженіе въ Моравіи тотчасъ по прибытіи въ нее , не имѣя съ собою уже изъ Болгаріи готоваго перевода? И потому , Кириллъ ли и Меѳодій начали и совершили оный (переводъ) , совершенно неизвѣстно и весьма сомнительно. Приписывать сіе имъ исключительно нельзя , ибо нельзя этого доказать; по крайней мѣрѣ начало письменъ , которое неразрывно касается и перевода Св. Писанія , противорѣчитъ тому (стр. 78—83). Извѣстно , что Славянскій родъ , распавшись на двѣ религіозныя стороны , принялъ писмена двухъ почерковъ , Греческаго и Латинскаго (который тотъ же Греческій , только преобразованный и названный , по праву присвоенія , Латинскимъ , такъ какъ Нѣмецкій—такой же измѣненный Нѣмцами Латинскій). Всякій видитъ , что буквы , коимъ начали писать Болгаре , а потомъ и Россіане , суть чистыя и настоящія Греческія , и , стало , говорить объ изобрѣтеніи сихъ буквъ Кирилломъ и Меѳодіемъ будетъ нелѣпо. Правда , что къ Греческому алфавиту прибавлены нѣкоторыя буквы для изображенія осталь-

ныхъ Болгарскихъ звуковъ; но неужели это значить быть изобрѣтателемъ той азбуки, которую въ самомъ дѣлѣ только дополнилъ, кто бы то ни былъ? Почему не говорить гораздо естественнѣе и приличнѣе о введеніи, или принятіи Болгарами Греческаго алфавита, вмѣсто безтолковаго слова изобрѣтенія? И такъ ни Кириллъ, ни Меводій, ни какой либо другой Болгаринъ не изобрѣталъ и не могъ изобрѣтать алфавита, который существовалъ уже прежде, за тысячу лѣтъ, и который называется Славянскимъ по тому только, что въ употребленіи у нѣсколькихъ видовъ Славянскаго рода и что пополненъ нѣсколькими новыми знаками. Вопросъ, кто и когда ввелъ въ употребленіе у Болгаръ Греческія писмена, то же, что вопросы: кѣмъ, какъ и когда перенесены Греческія буквы къ Латинамъ, Коптамъ, Готамъ и проч., или Арабскія къ Туркамъ, Татаро-Персамъ, Бухарцамъ и проч.? Если обратить полное вниманіе на принадлежности сего переноса, то нельзя не замѣтить, что главнѣйшею изъ оныхъ былъ переходъ Религии и, во вторыхъ, непосредственное сосѣдство и тѣсное соприкосновеніе двухъ народовъ, между коими долженствовало случиться сей переходъ, или сообщеніе письменности. Дѣйствіе образованнаго Греческаго народа не могло быть обращено на одного только, или двухъ Болгаръ, ибо сіе невозможно, но происходило на всѣхъ точкахъ соприкосновенія онаго съ Болгарскимъ» (стр. 70—72). Дѣлая выводы изъ этого, сочинитель еще разъ настаиваетъ на то, что переводъ сей и Болгарское Богослуженіе существовали уже до просвѣтителей Болгарскаго народа, и существовали долго за Балканами, въ предѣлахъ Имперіи, вмѣстѣ съ письменами: «по сему-то Греческая Словесность имѣла сильное вліяніе на Словесность Имперской отрасли Славянскаго вида Болгаръ; по сему-то наше Св. Писаніе изобилуетъ Грецизмами, и на оборотъ, сіи Грецизмы показываютъ, что оно переведено не въ Моравіи, ни въ Болгаріи, но въ самой Имперіи. Впрочемъ, гдѣ бы ни совершенъ былъ сей переводъ, все равно; и самый Константинополь не менѣе могъ быть мѣстомъ его довершенія, какъ и Адрианополь, или Солунь. Не смотря на сіе, однако, не стану утверждать рѣшительно, что Меводій и Кириллъ не переводили совершенно ничего. Можетъ статься, что въ ихъ время не

вся Церковная библиотека была уже на Болгарскомъ языкѣ, и что, движимые ревностію къ своей Церкви, они перевели недостающее; или, если даже и все было довершено ихъ предшественниками, то они, какъ истинно ученѣйшіе мужи, могли заняться исправленіемъ недостатковъ, могшихъ вкратиться въ столь обширномъ Церковномъ запасѣ, и сіе уже само по себѣ есть великій трудъ и великая заслуга (стр. 84). Они, потому, Болгарское Богослуженіе, переводъ Св. Писанія и Болгарскія писмена, существовавшія задолго до нихъ въ предѣлахъ Имперіи, пересадили и распространяли по Болгаріи и принадлежащимъ ей областямъ, ими обрацаемымъ» (стр. 120). Слѣдовательно, основная мысль всего, высказаннаго сдѣсь Венелинымъ въ двухъ его сочиненіяхъ, это—какъ Христіанство, такъ и, послѣдствіе его, Богослуженіе, а черезъ то и самая письменность, гораздо старѣе дѣятельности Кирилла и Меѳодія, а по тому всѣ сказанія, приписывающія все это имъ просто на просто—выдумка, ни на чемъ неоснованная, или точнѣе опирающаяся на поддѣлкѣ какихъ-то неблагонамѣренныхъ лицъ въ средніе вѣки. И все это обвиненіе въ подлогѣ цѣлой древности, показаній Востока и Запада, т. е., людей самыхъ различныхъ и ни чѣмъ не связанныхъ между собою, отдѣленныхъ исполнскимъ пространствомъ мѣста и времени, образованіемъ, вкусомъ, выгодами и цѣлями, весь этотъ гигантскій заговоръ поднять имъ во имя чего же? Единственно, чтобъ доказать, что Глаголица—то и есть настоящее Славянское письмо, которое далеко старьше, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ, есть наслѣдство, оставленное намъ нашими праотцами временъ глубокаго язычества, между тѣмъ какъ, такъ называемая, Кириллица,—плодъ новѣйшій, неправильно присвоенный Константину Философу, или, брату его, Меѳодію. Она такое же Греческое письмо, какое Латинское, Коптское, Готское и т. п., отчасти только измѣнившіяся съ теченіемъ времени подъ тростію скорописною и перомъ борзописцевъ, старавшихся примѣнять, по силѣ разумѣнія своего, знаки, для чужаго слова первоначально составленные, къ выраженію звуковъ родныхъ, съ большимъ, меньшимъ успѣхомъ, пока, наконецъ, не достигли въ томъ нѣкотораго рода порядка, системы. Важнѣйшее пополненіе Греческаго алфавита состояло въ знакахъ,

прибавленныхъ къ нему изъ исконной Славянской азбуки, но дополненіе его не извѣстно, кѣмъ и когда сдѣлано, ни въ какомъ случаѣ не даетъ намъ права считать черезъ то Алфавиту особеннымъ какимъ-то письмомъ, ставить на одной доскѣ съ Глаголицей. А по тому тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо изобрѣтеніи особенныхъ буквъ, будете ли приписывать Кириллицу Константину, или кому бы то ни было. Очевидно, весь етотъ наборъ громкихъ словъ, позовъ противномыслящихъ передъ судилище здраваго смысла, исторической Логикѣ, Критеріума и тому подобныхъ, всѣ стѣ Родомонтады—изза того, что невѣроятно думать, будто Славяне Имперіи Греческой ранѣе Солунскихъ проповѣдниковъ не подвергались въ такой степени вліянію своихъ образованныхъ сосѣдей, чтобы, упорно оставаясь въ язычествѣ, отвергали Христіанство, а съ нимъ и всѣ благодѣянія его, между которыми, въ особенности, не избѣжно было знакомство съ книжнымъ богатствомъ просвѣщеннѣйшаго народа въ мірѣ и попытка усвоить его въ какой бы то ни было степени и себѣ, преимущественно сокровищъ Христіанской мудрости, слѣдственно, пересадка на родную почву, что, естественно, возможно только посредствомъ письменъ, приспособленныхъ къ разнымъ звукамъ! Но кто же отвергалъ послѣднее, т. е., вліяніе Грековъ и ихъ образованности на Славянъ, когда исторія прямо говоритъ о томъ? Кто не допускалъ очень ранняго крещенія тѣхъ изъ нихъ, которые слишкомъ далеко было врѣзались въ предѣлы Имперіи, и не однихъ лицъ, но даже цѣлыхъ полчищъ? Кто отрицалъ, что крещенные могли писать не только на Греческомъ, но и пытались знаками Греческой азбуки выражать, кто какъ зналъ и смогъ, родные звуки, было ли то переводъ съ Греческаго, или какое свое произведеніе? Не прямо ли говоритъ объ етомъ черноризецъ Храбръ, столько близкій къ спорному времени и совершенно выпущенный изъ виду Венелинымъ, то есть, что предки наши «кръстише же са Римскими и Гръьскими писменми наждаха са писати Словѣньска рѣчь безъ оустроенни»? Слѣдовательно, сама Исторія засвѣдѣтельствовала намъ то, существованіе чего, притворяясь незнающимъ показанія ея, или забывая его, силится доказать онъ всѣмъ; но она тутъ же го-

ворить каждому. въ какой мѣрѣ все это было: «иждаахъ са писати безъ оустроениа», по нуждѣ, съ трудомъ и безъ всякаго устроа; слѣдовательно, это было то самое состояніе, въ какомъ каждый человѣкъ и цѣлый народъ находится по неволѣ, когда начинается какое дѣло, гонимый къ тому необходимостью, не давши, да и не могли дать, себѣ отчета, какъ это должно дѣлать, и по чему такъ, а не иначе;—состояніе, въ какомъ и теперь видимъ еще потомковъ тѣхъ же самыхъ Болгаръ, которые, спустя больше тысячи лѣтъ, очутились, въ этомъ случаѣ, въ положеніи своихъ праотцевъ, когда, лишённые всѣхъ средствъ научиться выражать свою новую рѣчь приличными ей письменными знаками, не подозрѣвая даже о существованіи такой возможности, а между тѣмъ, по частому общенію съ сосѣдями своими, Греками, знакомые съ ихъ грамотою, принужденные писать и записывать свои счета и расчеты и т. п., нуждаются, какъ и Словѣни, «погани сажте, писати свою Словѣнскихъ рѣчь», и писати, подобно тѣмъ, безъ всякаго устроенія. «Какъ во можетъ са безъ оустроа Словѣнскихъ рѣчь писати доврѣ Гръцскими писменами», спрощу я словами Храбра? Стало, вся сила вопроса сводится на выраженіе, съ устроаемъ, или безъ устроа писати? Тѣ и другіе Болгаре, до Кирилла задолго, и еще дольше послѣ Кирилла, писали, и писали Греческими и Латинскими писменами, но какъ писали? «Иждаахъ са писати безъ оустроениа», замѣтилъ Храбръ, и етѣмъ порѣшилъ все прешираніе о томъ, писали ль Славяне до Кирилла, и какъ писали? Храбръ даже доноситъ намъ, какъ писали Славяне въ язычествѣ, слѣдовательно, не отвергаетъ нѣкотораго рода грамоты въ нихъ до Христіанства ихъ: «урѣтами и рѣзани хѣтахъ и гатлахъ, погани сажте», но тутъ же прибавляетъ, что это были не «книги»: «не имѣхъ книги», т. е., буквъ, такъ какъ книга въ древнемъ Славянскомъ языкѣ употреблялась первоначально въ такомъ смыслѣ, въ какомъ у Латинянъ «litterae», откуда, какъ у етѣхъ «literatura», *literator*», такъ и у тѣхъ «книжность», книженикъ, книжунъ, книжунинъ, и т. п., тотъ, кто знаетъ litteras, книги (буквы): «Бѣже и написаниа написаво надъ нимъ книгами Славнскими, и Римскими и Евреискими; *Ἦν δὲ ἐπιγραφή γεγραμμένη ἐπ' αὐτῷ ὑράμβραβιν Ἑλληνικοῖς καὶ Ῥωμαῖκοῖς καὶ Ἑβραῖκοῖς*. Лук. XXIII,

38, стр. 191, ст. 30. Какъ оубо съ оумиеть кнѣигы, не оумиеть са? *Πῶς οὗτος γράμματα οἶδε, μὴ μεμαθηκῶς.* Иоан. VII, 15, стр. 26, ст. 2-й. Аще ли того кнѣигамъ вѣрѣ не ёмлёте, како мномъ глаголомъ вѣрѣ имете? *Ἐὶ δὲ τοῖς ἐκείνου γράμμασιν οὐ πιστεύετε, πῶς τοῖς ἐμοῖς ῥήμασι πιστεύετε?* Иоан. V, 47, стр. 15, ст. 4. Остромирово Евангеліе; боуварь, отъ буква, какъ и теперь у Хорутанцевъ *bukvar*, книжникъ, и нашъ букварь; *bukve*, книга, и т. д.; наше *грамотѣй*, отъ грамота, какъ Греческое *γραμματούς* отъ *γράμμα*, и наше просто-народное *письменникъ*, грамотѣй; *письмянный*, *письмѣнный*, то же; *письменица*, грамотѣя, а *письмянница*, прописная азбука для учащихся; Малоруское *письменный*, *письменникъ*, отъ письмо, *письма*. Были ли егѣ уръты и рѣзи Глагольскія буквы, или же что особенное, — иной вопросъ, рѣшеніе котораго не относится теперь прямо къ моему вопросу, да и не можетъ имѣть непосредственнаго на него вліянія, по тому что даже допустивши тождество тѣхъ и етой, устрой для крестившихся Славянъ Греческихъ письменъ, видно былъ, по всему, крайней необходимостью, настоятельной потребностью, и, конечно, по тому, что и уръты и рѣзи, Глаголица и Гръцкіи писмена съ Латинскими, не удовлетворяли Славянъ: «не добръ са ими Словянскія рѣзи писала». Стало, Константинъ или Кириллъ *долженъ* былъ, по такой всѣхъ ихъ несостоятельности, устроить «Словянскоу родоу писмена, ова оубо по умноу Гръцкіихъ писменъ, ова же по Словянскѣи рѣзи». За етоу-то «оустрои по Словянскѣи рѣзи» Греческая алфавита получила названіе «Словянскіихъ писменъ», «Кириллицу», по имени своего устройства: «Святѣи Константинъ Философъ, нарицаемѣи Кирилъ, тѣ имѣ писмена сътвори и кнѣигы прѣложи, и Мефодіе, братъ его (т. е., пособникъ въ прѣложеніи кнѣигъ). Запираться въ етомъ нельзя, имѣя такого свѣдѣтеля, каковъ Храбръ, о которомъ не смѣемъ сказать, чтобы онъ все ето выдумалъ. по тому что не имѣлъ къ тому ни какой причины. Не имѣемъ также ни какого повода подозрѣвать его въ неискренности, когда онъ ссылается даже на людей, которые могутъ то, т. е., «сътвореніе» или «оустроженіе писменъ» и «прѣложеніе кнѣигъ», засвѣдѣтельствовать, какъ современники ихъ, какъ очевидцы: «Сѣть во иште живи, иже сѣть видѣли ихъ», то есть, Кирилла и Ме-

еодіа. Сдѣсь «dawność świadek prawdy», говоритъ Польская пословица. Или и это издѣліе XIV — XV-го столѣтія? Но тогда отъ чего же это издѣліе буква въ букву, черта въ черту, напоминаетъ намъ Греческія писмена Кириллова времени, а не послѣдующаго, тѣмъ менѣе спустя 4—5 вѣковъ, когда и Греческій алфавитъ измѣнился уже значительно? Сдѣсь-то сходство — одно изъ доказательствъ, что наша азбука дѣйствительно появилась въ IX-мъ столѣтіи: каковъ родъ, таковъ и плодъ, или, говоря народной пословицей: каковъ корень (или пенъ), таковъ и отростень. Нѣтъ, на это и Венелинъ не отважился посягнуть, признавая за лучшее вовсе обойти молчаніемъ Храброво «Смязаник, кѣмо състави сѣми Коурицъ Философъ Словѣномъ писмена противоу азбукоу ихъ», хотя, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ его Филиппки противъ изобрѣтенія Кириллицы, ясно, что Сказаніе это было ему хорошо извѣстно (219). И стало, какъ замѣчаютъ Малороссіяне: «Выйде правда на верхъ, якъ олыва на воду».

Въ то время, когда у насъ Венелинъ такъ разсуждалъ объ отношеніяхъ двухъ Славянскихъ азбукъ, больше или меньше дѣйствуя подъ вліаніемъ соплеменныхъ Западныхъ ученыхъ, на Югѣ Славянскомъ, именно, въ княжествѣ Сербскомъ, явилось сочиненіе: «Постанакъ Славенски слова или писменость, каква е и каква треба, да е у Сербскомъ езыку», одъ Адама Драгосавльвита. У Београду, 1840 (въ 12, 140 стр.). Сочинитель, Сербъ изъ южной Угрии, но перешедшій на ту сторону Савы и Дуная, начитавшись тѣхъ изъ доступныхъ ему Югозападныхъ Славянскихъ ученыхъ, которые мною приведены нѣсколько выше, и опираясь на Копитара и Якова Гримма, пытался, на такомъ основаніи, объяснить начало Славянскихъ письменъ, и оттуда вывести правила для Сербскаго правописанія, которое, какъ извѣстно, по сию пору еще не установилось, и которое, при вѣронсповѣдномъ распаденіи Сербовъ на два враждебные стана, чрезвычайно препятствуетъ новѣйшимъ усиліямъ благонамѣренныхъ прекратить это зло и соединить раздѣленныхъ братьевъ. Тамъ споръ о превосходствѣ Азбуки надъ Абецедой, и на оборотъ, имѣетъ глубокое, историческое, значеніе, и по тому найти

средство, которое бы положило, наконецъ, етому спору конецъ, составляло издавна благія желанія пламенныхъ патриотовъ той и другой стороны. «Разделѣне Цркве разделе намъ и сродну братю нашу», — говоритъ онъ, — «разделе я оцрне. Да су Славени сви засдно у едноме Закону остали. нѣовъ бы се езыкъ измедю себе ветьма съсдиніо и много едначій остао и постао, него што е овако. Римскій е Законъ Славенскоме народу многу штету чиніо: ако е Славенинъ Римскога Закона какву тудынку себи узео за жену, то веть деца се ни су есапила (почитались) поколеня Славенскога; она су по матери постаа Немцы, или Маджари, Таліани, или Французи. Ако ли е пакъ Славенка тудынцу жена, то веть ніе ни мислити, да деца таковога брака љ Римскоме Закону Славенима постану. Гомила (множество) се Славена у многима Државама у инороднике слила и стопила. Али опетъ има Славени Срба Грчкога Закона съ Маджарима помешани, кои свой народній езыкъ говорити не умеду, али се они опетъ за то држе, да су Србљи по крви и Закону. Славени пакъ Римскога Закона, ако су гди помещани са другима своезаконницама, савсвимъ су се у исте слили, нити се веть више есапе, да су рода Славенскога. У Грчкоме Закону многи су се Грци, Власи и Цинцари (смѣсь Румуновъ съ Греками) посрбили, и тиме Славенскій народъ умложили; али у Римскоме нема тога догадья, да су какви иноезичници постааи Славенима. Грчкій е дакле (по тому) Законъ досада (доселѣ) бивао и бива една потпора и одбрана у пропаданю Славенскоме народу и езику, а Римскій е текъ гредечно (постепенно, безпрестанно) умалявао Славене, и мало по мало преливао у свое законне тудезичнике. То су несрете, то су горки за насъ догадья (событія), кои су насъ, Славене, съ езикомъ заедно умалили и упропастили. Да ли те кадъ (когда) дотыи време, да се опетъ баръ (по крайней мѣрѣ) умно (въ умственномъ, духовномъ отношеніи) састанемо и саеднимо, да се в Славени еданъ другоме обрате и обратиме? Ово те текъ онда (только тогда) бити мотыи, кадъ западни Србљи оставе у писмености Латинска слова, па сви скупа (всѣ вмѣстѣ) пріиме и присвое тако названа Кирилова слова» (Кириллицу) (стр. 77 — 79). И ниже, приводя примѣръ изъ нашей исторіи о составленіи Петромъ Великимъ

Гражданской азбуки, замѣчаетъ: «Но нема Главѣ, нема Петра, коме да се повиную; а еданъ другоме, не гледеть, што имъ се езикъ и писменство неразборно (безразсудно) замете, ни су ради ни у чему првенство уступити. Это (вотъ) какви су люди, гди господара нема» (стр. 105). Стало, при такомъ положеніи дѣлъ, повторяю, азбучный споръ, во многомъ нелѣпой, теряетъ, по крайней мѣрѣ, половину своей смѣшной стороны, и всякое умное слово въ такихъ обстоятельствахъ не бесплодно падаетъ на умы мыслящіе и, не рѣдко, побуждаетъ призадуматься и невольно поискать причины злу; а доискиваясь того, естественно, раждается желаніе узнать поближе и самое искомое, то есть, начало или происхожденіе его; отъ того, часто приходится, въ подобныхъ случаяхъ, слышать рѣчь, какъ говорится, отъ Адама. И если Шлѣцеръ черезчуръ уже высоко оцѣнилъ крѣпость азбучныхъ основъ, говоря: «Es gibt eine Philosophie des ABC's, oder der Rechtschreibung mit allgemein weit festern Grundsätzen, als die Moral hat», все же нельзя отвергать вовсе своего рода философіи въ Филологіи, во главѣ которой, какъ извѣстно, стоитъ азбука, и по тому многіе, обходя начало слова, по сю пору никому еще не открывшаго своей тайны, довольствуются болѣе подручнымъ и осязательнымъ, началомъ азбучныхъ знаковъ, какъ видимой оболочки слова, хотя и тутъ, равнымъ образомъ, ни объ одномъ еще изъ многочисленныхъ тружениковъ разборчивое потомство не можетъ сказать: «Нашелъ, нашелъ!» Тѣмъ не менѣе, трудъ даровитаго искаателя имѣетъ право на вниманіе, и его нельзя обойти, излагая исторію етѣхъ поисковъ, во первыхъ, для того, что бы знать, въ какомъ положеніи находится теперь вопросъ, т. е., что было сдѣлано доселѣ для рѣшенія его, и во вторыхъ, пользуясь опытностью своихъ предшественниковъ, не дѣлать того, что уже было сдѣлано ими, не повторять ихъ ошибокъ, но знать, откуда и какъ повести далѣе работу, въ увѣренности, что и мы, съ своей стороны, малуютолику ленту принесли для общаго дѣла, которое когда ни будь, авось, разоблачится, при такой общей дружной и всесторонней настойчивости. Драгосавлѣвичъ полагаетъ рѣшить эту задачу, если объяснитъ намъ смыслъ названія каж-

дой буквы, будучи увѣренъ, что имена ихъ ведутъ начало свое отъ іероглифовъ: «Да се много стваре (вещи, предметы) не забраве (забудутся), почну люди по кори и дрвету, по кожи и камену шарати (чертить), и то нѣово шаране буде првѣй почетакъ писменности людске, и назовесе іероглифомъ. Да се не би люди у погаляню (разоблаченіи) іероглифа варали (ошибались), додю на ту мисао (мысль), да речи тако малаю, као (какъ) што се говоре, те (и) тако одъ іероглифа постави слова, коя се садъ (теперь) зову *писмена*» (§. 1, стр. 3). Далѣе: «Кадъ човекъ (когда человекъ) слово по слово азбуке наше понменце проде, и свакога (всякого) слова име и значене редомъ размотри, появи му се таки нека у доста садъ (довольно теперь) за насъ замршеной (запутанной, темной) беседи символна тайна, кою су предяшнѣи (прежнѣи) пре (прежде, до) Христа живетьи народи Славенски исповедали, и коя се заиста садъ изъ словни имена, као изъ найстарѣи споменика и памтеника писменности Славенске очевидно дознае» (§. 5, стр. 6). Изобрѣтеніе ея (азбуки) приписывается Іерониму, а Кирилъ и Меѳодій только преобразили ее въ IX-мъ вѣкѣ, приспособивъ къ Греческой: «По приповеданю писмена су найпре произвели.... Готима Улфила, а Славенима Іеронимъ, кое после у IX веку Кирилъ и Методій преобрази и са Грчкима сличи» (§. 2, стр. 3—4). Въ слѣдъ за симъ (§. 3, тамъ же) утверждаетъ, «да су гласолична Іеронимова слова *млого старѣи одъ Кирилова*», ссылаясь на Добнера, Альтера, Раковецкаго и Дуриха, равно какъ и на Глаголитскій псалтырь 1222 года, списанный пресвитеромъ острова Раба, Николаемъ, съ одного экземпляра, принадлежавшаго Салонскому архіепископу, Θεодору, около 640 года (?). Но въ особенности старшинство и древность ихъ—говорить онъ,—доказываются внѣшнимъ *видомъ, названіемъ, значеніемъ и изображеніемъ*, заставляющими насъ относить происхожденіе ихъ къ порѣ, далеко старшей даже поры Іеронимовой: «Узъ (возгъ, съ тѣмъ) то и то ёштъ кадъ погледимо, Іеронимова слова како *изгледаю* (готово као какве іероглифе), и кадъ помислимо и расудимо, како се *именую, шта значе и представляю*, юрве (уже) онда (тогда) морамо (должны) заключити, да су не само (только) одъ Кирила

(одъ IX века) и Иеронима (одъ IV века) старія, него (но) и одъ сами Грчки и Латински много знатнїя и претежнїя (важнїе), ербо (ибо) прво што су Латинска слова ветъ (уже) рафинирата и за изговаране (срицане и читанс) удеснїя (легче, сручиѣ), а то е знакъ, да су млада; друго пакъ, што се ни у едномъ алфавиту не налази (находится) такovy знакова, кои би се старима іероглифама приуподобили, као што се то међу Иеронимови слови налази. Нека (пусть) човекъ и една и друга (Кирилловскїя и Глагольскїя писмена) погледи, пакъ, ако (если) е ѣле вештъ (знающъ) у такимъ стварма, одма (тотчасъ) те видити, коя ветъма (больше) на старину удараю» (стр. 5). При томъ, если бы Славяне не имѣли ни какихъ писменъ у себя до Крещенїя, то Греки навязали бы имъ свои безъ всякаго исключенїя, цѣликомъ; тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобы Греки, помимо своихъ, стали изобрѣтати имъ еще другїя; слѣдовательно, все говоритъ о томъ, что предки наши, подобно Грекамъ и Евреямъ, уже въ колыбели своего бытїя имѣли нѣкоторыя свѣдѣнїя о Богѣ, которїя уцѣлѣли лишь отчасти въ названїи азбучныхъ знаковъ: «Славени су заиста до Кирила и Методїя у нечему били ветъ вешти своему слову и писму; ербо, да ни су имали свои слова, нїма би Грци били, кадъ су њи у свой Законъ прїимали, своя слова предали. Да су дакле (и такъ) Славени одъ Грка учили били читати и писати, то би њїова писмо заиста морало бити Грчко, нити би ту нужде било друга слова измишляти кодъ готови Грчки. Ербо како годъ што е Грцима наравно (естественно) мило било, да Славени њїовъ Законъ прїиме, тако би имъ заиста и то мило било, да Славени њїова присвое и науче слова, едно за то, да крозь то съ њима буду као (какъ) у писменої саедини, а друго да и они сами Славенске њїовимъ слови писане кнїге лакше (легче) читати могу, а трете да се тако съ њима и у Законе тврде и постоянїе скопчаю (соединятся). О томъ дакле не ни мислити, да би Грци кодъ (при) свои слова Славенима друга слова изнова измишляли и правили, него су управо Славени и пре тога своя имали слова, коима су свою тайну, «азъ воукъ кады», пре Христїянства живетьи, явно означавали, и коя цастъ уверава, да су Славени, као и други на-

роди, а именно Грци и Евреи, у колевки (колыбели) своего бытия имали заиста неку познаю са многима Богу приписуютьимъ свойствама. Коя се после свойства одъ ревностни послѣдователя Христови, као многобожна, и по нѣювомъ новомъ начину (способу) мишленя беззакона светиня са ондашнимъ (тогдашнимъ) писменствомъ заедно затре, и немиллице затамани (невољно уничтожены были), нехотице заоставши ей текъ (лишь) у словнимъ именима мало трага (слѣда) одъ првобитногъ своего существованя» (§. 4, стр. 5—6). Слѣдовательно, для сочинителя «Постанака слова» то именно въ Глаголитикѣ указываетъ на большую древность передъ Кириллицей, даже своего рода иероглифическое происхождение и значеніе, что другихъ привело къ совершенно противоположному заключенію, т. е., етогъ внѣшній неуклюжій видъ Глагольскихъ буквъ, ихъ изысканность и затѣйливость, очевидно намѣренная кудреватость, съ цѣлю прикрыть тѣмъ свое происхождение отъ Кирилловскаго письма. Таково, по крайности, мнѣніе въ прошломъ вѣкѣ было, какъ мы видѣли уже, *Адакта Фойта* (выше, стр. 279), а между современными филологами, *Авг. Шлейхера*, профессора Сравнительнаго языковѣдѣнія и Санскрита въ Пражскомъ Университетѣ, обнаружившаго въ своемъ «*Die Formenlere der kirchenslawischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt*» (Bonn, 1852, 8°, , весьма замѣчательныя свѣдѣнія въ разъяснительномъ языкѣ Славянскихъ нарѣчій и самобытныя соображенія въ области Индоевропейскаго слова. Оговорившись, что Добровскій и его послѣдовали слишкомъ ужъ молодять Глаголицу, и что онъ, по недостатку данныхъ, не позволяетъ себѣ въ етомъ случаѣ даже приблизительно высказать свое мнѣніе, которая изъ спорящихъ сторонъ о старшинствѣ двухъ Славянскихъ азбукъ больше подошла къ истинѣ, замѣчаетъ, что оставивъ въ сторонѣ исторію, «*Die vergleichung beider alphabete ergibt als ganz unzweifelhaft sicheres resultat, dass das eine dieser alphabete auss dem anderen entstanden ist, eines dem andern zu grunde liegt. Die anordnung beider ist dieselbe, bis auf unbedeutendes haben beide die sprache in dieselben elemente zerlegt, d. h. sie haben fast gleich viel zeichen, was doppelt schlagend ist, da diese zerlegung durch den man-*

gel des *j* eine höchst eigenthümliche ist—beide alphabete entberer auf gleiche weise eines zeichens für diesen im slawischen so wichtigen laut. Endlich zeigt die *gestalt* der buchstaben mer oder minder deutlich, oft aber augenfällig, dass des glagolitische sich durch seltsame *verzerrung* und *verschnörkelung* vom cyrillischen unterscheidet, ich weise hier nur auf die buchstaben *д, е, ж, л, н, т, ф* hin, die diess besonders schlagend darthun; besonders beliebt ist im glagolitischen das anbringen von vierecken oder ungenauen kreissen an den buchstaben so bei *д, л, т, ф* und and., andere zeichen scheinen geradezu *auss dem cyrillischen in das glagolitische herübergenommen*, so das *■*. Es steht mir fest, und das denke ich muss sich jedem unbefangenen betrachter beider alphabete aufdrängen, dass *das glagolitische eine absichtliche höchst geschmacklos ausgeführte veränderung des cyrillischen alphabetes ist*, eine schwerfälligere und ungefügere schrift als das ältere glagolitisch, ist mir noch nie vorgekommen. Kein unbefangener schriffterfinder fördert solche *monstra* zu tage. Mir gilt also das glagolitische alphabet für unzweifelhaft *secundär*, *im liegt das cyrillische zu grundee* und solte es auch den tag nach vollendung des letzteren angefertigt worden sein» (Die Formenlere der kirchenslawischen sprache, S. 31—32).

Тѣмъ не менѣе охотники утверждать противное, и утверждать именно на основаніи того, что другимъ внушило такой жесткій приговоръ надъ Глаголитикою, не перестаютъ появляться время отъ времени, правда, уже съ гораздо скромнѣйшими требованіями и болѣе взвѣшенными словами, но все таки не переводятся, и, судя по прошедшему и настоящему состоянію спорнаго вопроса, долго еще не переведутся. Къ самымъ новѣйшимъ защитникамъ старѣйшинства Глагольскаго письма передъ Кирилловскимъ принадлежитъ И. Паллонскій, выступившій въ іюньской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1854-й годъ съ первой статьей своего изслѣдованія: «Филологическія замѣтки о Русскомъ языкѣ въ связи съ Церковнославянскимъ и другими Славянскими нарѣчїями» (Отд. II, стр. 165 — 226). Содержание первой части этого изслѣдо-

ванія, по словамъ сочинителя, составляютъ: «происхожденіе и образованіе Славянской, а потомъ Русской азбуки, объясненіе древняго и новѣйшаго правописанія, изслѣдованіе грамматическихъ формъ сравнительно съ соплеменными нарѣчіями» (стр. 167). Подъ розыскомъ «происхожденія Славянской азбуки» разумѣетъ онъ розыскъ о томъ, откуда взяты въ нее тѣ начертанія, которыхъ нѣтъ въ Греческой; въ этомъ всѣ замѣчанія его направлены преимущественно противъ мнѣній Павскаго, въ заслугу которому ставитъ тутъ то обстоятельство, что послѣ него «мы перестанемъ, наконецъ, приписывать нѣкоторымъ Славянскимъ буквамъ Коптское, Армянское, Грузинское происхожденіе, основываясь на мнимомъ, или хотя бы даже и дѣйствительномъ, ихъ сходствѣ между собою» (стр. 169). Чтобы исправлять такой трудъ, каковъ «Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка», надобно, разумѣется, имѣть свѣдѣнія побольше исправляемаго; даже съ равными, какъ говорится, не далеко уѣдешь. Павскій особенно силенъ въ языкахъ классическихъ, Еврейскомъ и Русскомъ письменномъ, но непосредственнаго знакомства, изъ самаго источника, съ остальными главными Индо-европейскими нарѣчіями, ему недостаетъ: сдѣсь онъ судитъ со словъ и показаній другихъ, отъ того въ немъ то лишь хорошо изъ этого, что хорошо въ самомъ подлинникѣ. Самый же важный недостатокъ нашего филолога составляетъ незнаніе Славянскихъ нарѣчій и малое знакомство съ Рускимъ языкомъ въ его историческомъ развитіи, т. е., по письменнымъ памятникамъ изъ вѣка въ вѣкъ. Стало, чтобы осилить его, нужно узнать, прежде всего, слабую сторону тѣхъ средствъ, которыми онъ располагаетъ, или точнѣе, чѣмъ онъ не располагаетъ, а долженъ бы располагать, если бы хотѣлъ имѣть вѣрный успѣхъ въ своемъ дѣлѣ. Вотъ по чему, естественно, такъ не много до сихъ поръ принесли намъ пользы всѣ оспариванія положеній, выведенныхъ Павскимъ изъ наблюденій надъ составомъ нашего языка: ни одинъ изъ препиравшихся съ нимъ не выросъ, говоря словами поговорки, ни на волосъ выше оспариваемаго ни въ чемъ: одинъ сильнѣе его въ сравнительномъ языковѣдѣніи, за то въ Славянскомъ едва, едва плетется; другой въ послѣднихъ побольше нѣсколько своего предшественника, такъ горе въ

древнихъ, особливо Сивитическихъ, куда какъ не гораздо; были даже и такіе, что не знаешь (употреблю выраженіе Амартола), «тесе рди шатежъ шмогъ и сѣристанисъ твордоутъ-са!» Новый противникъ, хотя и не принадлежитъ къ послѣднему разряду, и умѣлъ воспользоваться сказаннымъ до него, къ чему, по соображенію, и отъ себя коечто придагъ, но все же сочинитель «Филологическихъ наблюденій надъ Русскимъ языкомъ» ждетъ еще себѣ достойнѣйшаго соперника. Въ особенности неприятно поражаетъ читателя въ статьѣ послѣдняго, какъ говаривали въ старину Рускіе, совопросника, его слишкомъ самоувѣренный тонъ тамъ, гдѣ вводится въ дѣло Славянскія нарѣчія, противъ которыхъ онъ столько грѣшится, что слыша, не понимаешь, какъ можно было съ такимъ знаніемъ ихъ вступать въ бой, положимъ, хоть и съ слабѣйшимъ нашь въ оныхъ. То же самое долженъ я замѣтить и объ его «Сравнительной таблицѣ Славянскихъ алфавитовъ», приложенной тутъ и составленной вовсе не критически, а изъ того, что подвернулось подъ руки, и кое-какъ. Есть самыя странныя, по видимому, непонятныя, промахи. Не ужь-то думаютъ таблица эта можетъ служить къ сравнительному изученію Славянскихъ письменъ? Впрочемъ, было бы неумѣстно вычислять мнѣ здѣсь даже важнѣйшія ошибки его; знакомые съ дѣломъ, читая его статью, тотчасъ замѣтятъ еѣ недостатки; однако, разбирая сказанное имъ о разсматриваемомъ вопросѣ, укажу и на нѣкоторыя изъ нихъ кстати. Опредѣливъ значеніе носовыхъ звуковъ, онъ объясняетъ начертаніе ихъ, и здѣсь-то утверждаетъ, что «ни въ а, ни въ ж не видно слѣдовъ ни є, ни о, произносимыхъ въ видѣ ринезмовъ. По виду а похоже на а, а ж — на опрокинутое з; между тѣмъ, ни въ а не заключалось звука а, ни въ ж звука оу. Должно, слѣдовательно, допустить, что эти начертанія придуманы самимъ изобрѣтателемъ произвольно. Со всѣмъ тѣмъ, разсматривая древнѣйшую Глагольскую азбуку, находимъ, что въ ней а изображалось знакомъ є съ приложеннымъ къ нему кружкомъ (съ лѣваго боку посередкѣ). И дѣйствительно, а есть носовое є, а Кирилловское ж не есть ли только та же Глагольская буква, но опрокинутая? Не можемъ рѣшить этого вопроса, но сильно подозрѣваемъ здѣсь заимствованіе. Не можемъ тоже допустить,

чтобы Глагольская позаимствовала этотъ знакъ у Кирилловской: потому что въ первой онъ употребленъ правильно, и именно выражаетъ тотъ звукъ, какой изобрѣтателю нужно было выразить. Далѣе, въ Глагольской азбукѣ (упомянутое) начертаніе не только отвѣчаетъ Кирилловскому *л*, но, сверхъ того, служить знакомъ, что стоящая предъ нимъ гласная должна произноситься въ видѣ ринезма. Такимъ образомъ видимъ, что произношеніе носовыхъ звуковъ объясняется въ Глагольской азбукѣ, хотя отчасти, самымъ ихъ начертаніемъ, чего вовсе не находимъ въ Кирилловской. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что сія послѣдняя начертанія эти заимствовала у древнѣйшей — Глагольской» (§. 11. стр. 194—195.). Никакъ не слѣдуетъ, по тому что: а) объясненіе, сдѣланное имъ, древнѣйшаго произношенія и начертанія етѣхъ звуковъ не выдерживаетъ повѣрки. Начертаніе *л* указываетъ собой вовсе не на соответствующую ей Глагольскую фигуру, чего не могло не быть, если бы начертаніе ея было взято изъ послѣдней; въ этой *л* совершенно непохоже на Кирилловское *л*. б) Выражаетъ ли оно въ Глаголицѣ именно *є*, произносимое въ носъ — еще вопросъ, по тому что въ такомъ случаѣ должно бы ему изображать начертаніе *є*, употребленное въ Глаголитикѣ, съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ для указанія новаго назначенія, т. е., носоваго произношенія; положимъ то же самое колечко, но въ томъ видѣ, въ какомъ буква эта служить для означенія звука *є*, а не на оборотъ. Обратное же поставленіе ея говорить скорѣе, что такое начертаніе прямо взято изъ Кириллицы, для означенія этого звука, чтобъ не допустить тѣмъ, въ противномъ случаѣ, до большаго смѣшенія одного и того же знака, назначаемаго для выраженія разныхъ звуковъ. в) Что за смягченіе *ш* посредствомъ *є* простаго, приставляемаго къ *є* носовому? Развѣ оно выражаетъ этотъ звукъ даже въ томъ смыслѣ, какой ему навязывается? г) Развѣ *ж* составленное изъ *о* простаго и *є* носоваго выразить хоть бы приписываемый ему звукъ? Попробуйте его произнести въ такомъ соединеніи. д) Если же, напротивъ, это соединеніе выражаетъ точно тотъ звукъ, то смягченіе его должно бы указывать на этотъ же, только смягченный, звукъ; но и и носовое *є* (*и + є*) такъ ли звучать? Не стану толковать сдѣсь, что *л* и *ж*, по сличеніи ихъ

съ такими же звуками, употребляемыми въ другихъ родствен-ныхъ нарѣчiяхъ, приводятъ совсѣмъ къ иному заключенiю о томъ, какъ они произносились въ устахъ Славянъ Булгарскихъ; что это произношенiе подтверждается остаткомъ основной гласной каждаго изъ сихъ звуковъ, даже нынѣшнимъ выговоромъ Булгаръ, отбросившихъ только ринезмъ, но все же не въ такой степени, какъ прочiе Славяне, не терпящiе болѣе гугнѣнiя и гиусенiя; напротивъ, нынѣшнiе Булгаре, произнося свои старинныя носовыя, все еще указываютъ голосомъ своимъ, что тутъ что-то да не такъ было когда-то, точъ въ точъ какъ и Чехи, доселѣ отличающiе нѣкоторые случаи юсовъ самимъ произношенiемъ, напоминающимъ отчасти присутствiе тѣхъ въ старинномъ ихъ говорѣ.

е) При томъ, не нынѣшнимъ книжнымъ произношенiемъ Польскаго языка звуки етѣ объясняются: было время, когда самыя Польскiя грамматики учили нѣсколько иначе произносить ихъ; слѣдовательно, теперешнiй выговоръ ихъ измѣненъ, а по тому не можетъ быть мѣриломъ для такой глубокой старины, будучи само дѣтя новизны. Ученiе же старыхъ Польскихъ грамотниковъ находятъ себѣ оправданiе и въ нынѣшнемъ говорѣ Польскаго народа во многихъ мѣстахъ его жительства и, что замѣчательно, на огромномъ разстоянiи одно отъ другаго; то же самое показываетъ и рѣчь простолюдина нѣкоторыхъ ближайшихъ по родству Полякамъ Славянъ. И всѣ етѣ остатки родной старины совершенно оправдываютъ показанiя сравнительнаго языковѣдѣнiя о настоящей природѣ и выраженiи нашихъ носившихъ звуковъ съ одной стороны, а съ другой и соотвѣтствiе самыхъ начертанiй ихъ въ Кирилловскомъ письмѣ, въ основѣ своей, какъ выражающiя оныя, первоначально одно и то же, и только въ послѣдствiи, въ слѣдствiе дальнѣйшаго движенiя самыхъ гласныхъ, естественно отчасти измѣнившихся, и сами за ними измѣнились, но не на столько, чтобы нельзя было замѣтить опытному глазу ихъ общей колыбели. Для означенiя етого-то, по природѣ своей, одного и того же звука, но въ послѣдствiи нѣсколько оразнообразившагося, употребленъ былъ составителемъ Кириллицы такой знакъ, который прекрасно выражаетъ и коренное свойство послѣд-

няго, и, помощію небольшихъ измѣненій, вовсе не сглаживающихъ до основанія первичности, самое раздвоеніе, происшедшее въ немъ со временемъ и существовавшее уже въ ту пору въ рѣчи Славянъ, для коихъ строились Кирилловскія начертанія, какъ нельзя лучше отгѣняемое етѣми измѣненіями. Не будь въ то время такой двойственности въ етомъ звукѣ, можно было бы удовольствоваться однимъ знакомъ; а какъ этого не сдѣлано, и какъ оба знака напоминаютъ себя и свой родъ, стало, въ эпоху составленія Кириллицы находилось уже въ рѣчи Славянъ, для коихъ она изготовлялась, два носовыхъ звука, но напоминавшихъ еще свое общее происхождение, и, слѣдовательно, вовсе не требовавшихъ совершенно различныхъ начертаній, наоборотъ, такихъ, которыя бы, при различіи, указывали и на сходство, одинаковость рода. Такъ какъ смягченіе обоихъ совершается равнымъ образомъ, то и знакъ, выражающій етотъ новый отгѣнокъ ихъ, общій въ одинаковой мѣрѣ тому и другому, былъ употребленъ одинъ и тотъ же, а не какъ въ Глаголицѣ, при одномъ такой, а при другомъ совсѣмъ иной. Уже ета искусственность и непоследовательность не могутъ говорить въ пользу большей древности ея передъ Кириллицей, по крайности, на столько, на сколько изысканное и безпорядочное ниже естественнаго и последовательнаго. Наконецъ, не слѣдуетъ опускать изъ виду и того обстоятельства, что изъ всѣхъ, доселѣ намъ извѣстныхъ, древнѣйшихъ Глагольскихъ памятниковъ, знаки для носовыхъ звуковъ встрѣчаются лишь въ Клоцовомъ Глаголитѣ, между тѣмъ какъ въ одновременныхъ съ нимъ, Ассеманіевомъ — совсѣмъ нѣтъ, а въ Парижской, такъ названной, Булгарской Глагольской азбукѣ (*Abecedarium Vulgaricum*), только для одного ш. Выводы отсюда и изъ всего разсмотрѣннаго доселѣ, можно сдѣлать довольные важные, но, увѣренъ, вовсе не въ пользу «ни большей древности Глаголиты», ни того, будто бы «Кириллъ только по необходимости оставилъ въ своей новоизобрѣтенной азбукѣ тѣ письма изъ Глаголиты, которыхъ недоставало въ Греческой. Откуда мы знаемъ, что Глаголиту въ Кириллово время называли варварской, или на нее было гоненіе, и что, по тому именно, что Глаголита была варварская, Св. Кириллъ ввелъ Греческія буквы?» (стр. 196).

Изъ того, что такъ честилъ Западъ тогда и въ послѣдствіи Кириллицу, не слѣдуетъ еще такое же заключеніе и о Глаголицѣ, тѣмъ менѣе во время Кириллово. Не все, что сдается, удается.

Но етѣмъ не конецъ еще толкамъ о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей. Надоумленный графомъ К. О. Кастильони о томъ, что Майнцкій архіепископъ, *Hrabanus Maurus* (ум. 847 г.), въ «*Liber de inventione linguarum*» etc., издан. Гольдастомъ въ «*Regum Alamannicarum scriptores*» (II, p. 66 sq.), списалъ буквы какого-то Истрийскаго философа (ученаго, грамматика и т. п.), *Етика*, и приводитъ мѣсто изъ затеряннаго теперь уже сочиненія блаженнаго Иеронима о принадлежности ихъ етому послѣднему, Копитаръ чрезвычайно обрадовался случаю, и, не смотря на то, что не видалъ не только Етикова, но даже и Грабанова, творенія, тотчасъ построилъ, на донесеніи графа, систему, говоря: «*Quid si Ethicus . . . et Slavicarum litterarum ante Cyrillum auctor exstiterit: cum illoque memoratus ab Hrabanus presbyter Hieronymus ansam dederit alphabeti S. Hieronymo tribuendi?*» Напрасно противъ того возражалъ Мавр. Гауптъ въ разборѣ своемъ «*Glagolita Clozianus*», помѣщенномъ въ LXXVI Bd. der «*Jahrbücher der Literatur*» (Wien, 8°) 1836 года (220), замѣчая: «*Die Buchstaben freilich und ihre Namen, wie sie Hrabanus giebt, haben mit den slavischen keine Aehnlichkeit, folgen, wenn wir den beigetzten lateinischen Buchstaben trauen dürfen, der Ordnung des lateinischen Alphabets, und ermangeln der Zeichen für eigenthümlich slavische Laute; aber wir dürfen nicht vergessen, dass Hrabanus dieses Alphabet selbst nicht für richtig ausgiebt, so dass wir mehr auf seine Notiz als auf sein Alphabet Rücksicht nehmen müssen. Oder hat Aethicus ein von Hrabanus nicht ohne Entstellung überliefertes, von der Glagoliza grundverschiedenes, älteres slavische Alphabet erfunden, das sich nicht im Gebrauch erhielt? Ich gebe dies Alles nur als ganz unsichere und vielleicht ganz leere Vermuthung*» (221); aber im schlimmsten Falle ist des Herausgebers (Kopitar's) Ansicht nicht ohne Wahrscheinlichkeit, dass die von Hrabanus aufbewahrte Notiz den

traditionellen Glauben, welcher die Erfindung der Glagoliza dem heiligen Hieronymus zuschreibt, veranlasst habe» (S. 10). Слѣдовательно, только послѣднее обстоятельство въ мнѣніи Копитара, относящееся не къ древности происхожденія Глаголицы, но къ причинѣ приписанія ея Иерониму, Гауптъ считалъ заслуживающимъ вниманія. И, однако же, лѣтомъ 1853 года, явилось въ Берлинѣ сочиненіе: «De cosmographia Ethici libri tres» (8°, pag. 197), писанное докторомъ (или на доктора?) философіи, Кар. Авг. Фрид. Перцомъ, сыномъ извѣстнаго издателя «Monumenta Germaniae historica», въ которомъ доказывается, во 2-й главѣ 3-й книги (р. 151—156), что Етикъ былъ Славянинъ: «Ethicum natione Sclavum fuisse», по тому что Истрія, въ которой онъ родился, по собственнымъ его словамъ и увѣренію Иеронима (что, какъ увѣряетъ сочинитель, случилось около половины IV-го вѣка (222), была, начиная съ конца II-го столѣтія, вмѣстѣ съ Панноніей и Италией, не разъ опустошаема и заселяема Сарматами (223), а Сарматы, по Нибуру (Kleine Schriften, I, S. 394 fg.) и Я. Гримму (Geschichte der deutschen Sprache, I, S. 228), молъ, Славяне (224), конъ съ V-го вѣка не только Илирикъ, но также Далмацію, Паннонію и Истрію занимали (225): «Quae quum ita se habeant, sequitur, ut Ethicum natione Sarmatam fuisse concedamus: Sarmatas autem Sclavis adnumerandos esse certum est» (pag. 156). Бывши Истрійскимъ Славяниномъ, Етикъ, стало, былъ и составителемъ писменъ, неправильно приписывавшихся Иерониму, вѣриже, Глаголическихъ: «His igitur causis inducimur, ut litteras ab Ethico inventas a Glagoliticis apicibus haud multum abhorrere suspicemur» (Ib.). По тому что Иеронимъ самъ, въ своемъ переводѣ Етиковой Космографіи, составленной во второй половинѣ IV-го столѣтія, а въ исходѣ, или началѣ, V-го переведенной (226), ему, Етику, а не другому кому либо, приписываетъ ихъ, говоря, что они совершенно отличны отъ Латинскихъ, какая-то смѣсь Еврейскихъ, Греческихъ, Латинскихъ, Халдейскихъ, Сирійскихъ и Египетскихъ: «Sua sibi idem philosophus (Ethicus) auctoritate praelata quasi omnes assertiones eius in cunctis codicibus quis audeat aut retinere aut credere; istaque a nobis in momento vel passim eius litteris in breviarium divulgavimus. Ille ex parte gentilium litteras ex-

planare nimio enigmate contentus, ex parte graecas syllabas elicuit, magis imo ac magis latina prosodia posuit» (pag. 500). Ниже (pag. 502): «Ejus abecedarii in sequenti characteres notavimus», — говоритъ Иеронимъ, — «quod nostris characteribus nullatenus convenit, sed hebraicis, graecis et latinis, chaldaicis, syriis atque aegyptiis, quae nobis ex parte vicina sunt; hic vero suam litterationem et interpretationem inter reliquos philosophos per semet ipsum nisus est, quae aliqui et quam plures gentilium scriptores in usus varios scribunt, lineam in diversa ponentes». Есть еще мѣсто, сюда относящееся, но, по связи его съ другимъ предметомъ, приведу его въ связи съ етѣмъ послѣднимъ. Доказательства же въ пользу тождества Етиковыхъ письменъ съ Глагольскими, Перецъ собралъ во 2-мъ параграфѣ своего изслѣдованія (стр. 156—169): всѣ они до одного ничего не доказываютъ, или же доказываютъ совершенно противное, т. е., что тѣ и другія не то, чтобы были тождественны, но, по сличеніи ихъ другъ съ другомъ, оказываются совершенно различными, а сходными лишь въ томъ, что сохранилось въ нихъ отъ общаго ихъ источника. Такое сужденіе свое, совершенно противоположное сужденію Перца, основываю на тѣхъ самыхъ данныхъ, на какихъ и онъ, т. е., изображеніяхъ, находящихся при всѣхъ, дошедшихъ до насъ, спискахъ перевода Етикова сочиненія Иеронимомъ; и по тому утверждать, что несхожее въ нихъ могло быть совершенно похоже въ подлинникѣ, очевидно, опирается на чистомъ предположеніи и, какъ такое, не идетъ въ дѣло: чего нѣтъ, о томъ и рѣчи нѣтъ, или же, на «могло быть» отвѣчу: «могло и не быть». Дѣйствительно: I) *начертанія* (*litterarum formae*) Етиковыхъ письменъ, при переводѣ его Космографіи, по собственному признанію сочинителя, «minus conformes», и оправдывать это несходство «*corrupto omnium manuscriptorum statu*» нельзя: «*Etiamsi Ethici characteres litteris Glagoliticis minus conformes essent, hoc in tam corrupto omnium manuscriptorum statu nullo modo admirandum foret*» (р. 158), по тому уже, что съ лучшими достоинствами рукописей его творенія нѣтъ; слѣдовательно, лучшее намъ не извѣстно, а не извѣстное не можетъ быть мѣриломъ для извѣстнаго. При томъ, развѣ «*ab non esse ad posse valet*

consequentia? Тоже непозволительно выводить доказательство о существовании большого сходства обѣихъ азбукъ изъ того, что Глагольская со временемъ очень измѣнилась; стало, отъ этого такое несходство между ними; но а) измѣненіе вовсе не таково, чтобы нельзя было съ перваго же взгляда узнать въ самыхъ даже новѣйшихъ начертаніяхъ Глаголицы самыхъ древнѣйшихъ, и б) не по позднѣйшимъ судимъ о сходствѣ, но по самымъ старѣйшимъ той и другой, оказывающимся несходными; слѣдственно, выводъ: «*Si alphabetum Ethici Glagolicae, sicut vocitant, exemplar antiquissimum fuisse dicimus, scilicet cuius formae rudes et inconditae decursu temporum in ductus eos transformatae sint, quos hodie Glagolitae usurparunt: si hoc statuimus, utriusque alphabeti formas ex omni parte consentire non posse facili negotio intelligitur*» (р. 159), совершенно неумѣстенъ. II) Точно также несходство *названія* (*litterarum nomina*) Етиковыхъ буквъ съ названіемъ Глаголитскихъ мало извинительно, и говорить, какъ и начертаніе, противъ, а не за тождество ихъ: «*Sed magis fortasse haerebis in litterarum nominibus, quae apud Ethicam inveniuntur, quum toto coelo a Glagoliticorum apicum nominibus abhorreant. Neque tamen hisce ullo modo insistendum esse crediderim, quippe quae ab indocto quodam librario aut inventa, aut certe deformata et corrupta sint*» (pag. 160). Но то, и другое, и третье — одна лишь догадка, и ею доказывать «*Ethici litteras a Glagoliticis diversas nullo modo esse*», никто не допуститъ (227). III) «*Elementa Ethici numero a Glagoliticis apicibus summopere discedunt*» (р. 161). Всѣ списки насчитываютъ ихъ отъ 22 до 32, а было, вѣроятно, гораздо больше. Положимъ, но чтобы подъ отсутствующими заключались именно тѣ, которыя Етикъ изобрѣлъ, и чтобы они-то изображали именно звуки, свойственные языку Славянскому: «*sed etiam plures apices excidisse certum est, eos scilicet, quos Ethicus ipse invenit, et quibus proprii Sclavonicae linguae soni exprimebantur*» (р. 161—162), кто же этому повѣритъ, кромѣ самаго сочинителя? IV) *Порядокъ* буквъ во всемъ Латинскій: «*Litterarum Ethici ordinem a serie latinorum apicum discedere perspicuum est*» (р. 162), и это обстоятельство заставило Грабана приписать подъ каждой соотвѣтствующія Латинскія; но сочи-

нитель, по обыкновенію, въ такомъ сходствѣ обвиняетъ переписчика: «Nec tamen adiiciendum erit, alphabeti ordinem funditus eversum esse a librario eo, qui primus litterarum nomina aut excogitavit, aut saltem plane deformavit; quod eam ob causam indoctum hominem fecisse credimus, quia praeter latinum alphabetum fortasse aliud numquam viderat» (р. 163), забывая, что, въ такомъ случаѣ, предполагается какое ни есть знаніе измѣняемыхъ или поддѣлываемыхъ письменъ, и, стало, нѣкоторое сходство въ обонхъ, которое, по тому, будетъ говорить не въ пользу сходства Етиковыхъ письменъ съ Глагольскими, но съ Латинскими. Впрочемъ, вѣра въ Славянское происхожденіе Етика побуждаетъ сочинителя утверждать: «scribam illum eos potissimum apices eiecisse, qui sonos linguae proprios Sclavonicae reddentes, in seriem latinorum non quadrabant» (р. 163), и въ этомъ видѣтъ себѣ опору въ слѣдующихъ словахъ Иеронима: «ipsum quoque carmen talibus characteribus distinxit (Ethicus), ut nullus hominum legere vel deserere nodos posset; hebraeos characteres resupinatos, graecos incurvatos, latinos duplicatos in similitudinem circi, suosque apices in medium positos, metrico more compositos, sua laude sibimet solus sciebat» (р. 511, v. 5 sqq.). Вотъ, говоритъ Перцъ, — «quum philosophum nostrum Sarmatis sive Sclavis adnumerandum esse pateat: sequitur litteras eas, quas latinis atque graecis ipse addidit, ut omnes soni linguae suae scribendo exprimi possent, Sclavonicas seu Glagoliticas fuisse» (р. 163—164). Нужды нѣтъ, что изъ такого Иеронимова показанія многіе выводили, по словамъ самаго сочинителя, что етѣ «apices, reliquorum ordini inserti et in medium positi», были, вѣроятно всего, какіе ни будь неизвѣстные и таинственные знаки: «Litteras Ethici nihil fuisse multi persuadentur, nisi obscuras tantum et secretas notas» (р. 151), онъ, въ «hebraeorum characterum resupinatione, graecorum incurvatione, latinorum duplicatione in similitudinem circi» видитъ, что и обѣ Славянскія азбуки не иначе были составлены: «Ethicus igitur tali ratione litteras composuit: quare, ut iam omnibus comprobemus, quae de harum litterarum cum alphabetis Sclavonicis affinitate diximus, hoc loco nobis ostendum erit, Cyrillizant quoque et Bukwizant haud aliter fuisse constitutas» (р. 165),

и принимается (со словъ чужихъ) вычислять сходныя письма наши съ Еврейскими, Греческими, Латинскими, Армянскими и Коптскими (pag. 165—168), а въ итогѣ всего еще разъ настаиваетъ на свое мнѣніе: «*alphabetum Ethici philosophi pro natura eius atque indole a litteris Glagoliticis, quas vocant, non diversum esse; quae res magis etiam omnibus adrideret, ni incredibili incuria librariorum et ordo apicum et formae ipsae depravati essent*» (p. 168). Это послѣднее обстоятельство, «*incredibilis incuria librariorum*», заставляетъ сочинителя нѣсколько измѣнить, подъ конецъ, свое мнѣніе, и удовольствоваться уже однимъ только первообразомъ Етиковыхъ письменъ для Славянскихъ: «*Alphabetum Ethici litterarum Sclavonicarum exemplar et archetypum fuisse, ita ut decursu saeculorum ex antiquissima illa et incondita imagine recentiores Glagolitarum ductus, emendatos simul atque auctos, ortos esse confitendum sit*» (p. 169). Подлинникъ Етиковъ, какъ сказалъ я, не дошелъ къ потомству, но лишь одинъ переводъ Иеронима, которому, какъ виновнику распространенія его, большинство читающихъ приписало самое изобрѣтеніе письменъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своемъ переводѣ, смѣшавъ слова переводчика съ словами сочинителя. А какъ Иеронимъ былъ тоже родомъ изъ Адриатическаго поморья, и по тому считался между Славянскими писателями, не различавшими строго времени и народности, а обращающими вниманіе на одно лишь мѣсто, землякомъ (каковымъ онъ точно былъ по землѣ, въ которой родился), а тамъ и соплеменникомъ (каковымъ отнюдь не могъ быть, какъ доказано уже другими), то понятно, что переходъ отъ всего этого былъ не только не далекъ, но и естественъ къ понятію объ Иеронимѣ, какъ изобрѣтателѣ егѣхъ письменъ; тѣмъ болѣе, что онъ былъ еще переводчикомъ Св. Писанія и выразился о томъ не довольно опредѣленно, говоря: «*translationem hanc meae linguae hominibus dederim*»; стало, говорили, переводъ послѣдовалъ на языкъ Славянскій, такъ какъ Славяне, а не другой какой народъ, испоконъ обитали въ Далмаціи, и даже, по мнѣнію противниковъ, являются въ ней уже не позже V-го столѣтія; это же не могло быть безъ письменъ, слѣдовательно, на Славянскій Глагольскими

буквами, какъ по самому виду своему древнѣйшими Кирилловскихъ, явившихся, какъ извѣстно, только во второй половинѣ IX-го вѣка. Но все это основано было на невольномъ, можно сказать, недоразумѣннн: «quoniam memoratus ab Hrabanopresbyter Hieronymus litteras ex Cosmographia Ethici desumpserit», — разсуждаетъ сочинитель, — «nonne idem est, ac si ex manibus ipsis Hieronymi Glagolitae elementa accepissent?» (p. 171); впрочемъ, «etiamsi concedendum esset, famam illam de S. Hieronymo Sclavonicarum litterarum inventore ex laudato loco Hrabani Mauri ortam videri, tamen, nunquam Hrabanus «ansam dedisset alphabeti S. Hieronymo tribuendi», si litterae, quas Aethici sub nomine profert natura atque indole a Glagoliticis diversae fuissent» (Ib.). По тому «dicendum potius, fabulam de S. Hieronymo litterarum inventore ex ipsa veritate quasi matre atque fonte procreatam, optimo iure apud Sclavos per tot saeculorum vices conservatam esse» (Ib.); и, «eas (missas, codicem horarium, ceterasque divinas preces) autem a Sancto Hieronymo accepisse illius regionis incolas persuasos ita esse (замѣчаетъ словами Fr. Ageli Rocca, Ord. S. Augustini, Opera omnia II, Romae 1719), — ut potius armis omnes desperire malint, quam eas relinquere» (p. 170). Отсюда понятно, какую важность приписываетъ сочинитель такому мнѣнню объ Иеронимѣ: «si certis argumentis comprobari poterit, elementa Glagolitica rumore vetustissimo per Sclavonicas nationes longe lateque diffuso ad auctorem S. Hieronymum reduci: alphabetum Ethici cum Glagolitico ex omni parte consentire certo certius est» (p. 169), и, въ слѣдъ за тѣмъ, пускается приводить, кто только когда либо и что либо говорилъ о томъ, даже безъ всякаго разбора, противникъ ли, или же защитникъ такого мнѣння (228), лишь бы говорилъ о Глаголицѣ; но, при всѣхъ усилняхъ, не отыскалось ни одного показання раньше XIII-го стол.; (229); тѣмъ не менѣе, въ заключенне, сдѣланъ выводъ: «Quae res omnes quas hucusque animo consideravimus, quum Ethici philosophi repertis nuper confirmentur elementis, de S. Hieronymo quum translate Cosmographiae, tum litterarum Glagoliticarum si non inventore, at saltem propagatore diutius dubitare nullo modo possumus» (p. 179). Отдавъ, такимъ образомъ, первенствó

Глаголитикѣ, ничего уже не стоило назвать ее и матерью Кириллицы, появленіе которой относить онъ, словами Копитара, къ 870-му году: «Certo certius est, alphabetum Cyrillicum anno 870, indictione III, a Constantino Philosopho, qui deinde Cyrillus appellatur, inventum esse, sed nihil contra videbatur de Glagoliticis apicibus constare» (р. 180). Но, вмѣсто всякихъ доказательствъ, читаемъ только голое утверженіе объ образованіи Кирилловскихъ знаковъ изъ Глагольскихъ: «Nos vero de hac re nihil dubitabimus. Quum enim alphabeta illa tanta necessitudine coniuncta sint, ut alterum non nisi ortum esse possit ex altero — constat autem *Glagolizam 520 fere annos ante Cyrillicam esse conditam — Sanctum Cyrillum ex Glagoliza litteras desumpsisse concedendum erit*» (р. 182). «Но, вѣдь, въ Етиковыхъ буквахъ нѣтъ буквъ для звуковъ, собственно Славянскихъ?» Нужды нѣтъ: «Ceterum probabile est, immo potius verisimile, Ethicum ubi populares suos primis condonaret litteris, quod solet fere in humanis rebus fieri, non ita alphabetum absolvisse, ut in eo nihil emendari posse crederet a posteris. Quare si in alphabeto Ethici nonnullos sonos linguae proprios Sclavonicae desideramus, non inde sequitur a Glagolitico diversum esse: illud potius concludendum erit, eo factum esse, ut Sclavi novis litteris excogitatis alphabetum Ethici explerent atque emendarent» (Ib.). Егѣмъ-то, говорить онъ, объясняется разное число и разныя начертанія Глагольскихъ буквъ: «Sic demum explicandum erit, si tam varium Glagoliticarum litterarum numerum, tam varias formas extitisse percipimus» (р. 183). Все это показываетъ, что попытка осуществить одно изъ гаданій Копитара, выраженное въ Ключевомъ Глаголитѣ, о большей древности Глагольскихъ буквъ передъ Кирилловскими, гаданіе, приходившее, правда, и другимъ, но имъ первымъ прикованное къ лицу историческому, до сихъ поръ никѣмъ еще не тронутому, что попытка, говорю, эта, взятая на себя Перцомъ (по тому что безъ Копитаровой догадки едва ли она когда могла быть предпринята), рѣшена, какъ видите, чрезвычайно неудачно: предположенія на предположенія, ни на что въ дѣйствительности не опирающіяся, и, не взирая на то, сочинитель честно и твердо вѣрить въ ихъ правду и несокрушимость. Отъ чего же

это, въ высшей степени странное, явленіе? Отъ того самаго, отъ чего и, первообразъ его, Кошитаръ, такъ непоколебимо вѣрилъ въ основу этого мнѣнія, безъ коей оно никогда не могло даже зародиться, т. е., въ Славянство Иллировъ, уже Нибуромъ выставленное съ его темной стороны: «Ег (Kopitar)», — говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ «Vorträge über alte Länder- und Völkerkunde» (Berlin 1851, 8°, S. 306), lässt sich gar nicht ausreden, dass nicht die alten Illyrier schon Slaven gewesen seyen. Es ist dies gleichsam ein Glaubensartikel bei den Slaven (книжниковъ югозапада), eben wie die Neugriechen glauben, ihre Sprache sey die uralte griechische. Wo diese wunderliche Meinung sich festgesetzt hat, könnte auch kein Engel von Himmel sie ausrotten, es ist diess ein Eigensinn bei gelehrten Männern, der psychologisch merkwürdig ist. Diese Meinung geht so weit, dass sie den h. Hieronymus, der ein Illyrier war, durchaus als einen Slaven betrachten und die slavische Bibelübersetzung ihm zuschreiben, darum nennen sie *das glagolitische künstliche Alphabet, das von dem cyrillischen, im 9 Jahrhundert erfundenen, abgeleitet ist, ebenfalls slavisch*. Да, съ подобными людьми нечего дѣлать: лучше всего предоставить ихъ самимъ себѣ. Когда я прочелъ молодого Перца изслѣдованіе объ Этиковой Космографіи, годъ тому назадъ, то вспомнилъ, какъ справедливо отозвался о немъ Шафарикъ въ одномъ изъ своихъ ко мнѣ писемъ, полученномъ еще до прихода этого сочиненія къ намъ: «Mladý Pertz v Berlíně, syn starého historika, vydal: «De cosmographia Ethici libri III» (Berol. 1853. 8°). Tam dokazuje, že hlaholici složil Ethikus v Istrii, rodilý prý Sarmata (u něho = Slovan), okolo 350, obnovil Sv. Jeronym ok. 400. Důvody slabé slabounké, ale spis jinač dosti zajímavý» (230). Чтеніе самаго сочиненія вполнѣ оправдало сужденіе Главы Славянскихъ историковъ — филологовъ. Оно все, скажу еще разъ въ заключеніе, основано на добровольномъ недоразумѣніи и доводахъ, взятыхъ отъ противнаго тому, что было въ самомъ дѣлѣ. Вѣчно слышите: «если бы не то, не другое»; или: и «стой несообразности виной такой-то и такой невѣжда писецъ, порча рукописей, потеря того и другаго»; словомъ, отрицаніе на отрицаніе безъ конца. Никогда еще

не случилось мнѣ читать опроверженія бывшаго дотолѣ мнѣнія доказательствами, взятыми всѣ до послѣдняго отъ чистаго предположенія, отъ того, чего никогда не было, а, между тѣмъ это не бывалое допускается, какъ дѣйствительно существовавшее. Черезъ годъ вышло самое твореніе Етика, обѣщанное Перцомъ въ концѣ своего сочиненія (231), но отложенное имъ до разсмотрѣнія и сличенія лучшихъ списковъ его. Г. Вуттке, профессоръ Лейпцигскаго Университета, переведенный недавно въ Берлинскій, издалъ его по рукописи своего города (Лейпцига), принадлежащей VIII-му или первой половинѣ IX-го вѣка и считающейся старѣйшей изъ извѣстныхъ (232). Этотъ поступилъ гораздо короче и совѣстливѣе. Дошедши, въ своемъ разборѣ Етикова сочиненія, до нихъ (буквъ), и приведши догадку, что онѣ, вѣроятно, зашли на Западъ съ Востока, гдѣ, статья можетъ, были, въ какомъ либо краѣ, въ употребленіи, тѣмъ болѣе, что ихъ встрѣчаемъ уже въ «Itinera gium» Ю. Мандевиля, называющаго ихъ (въ рукописномъ спискѣ своего путешествія) Сарацинскими знаками, Вуттке, въ примѣчаніи (1) замѣчаетъ: «Ein Kenner der alten slawischen Alfabete wies die Aehnlichkeit mit diesen (Runen) zurück. Dem Hieronymus schreibt man nämlich die Glagolica zu, und Aithikos war vielleicht ein Slave» (S. LXXVI).

Вотъ все, что только извѣстно мнѣ изъ сказаннаго, прямо, или косвенно, о времени Кириллицы, людьми, говорившими о соперницѣ ея, Глаголицѣ. Повторяю: я не имѣю теперь ни намѣренія, ни необходимости, пускаться самъ въ какія либо разслѣдованія о взаимномъ отношеніи егѣхъ азбукъ, разсмотрѣніе правъ ихъ на цервоводство, происхожденіе и дальнѣйшее образованіе; мнѣ нужно единственно опредѣлить вполне, или, по крайности, приблизительно, время появленія первой, т. е., Кириллицы, и, занимаясь тѣмъ, я касаюсь и послѣдней по столько лишь, по сколько то входитъ въ мою задачу. Не знаю еще, къ какимъ бы выводамъ пришелъ я, сдѣлавши предметомъ особеннаго изслѣдованія такой же вопросъ и о Глаголицѣ; но изъ замѣченнаго доселѣ о ней стороной, не могу согласиться на старшинство ея передъ Кириллицей, хотя, какъ сказалъ уже разъ, опираясь на новѣйшія данныя,

охотно отношу появленіе ея къ одному и тому же вѣку съ Кириллицей, или слѣдующему за тѣмъ. Недовольныхъ такимъ временемъ спрошу: Если Глаголица старше Кириллицы, то по чему же Храбръ ни слова не говоритъ о ней, между тѣмъ какъ о другихъ способахъ, даже самыхъ несовершенныхъ, употреблявшихся нашими предками еще въ язычествѣ, для выраженія мыслей, каковы урьты и рзы, именно повѣствуетъ намъ, а когда крестились, то и о Греческихъ и Латинскихъ буквахъ, правда безъ всякаго строя, но все же «пождадхася и ним писати»? А поставленіе извѣстія объ этомъ прежде извѣстія о Константиновомъ изобрѣтеніи, показываетъ, первое, что онъ въ разсказѣ своемъ держался лѣточислительной послѣдовательности, и второе: тѣ предшествовали ей. Если же о неполномъ и несовершенномъ родѣ писанія упомянулъ этотъ любознательный черноризецъ, то могли ли не сдѣлать того же о Глаголицѣ, представляющей собой такое стройное цѣлое? Съ другой стороны, будь урьты и рзы въ собственномъ смыслѣ письма, а не зародыши только ихъ, или, точнѣе, первыя попытки въ нихъ, будь также, сколько ни есть, Греческія и Латинскія буквы приспособлены къ Славянскимъ звукамъ; на послѣдокъ, имѣйся у Славянъ уже своя особенная грамота, тогда зачѣмъ было бы изобрѣтать другую, новую? «Прежде оубо Словяне не имѣхъ книгъ, не урьтами и рзыми урьтахъ и гатахъ, погани сѣште; крѣстнеше же сѣ, Римьскыми и Грьцьскыми писмены иждадхъ сѣ писати Словяньскѣ рзѣу безъ оустроения», т. е., безъ всякаго приспособленія къ природѣ Славянскаго языка. Что это было такъ, что разсказъ Храбровъ совершенно справедливъ, доказательствомъ тому служитъ показаніе самой противной стороны, Запада, который, устами сочинителя исторіи обращенія въ Христіанство Баваровъ и Хорутанъ, говоритъ о томъ, что до появленія Меодія среди послѣднихъ, «lingua latina doctrinaque romana atque literae latinae erant auctoriales», стояли въ уваженіи, господствовали, слѣдовательно, послѣдними, какъ ни писали, все же писали, такъ какъ онѣ опирались на вѣроисповѣданіе Римское, объяснявшееся только на Латинскомъ языкѣ, равнобѣрно на немъ лишь (latine) дозволявшее «missas et evangelia, ecclesiasticumque officium illorum celebrare». А чтобы уронить все это въ глазахъ народа, и доставить

ходъ Славянскому богослуженію по чину Восточнаго Православія, онъ (Методій) вымыслилъ, де, новыя буквы; стало, новыя предполагають старыя, а етъ послѣднія не могли быть иныя, какъ только Латинскія, по тому что, по его словамъ, имъ, а не другимъ, новоизобрѣтенныя противопологаются, и отъ того называются *Славянскими*: «*noviter inventis Sclavinis litteris*»; въ противномъ случаѣ, если бы существовали не Латинскія у Славянъ Латинской Церкви, и Греческія у послѣдователей Греческой; по Храброву извѣстію, и при томъ «сътворенныя по Словѣнскости рѣчи» (принаровленныя къ ней), но Глагольскія, т. е., свои, Славянскія, то построеніе новыхъ, съ принаровленіемъ ихъ къ свойствамъ языка, для коего составлялись, къ чему жъ бы было? А что это не было похоже ни на одно изъ тѣхъ письменныхъ средствъ, которыми праотцы наши до того пробивались по нуждѣ, наилучшее свѣдѣтельство въ томъ самое названіе етъхъ новоустроенныхъ буквъ, «Словѣнская писмена» «*Sclavinæ litteræ*», даваемое въ равной степени двумя, совершенно независимыми, разноплеменными и разноземельными, писателями, Храбромъ и Неизвѣстнымъ Зальцбургцемъ, изъ коихъ одинъ современникъ самому событію, а другой если не современникъ ему, то современникъ ученикамъ составителя и распространителя ихъ, брата его. Кто же повѣритъ, чтобы и тотъ, и другой не имѣли никакого свѣдѣнія о Глагольскихъ знакахъ, особливо первый, написавшій особое сочиненіе «О писменехъ» у Славянъ, и не забывшій въ немъ даже такихъ, каковы уръты и рѣзи? Кто же повѣритъ, чтобы Глагольскіе знаки существовали уже до Кирилловскихъ? Можно ли было ихъ не замѣтить, а, стало, и не упомянуть въ сочиненіи именно о происхожденіи азбуки. если они, бывши до того, играли ту роль, какую заславляютъ ихъ играть? Тѣмъ болѣе, сбыточное ли дѣло пропускъ ихъ, если, будучи старше, прислужились даже составителю новыхъ письменъ, отчасти даже матеріаломъ? Еще невѣроятнѣе звучитъ мнѣніе, когда называютъ Кириллицу Глаголицей, только въ Греческо-Славянскомъ гласѣ. Ими-то, етъми «новоустроенными Словѣнскими писменами по Словѣнскости рѣчи», «*Methodius literas auctorales latinas vilescece fecit cuncto populo*». Чрезвычайно любопытенъ вопросъ: въ силу какихъ же обстоятельствъ появилась Глаголица почти въ одно время съ

Кириллицей? Но, сознаюсь, при тѣхъ данныхъ, какими въ эту пору мы располагаемъ, рѣшеніе его — несбыточное дѣло. Пускаться же въ гаданія, послѣ столькихъ крушеній, исторію конихъ мы принуждены были, по долгу докладчика о прошломъ изслѣдываемаго вопроса, изложить тутъ, что за охота? Пора бы ужь давно отказаться отъ привычки мечтать, по крайней мѣрѣ, въ такой наукѣ, въ которой дѣла составляютъ всю основу, все содержаніе ея: «отъ дѣлъ твоихъ сажда те!».

Есть еще мнѣніе, принадлежащее сочинителю статьи «Древнія письма Славянскія», помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1848 года (233). Онъ говоритъ: «Что азбука составлена Кирилломъ въ 855, это подтверждается и временниками Болгарскими и Сербскими (Шафарика *Slow. Starož.* 814 — 815). Гдѣ же именно составлена азбука Кирилломъ? По Нестору, въ Моравіи: св. братья уже по приходѣ туда «науста съставлявати писмена азбуковныи Словѣнскимъ», и «первое предложени книги — Моравѣ, вже прозваса грамота Словѣнскимъ, вже грамота есть на Руси и въ Болгарѣхъ Дунаискимъ». Принявши это, надобно принять и то, что сложена азбука не въ 855, а гораздо позже, около 862—863. Съ сказаніемъ Храбра и временниковъ о времени сложенія азбуки, болѣе сходны тѣ свидѣтельства, которыя утверждаютъ, что азбука сложена еще до выѣзда Кирилла въ Моравію, въ Константинополь или по крайней мѣрѣ въ границахъ Имперіи. Таково свидѣтельство Паннонскаго жизнеописателя Св. Кирилла, утверждающаго, что Кириллъ, въ слѣдъ за убѣжденіями Императора, удалился на молитву — «я авѣ сложи писмена и научахъ всадоу писати Евангельскоу». Съ этимъ сходно показаніе Латинской легенды, гдѣ говорится, что Кириллъ и Меодій принесли съ собою въ Моравію уже переведенное Евангеліе: «Cognoscentes loci indigenae adventum illorum, valde gavisii sunt, quia et reliquias Clementis secum ferre audierant, et Evangelium in eorum linguam a Philosopho praedicto translatum (Добровскáго, *Mähr. Legende* стр. 23). Неопровержимымъ также остается, что Кирилловская азбука сложена подъ двойнымъ вліяніемъ азбуки Греческой и нарѣчія не Моравскаго, а Старо-Славянскаго» (стр. 47—48). Очевидно,

что сочинитель борется между двумя показаніями, хочетъ управить челнъ свой между двухъ водоворотовъ; пусть такъ: кто же себѣ ворогъ? Но не понимаю, какимъ образомъ за Храброво показаніе стоятъ показанія Паннонскаго Житія Кирилла и Латинской Легенды (1-ой или Итальянской)? Развѣ въ томъ лишь, что не на Моравѣ; стало, тутъ сходство вовсе не во времени, а въ мѣстѣ; а если и во времени, т. е., до выѣзда Кирилла въ Моравію, а не послѣ выѣзда, то это не значить еще, чтобы она сложена была именно въ тотъ годъ, какой назначаетъ ей для того Храбръ, по тому что Паннонское Житіе Кирилла и Итальянское Сказаніе, сходясь съ Храбромъ касательно мѣста и, слѣдовательно, отъѣзда, показаніями своими касательно пребыванія въ Моравіи совершенно опровергаютъ сказаніе Черноризца о ближайшемъ опредѣленіи времени составленія Славянскихъ письменъ, т. е., назначенія самаго года, какъ это увидимъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Стало, тутъ (если ужъ пошло на опредѣленіе, кто изъ двухъ противомыслящихъ согласнѣе съ третьимъ) къ етѣмъ показаніямъ гораздо ближе подошелъ не Храбръ, но Несторъ, т. е., совершенно противное тому, что сказалъ сочинитель статьи «Древнія письма Славянскія».

Иного совѣтъ рода было бы дѣло, если бы когда либо и гдѣ либо нашелся памятникъ, писанный Глагольскими, или Кирилловскими буквами, съ яснымъ означеніемъ на немъ самаго года, или же, по меньшей мѣрѣ, поры, указывающихъ на время, протекшее до Кирилла, каково, на примѣръ, было обстоятельство, 14 лѣтъ тому назадъ — со мною. Путешествуя по заграничнымъ Славянскимъ землямъ, я (передамъ этотъ случай такъ, какъ онъ былъ описанъ мною въ моемъ «Донесеніи Г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, изъ Пешта, отъ 1-го февраля, 1839-го года») (234), спустя нѣсколько дней по приѣздѣ своемъ въ Брно (Brünn), столичный городъ нынѣшней Моравіи, осенью 1838-го года, собрался посѣтить *Rayhrad* (Reyhhrad), монастырь св. Венедикта, отстоящій на одинъ часъ пути отъ него. Цѣль моя была осмотрѣть тамошнюю Библіотеку, особенно находящійся въ ней «*Martyrologium Odonis*», писанный на пергаментѣ (въ 4-ку)

въ царствованіе Карла Великаго. На поляхъ этого письменнаго памятника на Латинскомъ языкѣ имѣются, во многихъ мѣстахъ. Славянскія слова, изображенныя буквами Церковно-славянскаго языка, замѣченныя, въ первый разъ, еще въ 1837 году, Ф. Палацкимъ, при осмотрѣ Библіотеки этого монастыря. Воротаясь въ Прагу, онъ сообщилъ новость ету г. Шафорнику, который было условился со мной отправиться вмѣстѣ въ Райградъ, что, однако жъ, не состоялось по нѣкоторымъ причинамъ. И такъ въ августѣ онъ самъ посѣтилъ Райградскую Библіотеку, осмотрѣлъ этотъ памятникъ, и нашелъ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, начертанныхъ нашимъ Церковнославянскимъ письмомъ, на поляхъ нѣсколькихъ листовъ, (235) еще слѣдующій отрывокъ, въ концѣ 70 страницы (чернила очень сошли, такъ что съ большимъ трудомъ можно читать, особливо средину и конецъ:

«Пошла хрѣсостомл на рождѣсто стѣл Бѣд. Гѣ благослови Оуб. Скѣтъль дѣнь дѣнь и уудень прѣдъ оубемъ нашимъ дѣньсь мати живота шшего изъ ложеснь нзиде сѣцни въ истниѣ мати свѣта дѣръ некесъла нль родиса носарыѣ спѣвниѣ живни еѣ же раздрѣшьво кысть прѣ...»

На оборотѣ 71 страницы, на полѣ, какъ бы продолженіе: «второе небо земли.» Начертаніе буквъ, правописаніе и языкъ этого отрывка показываютъ, что онъ списанъ былъ съ какого ни будь Средне-Булгарскаго подлинника съ примѣсю Сербскаго нарѣчія.

Пересматривая, съ своей стороны, упомянутой «*Martyrologium Odonis*», я обратилъ все вниманіе свое на текстъ его, и принялся читать съ начала до конца. На 15 строчкѣ 2-го листа, въ самой срединѣ положенія, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «*Quo genere vel cultu sancti martyres venerandi sunt, ex libris beati Augustini episcopi*», начинающейся такимъ образомъ: «*Populus christianus memorias martyrum religioas solemnitate concellebrat*» etc., я нашелъ, къ удивленію моему, Греческое слово, писанное нашими Церковнославянскими, *Кирилловскими*, буквами, именно: «*At illo cultu,*

Iatria

qui grece Iatria dicitur, latine uno verbo dici non potest», etc. Слово это въ самомъ изложеніи писано одной и той же рукой и одними и тѣми же чернилами; сверху него приписано тою же самой рукой и чернилами еще по Латини, маленькими буквами, *Iatria*. Извѣстно, чѣмъ глубже древность, тѣмъ буквы нашихъ Кирилловскихъ памятниковъ сходнѣе съ буквами Греческой азбуки; при всемъ томъ въ Славянской азбукѣ много и такихъ буквъ, коихъ не имѣется въ Греческой; слѣдовательно, это слово писано *Кирилловскими*, а не Греческими, *буквами*, ибо въ Греческой азбукѣ нѣтъ буквы *и* (я). Грекъ написалъ бы *Iatria*, или, желая выразить Славянскій звукъ *и*, *Iatria*, чего никогда не видимъ; наше *и* онъ всегда обращаетъ, по свойству своего языка, въ *α*; или *Iatria*, что неупотребительно, но отнюдь не *Iatria* (*Iatria*), а тѣмъ менѣе *Iatria* (*Iatria*), *Iatria*. И такъ, хотя это слово Греческое, однако же, такъ какъ оно писано *Кириллицей*, то, по тому, и есть *самый древнѣйшій*, сколько намъ извѣстно, *памятникъ ея*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣдѣтельство, что предки наши, Славяне, *знали уже азбуку* названную по томъ Кирилловской, *Кириллицей*, еще до *Кирилла* (Константина) и *Меводія*. «Martyrologium Odonis» (въ 4-ку, пергам.), по ясному показанію писца на концѣ его, писанъ въ царствование Карла Великаго, т. е., въ самомъ началѣ IX вѣка. Писецъ, исчисляя время, прошедшее отъ Константина В. до Карла В., говоритъ: «et inde dominus Carolus solus regnum suscepit usque in presentem annum feliciter, qui est annus regni ejus XLII, imperii anno VIII. Sunt autem totius summe ab origine mundi anni usque in presentem annum III.DCC.LXI». Азбука же наша, какъ говоритъ намъ черноризецъ Храбръ, изобрѣтена Константиномъ 855 г.; стало быть, названное выше слово писано *Славянской* Азбукой ровно за полвѣка до изобрѣтенія ея! Страшно, а такъ выходитъ! Для объясненія этого событія не остается инаго средства, какъ допустить то мнѣніе, что Солунскіе Братья не были первыми, нашедшими и употребившими нашу Азбуку; что она была еще до нихъ въ ходу у Греческихъ Славянъ, которые, какъ сосѣди Грековъ, находясь въ непрерывныхъ съ нами столкновеніяхъ и сноше-

ніяхъ , и при томъ многіе изъ нихъ учась , воспитываясь въ Цареградѣ и, въ послѣдствіи, занимая высокія государственныя должности, достигая даже самаго Престола, естественно , не могли не употреблять Греческой Азбуки для выраженія своихъ мыслей , чувствованій , и т. д. , на родномъ языкѣ , разумѣется , какъ обыкновенно случается въ подобныхъ обстоятельствахъ , мало заботясь о правописаніи , или и вовсе не соблюдая и не имѣя его , пиша по своему усмотрѣнію и знанію ; что сначала эта азбука была очень *несовершенна* , неполна , можетъ быть , только *зародышь* ея , больше походила на Греческую , чѣмъ на отдѣльную , самостоятельную ; наконецъ , что Константинъ и Меѳодій , Греки , выучившись языку Славянъ въ мѣстѣ своего рожденія , въ которомъ множество ихъ жило и имѣло свое торжище , посѣщаемое со всѣхъ сторонъ Славянами же , населявшими въ то время цѣлую почти Македонію , и зная и видя , что многіе изъ нихъ , недовольные старинными своими *умѣтами и ризами* (по черноризцу Храбру *первое* Славянское письмо) , какъ несовершенными и неудовлетворительными , начали писать Греческими буквами , какъ представлявшими болѣе удобства , болѣе подручными и выгодными , *съ малою перемьной и принаровкой къ своему языку* , воспользовались етѣмъ , и , рѣшась быть просвѣтителями ихъ Христіанскою Вѣрою , не выдумывали иной , новой , азбуки , но взяли бывшую уже въ ходу , по крайней мѣрѣ отчасти извѣстную , *дополнили и усовершили ея* . Въ этомъ дѣлѣ поступили они , какъ мудрые и проицательные мужи , съ одной стороны , взявши знакомое , не раздражали народа новостями , и , слѣдовательно , дѣйствовали на своемъ поприщѣ съ большею увѣренностію и надеждой на успѣхъ ; съ другой же привязывали его къ себѣ , т. е. , къ Греческому Престолу , кромѣ Вѣроисповѣданія , еще и самымъ *письмомъ* . Такъ всюду бывало , по свѣдѣтельству Исторіи : народы , если не имѣли своихъ письменъ до принятія новой Вѣры , принимали , вмѣстѣ съ Вѣрой , и самую азбуку того народа , который , будучи къ нимъ ближе , былъ съ тѣмъ ихъ Вѣроучителемъ и просвѣтителемъ . Но Исторія молчитъ , кто былъ первый , составившій для етѣхъ народовъ новую азбуку , или , вѣрнѣе , принаровившій азбуку народа просвѣтителя къ языку про-

свѣщаемаго, новокрещенца. То же самое могло случиться, или, лучше, случилось и съ нашими предками, Славянами. Монахъ Храбръ, по всему вѣроятію, жившій и писавшій въ X, или, по меньшей мѣрѣ, XI вѣкѣ, подтверждаетъ наше мнѣніе какъ не лѣзя лучше, говоря: «Прежде оубо Словѣны не имѣхъ книгъ, нѣ урѣтами и рѣзани урѣтахъ и гатадахъ, погани самѣте, прѣстѣнише же сѣ, Римскими и Гръцкими писмены изждахъ сѣ писати Словѣнскѣ рѣчи безъ оустроениши (принуждены были по необходимости неправильно писать Римскими и Греческими буквами). И тако взяша многа лѣта; но томъ же улозколюющъ Богъ посла имъ Свѣтаго Константина Философа, иеридисаго Кирила, мѣжи прѣбѣдѣи и истинаи, и сѣтвори имъ писмена, ока оубо по униоу Гръцкихъ писменъ, ока же по Словѣнскѣи рѣчи» (по свойству и требованіямъ Славянскаго языка). Отсюда видно, что праотцы наши не *впрѣли*, чтобы только Константинъ и Меѳодій были первыми изобрѣтателями Славянскаго письма, но что еще до етѣхъ мужей употреблялись у нихъ сперва урѣты и рѣзы, а по томъ у однихъ Римское, у другихъ же Греческое письмо, неустроенное, кое-какъ, и, наконецъ, уже устроенное, принаровленное къ ихъ рѣчи. Долгое время мы не имѣли доказательствъ на то и другое, и по тому всѣ писатели вообще и дѣеписатели въ частности не обращали на это важное свѣдѣтельство Храбра никакого вниманія, допускали существованіе у Славянъ отдѣльной азбуки, нѣкотораго рода рунъ, продолжавшихся до самаго принятія Христіанства, съ которымъ вдругъ, однимъ разомъ, прекратилась она, и мѣсто ея заступили Римскія писмена у принявшихъ Римское Вѣроисповѣданіе или обращенныхъ Римскими проповѣдниками, а Греческія у обращенныхъ Греческими благовѣстителами, не допуская, однако жъ, ничего средняго, никакого перехода отъ грубаго къ болѣе совершенному, считая такой скачокъ правдоподобнѣйшимъ, сообразнѣйшимъ съ природою, нежели постепенное улучшеніе! Но, найденное мною, упомянутое Греческое, слово, написанное нашими Славянскими буквами въ началѣ IX вѣка, задолго до Константина и Меѳодія, говоритъ рѣшительно о противномъ, ясно и блистательно подтверждаетъ показаніе Храбра объ употребленіи Славянами, жившими въ Греціи, Греческой азбуки еще до Солун-

скихъ братьевъ. Сдѣсь съ Храбромъ случилось то же, что съ Геродотомъ и другими древними писателями, коихъ много извѣстія долго считались баснями, пока, наконецъ, розысканія новѣйшихъ путешественниковъ, изслѣдователей и подобныхъ имъ людей, не оправдали истинны ихъ сказаній. Остается еще ожидать отъ времени подтвержденія другаго показанія Храбра, тѣсно связаннаго съ первымъ, т. е., что Славяне, до принятія Христіанства отъ Римскихъ проповѣдниковъ, или только бывшіе ближе къ Риму, нежели къ Царюграду, пишучи по Славянски, на своемъ рѣдномъ языкѣ, употребляли Римскія письмена. Г. Шафарикъ, получивъ отъ меня свѣдѣніе объ этомъ словѣ, долго не хотѣлъ вѣрить, чтобы оно было писано такъ, какъ я извѣщалъ его; напослѣдокъ, доставъ снимокъ съ него, слѣдующимъ образомъ отозвался ко мнѣ о немъ въ своемъ письмѣ: «Недавно получилъ я изъ Райграда снимокъ слова латрии, которое тамъ писано такъ, какъ вы его читали. Я не записалъ словъ Греческихъ, и записалъ даже не всѣ Кирилловскія; а отъ того память моя ввела меня въ заблужденіе на счетъ этого слова. Признаюсь, я ничего не умѣю сказать въ объясненіе его, по тому что рѣшительно его не понимаю».

И точно: открытіе его было такъ нечаянно и, съ тѣмъ вмѣстѣ, такъ поразительно, что ни чуть не кажется страннымъ признаніе перваго современнаго знатока Славянской старины. Все говорило, что въ открывшемся — чистая, нетронутая еще ни чимъ прикосновеніемъ, правда; и, однако же, не все то правда, что блеститъ. Какъ Шафарикъ, разсматривая Райградскій «*Martyrologium Odonis*», оставилъ по неволѣ и на мою долю сдѣлать въ немъ поискъ, такъ и я, надушенный уже его невольнымъ промахомъ, не смотря на то, что съ удвоеннымъ вниманіемъ разсматривалъ его, все таки, яко человекъ, оступился. Возвратившись изъ путешествія, я узналъ, что въ Ж. М. Н. П. было помѣщено «Донесеніе» трудящагося на одномъ со мной поприщѣ, и для того, какъ и я, посѣщавшаго земли соплеменниковъ, Из. Ив. Срезневскаго (съ которымъ я хотя возвращался назадъ, но какъ-то ни разу не пришлось завести рѣчь о Рай-

градскомъ памятникѣ), объ одной части его путешествія, и что въ ономъ говорится и о Райградскомъ Одоновомъ «Martyrologium». Доставши «Донесеніе», что же узнаю? Листъ, заключающій въ себѣ «датри», прибавленъ послѣ къ прочимъ, но когда, неизвѣстно. Дѣлю статочное, по тому что листъ етотъ въ самомъ началѣ рукописи; обратить вниманіе на это я не имѣлъ ни какого повода, тѣмъ болѣе, что весь памятникъ писанъ одними и тѣми же чернилами, и ничто не вызывало меня ни мало на такую недовѣрчивость, даже переплеть его, и по тому, безъ нужды мнѣ и въ голову не приходило допрашивать послѣдній, все ли тутъ, какъ говорится, обстоитъ благополучно. Но знай объ етомъ я еще за границей, конечно, тотчасъ же послѣшилъ бы повѣрить на самомъ мѣстѣ истину такого замѣчанія. Въ послѣдствіи, я поручалъ не разъ и не одному изъ знакомыхъ моихъ удостовѣриться въ етомъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ дать мнѣ достаточнаго объясненія, изъ чего вывожу заключеніе, что дѣло это можетъ быть и такъ, какъ оно представлено видѣвшимъ послѣ меня Одоновъ «Martyrologium».

Впрочемъ, такъ ли, иначе это дѣло, т. е., принадлежить ли начальный листъ Одонова Мартирологія къ прочимъ его листамъ испоконъ, или же прибавленъ въ послѣдствіи (тѣмъ болѣе, что въ немъ нѣтъ еще начала самаго Мартирологія, но выписка, какъ замѣчено уже, изъ одного творенія блаженнаго Августина) (236), исторія составленія Кириллицы такимъ, а не другимъ, образомъ, мало потерпитъ отъ того. Ибо, допустимъ на мгновеніе, что етотъ листъ написанъ со всѣми прочими еще до Кирилла, что мы получаемъ отъ того? То лишь, что, какъ я говорилъ уже тогда, что и до Кирилла Славяне Греческіе пытались нисать рѣчь свою Греческими письменами, какъ Славяне Латинскіе Латинскими, что опирается на Храброво сказаніе; а пытаюсь писать тѣми, или другими, и не находя ихъ достаточными для точнаго выраженія всѣхъ родныхъ звуковъ, естественно, больше, меньше, такъ, иначе, не могли не пытаться, помощію разныхъ сочетаній знаковъ той, или другой, азбуки, помочь своему неминуемому горю. Развѣ не то ли самое видимъ дѣй-

ствительно съ Латинской грамотой у Славянъ Западнаго Исповѣданія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ? Не рядомъ ли множества такого рода попытокъ приспособили они, наконецъ, сколько ни есть, Латинскія буквы къ своему говору? И не то ли самое видимъ и у всѣхъ прочихъ народовъ, по крайности, Индоевропейскаго и Симиического поколѣній? И что за такая мудреная особенность сочетаніе двухъ Греческихъ буквъ $i + a$ для означеннаго Славянскаго звука, чуждаго Греку, m, n , который есть, собственно, смягченное только a ? Не такъ ли большая часть пишущихъ Латинской азбукой выражали и выражаютъ его и родственные ему звуки, т. е., почти всѣ смягченія твердыхъ гласныхъ? Что i , а не j употреблено для того, причиной тому, во первыхъ, отсутствіе послѣдняго въ Греческой азбукѣ, по неимѣнію етого звука и въ самомъ Греческомъ языкѣ, а во вторыхъ, и въ Латинской, какъ образовавшейся изъ Греческой, етотъ звукъ первоначально выражался по образцу Греческой, и только въ послѣдствіи сталъ входить j , отъ того въ старину и у Славянъ Латинскаго обряда чаще встрѣчается i въ етомъ случаѣ, что удержалось даже и теперь въ Польской, собственно старинной Чешской, азбукѣ. Отсюда, я ни мало теперь не удивился бы, если бъ когда либо доказали намъ, что всѣ гласныя мягкія такъ означались уже до Кирилла: при той роли, какую смягченіе играетъ въ говорѣ всѣхъ нарѣчій Славянскаго языка, составляющее главную и существенно отличительную особенность его въ сравненіи со всѣми прочими, ето должно было прежде всего броситься въ глаза, и дѣйствительно бросается, каждому, кто только захочетъ выразить нѣсколько предложений на нашемъ языкѣ какими угодно письменными знаками. Другіе звуки, для которыхъ тоже нѣтъ отвѣтствующихъ въ Греческой, общи намъ въ большей мѣрѣ съ прочими языками, и по тому не въ такой мѣрѣ составляютъ потребность, уже по тому, что не проникаютъ съ такой повсемѣстностью всего организма Славянскаго языка, однако, и для нихъ не нашлось ничего въ Греческомъ алфавитѣ даже приблизительно сноснаго, стало, нужно было промышлять другимъ способомъ, а ето удается вполне, или от-

части, лишь немногимъ ученымъ, нерѣдко послѣ долговременнаго опыта и усилія цѣлыхъ поколѣнй. Слѣдственно, допустивши бытiе и до Кирилла (о другихъ подобнаго же свойства не можемъ того утверждать, пока не будемъ имѣть на то достаточныхъ причинъ), и соглашаясь, что составъ этого знака могъ надоумить его примѣнить оный и къ другимъ гласнымъ, нуждавшимся въ подобномъ смягченiи, все таки честь образователя нашей азбуки останется за нимъ, честь, какъ показалъ намъ разборъ свѣдѣтельствъ древности, преимущественно принадлежащая ему и подтверждаемая, сверхъ того, и общимъ голосомъ преданiя изъ поколѣнiя въ поколѣнiе. До него ни какiя попытки, примѣнить Греческiя письма къ Славянскои рѣчи, какъ говоритъ Храбръ, не могли увѣнчаться успѣхомъ, отъ чего онъ и замѣчаетъ: «Иакоже можетъ са писати добра Гръцкыи писмены: Богъ, или животъ, или злато, или цръковь, или ушникъ, или широтъ, или мѣдъ, или доу, или юность, или музкъ и инамъ подобнии смь?» Все это слова, въ которыхъ слышите звуки, не существующiе въ устахъ Грека: в, ж, з, ч, у, ш, м, д, л, ю, къ коимъ-то елѣ прибавляетъ еще пять: ш, ъ, ж, ѡ, з. (237) Константинъ же, какъ Философъ, т. е., ученый и писатель, самъ учившій довольное время въ Царыградѣ, много путешествовавшй и по тому знакомый съ языками не изъ однихъ лишь книгъ, приступая къ составленiю азбучныхъ знаковъ для языка Славянскаго, конечно, имѣлъ въ виду то Славянское племя, съ языкомъ котораго онъ знакомъ былъ, т. е., Славянъ Греческихъ и Булгарскихъ; далѣе, не могъ не знать, что и они, «иждаахъ са» и до него, и при немъ особливо, «Гръцкыи писмены писати словъ Словянскъ речъ»; стало, если было что хорошаго въ етѣхъ опытахъ, то онъ не могъ, какъ умный человекъ и языковѣдъ, не воспользоваться тѣмъ; и, наконецъ, прежде всего нужно было ему для того обратиться къ этой азбукѣ, уже отчасти знакомой тѣмъ, коимъ хотѣлъ онъ услужить, къ азбукѣ Греческой, которую стоило только сумѣть приспособить или, какъ выражается Храбръ, «оустроити по Словянскыи речъ», и—дѣло было готово. За чѣмъ же обращаться было ему къ Глаголицѣ, если даже она тогда и существовала, Глаголицѣ, столько невзглядной и тяжелой для письма, но не безъ заим-

ствованій уже изъ Греческой (говорю последнее такъ, смотря на нее тутъ съ одной точки зрѣнія съ приверженцами ея)? А если бы устроялъ онъ письма свои, примѣняясь къ свойствамъ языка Великоморавскихъ Славянъ, тогда надо, чтобы онъ гдѣ либо успѣлъ познакомиться съ нимъ еще до того, а познакомившись, азбука его разумѣется, сколько ни есть, отзывалась бы егѣмъ языкомъ, по тому что, при всемъ сходствѣ нарѣчій нашихъ въ древности, въ историческую пору они имѣли ужъ тѣ же самыя существенныя отличія, что и нынѣ, хотя въ меньшей мѣрѣ развитыя. Впрочемъ, это ни мало не мѣшало имъ разумѣть слово Божіе и богослуженіе на какомъ бы то ни было родственномъ нарѣчій, какъ и теперь, спустя уже столько вѣковъ послѣ того «et tot discrimina rerum», не мѣшаетъ даже простолюдину понимать довольно легко и его и соплеменника своего изъ самаго отдаленнаго края необозримаго Славянскаго міра. И конечно, будь то помѣхой, Ростиславъ не обратился бы къ Михаилу съ просьбою прислать ему и «людемъ его, погашствѣмъ ея оуже открьгшнимъ и по Хрѣтіанскѣмъ законѣмъ дръжаштимъ, оучителемъ тѣловаго, иже бы имъ въ свои мѣстѣхъ истоукъ изрѣхъ Хрѣтіанскѣхъ сѣздадѣхъ»; въ противномъ случаѣ, нечего было бы ему жаловаться на то, что, «и соуть къ имъ вѣшли оучителемъ мнози, хрѣстими изъ Влахъ, и изъ Гръкъ, и изъ Иамьць, оуцаште имъ разануть»; не за чѣмъ говорить: «а имъ Словѣни, преста уади, и не нисмѣ, иже бы имъ истапанѣхъ на истинноу и разоумъ сѣздадѣхъ, иже имъ исправити вѣслихъ правдѣ». Тогда не для чего было бы и молить о такихъ учителяхъ: слѣдственно, языкъ-то и былъ, дѣлавшій доступнымъ и понятнымъ Христіанство «простою уади», помимо другихъ, возможныхъ, государственныхъ и народныхъ, отношеній, однимъ изъ первыхъ и главнѣйшихъ побужденій къ вызову истинныхъ наставниковъ народа отъ Церкви, учителяи коей говорили другой, не допускавшей того: «Мы же многи роды знаемъ, кѣнигы оумлюшта и Бѣу слѣдѣхъ вѣздаюшта своимъ мѣстѣмъ вѣждѣ». Явившись съ словомъ Божиимъ на родственномъ языкѣ къ Ростиславу, Братя были приняты имъ съ особенными почестями и получили въ ученіе изъ среды туземцевъ: «Дошадшоу же мноу Моракъ, съ великомъ устѣмъ примѣхъ и Ростиславъ, и

отъединитъ събрать, иѣдася и оутити»; а по Нестору: «*фиди аини Словани, ико слышаша ксалуѣмъ кожи своимъ думомъ*»; равно какъ и по Итальянскому сказанію, почти слово въ слово съ нашими Паннонскими Житіями и Лѣтописью: «*Cognoscentes loci indigenae adventum eorum, valde gavisi sunt, quia et reliquias beati Clementis secum ferre audierant et Evangelium in eorum linguam a Philosopho praedicto translatum. Eeuntes ergo extra civitatem obviam, honorifice et cum ingenti laetitia exceperunt eos. Ceperunt itaque ad id, ad quod venerant, peragendum, studiose insistere et parvulos eorum literas edocere, officia ecclesiastica instruere* etc. Возможно ли было все это, возможна ли радость еѣхъ Славянъ, если бы они не понимали сокровища, которое несли и, наконецъ, принесли имъ? Совершеніе богослуженія на этомъ языкѣ и обученіе ему учениковъ (т. е., назначаемыхъ въ причетники) тоже условливалось общедоступностью его всѣмъ. И, концы концовъ, по согласному показанію разнонародныхъ и разновременныхъ лицъ, переложеніе Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ покончено на Моравѣ: быточное ли это дѣло, если бы языкъ, служившій тому орудіемъ, найденъ былъ, послѣ самаго уже опыта, т. е., пребыванія въ ней, невиннымъ для тѣхъ, кому переводъ назначался? Какъ, сдѣсь, такъ и въ другихъ земляхъ Славянскихъ, введшихъ его у себя въ дѣлѣ богослуженія и письменнаго общенія, предполагается, по крайности, известная степень доступности его большинству, безъ чего вводимое не достигло бы своей цѣли, и при томъ вводимое именно по тому, чтобы замѣнить имъ непонятное, каково было богослуженіе и проповѣдь Латино-Нѣмецкихъ проповѣдниковъ и духовенства. А что честь составленія письменъ и начала перевода Св. Писанія на языкъ Славянъ Булгаро-Греческихъ принадлежитъ Константину предпочтительно—доказательствомъ тому то же, какъ мы видѣли уже, такія же разнонародныя и разновременныя показанія: Паннонскихъ Житій, непосредственнаго ученика Солунцевъ, Климента, и Латинскія посланія папы Іоанна VIII-го: все современники, или же современники современниковъ; а ужъ известно, «*qui audiunt*»,—какъ говорить Плавтъ,—«*audita dicunt; qui vident, plane sciunt*». Сдѣсь, при такомъ разнообразіи, разновременности, разномѣстности и рациона-

родности, не можетъ быть и тѣни сомнѣнія о томъ, точно ли передаваемое ими когда либо происходило, но крайней мѣрѣ, въ существенномъ, и тому ли лицу приписывается, о которомъ большинство говоритъ, котораго не могли не знать, какъ главнаго виновника новой азбуки такіе люди, каковы: сочинители Жизнеописаній и Словъ, папа, ексархъ и Храбръ. Отъ того и названіе ей по имени своего образователя: *Кириллица* по *Кириллу*, какъ говоритъ преданіе, идущее черезъ цѣлый рядъ вѣковъ у Славянъ Православныхъ и Неправославныхъ—знакъ подлинности, когда и свои, и чужіе, даже враги, въ одинъ голосъ свѣдѣтельствуя о томъ; а глазъ и языкъ врага, какъ говорится, и видитъ и чуетъ издалека. Она была возможно приспособлена къ свойствамъ той рѣчи, для выраженія звуковъ коей назначалась, но, вѣроятно, и тогда уже не всѣхъ въ равной степени удовлетворяла, какъ все человѣческое; такъ судимъ изъ словъ Храбра, который, оставляя въ сторонѣ уже извѣстные нападки на нее Латинско-Нѣмецкаго духовенства, упоминаетъ именно о томъ, что есть въ ней нѣсколько лиш-нихъ знаковъ: «Дроузи же глгодухъ: пошто естъ .ѧи. писменъ сътворишь? а можеть са и мьшшииъ того писати». По тому-то даль-нѣйшее приспособленіе Кириллова труда въ частности на-чалось довольно рано, если уже тотъ же Храбръ замѣчаетъ: «Дште ли нкто речеть, ино нсть оустромъ добръ, немже пострашнъ и кште»; стому обстоятельству, стало, должно приписать не-извѣстность о настоящемъ числѣ составленныхъ Кирилломъ писменъ, равномѣрно, что нѣкоторыя въ ней нарушаютъ стро-гую органическую цѣлость: «оудобѣ ко есть послѣдѣ поше-рити, немже прѣкожъ съкортити»; но за то трудно согласить повто-реніе съ первотвореніемъ. А какъ каждое нарѣчіе имѣетъ свои особенности, ему по преимуществу принадлежащія, его наиболѣе отличающія отъ другихъ, то естественно ожидать должно было, что Кириллица, съ переходомъ къ нимъ, потерпитъ тоже въ первобытномъ своемъ составѣ нѣкоторое измѣ-неніе, какъ это и видимъ на самомъ дѣлѣ: иное число буквъ ея у насъ, иное у Сербовъ, иное у новѣйшихъ Болгаръ, а иное было бы, конечно, и у тѣхъ изъ нашихъ братій, кото-рые такъ скоро, силою обстоятельствъ, принуждены были отойти къ другому стаду и другому пастырю. Противъ такого

примѣненія никто не можетъ ничего сказать, лишь бы оно держалось въ границахъ благоразумія, довольствовалось передачей главнаго, существеннаго въ каждомъ языкѣ; иначе, стремясь за полнотой въ подробностяхъ, легко впасть въ противоположный недостатокъ, сдѣлать изъ письма фонетическаго іероглифическое, Китайское. Кирилль, судя по его письменамъ, счастливо избѣгъ етой крайности, и, какъ мы ни усиливаемся прекрасное твореніе его «иностранца», но, «не у рукъ стряпня—пичканье», говорить пословица; и какъ ни пичкаемъ, какъ ни наряжаемъ его, и сквозь рубища наши проглядываетъ первичная доброта и красота Славянской азбуки, приводящая лучшихъ изъ современныхъ языковѣдѣтелей въ изумленіе своими высокими совершенствами и заставляющая, вопреки народной, застарѣлой, нерасположенности, употреблять, и совѣтовать и другимъ употреблять, нѣкоторые изъ буквъ ея для выраженія звуковъ въ области сравнительнаго языковѣдѣнія. Въ етомъ отношеніи Константинъ или Кирилль по праву пользуется именемъ изобрѣтателя; какъ творецъ, хоть и изъ извѣстнаго уже матеріала, новаго, небывалаго до того и послѣ. Изъ ничего творить лишь Всемогущій; для насъ, его созданія, довольно, если уже изъ сотвореннаго сдѣлаемъ что либо такое, что сколько ни будь напоминаетъ творчество. А по тому сравнивать Кирилля съ составителями нѣсколькихъ только буквъ въ какой либо азбукѣ, на примѣръ, въ Греческой, или унижать достоинство его тѣмъ, что вещество-то давно существовало, всѣмъ извѣстно и доступно, въ высшей степени несправедливо. Тамъ часть, сдѣсь цѣлое; тамъ цѣлое—дѣло рукъ многихъ, тутъ—одного: «тамъ мнози мнози языкъ», говоритъ Храбръ, у насъ же—«едниъ языкъ, Константинъ, нарицаемъ Кирилль, и писмена сътвори и книги приложи въ младахъ языкъхъ». Да и мало ли есть чего на бѣломъ свѣтѣ извѣстнаго и всѣмъ доступнаго, но неразгаданнаго въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, что ждетъ еще своихъ Галилеевъ, Коперниковъ, Ньютоновъ, Уатовъ, Лагерровъ и т. п.? При томъ, опыты другихъ, удачные, или неудачные, не рѣдко наводятъ умныхъ людей на неожиданныя открытія. Сдѣлать же изъ извѣстнаго и доступнаго такое, что своимъ устроеньемъ и сообразностью съ тѣмъ, для

чего назначается, помимо всѣхъ недостатковъ, поражаетъ каждого, заставляетъ удивляться и пользоваться, по невозможности представить что либо даже издалека напоминающее его, развѣ не есть своего рода творчество? Развѣ не такъ творить каждый художникъ, будетъ ли матерiалъ его вещество какое осязаемое, или же слово и представители его? Древнiе, бывшiе гораздо ближе и къ творцу и къ его творенiю, единогласно приписываютъ ему титуло изобрѣтателя, и приписываютъ, разумѣется, въ томъ смыслѣ, въ какомъ слѣдуетъ то понимать; а тѣ, кои приписываютъ это обонимъ братьямъ, тоже одинаковыя выраженiя употребляютъ: «и азъ сѣтвори писмена» (по другому: «сложи») (Панн. Житiе Кирилла); «оустрои писмена» (Панн. Жит. Меодiя); «строи писмена» (I. E. Болг.); «сѣтвори, оустроилъ писмена» (Храбръ); «шауста състакидати писмена азъкоукоунаа Словъскии» (Несторъ); «писмена сѣтвориши нмоу (шуккоу Словъскоу), изнока писмена въокражша» (Похв. Слово); «урацимата те ἐξευρέσθαι, ἐξευρίσθουσι τὰ Σλαβονικὰ урацимата, урацимата ἐξεύροντο» (Vit. S. Clem.); «litteras Sclaviniscas a Constantino quondam philosopho repertas» (Pap. Io. VIII); «noviter inventis Sclavinis litteris» (Anonym. Salisb.); «gothicas litteras fuisse repertas» (Archid. Salon. Thom.). Нѣкоторые изъ етѣхъ выраженiй прямо указываютъ намъ даже на самый образъ составленiя писменъ; таковы: упомянутое уже мною выше выраженiе неизвѣстнаго Зальцбургца: «noviter inventae Sclavinae litterae», и выраженiе Похвальнаго Слова Кириллу и Меодiю, въ коемъ, хотя дѣло это приписывается обонимъ Братьямъ, но мы уже знаемъ, какъ это понимать, и по тому, говорю, выраженiе этого Слова: «писмена сѣтвориши», сдѣлали, но какъ? «изнока въокражша», новъ образъ дали (вообразили), стало, тому, что было уже; а это были Греческiя письма и тѣ, которыя взяты изъ другихъ азбукъ, доселѣ нами въ точности не отгаданныя, для звуковъ, чуждыхъ Грекамъ, собственно Славянскихъ, но находящихся также и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, извѣстныхъ составителю; етѣ-то знаки, вмѣстѣ съ Греческими, примѣнены были къ Славянскимъ звукамъ, получили какъ бы новыи образъ, новое назначенiе, по всей вѣроятности, съ небольшимъ измѣненiемъ нѣкоторыхъ, на примѣръ (ограничиваясь одной Греческой аз-

буквой), образование изъ Греческихъ же такихъ знаковъ, которые бы могли выражать нашимъ мягкія гласныя, или, наоборотъ, посредствомъ ихъ, стояція при нихъ согласныя; далѣе, такіе же знаки для носовыхъ; образование изъ одного Еврейскаго буквеннаго знака, помощію небольшого измѣненія, двухъ для двухъ же родственныхъ себѣ звуковъ, ѣ и у; статья можетъ, сюда же должно отнести ш и ѣ, ѣ и ѣ, явно указывающія на образование свое изъ одной и той же, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ или прибавленіемъ къ первоначальной другой изъ другой азбуки (ѣи, ѣ, ѣ, ѣ). Это значило, по выраженію Похвального Слова, «творити» или «сѣтворити писмена», «изидова кѣобразити ѣ», или, какъ выразился Зальцбургецъ, «noviter litteras invenire», по папѣ Іоанну VIII-му и Отцамъ Салонскаго Собора, «geregige» (находить вновь), по Нестору «сѣставити», а по другому выраженію Храбра, «оустроити», то есть, сообщить тому строй, устрой, систему, организмъ, что до того было «безъ оустрою, безъ оустроения, несоустроено», каковымъ точно представлялось писаніе Славянъ въ предѣлахъ Греческихъ владѣній и смежныхъ съ ними Булгарскихъ, принимавшихъ уже крещеніе. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, конечно, Константинъ или Кириллъ только составитель или устроитель (organisor) (238), по тому что, какъ я выше замѣтилъ, онъ творилъ изъ извѣстнаго уже вещества, большей частью, азбуки Греческой и нѣкоторыхъ другихъ, которыя, въ свой чередъ, составлены такимъ же образомъ тоже изъ другихъ, первособразъ коихъ по сию пору не открыты еще, кѣмъ, когда и для кого сдѣланы. Тѣмъ не менѣе, каждая изъ етѣхъ азбукъ, въ извѣстномъ смыслѣ, самостоятельна, и составлявшіе ихъ давно и единоголасно называются изобрѣтателями, устроителями каждой, по тому что послѣ своихъ предшественниковъ въ бывшемъ до нихъ сдѣлали весьма важное устройство, существенно измѣнявшее все прежнее, сдѣлали рѣшительный переворотъ въ существовавшемъ до того. Такимъ образомъ, кажется, можно примирить двѣ противоположности—*составленіе* и *изобрѣтеніе*. Константинъ *составитель* или *устроитель*— въ томъ отношеніи, что матеріалъ для него былъ уже готовъ, онъ строилъ изъ готоваго; *изобрѣтатель* же по тому,

что и изъ готоваго вышло у него цѣлое самобытное, творческое произведеііе, въ своемъ родѣ совершенное, вполне соответствующее своему назначенію. Онъ составилъ грамоту для Славянъ, не имѣвшихъ ее до него, а въ ней, дѣйствительно, нѣкоторые знаки или буквы какъ бы вновь изобрѣтены, «*noviter inventae*». Тамъ онъ «оустрои, извока въсвѣрху, ехънами, герерит»; сдѣсь же «сътвори, ѣѣѣурѣже, invenit; тамъ составитель, оустроитель, обрѣтникъ или, по Среднебулгарски, обратникъ, по Сборнику 12-мъ мѣсяц. «изъобрѣтеникъ», что послѣ обращено въ «изобрѣтатель», «преложитель» (по Кіевск. мѣсяцослову, см. выше, стр. 139), герертор; тутъ сотворитель или творецъ, *εὐρετής* или *εὐφρητής*, inventor. И стало, уже прежде насъ здраво смотрѣли на это дѣло, когда говорили: «Constantinus primus fuit, qui linguam Sclavonicam literis Graecis scribere coepit, quod alii ante eum Latinis tentarunt, et propter haec nova literis Graecis adscripta nomina, et propter novas iisdem additas characterum figuras Constantinus dicitur litterarum Sclavonicarum inventor» (239); другой, не въ однихъ лишь названіяхъ буквъ и фигурахъ ихъ видитъ тому подтвержденіе, но и въ томъ, что изобрѣтеніе названо по своему изобрѣтателю: «Nam ut Cyrillici characteris inventum Constantino Philosopho, Cyrilli nomine a Pontifice ornato, unice acceptum ferendum esse vel nomen ipsum, eidem inditum, declarat» (240); напоследокъ, сами мы, Рускіе, давно уже здраво смотрѣли на это, когда называли Константина (въ Кіевск. Молитвословѣ, см., гл. 1-я, стр. 139) «и писменъ изъобрѣтателя, шже изъ Сланинскаго на Русскискии (собственно «Словянскискии») преложни», или, какъ сказано въ «Последованіи црковнаго пѣнія и соврания вселѣтнаго (тамъ же): «Тже преложни Рускию («Словянскою») грамотоу со Греческиа». Папа же етотъ, знавшій лично нашего Константина, какъ мы видѣли уже, торжественно самъ, въ посланіи своемъ къ Святополку, Великоморавскому государю, 880-го года, засвѣдѣтельствовавъ принадлежность Славянскихъ писменъ не Меѳодію, черезъ котораго отправляяъ свое посланіе, но, брату его, Константину, говоря: «*Litteras Sclavinicas, a Constantino quondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudamus*». Что же, спрашиваю, важнѣе и достовѣрнѣе можетъ

быть хоть этого одного уже показанія первосвященника, не очень, въ сущности, расположеннаго къ Церкви Восточной, а еще больше къ народу Славянскому, особливо его языку, какъ орудію новаго Богослуженія, который называлъ его, по тому, языкомъ *варварскимъ*: «Audimus et iam, quod missam cantes in *barbara*, hoc est, in *Sclavina lingua*? И память о принадлежности нашихъ писемъ Константину или Кириллу опирается не на соображеніи ученыхъ; на оборотъ, она идетъ изъ глубокой древности, должна была сохраняться изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваться, слѣдовательно, крѣпко укорениться въ народѣ Славянскомъ, когда уже Храбръ ссылался на нее, какъ на лучшее свидѣтельство: «Дште въпросиши Словѣнскимъ боужамъ, глаголю: кто къ писмени сътвориша иста, или кнѣзгы предложи? то еси видѣти, и откыташе рече: Святѣи Константинъ Философъ, нарицаемѣи Кирилъ, тѣи намъ писмени сътвори и кнѣзгы предложи, и Мефодѣи, братъ его». На чемъ же это основывается? «Скъ бо иште иже, иже съкъ видѣти икъ». Стало быть, дѣ етомъ случаѣ названіе нашей азбуки Кириллицей вполне законно, какъ вытекающее изъ самаго дѣла, свидѣтельствующее о дѣлѣ, а дѣло о немъ: «Conveniunt rebus nomina saepe suis», кто-то сказалъ изъ древнихъ (241).

ГЛАВА IV.

Царьградъ.

Es hält schwer, *verjährte* Erzählungen, die häufig nachgeschrieben wurden, selbst dann aufzugeben, wenn man auch schon die *trübe* Quelle, aus der sie geflossen sind, entdeckt hat.

Dobrowsky.

Ludmila und Drahomir, S. 6.

Слѣдившіе внимательно за всѣмъ, до сихъ поръ изложеннымъ мною, безъ сомнѣнія, сами уже произнесли, или же готовы произнести, отвѣтъ на вопросъ, заставившій меня предварительно войти во всѣ егѣ подробности: такъ, кажется, дѣло уяснилось само собою. Правда, что для этого потребовалось много работы, стало, и времени; но, во первыхъ, «безъ труда»,—по народной пословицѣ, — «не вынуть и рыбы изъ пруда»; во вторыхъ, гдѣ дѣло идетъ о времени, тамъ не стать же жалѣть его, по тому что, какъ замѣчаетъ та же народная мудрость: «Время не сѣмя—не выведетъ племя», если около него не порадовать; а въ третьихъ, «*jak se stavi, tak stojí*», говорятъ Чехи. Не очистивъ мѣста, не строить, да и во всякомъ случаѣ нужно знать напередъ, что за матеріалъ, изъ

котораго задумали возвести новое зданіе, какъ другіе до насъ то же ставили, далеко ли ушли, и что именно выпало на нашу долю. Мы знаемъ уже и старый и новый матеріялъ въ нашей задачѣ, знаемъ и трудившихся надъ нимъ больше, или меньше, а также на чемъ работа остановилась. Теперь нашъ чередъ: идемъ смѣло въ дѣло, въ увѣренности, что ни чѣмъ не пренебрегли изъ того, что требовалось для успѣха. Можетъ быть, и насъ ожидаетъ не большій успѣхъ другихъ; можетъ быть, и мы ничего не доведемъ; но, чего не поищешь — не сыщешь; ищемъ же истины и сдѣсь, какъ и во всякомъ розыскѣ, но довольны будемъ и вѣроятностью, гдѣ, при всѣхъ усиліяхъ, нельзя добиться правды. «Feci, quae potui», опираясь на имѣющіяся подъ руками данныя; откроются другія лучшія — пусть другіе это лучшее и сдѣлаютъ: «faciant alii meliora!» Тогда и мѣра, когда рожь.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы потрудимся припомнить себѣ хорошенько показанія свидѣтелей непосредственныхъ и относительныхъ; равно и сказанное по поводу ихъ, не можемъ долго находиться въ неизвѣстности на счетъ того, *когда же*, вѣроятнѣе всего, происходило составленіе писемъ для Славянъ? Мы видѣли уже; что всѣ отзывы о томъ образуютъ собой два главные разряда: такіе, которые о появленіи Славянской азбуки выражаются *неопредѣленно*; и такіе, которые приурочиваютъ его къ *извѣстному времени*. Съ характеромъ *неопредѣленнымъ*, изъ чужихъ: Посланіе папы Іоанна VIII-го, неизвѣстный Зальцбургецъ, Сазавскій черноризецъ, Сплитскій архидіаконъ Ѳома и Бернардъ; а изъ своихъ: оба Похвальныя Слова, Іоаннъ, ексархъ Болгарскій, Проложныя Житія, Апостоль XII-го вѣка, Службы Кириллу и Меводию, Анеологionъ; Послѣдованіе Церковнаго пѣнія и собранія вселѣтняго. Изъ нихъ, по времени, къ которому относятся, а равно, отчасти, и времени самыхъ рукописей; въ коихъ дошли къ намъ, замѣчательны; въ особенности, первые два въ обоихъ разрядахъ. Впрочемъ, показаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть отчасти приурочено, на примѣръ, Зальцбургца, увѣряющаго, что архипресвитеръ Рихвальдъ, намѣстникъ Зальцбургскаго архіепископа въ Панноніи, удалился изъ нея въ

Ювагію со времени появленія въ оной Меѳодія. Еще въ 865 г. Зальцбургскій архіепископъ, Адалвинъ, совершалъ богослуженіе у Коцела, наслѣдовавшаго отцу своему, Привинъ, съ 861 года, а къ 870 году относится прибытіе къ нему одного Меѳодія, который, какъ извѣстно, и ввелъ тамъ Славянское Богослуженіе: «vilescere fecit cuncto populo ex parte missas et evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebraverunt. Quod ille (Rihbaldus) ferre non valens, sedem repetivit Juvavensem». Къ 871-му же году относится крещеніе Чешскаго князя, Боривоя, бывшее уже въ Моравіи. Бернардъ Кремсмионстерскій, въ сущности, только повторилъ Зальцбургца. По Слову Похвальному въ одномъ лишь мѣстѣ видно нѣкоторое приуроченіе, именно, гдѣ витія говоритъ, что Кириллъ и Меѳодій, отъ Востока (Козаръ) переходятъ на Западъ, и тамъ, Паннонію и Моравію, просвѣщаютъ буквами: «въ Западныхъ же странахъ, Панонскихъ и Моравскихъ странахъ, просвѣтити боузиами (242). По Проложному Житію Кирилла, написаніе Словѣномъ 38-ми словъ (буквъ) произошло послѣ возвращенія его изъ Болгаръ въ Словѣны. Что до перваго изъ сихъ показаній, то я уже, въ своемъ мѣстѣ (во II-й главѣ), замѣтилъ, что оно, собственно, не идетъ сюда, или же, по крайней мѣрѣ, тогда получить силу свою, когда докажется, что не Константинъ, но Меѳодій, составилъ намъ письма; по чему же, иногда, считали такимъ и старшаго брата, мы тоже знаемъ уже причину тому и, слѣдовательно, это тоже увольняетъ насъ отъ обязанности входить теперь въ дальнѣйшее разсмотрѣніе вопроса, по чему къ 870-му году отнесено тутъ появленіе «Sclavinarum litterarum». Показаніе Похвальнаго Слова получить свое значеніе, если уяснимъ себѣ напередъ, когда же слѣдуетъ полагать появленіе Кирилла и Меѳодія въ Западныхъ странахъ? То же самое должно сказать и о Проложномъ Житіи, т. е., прежде нужно опредѣлить посѣщеніе ими Болгаріи, и сколько именно разъ были они въ ней (что увидимъ ниже).

Отзывы съ характеромъ *опредѣленными*, т. е., такіе, по коимъ составленіе Славянскихъ писемъ произошло въ извѣстное время, условны и безусловны. Первые назначаютъ только

пору, но не самый годъ, а вторые на оборотъ. Тѣ и другіе, однако, образуютъ кругъ времени довольно значительный, начинающійся правленіемъ Греческаго императора, Михаила, и оканчивающійся въ царствованіе Льва Мудраго. Правда, есть показанія, переходящія за етѣ двѣ крайнія черты; но какъ и въ нихъ всюду рѣчь идетъ, прямо, или подразумеваемая, все же о составленіи письменъ Кирилломъ, а не къмъ либо другимъ, то, по тому, подобное означеніе пахнетъ слишкомъ грубой ошибкой кого бы то ни было, чтобы можно было при нихъ сколько ни есть останавливаться. Съ нихъ довольно будетъ и того, что и ихъ бытіе, какъ говорится, занесено въ книгу живота, и только. То же слѣдуетъ сказать и о тѣхъ, кои находятся за чертой, назначаемой Исторіей для жизни младшаго изъ братьевъ, то есть, Кирилла, слѣдовательно 869-мъ или, употребляя круглое число, 870-мъ годомъ. Чтобы оспорить такое ограниченіе, нужно напередъ доказать одно изъ двухъ: либо, что письмена наши составлены не Константиномъ, но Меѳодіемъ, и при томъ уже послѣ, сейчасъ упомянутаго, періода: событіе, которое находится въ явномъ противорѣчій со всѣми, самыми важными, свѣдѣтельствами въ нашемъ вопросѣ, и, какъ дѣло показало, доселѣ не удалось никому, кто ни пытался выставить его противу сихъ послѣднихъ; либо подѣ составленіемъ письменъ слѣдуетъ разумѣть не тѣ, которыя извѣстны подѣ именемъ своего устроителя, но со всѣмъ другія, будутъ ли то, такъ называемыя, Глагольскія, или какія нибудь: опять событіе, въ которомъ требуется, прежде всего, поставить вопросъ въ обратномъ порядкѣ, т. е., внести въ него етѣ другія, а не первыя, письмена, что и дѣлали нѣкоторые, но безъ всякаго успѣха, и безусловность ета продолжится до тѣхъ поръ, пока первородство Глаголицы не утвердится, какъ выражаются Латынщики, *factis, non fictis*, памятникомъ докирилловскимъ; либо же, наконецъ, когда представятъ намъ доказательство, что и Кирилловскіе буквенные знаки существовали задолго до Кирилла, и существовали именно не по одиначкѣ, но въ цѣломъ своемъ составѣ, по какому они имѣютъ такое названіе, или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе характеризуютъ Кириллицу, каковы всѣ мягкія, но-

совья и полугласныя въ томъ видѣ, какой носятъ въ ней. За чѣмъ же, скажутъ мнѣ, и говорить было о такихъ показаніяхъ или свѣдѣтельствахъ, которыя къ рѣшенію вопроса ничего не приносятъ? Во первыхъ, по долгу историка изслѣдываемаго нельзя опустить того; на обязанности его лежитъ представить дѣло не только въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь, но и какой имѣло прежде, кто и что о немъ судилъ и рѣшилъ; словомъ, изложить во всемъ его объемѣ; и во вторыхъ: «подобажь и вѣрси вѣдати». И такъ, за исключеніемъ всего этого, какъ второстепеннаго въ нашей задачѣ, ни подвигающаго, ни отдвигающаго ее, остаются только свѣдѣтельства, указывающія на правленіе царей Михаила III-го и Василя Македонянина. При нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся и другія, болѣе, или менѣе опредѣляющія искомое время, обстояательства, но всѣ они, въ сущности, подчинены первымъ двумъ, что условливалось самымъ способомъ лѣтосчисления, который, какъ извѣстно, былъ Византійскій, въ слѣдствіе историческихъ обстоятельствъ.

Самое раннее назначеніе времени для составленія нашихъ письменъ при Михаилѣ III-мъ предлагаетъ черноризецъ *Храбрь*. Не всѣ изъ извѣстныхъ доселѣ списковъ Сказанія его сходятся въ годѣ: по однимъ (Лаврентьевскому, во главѣ, Вратиславскому, нѣкоторымъ Сербскимъ и т. д.) это случилось 6363 или 855 года: «въ времена Михаила црѣи Гръуьскаго, и Бориса князи Българскаго, и Растица князи Моравьска, и Коцела князи Балтъньска, въ лѣто же ѿ създаиши вьсего мира .ѿ .поук. и .ѿ. и .ѿ. и .ѿ. ю», т. е., 855. Не во всѣхъ, впрочемъ, спискахъ встрѣчается такое означеніе: въ однихъ изъ владѣтельныхъ лицъ нѣкоторыя опускаются, на примѣръ, въ списокѣ «О Скитци книгъ», по Сборнику Библиотеки Троицко-Сергіевской Лавры XVI вѣка, № 1552—7, стоятъ только первыя два: «А Слокенскѣи книги преложи Кирило Философъ съ Меоедемъ при Михаилокъ црѣствѣ Гръуестамъ, при Борисъ князи Болгарстамъ»; въ другихъ остается лишь первое и придается къ нему еще имя матери его и 7-й Соборъ, т. е., въ списокѣ по Сборнику Москов. Синод. Библиотеки № $\frac{4}{3} \frac{6}{7}$ (XVI в.): «по седмомъ согоре къ .мѣ. е лѣто, во времена Михаил Гръуеснаго и мѣре его Феодоръ, иже прд-

когдаго крѣоу вѣрѣдиста, и лѣто ѿ созданиа мѣра „ѣѣ ѣ ѣ го“; въ третьихъ: при Алфавитѣ Общества Исторіи и Древн. Росс. Отд. I, № 3-й; при рук. того же Общ. № 194; при Алфавитѣ Собранія рукописей В. М. Ундольскаго: всѣ XVII вѣка; при Виленской Грамматикѣ 1621, Азбукѣ 1637, изд. Бурцовымъ; Супрасльской 1781, у Новикова въ Повѣствователѣ древн. Росе. (I-й части) 1791, и въ Древней Росс. Вивліюникѣ (XVI части) 1789, ко всѣмъ 4-мъ (Михаилу, Борису, Растицу и Коцелу) присоединены еще Феодора и 7-й Соборъ: «по ѣ. Соборъ къ .мѣ. е лѣто (въ Алфав. Общ. № 3, «ѣ, е»), ко крѣма (Алф. Унд. «ко крѣма») Михаила цѣи Греускаго и матере (Алф. Общ. и Унд. «мѣри») его, Феодоры, иже правокрѣпю крѣоу оуткѣрдиста, и Бориса иѣза Морайска, и Костелъ (Алф. Унд. «л») иѣза Блатинска, и (Общ. № 194 и Алф. Унд. «к») лѣто ѿ (Общ. № 194 «отъ») созданиа (Общ. № 194 и Алф. Унд. «л») мѣра „ѣѣѣг.“ Калайдовичъ замѣчаетъ, что только въ новѣйшихъ спискахъ Храброва Сказанія находится 7-й Соборъ и Феодора (стр. 192). По другимъ же списка Храброва извѣстія годъ выставленъ иной, хотя прочая обстановка не измѣнена. Это: Московской Духовной Академіи № 145, XV-го столѣтія: «къ лѣто же ѿ созданиа всего мѣра „ѣѣ, ѣ, ѣ“, 6303—795, что, очевидно, произошло отъ пропуска писцемъ одного числа, т. е., «ѣ». Пропуски такого рода перѣдко встрѣчаются въ рукописяхъ; на примѣрѣ, въ Псковской Палѣи, какъ мы видѣли (стр. 97), при означеніи этого же самаго событія, и какъ это замѣтилъ уже, по увѣренію Шафарика (243), Добровскій на полѣ въ своихъ выпискахъ (нынѣ въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ); подобный же пропускъ, именно числа «ѣ», встрѣченъ былъ нами въ той же Псковской Палѣи подъ 6403 вмѣсто 6453 (стр. 97); не говорю уже о, такъ называемыхъ, лѣточислительныхъ сказаніяхъ и продолженіяхъ Никифорова Лѣтописца. Съ Храбромъ за одно указываютъ на 855-й годъ позднѣйшія Рускія передѣлки Сказанія его; таково: «Предложеніе Грамматикъ» (см. выше, стр. 94 и примѣч. 93, стр. LVII), и сокращенная передѣлка его, упомянутая выше, въ Сборникѣ XVI в. Библиотеки Троицко-Сергіевской Лавры № 1552 — 7, помѣщенная тотчасъ за Храбровымъ Сказаніемъ, впрочемъ, не конченнымъ. Въ первомъ сказано: «Къ цѣтѣо Михаилъ,

Греческаго црѣя, и кѣ Царьграда црѣкоавшяго, при патриарсѣ Фотии, кѣ Бориса княза Болгарскаго, и Растица княза Моравскаго, и Костяна княза Блатенскаго, кѣ княженіе княза великаго всея Русїи Люрика, когда сзда и не врѣня, за .рѣ. лѣ до врѣенїа Роусьскыа зоман, и ѿ сзданїа ишрѣ кѣ .,ѣ.тѣ»; а во второмъ: «А Словенскїа книги предложї Кирило Философъ съ Меѣдѣнѣхъ лѣта ,ѣтѣ, при Михаилѣхъ царствѣхъ Гречеставѣхъ, при Борисѣ князи Болгарствѣхъ. Сдѣсь, въ одномъ, прибавлены еще два новыя лица, для большаго, конечно (по мнѣнію составлявшаго его извѣстіе) опредѣленїа событїа: патриархъ Фотій и В. Рускїй князь Рюрикъ, въ другомъ же, на оборотъ, показаны только первыя два (Михаилъ и Борисъ), но годъ удержанъ по Храбру.

Разсматривая показанїе Храбра, видимъ, что оно, согласное съ истиной въ цѣломъ своемъ составѣ, ошибочно, однако же, въ опредѣленїи самаго времени и обстановкѣ событїа нѣкоторыми историческими лицами. Такъ, оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что до 857-го года правленїемъ Греческой Державы, собственно, завѣдывала мать Михаила, Θεодора, и сестра его, Θεκλα, и допуская его, по примѣру нѣкоторыхъ Лѣточисленїй, не отличающихъ того, что сказать о Коцелѣ, который, какъ замѣтилъ я уже выше, правилъ Блатенскимъ Княжествомъ только по смерти отца своего, Прибины, убитаго Моравцами, 861 года, въ схваткѣ Растица съ Нѣмцами и ихъ приверженцами, Растица, принявшаго сторону Карломана, сносившагося съ нимъ противъ отца своего, Людвика, между тѣмъ какъ тотъ, послѣ нѣскольkokратныхъ съ ними ссоръ, прильнулъ пуще прежняго къ нимъ, и за то получилъ было во владѣніе Паннонскїй предѣлъ или Задунайскую, иначе Паннонскую, Моравїю, среди коей лежитъ озеро Блатно или Болотно (Болотное, Болото, извращенное Мадырами въ *Valaton*, а Нѣмцами *Platen-See*, гдѣ *p*, по извѣстной перегласовкѣ етого языка однѣорганнѣхъ, произошло изъ *b*), по коему другое названїе его княжества словомъ Блатенско, Блатенское (244). А какъ мы знаемъ уже, что даже въ 865-мъ году Коцель принималъ и угощалъ у себя, на Рождественскихъ Святкахъ, въ своемъ стольномъ градѣ, Мосбургѣ (Блатноградѣ?), прежде (по нѣкоторымъ) Салабургѣ (при устьѣ рѣки Салы, впадающей въ озеро Блатно,

нынѣ Салаварь, переводъ Мадьяровъ, у коихъ var=Vurg, наше градъ, городъ), Зальцбургскаго архіепископа, Адальвина (245), стало, принадлежалъ тогда къ Латинской Церкви, то, по тому, едва ли вѣроятно, чтобы Храбръ сталъ означать правленіемъ его, въ такомъ отношеніи находившагося къ Православію, время происхожденія азбуки, такъ тѣсно и нераздѣльно соединенной съ еѣмъ послѣднимъ. Ежели уже Шлѣцеръ, по словамъ Добровскаго (246), замѣтилъ, что Коцель тутъ «не совсѣмъ согласуется съ тѣмъ, что извѣстно намъ о немъ изъ Франкскихъ временниковъ» (247), и замѣтилъ, разбирая Несторовъ рассказъ о посольствѣ въ Царьградъ, случившемся гораздо позже, то тѣмъ болѣе неумѣстно помѣщеніе сего Князя въ 855 году. Точно то же слѣдуетъ сказать о *Фотіи*, который сдѣланъ патріархомъ лишь 857 года, слѣдовательно, въ патріаршество его не могли быть составлены наши письмена. Еще менѣе третье опредѣленіе выдерживаетъ повѣрку: разумію, означеніе лѣтъ, протекшихъ отъ послѣдняго Вселенскаго Собора до составленія ихъ въ 855 или 852-мъ, какъ ни полагай етотъ Соборъ, 805, 806, или же 783, 787, 795, ибо получаемъ оттуда годы: 827, 831, 839, 849, 850, отнюдь же не означенные въ Сказаніи о писменехъ; а если станемъ слагать только 40, то и того меньше приближимся къ Храброву году. Первый совпадетъ съ годомъ рожденія Константина, второй съ 4-лѣтнимъ возрастомъ его, третій съ 12-ти, четвертый 22-хъ и пятый 23-лѣтнимъ; стало, все произошло еще до перваго посольства его (къ Сарацинамъ), бывшаго на 24-мъ году его возраста (851). Напрасно, по тому, и Добровскій (248) и Шафарикъ (249) старались, когда-то, отстоять Храбра, первый говоря: «Gegen das Jahr 855 ist nichts einzuwenden, wenn gleich die übrigen Data nicht ganz richtig berechnet sind», а второй извиняя Коцела тутъ тѣмъ, что онъ «могъ даже при жизни отца своего, Прибины, быть Удѣльнымъ княземъ», что, по новѣйшимъ розысканіямъ, кажется, имѣло мѣсто (250), но, тѣмъ не менѣе, все таки не спасаетъ Храброва показанія.

Вотъ по чему, хотъ прочія означенія дѣйствительно удерживаются на своемъ мѣстѣ, все же странно кажется, отъ че-

го Храбръ, черноризецъ Восточной Церкви, выставляя составленіе письменъ, какъ особенный знакъ благодати Божіей къ «роду Словѣнскому», желавшей тѣмъ «привести его къ спасенію», отъ чего, говорю, Храбръ опредѣляетъ время составленія «Словѣнскихъ писемъ», называемыхъ имъ «скагъшиа и тастыгъшиа» отъ Греческихъ, устроенныхъ «Слани погаша», правленіемъ частью не крещеннаго Болгарскаго князя, а частью, если и крещенныхъ, за то принадлежавшихъ «къ Латинномъ и Нѣмьцемъ», величаемымъ въ Паннонскомъ Житіи Мееодія «гроукомъ уадиш, не прѣштинихъ нѣмь?» Будь это событіе не въ ту пору, когда Борисъ уже склонился или клонился къ Христіанству, а Ростиславъ, задумавъ великое дѣло, вступилъ въ сношеніе съ царемъ Восточнымъ, за чѣмъ бы ему указывать на ихъ правленіе, какъ опредѣленіе времени передаваемого имъ событія? Безъ этого оно не совсѣмъ достигало бы своей цѣли, сбивая своей неопредѣленностью то, что требовалось опредѣлить. Слѣдовательно, допустивъ противное, не только исчезаетъ эта неточность, но даже ссылка на княженіе Коцела является умѣстной, какъ дѣйствительно въ ту пору бывшего уже государемъ въ Паннонской Моравіи. Все это, стало, показываетъ, что Храброво назначеніе года устроенію Славянскихъ писемъ противорѣчитъ какъ тогдашнему положенію дѣлъ въ Славянскомъ и Греческомъ мірѣ, такъ и собственнымъ его словамъ. Откуда это произошло, кто скажетъ? Можно въ этой несообразности подозрѣвать переписчиковъ (что во многихъ случаяхъ очень покойно для изслѣдователя), можно и самаго Храбра, что, по мнѣ, вѣроятнѣе, ибо всѣ, извѣстные донынѣ, списки (а ихъ очень много, хотя и не старѣе XIV-го вѣка), при всемъ разнообразіи языка (происшедшемъ наиболѣе отъ племенныхъ отличій писцевъ), въ сущности говорятъ одно и то же, даже въ разыскиваемомъ годѣ перевѣсъ на сторонѣ большинства. Позднѣйшія прибавленія слишкомъ незначительны и тотчасъ бросаются въ глаза. Но Храбръ, сохраняя всю вѣрность событія, могъ, хоть и близкій къ нему по жизни, но все же не современникъ и не очевидецъ, въ ближайшемъ и точнѣйшемъ опредѣленіи поры случившагося, самой единицы ея, точно такъ же погрѣшить, какъ, на примѣръ, и сочинитель Похвального Слова Кириллу и Мееодію, кото-

рый, по всему, былъ и современникъ и даже непосредственный ученикъ ихъ. Отсюда, я больше вѣрю въ справедливость Храброва опредѣленія времени составленія нашей азбуки посредствомъ предпосланныхъ лицъ, нежели етому послѣднему. Историческія же лица указываютъ на иную пору.

Что сказано о Храбрѣ, то же самое должно замѣтить и о небольшихъ Булгарскихъ и Сербскихъ лѣтописяхъ или лѣточислительныхъ показаніяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя говорятъ за одно съ нимъ (855), а другія приурочиваютъ составленіе азбуки къ 6360 или 852-му; изъ списковъ егѣхъ, напечатанныхъ доселѣ, извѣстны два: Рацкій, говорящій просто о написаніи словъ Кирилломъ, и Сеченіевскій съ указаніемъ на Михаила и Θεодору; издатель послѣднихъ еще въ своихъ Славянскихъ Древностяхъ (251) объяснялъ этотъ годъ опиской переписчика: дѣло статочное, только отъ того все же Храбру ни чуть не легче. Но и тутъ не думаю, чтобы все можно было уладить, сваливъ вину на безотвѣтнаго писца, по тому что не въ нихъ только однихъ встрѣчаемъ 852, но и въ другихъ; таково показаніе «Слѣдѣнїа крѣпѣнїа свѣдѣнїа ѿ Адама», въ Черногорскомъ сборникѣ (выше, стр. 89—90), въ коемъ тоже Михаилъ и Θεодора обновляютъ Православіе, Болгаре дѣлаются Христїане, а «словеса Словѣсїа» составляются Кирилломъ въ 6360 лѣто. Другой примѣръ: въ Псковскихъ Палѣяхъ читаемъ тоже 6303 годъ, а изъ лицъ—Михаила и Люрика; судя по такому же случаю съ сказаніемъ Храбра по списку Московской Духовной Академіи, какъ сказано сейчасъ, должно предполагать описку въ числѣ 60 (6363), что и идетъ къ Храброву Сказанію, но не можетъ идти къ Палѣи, въ которой выставлено лице Рюрика. Еще больше въ этомъ утверждаетъ насъ «Прологъ сїи рѣчь сохрание ѿ многихъ Лѣтописецъ» Румянц. Музея (см. выше, стр. 110—111), въ которомъ не только сказаніе Палѣи повторено слово въ слово, съ перестановкой только членовъ етого періода и измѣненіемъ Люрика въ Ререка, но и все вообще извѣстіе послѣдней въ цѣломъ его составѣ. Тутъ слѣдовало бы ожидать зѣгъ года вмѣсто зѣгъ, однако вышелъ зѣгъ, т. е., 865, чѣмъ и оправдывается, конечно, отчасти, помѣщеніе въ немъ Рюрика.

Другое время происхожденію Славянскихъ письменъ назначаютъ *Паннонскія Житія* и другія, принадлежащія съ ними въ одному разряду, показанія, которыя сейчасъ назовемъ поименно. Время это *двоико*, и хотя одно за другимъ слѣдуютъ непосредственно, но существомъ своимъ рѣшительно исключаютъ другъ друга. Подъ первымъ разумѣю сказаніе Паннонскаго Кириллова Житія о томъ, какъ онъ перенялъ письмена у какого-то Русина, которыми Евангеліе и Псалтырь писаны были, и какъ онъ, бесѣдовавъ съ нимъ, силу рѣчи узналъ и разлучилъ гласныя и согласныя буквы, сличая все съ своимъ собственнымъ языкомъ; Псковскія же Псалѣи и Прологъ Румянцевскаго Музея называютъ уже это Руской грамотой, данной Русину етому въ Корсунѣ Богомъ; ею-то Константинъ написалъ книги Рускимъ гласомъ, посѣщая Мораву, Чехы, Ляхы и прочая языки, и се-то Владимиръ Рускій послѣ обрѣлъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крестился: «идѣ же книги обрѣтошася, тоу и крещеніе обрѣтеть, Русскимъ гласомъ писаны быша книги». Ясно, что послѣднія взяли извѣстіе это изъ самаго Житія, или же, на оборотъ, въ Житіе оно попало изъ подобныхъ Рускихъ источниковъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ читаемъ его вдвойнѣ: въ самомъ Житіи и на концѣ; тамъ коротко, а тутъ въ связи съ извѣстнымъ рассказомъ о Войтѣхѣ, который тоже представляется въ двоикомъ видѣ, краткомъ, какъ въ Житіи Кирилла по списку Московской Духовной Академіи № 19, и пространномъ по моему (см. выше, стр. 101 и слѣд., а также и примѣчанія). Такъ какъ путешествіе Константина къ Козарамъ не могло быть вмѣстѣ съ Грекомъ Петрономъ, отправленнымъ, по просьбѣ Козарскаго кагана, Греческимъ императоромъ для построения и укрѣпленія столицы его, Саргела (*Бѣлой Вежи, Λευκὸν οἴκημα, Domus Candida*), а потомъ оставленнаго намѣстникомъ въ Херсонѣ (252), что случилось, по мнѣнію Ассемани (253) около 836, а по Добровскому и Шафарику (254) 840 года, по тому что тогда Константину было отъ роду только отъ 9 до 13 лѣтъ; то, по неволѣ, должно согласиться на приуроченіе оного между 858 и 861-мъ, тѣмъ болѣе, что, по свѣдѣтельству Паннонскихъ Житій, Похвальнаго Слова, Климентова Житія и друг., это происходи-

до послѣ путешествія его къ Срацинамъ, бывшаго на 24-мъ году отъ рожденія: «Бѣ же тогда Философъ дхѣтилъ десѣтима и четырьмъ лѣтомъ» (255). Первое время назначаетъ Мартинъ Фульденскій (256): «Anno Domini DCCCLVIII, Nicolaus primus, Pontificem assumitur CVII post Petrum, sedit autem annos IX, menses 11, dies XX... Hujus Pontificis tempore Sanctus Cyrillus Slavorum Apostolus corpus Sancti Clementis mari siccatо, ubi in Trisoria in mari projectum fuit, afferens Romam portavit, ibique a Papa honorifice in ecclesia sua sepultum fuit»; а второе, «Слово на пренесеніе мощей преславыаго Климента, историческою мощею касядоу», полагающее «Хѣю помощію въ .ѣ. тисоуца .ѣ. и .ѣ. и .ѣ. лѣ. изисавше его» (257), что отвѣчаетъ 861-му, генваря 30-го: «ко единъ дѣнь егда Бѣ изволи аментиса стѣмоу, тридесатень дѣнь въ Іапоуѣа (по др. сп. «лѣ дѣнь егда генвалъ) мѣа, етери ѣ тевалъхъ идоша», и по тому занесенное въ Рукописныя Четъ-Миней подъ ето число, въ одинъ день съ памятыю Климента Анкирскаго (258), и составленное очевидцемъ: «не до сего же еме ѣвержеса оутѣшитиса дѣша мол, столци жедлющимъ слокоуѣаго (въ др. «слакѣаго») Климентѣ видети мощи»; а описывая явленіе мощей Климента, говоритъ: «Идохомъ до блаженнаго отона (острова)... въсиа намъ стѣа и преславыаа глава преслокоуѣа Климентѣ, юже нитѣо видѣвъ прѣконци (въ др. «въ прѣконци»), иже и се естъ поктѣстѣиниъ, авіе блаженнымъ гласомъ възговѣ» (259), и въ заключеніи: «но секе едакъ некаюуннымъ намъ и непотреснымъ роукама нашими изисавше». Противъ такого назначенія времени я не скажу, чтобы оно было «сомнительно и поздно» (260), по тому что въ самомъ Житіи Кирилла замѣчено, что онъ, по возвращеніи отъ Козаръ въ Царьградъ, видѣвъ царя, «живаше безъ маъвы, въ чѣрѣи стѣхъ аѣаъ сидѣ», истолковалъ тутъ надпись на одномъ потирѣ, «Соломона дѣла», принадлежавшемъ «стѣа Софѣи», «аѣ немъ же сѣтъ писмена Жидокскимъ и Самарскимъ», и «кеселаштоу же сѣ Философоу о Божа, пакы дроугамъ рауъ присѣа и троудъ не мѣи прѣвѣхъ», т. е., известное посольство Ростислава. Слѣдовательно, послѣднія выраженія показываютъ, что промежутокъ между тѣмъ и другимъ путешествіемъ Константина былъ весьма небольшой. А если отведемъ пребыванію его въ Козарѣхъ вообще пространство между 858 и 861 (ок. 3 лѣтъ), то, конечно, довольно приблизимся къ истинѣ.

Къ этому-то времени относится перенятіе Константиномъ письменъ отъ Русина-отшельника; но мы уже выше (въ главѣ 1-й) сказали, что это считаемъ чистой невозможностью, т. е., принимая его, должно отвергнуть показанія о томъ всѣхъ прочихъ свѣдѣтелей; еще больше, показаніе того же самаго Житія по случаю Ростиславова посольства. Кто же станетъ хоть на мгновеніе колебаться въ выборѣ между тѣмъ и другимъ, какъ бы ни былъ одержимъ духомъ родолюбія? Да и въ заключеніе Философова прѣнія въ первый день предъ каганомъ, сочинитель Житія говоритъ, что желающіе больше и подробнѣе познакомиться съ егѣмъ предметомъ, могутъ обратиться къ «*шигамъ ѿго*», переведеннымъ Меѳодіемъ на Славянскій, раздѣлившимъ ихъ на 8 Словъ. Стало бытъ, Константинъ описалъ состязаніе свое на Греческомъ? Стало, Славянскихъ письменъ до того не существовало, ни имъ, ни другимъ кѣмъ бы то ни было изобрѣтенныхъ? Въ противномъ случаѣ, онъ написалъ бы его на Славянскомъ, а Меѳодій не перелагалъ бы его съ Греческаго. Равнымъ образомъ и «*осамъ хаста грамотникѣи прѣложи*» (говоритъ сочинитель), конечно, съ Жидовской бесѣды на Греческую, а не Славянскую, по тому что ему предстояли споры съ раввинами, слѣдовательно, нужно было основательно познакомиться съ ихъ рѣчью, а для того требовалось облегчить себѣ пониманіе Св. Писанія на Еврейскомъ языкѣ грамматическимъ изученіемъ его. И точно, первыя попытки въ грамматикѣ Еврейскаго языка относятся тоже къ IX-му вѣку (261). Безъ сомнѣнія, переводъ ея, по ходу дѣла, сдѣланъ былъ еще въ Херсонѣ, а прѣніе могло быть описано и послѣ, по пріѣздѣ въ Византію, предложеніе же на Славянскій и того позже. По чему Константинъ писалъ по Гречески, а братъ его переводилъ его на Славянскій? Рѣшеніе этого вопроса не можетъ имѣть прямаго вліянія на рѣшеніе моего вопроса; примемъ пока, до другаго времени, это такъ, какъ оно есть, и не станемъ дѣлать ни какихъ посылкоу о происхожденіи нашихъ благовѣстниковъ. Будучи даже Славянами, тотъ и другой, воспитанные въ столицѣ Греческаго Царства, занимающія высокія мѣста въ немъ, конечно, отлично владѣли языкомъ господствующаго народа, и лишены были возможности писать родной рѣчью, пока не было еще самаго орудія для пе-

редачи ея харатѣ. Во всякомъ случаѣ, однако же, занятіе Константина сочиненіемъ и переводомъ по Гречески въ Херсонѣ показываетъ, что въ ту пору Славянскія письма еще не были устроены имъ; стало, показаніе Храбра и Паннонскаго Кириллова Житія въ етомъ мѣстѣ о годѣ составленія ихъ оказываются несостоятельными. Такъ что же действительно?

Второе показаніе *Паннонскихъ Житій, Похвального Слова, обѣихъ Латинскихъ Сказаній* (1-й и 2-й Легендъ), *Нестора* и друг., не поименованныхъ при первыхъ двухъ. И подлинно: разбирая етѣ свидѣтельства и сличая ихъ какъ между собою, такъ равно и съ тогдашними обстоятельствами всѣхъ, сколько ни есть, замѣшанныхъ въ семъ дѣлѣ, приходимъ, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія и обсуждения подробностей его, къ тому заключенію, что, если ужъ нуженъ выборъ тамъ, гдѣ нѣтъ прямого и рѣшительнаго назначенія времени, не допускающаго ни малѣйшаго сомнѣнія, то такой выборъ напѣ долженъ неминуемо пасть на етѣ, а не другія, показанія, какъ во всемъ превышающія прочія своей внутренней и внѣшней цѣнностью и значеніемъ. По нимъ время составленія письменъ для Славянъ полагается въ 862 году, на который указывали уже, какъ извѣстно изъ «исторіи нашего вопроса», и другіе, но который теперь, въ силу новыхъ, или точнѣе, *ановъ открытыхъ*, памятниковъ (т. е., бывшихъ когда-то извѣстными, но послѣ забытыхъ по чему бы то ни было и мало входившихъ, при опредѣленіи поры етому событію, въ соображеніе). Дѣйствительно, въ Паннонскомъ Житіи Кирилла читаемъ: «четырѣдесать мѣсяць сѣкорь къ Моравѣ, иде святитѣ оученикъ своихъ»; далѣе, въ такомъ же Житіи Меѳодія: «и трѣмъ лѣтомъ и шѣдшемъ, вздератиста се изъ Моравы, оученикъ идоушма»; изъ другихъ, оба Латинскія Сказанія (или Первая и Вторая Легенды, иначе Итальянская и Моравская), какъ извѣстно, значаютъ *четыре съ половиной* года: «Manserunt ergo in Moravia per annos quatuor et dimidium» (по 1-му); «Manserunt autem in Moravia annis quatuor et dimidium» (по 2-му). Похвальное Слово Кириллу и Меѳодію не упоминаетъ о числѣ лѣтъ, проведенныхъ ими въ Моравіи до отбытія въ Римъ,

но даетъ ясно знать, что письмена были уже принесены ими готовыя изъ Царьграда, равно какъ и предложение нѣкоторыхъ книгъ, необходимыхъ на первыхъ порахъ для богослуженія; стало, вопреки Нестору, выведшему изъ Паннонскихъ Житій совсѣмъ противное заключеніе. По тому что до прибытія ихъ въ Моравію, духовный витія выражается о происхожденіи письменъ опредѣленно, давая тѣмъ знать о составленіи ихъ не сдѣсь (въ Моравіи), но въ другомъ мѣстѣ (въ Царьградѣ), говоря: «Законъ же бѣши соудомъ предложена, въ языкъ языкъ предаста, писмена сътворена мноу»; и ниже: «не на тоужемъ основани своемъ дало подлгующа, въ языки писмена въображаша, и съвершиста въ языкъ новъ». Когда же коснулся прибытія ихъ въ мѣсто своего призванія, выражается иначе: «предоста ѿтѣдоу на Занадѣныхъ страны, бѣгохъствоующа слово бѣши въ языкъ новъ, и въсь чркъыи законъ предложена ѿ Гръцкыиго, въ свои языкъ языкъ предаста»; за тѣмъ: «въ Занадѣныхъ же странахъ Паноньскыхъ и Моравьскыхъ странахъ дко сѣщи късимъша, ирака граховьна ѿгънакъша, проскътиста боукъками и наоучъша оученики чркъыиномуу языку испъдѣи». Слѣдовательно, сдѣсь уже рѣчь только о просвѣщеніи буквами, т. е., готовыми, принесенными ими тула изъ другаго мѣста, отнюдь же не о составленіи ихъ тутъ. Какъ до прибытія ихъ въ Мораву часто и охотно говорилъ витія о сѣтвореніи письменъ, такъ послѣ того ни разу ужъ не поминаетъ о томъ, напротивъ повторяетъ лишь объ ученіи, т. е., наставленіи посредствомъ перевода Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, на примѣръ, устами папы Адриана II-го, въ посланіи его къ Славянскимъ князьямъ: «скажемъ врата нашего языкаго, Мефодии, сѣща на архисѣпѣство на страны ваша, мно же есте просили оу насъ (собственно, князь Блатенскій, Коцель), да въоучитъ, въ языкъ языкъ предлагати книги». По Житію Мефодія: «мы же оумьсакхомъ, испытакъше, послати Мефодии, сѣше и съ оученики, сил же нашего, на страны ваша, моужа же съвершена разоумьма и ирвокръна, да къ оучитъ, мно же есте просили, съназдаи въ книги къ языкъ языкъ, по въсемоу чркъыиномуу языку испъдѣи». Не со всѣмъ точное выраженіе въ послѣднемъ («съназдаи») совершенно уясняется первымъ, («предлагати»), т. е., сказывать книги въ языкъ чей либо значить переводить ихъ на этотъ языкъ. По всему,

стало быть, устроение новыхъ письменъ, происходило не на Моравѣ, и происходило, по яскому показанію упомянутыхъ сейчасъ свидѣтельствъ, не за долго до прибытія устроителя ихъ въ нее, случившагося, по сказанію Житія Меоодіева, за «три лѣта», а по сказанію Кириллова Житія, за «четырѣдесять мѣѣ», или, приводя все къ однородному, за 36 или 40 мѣсяцевъ, иначе за три года, или три года и четыре мѣсяца, а по Латинскимъ Житіямъ ихъ за 52 мѣсяца или четыре съ половиною года. Такое, по видимому, явное противорѣчіе, очень легко объясняется, если вникнемъ, какое именно время каждый изъ творцевъ ихъ имѣлъ въ виду, поставляя свой срокъ пребыванію незабвенныхъ Братьевъ въ Моравской землѣ. Самой меньшей срокъ, три года, назначаетъ Житіе Меоодія, и, по мнѣ, разумѣетъ подъ тѣмъ только время, протекшее отъ прихода обоихъ въ собственную Мораву, мѣсто пребыванія и главной силы Ростислава, а не во владѣнія, принадлежавшія къ его государству, не княжества Нитранское, бывшее у Святополка, племянника его, и Паннонское или Блатенское, у Коцела, сына, недавно убитаго Моравцами, Привины, все князей-подручниковъ Ростиславовыхъ, изъ коихъ объ одномъ и упоминается въ Житіи Меоодія, какъ участникъ въ посольствѣ въ Царьградъ: «Прилоуижеся къ тмъ днѣмъ Ростислава князю Словѣнскъ съ Стопѣльмъ, посласта изъ Моравы къ црѣю Михаилоу», по въ Кирилловомъ Житіи и о немъ ни слова, но говорится только отъ лица Ростислава съ подвластными ему князьями, въ числѣ коихъ, разумѣется, слѣдуетъ считать и Святополка, и вообще Моравлянами (или, по другому чтенію, «съ князи своими Моравляныи»): «Ростислава, Моравскыи князю, Бгомъ оустныи, съвѣтъ сътвори съ князи своими и Моравляныи, и послаа къ црѣю Михаилоу». Слѣдовательно, сюда относятся 863—65 годы, послѣ коихъ, какъ сказано въ Житіи, назначающемъ ихъ на пребываніе въ Моравѣ, они возвратились: «и трѣмъ лѣтомъ ишедъшымъ, възвратиста са изъ Моравы, оуцѣнины илоуцъша»; т. е., исполнивъ то, для чего призывались: «да имъ оуцѣтъ къ мзгѣмъ илшъ». Куда же пошли они? Выраженіе «възвратиста са» не оставляетъ намъ ни какого сомнѣнія на счетъ земли, въ которую они воротились послѣ исполненія возложенной на нихъ обязанности, слѣдственно, въ Царь-

градъ. А по чему же не туда? Докладываютъ же намъ нѣкоторые изъ источниковъ, какъ мы уже знаемъ, и объ этомъ? Такъ Несторъ, больше всего державшійся въ своемъ извѣстн Панионскаго Меѳодіева Житія, тоже упоминаетъ, согласно съ нимъ, объ отшествіи изъ Моравы, но не обонхъ братьевъ, а одного лишь Кирилла: «Костантинъ же възвратиса къспати, а Меѳодіи оста въ Моравѣ»; Проложное же Житіе возвращаетъ и Меѳодія: «Возвратившюу же сѧ Меѳодію въ Костантинъ градъ, патриархъ же свѧти его еѧипа и възврати и въ Моравоу ко градъ Капловъ». Положимъ, что посвященіе его въ епископы и противорѣчитъ всѣмъ лучшимъ показаніямъ, но отбытіе изъ Моравы обонхъ Братьевъ, будетъ ли то одновременно, или разновременно, по крайности, одного, кажется, дѣло вѣроятное. Можно даже согласиться еще на меньшее, возвращеніе ихъ (опять одного, или обонхъ) ограничить гораздо ближайшей страной; подъ етѣмъ разумѣю Булгарію, въ которую Несторъ и Проложное Житіе его именно отправляютъ его изъ Моравы; первый: «и иде оучити Болгарьскаго азьма»; второе: «По семъ иде къ Болгары, проповѣдалъ Христа; тако же и къ Словѣны пришедъ», и проч.; между тѣмъ, о путешествіи Меѳодія сюда оба етѣ источника молчатъ; Несторъ даже прямо говоритъ, что онъ остался въ Моравѣ: «а Меѳодіи оста въ Моравѣ»; Прологъ же, напротивъ, какъ видѣли сейчасъ, псылаетъ его въ Царьградъ, но не въ Булгарію. Все не зная Панионскихъ Житій въ ихъ теперешнемъ видѣ (по тому что они, въ сокращеніи по «Книгѣ Житіи», были извѣстны давно), Добровскій, опираясь наиболѣе на Западные источники, соглашался съ Ассемани въ томъ, что четырехлѣтнее съ половиной пребываніе Солунцевъ въ Моравіи, какъ полагаютъ то Легенды, слѣдуетъ относить не къ одной лишь послѣдней, но распространить на обѣ страны, Моравію и Булгарію. Еще больше: они могли до 867 года возвращаться не одинъ разъ, но нѣсколько въ послѣднюю, и если до того еще государь ея не былъ склоненъ къ принятію Христіанства, подвигнуть его къ тому, одинъ доводами, другой—тѣмъ же и извѣстнымъ живописнымъ изображеніемъ Страшнаго Суда, въ чемъ Добровскій ни мало не сомнѣвается, т. е., что рассказываемый Византійцами живописецъ монахъ Меѳодій былъ одно и то же лице съ нашимъ Меѳодіемъ (262):

«Assemani glaubt, die 4½ Jahr auf ihren Aufenthalt in beyden Ländern beziehen zu dürfen. Wenn sie auch 863 das Land Mähren betraten, so konnten sie doch mittlerweile vor 867 auch einmal oder auch öfter in Bulgarey zurückkehren, und den König zur Annahme der Taufe bewegen, Cyrill durch Gründe, Method durch ein Gemälde» (263). И далѣе, возражая Нестору, замѣчаетъ: «Nicht jetzt erst, wo Method allein in Mähren als Bischof bleibt, sondern vor ihrer Ankunft in Mähren, und auch während ihres fünfhalbjährigen Aufenthalts daselbst, arbeitete Constantin an der Bekehrung der Bulgaren». Конечно, такъ, судя по свѣдѣтельству Климентова Житія, продолжателя Константина Багрянороднаго, Скилицы, Кедрина, а изъ Западныхъ: Моравскаго Житія и Житія Людмилы, Градиштскаго черноризца и Дуклянца; изъ нихъ первый прямо и неотразимо утверждаетъ, что еще до отъѣзда своего въ Мораву, Меѳодій избралъ себѣ въ ученики Булгарскаго государя, Бориса, жившаго въ царствованіе императора Михаила, воспламеня въ немъ любовь къ прекрасному родному языку и сообщая ему благодѣянія слова: «οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὃς ἐπὶ τοῦ τῶν Ρωμαίων βασιλέως Μιχαὴλ ἦ, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάσαι μὲν τέχνην ἐποιήσατο, καὶ τῆς εἰκείας γλώσσης τῆς πάντα καλῆς ἐξηρτήσατο καὶ τότε δὲ ταῖς τῶν λόγων εὐεργεσίαις ἀδιαλείπτως εἶχε δωρούμενος». Слѣдовательно, посѣщеніе Булгаріи блаженными Братьями для обращенія, безъ сомнѣнія, прежде всѣхъ, того, отъ кого зависѣло ежели не исполнѣ обращеніе народа, то, по крайности, согласіе на то, на проповѣдь для обращенія, посѣщеніе, говорю, Булгаріи еще до приглашенія въ Моравію, не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Времени къ тому не требовалось слишкомъ много, по близости ея къ столицѣ Имперіи, куда оба они возвратились изъ Козарь. А какъ подлѣ обращеніемъ Булгаріи въ это время должно, по всему, разумѣть не обращеніе цѣлаго народа, но только самаго государя и его Двора, т. е., самыхъ приближенныхъ, то, по тому, оно и не требовало для себя долгаго времени, тѣмъ болѣе, что все дѣло издалека и давно уже подготавливалось, и нуждалось только въ конечномъ завершеніи. Не говоря о мно-

жествъ Христіанъ между Славянами Имперскими (нигѣшними даже архіепископа и епископовъ) и Булгарскими на границахъ и въ самой Булгаріи, какъ показываютъ то частія и жестокія гоненія на нихъ предшественниковъ Бориса, вспомнимъ только то, что Вѣра Христіанская открыла было уже себѣ входъ въ самое его семейство, и что это—то обстоятельство, по всей вѣроятности, ускорило и облегчило трудъ Братьевъ, равно какъ скопленіе разнаго рода несчастій, около етой поры обрушившихся на него и его народъ (голодь, неудачныя войны съ сосѣдями, въ томъ числѣ и съ императоромъ). Это называется первымъ обращеніемъ Булгаръ, собственно, Булгарскаго государя съ приближенными его и съ тѣми, которые уже были къ тому приготовлены самыми обстоятельствами, и къ нему—то относятся всѣ тѣ указанія въ источникахъ, которыя говорятъ о крещеніи Булгаръ до отбытія Константина и Меѳодія въ Моравію, именно: Нестора, подъ 6366 или 858: «Михаилъ царь изиде съ кон брегомъ и моремъ из Болгары; Болгары же оувидѣвше, не могахъ стати противу, креститиса просиша и похоритиса Грекомъ. Цррь же крестн ииаза ихъ и вода ры вса, и ширъ сяткорн съ Болгары». Годъ етотъ, конечно, слишкомъ ранній, исправляютъ показанія Византійцевъ (264), тоже рассказывающіе объ обращеніи Бориса за одно съ Несторомъ, взявшимъ то у одного изъ нихъ, и указывающіе на 860—861, хотя въ подробностяхъ, какъ водится, разногласятъ, т. е., одни полагаютъ крещеніе Бориса въ собственной землѣ, а другіе, напротивъ, заставляють его отправляться за тѣмъ въ самый Царьградъ. Сличая съ ними Нестора, видно, что онъ осторожно пользовался сказаніемъ ихъ. Всѣ же они, кажется, основали свое показаніе на Амартолѣ, разнообразія его по своему, и къ его ошибкамъ придавая еще свои собственные; въ етомъ видѣ перешель рассказъ ихъ и въ наши Рускіе Временники, какъ мы видѣли уже (въ 1-й главѣ, стр. 115—116), которые еще пуще запутали его своими привнесеніями: по одному: «иде Борисъ въ Црьградъ, проса стѣго крещенна со всѣмъ ииажетемъ своимъ, сподобиса приати и иречецъ вмѣстѣ Михаилъ», а по другому (уже въ 868 г.), отправившись туда, получилъ имя «Симеонъ», и проч. Между тѣмъ какъ дѣло происходило оченъ просто: крещеніе совершенно бы-

до въ самой Булгаріи, разумѣтся, посланнымъ ли изъ Царьграда нарочно для того лицомъ, или же бывшимъ уже въ ней прежде, хоть бы то и не съ давняго времени. Изъ этого лица сдѣлали уже, не слишкомъ заботившіеся о точности, Греческіе хронисты, епископа. Безъ сомнѣнія, и епископа, или, по другимъ, даже архіепископа Борисъ получилъ, но только уже послѣ удаленія Меѳодія (вѣроятно, и Кирилла, какъ неразлучныхъ въ жизни сотрудниковъ, по собственному выраженію его передъ кончиной своей: «*къ соупроуга бжовъ, идиюу враздоу тажаша*»), конечно, въ Царьградъ, въ который, между тѣмъ, въ это самое время, подоспѣло посольство отъ Великоморавскаго государя, т. е., открывался другой, не менѣе важный, подвигъ, по выраженію Кириллова Житія: «*лашъ другия рѣчь прися и троудъ, не мьши прьвѣхъ*». Царь долженъ былъ призвать ихъ оттуда, если еще не было ихъ въ столицѣ; а ежели были, то, разумѣтся, не задолго передъ тѣмъ возвратившись изъ Булгаріи. Успѣхи прежніе («*къ Срацимахъ и Коздряхъ*») и только что полученные въ сей послѣдней, свидѣтельствоваши, что лучшихъ учителей и не надо желать для Славянскаго государя, какъ етъ Братья, которые одни въ состояніи «*къ свои кмоу и него людемъ изыкъ съказати истоуѣ еврѣ Хрѣпаньскѣ и всьмакѣ правдѣ и разоумѣ*»; по тому-то Михаилъ и обратился къ Константину, говоря ему въ Соборѣ, что хотя онъ «*троудень сѣштъ, по потреба кмоу ксть тамо ити, сѣи во рѣчи не можетъ ниъ никто же исправити, яко же онъ*», тѣмъ болѣе, что предлежитъ теперь путь держать къ Славянамъ: «*къ же кста Селоушшнниа*», которые «*къси гнсто Слокмьскимъ бесѣдоуѣють*»; по тому, «*понимъ вратъ свои, игоуменъ Меѳодии, и дары многи, иди*», заключилъ императоръ, и Братья, отправившись, пробыли въ новомъ своемъ проповѣдническомъ подвигѣ, какъ мы видѣли, отъ 3-хъ до 3½ лѣтъ, по прошествіи коихъ, въ слѣдствіе событій, совершившихся, между тѣмъ, въ Булгаріи, должны были, одинъ ли, или и оба, навѣститъ и ее, и употребить въ ней слово и дѣло, все свое значеніе и вліяніе. Послѣ Булгарскій государь получилъ изъ Византіи другихъ дѣлателей для своего вертограда, какъ свидѣтельствуешь о томъ одинъ очевидецъ, Болгаринъ, рассказывающій, подъ 14-мъ сентября, въ пергаменномъ Прологѣ XIV-го вѣка, на

ходящемся въ Библиотекѣ Троицко-Сергіевой Лавры № 5-й (265), объ етомъ времени, т. е., первокрещеніи своего народа, на смертномъ одрѣ, окружающей его братіи: «И рече: Оубо игоумене Петре! азъ есмь ѿ изыка новопросвященнаго Болгарскаго, яко же Бѣ проскрати стѣмъ крѣщениемъ въ снѣ азъ избраникомъ сконьмъ, Борисомъ, яко же нарекоша въ стѣмъ крѣщении Михаила, иже силою Хвѣю и знаменемъ крѣтисъ побѣди цѣпаны и непокоривши родъ Болгарскыи, и омраченныи срѣца злоумышль дѣволимыи дѣлствомъ, святкомъ бѣрдоумьмъ проскрати и ѿ темьныхъ и лѣстьныхъ и смрадныхъ и бѣмерскихъ жертвъ ѿврати и изведе ея ѿ тмы на свѣтъ, ѿ лѣсти и кривды на истинноу, и смрадныи бршшии и неутлии ѿверже, і требница ихъ расыпа, оутверди ея стѣмии кинглыи въ црковьноу вѣроу крѣтисаньскою, прикнедъ стѣго Іосифа архиепѣка, иныхъ оучителю и наказателю, и създа цркви и монастыра, и постави епѣпы, попы, игоумены, да оучаты и праваты людин яко на Бѣжи поутѣ» (266). Однако, разныя неустройства, появившіяся въ ету пору, особливо наполненіе Булгаріи, кромѣ Греческихъ проповѣдниковъ, еще Армянскими, Еврейскими и Латинскими, смущавшими, какъ и въ Моравской Державѣ, только что обращававшихся, но большинствомъ остававшихся еще при старой своей языческой Вѣрѣ, все ето заставило Бориса прибѣгнуть къ тому же средству, къ какому, по такимъ же причинамъ, недавно передъ тѣмъ, прибѣгъ сосѣдъ его, Ростиславъ, т. е., подобно Растицу, стремившемуся къ тѣснѣйшему, посредствомъ вѣроисповѣдныхъ связей, соединенію съ Византіей противъ своихъ главныхъ неприятели, Нѣмцевъ, и Борисъ силился, въ слѣдствіе одинакихъ государственныхъ причинъ, сблизиться съ Нѣмцами и вообще Западомъ противъ враговъ своихъ, Византійцевъ, съ коими до того велъ безпрестанныя войны. Средство къ тому видѣлъ онъ въ томъ же, въ чемъ и Ростиславъ: онъ отправилъ въ концѣ 855-го, или въ 866-мъ году, великолѣпное посольство къ Нѣмецкому императору, Людвигу, и въ Римъ къ папѣ, Николаю, извѣщая, какъ и Ростиславъ, о своемъ крещеніи, и, какъ онъ, прося прислать духовныхъ учителей, священныхъ книгъ и т. п. Извѣстно, что папа и императоръ спѣшили исполнить желаніе союзника, совершенно для нихъ неожиданное, судя по бывшему предъ тѣмъ; впрочемъ, первый уредилъ послѣдняго своимъ посольствомъ, которое доставило Булгарско-

му государю также обширные и чрезвычайно замѣчательные отвѣты Римскаго первосвященника на 106 вопросовъ его, касавшихся отношенія новой Вѣры къ разнымъ остаткамъ прежней, особенно народнымъ обычаямъ и, по новости положенія, разнымъ недоумѣнιάмъ, наиболѣе возбуждаемымъ частью обрядной. При содѣйствіи Бориса, Греческое духовенство было удалено и смѣнено Латинскимъ, которое, такимъ образомъ, сдѣлалось полнымъ хозяиномъ въ владѣніяхъ его и принялось все заводить по своему. Такое опасное состояніе Булгаріи, въ которой только что было Солунскіе благовѣстники посѣяли сѣмяна Православнаго ученія, обѣщавшія принести сторичный плодъ, естественно, не могло быть имъ неизвѣстнымъ и, слѣдовательно, не побудить ихъ, при первой возможности, послѣпить на помощь. Объ этомъ-то возвращеніи изъ Моравы обоихъ Братьевъ и говорятъ намъ Жизнеописатель Меодія, Несторъ и Проложныя Житія, предпринятомъ однимъ послѣ 3-лѣтняго пребыванія, а другимъ 3-хъ лѣтъ и 4 мѣсяца; т. е., я полагаю, что не разомъ удалились они изъ Моравы, но чередуясь; если же вмѣстѣ, тогда должно будетъ допустить въ лѣтномъ означеніи нѣкотораго рода неточность, правда не слишкомъ важную и встречающуюся и въ другихъ мѣстахъ обоихъ Паннонскихъ Житій. Если всѣ историки обыкновенно почитаютъ прибытіе Греческихъ духовныхъ проповѣдниковъ въ Великоморавію, какъ бы нѣкотораго рода вторичнымъ крещеніемъ ея, что во многихъ мѣстахъ, дѣйствительно было (по тому что само Латинское духовенство называло етѣхъ Славянъ не чѣмъ не хуже язычниковъ, сколько за ихъ привязанность къ старинѣ, столько и за отвращеніе отъ учителей на непонятномъ имъ языкѣ), то, такимъ же образомъ, и на подобное же обстоятельство, случившееся вскорѣ въ Булгаріи, смотрѣли многіе изъ Западныхъ лѣтописцевъ, на примѣръ, *Mansi* (Coll. conc. XV, 457), приводитъ слѣдующій случай: Когда Констанцкій епископъ Соломонъ, посланный въ Римъ императоромъ Людовикомъ, договаривавшимся въ Тульнѣ, лѣтомъ 864 года, о мирѣ съ Булгарами, явился къ папѣ, то услышалъ отъ него, между прочимъ: «*Quia vero ducis, quod christianissimus rex (Ludovicus) speret, quod ipse rex Vulgarorum ad fidem velit converti, et*

jam multi ex ipsis christiani facti sint, gratias agimus Deo, quem precamur, ut abundare faciat incrementa frugum in horreo suo. Jejunium vero pro eis et orationes, sicut per te hortatur, Deo propitio faciemus». Слѣдовательно, Борисъ уже въ это время дѣлалъ первые шаги къ приведенію замышленнаго, на что папа смотрѣлъ, какъ на обращеніе въ Христіанство, хотя не могъ не знать, что онъ былъ крещенъ до того; но, съ своей точки зрѣнія, т. е., Латинской, онъ глядѣлъ на то, какъ бы оно никогда не существовало, считая Христіанами лишь обращенныхъ своимъ духовенствомъ; по тому-то подъ Христіанами Булгарами онъ разумѣтъ и здѣсь, конечно, только етѣхъ, а не другихъ. Что у Соломона предрекалось еще только о Борисовомъ новокрещеніи, то у *Гинкмара Реймскаго*, въ «*Annal. Bertiniani*», подъ 866 год., представляется уже совершившимся: «Rex Bulgarorum, qui praecedente anno, Deo inspirante et signis atque affectionibus in populo regni sui monente, christianus fieri meditatus fuerat, sacrum baptismum suscepit» (*Pertz I, 473*). Крещеніе это представлено Бертинскимъ лѣтописцемъ случившимся передъ посольствомъ въ Римъ, а самое посольство имѣло мѣсто въ 866 году, именно, спустя 5 лѣтъ, по розысканію Баронія (основавшагося въ этомъ на показаніи Анастасія Библиотекаря), послѣ перваго, настоящаго и единственнаго, совершеннаго однимъ изъ Братьевъ, по всей вѣроятности, старшимъ, а второе было только мнимымъ, однимъ политическимъ оборотомъ, но которое папа радъ былъ считать истиннымъ и первоначальнымъ, не признавая, по своимъ особеннымъ видамъ, бывшаго передъ тѣмъ, какъ состоявшагося безъ его содѣйствія. Другіе, принадлежащіе къ одной и той же іерархической общинѣ, естественно, раздѣляли воззрѣніе на этотъ предметъ главы ея. По тому напрасно Ассемани силится отстоять это воззрѣніе; напрасно Енгель думалъ примирить два враждебныя мнѣнія, допуская, что Борисъ дѣйствительно два раза крестился, 861 и 865 г. (*Geschichte von Bulgarey u. s. w.*); равнымъ образомъ, ничего не успѣлъ въ этомъ случаѣ и *Е. Диммлеръ* (267), поднимая снова мнѣніе послѣднихъ двухъ, т. е., почитая самымъ вѣроятнѣйшимъ Борисово крещеніе въ началѣ 865 года: «wird sich als der wahrscheinlichste Zeitpunkt sei-

ner Taufe, indem wir dem Hinkmar eine kleine Ungenauigkeit zu gute halten, *der Anfang des Jahres 865* (oder vielleicht schon das Ende 864) herzustellen». Онъ не хочетъ, или скорѣе, не можетъ понять, что тутъ и рѣчи нѣтъ о крещеніи въ собственномъ смыслѣ слова, но что это было, выражаясь словами Запада, новое лишь обращеніе къ Христіанству, «*noviter conversus (Bogoris) ad fidem christianam*», стало, обращеніе, предполагающее впереди бывшее. Какъ долго продолжалась отлучка обонхъ братьевъ изъ Моравы въ Булгарію и другіе, сосѣдніе, вѣроятно, по цути лежащіе, Славянскіе края (если только были тогда такіе между Великоморавіей и Булгаріей), кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ, въ 866-мъ году они могли оставить собственную Моравію (въ прежнемъ смыслѣ слова), и поспѣшить туда, куда тоже призывала ихъ не меньше священная обязанность. И это тѣмъ болѣе, что въ ту пору начинались уже военныя безпокойства у Ростислава съ Нѣмцами, поводомъ къ коимъ была тайная связь съ нимъ младшаго сына Людвигова, тоже Людвика, съ нѣкоторыми вельможами, возставшаго было противъ отца по примѣру старшаго брата своего, Карломана, сдѣлавшаго тоже въ 861 — 863 (*Hinst. anno. 866*). Если это было такъ, или почти такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что они же присутствіемъ своимъ въ Булгарію и Царьградъ могли способствовать тому, что Фотій принялъ было самыя сильныя мѣры къ возвращенію послѣдней, предавши предварительно проклятію папу Николая, и, конечно, успѣлъ бы въ томъ, если бы насильственная кончина Михаила III-го, не лишила, въ слѣдъ за тѣмъ, и его самага престола (въ сент. 867). Какъ бы то ни было, и Константинъ, и Меодій должны были возвратиться оттуда снова къ Великоморавцамъ, у коихъ оставались до слѣдующаго, 867-го, года, когда, по Житію Кирилла, отправились для рукоположенія учениковъ въ Римъ, подъ верховной, въ церковномъ отношеніи, зависимостью коего находились владѣнія Ростислава: «*иде святитъ оученикъ своихъ*», а по Житію Меодія были они приглашены самимъ папой, желавшимъ видѣть ихъ: «*Фотидъъ же такою моужа апостолникъ Никола, посла на на, желам видати и, яко лигла Бжнмъ*». Если они пустились въ путь въ половинѣ этого года, то значитъ вторую провели въ дорогѣ.

именно, какъ говоритъ Житіе перваго, въ Панноніи и Венеціи: черезъ ту и другую нужно было проходить имъ. Въ первой не только принялъ ихъ съ великими почестями князь Коцель, но и полюбилъ новосоставленную грамоту, выучился ей самъ, далъ имъ тотчасъ около 50 изъ своихъ Славянъ въ ученіе и лично проводилъ ихъ: «Принять же и идоуще Коцель, князь Панномьскъ, и въздобенъ кельми Словѣнскы боукъты, и идоуши са имъ, и великоу устьтѣ юмоу сътвори, мимо проводи и». Въ Венеціи же, какъ извѣстно, оба принуждены были выдержать новыи споръ съ Латинно-Нѣмецкимъ духовенствомъ, возстававшимъ на нихъ за введеніе Славянскаго языка въ Богослуженіе: «Быхоу же етера уады, иже гадихоу Словѣнскыа кингы, глѹше, яко недостонтъ ни котороу же мзкуу имети боукътъ сконхъ, разетъ Еврен, и Грькѣ, и Латинѣ, по Пилатоу писанню, иже на кръстѣ Гѣи илпися», и проч. А въ Житіи Кирилла: «Въ Патцѣхъ же бьвѣшоу юмоу, събраша са на нь Латиньстни иепископи и попове и уърморизьци, яко врани ил соколъ, и възденгоша тримзкуу юмѹжъ иересь, глѹште: уѹе, скажи имъ, како иеси ты сътвориа Словѣномъ кѣингы, и оуушии ш, ихъ же иастъ никѣто же нитъ прьвѣе обрѣаъ, ни аѹли, ни Римьскыи папезѣ, ни феоологъ Григорини, ни Юронимъ, ни Авгоустинъ; мы же три мзкуы тѣкѣмо възмъ, ни ни же достонтъ въ кѣингахъ славити Бѣ, Юврънскы, Юлпнѣскы, Латиньскы.» Только въ самомъ концѣ 867 года прибыли они въ Римъ, и, какъ папа, Николай, между тѣмъ, скончался, 13-го ноября, а черезъ мѣсяць, 14-го декабря, былъ избранъ на его мѣсто Адрианъ II-й, то, по тому, полагають нужно, что приходъ ихъ послѣдовалъ не раньше праздника Р. Х. или даже, что довольно вѣроятно, въ началѣ 868 года, потому что, послѣ встрѣчи ихъ самимъ папой за городомъ, въ послѣдующихъ за тѣмъ богослуженіяхъ въ разныхъ церквахъ Рима, видимъ лице, которое, по основательному розысканію одного изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ Церковной исторіи, могло участвовать въ нихъ не прежде начала этого года, возвратившись изъ путешествія въ Булгарію; я разумѣю, Формоза, епископа Портуанскаго (268): «Оукѣдѣхъ же Римьскыи папезѣ, послаа по нь, и дошѣдшоу юмоу Рима, изъиде самъ апостоликъ Андрианъ вротикоу юмоу съ кѣвни граждлѣты, сѣштѣа по-саште, оукѣдѣхъ, яко стѣо Климента мощти несѣтъ, моуеишка и плезѣтъ Римьскѣ. Приммъ же папезѣ кѣингы Словѣнскыа, сти и

положи м въ цѣрки сѣма Мариа , иже са маркуеть Фатна , пекше надъ ними антоургну. И по семь покая пажезь двѣма мѣиома, Формосоу и Гондрикоу сѣти Словѣнскыма оученикы», и проч. (269). Или же и тутъ опять маленькая неточность жизнеописателя Кириллова, подобная той, какую встрѣчаемъ въ этомъ мѣстѣ въ Меѳодіевомъ Житіи? Сказавъ, что папа Николай пригласилъ Меѳодія въ Римъ, сочинитель говоритъ далѣе, что папа «сѣи оученикы его, положъ Словѣнское евангелие на алтари сѣго Петра апла, сѣи же на поповъство вѣлѣмаго Меѳедия». Это не могло быть сдѣлано Николаемъ, но Адрианомъ, какъ и замѣчено о томъ въ Житіи Кирилла и Похвальному Словѣ обоимъ. Такая неточность произошла отъ того, что сочинителю не столько шло объ имени папы, сколько о самомъ папѣ, т. е., о совершении всего этого папой, или, какъ онъ выражается, апостоликомъ (apostolicus), кто бы онъ былъ. А что онъ не думалъ смѣшивать, доказываютъ послѣдующія слова, въ коихъ онъ упоминаетъ объ Адрианѣ. Пока же Братья находились въ Римѣ, произошли важныя событія въ земляхъ, въ которыхъ они въ послѣднее время дѣйствовали: въ Великоморавіи открылась страшная война Славянъ Западныхъ, предводимыхъ Ростиславомъ, съ Нѣмцами (*Hincst. Remen. ar. Pertz I, 482*), а съ другой въ Булгаріи Борисъ, разсерженный самоправными распоряженіями папы (отказомъ его посвятить въ Булгарскіе архіепископы Формоза и отиравленіемъ новыхъ епископовъ, которымъ поручалъ управление духовными дѣлами), и видя положеніе свое ни мало не улучшившимся отъ перехода-къ новой Церкви, начинавшей уже вмѣшиваться въ права главы народа, рѣшился снова сблизиться съ Царьградомъ, въ которомъ, между тѣмъ, собранъ былъ, новымъ императоромъ и патріархомъ (Василіемъ Македоняниномъ и Игнатіемъ), Соборъ, на которомъ, на вопросъ Борисовыхъ пословъ, кому принадлежитъ управлять Булгарской Церковію, Риму, или Царьграду, Восточные патріархи присудили это послѣднему (869—870), и отправили туда новаго архіепископа, извѣстнаго Теофилакга, съ достаточнымъ числомъ духовныхъ, заставившими удалиться Латинцевъ. На это-то обращеніе или скорѣе примиреніе Булгаръ съ Имперіей многіе изъ лѣтописцевъ смотрѣли какъ бы на новое крещеніе, что справедливо и не-

справедливо: по отношенію къ государю и его Двору— несправедливо, ибо онъ почти за 10 лѣтъ до того сдѣлался уже Христіаниномъ; но по отношенію къ простому народу, конечно, справедливо, который получилъ теперь гораздо большую возможность къ обращенію, больше заботились о томъ какъ Бористъ, такъ равно и Византійскій Дворъ; при томъ же, въ промежуточное время самые упорные изъ противниковъ Христіанства были сражены и не могли болѣе мѣшать распространенію новаго Исповѣданія. Вотъ по чему Несторъ, во второй разъ, подъ 6377-мъ лѣтомъ (869), говоритъ опять о крещеніи Болгаръ, но ужъ не князя ихъ и бояръ, какъ это замѣтилъ онъ подъ 6366 (858) вмѣсто 6369 (861), или 6370 (862), но цѣлаго народа: «крещена бысть вса земля Болгарьскыя» (П. С. Р. Л., I, стр. 9), т. е., большинство, слѣдовательно, тутъ то же самое было, что и у насъ, при Владимирѣ, конечное и всенародное обращеніе къ Христіанству, по преимуществу принимавшихъ его, хотя и послѣ долго еще, тамъ и сямъ, особливо въ отдаленныхъ и глухихъ затишьяхъ, язычество держалось. Это-то крещеніе Болгарской земли разумѣется и во всѣхъ нашихъ Лѣтописцахъ отъ Адама въкратъцѣ, въборзѣ и т. п., въ Временникахъ (Хронографахъ), Пагѣяхъ, Мѣсяцословахъ, и т. д. Не во всѣхъ, правда, ихъ встрѣчаемъ правильное указаніе на этотъ годъ: въ однихъ 867, въ другихъ 868, въ третьихъ 869, что все, какъ мы видѣли уже (см. 1-ю главу), отъ того, что крещеніе опредѣляется въ нихъ числомъ лѣтъ, протекшихъ либо отъ преложенія книгъ на Славянскій, либо на оборотъ, либо отъ 7-го Собора, либо даже отъ созданія міра; но есть и такія, которыя точнѣе означаютъ его, именно: «Въ .ѣ. лѣто крѣтъ его (Василія Македона) крѣтъ бысть земля Болгарьскыя, а ѿ Адама лѣ .ѣ. и .тоѣ», что вполне вѣрно и подтверждаетъ одно другое, такъ какъ Василій умертвилъ Миханла 23-го сентября 867, а 6377 лѣто есть, по обыкновенному счисленію, именно 869-й годъ. Тутъ такая же неточность, какую иногда встрѣчаемъ и въ показаніяхъ подобныхъ источниковъ о первомъ крещеніи, но которую, не рѣдко, другіе тутъ же и исправляютъ, на примѣръ, въ одномъ Хронографѣ сказано, въ заглавіи: «Ѿ драземъ крѣтъ Болгарьскому и о крѣтъи всахъ Болгаръ, иже крѣтъшася в лѣто .ѣ.тоѣ. ѿ»; то же

и въ самомъ разсказѣ о походѣ Михаила съ Вардою противу Бориса: «и тѣмъ весь родъ Болгарскій стое крещеніе восприя в лѣто „ѣ. тѣѡ“. Выраженіе въ первомъ случаѣ «весь родъ Болгарскій» заставило сдѣлать кого-то выноску на полѣ рукописи: «ниъ пишеть в лѣто „ѣ. тѣѡ“» (868); а во второмъ, съ одной стороны, имена Михаила и Варды, равно какъ и то обстоятельство, что въ слѣдъ за тѣмъ же прибавлено о полученіи Булгарами отъ Грековъ края Загорскаго (при чемъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ, стоитъ имя матери Михайловой), говорятъ въ пользу 6371 года, между тѣмъ какъ «весь родъ Болгарскій» за 6377. Правильность указаній на 869 годъ, какъ годъ обращенія Булгарскаго народа, подтверждается и прямымъ свидѣтельствомъ Житія Климентова, въ которомъ сказано: «έν εἰτε γάρ εξακισχιλιοῦ τριακοσιοῦ τῶ ἑβδονηκοῦ τῶ ἑβδίμῳ τῆς τοῦ κόβμου γενέσεως ἢ τοῦτου τοῦ γένους κληῖσις γεγένηται», т. е., призваніе (обращеніе) сего народа произошло въ лѣто отъ сотворенія міра шесть тысячъ триста семьдесятъ седьмое (6377) = 869». А что тутъ нельзя разумѣть и обращенія Борисова въ Христіанство, доказательствомъ тому слова того же самага Климентова жизнеописателя, который замѣчаетъ, что Меодій еще прежде, т. е., до путешествія своего, сдѣлалъ его ученикомъ своимъ: «Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὃς ἐπὶ τοῦ τῶν Ῥωμαίων βασιλέως Μιχαήλ ἦν, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πόλαι μὲν τέκνον ἐποιήσαντο». При немъ-то, — продолжаетъ далѣе, — народъ Булгарскій сталъ принимать Христіанство, для котораго и были составлены ими, какъ сказано выше, письмена: «γραμματα ἐξεύροντο καὶ ὁ προεγρήμαμεν», и переведено писаніе на Булгарскій языкъ: «καὶ τὴν τῶν γραφῶν ἐπὶ τὸ Βουλγαρικὸν μετάθεσιν ἐποιήσαντο». Слѣдовательно, и составленіе азбуки и переводъ книгъ относится не къ етому, но къ другому, бывшему передъ тѣмъ, времени, о которомъ онъ упомянулъ выше. Разумѣется, о преложеніи Св. Писанія тутъ говорится тоже вообще, т. е., не то, чтобы оно было совершено въ одинъ, такъ сказать, приемъ; напротивъ, что за обрѣтеніемъ буквъ послѣдовало непосредственно и самое начало преложенія книгъ Писанія и богослужебныхъ, въ послѣдствіи только оконченнаго. Да и въ первомъ мѣстѣ точно

также выразился онъ общими словами: «изобрѣли письмена для Славянъ и перевели боговдохновенное писаніе съ Еллипскаго на Булгарскій»: «Ἐξευρίσκουσι μὲν τὰ Σθλοβενικὰ γράμματα, ἔρμηνεύουσι δὲ τὰς Θεοπνεύστους γραφὰς ἐκ τῆς Ἑλλάδος; ὑλᾶσθης εἰς τὴν Βουλγαρικὴν». На такое время составленія азбуки указываетъ какъ то обстоятельство, что оно отнесено къ царствованію императора Михаила (а обращеніе Булгаръ произошло при Василии), такъ и то, что, послѣ составленія ея и начала перевода книгъ, тотчасъ повѣствуется объ одобреніи его папой Адрианомъ, приѣмъ переводчиковъ онымъ, посвященіи приведенныхъ ими учениковъ, Меѳодія въ епископа Моравин Паннонской, а Кирилла въ инокескій образъ, погребеніи и, за тѣмъ, отшествіи старшаго брата къ своей паствѣ, гдѣ подавалъ онъ наставленія князьямъ; Ростиславу Моравскому и Коцелу Паннонскому. И это точно такъ онъ дѣлалъ имъ, какъ передъ тѣмъ Борису Булгарскому; послѣ того, привязываясь къ слову «наставленія подавалъ въ истинной вѣрѣ», Биографъ Климента продолжаетъ излагать исторію борьбы Меѳодія съ новопоказавшейся Ипаторской ересью, распространяемой Франками, склонившими было на свою сторону и самаго Ростиславова преемника, Святополка, мало слушавшагося Меѳодія; далѣе, разсказъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя вынесъ послѣдній отъ того въ правленіе Святополка и проч. Очевидно, при такомъ составѣ сочиненія, цѣлью коего изложеніе жизни Климента, нельзя ожидать строгой послѣдовательности въ передачѣ событія за событіемъ въ лѣточислительномъ преемствѣ, а по тому, ни мало не удивительно, что и о составленіи письменъ Климентовъ жизнеописатель говоритъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ, и при томъ, какъ говорится, къ слову, да и передаетъ его тоже въ общихъ чертахъ, безъ всякой особенной соразмѣрности предыдущаго съ послѣдующимъ, не слишкомъ взвѣсивая свои выраженія. Но изъ общаго хода разсказа ясно открывается, что ему хорошо были извѣстны Паннонскія Житія, съ которыми передаваемое имъ во многомъ буква въ букву сходится; по сему понятно, отъ чего и самая повѣсть его о составленіи письменъ въ нѣкоторыхъ частяхъ какъ будто списана съ такой же упомянутыхъ источниковъ, на примѣръ: обращеніе

съ молитвой къ Тому, отъ Кого исходитъ всякъ даръ языковъ и слова, сдѣланное ими прежде, нежели приступлено было къ самому нахожденію буквъ, отвѣтствующихъ той рѣчи, на которую собирались передать слово Божіе съ Греческаго языка.

Замѣтятъ мнѣ: «Стало, и азбука и переводъ Св. Писанія предприняты были для Булгарскихъ Славянъ?» Ну, что жь?— «Въ такомъ случаѣ 862-й годъ не состоятеленъ?»—Отъ чего же? Важной причины къ тому я вовсе не вижу. Представленное выше лѣточислительное указаніе по Паннонскимъ Житіямъ, Слову Похвальному, Латинскимъ Сказаніямъ и т. д., правда, мѣтитъ на этотъ годъ, но не безусловно: онъ по стольку справедливъ, по скольку справедливы етѣ показанія, по скольку они лучше всѣхъ прочихъ, содержатъ во всемъ своемъ составѣ, частности и общности, болѣе основательнаго, по скольку цѣнностью своей превышаютъ другихъ, стойче и вѣроятнѣе ихъ; ибо искать безусловной истины тамъ, гдѣ все такъ спутано и перебито, гдѣ, какъ выразился уже Бальбинъ, съ которымъ я въ этомъ случаѣ вполне согласенъ, а по тому охотно повторяю еще разъ: «ita esse illa confusa, ut quod uni tribuitur, ab aliis alteri tribuatur» (Miscell. IV, 7), было бы слишкомъ самонадѣянно, да и неблагоприятно, значило бы искать, во что бы то ни стало, провести свою мысль, напередъ составленную, прилаживать къ ней всѣ свѣдѣтельства и событія, дорожить только тѣми, которыя ей мирволятъ, гнать воду на свое колесо. Такъ есть, говорю, послѣ соображеній, всѣхъ имѣющихся на лицо доводовъ за и противъ, такъ было, такъ должно было быть, или же, по крайности, могло. Сдѣсь, въ этомъ показаніи, далеко меньше противорѣчій, чѣмъ въ показаніи Храбра; прочіе случаи жизни обоихъ Братьевъ легче и естественнѣе объясняются имъ, нежели етѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ во вниманіе слѣдующія обстоятельства, увѣренъ, что послѣ нихъ все уладится, какъ нельзя лучше:

I. Я уже сейчасъ замѣтилъ выше, что біографъ Климентовъ, имѣя цѣлью описать дѣянія своего учителя, естественно, по стольку касался всего прочаго, по скольку оно от-

носило къ етому послѣднему, а касаясь, не могъ держаться строгой послѣдовательности, передавая его, какъ оно казалось ему приличнѣе и сручнѣе; отсюда, и разсказъ его о Кириллѣ и Меѳодіи, равно какъ и о составленіи письменъ, переложеніи книгъ и крещеніи Бориса и его народа, не отличается, да и не могъ, по тому, отличаться, хронологической послѣдовательностью.

II. Составленіе письменъ передано въ Жизнеописаніи Климента почти словами Паннонскихъ Житій; точно также и многое другое, показывающее, что сочинитель Житія Климента жилъ уже послѣ сочинителя Житій Солунцевъ и, по тому, пользовался ими послѣдними. Такъ какъ онъ былъ родомъ Булгаръ (см. примѣч. 5, стр. III — IV), то ужь о Славянахъ и письменахъ Славянскихъ выражается какъ о Булгарскихъ, чѣмъ ясно даетъ знать, что это — одно и то же, между тѣмъ какъ сочинитель Паннонскихъ Житій и Похвальнаго Слова употребляетъ всюду только выраженія «Словѣнн, Словѣнскимъ, Словѣнскимъ писмена» и т. п. Изъ этого можно заключить, что етѣ сочинены въ то время, когда имя завоевателей Мизіи и т. д. еще не осилило вполнѣ домашняго имени Славянъ, а то — наоборотъ. Названіе же Славянъ или, по свойству языка обитателей тѣхъ странъ, *Словѣнъ*, произошло по Словѣнамъ Македонскимъ, именно, въ окрестностяхъ Солуня, родины Константина и Меѳодія, въ которомъ послѣдній былъ даже воеводой или княземъ (см. Житіе Меѳодія и Похв. Слово; Шафарика Слав. Древн. I, §. 30); по тому-то етѣ должны были говорить имъ, какъ языкомъ родины своей, въ которомъ, по замѣчанію императора Михаила, чисто бесѣдовали по Словѣнски: «ѣы во уста Селоушнина, да Селоушнѣнскы (все) чисто Словѣнскимъ бесѣдоушѣ»; по тому-то, стало, для него, а не другаго какого Славянскаго нарѣчія, долженъ былъ составить Константинъ письмена и съ братомъ и пособниками перевести Св. книги; дѣлая же это для него и на немъ, Братя дѣлали и для всѣхъ прочихъ соплеменниковъ, разумѣвшихъ въ ту пору гораздо легче другъ друга, нежели теперь, хотя и теперь нѣтъ иного племени въ Европѣ, котораго бы члены, разбросанные на страшно огромномъ пространствѣ, съ такой

легкостью могли понимать одинъ другаго. Слѣдовательно, по такому отношенію этого языка ко всѣмъ Славянамъ, Климентовъ Биографъ совершенно правильно называлъ его также Булгарскимъ, такъ какъ Славяне Булгаріи и вообще ея владѣній въ то время были тѣ же самые Славяне, что и въ Македонской *Словѣни* или *Словѣнахъ*, а по тому, возраженіе отъ такого названія писемъ противъ того, гдѣ, кѣмъ, когда и для кого они составлены, не имѣетъ ни какой важности, послѣ всего, сказаннаго выше, и что сказано еще будетъ ниже.

III. Если бы письма устроены были Константиномъ не въ Царьградѣ, по другому поводу, а не тому, какой представляютъ Паннонскія Житія и подобныя имъ источники, и въ другое время, то, конечно, етъ источники, или иные того, либо близкаго къ тому, времени, предложили бы намъ повѣсть о томъ; по тому что рассказы позднѣйшихъ, приведенные мною въ своемъ мѣстѣ (1-й главѣ), не могутъ итти въ сравненіе съ тѣми, какъ современными и неподдѣльными. Сдѣсь мѣсто, лицо, время и поводъ одно другое подкрѣпляютъ, составляютъ цѣлое нераздѣльное. Да, не азбука вызвала два почти равно-временныя и равноважныя въ жизни нашего Славянскаго племени явленія; на оборотъ, она сама была вызвана ими: это обращеніе къ Церкви Восточной двухъ самыхъ могущественныхъ въ ту пору государей Славянскихъ народовъ, составлявшихъ двѣ среды, одна на западѣ Европы, другая на югѣ, около которыхъ собирались силы раздробленныхъ до того поколѣній, жившихъ каждое отдѣльной жизнію и заботившихся только о себѣ. Но тутъ въ виду страшной опасности, скопавшейся на предѣлахъ ихъ, со стороны сосѣдей, изъ коихъ одинъ, послѣ распада блестательнаго, но кратковременнаго и непрочнаго, Царства Каролинговъ, сложился въ новое цѣлое однородное, а другой, счастливо переживъ сильное внутреннее потрясеніе, произведенное вѣроисповѣдными разногласіями, и чуть было не погубившее его, готовился къ обновленной дѣятельности, выжидая только, чтобы могучая рука государя стянула покрѣпче ослабѣвшія бразды правленія, въ виду, говорю, такихъ рѣшительныхъ опасностей, Ростиславъ и Бо-

рису поняли, что, желая отклонить удары судьбы, мало одной грубой физической силы; нужна еще сила высшая, сообщающая самой немощи чудесную крѣпость и доблесть. Сила эта было Христіанство, но Христіанство, равно доступное какъ его служителямъ, такъ и простой «тѣди», что возможно только въ томъ случаѣ, когда оно сообщается словомъ, равно понятнымъ всѣмъ и каждому, словомъ роднымъ. Испытавъ бесплодность противнаго на себѣ самомъ и своемъ народѣ, владыка Великоморавскій замыслилъ положить конецъ печальному состоянію новообращенныхъ своихъ подданныхъ, не разумѣвшихъ проповѣдниковъ на чужемъ языкѣ и при томъ «оугантскихъ разану», и, какъ извѣстно, «святъ сѣтворитъ съ киади сконни и Мораклиши», послалъ къ царю Греческому просить «оугантамъ, же къ имъ», — писалъ онъ, — «къ своимъ источъ вѣрѣ Хртіанскъ сѣмазала». По чему же въ Царьградѣ, а не куда инудъ? По тому что два только было горнила Христіанства въ то время: первое испытано уже и мало принесло пользы: проповѣдуя на невразумительномъ языкѣ, «оугантамъ изъ Влахъ (Италіи) и изъ Византъ», съ тѣмъ вмѣстѣ смотрѣли на обращенныхъ ими, какъ на своихъ работниковъ. Оставляя извѣстное по Исторіи вообще, напомнимъ только, что Зальцбургскіе архіепископы, къ которымъ Великоморавія въ церковномъ управленіи относилась, жалуюсь въ послѣдствіи папѣ на Месодія, открыто признавались, что Славяне Растица, обращенные ими къ Вѣрѣ, должны непременно быть въ ихъ зависимости и платить подати: «Idcirco iure proprio tributarios habere debuerunt et debent»; и такъ какъ они отказываются намъ-то дѣлать: «quia quando debitum tributum senioribus nostris regibus et principibus eorum soluere respuerunt», то, «si velint, nolint, regno subacti erunt», писалъ къ папѣ (Іоанну IX) Зальцбургскій архіепископъ, Теотмаръ, 889 (*Boczek, Codex diplom. et epist. Moraviae I, p. 62*), что повторилъ, вскорѣ послѣ (900), и Гатонъ, архіепископъ Майнцкій, въ письмѣ къ тому же папѣ: «Quod si vestra admonitio illos non correxerit, velint, nolint, Francorum principibus colla submittent» (*Ib. p. 67*). Другое, напротивъ, никогда не обращало обращаемыхъ въ рабовъ, проповѣдуя имъ слово Бога на ихъ языкѣ и охотно дозволяя его предлагать

на всевозможные глаголы человеческіе; отъ того, по тѣсной связи въ древніе и средніе вѣка религіи съ жизнью государственной, условивавшейся, болѣею частью, ею, Ростиславъ понялъ, что и государственныя и вѣроисповѣдныя выгоды заставляють его обратиться туда за наставниками, откуда лишь можно ждать одного добра: «отъ насъ во»,—говорилъ онъ въ посланіи своемъ къ царю, — «изъ вса страныъ всегда добрымъ закономъ исходить». Послѣдствіемъ посольства было порученіе Селунскимъ проповѣдникамъ отправиться къ просившимъ просвѣщенія и наставленія «къ мѣмъ своимъ»; но для того нужны были письма, и на вопросъ, есть ли такія у приглашающихъ, получивъ отрицательный отвѣтъ, Константинъ, какъ извѣстно, «сложи писемъ (по другимъ «положи, оустрои, сътвори»), и писемѣ бесѣда Бельгельска (Кир. Житіе); «оустроивъ писемъ и бесѣдоу съставъ, поутти сѣ ить Моравскаго» (Мор. Жит.). Обстоятельства, сопровождающія этотъ разсказъ; не подають ни какого сомнѣнія въ истинѣ передаваемаго. Лица, участвующія въ немъ, мѣсто и время, подтверждаютъ то; ибо, если бы письма имѣлись до этого посольства, конечно, источники наши, коимъ мы тутъ слѣдуемъ, передали бы намъ извѣстіе о томъ; Храброво же извѣстіе совсѣмъ не говоритъ ни о чемъ изъ этого, но вообще лишь означаетъ время составленія ихъ указаніемъ на государей, при коихъ случилось оное, считая, можетъ быть, то лишнимъ, какъ всѣмъ извѣстное, и по тому занимаясь болѣе самымъ составомъ новаго письма и возраженіями, противу его направленными, нежели сопровождавшими подробностями устройство сей грамоты. Стало, появилось оно не въ это время, которое назначается сими показаніями, или другимъ образомъ; имѣлъ ли бы тогда какой смѣсль вопросъ, обращенный Философомъ къ Михаилу, равно какъ и отвѣтъ на него: «и тѣдънъ сѣ и боланъ тѣломъ, радъ идѣ тѣмо, аште имѣтъ коуниъ къ мѣмъ своимъ? И гдѣ чрѣ къ писмоу: Дѣдъ мои и оцѣ мои, инакше того, не сѣтъ оврали; инакше азъ могъ то оврасти?»—слова, въ вѣсокой степени важныя! Они относятся къ Моравскимъ Славянамъ, по просьбѣ коихъ послѣдовало дѣло, по тому что ни дѣдъ Михайловъ, ни отецъ не могли разыскивать, есть ли у нихъ какое письмо; да и не для чего то было имъ, въ ту пору еще «моганъства сѣ и отеръгъшннъ», и не имѣвшимъ съ

Имперіей ни какихъ связей; если же «по Хрѣтѣанскѣмъ са замонѣмъ дръжанимъ», то лишь едва, едва начавшимъ то. Напротивъ, самъ императоръ «сѣтворѣи Философа» по тому только такую «слышати рѣчь», что «ниъ никто же мѣи не можетъ исправити», а это отъ того, какъ онъ самъ замѣтилъ, что Братья — Селунцы, стало «чисто Словѣнскимъ бесѣдоужити»; слѣдовательно, Царьградскій Соборъ и царь не видѣли большой разницы въ тогдашнихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, чтобы книги на одномъ изъ нихъ были невразумительны для говорившихъ другими. Да и Моравляне, прося прислать къ нимъ учителя, «иже бы въ свои мѣстѣи» Христіанскую Вѣру истолковалъ имъ, разумѣли подъ таковымъ, конечно, не того, кто бы говорилъ на ихъ мѣстномъ нарѣчїи, но вообще на языкѣ Славянскомъ, о чемъ, будучи непосредственными сосѣдями Булгаръ вдоль всего течения Дуная отъ нынѣшняго Пешта, знали очень хорошо, что происходило у сихъ послѣднихъ, какъ во владѣніяхъ ихъ ширится «истаи Вѣра Хрѣтѣанска къ своимъ мѣстѣи»; далѣе, что самъ ужь государь ихъ принялъ ее съ цѣлымъ своимъ Дворомъ; знали, кромѣ того, что и въ другихъ земляхъ проповѣдники Церкви Греческой точно также «оучати Гѣосликѣмъ въздѣлати своимъ мѣстномъ възгѣдо», отнюдь же «ирѣчимъ вѣскимъ племеномъ слѣпымъ не вѣдате быти и глѣухимъ». И эта увѣренность получить и самимъ то же самое, «даръ», — по словамъ посланія Михайлова къ Ростиславу, — «боини и чѣстивѣи вѣче вѣсакоро злата и сѣбра и каменни драга и когатыста прѣходимшти», что и они черезъ то, «величѣхъ мѣстѣихъ приуцѣати са», безъ сомнѣнія, внушили «иназю Словѣнскоу и Морѣвскоу послати по имго къ црѣю Михайлоу». Сообщение же этого блага было не вообразимо безъ письменъ, о которыхъ прежде всего Константинъ и спросилъ царя и Соборъ, говоря, что безъ того значило бы «иъ водѣ бесѣдѣ писати», и, пожалуй, можно даже «ирѣчитиско има себѣ оверѣсти, съиздан слово Бжѣие въ мѣстѣи нѣи, на тоуидемъ еспокаини свое дѣло подлагаште», по апостолу: «мѣстномъ аште не разоумѣи словеса дасте, како разоумѣно вѣдѣте глѣглемоме? Бѣдетъ бо въ аерѣ глѣоште». А въ самомъ посланіи къ Ростиславу, Михайлъ писалъ, что онъ отправляетъ къ нему того самаго, кому Богъ явилъ буквы въ вашъ языкъ: «и то ти послѣдомъ того, кмоу же и Бжѣиши». Какъ смотрѣли на состав-

леніе ихъ самыя Греки, видно изъ того же самаго посланія: «Бѣ, иже ведуть въсамоу, дѣлы въ разумѣ истинныи пришьлѣ и на большии сѣ уннѣ стажлѣ, видѣтъ вѣрѣ твоѣ и подвигѣ, сътвори и шмѣтѣ, въ наша дѣла, мѣла боуиѣты въ нашѣ мѣзынѣ, иго же не вѣдали было, тѣкѣмо въ правѣи дѣла». Какихъ же еще больше нужно завѣреній о времени и мѣстѣ происхожденія нашихъ письменъ, равно какъ и о томъ «мжи уестытѣ и благовѣрѣтѣ, кѣннжѣтъ зело философѣ, имоу же ш Бѣ мѣи»? Если необходимо свѣдѣтельство на то отъ стороны, какъ говорится, противной, то мы уже знаемъ его изъ устъ самаго современника событію, папы Іоанна VIII-го, который назвалъ Константина именно «*literarum Sclavinicarum repertor*». Но вотъ и тотъ папа, который выходилъ на встрѣчу Братьямъ съ цѣлымъ Римомъ, и «принмѣ кѣннжѣтъ Словетьскыи, стѣи и положѣи ш въ цркви стѣи Маріи, иже сѣ ирнуеть Фатѣ, вѣкше иадѣ шни антоургнѣ Словетьскыи мѣзыкомѣ» (Житіе Кирилла) пишетъ, въ посланіи своемъ къ Ростиславу, Святославу и Коцелу, что какъ Константинъ Философъ посланъ былъ къ нимъ благовѣрнымъ царемъ Михаиломъ, съ братомъ, такъ теперь и мы посылаемъ къ вамъ Меодія, «сѣи же иадшего, на странѣ ваша, да вѣ оуунтѣ, ико же есте просни, съказѣи кѣннжѣтъ въ мѣзыкѣ вашѣ по всемоу црковьномоу унноу исподѣи, ико же есте Философѣ Костантинѣ идуалѣ»; аще же кто ѿ събраннѣхъ вашѣ оуунтѣлѣ и уешюцихъ слоухѣи и ѿ истиннѣ съвращаюцихъ, идуунтѣ дѣрзюуѣтѣ иилко развращѣти вѣ, гада кннжѣтъ мѣзыка вашѣго, да боудѣтъ отлоуунтѣ». То же самое и почти тѣми же словами читаемъ и въ посланіи сего папы, передаваемомъ Похвальнымъ Словомъ: «Сѣишѣ брата нашего, устѣмѣго Меодія, сѣишѣ на архіеишѣтво на странѣ ваша, ико же есте просни, да вѣ оуунтѣ, въ мѣзыкѣ прѣлагѣи кннжѣтъ». Посланіе же это, хотя и не дошло до насъ въ своемъ Латинскомъ подлинникѣ, однако, какъ было замѣчено уже мною (въ главѣ 1-й), во многихъ мѣстахъ сходится дословно съ нѣкоторыми изъ посланій Адріянова преемника, а это говоритъ намъ о томъ, что оно хранилось еще въ папской Куріи и было хорошо извѣстно ему. Такое же сходство представляетъ и Итальянское Сказаніе, приписываемое Гавдеріку, тоже современнику Братевѣ, участвовавшему въ торжественныхъ почестяхъ, оказанныхъ имъ Адрианомъ II-мъ.

IV. Что посольство Великоморавскихъ Славянъ дѣйстви- тельно было въ то время, на которое указываютъ данныя въ нашихъ источникахъ, свидѣтелемъ тому и Западъ. Такъ, Ростиславъ, оставленный въ покоѣ съ 855-го года Нѣмцами, не могшими до того осилить его, и занявшись устройствомъ своего государства, имѣлъ довольно времени подумать и о томъ, что составляетъ всегда и всюду главную основу проч- ной жизни, то есть, о просвѣщеніи народа своего истой Вѣрой. Замыслы и мѣры его не укрылись отъ Людвига Нѣмецкаго, тѣмъ болѣе, что всѣ, недовольные имъ (а въ числѣ ихъ были самые ближайшіе къ нему вельможи его, даже дѣти), находили убѣжище и защиту у Моравскаго владыки; и по тому, желая скрыть, какъ можно болѣе, настоящую цѣль похода своего, предпринятаго въ 863-мъ противъ возставшаго на него старшаго сына, Карломана, правителя Хорутаніи, вступившаго съ Растицемъ въ тѣсныя сношенія за два года передъ тѣмъ, онъ всюду разглашалъ, какъ говорятъ *Annales Fuldenses* подъ 863 годомъ, что онъ «collecto exercitu specie quidem, quasi Rasticen Mar- gensium Sclavorum ducem, cum auxilio Bulgarorum, ab oriente venientium, ut fama fuit, domaturus, re autem vera ad Carantanos filium expugnaturus accessit». И дѣйстви- тельно, Булгары етѣ были не кто другой, какъ только со- провождавшіе Братевъ нашихъ послѣшники и иные, «иже владкоу того же доуха, яко же и си», словомъ весь великолѣп- ный поѣздъ изъ Царьграда, везшій съ собою множество да- ровъ отъ императора, какъ прямо говорятъ о томъ лучшіе источники наши: «и послаа и съ дары многы, писанъ къ Ростиславоу князю», замѣчаетъ Житіе Кирилла; «та на ти дары мнози (многы), и номъ братъ свои, игоуменъ Мефедии, иди же», говоритъ Михаилъ къ Константину въ Житіи Меодія; «cujus (Principis Moraviae) precibus annuens imperator supernomina- tum Philosophum ad se venire rogavit, eumque illuc, id est, in terram Sclavorum, simul cum Methodio germano suo trans- misit, copiosis valde illi de palatio suo datis expensis»; «mandans ei copiosas expensas dari pro itinere», свидѣтельствуютъ объ Латинскія Легенды. Разумѣть же тутъ посольство отъ Бориса, иди войско его, отправленное къ Ростиславу, не позволяютъ

и Исторія, и самое дѣло: во первыхъ, послѣдній не заключалъ ни какого союза съ первымъ; во вторыхъ, не просилъ его о пособіи, да и не къ чему было, такъ какъ пора-то была самая мирная изъ всего долголѣтняго правленія того и другаго. То же не диво, что сочинитель *Annalium Fuldensium*, отдаленный мѣстомъ пребыванія, принялъ это мирное посольство за «*auxilium Bulgarorum*»; впрочемъ, онъ прибавляетъ, «какъ слышно» (*ut fama fuit*), а слухъ — часто глухъ; и, говорятъ Поляки, «*zawsze ludzie powin przyczyniaja*», по тому что «*рѣчи лете, а гласъ расте*», прибавляетъ Сербъ, и какъ «*оћеи се гознана*», такъ «*повѣст се гознаши*», замѣчаетъ Чехъ. А какъ, съ другой стороны, по Чешской пословицѣ, «*trest' (трость, деревцо) se ne kláti (колышется) bez wétgu*», то, хотя Фульдская лѣтопись и преувеличила по неволѣ вѣсть, летѣвшую птицей о приходѣ новыхъ благовѣстниковъ въ Великоморавскія земли, однако, и въ преувеличеніи уцѣлѣло зернышко отъ правды, т. е., что къ етому, а не другому какому, времени должно относиться возвращеніе посольства Ростиславова съ «*оучителями и учителями крѣмъ въ мѣстѣхъ своихъ*»; стало, расчисленіе времени составленію Славянскихъ писемъ, на основаніи показаній Паннонскихъ Житій и Латинскихъ Сказаній, справедливо, по крайней мѣрѣ, вѣроятнѣе, чѣмъ всякое другое показаніе, въ томъ числѣ и Храброво. Чрезвычайно замѣчательно, что и Крупичпольская Пчела, хотя памятникъ далеко позднѣйшаго времени, въ Житіи Владимира Великаго, рассказывая, подъ 863-мъ годомъ, о второмъ (а первое, де, при апостолѣ Андреѣ) крещеніи Руси, «за Михаила црѣ Грецкаго а за патрирха Константинопольскаго Фотѣа», говоритъ, что, по просьбѣ «*князевъ Словенскихъ Скатополка, Ростислава и Коцела, Слованомъ и Руси (простительное прибавленіе Рускаго о Руси!), отправлены были учителя вѣри Хрѣмъ, Мефодіи и Кириллъ*», которые «*Дѣломъ стѣмъ зложили Словенскіи дѣтери, і преложили на языкъ Словенскіи Грецкѣи книги, стѣе Евангеліе, Апѣтолъ и иныи*» (см. глав. 1-ю, стр. 137). Хотя Житіе это основано преимущественно на Несторѣ, однако, годъ тутъ крещенію Руси, а съ нимъ и составленію писемъ, отнесенъ не къ 866-му, чего можно было бы ожидать, такъ какъ подъ крещеніемъ Руси разумѣтъ сочинитель крещеніе при Оскольдѣ и Дирѣ, но къ нѣскольکو

раньшему, конечно, выведенному по соображенію, вѣроятнѣ всего, со временемъ составленія азбуки, бывшимъ, очевидно, по его понятію, не въ одно время съ крещеніемъ Руси, но годомъ раньше, слѣдовательно, въ 862-мъ.

Все это показываетъ, что поводъ къ составленію письменъ и переводу Св. Писанія и т. п. поданъ былъ появленіемъ пословъ Великоморавскихъ Славянъ въ Царьградѣ, слѣдовательно, собственно говоря, для нихъ прежде всего то и другое назначалось, отнюдь же не для кого иного, хоть бы и ближайшаго по мѣсту жительства. Въ противномъ случаѣ было бы сказано о Славянахъ Греческихъ и Булгарскихъ. Они не были еще въ то время въ такомъ огромномъ множествѣ Христіане, или готовые сдѣлаться ими, въ какомъ Великоморавскіе Славяне, съ государемъ своимъ, черезъ нарочное посольство просившіе крестить ихъ и научить Христіанству, «сѣздоху книги въ языкъ ихъ». Обращеніе одного государя, хоть бы и со Дворомъ своимъ, не то, что обращеніе такого же государя съ цѣлымъ народомъ. Тамъ меньше настоятельной нужды, чѣмъ здѣсь. При томъ, судя по всему, обращеніе Бориса случилось не за долго до прибытія пословъ Ростислава въ Византію, и пребываніе у него одного, или и обоихъ Братьевъ, не могло быть, по тому, продолжительно, такъ какъ мѣсто ихъ вскорѣ заступили другіе, присланные, разумѣется, отъ того только, что тѣмъ предстояло иное, не меньше важное, а по важности далеко блистательнѣйшее, дѣло. Безъ сомнѣнія, не случись этого, первообратители остались бы при обращенныхъ и, конечно, не преминули бы, со временемъ, при большей потребности, большимъ числѣ крещенныхъ, особливо всего народа Булгарскаго, то же совершить, что совершили по поводу, данному Моравцами. Впрочемъ, послѣдніе только ускорили это благодѣяніе, и я не сомнѣваюсь, что преложеніе книгъ и письмена одновременно перешли изъ Царьграда какъ къ Булгарскимъ и Греческимъ Славянамъ, такъ и Моравскимъ, вызвавшимъ то своимъ посольствомъ, и что Константінъ и Меодій легко могли даже сами, на пути своемъ въ Ростиславовы владѣнія, принести ихъ и къ Борису; быть можетъ, даже архіепископъ Іосифъ съ прочими духовными, вмѣстѣ съ

ними, явился къ нему, или же вскорѣ за тѣмъ, такъ что во-все нѣтъ нужды оставлять Булгаръ безъ писемъ и книгъ до 865, 869, а тѣмъ болѣе 885, или 895 года. Такое мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе какъ во Второй Латинской Легендѣ, такъ равно въ Житіи Людмилы и Вячеслава, а также въ Продолжателѣ Константина Богрянороднаго, Скилицѣ, Кедринѣ, Дуклянцѣ, особенно же Климентовомъ жизнеписцѣ, увѣряющихъ, что Кириллъ и Меѳодій, до прибытія въ Моравію, были въ Булгаріи: «Egressus vero (изъ Константинополя) venit primo ad Bulgaros», etc. Начатое же предложеніе книгъ въ Царьградѣ было продолжаемо, въ послѣдствіи, на Моравѣ, сперва вмѣстѣ обоими Братьями, и, послѣ кончины младшаго, окончено старшимъ, соверпившимъ то въ послѣдніе годы своей прекрасной, вѣчно памятной для насъ, Славянъ, подвижнической жизни: «Псалтырь во еѣ тѣмъ и Євѣлѣиє съ Ѧвѣмъ, и иудѣиѣи слѡужбѣи црѣвѣиѣи, съ Философѣмъ предложилъ върѣиѣ». Естественно, имѣя это въ виду, Несторъ могъ сказать: «первое предложены книги Маракѣ»; и это суцая правда по отношенію къ большинству предложеннаго, но не по началу предложенія и положенія или устройства писемъ, какъ это ясно изъ обоихъ Паннонскихъ житій, особенно Меѳодіева, входящаго о томъ даже въ подробности, также изъ показанія Іоанна, Ексарха Болгарскаго; Проложное же Житіе Меѳодія по Хиландарскому списку, находящемуся въ Румянц. Музеѣ (см. 1-ю главу, стр. 75—79), прямо называетъ самую землю, въ которой етотъ переводъ покопченъ: «въ земли Молдавіѣи предложу все .ѣ. книгъ Ветхаго и Новаго Закона отъ Гръѣиски въ Словѣиски, при Скатопальцѣ Кнезѣ, Царь въ тѣгда Гръѣомъ Василѣ, а Българомъ отъ Бога Кнезь Борисъ,» и проч., даже годъ, который, какъ бы не объясняли его, все падетъ между 870 и 885, или даже 890. Къ етому-то предложенію книгъ относятся всѣ сказанія о немъ нашихъ Временниковъ, нѣкоторыхъ списковъ Несторовой лѣтописи и разныхъ лѣтописцевъ въкратцѣ, въборзѣ и въскорѣ, старающихся, разными путями, опредѣлить его и, болшею частью, неудачно, какъ уже было показано мною выше (см. стр. 111—136). Кажется, однако же, поименованіе трехъ етѣхъ личностей довольно хорошо опредѣляетъ время Меѳодіева предложенія, особенно указаніе на императора Василя, царствовавашаго съ 867 по 887 годъ.

Таковы основанія, опираясь на кои, и я подаю голосъ свой за составленіе письменъ для Славянскаго народа въ 862-мъ году. Подробности, въ которыя я принужденъ былъ войти здѣсь, вызваны желаніемъ, попытаться, какъ можно ближе подойти къ правдѣ событія, опредѣлить наиболѣе вѣроятную единицу времени, въ которое оно случилось. Тѣ же, кому нѣтъ нужды до такихъ историческихъ дробей, кто и въ Исторіи любитъ десятичный и сотенный счетъ, конечно, могутъ оставаться и при Храбрѣ, тѣмъ болѣе, что весь вопросъ, какъ говорится, вращается въ кругъ какихъ ни будь десяти лѣтъ. Такъ, скажутъ мнѣ; но, вѣдь два етъ противоположныя мнѣнія, какъ показываетъ исторія вопроса, давно уже извѣстны, и новаго вы намъ ничего еще не сказали? Во первыхъ: не все то ново, что вновь говорится; во вторыхъ: и старинькое не рѣдко живетъ лучше новинькаго; въ третьихъ: я и не думалъ открывать что либо новое; цѣль моя была повѣрить лишь старое повоотысканными, точнѣе, вновь напоминными, памятниками. «Мы ходимъ древними путями, и совратились бы съ нихъ и вступили бы на пути новые и стропотные, если бы приняли таковыя притязанія», скажу я, напоследокъ, въ отвѣтъ на такой упрекъ, словами автора прекрасной статьи: «Римская церковь съ настоящими ея притязаніями на главенство предъ судомъ Св. Ипполита» (270). А впрочемъ, никто въ своемъ дѣлѣ не судья; есть ли что новаго въ высказанномъ мною тутъ, пускай судятъ другіе; взятую задачу на себя рѣшалъ я, какъ зналъ, опираясь на свѣдѣтельства, предпочтительно изъ первыхъ рукъ; и, послѣ всего этого скажу съ Овидіемъ: «*Documenta damus, qua simus origine nati*» (1. Met.).

Знаменателенъ етотъ 862-й годъ въ судьбахъ Славянскаго племени! Въ вѣкъ сложенія въ самостоятельныя государства отдѣльныхъ частей изъ сплоченныхъ было сильной рукой Карла Великаго и его предшественниковъ въ одну монархію, когда начинаютъ предъявлять права свои на самобытную жизнь разныя племена и народности Западной Европы, Восточная ея половина тоже пробуждается отъ долговременнаго сна и глазамъ нашимъ представляетъ подобное же явленіе,

Славяне, до сихъ поръ, такъ сказать, затерты или, по крайности, закрыты чужей тѣнью, являются на позорище и совокупляются около нѣсколькихъ горнилъ, пытаются около нихъ образовать нѣсколько независимыхъ цѣлыхъ, соединенныхъ однородностью и общими выгодами, преимущественно вѣро-неповѣдно-племенными, такъ какъ религія и родъ въ ту пору, и долго, долго послѣ того, были главнымъ двигателемъ большей части событій, условливавшихъ жизнь и смерть народовъ на цѣлые вѣка, даже и нынѣ отзывающихся во многомъ у того, или другаго народа. Съ одной стороны, понимая важность богослуженія на родномъ языкѣ для жизни, составившихъ Славянское государство его поколѣній, Ростиславъ отправляетъ, въ 862-мъ годѣ, посольство къ царю и Церкви, въ высшей степени благопріятствующихъ самобытному развитію всякой народности, и получаютъ оттуда учителей и устроителей независимой іерархіи и самостоятельнаго образованія, принесшихъ съ собой самые знаки, какъ орудіе для проявленія духовнаго совершенствованія, вскорѣ сообщившіеся и тѣмъ и другимъ, и гдѣ они съ языкомъ уцѣлѣли, тамъ и народность уцѣлѣла употреблявшихъ ихъ даже подъ чужимъ жезломъ. Съ другой стороны, около того же и въ томъ же годѣ, государь изъ племени покорителей Славянъ Мизійскихъ принимаетъ крещеніе, а съ нимъ и письмена етѣ, собственно и приспособленные къ рѣчи его народа, и тѣмъ окончательный наноситъ ударъ господствующему народу, заставляя съ принятіемъ вѣроисповѣданія перелиться въ народъ покоренный; а на отдаленномъ Сѣверѣ ближайшіе по происхожденію къ етѣмъ южнымъ Славянамъ, Славяне Ильменскіе, наскучивъ усобицами и не видя имъ конца, призываютъ изза моря себѣ владыку для наряда, чѣмъ полагаютъ краеугольный камень тому государству, которое твердостью и прочностью своей оставило позади себя всѣ одноплеменные ему, и которое всѣхъ ихъ лучше воспользовалось Цареградскимъ изобрѣтеніемъ. За тѣмъ идутъ вѣка за вѣками, Русь постигаютъ страшныя испытанія, и ровно черезъ пять столѣтій (1362) является на престолѣ ея первоначальникъ Руской славы; проходитъ еще сто лѣтъ (1462)—другой виновникъ величія нашего вступаетъ на него, и пачи-

наетъ собирать воедино волости, разнесенныя было врагами въ годину злыхъ дней и бѣды неминуемой; вотъ уплыло еще новыхъ три вѣка (1762), и мы видимъ у себя утвердительнощу обновленной Руси, нашу несравненную Государыню.

И, стало быть, вотъ гдѣ, когда и какимъ образомъ произошли письмена для выраженія звуковъ того изъ говоровъ необозримаго своей численностью Славянскаго племени, который, превосходя прочихъ собратьевъ богатствомъ, звучностью, стариной и разнообразіемъ формъ, составляетъ для всѣхъ ихъ языкъ разъяснительный, что Готскій въ семьѣ Нѣмецкой, Латинскій въ Романской, Санскритъ въ цѣлой Индоевропейской, а для разьединеннаго Славянскаго народа, сверхъ того, и теперь еще то же самое, чѣмъ предназначался было служить имъ съ устройства «писменъ по Словѣнстанъ рѣчи», разумѣю, звеномъ собранія въ одну точку всѣхъ лучей Славянскаго міра, талисманомъ противъ дальнѣйшаго разложения его и гибели, который, по тому, какъ выразился давно уже одинъ изъ нашихъ Западныхъ братій (стало, испытавшій на себѣ и подобныхъ себѣ всю силу предлагаемаго) (271) какъ первый, по меньшей мѣрѣ, древнѣйшій, извѣстный намъ, источникъ Славянскаго языка, долженъ быть изучаемъ и усвоенъ всѣми Славянскими вѣтвями, если уже не ради единенія Церквей, по крайности, ради высшаго ученаго образованія, сохраненія Славянской народности, чтобъ намъ не онѣмечиться, не отатариться, не отуречиться (не офранцузиться и не омадьяриться, прибавляетъ Шафарикъ), чтобы, напоследокъ, не сдѣлаться намъ отщепенцами отъ общаго родника народности, уцѣлѣвшей доньцѣ вопреки урагану десяти вѣковъ. Отсюда всѣ усилія нашихъ языкоислѣдователей должны быть направлены на возстановленіе этого языка «въ его настоящей чистотѣ»,—говоритъ отъ себя Шафарикъ,—дѣйствительно, «въ теченіе времени довольно потерпѣвшаго подъ чужимъ небомъ, отъ чужихъ, языка, представляющаго своей стариной и внутренними достоинствами для всякаго языковѣдца важный предметъ, а для Славяновѣдца трижды и четырежды важнѣйшій, и по тому, въ новѣйшее время, по всей справедливости, считающагося красугольнымъ камнемъ Славянской кри-

тической Лингвистики и Филологіи» (272). Царьградъ, столица Греческаго образованія, отъ котораго пошло нынѣшнее, столица Православія, по всѣмъ соображеніямъ и вѣроятности, представляемымъ извѣстными и доступными мнѣ источниками, былъ колыбелью и нашихъ, истинно народныхъ, писменъ; Константинъ Философъ, «вирциемъ Кирилъ»,—ихъ творцемъ; Ростиславъ, «князь Моравскій» по Житію Кирилла, «князь Словѣнскій» по Житію Меодія, «Бѣгъ оустинъ съ князи своимъ и Моравскимъ»,—первовиновникомъ этого блага, которое «воля и устытъ», по словамъ «епистоли Гръцкаго црѣ» къ нему, «ядуе късакаго злата и срьбра и каменна долгаго и богатства прѣходашта», т. е., «свѣтлина боукикъ къ намъ шукитъ», просвѣщенія насъ ими, и черезъ нихъ «сѣмизним истинъ вѣры Хрѣтискикъ къ свои ны шукитъ, истаканни на истиню и разумъ, и съприхѣтени велицѣхъ шукитъ, иже славетъ Бога своимъ шукитъ»; а 862-й годъ—первогодомъ воззванія Славянскаго племени къ новой во всѣхъ отношеніяхъ жизни, государственной, вѣроисповѣдной, духовной и самостоятельно народной. «Такъкъ разумъ, вратикъ, Бѣгъ есть далъ Словѣномъ!»

ПРИМЪЧАНІЯ.

=

1. *Slowanské starožitnosti. W Praze. 1837, I, str. 809—810, pozn. 72; въ Руск. переводѣ, Москва 1848, томъ II, кн. 2-я, стр. 313—315, примѣч. 2.*

2. «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій,» въ Ж. М. Н. П., 1843 г., кн. VI.

3. На примѣръ, поступокъ съ переводомъ Новаго Завѣта на Новобулгарскій языкъ, составленнымъ по Церковнославянскому Неофитомъ, іеромонахомъ Рыльскаго монастыря, съ одобренія Терновскаго митрополита, Иларіона, и изданнымъ въ Смирнѣ 1840 года. Или самыя новѣйшія поступки Пловдинскаго, иначе Филиппопольскаго митрополита, Хрисанеа, родомъ Грека, описанные въ NN. 108—110 Цареградскаго Вѣстника 1853 года, откуда переводъ сдѣланъ на Рускій и напечатанъ въ Одессѣ, при тамошнемъ Вѣстникѣ и отдѣльно.

4. Сюда относятся: Продолжатель Константина Багрянороднаго, въ изд. Бонскомъ, стр. 162—165, Симеонъ Логоветъ, тамъ же стр. 665—666; Іоаннъ Скилица (ок. 1057) и Кедринъ (тогда же), II, стр. 151—153.

5. Первоначально отрывокъ изъ этого памятника помѣщенъ, на Греческомъ и Латинскомъ язз., по бумажному списку Ватиканской библіотеки, извѣстнымъ Львомъ Алляціемъ въ книгѣ: «*In Roberti Creightonii apparatus, versionem et notas ad historiam concilii florentini scriptum a Sylvestro Syropulo exercitationes. Romae, 1665, 4, I, 259;*» отсюда Іос. Спм. Ассемани перенесъ отрывокъ по Латини въ свои «*Kalendaria ecclesiae universae. Romae, 1755, 4, III, 147—149;*» вполне же изданъ, въ первый разъ, въ Македонскомъ городѣ, Москополѣ или Вошкополѣ (разрушенномъ Керчеліями или Кирджаліями въ началѣ текущаго столѣтія), на югъ отъ Охрида (который, по мнѣнію Шафрика, вовсе не Юстиніана, по тому что *Iustiniana prima* есть Кѣстендинъ; названіе же ето перешло на Охридъ, въ церковномъ отношеніи, съ того времени, какъ пребываніе митропо-

лита Юстинианскаго перенесено было въ сей городъ. См. Славян. Древн. I, стр. 627, Руск. Т. II, кн. I, стр. 375, прим. 104), въ двухъ часахъ отъ города Малаго, 1741 г., 4, 13—37; во второй разъ въ Вънѣ 1802, 8, 101—140, іеромонахомъ Амвросіемъ Пампереемъ (*νῦν πρῶτον ἐκδοθέντα ἐπιγράβια Ἀμβροσίου ἱερομονάχου τοῦ Πамπερείως*), Македоняниномъ и учителемъ въ Валахія; списокъ принадлежалъ монастырю св. Наума близъ Охрида; кто-то перевелъ его на Новогреческій языкъ и напечаталъ въ Лейпцигѣ 1805, 8, стр. 84—133, что, впрочемъ, какъ сказано тутъ, является въ исправнѣйшемъ видѣ противу выпущеннаго въ Венеціи. Жизнь сего святаго въ обѣихъ изданіяхъ (Вѣнскомъ и Лейпцигскомъ), какъ показываютъ самыя страницы, составляетъ часть какого-то другаго сочиненія (въ видѣ сборника?), но какого именно, не могу сказать навѣрное, по тому что хотя я имѣю то и другое у себя, однако, каждое отдѣльно. Полное заглавіе перваго таково: «*Βίος καὶ πολιτεία ὁμολογία τε, καὶ μερικὴ θαυμάτων διήκησης, τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων. Συγγραφεὶς παρὰ τοῦ ἁγιωτάτου καὶ ἀοιδίμου ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς, καὶ πάσης Βουλγαρίας, κυρίου Θεοφυλάκτου, τοῦ καὶ μαΐσσορος τῶν ῥητόρων χρηματίσαντος ἐν Κωνσταντινουπόλει.*» Въ послѣднемъ прежде всего изображеніе Климента, за тѣмъ выходной листъ, на которомъ, въ заглавіи, выставлено: «*Μηνὶ Νοεμβρίῳ κβ.*» Въ другую строчку: «*Βίος Πανθαύματος τοῦ ἐν ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου ἁγριδῶν καὶ πάσης βουλγαρίας τοῦ ὁμολογητοῦ, μεταφραστὴς ἐκ τοῦ ἑλληνικοῦ ἰδιώματος ἄνευ τῶν προσιμίων, καὶ μέχρι τινός.*» Пониже: «*Ὅστις κολοβωθεὶς τὰ καίρια, καὶ ἀχρειωθεὶς παράτινος, ὡς ἡ τοῦ παρόντος πρὸς ἐκείνον παράδειξις, βαφῆς δηλοῖ, ἤδη ἄρτιος καὶ ὀλόκληρος τύποις ἐκδίδεται.*» Далѣе, на стран. 73-й, слѣдуетъ: «*Ὁ ζήλωτης ὀρθόδοξος, ἀπαβί τοῖς εὐσεβέσι τέκνοις τῆς ἀγίας καὶ θεοδοξάτου ἐκκλησίας τοῦ χριστοῦ τῆς Ἀνατολικῆς, ὑμῖν, τὸν ἐν χριστῷ ἀσκαμόν καὶ τὸ χαίρειν.*» Начало: «*Εὐκόλοκατάληκτος εἶναι.*» и пр., до конца 82-й стран.; на 83-й же: «*Ἐπιγραμμα. Εἰς τὴν ἱεράν Μονὴν τοῦ Προδρόμου τὴν Ἰχουσαν τὴν ἀγίαν κάραν τοῦ ἱεροῦ Κλήμεντος,*» въ 4-хъ стихахъ; на послѣднокъ «*Εἰς τὴν περιφανῆ Θεσσαλονίκην, τὴν ἐνεγκοῦσαν τοὺς θεοφόρους καὶ ἰσάποσόλους Κήρυκας τῆς βουλγαρίας, Κίριλλον καὶ Μεθούδιον, εἶχοι πολιτικοί,*» всего 7, и только на 84-й стран.: «*Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος Ἀρχιεπισκόπου βουλγαρίας τοῦ ὁμολογητοῦ μεταφραστὴς εἰς τὴν κοινὴν φράσιν ἐκ τοῦ ἑλληνικοῦ, πρὸς κοινὴν ὠφέλειαν τῶν ὀρθοδόξων λαῶν.*» За тѣмъ: «*Προσίμιον τοῦ μεταφράσαντος. Ἄν ἐκρινεν,*» и пр. Какъ заголовокъ, сверху всякой страницы, читаемъ: «*Ουρανοῦ κριβίς.*» Я по тому вошелъ въ

такія подробности объ етѣхъ изданіяхъ, что они теперь уже большая рѣдкость, такъ что я, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, не могъ ни одного изъ нихъ пріобрѣсть за границей, а получилъ, послѣ долгихъ сношеній, лишь въ 1847 г., отъ одного знакомаго Серба, который нарочно поручалъ отыскать ихъ не только въ княжествѣ Сербскомъ, но и сосѣднихъ Турецкихъ областяхъ. Профессоръ Славянскихъ нарѣчій и словесности въ Вѣнскомъ Университетѣ, Франц. Миклошичъ повторилъ изданіе Памперя въ Вѣнѣ, 1847, 8, 34 стран., подъ заглавіемъ: «Vita S. Clementis, episcopi Bulgarorum.» Онъ пользовался для него какъ Ватиканскимъ отрывкомъ, такъ равно и спискомъ мон. св. Наума, сообщеннымъ ему профессоромъ Казанскаго Университета, В. И. Григоровичемъ, снявшимъ оный во время своего путешествія по Македоніи. Въ Предисловіи (Praefatio, XXII страницы) издатель, въ VII отдѣлахъ, излагаетъ: свѣдѣнія о спискахъ етого памятника, которыхъ начало по Добровскому (Cyrill und Meth. §. 2, S. 9, въ Руск. перев. стр. 6), изданіяхъ (I—II), ученыхъ, пользовавшихся въ своихъ изслѣдованіяхъ имъ (IV), прочихъ статьяхъ, заключающихся въ Москопольскомъ и имѣющихъ отношеніе къ Церковнославянской исторіи (всего 7); далѣе, представляетъ, для незнакомыхъ съ Греческимъ языкомъ, краткой обзоръ (по Латыни) историческихъ данныхъ, содержащихся въ Житіи Климента (VI), извѣстіе о другомъ Житіи сего святителя, писанномъ на Греческомъ и отысканномъ В. И. Григоровичемъ въ Охридѣ, въ пергаменномъ спискѣ XIII или начала XIV стол., въ Святцахъ (Синаксарѣ) мѣсяцей іюня, іюля и августа (напечатанномъ въ подлинникѣ и съ переводомъ на Рускій въ Ж. М. Н. П.), и, наконецъ, приводитъ доказательства изъ самаго Житія Климента въ пользу того, что сочиненія етого нельзя приписывать Теофилактѣ. То есть, ето невозможно: а) по тому, что сочинитель называетъ себя однимъ изъ учениковъ Климента: *αὐτὸς ποιμὴν καὶ χρηστότατε, τηροῦντ δὲ καὶ βαρβαρικῶν ἐπιδρομῶν ἀπειράτους τοὺς σοὺς τροφίμους ἡμᾶς, καὶ πάντοτε μὲν ἐφορῶν, μάλιστα δὲ νῦν, ὅτε θλίψις ἐγγύς, ὅτε οὐκ ἔστιν ὁ βοηθῶν, ὅτε οὐδὲν μίχαιρα Βουλγαρικῶν αἰμάτων ἐμὲ δουρεν* (гл. XXIX).» Подъ Склеоми онъ разумѣетъ сдѣсь Угровъ, вторгавшихся, съ 934 года по 962-й, четыре раза въ Булгарію (934, 943, 959 и 962); б) причисляетъ себя къ Булгарамъ, между тѣмъ какъ Теофилактъ былъ Цареградскій Грекъ: *πάντα τὰ τῆς ἐκκλησίας, καὶ οἷς μνημαὶ Θεοῦ καὶ ἁγίων φαιδρύνονται, καὶ ψυχὰι καταλύσσονται, Κλήμης τοῖς Βουλγαροῖς ἡμῖν παρέδωκε* (гл. XXII).» Мнѣніе ето первоначально высказано было Фрид. Блумберггеромъ, въ спорѣ ето съ Добровскимъ, утверждавшимъ, что сочинитель житія Климентова не былъ

IV

современникомъ ни самому Клименту, ни даже Теофилакту (Cyrill und Method, S. 10, Руск. перев. стр. 141); въ этомъ Блумбергерь наиболѣе опирался на XVIII главу сего Житія; особенно сюда относится то мѣсто, которое начинается словами: «οὐκ ἔτιβομεν οὐν αὐτὸν ἠβχολαχότα ποτὲ, ἀλλ' ἢ καίθατ ἐδίδακμε καὶ τοὺτοὺσ ποικίλωσ, τοἰσ μὲν τὸν τῶν γραμμάτων χαρακτῆρα γνωρίζων, τοἰσ δὲ τὸν τῶν γεγραμμένων τοῦν βαφηνίζων», и проч., до конца главы. Дѣйствительно странно, что Добровскій пришелъ къ заключенію, будто сочинитель Климентова Житія не только не былъ приближеннымъ къ Клименту, но даже жилъ далеко позже самаго Теофилакта (ум. 1107 г.), между тѣмъ какъ, умалчивая уже о прочихъ мѣстахъ въ этомъ Житіи, говорящихъ въ пользу противнаго мнѣнія, Добровскій самъ приводитъ слѣдующія слова, находящіяся въ концѣ сочиненія: «и намъ скуднымъ и недостойнымъ оказывалъ онъ болѣе довѣренности и милостей, нежели другимъ, такъ что мы всегда при немъ бывали, служили ему вездѣ, когда училъ онъ словомъ и дѣлами; никогда не видали мы его безъ занятія.» Можно ли яснѣе и положительнѣе выразаться о своей близости къ Клименту, и, все таки, въ слѣдъ за тѣмъ, утверждать: «Однако, судя вообще по содержанію сего сочиненія, ни какъ невѣроятно, чтобъ онъ былъ приближеннымъ Климента?» (стр. 7.). Блумбергерь напрасно возражалъ на это тѣмъ, что сочинитель Житія Климента не выдаетъ себя за того, за кого признаетъ его Добровскій, по тому что изъ приведенныхъ выше словъ точно онъ является и довѣреннымъ и близкимъ къ Клименту; но ни довѣренность, ни приближенность еще не даютъ намъ ни какого повода считать творцемъ Житія иное лице, особенно относить его къ такому позднему времени, и въ этомъ смыслѣ возражатель правъ, говоря, что «во всей Біографіи не найдется ничего такого, по чему бы ее должно приписать какому либо другому сочинителю (стр. 141).» Защищеніе Добровскаго Рускимъ переводчикомъ неудачно. Если считать съ Добровскимъ послѣднія слова Житія поддѣльными, въ конхъ писатель говоритъ о близости къ Клименту и довѣрїи его къ нему большею, нежели къ другимъ, то придется считать таимъ же и все, что ни разсказывается имъ о томъ, что онъ былъ его ученикомъ, и вообще всѣ указанія на событія, случившіяся, судя по ходу рѣчи, въ его время (стр. 144).

6. По этому требовать удовлетворительнѣйшихъ доказательствъ въ пользу подлинности Житія св. Климента, чѣмъ тѣ, кои представлены первымъ защитникомъ его противу подозрѣній Добровскаго, и приводить въ примѣръ благовиднаго подлога Христана, который выдалъ себя за сына Болеслава 1-го и современника Праж-

скому епископу, Адальберту (Войтъху), единственно для приданія большей важности младшему своему сочиненію, обличаетъ либо незнакомство съ Житіемъ, либо съ требованіями исторической критики. Стоитъ только прочесть безъ предубѣжденія его, чтобы послѣ сказать, что все это могъ знать одинъ лишь человекъ, близкій къ разсказываемому; что такъ говорить только тотъ, кто находился въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ къ дѣйствителямъ. Впрочемъ, Шафарикъ того мнѣнія, что изъ двухъ Житій св. Климента, писанныхъ по Гречески, древнѣйшее точно составлено ученикомъ его, но по томъ, вѣроятно, подновлено, и даже исправлено, архіепископомъ Теофилактомъ. См. «Rozkvět slowanské literatury w Bulharskú, въ «Sazoris českého Museum, 1848. Praha, I, st. 12, по Руски мой переводъ въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», годъ 3-й (1848), книж. VII, Отд. III, стр. 8.

7. Нѣмецкій переводъ этого свидѣтельства, представленный въ сокращенномъ видѣ, см. въ Dobrowsky's Cyrill und Method, §. 8, S. 45—47, Руск. стр. 33—34, также въ Славянскихъ Древностяхъ, Шафарика, въ Чеш. стр. 817, въ Руск. томъ II, кн. 2, стр. 338—331. Скудость нашего знакомства съ Церковнославянскими письменными памятниками—непонятна. Что за сокровища находятся въ извѣстныхъ хранилищахъ одной Москвы и ея окрестностей, не говоря уже о Новѣгородѣ, Бѣлозерскомъ, Соловецкомъ и другихъ монастыряхъ Сѣверовосточной Руси! Сколько, съ одной стороны, задамѣ ихъ составляетъ настоятельную потребность для нашей и вообще Славянской Словесности, столько, съ другой, доступность ихъ для желающихъ черпать свидѣнія прямо изъ источника, въ высшей степени необходима. Желая содѣйствовать первому, по возможности, Общество исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, во время моего секретарства въ немъ, помѣщало въ «Чтеніяхъ» своихъ довольно часто такіе памятники (на прим.: Параллеломенъ Зонаринъ, въ 1-й кн. 3-го года; Славяно-русскія сочиненія въ пергаменномъ Сборникѣ И. Н. Царскаго, тогда же, кн. VII-я; Кирилла Философа Слово на соборъ архистратига Михаила, 3-го года кн. III и друг.; кромѣ того, много описаній рукописей разныхъ библіотекъ, доставлявшихся знатокомъ нашей старинной Библіографіи, В. М. Ундольскимъ, на прим.: Сильвестръ Медвѣдевъ и его оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, 1-го г., кн. III; Опись Греческимъ, Греко-Латинскимъ, Польскимъ и Славянскимъ печатнымъ и письменнымъ книгамъ, поступившимъ въ 1676 г. изъ Воскресенскаго монастыря и Иверскаго подворья въ Патріаршую Разную казну, 2-го г., кн. V; Оглавленіе Четій-Миней митрополита Макарія, хранящихся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, того же

года, кн. IV. и др.). Общество открыло было для нихъ даже особый отдѣлъ съ 4-го года «Чтеній» подъ заглавіемъ: «Славянскіе матеріалы», для котораго заготовлялись уже (а нѣкоторые совершенно готовы были) памятники далеко большаго объема, между прочимъ: Творенія Іоанна ексарха Болгарскаго (изъ коихъ Калайдовичъ помѣстилъ, въ известномъ своемъ сочиненіи, только нѣсколько отрывковъ), Константина (конца IX-го стол.), Антиоха черноризца Пандекта, Временникъ Георгія Гръшнаго, Чтеніе о Житіи и погубленіи св. князей Бориса и Глѣба, равно какъ Сказаніе о страсти и похвала имъ же; Житіе Θεодосія Печерскаго, и многія другія. Всѣ они по пергаменнымъ спискамъ, и съ разнословіями по нѣсколькимъ (на примѣръ: Θεодосій по 3-мъ, Антиохъ по 5-ти, Ексархъ по 8, Амартоль по 10-ти). Чрезвычайно благотѣльно было бы и для изданія Славянорусскихъ памятниковъ такое же учрежденіе, какое имѣемъ уже для памятниковъ по части Руской исторіи въ лицѣ Археографической Коммиссіи. Послѣдствія были бы одни и тѣ же. Но безъ обнародованія какъ можно большаго числа ихъ, систематически руководимаго *знатоками*, напрасны всѣ наши усилія достигнуть какихъ либо положительныхъ свѣдѣній въ Древнеславянской и Руской Словесности; отрывочные памятники и ведутъ къ отрывочнымъ знаніямъ, которыя всегда почти вполнѣ опровергаются, или же сильно потрясаются, первымъ же, случайно появившимся въ печати, сколько ни есть важнымъ памятникомъ. Пора, давно пора, заняться намъ и етѣмъ, какъ владѣльцамъ самыхъ богатыхъ, единственныхъ собраній Церковнославянской литературы, составленныхъ нашими неутомимо любознательными предками, собраній, которыхъ нигдѣ не найдемъ подобныхъ. Императорская Публичная бібліотека въ состояніи удовлетворять живущихъ въ Петербургѣ и желающихъ изучать Славянорусскую старину; Москва, напротивъ, до сихъ поръ лишена того, хотя числомъ любителей, статья можетъ, превзойдетъ самой Петербургъ, между тѣмъ какъ изъ однихъ лишь своихъ и ближайшихъ къ ней хранилищъ, можно бы образовать превосходное «Центральное хранилище Славянорусскихъ рукописныхъ памятниковъ для средней Россіи», съ кониъ слѣдовало бы соединить и замѣчательное собраніе старопечатныхъ книгъ прежняго Типографскаго Двора. Мнѣ извѣстно, что такое собраніе вскорѣ умножилось бы патріотическими приношеніями многихъ владѣльцевъ рукописной и книжной старины, которые копили ее вовсе не съ торговой цѣлю и ради бы завременно найти ей пріютъ въ будущемъ отъ всякаго рода случайностей. Увѣренъ, что и для самаго пошлѣннѣя, приличнаго такимъ сокровищамъ, предназначаемымъ для всеобщей

пользы, книголюбивая столица не отказала бы въ жертвѣ съ своей стороны. Равнымъ образомъ нашлись бы люди, которые готовы были бы служить безмездно при такомъ общепольномъ заведеніи своими свѣдѣніями и трудами. При немъ-то, кажется, лучше всего могла бы образоваться упомянутая выше Коммиссія для изданія Славянонорусскихъ памятниковъ, для коей вѣдѣ итъ столько талантливыхъ людей, какъ въ нашей Москвѣ, и при томъ изъ одной страсти удовлетворенія ей и возможности примѣненія къ дѣлу своимъ познаній. Тогда свѣдѣнія наши о старой литературѣ и языкѣ получили бы совсѣмъ иной видъ, стали бы создаваться на твердомъ, неколебимомъ, основаніи; а безъ того, вѣрьте, изъ ничего—ничего не будетъ, или же мало путнаго.

8. Шафарикъ въ новомъ, чрезвычайно важномъ, изслѣдованіи своемъ о Глаголическомъ письмѣ и судьбахъ его, составляющемъ введенеіе къ «Памятникамъ Глагольской письменности» (« *Památky Hlaholáckého písemnictví. V Praze, 1853*»), разбирая названія буквъ въ обѣихъ Славянскихъ азбукахъ, вездѣ приводитъ произношеніе и названіе ихъ Малороссіянами. Етъ послѣднія сообщены были ему мною, во время моего пребыванія за границей, и по тому за правильность ихъ, разумеется, тотъ и въ отвѣтъ, кто въ дѣлѣ. См. стр. 10, 18 — 23. **Мудрому доволъ!**—Совершенно иное, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ « *Ἀλφάβητον ἤτοι σοιχεῖα Βλάχων, Σέρβων, Βουλγαρίων καὶ Ρωσίων*», находящ. въ одной рукописи Вѣнской Придворн. библіотеки № 233 (cod. philol. gr.), писанной въ 7025 году отъ сотворенія міра или 1517 отъ Р. Х., и напеч. Копитаромъ въ его « *Glagolita Slozianica*,» стр. XXIX, прим. 1. Вотъ въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ въ немъ одна буква за другой: а, б, в, г, д, е, ж, з, з, і, н, к, л, м, ш, о, п, р, с, т, з, ф, х, ѿ, ѿ, ѣ, ѣ, у, ш, ц, ю, ѡ, п, л, ѡ, ѣ. Слѣдовательно, всѣхъ числомъ 37. Не смотря на заглавіе, азбука эта ни одному изъ упомянутыхъ въ немъ народовъ не принадлежитъ въ томъ видѣ, въ какомъ она тутъ намъ представляется, по тому что въ ней: а) ѣ слѣдуетъ тотчасъ за х, а м и ѡ вовсе нѣтъ; б) ѿ и ѿ стоятъ между ѣ и шипящими, равно тутъ же и ѣ, оторванное отъ з, за которымъ обыкновенно всюду слѣдуетъ въ нашей азбукѣ, именно, на самомъ ея концѣ, что и указываетъ на позднѣйшее включеніе ихъ въ оную; впрочемъ, мѣсто ето ѣ близко къ тому, которое оно занимаетъ въ азбукѣ Греческой, помѣнявшись только имъ съ ѿ; в) за шипящими, слѣдующими за ѣ, идутъ три двойныхъ: ю, ѡ, п, тоже не въ обыкновенномъ порядкѣ, по коему ѡ должно бы стоять впереди; г) за двойными носовыми, начиная съ слабѣйшей, и, въ концѣ всего, д) ѣ,

VIII

разобщенное, какъ сказано, съ своей неизмѣнной спутницей, φ , а ϕ и γ совершенно опущены. Что до названія буквъ, то, судя по названію только нѣкоторыхъ изъ нихъ, оно довольно отлично отъ названія ихъ въ отрывкѣ, сообщенномъ Бандури; на пр.: с $\mu\pi\iota$, ж $\zeta\eta$, в $\tau\zeta\acute{\epsilon}\lambda\omicron$, х $\gamma\acute{\epsilon}\rho$, ѿ $\acute{\omega}\tau$, ѡ $\tau\zeta$, у $\tau\zeta\epsilon\rho\beta$, ш $\sigma\acute{\alpha}$, ѡ $\acute{\sigma}\acute{\alpha}$, ю $\gamma\iota\omicron\upsilon\varsigma$, я $\acute{\iota}\acute{\alpha}\tau$, и $\acute{\iota}\acute{\alpha}$, а $\acute{\iota}\acute{\epsilon}$, ж $\acute{\iota}\acute{\omicron}$. Между ними поставлены еще четыре: в, т, ѡ и х безъ всякаго указанія на произношеніе, какъ и прочія, въ азбукѣ находящіяся; изъ отличительныхъ же произношеніемъ вполне сходится съ Бандуриевыми лишь одно ($\acute{\omega}\tau$), нѣсколько отличается тоже одно ($\sigma\acute{\alpha}=\sigma\acute{\iota}\alpha$), по тому что $\tau\zeta\acute{\epsilon}\lambda\omicron$ и $\zeta\epsilon\lambda\acute{\epsilon}$, $\tau\zeta\iota$ и $\tau\zeta\eta$, $\tau\zeta\epsilon\rho\beta$ и $\tau\zeta\acute{\epsilon}\rho\beta\eta$, $\sigma\acute{\alpha}$ и $\sigma\acute{\alpha}\iota\alpha$, $\acute{\iota}\acute{\alpha}\tau$ и $\gamma\acute{\epsilon}\alpha\tau$ намекаютъ на значительную разницу въ выговорѣ, существующую и теперь еще у Православныхъ и Глаголитовъ, именно: $\tau\zeta\acute{\epsilon}\lambda\omicron$ въ устахъ южныхъ Славянъ звучитъ съ удареніемъ надъ $\acute{\epsilon}$, $\tau\zeta\epsilon\rho\beta$ и $\sigma\acute{\alpha}$ напоминаютъ больше Булгарское и Сербское произношеніе, а $\tau\zeta\acute{\epsilon}\rho\beta\eta$ и $\sigma\acute{\alpha}\iota\alpha$ — Великорусское; $\tau\zeta\iota$ тоже наше, $\tau\zeta\eta$ скорѣе близкое къ Латинскому с; $\acute{\iota}\acute{\alpha}\tau$ же и $\gamma\acute{\epsilon}\alpha\tau$ можетъ быть, въ сущности, одно и тоже, но выражены разными знаками, по тому что сочетаніе $\gamma\epsilon$, очевидно, употреблено для показанія силы ι (мягкости его), самое же γ , не смотря на смягченіе его уже въ устахъ Грековъ среднихъ вѣковъ, казалось означавшему, по чему-то, недостаточнымъ для выраженія этой мягкости; присоединивъ въ нему ϵ , онъ думалъ тѣмъ отклонить всякую сбивчивость въ выговорѣ. Но и то могло статься, что $\gamma\acute{\epsilon}\alpha\tau$, вмѣсто $\acute{\iota}\acute{\alpha}\tau$, хотѣли означить произношеніе буквы λ Рускими и нѣкоторыми другими Славянами (собственно, какъ ю), между тѣмъ какъ $\acute{\iota}\acute{\alpha}\tau$ прямо указываетъ на звукъ ш, какъ его слышимъ въ устахъ Булгаръ въ собственной Булгаріи, Поляковъ и т. д. Но $\gamma\iota\omicron\upsilon\varsigma$ его и $\gamma\acute{\epsilon}\iota\omicron\upsilon\varsigma$ Бандур. существенно различны: первое есть ю, а второе ж; то въ Бандуриевомъ отрывкѣ названо $\gamma\iota\omicron\upsilon$, и, въ слѣдъ же за нимъ, ж $\gamma\acute{\iota}\omicron\upsilon\varsigma$, а второе, поставленное въ Вѣнской рукописи черезъ три буквы ниже (передъ ξ), выражено словомъ $\acute{\iota}\acute{\omicron}$. По чему ю названо юсомъ, трудно сказать: вѣроятно, по сходству произношенія его съ мягкимъ ж (ж), хотя самое сочетаніе знаковъ, для выраженія его (ю) употребленныхъ, не вело къ такому названію. Знаки етъ $\iota+\omicron$ или же $\iota+\nu$, изъ коего, въ послѣдствіи, выработалось нынѣшнее его начертаніе. Видѣтъ въ этомъ послѣднемъ заимствованіе изъ Глаголицы, непозволительно, по тому что и въ ней древнѣйшее начертаніе указываетъ на соединеніе $\iota+\omicron$, слѣдовательно, начертаніе это могло быть взято для выраженія сего звука, по природѣ своей двойственнаго, изъ азбуки Латинской, разумѣется, извѣстной изобрѣтателю его, безъ всякаго посредства Глаголицы и Паннонцевъ (вопреки Копитару: Hesychius, pag. 40). Наполнѣе, означеніе произношенія носовыхъ въ Вѣнской рук. отлич-

но отъ означенія того же въ отрывкѣ Бандурн. Правда, носовой звукъ ни въ одной изъ етѣхъ азбукъ не показанъ прямо, тѣмъ не менѣе, въ первой гораздо болѣе признаковъ, указывающихъ на природу етого звука, чѣмъ во второй. Въ самомъ дѣлѣ: если прибавимъ къ означенію носоваго звука по *Ἀλφάβητος* только *v*, то получимъ произношеніе (въ мягкомъ видѣ) точь въ точь такое, какое слышимъ и теперь еще у Поляковъ, *je, ja*.

9. Письма етѣ напечатаны погодно Бочкомъ въ «*Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Olomucii, 1836, tom. I, pag. 39—46, № № LVII, LVIII, LIX*», а прежде въ разныхъ сочиненіяхъ и сборникахъ, на прим.: *Salagii, De statu ecclesiae Pannonicae. Quinqueecclesiis 1780, 4, lib. IV, p. 424; Harduin., Collectanea conciliorum. VI. p. I, col. 85; Dobner, Annales Bohemorum. Pragaе, 1765, 4, III, p. 190—193; Timoni, Imago antiquae Hungariae. Viennae, 1762, 4, I, p. 152; Schlözer, Несторъ. III, 200—204. Руск. перев. II, 502—510; Dobrowski, Cyrill und Method. S. 38, 92 и слѣд., въ Руск. переводѣ, Кириллъ и Методій. Москва 1825; б. 4, стр. 27, 68 и слѣд. (собственно только выписки изъ посланій); Fejér Codex diplomaticus Hungariae, I, p. 213; кромѣ того у Бальбина, Гольдаста, Баронія, и друг. *Блумбергерь*, разбирая сочиненіе Добровскаго «*Cyrill und Method*», въ «*Jahrbücher der Literatur*» (Wien, 1824, XXVI, S. 211—233), силится заподозрить всѣ етѣ посланія папы Іоанна VIII-го, называя ихъ «источникомъ всѣхъ затрудненій и сомнѣній при изслѣдованіи о жизни Кирилла и Методія.» Но а) вымышлять посланія, изъ которыхъ въ одномъ запрещается Славянское богослуженіе и языкъ, а въ другомъ, напротивъ, одобряется и восхваляется однимъ и тѣмъ же лицомъ, черезъ чуръ уже хитро для Рима, когда онъ нуждался только въ послѣднемъ, и б) истинность ихъ подтверждается частью Реестра посланій упомянутаго папы, сохранившейся въ спискѣ второй половины XI-го вѣка, принадлежащемъ библіотекѣ Монтекассинскаго монастыря, и снятаго по всему, съ подлинника, или же подлиннаго реестра, находящагося въ Ватиканскомъ Архивѣ. *Palacky's Italienische Reise im Jahre 1837. Prag. 1838, S. 15—16.* При такомъ положеніи дѣла нѣтъ настоящей нужды доказывать подлинность етѣхъ писемъ тѣмъ, что они писаны и отправлены въ такомъ точно видѣ, въ какомъ до насъ дошли, или что списки съ нихъ настоящіе отпуски, равно какъ, наконецъ, тѣмъ, что писаны ранѣе 1343 года; также требовать, чтобы хотя одинъ достовѣрный писатель ссылался на сіи письма до етого года. (См. Библіографическіе листы, № 10-й,*

стр. 145). Копитаръ въ своихъ «*Prolegomena historica*» къ Рейнскому Евангелію (изданному въ Парижѣ 1843 г. противнѣмъ, по волѣ Государя Императора, славнымъ Французскимъ криснописцемъ, *Силвестромъ*), написанныхъ имъ, безъ всякаго приглашенія къъ либо, къ небольшому числу экземпляровъ, пущенныхъ въ продажу (по тому что опредѣленное число ихъ все отправлено было въ Россію для раздачи, по Высочайшей волѣ, разнымъ ученымъ, заведеніямъ и т. д.), и представлявшихъ новый случай высказать свои, и безъ того всѣмъ уже довольно извѣстныя, мнѣнія о началѣ Христіянства у Славянъ и языкъ ихъ богослуженія, Копитаръ, говорю, въ 1-ой главѣ етѣхъ «*Prolegomena*,» между прочимъ, утверждаетъ, что если бы ету привилегію, данную, съ рѣдкой обдуманностью и благоразумной осторожностью, папой Іоанномъ VIII-мъ, 880-го, исключительно Славянскому народу, позже подтвержденную Иннокентіемъ IV-мъ 1248 г. (уступка, которой на одному народу не было сдѣлано ни прежде, ни послѣ, по тому что всѣ исповѣдывающіе Христіянство по Римскому обряду, совершаютъ богослуженіе на Латинскомъ языкѣ: «*Memorable sane est unicui in patriarchatu romano privilegium liturgiae vernaculae Slavorum; reliquis omnino omnibus populis catholicis per Europam, Africam et Americam non nisi latine sacra facientibus*»), старались съ обѣихъ сторонъ добросовѣстно сохранять, тогда бы раздѣленіе не дошло до такой степени на Востокъ, а на Западъ не возникла бы въ послѣдствіи причина отторженія. Но Копитаръ забываетъ, или нарочно умалчиваетъ, о томъ, что эта привилегія прежде всего нарушена была на Востокомъ, но Западомъ, изгнавшимъ изъ Великоморавскаго Царства, тотчасъ по смерти Меодія, учениковъ его, а съ ними и Славянское богослуженіе, и введшимъ снова Латинское, какъ оно было до прибытія Солунскихъ благовѣстниковъ. Справедливость етѣхъ событій подтверждена въ новѣйшее время посланіемъ самаго папы къ Святополку, преемнику Ростислава. Папа еготъ былъ Стефанъ V-й или VI-й, третій (885 — 891) преемникъ Іоанна VIII-го (872 — 882 г.), по предписанію котораго, заключавшемуся въ упомянутомъ посланіи его (открытомъ недавно Вильг. *Ваттенбахомъ* въ библіотекѣ Цистерціенскаго монастыря св. Креста въ нижней Австріи, *Monasterium S. Mariae ad S. Crucem in valle petogosa*, не подалеку отъ Вѣны, въ декабрѣ 1847 г., въ одномъ сборникѣ церковныхъ и свѣтскихъ законовъ, по письму, принадлежащихъ X-му столѣтію, и напечатанномъ въ 1849, при сочиненіи его: «*Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen. Wien, 8, S. VIII—56*»), Латинское духовенство дѣйствова-

ло рѣшительно, во время отсутствія Святополка, явно склонявшагося на сторону Латинниковъ, употребляя нарочно страшныя жестокости и преслѣдованія противъ Православныхъ (Vita Clementis, cap. IX—XIII, p. 399). Предписаніе же папы, вѣроятно, было составлено Вихнягомъ, викаріемъ города Нитры, получившимъ его въ послѣднее свое путешествіе въ Римъ, который былъ, какъ показываетъ то его имя, Нѣмецъ, человекъ, по словамъ самыхъ соплеменниковъ, «turbulentus et ambitiosus, ipsisque Bavaris invisus (Vita Clementis, ed. Fr. Miklošič, p. XIV, not.). Лстя всячески и поглажая слабостямъ князя, онъ втерся, такъ сказать, въ его благосклонность и былъ употребляемъ имъ не разъ, какъ посолъ въ Римъ. Воспользовавшись примиреніемъ Святополка съ импер. Карломъ III-мъ (884 г.), равно и съ Арнульфомъ (его племянникомъ, вскорѣ свергшимъ дядю съ престола), этотъ хитрый Нѣмецъ вооружалъ, кажется, Великоморавскаго государя противу Меѳодія, стоявшаго твердо за Православіе и совершеніе его на Славянскомъ языкѣ; по крайности видимъ, что Святополкъ неохотно являлся при Славянскомъ богослуженіи, предпочитая ему отправленіе на Латинскомъ. И точно, чѣмъ же объяснить желаніе Меѳодія, выраженное въ его Житіи, и состоявшее въ томъ, что если онъ явится къ нему съ войскомъ и дворомъ своимъ на литургію въ день апост. Петра и Павла, то получить побѣду надъ врагомъ: «нигдѣ же плыи Стопѣлкоу коюшоу и погизми и ниньсо же оупсицю, и моудачю, стго Петра мши прилнжюири, рекше слоужьтъ, послалъ къ нему гда, яко аще ми са овѣщаши на стѣн Петровъ дѣи съ вон сконни сътворити оу мене, вѣроую въ Бѣ, яко предати ти имѣи еи въскорѣ, иже и бысть.» Да и въ посланіи папы Іоанна VIII-го, въ заключеніе сказано: если князь предпочитаетъ слушать обѣдню на Латинскомъ, то можетъ это: «Et si tibi (Suatoplucio) et iudicibus tuis *placet*, missas latina lingua *magis* audire, praecipimus, ut *latine* missarum solennia tibi celebrentur (Ep. an. 880).» Объ этомъ желаніи (*placet*) папа могъ, конечно, узнать скорѣе всего отъ людей, подобныхъ Вихняку, а можетъ быть, и отъ него самаго. Но когда Меѳодій, потерявъ всякое терпѣніе, произнесъ, наконецъ, отчужденіе надъ княземъ и его любимцемъ (Vita Clement. c. VII. и Моравск. сказаніе, у Добровскаго, стр. 43, 104), то первый, пораженный тѣмъ, обратился (разумеется, по внушенію своего любимца), къ папѣ за совѣтомъ. Вихнягъ увѣрилъ папу, Стефана V-го, о преданности Святополка Латинскому обряду, и по тому тотъ писалъ ему: «Methodium namque supersticioni, non edificacioni, contencioni non paci insistentem audientes, plurimum mirati sumus; et si ita est, ut audiuimus,

supersticionem eius penitus abdicamus. *Anathema vero pro contemnenda catholica fide, qui indixit, in caput redundabit eius.* Tu autem et populus tuus sancti spiritus iudicio «eritis innoxii, si tamen fidem, quam romana praeflicat aecclesia, tenueritis inuiolabiter. Diuina autem officia et sacra misteria ac missarum solemnna, que idem Methodius Sclauorum lingua celebrare presumpsit, quod ne ulterius faceret supra sacratissimum beati Petri corpus, iuramento firmauerat, sui periuirii reatum perhorrescentes nullo modo deinceps a quolibet presumatur. Dei namque nostraque apostolica auctoritate *sub anathematis uinculo interdicens*, excepto quod ad simplicis populi et non intelligentis aedificationem attinet, si euangelii, uel apostoli, expositio ab eruditis eadem lingua annuncietur, et largimur et exortamur, et ut frequentissime fiat monemus, ut omnis lingua laudet deum, et confiteatur ei. *Contumaces autem et inobedientes, contencioni et scandalo insistentes*, post primam et secundam admonicionem, si se minime correxerit, *quasi zizaniorum seminatores, ab aecclesie gremio abici sancimus*; et, ne una ouis moruida totum gregem contamine, *nostro uigore refrenare et a uestris finibus procul excludi precipimus.*» Етѣхъ-то, столько опасныхъ, людей, Латинское духовенство постаралось тотчасъ, по кончинѣ Меѳодія, не только разлучить съ своимъ стадомъ, но даже совершенно изгнать за предѣлы, какъ оно утверждало, *своей земли*. Какъ же, послѣ всего этого, увѣрять еще, что Востокъ не заботился о *добросовѣстномъ* сохраненіи единственной въ своемъ родѣ папской привилегіи для Славянъ, когда она, черезъ 5-ть лѣтъ послѣ наданія своего, была, прежде всего, нарушена самымъ папой?

10. *Wattenbuch*, Beitrage u. s. w., S. 23.

11. По увѣренію Палацкаго, въ Реестрѣ Ватиканскаго Архива (fol. 100), стоитъ «*sclauiniscas*». См. Fac-simile съ етѣхъ словъ, отъ «*quasi zizaniorum seminatores*» до «*quae praecipit dicens*», помѣщенное имъ на концѣ его «*Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837.*»

12. Сколько помню, напечатано въ «*Juavia*»; *Frcheri*, *Regum Bohemic. antiqui scriptores*. Hanoviae, 1602, f., p. 15—20; *Ofel*, *Scriptores rerum Boicar.* I, p. 780 sq.; съ нѣкоторыми пропусками, но за то слiченное съ пятью пергаменными списками Импер. Вѣнской бібліотеки (изъ коихъ два XI—XII, а три XIII—XIV стол.) у *Konitara*, какъ «*Appendix quinta.*» въ его «*Glagolita Clozianus. Vindobonae*, 1836, f., pag. LXXII—LXXVI.

13. Сочинитель хроники монастыря Монтекассино въ 3-хъ книгахъ, къ коницъ, въ послѣдствіи, прибавлена, Петромъ діакономъ, и 4-я, содержащая исторію етой обители до 1138 года, изд. вполнѣ въ Парижѣ 1603 и 1668 г., въ л.; кромѣ того, она помѣщена и въ собраніи Муратори.

14. Фламанскій езуитъ (1600—1681), трудившійся съ Болландомъ (Жаномъ, Голландцемъ, 1596—1665), основателемъ изданія «Acta SS.», при выпускѣ первыхъ четырехъ книгъ.

15. *Mährische Legende von Cyrill und Method, nach Handschriften, herausgegeben, mit andern Legenden verglichen und erläutert.* Prag, 1826, 8, 128, стр., явилась, спустя три года послѣ его «Cyrill und Method», съ котораго былъ сдѣланъ Рускій переводъ, по порученію Государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, М. Погодинымъ, и напечатанъ въ Москвѣ, 1825 г., въ 4-ку: «Кириллъ и Меѳодій, Словенскіе первоучители.» Оба етъ сочиненія вошли также и въ «Abhandlungen der k. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften; Prag,» коего сочинитель былъ членомъ.

16. *Cyrill und Method, S. 17, въ Руск. 11—12.* Напечатана у Болландистовъ по списку, полученному ими изъ прежняго Бенедиктинскаго монастыря, Blaubeuern, въ Виртембергскомъ корол. 1480 г., перепечатана Шлѣцеромъ (Несторъ, II, S. 154—160, Руск. III, 414—422) съ ошибками, и вновь издана Добровскимъ по двумъ древнимъ рукописямъ, Оломуцкой (библіотеки Соборной церкви) и Пражской (библіотеки Публичной). *Mähr. Leg. 7—8.*

17. Важнѣйшее слѣдующее: Святополкъ названъ язычникомъ, который, по крещеніи себя и народа, учреждаетъ архіепископство, въ столицѣ своей, Велеградѣ, а Кирилла дѣлаетъ первымъ архіепископомъ Моравскимъ, подъ коницъ было 7-мъ епископовъ, жившихъ въ Польшѣ и Угріи. Далѣе говорится, что отецъ Кирилла и Меѳодія назывался Константиномъ, а не Львомъ; что Меѳодій пытался увести изъ Рима, съ собою, тайнымъ образомъ, тѣло своего брата, но не могъ поднять его съ мѣста. *Cyrill u. Method. §. 4, S. 26 — 32, Руск. 18—22.*

18. Онъ родился въ ту ночь, въ которую отецъ его убилъ брата своего, Вячеслава, и по тому названъ былъ Страхвасъ (страшный пиръ, пиршенство, угощеніе), какъ ето слово (квасъ) имѣетъ, между прочимъ, значеніе въ Чешскомъ и въ некоторыхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Убійство произошло 936 года, сент. 28 дня, въ среду, по Добнеру (*Annal. Haues. III, 652—657*), что принялъ и Палацкій въ свою *Geschichte von Böhmen, Prag, 1836, I, S. 208—209*, но послѣ, въ «*Dějiny národu Českého, I, 1848, стр. 237, примѣч. 22 0*

XIV

согласился съ показаніемъ Церковнославянскаго Житія Вячеслава, по которому ето случилось въ понедѣльникъ 935 г., какъ доказывалъ то уже Пубичка въ «Chronologische Geschichte» II, S. 307—310.

19. Добровский, *Bořivoj's Taufe*, §. 26.

20. *Vita et Passio specialis S. Wenceslai Martyris*, въ спискѣ, XIV-го стол., Пражской митропол. библіотеки, въ коемъ и древнѣйшій списокъ Хроники Козьмы Пражскаго (*Scriptores rerum Bohemicarum*, T. I, 8, Prag. 1783, pag. XX). Тамъ же, S. 7 и 14.

21. Издано въ первой разъ Мейкеномъ въ *Scriptores rerum Germanicarum*, T. III, Lips. 1730, pag. 1830 и слѣд., по древнему Дрезденскому списку; оно приведено тутъ, въ видѣ дополненія къ Лѣтописи Козьмы и составляетъ основной источникъ для всѣхъ послѣдующихъ Житій, далеко превышающихъ его подробностями и украшеніями.

22. Въ спискѣ Пражской Публичной библіотеки, о коемъ упоминаетъ Бальбинъ въ 3-й части *Bohemia docta*. Prag. 1777, §, pag. 115. *Dobrowsky, Bořivoj's Taufe*, S. 16 — 23.

23. *Bořivoj's Taufe*, S. 23—28, гдѣ подробно доказано все ето.

24. *Dobrowsky, Cyrill und Method*, §. 3.

25. Извѣстіе Сазавскаго монаха о Прокопій почти тѣми же словами внесено въ другое Житіе сего святаго, писанное по Латини и переведенное кѣмъ-то съ Славянскаго: «Deo tamen conscio teste historia veridica, de sclauonicis literis in latinatam translata, cujus materiam succincte adior explicare: Procopius natione Bohemigena ex ingenuis parentibus... cujus origo exstat ex quodam territorio, cui nomen vulgariter Chotim... Videntes ejus praeclari genitores pueri tantam gratiam Dei in eo rutilare, commendaverunt eum in castro Visegradensi magistro liberalium litterarum studiis, ut eorum informatione coelestibus institueretur disciplinis, ubi tunc temporis famosum studium *Sclauonicae linguae* vigebat», etc. Можетъ быть, сдѣсь подъ «*historia veridica*» разумѣется сказаніе о св. Прокопій на Чешскомъ языкѣ, находящееся въ пергаменной (на 122 л.) Градецкой рукописи, принадлежащей библіотекѣ князя Лобковица въ Прагѣ, по письму начала XIV-го вѣка, но по языку гораздо старѣе; доказательствомъ тому, по словамъ Шафарика, служить порча многихъ стиховъ и римъ. Первоначально Сказаніе ето напечатано В. В. Ганкой въ «*Starobylá skládání. W Praze 1817, I. str. 1—51*; потомъ Шафарикомъ въ «*Wybor z literatury české. W Praze, 1845, str. 182—212*.

Оно начинается такъ:

«Slyšte starí, i wy děti,

co jáz vám chci powědieti,» и проч.

Дале: «Swatý Procop jest Slowenského roda,
 nedaleko ot Českého Broda;
 tu wes dobře bůh rozplodil,
 w niež sě ten swatý urodil.
 A wšak dobře powědieti směji:
 tei wsi jmě Chotún ději,
 w niejžto bydlěše stary kmet,
 ten sobě imieše mnoho let,
 Swá ženu šlechtnú jmieše
 S nřžto manželstwo držeše...
 Prokop ot dětinstwie swého
 by chowanie welmi čsného:
 po boze tworcí tůžieše,
 Swětskú sláwu potupieše...
 Widúce to roditeli,
 jakého synáčka jměli,
 wzachu mezi sobú radu,
 chtiec jej sláti k Wyšehradu,
 k mistru na slowo wzatému,
 by jej učil čtení wšemu,
 kdež slawné učenie bieše,
 w Slowenském jazyku kwěše.»

Сходное читаемъ еще въ одномъ старомъ служебникѣ: «Erat S. Procopius bohemus oriundus de quadam villa Chotin, non longe a Praga, a beato Cyrillo *sclavonicis apicibus* episcopo imbutus, in Visegradum a parentibus nobilebus ad scholas ad literas appositus.» etc. См. «Сазаво-Еммауское святое благовѣствованіе, нынѣ же Ремьское, иждив. В. Ганкы.» Прага, 1836 г., III—VI.

Все это, между прочимъ, свидѣтельствуеъ также объ употребленіи Церковнославянскаго языка и въ Чехахъ со времени пребыванія Кирилла и Меѳодія въ Великоморавскомъ Государствѣ, который преподавался въ самой столицѣ Чехъ, Вышеградѣ. Послѣ передачи Сазавскаго монастыря (въ коемъ особенно процвѣтало Славянское богослуженіе по обряду Православія) Латинскому духовенству, Сазавскій монахъ сказаніе о своей обители заключаетъ слѣдующими замѣчательными словами: «et libri linquae eorum (Славянскихъ Православныхъ инокѡвъ) deleti omnino et disperditi, nequaquam ulterius in eodem loco recitabuntur.» pag. 102, ed. 1783 г. Послѣ было еще нѣсколько попытокъ возвратитъ потерянное, т. е.,

вести изученіе Церковнославянскаго языка и богослуженіе на немъ въ Чехахъ, что и въ Гусовомъ возстаніи противъ Рима играло важную роль, да и теперь сердца просвѣщенныхъ Чеховъ неравнодушны къ этой святынѣ. Вспомнимъ борьбу знаменитаго Добровскаго. См. «Примѣчаніе» наше объ этомъ къ соч.: «Православіе у Чеховъ, соч. Ев. Новикова,» въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1848 года, кн. IX-я.»

26. См. *Добровскаю* Cyrill und Meth., S. 51, въ Руск. стр. 37, гдѣ онъ неправильно названъ *Градскимъ* монахомъ, по Нѣмецки Hradischer Mönch (слѣдовало, по крайности, перевести «Градшійскій» монахъ). Названіе «Градшійскій» монахъ дано ему Добнеромъ и другими, на томъ основаніи, что въ лѣтописи его много извѣстій о Градшійскомъ монастырѣ (близъ Оломуца, основан. 1077 г.). Но Палацкій, опираясь на списокъ его лѣтописи, допавшійся ему въ руки 1829 г., съ надписью: «Liber monasterii Opatovicen», назвалъ его монахомъ «*Опатовицкимъ*», по Опатовицкому Бенедиктинскому монастырю на р. Лабѣ, между Краловеградцемъ (Koenigin-graetz) и Хрудимомъ, основ. 1088 г. королемъ Вратиславомъ и разруш. въ Гуситскія войны. Сдѣсь, стало быть, жилъ сочинитель этой лѣтописи, принадл. XII-му в. уже по своему списку, на пергам., въ листъ. Составитель ея пользовался многими рукописями (Козьмой, продолжителемъ его, Сазавскимъ черноризцемъ и друг.); она писана неровнымъ слогомъ, а это заставляетъ думать, что въ составленіи ея участвовали многие. *Palacky*, Würdigung der alten böhmischen Geschichtsschreiber. Eine gekrönte Preisschrift. Prag. 1830, S. 52—64.

27. См. J. Lucius (Лучичъ) De regno Dalmatiae et Croatiae lib. IV. Amstel. 1666, f. Въ Вѣнскомъ изданіи этого сочиненія она пропущена, а «*Kronika Hrvatska iz XII vѣka*,» переведенная съ Сербскаго на Латинскій Маркомъ Маруломъ 1510 года и напечатанная Швандтиеромъ (въ *Scriptores regum Hungaricarum. Vindob. 1746—48, f.*) теперь издана на языкъ подлинника въ 4-ой книжкѣ «*Arhiva za povѣstnicu jugoslavenaku društva za jugoslavenku povѣstnicu i starine u Zagrebu*, 1851, стр. 1—37», гдѣ въ предисловіи подробно изложена судьба ея (1—3). Отношеніе ея къ первой, съ которой чрезвычайно сходна (почти дословно въ большей части изложенія), по сю пору не рѣшено еще окончательно.

28. Приморскіе Далматскіе города, напугавшіеся, отъ долгаго общенія съ Италіей, Западными мыслями, просили папу, Николая II-го, созвать новый соборъ противу Православнаго богослуженія,

которое, не смотря на два первые, бывшіе слишкомъ за 130 лѣтъ передъ тѣмъ (въ Сплитѣ 925 г. и Салонѣ 928 г.), при папѣ Іоаннѣ X-мъ, сильно держалось въ внутренней Далмаціи, между Славянскимъ народонаселеніемъ. Соборъ этотъ былъ открытъ, подъ предсѣдательствомъ Кассинскаго аббата, а Сельвскаго епископа, Майнарда, въ Салонѣ 1059 г., на коемъ, въ третій разъ, Православное богослуженіе запрещено, церкви же, въ которыхъ оно отправлялось, закрыты, Меѳодій, какъ виновникъ его, объявленъ еретикомъ, а Кириллица названа Готской азбукой. Спустя 5 лѣтъ, постановленія этого Собора были повторены на новомъ, въ Сплитѣ 1064 года. Однако же, Православіе, гонимое Римомъ и ни кѣмъ не защищаемое, до того было крѣпко въ Далмаціи и Хорваціи, что еще въ началѣ XIII-го вѣка (1204 г.) въ нихъ находился одинъ лишь чисто Католическій монастырь (сообщивъ pure Latinum. *Bardosy, Supplem. Analect. Scerpus.* 1802, pag. 196. *Schlözer*, Несторъ, III Theil, S. 176.). Впрочемъ, преслѣдуемые нашли, около половины XIII-го столѣтія (1248 года), защитника въ самомъ папѣ, Иннокентіи IV-мъ, который разрѣшилъ Корбавскому епископу отправленіе богослуженія на Церковнославянскомъ языкѣ, но придерживаясь Римскаго обряда, сперва по Глагольскимъ книгамъ, смѣнявшимъ Кирилловскія, взявшія было опять верьхъ въ половинѣ прошлаго вѣка, хотя и Глаголица коегдѣ и теперь еще употребляется, а потомъ когда послѣдняя очень упала, и по Кирилловскимъ. Наконецъ, вмѣсто того и другаго письма стали вводить Латинскія буквы. Отъ того число Католиковъ возрасло нынѣ въ этой землѣ до 350 т., которые имѣютъ архіепископа въ Задрѣ и 5 епископовъ (въ Шибеникѣ, Сплитѣ, Лезинѣ, Дубровникѣ и Которѣ), а Православныхъ, не взирая на всѣ непріятности, слишкомъ 80 т. съ 11-ю монастырями и епископомъ въ Задрѣ. См. *Николаевича* (Георгія, протоіерея въ Дубровникѣ) «Епархія Православная у Далмаціи,» въ «Сербско-Далматинскомъ Магази́нѣ за лѣто 1850. Загребъ, стр. 1—50.

29. Именно, въ статьѣ «О чтеніи книгъ.» По другому списку это свидѣтельство о Житіи Кирилла такъ читается: «Послушанте житіа сѣго Касмаіа и сѣго Кирилла Философа, и нѣтъхъ многихъ сѣтъхъ, како ти исперки повѣдають ѿ нѣхъ рече, како измада придежду ѿ сѣтъхъ книгъхъ, то же на добраа дела поденгизашася.» Списокъ этотъ XVI вѣка разобранъ А. Х. Востоковымъ въ «Опис. Румянц. Музея, № 182, стр. 230—232, а самая статья доставлена имъ Н. С. Тихонравовымъ, получившимъ ее отъ г. А. Н. Пыпина, который списалъ оную съ подлинника. Очень замѣчательно, что о нашемъ Кириллѣ говорится также въ одной статьѣ, именно 5-й, въ рукописи подъ № 35-мъ Московской Духовной

XVIII

Академіи (въ листь, на лосвящ. бумагѣ, писанной уставомъ, съ кано-варными заглавіями и прописными, на 243 листахъ, оправленной въ кожанья доски, нѣкогда съ застѣжками), содержащей въ себѣ, съ 1-го по оборотъ 22-го листа: а) «Житіе и жизни прѣснаго ѿца шшего Іоанна Дамаскина, списано Іоанномъ патріаркомъ Антиохійскимъ.» Нач.: «Ниже во образъ вѣно сохранившимъ,» и пр.; б) «Притва о какомъ довороднемъ.» Нач.: «Уамъ довороденъ иде ѿ страиз длауе прѣти црѣко собѣ,» и пр. (10 строкъ); в) «Слово неркое ѿ Бѣт, Іоанна Ехарфа,» т. е., «Книга небеса» или «Богословіе,» но безъ предисловія (съ обор. 22-го по обор. 76); г) «Притва о сшии.» Нач.: «Изде съвецъ сьити сьмані своего» (36 строкъ); д) «Слово стго Григоріа папы Римскаго.» Нач.: «Добро, братіе, и полезно естъ какому взрив поунтаіе книжное,» и пр. (38 строкъ); е) «Слово стго апла Павла, истолковано Іоанно Злаустѣ і Василіемъ Великимъ.» Нач.: «Придемъ, братіе, да оуслышѣ слово ползы,» и пр. (съ обор. 77 по обор. 78-го); ж) «Слово стхъ ѿцъ Хрѣтиѣ.» Нач.: «Рекъ вы послышите любовно, братіе,» и проч. (по обор. 79 лис.); з) «Толкованіе неодоно познаваемымъ ркуѣ» (оборот. 80—94); и) Объ удареніяхъ (95—96); і) Пасхалия (97—100); к) «Книга глемал, Домлтѣ,» (101—119); л) «Азвуконикъ» (по 124); м) «Послание стго Іоан Дамаскина ко стиз сѣиноейнхъ Козухъ Маіоумскому» (по 129); н) «Смуданіе ѿ вѣстевномъ писани стыхъ книгъ, како подобаѣ писати стое і посрѣнсе і ѿнѣнес, і что писѣ по ѣзметѣ, і его не подобаѣть покрывати.» и пр. (съ 130 до конца). Статья эта очень напоминаетъ извѣстную статью Ермитажнаго Святославова Сборника, но имѣетъ и свои особенности. Предлагаю ее здѣсь для сличенія: «Добро, братіе, и полезно естъ какому взрив поунтаіе книжное; вѣдени бо реуе пытающен сьаніл его; слышаше бо всегда слово вѣіе не забавдимъ ѿ истиннымъ; велики бо молуа намъ, в матежи мира сего будише, поунтаіе книжное; а се же велики естъ зло і погнесь дши, еже не слышаше оученіа, безвѣстно жити. Но да са изладимъ оученіа вѣтвейнаго; дражна бо злата и каменіа многоцѣннаго, прлитель естъ і оутверженіе дши; реуе бо дѣхъ прѣк: въ срѣцѣ мовмъ сѣрѣ словеса твоа, да не согрѣши тебѣ. І како жъ оудѣ мовски прлитель естъ, тако и уамъ востахуетса ѿ поустошнмъ, слыша оутѣл стла; і како же полоненѣ оумъ ко своимъ страиз естъ, тако нмѣа страхъ вѣіи, всегда мыслнтъ ѿ нѣнѣи и желаетъ оуѣіа слышати. Слыши жъ, како ти хвалитъ прѣк не поунтаіоцла, ни слышашла оуѣіа: проклати оуилоноуенсеа ѿ заповѣден твоѣ, і злѣ осудатса. І самъ са поклати, гла: Коль сладки словеса твоа, пауе меда оустѣ мовнѣ, і законъ оустѣ твоѣ пауе тысяща злата и сребра, и во святѣ гла коз-

радуются духъ о словесехъ твоихъ, мною открытыя помысли мнози; помысли прежде словеса быша. Да и нынѣ ихъ слышати получимъ смыслено; всѣ бо дѣломъ добрымъ научило есть поученіе сѣи книги, і велика есть полза оученіе слышати сѣго Василія, і Нбѣина Златоустаго, і Сѣрміа, и Кирилла Философа, і нынѣ сѣмъ, да хдѣ вѣоучѣнѣи поживше, омамо чрѣтка несеснаго сподобимъса клѣтїю Гдѣи нѣшего.»

30. На Чешскій переведенной В. В. Гаякой и напечатанной въ Савор. česk. Museum 1846, I, стр. 3—33. Первое извѣстіе объ етой статьѣ и употребленіе въ дѣло заключающагося въ ней сдѣлано было мною въ моемъ соч.: «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-Книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій,» помѣщен. въ Журн. Мин. Нар. Пров. 1843 г., кн. 6, стр. 15.

31. Житіе Кирилла въ рук. бібліотеки Московской Духовной Академіи, XV-го стол., въ лпстѣ, на лоснящейся бумагѣ, полуустав., съ кинноварными заглавными и прописными буквами, содержащей въ себѣ: 1) л. 1—340: Толкованіе на 16 пророковъ (извѣстное въ нѣкоторыхъ спискахъ съ подписью попа Упиря, на примѣръ, въ бумажи. XV-го же вѣка, въ лпстѣ полууставомъ, принадлежавшемъ Петербургскому Биржевому маклеру, Федору Иван. Немилову, а теперь Ржевскому купцу Е. В. Берсеневу); 2) л. 341—365: «Мѣдѣ Помикрѣа дѣ Житіе и жизнь и подвизи прѣподобнаго оца нашего Іованѣина» (ум. 847); 3) 365—389: «Мѣдѣ Оскрварѣа къ, дѣ. Житіе и жизнь, и подвизи, иже въ сѣмъ оца нашего Койстантїна философа, прѣваго истаинни и оучнела Слокнїеиз «измык; 4) л. 390—393: «Тѣмъокаїе (о) Аполїстїа и Сѣсѣрїаи чрѣки» (неполное), и нѣкоторыя еще мелкія статьи, болѣе толковательнаго содержанія, каковы: «О прїносѣ ветхаго закона» (13 строкъ); «Законоин образи о Хѣ сѣрѣшишѣ» (36 стр.); Притуд о тѣлѣ и о дѣи ульстїа (34 стр.); Сѣга Григорїа Бгослова о вѣакичѣ» (9 строкъ). Рукопись оправлена въ красноватую кожу и значится подѣ № 19-мѣ. А Житіе Мееодїа въ Четь-Минен на апрѣль и май, бум. рук. въ л., на 349 л., принадлежащая той же Академіи подѣ № 94; она писана полууставомъ двухъ почерковъ (первый по 238, а второй далѣе до конца); съ 105 по обор. 115 Житіе (на 11-ти лпст.), а за нимъ Похвальное Слово по 128 (на 9-ти л.). Въ етой же рук., между прочимъ, находятся: 1) Сназлїе о уюдесѣхъ сѣю Ромлїа и Длѣвїа (218—232, на 14 л.); 2) Мѣнїе сѣихъ Кроуглѣа, Мажїа и Коуица, къ крещенїи Антоїа, Іованїа и Сѣстлѣа, пострадавшихъ въ Антоковен землїи, къ Кидїа, хдѣ Прѣкраслїевию вѣроу ирѣтїанскїю» (300—304), и 3) Прѣваго ко сѣрїанномїихъ оца нѣшего Сѣнфїанїа слово о житїи и оученїи сѣго оца нашего Сѣфїанїа, вѣн-

шлго въ Пермь Ёйкыя (362 — 876, на 15-ти тетрадахъ и полъ 4 листа). Всюду книварыма заглавія и многія изъ прописныхъ буквъ; оправлена въ дерев. доски, покрытыя кожей.

32. «*Ramátky děvniho písemnictví Jihoslovanův. V Praze, 1851, 8.*»

33. На примѣръ: допущено отдѣленіе словъ по требованію смысла, писанныхъ вплошь; далѣе, уничтожены титла, вмѣсто которыхъ поставлены слова вплошь; возстановлены м и л на своемъ мѣстѣ; всюду оу вмѣсто ѣ въ словахъ Славянскихъ, и исправлены очевидныя ошибки переписчика (каковы: Вилггѣй вмѣсто Вугилѣй, трижники вмѣсто стрижники, и т. п.). Одобряя первое и послѣднее безусловно, я не нахожу нужнымъ прочихъ, по тому что подъ титлами скрываются и такія слова, правописаніе которыхъ не всегда можно съ достовѣрностью отгадать; а возстановленіе различія между м и л, оу и ѣ страннымъ покажется во множествѣ прочихъ несообразностей, оставленныхъ безъ исправленія. При томъ эта самая непослѣдовательность составляетъ одинъ изъ признаковъ, опредѣляющихъ вѣкъ и изводъ памятникѣвъ. По етому я не одобряю тоже и измѣненій, сдѣланныхъ В. В. Ганкой въ его перепечаткѣ Остромирова Евангелія, въ 12-ю д. л., въ Прагѣ, 1853 г. (XII и 206), съ предисловіемъ на Чешскомъ, Рускомъ, Булгарскомъ, Польскомъ и Сербскомъ, но съ опущеніемъ Мѣсяцослова и Греческаго подлинника, при томъ не по недѣлямъ, но по Евангелистамъ и главамъ. «Привнесенія составляютъ: ударенія по образцу вынѣшнихъ церковныхъ книгъ, и исправленіе ошибокъ правописанія, по аналогіи съ другими мѣстами, добавленіе пропущенныхъ смягченій и, л, р, ѳ, и нѣкоторыхъ достигательныхъ наклоненій (*virina*).» Поступая такъ съ древними рукописями, мы представляемъ читателю не то, или, по крайности, не въ томъ видѣ, въ какомъ найденное нами слѣдовало бы сдѣлать доступнымъ всѣмъ и каждому, но въ томъ, какъ намъ хотѣлось бы, чтобъ оно было, и тѣмъ лишаемъ возможности изучать памятникъ въ его первичномъ состояніи. По мнѣ, лучше все было бы наши исправленія не вносить въ самое изложеніе, безъ крайней нужды; но, если ужъ пришла охота отмѣчать ихъ, то отмѣчать въ примѣчаніяхъ, прибавленіяхъ, даже подъ чертой текста; или, на оборотъ, вставляя въ текстъ исправленіе, тутъ же показывать и самое ошибочное чтеніе, либо собрать всѣ промахи въ одно мѣсто, на концѣ изданія, съ ссылками на текстъ. Что до удареній, то извѣстно, что ихъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ нѣтъ, и, сверхъ того, въ новѣйшихъ большая разница, не только по разрядамъ рукописей, но даже и самыхъ переписчиковъ. Въ вынѣшнихъ Церковныхъ книгахъ ударенія стоятъ по выговору Рускому.

34. «Rozkvět Slowanské literatury w Bulharaku,» въ 1-й книжкѣ 1-й части «Časopis českého Museum. Praha,» 16; по Руски перевод. мною въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древн. Росс.,» тогда же, кн. VII, Отд. III, стр. 11.

35. Тамъ же, стр. 6 и 16, въ Руск. 4 и 11.

36. Тамъ же, стр. 8 и 19, въ Руск. 6 и 13.

37. *Πολυδρόσιον μοναχίριον* по разысканію сочинителя статьи «О Кириллѣ и Меѳодіи,» помѣщенной въ Москвитянинѣ 1843 года, со-общенному мнѣ лично, въ прошлѣ іюлѣ, находился на горѣ Сигрїанской, недалеко отъ города Кизика, на Азіятскомъ берегу Мраморнаго моря. Въ немъ постриженъ Теофанъ, извѣстный писатель Хронографа. Paris. 1655, и въ Act. SS., mart. T. II, p. 213—228.

38. Въ пергаменномъ Сборникѣ, въ два столбца въ листъ, уставомъ, № 119^а/₅-й, принадлежащемъ Московскому Чудову монастырю. «Похвала» эта встрѣтилась мнѣ еще, уже по отпечатаніи етого (3-го), листа, въ Макарьевской Четъ-Миней, подъ 25-мъ ноября, что было и прежде извѣстно изъ «Оглавленія Четй-Миней, сдѣланны монахомъ Евѳиміемъ, справщикомъ и сотрудникомъ Епифанія Славинецкаго (стр. 18, столб. 2-й), гдѣ и самое начало ея приведено; но, такъ какъ я не имѣлъ ее въ ту пору еще въ своихъ рукахъ, то, по тому, и не могъ ея воспользоваться. Теперь, въ дополненіе къ сказанному мною въ самомъ изложеніи моего изслѣдованія, замѣчу, что это твореніе Климента занимаетъ шестое мѣсто въ числѣ прочихъ статей о Климентѣ подъ упомянутымъ днемъ, именно, стр. 2285, стол. 1-й: «Продогъ. Мѣдъ тогѣ .іе. страсть сѣго мѣника Климента архіеяйна Римскаго.» Нач.: «Климентъ премоудрин Римлянинъ, баше оуценникъ и млыстинникъ стѣхъ айль.» (37 строкъ). «Въ топже дѣнь принесеніе мощей сѣго Климента ѿ глѣцнны моря къ Корсоуль.» Нач.: «Въ црѣтко Микифора затвориса море» (2+28 = 30), а на листѣ 2289: «Мхуеиѣ сѣго Климента, патрїарха Римскаго, уствертаго кыкша но апостола Петра.» Нач.: «Уствертын Римстїи црѣки приставникъ бысть Климентъ (12-ть столбцевъ, съ 2289 по 2294 л.). Далѣе: «Въ томъ же дѣнь слоко ѿ уюдеси сѣго архіеяйна Херисоньскаго Климента.» Нач.: «Дикенъ Бгъ во стѣ своихъ прлвекно слоко рещи нынѣ съ пророкомъ» (7-мъ столбцевъ, съ 2294 по 2300). Потомъ ужъ слѣдуетъ: «Похвала стѣмъ Климентѣ, патрїарху Римскому, написана Климентомъ Епископомъ.» Начало въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ отлично отъ начала по списку Чудова монастыря, на примѣръ: «Неко радветса и веселитса святообразными звездами оуцрлнсно сын, вендрусеннокуе хвалѣ творцю своемоу късылаетъ, црѣки же Хїа имѣши доброконныа звезды пррѣны апостолаы и мѣны же и

архїера съ пренодовыми, и тѣхъ благозвучными словесы оукрашались, словесы святаго личностноусть,» и пр., что по списку Чудовскаго монастыря такъ: «Ибо радостно неселитъ святообразными звездами оукрашено сын, неизреченны хвалы творцю своему вславасть, цркви же Хѣа, нмоуши доброкониши цвѣты пррцы и аплаи, мѣткы же и архїскрпн с прейбѣтныи, и тѣхъ благозвучными словесы оукрашались, святаго личностноусть.» Да и въ прочемъ значительныя разнословія. Не говоря о другихъ, возьмемъ хоть то мѣсто, которое я привелъ въ самомъ изложеніи егото изслѣдованія: «Ревнителя же и хвалитинныя доброу старын крагъ діаволаи наоусти етера слоугоу своего дѣшнелона игемона, да скратити и носморъ благоуезное его житіе.» Вообще, списокъ этотъ, какъ показываетъ все, приведенное мною изъ него доселѣ, далеко уступаетъ въ исправности Чудовскому, но, съ другой стороны, въ немъ нѣтъ же тоже довольно важныхъ особенностей. Онъ занимаетъ въ Четъ-Миней 8 столбц. (съ половины 1-го столбца 2300 листа почти по конецъ 1-го же столбца 2304-го). Съ 2313-го листа по 2375 помѣщено Житіе Климента, въ которомъ послѣдній вездѣ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ; заглавіе этого Житія таково: «Въ томъ же днѣ сѣго сѣенномѣниа Климента еппа Римскаго, оуученика сѣго апла Петра.» Начало же, въ видѣ посланія: «Климентъ, Іаковъ гбоу епипн І епипомъ епипн, сълюдиа, иже изъ Іерлмн стору Хрїстїанскую цркви, и иже всюду бжїимъ промыслѣмъ оутверждены добръ, Хѣ Бга ншго черьїкии съ прѣскутеры же и съ служекии, и проуїимъ ксен братїи миръ боуди ксегда. Сыздало ти буди, гѣе мон, илю азъ Климентъ, Римскимъ житель сын, и изъ пррцтмъ образа црлоуфренн жити възмогъ, разоумъ моемоу ѿ дѣтствн непрядннствующъ ѿ желанїа, еже изъ мнѣ о неалдѣ же и болазне, сен бо въ мнѣ помыслъ не камъ ѿвѣду наудало прїимъ, ѿ смерти уасто теора късвоимнаниа,» и проч. Въ этой автобіографіи множество важныхъ данныхъ, равно какъ и языкъ чрезвычайно замѣчательнъ, представляя всюду довольно особенныхъ словъ, выражений и тому под., нигдѣ почти не встрѣчающихся. Наконецъ, съ л. 2375 по 2406: «Слово похвалное сѣенномѣниа Клименту, оуучикоу сѣго апла Петра.» Нач. «Великаго и неизреченнаго бжїа пророкоумнїа показанїе изъ уїкѣмъ, исмытанте рѣ писанїа, и к ннѣ ѿбращете жнко вѣуиши; иудатомъ бо ксемоу добръ мѣтла ѣ, и спїїа и жнзи иуднмъ ходатаица,» и пр. Кроме того, на л. 2415 (въ 1-мъ столбцѣ), въ другомъ Прологѣ того же 25-го ноября, встрѣчаемъ еще три извѣстія о Климентѣ: Проложнѣе Житіе, которое еще короче помѣщеннаго выше (всего 22 строчки):

«Сѣго свѣдомоуцешина Климентѣ едина Римскаго.» Начало: «Климентъ премудрымъ, Римлянинъ влеше родомъ, чѣмъ рода сынъ, Флаусти и Матѣи сѣхъ» и проч. За тѣмъ: «Уюдо сѣго Климентѣ е струлати.» Нач.: «Низъ и уюдесамъ Бгъ прѣсказала и по сѣрти своего оугодишиа уюдоуцешностъ влде и прензацише» (13+23=38 строкъ), и, въ заключеніе (во 2-мъ столбцѣ): «Принесеніе мощей сѣго великомѣтѣи Климентѣ ѿ глоуцины морскія в Корсоуцъ» (19+15=34), представляющее нѣсколько особенностей отъ помѣщенного на л. 2285, большею частью въ языкѣ Въ етомъ же мѣсяцѣ Макарьевскихъ Четь-Миней находится и Похвальное слово Климентѣ небеснымъ архистратигомъ, и при томъ вдвойнѣ. Первый списокъ подъ 8-мъ ноябрѣ, на л. 170-мъ (столб. 2-й): «Мѣца Новабра .ѿ. днѣ. Поужла архистратигоу Михаилоу.» Нач. «Наста праздниуюцки прѣсказуе торжество беснѣпнѣи силъ» и пр. (съ 170 по 174, столбцевъ 7-мъ); а второй (съ 197 по 200, 8 столбц.) озаглавленъ такъ: «Слово похвальное беснѣпнѣи Михаилъ и Гавриилъ, сѣтворено Климентѣ едина.» Какъ обыкновенно водится, и оно предлагаетъ нѣсколько отличій въ языкѣ, а и того больше въ правописаніи.

39. Какъ Прологъ Московскаго Успенскаго Собора подъ № 178, такъ и Сборникъ Чудова монастыря № 110⁸⁵-й, изъ коихъ содержатся въ первомъ: Житіе Меѳодія и Похвала ему и Кириллу, а во второмъ: Похвала Клименту Римскому, виѣсть съ Похвалой архистратигу Михаилу и Гавриилу, «списанная» или «сотворенная Климомъ» или «Климентомъ епископомъ», выписаны были мною, какъ секретаремъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, изъ мѣсть ихъ находенія, по запискѣ В. М. Ундольскаго, осенью 1846 года, виѣсть съ прочими рукописями, именно Сборникъ для него, а Прологъ для себя. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 23 марта, 1848 года, на запросъ мой, когда и какъ открыты были эти три, неизвѣстныя дотолѣ никому, слова Климентѣ, съ приписью «Епископа Словѣнска», онъ, изложивъ подробно исторію своей находки, приобщилъ, къ концу отвѣта, и «Списокъ сочиненій Климентѣ», извѣстныхъ ему до того времени. Письмо и списокъ сочиненій были помѣщены мною въ «Предисловіи» къ статьѣ «Славяно-Рускія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго» (стр. X—XI), напечатанной въ VII-ой книжкѣ «Чтеній въ Общ. истор. и древн. Росс.» 1848 г. Кромѣ означенныхъ выше рукописей, содержащихъ въ себѣ Житія Кирилла и Меѳодія, а также и Похвальное Слово имъ, послѣднее находится при упомянутыхъ Житіяхъ: а) по рук. Москов. Успенскаго Собора, при Житіи Меѳодія (съ об. 110-го по обор. 115 л.), съ заглавіемъ, приведеннымъ въ текстѣ этого изслѣдованія;

б) по Макарьевской Четь-Минен на февраль, при Житіи Кирилла (л. 922—929): «Слово похвално на память ст҃ыхъ и преславныхъ оу҃телемъ Словенскихъ языкъ сотворшешу (!) писмены емоу и предлождшемъ на новыи и кетхыи языконъ (!) къ языкы (!) ихъ, вѣжншому Кириллу философу, архіепископу Панонскому (!) и Мефодію»; в) на октябрь, 14 дня, при Житіи его же (л. 910—920): «Слово похвално на память ст҃ыхъ и преславныхъ оу҃телемъ Словенскихъ языкъ, сотворшешу (!) писмены емоу и предложшима на новыи кетхыи языконъ къ языкы (!) ихъ, вѣжншому Кириллу, архіепископу Панонскому (!) и Мефодію»; г) на апрѣль, при Житіи Мефодія (л. 922—929): «Слово похвално на память ст҃ыхъ и преславныхъ оу҃телемъ Словенскихъ языкъ, сотворшешу (!) писмены емъ и предложшима на новыи кетхыи языконъ къ языкы (!) ихъ, вѣжншому Кириллу, архіепископу Панонскому (!) и Мефодію»; д) въ Четь-Минен на апрѣль же Москов. Духов. Акад. № 94, при Житіи Мефодія (съ об. 115 по об. 124): «Слово похвално на память ст҃ихъ и преславныхъ оу҃телемъ Словенскоу языкъ, сотворшешу (!) писмены емоу и предложшешу (!) на новыи кетхыи языконъ (!) къ языкы (!) ихъ, вѣжншому Кирилу Панонскому (другой рукой прибавлено «архіепископу») и Мефодію»; е) въ Сборникъ той же Акад. № 63, послѣ Житій обонхъ братьевъ (л. 128 — 136): «Слово похвално на память ст҃ихъ и преславныхъ оу҃телемъ Словенскоу языкъ, сотворшешу (!) писмены емъ и предложшешу на новыи кетхыи языконъ (!) къ языкы (!) ихъ, вѣжншому Кирилу (архіепископу Панонскому (!) и Мефодію»; ж) въ библіотекѣ И. Н. Царскаго, именно, въ рук. № 702, Четь-Минен на мѣс. февраль (полууст. разн. XVII в., въ л., 100 л.); въ ней, на л. 463-мъ и дал., подъ 14-мъ февр.: «Въ той же день Слово похвално на память святыхъ и преславныхъ учителей Словенску языку, сотворшеша писмены ему и предложшеша Новый и Ветхий Законъ во языки (!) ихъ, блаженному Кирилу Философу, Архіепископу Панонскому (!) и Мефодію»; з) въ Волоколамской монастырской библіотекѣ: «Слово похвално на память святыхъ и преславныхъ учителей Словенску языку, створившему (!) писмены ему и предложшешу (!) и на новый ветхий законъ въ языки (!), блаженному Кириллу и Мефодію, архіепископу Паннонскому.» Не имѣя возможности видѣть своими глазами послѣдніе два списка, я привожу заглавія изъ нихъ со словъ другихъ, и по тому гражданскими буквами. Что до «Похвалы Св. Кириллу, оу҃чителю Словенскихъ языкъ», то она, пока, извѣстна мнѣ только въ 3-хъ спискахъ: 1-й принадлежитъ В. М. Ундольскому, въ бумагахъ рукописи XVII-го вѣка въ л., при Житіи Кирилла (съ 28 по 31) № 161: «Въ тотъ же день похвала ст҃ому Кириллу оу҃чителю Словенскихъ языкъ, сотворено Климентомъ епископомъ;»

второй повменовать въ Описаніи библіотеки Царскаго, въ Сборникѣ № 379 (писанномъ разными почерками исхода XVI стол., въ 4-ку, на 434 листѣ), съ приписью: «сътворено Климентомъ Слѣснономъ,» и третій въ Миней, принадлежащей А. Михановичу, о которой упоминаетъ Шафарикъ въ своемъ изданіи Житія Кирилла и Меѳодія. Касательно же списка, находящагося въ Макарьевскихъ Четь-Минейхъ, по увѣренію Шафарика, то я его нигдѣ не нашелъ въ нихъ. Вѣроятно, извѣстіе о немъ сообщено было ему неосновательно. Шафарикъ въ своемъ изданіи Житія Кирилла (въ «Изборѣ Югославянскихъ достопамятностей»), напечаталъ, какъ «Дополненіе» (Pridavek), еще двѣ главы (XIX и XX), взятая изъ 2-го Львовскаго списка, полагая, что онѣ существенно къ нему принадлежать, хотя и сознается, что не знаетъ, гдѣ и какъ ихъ помѣстить. Дѣйствительно, мудро назначить етъмъ главамъ мѣсто въ Житіи Кирилла, тѣмъ болѣе, что рассказываемое въ первой относится не къ Кириллу, но къ Меѳодію, а во второй дышетъ похвалою обоимъ. Но вся запутанность произошла отъ того, что составитель 2-го Львовскаго списка счелъ за нужное присоединить къ концу Кириллова Житія извѣстіе, въ видѣ продолженія, о томъ, что случилось съ братомъ его, Меѳодіемъ, оставшимся послѣ него въ Римѣ, взявъ это извѣстіе не изъ Житія его, но изъ Климентова «Слова Похвальна» обоимъ братьямъ, что доказывается дословнымъ сходствомъ того и другаго, т. е., дополнительныхъ главъ и Похвальнаго Слова. Но помѣщая ихъ (XIX и XX главы), Шафарикъ видѣлъ, что онѣ не совсѣмъ идутъ къ Житію Кирилла, и по тому оговорился, что не знаетъ, какъ быть съ ними: «pri opom žadné potoci odjinud petaje.»

40. Они собраны и приготовлены къ изданію неумолимымъ библіографомъ нашимъ, В. М. Ундольскимъ.

41. См. «Раздвѣтъ Славянской письменности въ Булгаріи,» стр. 10, а въ Чешскомъ подлинникѣ стр. 16—17. Всѣ извѣстія о разныхъ предпріятіяхъ у насъ по изданію Церковнославянскихъ памятниковъ, содержащихся въ этой статьѣ Шафарика, почерпнуты имъ изъ монхъ писемъ къ нему.

42. Житія Кирилла находятся, сколько мнѣ теперь извѣстно, кромѣ списковъ, упоминаемыхъ Шафарикомъ, еще: а) въ Макарьевскихъ Четь-Минейхъ, подъ 14-мъ февр., съ л. 900 по 2-й столбецъ 922: «Въ томъ же днѣ житіе оучителя Словенскоу азыхъ, Кирилла философа;» б) тамъ же, подъ 14-мъ октября, съ конца 2-го столбца 881 до половины 2-го же столбца 911 листа: «Въ томъ же днѣ память и житіе бѣжениаго зѣтаа нашего Константина философа, перваго наставника Словенскоу азыху;»

в) въ буж. рук. Москов. Дух. Акад. № 19-й, при Толкованіи на 16-ть пророковъ, послѣ Житія Іоанннкія, съ л. 365 по обор. 389: «Мѣдъ февраль въ, дѣ. Житіе и жизнь и подвизи, иже въ стѣхъ оца нашего Константина философа, прѣлага наставника и оуцителя Словенскихъ языкъ»; г) въ буж. рук. той же Академіи подъ № 63-мъ въ л., на 230 л., писанной четырьмя почерками: первымъ (полууставомъ) по 77: Бесѣды на Шестодневъ, Северіяна Гавальскаго; Вторые противъ Дрѣва ѿ вѣжениаго Дѣлмасіа (по 98 л.); другимъ, съ 99 по 113: первая половина Кириллова Житія по вопросу совѣтника Казарскаго кагана о Махметѣ, писана тоже полууставомъ, всploшь, по вторая третьимъ полууставнымъ почеркомъ, только въ два столбца, что идетъ до самаго конца, т. е., половиною 2-го столбца 120 л.; дальѣ: Житіе Меѳодія (по обор. 128), и Слово Похвально обонимъ (по 136); за тѣмъ: «Житіе вѣжениаго Петра чрѣнуа, вратаниа чрѣка Беркина,» и пр. (по 144); «Списаніе Епифанія архіепископа Кипрскаго ѿ житіа сѣла Бѣда і ѿ лѣтахъ живота ед,» по 153 л., съ коего опять прежнимъ полууст., именно: по 157 л. это же Житіе, а за нимъ, по 198: «Сѣто Васнаіа епископа Амурскаго посланіе и вѣщюемъ мною, впадшемъ во ѿуданіе; сохрание ѿ лѣтъ чрѣкихъ», съ 198 по обор. 205: «Вопросъ Алимпіа презвитера по Нканинъ мнхъ;» подъ ипшъ подписалъ кинноварью: «Прійнокъ ѿбщаго житія братіа чрѣки Виланской, православна Грецескаго въ дрекхрии братской годоу тысяща шесть сотъ осмьнадесятъ, мѣдъ сентабра въ уетвертныи надесятъ дѣи;» а на обор.: «Нзъображеніе егдальскаго ѿбщаго житія, зъ стѣхъ ѿчъ вратця сохранио» (по 214 л.); наконецъ, съ 214 до конца 230 л., четвертымъ почеркомъ, скорописнымъ: «Книга глѣсамъ Георгіа премудрешіа Писнаа, похвала къ Богъ ѿ сотвореніа вселъ твари.» Въ этой рукописи заглавіе Житія Кириллова таково: «Мѣдъ февраль въ дѣ. дѣ. Житіе оуцителя Словенскихъ языкъ, Кирилла философа» (съ 99 по 120); д) въ отдѣльной рукописи въ листъ, на бумагѣ, полууставомъ XVII-го в., съ кинноварными заглавіями, на 31-мъ л., оправленной въ доски, покрытыя черной кожей, съ застежками, № 161-й, съ заглавіемъ: «Мѣсецъ февраль, въ дѣ, день. Житіе вѣжениаго оца нашего и оуцителя Константина философа, прѣлага наставника Словенскихъ языкъ.» За нимъ, какъ сказано уже выше, въ примѣчаніи 39-мъ, слѣдуетъ «Похвала сѣмъ Крѣпкамъ, Каноника;» е) въ спискѣ, принадлежащемъ мнѣ, снятомъ другими, теперь уже не помню съ чьего: «Житіе вѣжениаго Кирилла философа, оуцителя Словенскихъ, составившаго грамотоу ѿ Русскомоу языкоу, Миралиидъ, Усхѣдъ и Лхѣдъ.» Въ концѣ его-то находится извѣстное мѣсто о твореніяхъ Кирилла на Гречес-

комъ, переведенныхъ на Славянскій Мефодіевъ, помѣщенное во всѣхъ прочихъ, доселѣ извѣстныхъ мнѣ, спискахъ въ срединѣ самаго Житія, послѣ одного прѣнія у Козарскаго кагана. За тѣмъ слѣдуетъ тотчасъ приписка о Войтѣхъ (какъ и въ спискѣ Московск. Академіи № 19), котораго подробно исчисляются дѣянія въ Чехахъ, Уграхъ и Ляхахъ. Судя по языку и выходкамъ противъ Езуитовъ и Польскихъ пановъ, ясно, что это извѣстіе составлено во время Уніи; ж) Въ Волоколамской монастырской библіотекѣ, по словамъ сочинителя «Исторіи Христیانства въ Россіи до равноапост. князя Владимира» (стр. 199, прим. 384), подъ заглавіемъ: «Февраля 14-го: *Память и житіе блаженнаго учителя нашего Константина философа, перваго наставника Словенску языку.*» Въ описаніи «Рукописей Славянскихъ и Россійскихъ», принадлеж. Царскому,» показано тоже Житіе Кирилла, именно, въ сборникѣ № 382, но, судя по началу, приведенному тамъ, кажется, это Проложное Житіе его («Въ Селунстемъ градѣ» и пр.). Житіе же Мефодія находится: а) въ пергам. сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора № 47⁵ (со 2-го столб. 102-го листа по 2-й же столб. 115), съ заглавіемъ, приведеннымъ уже въ самомъ изслѣдованіи; б) въ Макар. Четь-Минен на апрѣль, л. 173—181: «*Мѣся апрѣля ѿ .ѿ. днѣ. Памать и житіе блженнаго оца нашего и оунителя Мефодія, архіеппа Моравска;*» в) въ рукоп. Четь-Минен на апрѣль же Москов. Духов. Академіи № 94, л. 105—115: «*Мѣся того же .ѿ. днѣ. памать и житіе блженнаго оца нашего и оунителя Мефодія, архіеппа Моравскаго;*» г) въ Сборникѣ этой же Академіи подъ № 63, между Житіемъ Кирилла и Похвальнымъ Словомъ обоемъ, л. 120—128: «*Мѣся апрѣля въ .ѿ. днѣ. Памать и житіе блженнаго оца нашего и оунителя Мефодія, архіепископа Моравска;*» д) въ библіотекѣ Волоколамскаго Іосифова монастыря: «*Апрѣля 4-го. Памать и житіе блаженнаго отца нашего и учителя Мефодія, Архіепископа Моравскаго* (см. «Исторія Христ. въ Россіи» и пр.). Но что за Житія Кирилла и Мефодія, писанныя Глаголицей и находящіяся въ «Служебникѣ», или «Моливебникѣ»,» второй половины XIV-го в., приобрѣтенномъ въ 1846-мъ г. Вѣнской Придворной Библіотекѣ? См. извѣстіе о томъ въ «*Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft, herausg. von J. E. Schmalzer, 2-es Heft 1852, II. Einige altslawische und böhmische Handschriften in der kais. Hofbibliothek zu Wien, S. 67. 2: «Eine Pergamenthandschrift aus der zweiten Hälfte des 14 Jahrhunderts, welche einen Theil eines in altslawischer Sprache abgefassten Breviariums umfasst, worin sich unter Anderm auch die Legenden von den slawischen Aposteln Cyrillus und Methodius und*

zwar in glagolitischer Schrift erhalten hat. Dieses Manuskript wurde im Jahre 1846 angekauft.» Есть ли это Папнионскія Житія, или же Проложныя? А что Житія Кирилла и Меѳодія суть произведеніе одного лица, доказательствомъ тому, между прочимъ, тоже сходство выражений и оборотовъ въ обоихъ, на примѣръ: касательно приготовленія къ составленію азбуки, перевода богослужебныхъ книгъ, трезычной ереси, препиранія съ противниками, и проч. Данныя въ томъ и другомъ ни мало не противорѣчатъ себѣ; наоборотъ, нѣкоторыя изъ приводимыхъ сходны даже въ мелочахъ; таково показаніе о числѣ обращенныхъ Козарь, и проч. Что же до того, что они въ одномъ изъ нихъ излагаются подробнѣе, а въ другомъ сжатѣе, причина тому заключается въ самомъ предметѣ и цѣли каждаго изъ этихъ Житій. Въ Житіи Кирилла сочинитель наиболѣе распространяется о томъ, что непосредственно относится къ нему, и оканчиваетъ его вмѣстѣ съ кончиной блаженнаго; а въ Житіи Меѳодія, напротивъ, о Кириллѣ говорится коротко, точно какъ о Меѳодіи въ Житіи Кирилла; за то, съ какою подробностью разсказана жизнь Моравскаго архіепископа, когда онъ остался одинъ дѣятелемъ у югозападныхъ Славянъ! Стало, оба Житія одно другое пополняютъ, и сочинителю ихъ не приходилось распространяться съ одинакою обширностью въ каждомъ изъ нихъ объ одномъ и томъ же. Это, по мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, служитъ подтвержденіемъ мысли, что и то и другое составлены однимъ и тѣмъ же писателемъ.

43. См. «Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, соч. *Палаузова*.» Спб. 1852, 4, стр. 94.

44. Это твореніе Иоанна, ексарха Болгарскаго, какъ сказано уже въ 7-мъ примѣчан., вмѣстѣ съ прочими его сочиненіями и переводами, изготовлено мною даже самымъ печатаніемъ для помѣщенія въ отдѣлѣ «Славянскихъ матеріаловъ» въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ.» Изъ разноречій, относящихся къ нашему предмету, замѣчательнѣйшія: а) по списку бум. рукописи, въ 4-ку XV-го в. Московской Духовной Академіи, № 145, послѣ самаго «Богословія» и иныхъ почеркомъ, стр. 359—362: *Помже зѣмъ стѣи улѣвъ еѣи Константинъ, рекъ фѣлософъ, многы трѣды прѣа, строа писмена Словѣнскихъ книгъ и ѿ еѣага и апап прѣагага изѣоръ, ѣлико же достижѣ, живы въ мнрѣ семъ темнѣмъ, толико же прѣложѣ, прѣстѣпи въ бесконечнѣю скѣтаость, прѣагъ дѣаъ своѣ мѣдѣ, съ снѣже са и остѣаъ его къ житіи семъ великимъ рекъ еѣи архіепѣпъ Меѳодіи, братъ его, прѣагага вса чѣстлима книги, ѣте ѿтъ Славнскѣа азѣка, еже естъ Греѣескѣа, въ Словѣнскѣа; дѣаъ же се слышѣа, многѣага-*

ды са хотѣлъ покъснѣти зунтескаа сказанїа готока прѣложити къ Словѣнскимъ азукъ; оны бо .ѣ. прѣложилъ баше оуже Мефодїи, мко же слышѣ, збоумхса, помышлал, егда въ него шесто хоцѣа потрѣдїса на успѣхъ уади, прѣложити къ свои азукъ сказанїа зунтескаа, еда бѣдѣ нимъ на исказѣ; б) по бумажному списку рукописи «А л ф а в и т ъ», въ 4-ку, на 104 л., порядочной скорописи XVII-го в. (опралвенна въ дерев. доски, покрыты кожей), принадлежащей Библиотекѣ Императ. Общества исторїи и древностей Россїйск., въ описанїи коей, составленномъ П. М. Строевымъ, внесена въ отдѣленїе 1-е за № 3-мъ. Самому Алавиту, въ видѣ предисловія, предпослано «Храброво сказанїе о писменехъ», а за нимъ, на оборотѣ 3-го листа, «Нолїа прозвентерѣ і ехѣрѣа Болгарскаго томѣ же подобно пишетьса.» «Помеже збо бѣшѣ стѣи уаикъ Контїанїинѣ, философѣ глѣвѣ, многи треды принѣтъ, оустрама писанїе Словенскїи кнїгѣ, ѿ еуглаи, ѿ аїаа преллгамъ соборнѣ, еанко достїже, жнвѣи в мирѣ семѣ лѣвакомъ и темномъ и малокремїномъ, толнко приложи, пренде, и бѣконсунымъ жнкотѣ, принѣтъ тредовѣ свои мздѣ; по шнѣткнѣ же его кѣ гѣ остаси в жнтнѣ семѣ велїинѣ бѣшѣ архїепїкѣ Мефодїи, братѣ его, преложїи уставнымъ кнїги, .ѣ. ѿ Сланика азукѣа на Словенскїи. Азѣ же се слышалѣ, многѣжды восхотѣ понїшамѣса оууѣлїамъ сказанїи готока преложити ѿ Грекаго азукѣа къ Словенскїи азукѣа. Блѣжнннмъ бо Мефодїи .ѣ. преложилъ баше, мкоже слышѣ. Снмъ же помышлал, оукомхса, да не нако, хотнмъ потрѣдїтїса на успѣхъ уакомъ, преложити на свой азукѣа сказанїа оууѣлїамъ, бѣдѣ нимъ на вредѣ.»

45. Такъ по списку Московской Синодальной библиотекн № 145-й, въ малой листѣ (конхъ 214), на хлопчатой бумагѣ, четкимъ полууставомъ. Рукопись ета списана въ 6856 или 1348 для Булгарскаго царя, Александра, священноннокомъ Лаврентїемъ: «Трѣдѣ же и колѣзнь Лаврентїа многогратнїаго таѣа скащенноннокѣа.» Калаїдовичъ спрашиваетъ при семъ: «Что такое та хъ?» и приводитъ еще двѣ рукописи, въ конхъ переписчики называютъ себя тахами. Если бы спрашивающїи потрудился заглянуть въ Дюканжевъ «Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis (Lugduni 1688, fol.), то нашелъ бы объясненїе загадочному для него слову; тамъ, стр. 1537, сказано: *ατάχα, vox praemitti solita a Graeculis nomini dignitatis, in demissi animi ac humilitatis argumentum,*» и приведены примѣры употребленїа его. Слѣдоват., это отвѣчаетъ нашему «недостойный, смиренный,» и т. п. Списокъ этотъ напечатанъ Калаїдовичемъ въ его «Юаннѣ, Ексархѣ Болгарскомъ,» въ Приложенїи XI-мъ, сличенный съ изданїемъ Василїа Ѳеодор. Бурцова (въ Азбукѣ. Москва, 1637, 8, перепечатанной въ

Супрасльской типографіи, Черниговской губ. Клинцовскаго уѣзда, 1781, 8), и Н. Н. Новикова (въ 1-й части «Повѣствователя древностей Россійскихъ», Слб. 1776, и въ XVI-й ч. «Древней Росс. Вивліюэки», Москва 1791). Точно такое же заглавіе и по списку рукописи Московской Духовной Академіи, подъ № 145-мъ, содержащей въ себѣ сначала Шестодневъ Іоанна, ексарха Болгарскаго (по 275 стр.), потомъ Богословіе Іоанна Дамаскіана, въ переводѣ того же ексарха (280—362); послѣдняя же статья «О писменехъ черноризца Храбра», стр. 380—383. Первоначально Храброво сказаніе явилось въ печати, кажется, при Катилизисѣ, безъ означенія мѣста и года, по Добровскому, въ Вильнѣ 1575—1580, по томъ въ Азбукѣ или «Грамматикѣ, альбо сложеніи писмена хотящимъ ся учити Словенскаго языка младолѣтнимъ отрочатомъ,» въ 1673, въ Азбукѣ Бурцовой 1770; 1776 Новикова, 1781 въ Супрасльской Азбукѣ, и 1791 тоже у Новикова; далѣе у Калайдовича, у меня (см. ниже), И. И. Срезневскаго (въ статьѣ «Древнія Славянскія письмена,» помѣщенной въ Ж. М. Н. П.) и, наконецъ, у Шафарика, въ Прагѣ 1851: «Mnicha Chrabra o písmenech Slovanských,» 8, въ стр. 8, по изложенію Синодальнаго списка, напеч. К. Калайдовичемъ, исправленнаго по списку, найденному мною въ Вратиславѣ, и А. В. Горскимъ въ Моск. Дух. Академіи, съ возстановленіемъ прѣвильнаго употребленія полугласныхъ (ъ и ъ) и носовыхъ (а и ѡ), равно какъ и съ важнѣйшими разнословіями (10-ть по названнымъ спискамъ и 1-нъ по Бурцову и Новикову). Изъ этого открывается, какіе именно списки, по мнѣнію Шафарика, особенно важны.

46. По списку Болгаро-Сербскаго Сборника въ Саввинскомъ монастырѣ, въ Далмаціи, вѣроятно XV-го вѣка, откуда вывезенъ П. И. Прейсомъ и И. И. Срезневскимъ во время посѣщенія ими онаго; послѣдній напечаталъ его въ статьѣ: «Древнія письмена Славянскія,» въ Журналѣ Мин. Народн. Просв., съ разнословіями списковъ: Супрасльской Азбуки, Синодальнаго (у Калайдовича), Московскаго Академич. и Вратиславскаго Магдалин. Гимназіи, съ небольшими примѣчаніями издателя. Далѣе: по списку, найденному мною въ 1842-мъ г., въ Вратиславской (Бреславской) Гимназіи при церкви Св. Магдалины, въ рукописи, въ 4-ку, въ кожу оправленной, и озаглавленной на переплетѣ, «Молитовникъ,» въ самомъ же дѣлѣ «Служебникъ,» а въ Реестрѣ бібліотеки: «Reposit. XL, in 4-o, № 17. «Ein moskovitisches Buch.» Сказаніе это помѣщено тотчасъ за лѣточислительнымъ Сказаніемъ отъ перваго Никейскаго Собора, въ концѣ рукописи, на 4-хъ страницахъ. Оно напечатано мною уже разъ при статьѣ моей «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжнѣй языкъ есть Славянскій»

яно-Болгарскій», и слѣчено съ списками у Калайдовича, Бурцова и Новикова. См. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1843 года, книж. 6-я. Объясненіе замѣчательныхъ мѣстъ въ лексическомъ отношеніи сдѣлано тамъ же, въ слѣдъ за самымъ Сказаніемъ (стр. 29—39). Языкъ въ Бурцовскомъ и Новиковскомъ изданіяхъ Храброва Сказанія подновленъ; у перваго оно озаглавлено такъ: «Сказаніе, како состави святыи Кирилъ Философъ азбуку по языку Словенску;» у втораго точно также, кромѣ перемѣны «Словенску» въ «Славенску», и, сверхъ того, прибавлено еще: «книги приведе отъ Греческихъ на Словенскій языкъ.» Новиковъ прибавляетъ въ концѣ: «Син двѣ піесы (Сказаніе объ Азукѣ, и «Чинъ, бываемый како подобаеть, егда кто хоцеть Государю Царю служити всею правдою у его Государевыхъ дѣлъ») выписаны изъ Патріаршаго книгохранилища въ Москвѣ;» но изъ какой рукописи, умолчалъ. По списку, принадлежащему етому же книгохранилищу, № 444 (въ 4-ку, бумажн. сборникъ на 363 стр., переплет. въ кожу и озаглавленный по 1-ой статьѣ «Каноны на Рождество Христово»), Сказаніе Храброва написано почти одинаково съ Новиковскимъ: «Сказаніе, како состави стѣи Кирилъ философъ азбукою по языку Словенску, и книги прекеде ѿ Грѣскихъ на Словенскій языкъ;» но рѣчь его далеко менѣе измѣнена и представляетъ довольно еще особенностей. Въ библиотекѣ Общества исторіи и древн. Росс. имѣется тоже два списка: первый въ «Алфавитѣ» (толкованіи рѣчей иностранныхъ въ священныхъ книгахъ), скороп. XVII в., въ 4-ку, на 104 л., № 3-й, съ заглавіемъ: «Сказаніе, како состави стѣи Кирилъ философъ азбуку по языку Словенску і книги прекеде ѿ Греческихъ на Словенскій языкъ,» а второй въ сборникѣ подъ № 194-мъ скороп. того же XVII-го в., въ 4-ку, на 362 л. (на 29 л.), и имѣеть заглавіе, въ сущности, во всемъ сходное съ заглавіемъ предыдущаго списка; точно такое же заглавіе и въ списокѣ рукописи, принадлежащей В. М. Ундольскому, въ 4-ку, бумажн., писанной прекраснымъ почеркомъ XVII-го вѣка и называемой «Алфавитъ». Въ ней Сказаніе ето предшествуетъ самому предисловію Алфавита. Въ описаніи рукописей Славянскихъ и Россійскихъ, принадлежавшихъ Императорскому М. 1848, встрѣчается Сказаніе наше только въ одномъ сборникѣ, № 409, полууст. XVII в., въ 4-ку, 397 л., на л. 198; заглавіе его во всемъ согласно съ заглавіемъ у Новикова, но языкъ не извѣстенъ. Тоже самое сходство заглавія и въ Описаніи Славяно-Россійскихъ рукописей Графа Ѳ. А. Толстова, сост. Кон. Калайдовичемъ и П. Строевымъ. М. 1825, Отд. II, № 139, полууст. XVII в., на 244 л., на л. 4-мъ, и № 175, скороп. разн. почерковъ XVII в., 539 л., на л. 392. Напоследокъ, въ сборникѣ Троицко-Сергіев-

ской Лаврской библиотеки XVI в., въ 4-ку, южнаго полуустава, № 1552, помѣщено Сказаніе Храбра, съ заглавіемъ, отличнымъ отъ всѣхъ, упомянутыхъ выше, именно: «**С свѣта книга.**» Списокъ съ него доставленъ мнѣ В. М. Ундольскимъ.

47. Еще въ своихъ «Славянскихъ Древностяхъ» Шафарикъ, опираясь на одинъ только языкъ Храброва Сказанія, относилъ сочинителя къ етому вѣку, отнюдь же не далѣе начала XI-го (подлин. стр. 810 и 814; въ Руск. перев. томъ II, кн. 2-я, стр. 315 и 323); а въ «Разцвѣтѣ Славянской письменности въ Булгаріи» ссылаясь на это сказалъ: «Положимъ, что одинъ изъ непосредственныхъ учениковъ и сотрудниковъ св. Кирилла и Меодія, во время кончины Кирилла (869) былъ 25 лѣтъ отъ роду, и что онъ по томъ жилъ еще 25, тогда вѣкъ Храбра слѣдуетъ отнести ко времени, предшествовавшему смерти царя Симеона, послѣдовавшей 927 года».

48. Именно: Лаврентія Таха и Вратиславскій принадлежать къ Среднебулгарскому разряду, Саввинскій къ Булгаросербскому, Московской Духовной Академіи къ Глаголическому, прочіе же, доселѣ извѣстные мнѣ, къ Рускому. Предпоследній вызываетъ нѣкоторыя объясненія. Мнѣніе о принадлежности его къ етому разряду опирается на слѣдующемъ. Исчисливъ письмена, взятая съ Греческаго Кирилломъ, списокъ етотъ послѣ ѿ, вопреки всѣмъ прочимъ спискамъ, прибавляетъ еще: «**ѿ. ѿ. хѿ. тѿ. ѿ. ѿ. ѿ. по Словенскѣ азбукоу,**» и проч. Сдѣсь, по основательному объясненію нашедшаго етотъ списокъ, первая буква, ѿ, есть просто и, союзъ, ошибочно поставленный писцемъ подъ титлой, а ѿ тоже, что ѿ; хѿ=х, тѿ=ѿ. Этѣхъ буквъ вовсе нѣтъ въ старыхъ Глагольскихъ рукописяхъ, а появляются для первой и послѣдней изъ нихъ особые знаки лишь со времени Карамана, который, исправляя Глагольскія книги по нашимъ Церковнымъ, пополнял и самую Глаголицу новыми знаками и значками, въ первыхъ соображаясь съ произношеніемъ Сербовъ, а во вторыхъ съ нашей Церковной азбукой. Что до ѿ. ѿ. ѿ, то и тутъ первая буква есть тоже союзъ (а), двѣ же слѣдующія число 14-ть, но только по способу Глагольскому, т. е., по азбукѣ Славянской, а не Греческой, отъ чего въ первой а означаетъ 4, между тѣмъ какъ во второй з (по тому что тамъ 2-е есть буква в, а тутъ в, Греческая β); поступая далѣе по ряду Славянской азбуки и стало означать 10, по тому что, кромѣ д, въ ней передъ нимъ стоятъ еще новый знакъ для нашего звука ж, которому выпало на долю выразить число 7; въ Греческой же азбукѣ хотя η есть 7-я буква, но, какъ для числа 6-ть

придуманъ былъ послѣ знакъ *ς*, т. е., *στ*, *στυμα*, у насъ *з* и *з*, то отсюда *η* стало означать не 7-мъ, но 8, а 7-ми досталось 2. То же самое сдѣлано Греками еще для двухъ чиселъ, именно 90 и 900. Слѣдственно, недостающіе знаки взяты послѣ Греками изъ того же самаго источника, изъ коего и всѣ прочіе первоначально брали, т. е., изъ Финикійско-Еврейской азбуки. Это было извѣстно и Храбру, который именно замѣчаетъ, что три упомянутыя буквы приняты въ Греческую азбуку послѣ, и при томъ для означенія чиселъ: «*шсть бо два десѣте и устыри писменъ* (Греческихъ), *иъ не напѣтитыся тѣми кѣнигы, иъ приложили сѣтъ двогласныхъ ѿ. и къ усменехъ же ѿ. шестомъ и девѣтъ десѣтномъ и девѣтъ стѣтномъ.*» Мѣсто сіе снова подтверждаетъ Глаголическое происхождение списка Московской Духовной Академіи, въ которомъ читается такъ: «*и къ усменѣ же ѿ. ѣ. ѿѿ и девѣдсѣтос. и девѣтосотнос.*» т. е., *ѣ* въ значеніи *ѣ* (3), по тому что въ Глаголицѣ оно значаеъ это число (а—1, б—2, в—3, г—4), а *ѣ*—послѣдняя буква въ «три» или «три» (*ѣ*—*ѣ*). Что до *ѿѿ*, то это описка, вмѣсто *з* (6, шестомъ, шестое), а *ѿѿ* тамъ употребляется для 400, какъ и въ Кириллицѣ, хотя въ Острожировомъ Евангеліи этого и не находимъ; но въ немъ нѣтъ и для 600, 700, 800 и 900, между тѣмъ какъ въ другихъ, очень древнихъ, они означаются *х*, *ѣ*, *ѿ* и *ѿѿ* или *л*. Глаголица же, сошедшаяся было съ Кириллицей въ означеніи чиселъ, начиная со 100 (*р* 100, *с* 200, *т* 300, *ѿѿ* 400, *ѿ* 500 х 600), съ 700 опять разошлась въ употребленіи знаковъ, по тому что, не принявъ буквы *ѣ* съ Греческаго, въ ней слѣдующая буква послѣдней должна была поступить на ея мѣсто, отъ чего *ѿ* стало означать не 800, какъ у Грековъ и насъ, по образцу ихъ, но 700; для 900 же мы употребили послѣ, по причинѣ окончанія знаковъ въ Греческой азбуцѣ, первую изъ своихъ буквъ, которая слѣдовала по окончаніи Греческихъ въ принятомъ порядкѣ, т. е., *ѿ*, вмѣсто которой, иногда, появляется и носовая *л*, то есть, послѣдняя въ ряду Славянскихъ буквъ. А какъ въ Глаголицѣ послѣ *ѿ* стоитъ не *ѿ*, но *ѿѿ*, то послѣднему и выпало означать 800, а *ѿѿ* 900, какъ слѣдующему за *ѿѿ*, согласно распредѣленію Глагольскихъ буквъ. Наконецъ, тысяча у нихъ выражается буквой *ѿ*, которая у насъ употреблена для означенія 90, слѣдов., опять свою букву для такой же вставочной числительной въ Греческомъ алфавитѣ (вмѣсто *Ϟ* = 90), какъ и *ѿѿ* для 900 (вмѣсто *Ϟ*) и, что замѣчательно, первую изъ своихъ буквъ, послѣ ряда Греческихъ, *ѿ*д большого числа (900), а вторую, за ней слѣдующую (*ѿ*), для меньшаго (90); для самаго же малаго изъ нихъ

(6-ти) оставили Греческую числительную прибавочную, *στίμινα* (3), = 3, которое пишется еще и 2.

49. Примеры из старинной письменности приводит Шафарикъ въ »Ročátkove starodeské mluvnice,» стр. 70: «sedm mezi dcjětma lét (Nov. Zákon, пергам. рукоп. Вѣнской Публ. Библиотеки). — Čtyř mezi dcjětma tisícův (Passional Musejní). — Ve dvě mez dcjětma létech (Život Ježíše Krista). — Páté mezi dcjětma léto (Čtení z Evangelii). — Až do šestého mezi dcjětma léta (Životy svatých Otcův). — Изъ нынѣшняго языка Чеховъ: Den má čtyřmécítma hodin.»

50. Мнѣніе Жака (Вик. Павл.), сочинителя Чешской грамматики, замѣчательной новѣйшею попыткой ввести въ письменный языкъ нѣкоторыя изъ старинныхъ формъ, сохранившихся и теперь еще въ устахъ Моравцевъ. См. Böhmsche Sprachlehre für Deutsche. Brünn 1842, S. 101.

51. И въ Греческомъ встрѣчаемъ иногда подобный счетъ. Въ-сто обыкновеннаго *ὀκτωκαίδεκα* (8 и 10=18) говорили и *δυσὶν δε-όγδοις ἑξήκοντι*, равно вм. *ἐννεακαίδεκα* или *δεκαεννέα* выражались *ἐνός δεύροτος ἑξήκοντι*, т. е., род. пад. съ причастіемъ отъ глагола *δει*, *δειν*, Атл. *δειν*, *δειω*, недоставать, нуждаться, и *ἑξήκοντι* 20: *ἑξήκοντι δυσὶν δέοι-τα* или *δεόγγιου*, двадцать безъ двухъ, или безъ двухъ двадцать; *ἐνός δεύροτος ἑξήκοντι*, безъ одного двадцать. Это называлось *subtractio*, отпятие, довольно частое и въ устахъ Славянъ, которые любятъ означать такимъ образомъ большее число: безъ пяти сто рублей, и т. под., т. е., посредствомъ недостающаго къ извѣстной величинѣ его лишка. Романскія нарѣчія нѣсколько отступили въ числительныхъ отъ своего источника, Латинскаго языка. Такъ Итальянскій, вмѣсто *septemdecim* или *septendecim* употребляетъ *dieci sette* или *diciá sette*, 18 *diciotto*, 19 *dieci nove* или *diciánove*, т. е., какъ Латинск. *Ordinalia* съ 13: *decimus tertius*, *decimus quartus* etc. до 18-ти и 19-ти, которыя по образцу *Cardinalia* (*duodevicesimus*, *undevicesimus*). Испанскій ячннаетъ это съ 16: *diez y seis*, 17 *diez y siete*, по тому что в Латиняне говорили дwoяко: *sedecim* и *decem et sex*, 18 *diez y ocho*, 19 *diez y nueve*. Португальскій тоже: 16 *dezaseis*, 17 *dezasete*, 18 *dezoito*, 19 *dezanove*; но Французскій съ Итальянскимъ: 17 *dix-sept*, 18 *dix-huit*, 19 *dix-neuf*; за то, вопреки всѣмъ прочимъ, отстываетъ въ счетѣ послѣ 60, употребляя для 70 *soixante et dix* (60+10=70), 71 *soixante onze* (60 + 11) и т. д. до 80 *quatre-vingt*, которое значитъ четыре раза двадцать (4 + 20 = 80), для 90 *quatre-vingt-dix* (4+20 10 = 90), что удерживаетъ и въ порядковыхъ и т. д. Нѣмцы ни въ чемъ не отступаютъ отъ нашего, за исключеніемъ Датчанъ, кото-

рые послѣ 40 считаютъ, подобно Французамъ для 80, т. е., двумя десятками, именно 50 означаютъ такъ: halvtredsindstyve, полтридцати или $2\frac{1}{2}$ двадцать; tresindstyve, $3 \times 20 = 60$; halvfjerdsindstyve, полсорока или $3\frac{1}{2}$ двадцать=70; fiirsindstyve, $4 \times 20 = 80$, и halvfemtsindstyve, подпятидесяти или $4\frac{1}{2}$ двадцать = 90; для легкости, обыкновенно, выражаются: halvtreds, tredes, halvfjers, fiirs, halvsems, т. е., сокращая увѣсистыя составныя слова.

52. Památky hlabolského písemnictví, и проч.

53. Památky hlabolského písemnictví, str. LIX, 14.

54. Възъ Болгарскаго царя Симеона, стр. 90.

55. Древнія письма Славянскія, соч. И. И. Срезневскаго въ Ж. М. Н. П., Отд. II, стр. 57—58. Первый (Наумъ) проводилъ время своей жизни въ мѣстѣ *Дѣволя*, которое лежало на восточномъ берегу Охридскаго озера, на срединѣ между Охридомъ и Дѣволемъ, гдѣ и теперь еще существуетъ старинный монастырь его имени; въ немъ почиваютъ и самыя его мощи. Второй (Гораздъ) дѣйствовалъ въ окрестностяхъ Албанскаго Бѣлграда или Берата, судя по тому, что тутъ находятся монастырь и храмъ, посвященные тоже его имени, а въ оныхъ покоятся его мощи. Третій (Константинъ), по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время жилъ здѣсь, въ Кутмицивцѣ; явче не могъ бы, по собственнымъ словамъ его (въ Прологъ или Предисловіи къ «Сказанію сѣго Евлигеріи,» переведенному имъ съ Греческаго и найденному недавно въ Московской Синодальной Библиотекѣ; см. примѣч. мое къ «Разсвѣту Славянской письменности въ Булгаріи, стр. 14), быть побуждаемъ къ «Проложенію сказанна квангальскаго» старцемъ Наумомъ. Rozkvět Slov. liter. v Bulharsku, str. 17—21, въ Руск. пер. 11—15.

56. Сочинитель статьи «Кириллъ и Меодій,» помѣщен. въ «Москвитянинѣ,» 1843 г., и Шафарикъ въ «Rozkvět slovanské literatury v Bulharsku,» str. 19, roznam. 16, въ Руск. перев. стр. 13, гдѣ именно читаемъ: «Его сказаніе зналъ уже лѣтописецъ Несторъ (1070—1100), и нѣкоторыя мѣста изъ него включилъ въ сочиненіе свое слово въ слово.»

57. Газушю «J. W—cz,» если не ошибаюсь, Иванъ Вагилевичъ, который, опираясь только на предисловіе Шафарика къ изданному имъ Житію святаго Меодія въ «Památky jhoslovanského písemnictví,» утверждаетъ (въ небольшемъ предисловіи къ изложенію собственными словами содержанія етого Житія, помѣщенному въ Польскомъ журналѣ, издающемся въ Львовѣ: «Dziennik Literacki,» № 32, и переведенному въ Смолеровыхъ «Jahrbücher für Wissenschaft u. s. w.

Bautzen 1852, 2-es Heft, S. 89—94), что заимствование Нестора изъ Меѳодіева Житія ускользнуло отъ вниманія Шафарика. Вообще, г. И. В.—чь позволяеть себѣ, излагая Житіе, привноситъ многое, чего вѣтъ въ немъ; на примѣръ: Меѳодій посланъ былъ царемъ Греческимъ съ Кирилломъ къ Козарамъ по той причинѣ, что превышалъ послѣдняго религіозностью и сановитостью; по прибытіи въ Моравію оба брата перевели съ Греческаго Евангеліе и Дѣянія Апостольскія; были потребованы папой Николаемъ въ Римъ по донесенію чужихъ проповѣдниковъ о томъ, что они стараются Паннонскую митрополію отторгнуть къ Царьградской патріархіи; недоумѣніе, къ какому царю отправлялся Меѳодій, къ Василию ли въ Царьградъ, или къ Карлу Толстому, тогда какъ тутъ же сказано, что и *патріархъ* не меньше ласково принялъ его, и что онъ въ пути своемъ туда и обратно подвергался, между прочимъ, бѣдамъ на морѣ; наконецъ, будто онъ умеръ 9-го апрѣля, постригшись передъ тѣмъ въ схиму. Изъ етѣхъ привнесеній нѣкоторыя вѣрны, но взяты изъ другихъ источниковъ, но не отдѣлены отъ самаго Житія, такъ что читая, подумаешь, что все это находится только въ одномъ послѣднемъ. Что до увѣренія, будто изъ этого Житія открывается истинное происхождение Церковнославянскаго языка, т. е., что онъ не былъ языкомъ Славянъ Булгарскихъ, но, напротивъ, это языкъ искусственный, образовавшійся больше подъ вліяніемъ Паннонскихъ и Моравскихъ стѣхій, нежели Македоно-(или Фрако-) Словѣнскихъ (Селунскихъ), то такое мнѣніе — старая пѣсня, пропѣтая уже покойнымъ Копитаромъ и по сю пору ни кѣмъ еще не допѣтая, а принимаемая на вѣру нѣкими, повторяющими ее безъ дальняго съ разными трелями и тому подобными прикрасами. Не меньше бездоказательно и увѣреніе о томъ, что ученики Меѳодіевы, послѣ смерти его удалившіеся въ Булгарію, распространили въ ней слухъ, перешедшій даже къ потомству, будто Меѳодій и въ ней также проповѣдывалъ Христіанство и крестилъ Бориса. Если этого не находимъ прямо въ Житіи Меѳодія, то не находимъ въ немъ также и противнаго; слѣдов., обращеніе Булгаріи и ея государя нужно рѣшать при помощи другихъ показаній. Спѣшить съ подобными мнѣніями нечего. Шафариково изслѣдованіе объ апостольствѣ Селунскихъ братьевъ у Славянъ основано на всестороннемъ пересмотрѣ извѣстій, бывшихъ въ то время доступными всѣмъ и каждому; теперь же, съ открытіемъ нѣкоторыхъ новыхъ, конечно, оно требуетъ передѣлки; но, вѣдь, это общая судьба всѣхъ, подобныхъ изысканій? И намъ, не окусившимъ еще въ такой мѣрѣ, какъ Шафарикъ и подобные ему безкорыстные труженики, всей прелести археологическихъ поисковъ и сладости архивной пыли, не

пристало, открывъ тамъ, или тутъ, прорѣху въ геніальномъ твореніи, ставовитесь на подмостки и кричать во всеуслышаніе проходящимъ: «Прорѣха, прорѣха!» Лучше cadaго изъ насъ это извѣстно самому зодчему, равнобѣрно и способъ, какъ недостающее пополнить, промахъ исправить.

58. Такъ по спискамъ Радивиловскому и Троицкому 1-му, по другимъ же (Лаврен., Ипатьев. и Хлѣбник.) прибавлено еще: «бѣ ииъ» (Полянамъ), что, въ сущности, одно и тоже съ предыдущимъ выраженіемъ.

59. Оно помѣщено въ печатномъ Прологѣ подъ 14-мъ февраля, и, сверхъ того, при сочиненіи Добровскаго въ Рускомъ переводѣ: «Кириллъ и Меѳодій,» въ Приложеніи 1-мъ, по двумъ рукописнымъ Прологамъ, пергаменномъ въ листъ 1432 года, принадлежащемъ Импер. Публичной Библиотекѣ, и на бумагѣ въ л. XVI вѣка въ Румянцевскомъ Музеѣ, слѣдовательно, по сводному тексту, сличенному съ печатнымъ А. Х. Востоковымъ, приславшимъ его Рускому переводчику (стр. 103—105). Тамъ же (стр. 105—107) и тѣмъ же помѣщено и Проложное Житіе Меѳодія, равнобѣрно по двумъ рукописнымъ Прологамъ Румянцевскаго Музея, одного на бумагѣ въ л. XV-го в., а другаго на бумагѣ же въ 8-ку конца XVI-го (1590 года).

60. См. ниже, примѣч. 66.

61. Слич. примѣч. 65.

62. Онъ оправленъ въ доски, покрытыя кожей, на 665 листахъ (собственно полулистахъ), но въ томъ до 314 перебѣта по страницамъ, а съ 315-го до конца по листамъ (полулистамъ); пропущена 133 страница (т. е., счетъ), да дважды 172 (счетъ же). Оканчивается статья: о приходѣ въ монастырь (Троицко-Сергіеву Лавру) пословъ Московскаго царства, и о миру съ королевскими послы. Но за тѣмъ слѣдуютъ еще краткія замѣтки съ 7133 года, сентября по 14-е іюля 7138 (1630): послѣднее о рожденіи царю Михайлу Ѳеодоровичу дочери, Анны, отъ царицы Евдокии Лукьяновны. Заглавіе киноварное (послѣ виньетки): «Изуадо писменемъ цѣркихъ родоикъ (вязью) ѿ многихъ летописецъ. Прежде быта ѿ сотвореніи міра ѿ книгъ Моисеовыхъ, ѿ Ісуса Навина, ѿ Суденъ Іудейскихъ и ѿ четырехъ царствъ, та же ѿ Ассирійскихъ царехъ, и Македоніи, Римскихъ царѣ, Славныхъ же и блгоуестныхъ, ѿ Рускйъ летописецъ, Перскихъ же (вмѣсто «Серксинихъ,» какъ обыкновенно стоитъ это въ другихъ спискахъ) и Болгарскйи. Перкіе сѣ Бгѣомъ иауниаеи глати безъиуааиагаѣ и безъкоисуиагаѣ Бгѣ ѿ шести днѣ, и ииѣже сотвори Бгѣ всю теаьр. ико же рече

Дѣдъ: слово Гдѣи нѣси оутвердился, и дѣомъ оустъ егѡ вса сила нѣ.» Начало: «Перкѣе потрека речи кѣратцѣ: ѡ преклѣномъ и безнауалномъ Бжѣи кѣтѣи,» и проч. За тѣмъ «Шестодневецъ кѣратцѣ: ѡ сотворенїи небеси и земли,» и проч. Послѣ оглавленїя (на 16 страницѣхъ): «Книга географѣ сирѣчь автописецъ Ветхлго и Новаго Завѣта.» Нач. «Шелъ же науа Кѣтъ творити мїра всего видимаго и невидимаго,» и пр. Сдѣсь находимъ извѣстїе, что ета книга (Географѣ) «кѣратцѣ написана бысть уфнїемъ и желнїемъ янкого кнгографѣ-учтѣла и синскатѣла, дѣбы науа Шѣастн разумити бы емѣ. И пакы изъобрѣте себѣ в дѣле семѣ янкого сработника мно крапа на шырїци хлѣвена и мно птица ѡсокашася на здѣ (стѣнѣ); сего кѣтѣ-сма и похѣди на сїе дѣло, еже бы написати не съ единого перекоудѣ бытѣнскихъ и автописныхъ книгѣ, иже дрекле изжитишла и докѣрѣшла изѣравѣ, и сококѣпннѣ во едниѡ, замѣже тѣ книги всѣ ѡ единомъ пишѣтъ, а во всѣхъ многа рѣзнь, тотѣ оставленѣ то, а нѣтъ мно, и за величество тѣхъ кнѣгъ невожможнѣ естъ всѣхъ стѣжати. И не пощаднѣкъ онѣ ѡ сокрокннѣхъ сконхъ цѣтъ на сїе дѣло дѣти сработникѣхъ на потребѣхъ тѣлеснѣю, азѣ же непотребнѣмъ и некаюуннѣмъ рѣкъ устремнѣса неразумнѣмъ своимъ держовенїемъ: не мое бо было дѣло се, но искѣсныхъ в писанїихъ и премѣдрѣхъ въ рѣзвѣтъ,» и проч. На стр. 5-й вишетка, побольше первой, и за ней кнговарѣю большннѣи буквами: «Комуати добрѣ ѡ Бѣга вѣ кѣтѣю слѣзѣ науѣтн.» Это новое предисловіе, и при томъ Рускаго, которое начинается такъ: «Бѣтъ естъ нѣдо всѣмъ кѣкы,» и проч., и въ которомъ, между прочннѣмъ (стр. 8): «Но прѣкѣлїн Бѣтъ нѣтъ. . . не прѣзрѣ нѣкъ безомощннѣхъ. . . тебе мудраго нѣтѣгѣ кормуїю бѣгоустнѣнлго кнѣза Каснлїи, застѣпнннѣа во истннѣхъ костѣки, устрѣлаюца словеса на сѣдѣ и хрѣмнѣца истнннѣхъ, во кѣкы творѣцѣлгѣ сѣдѣ и правѣдѣ посреда земли, его же мудрѣсть порождѣши и соблюдѣши добродѣтельнѣи воспитнѣї укрѣпнѣи знаомоноложнїн, акн нѣкнннѣ стѣнннѣи уюднннѣи своего стада хрѣстїанскаго огради, и намѣнь тѣрдѣстнѣ тебе во основѣ вложнѣ, акн намѣнь солонѣхъ тебе Хрѣтѣосѣ стада своимѣ положнѣ, да всн собѣраютѣся къ тебе, акн нѣкннѣи скѣотѣ лнжѣще, бѣдѣтъ хрѣтїанскїнѣ сокѣорѣ, акн рнѣза Гдѣа ѡ многѣ странѣхъ собрана и истнннѣа. И ны немошнїнѣ акн утѣмъ содержннѣса тобою, акн нескннѣннѣю дѣшѣю видннѣое тѣло носнѣтѣся. Се и ещѣ тѣдѣ естъ прѣдо мною и текѣ кнѣзѣ Каснлїю и кѣ всѣмъ снѣомъ тѣконнѣмъ и Рускннѣмъ кнѣземѣ,» и пр. Ннѣе (стр. 12): «Сладнѣ, сладнѣ вѣтѣвеннѣа прѣвннѣла утѣврѣжѣютъ чѣло и недѣнннѣмъ прѣскѣлнѣе нѣхъ, занѣовѣдннѣла ѡ стѣхъ дѣшѣ-

съ окончаніемъ: «Сиче кетдаго Гранографъ преіраго оного философа понець дозда», котораго нѣтъ въ списокѣ Румянц. Музея; за тѣмъ: «Настонтъ же ѿсела сиче предисловіе же и слогу покаго Гранографъ ѿсмыа тысящи.» Нач.: «Уюственнимъ оубо немостижима сътъ зимаа и плотскимъ дѣокнаа,» и пр. Въ немъ Гранографъ объясняетъ такъ: «Здѣе вса науаальствя, цѣтка же и гдѣствя в неи краткѣ описзеть; грань зѣо науаальство (!), графъ же описаніе, и ѿбѣо сложивъ ко единюиз, те речуетса Гранографъ, еже есть науаальствъ описаніе.» Тутъ уже толкуется о сродствѣ потомковъ Рюрика съ Августомъ Кесаремъ: «Аще и мнози глѣютса науаальствя, но ѿ тожествиющихъ же размысншаса прохѣи, шкѣ и намъ мѣа показа, еже ѿ Августя Римскаго Кесаря сродниустеко шшамы Рюриково.» На стр. 46-й: «Повздалеть же къ книзѣ сѣи и жизни сѣа науаало, средѣ же еа и прохъ, седмотекзѣшѣа унсленищы вѣтѣ,» и пр.; на стр. 47 опять «Шестодневъ ѡвратцѣ,» за которымъ, на стр. 66-ой, читаемъ: «О сконуаніи же седмиа настодшѣи вѣтѣ, и ѿ преставленіи всего рода уѣуеснаго и ѿ осмомъ бѣдзѣмъ и несконуаемомъ вѣцѣ;» на стр. 71-й: «Лѣтонисецъ ѿ созданиа мѣра вѣиратцѣ,» о которомъ скажу въ своемъ мѣстѣ, а за нимъ новой счетъ лѣстамъ, изъ коихъ на 1-нѣ: «Науаало писменемъ цѣрскимъ родѣмъ ѿ многихъ лѣтонисецъ,» и проч., точь въ точь, какъ съ самаго начала съ «Шестодневцемъ ѡвратцѣ,» и пр., которымъ и начинается, собственно, етотъ Хронографъ. Въ немъ довольно ссылокъ на источники, каковы: Максимъ Грекъ («къ Максимъ же Грекъ написано»), «Книга мудреца Маркуса ѿ двѣадесяти Сивилаахъ,» Большая Козмографіа («О Августинѣ епѣкѣ града Ниона, а писано ѿ Большой Козмографіи, а не ѿ Гранографъ»), и пр. Все это, равно какъ и показаніе известной статьи «О ѡложеніи мѣстѣ мноимъ,» могутъ отчасти уяснить намъ составъ етого замѣчательнаго Хронографа. Въ послѣдней «Феодоръ Стоудитъ былъ по седмомъ соборѣ, за седмиъ сѣтъ лѣтъ безъ двѣадесяти до сконуаніа седмиа тысящи, а до сихъ временъ до 736; нѣтъ же пишеть, былъ в лѣто 737, а до сихъ временъ до 748.» Тоже и о Никонѣ: «А какъ Никонъ былъ до сконуаніа седмиа тысящи за 74 лѣтъ, а до сего времени 736 годѣ; нѣтъ же пишеть, Никонъ уже былъ в лѣто 737, а до сего времени за 75 лѣтъ.»

63. По краиѣ етого Хронографа находится слѣдующая подпись (съ 3-его по 48-ой л.): «Сию книгѣ Гранографъ кзнилъ дѣлкъ Порфирій Сѣмениковъ ч церковника Никиты Александрова, рзкою еко написанию, къ неи же сътъ глѣкъ 736 по цѣтко всеи Россіи цѣа Ми-

ханда Феодорокина, которыми главами утиснено оглавление на всю сию книгу соприди, на листу перкомъ отъ доски, а даль за нее косемъ рѣзлекъ денегъ, а подписалъ сию книгу на розныхъ 71 листяхъ племянникъ свое Никитъ Меньшой Сяменинникъ». (другою рукою:) А Никита Александрокъ сию книгу, рѣкою моею написанню, по подписи купца ихъ 71 листяхъ подписанный, смъ діалкъ Порфирію Сяменинникъ продалъ и дѣтъ косемъ рѣзлекъ кудалъ, и томъ рѣкою моею и подписался.» Подписи каждого собственноручныя.

64. На 158 л. плотной бумаги или 68 тетрадахъ (по 4 листа), изъ коихъ недостаетъ первыхъ трехъ, а въ послѣдней одного листа. Письмо — скоропись XVII-го столѣтія, всюду ровная, съ киноварными заглавіями; оправка—доски, покрытыя кожею, съ застежками. Начинается исчисленіемъ острововъ, за тѣмъ глава 4-я: «**О** горѣ великой,» а оканчивается, во время Болярскаго державства, отнятіемъ Москвы отъ Поляковъ: «въ лѣто 7133, (1613), октября въ ѣд днѣ, изъ память сѣго мѣсяца Арсѣя Кремль градъ пріѣхаша і множество Полскій и Литовскій людей побѣдша, і всеа земли Рускія изуауаго промолвиша Феодкъ Андрюока жила дше, і по многомъ Істахуаги объявешъ бѣтъ». Въ изложеніи тоже, какъ и въ предыдущемъ Хронографѣ, ссылка на Польскія Хроникъ, на прилѣръ, стран. 9: «Сие кимисамо ис Полскои Хроникъ».

65. Пересматривая Хронографы, принадлежащіе Императорскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, дошедшіе ко мнѣ уже по отпечатаніи 5-го листа этого изслѣдованія, я встрѣтилъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже самое извѣстіе, что и въ двухъ Хронографѣхъ В. У. Ундольскаго, первыхъ, наведшихъ меня на развиваемую тутъ мною мысль, именно: въ Хронографѣ № 280, скорол. XVII-го в., въ л., на 627 л. (съ киноварн. заглавіями), оправленномъ въ кожу и оканчив. 179-й главой, извѣстіемъ о прибытіи въ Кострому «отъ всеа Рускія земли посольства для пригласенія себѣ изъ прѣтоахъ црѣвнѣ Московскаго гдѣтка Михайла Феодорокинуа, иже кысть по сродствѣ племянникъ црѣд и великаго кнѣзѣ Феодора Никомонуа», событіемъ, приступая къ описанію котораго, лѣтописецъ восклицаетъ: «Въ лѣто 7133, (1613), марта въ 14 днѣ, плни сѣмѣе Рускіи пріемлютъ входъ бѣстѣста дѣстоалина дрекнѣго града, Москвѣ, илѣи наста весна бѣгодѣтнѣ бытнѣ, и простирѣется струа сѣтѣло темнѣаго житнѣ». и пр. Отъ, по выкладкѣ лѣтъ въ главѣ объ «О т л о ж е н і и м я с ѣ», принадлежитъ къ разряду 7125 (1617). Въ немъ извѣстіе наше находится съ обор. 480 по 482. Хронографъ же № 282, двумя почерками конца XVII-го в., въ листѣ на 1072 л. плотной и

лоснящейся бумаги, чрезвычайно сходный съ Хронографомъ В. М. Ундольскаго подъ № 393, по извѣстію объ отложеніи мясъ, относится тоже къ изводу 7125 (1617) и оканчивается 7137 (1629); рассказомъ о пожарѣ Московскомъ, на Чертольѣ, и великомъ вихрѣ, дождѣ презѣльнемъ, громѣ прешрашномъ и молніи преужасной (л. 1075). Оправленъ въ кожанія доски новѣйшаго переплета. Въ этомъ Хронографѣ равномерно извѣстіе о переводѣ книгъ съ Греческаго на Славянскій сходно во всемъ, кромѣ нѣкоторыхъ небольшихъ особенностей въ выраженіи, съ извѣстіемъ Хронографа подъ № 280-мъ, рознясь только окончаніемъ, содержащимъ въ себѣ славословіе Болгаръ Кириллу; оба же ни чѣмъ не отличаются отъ извѣстія въ обомъ Хронографахъ, приводимыхъ мною въ самомъ изслѣдованіи; что до названія города, то оно—Катаонъ: «И поставлемъ высть спйномъ в Катлонъ градъ. . . . и погребемъ высть в Катлонъ градъ» (стр. 481, обор. 482). Исчисленіе статей, входящихъ въ етъ Хронографы, см. въ описаніи «Библиотеки Импер. Общества исторіи и древн. Россійск. П. М. Строева, 1845, стр. 125—127. То же самое сказать должно и о Хронографѣ подъ № 397-мъ, доставленномъ мнѣ В. М. Ундольскимъ въ послѣдствіи, въ листъ, разныхъ почерковъ XVII-го в., бумажномъ и оправленномъ въ кожу, начинающемся извѣстнымъ предисловіемъ: «Уюкстеннымъ оуко» и пр., за кониъ «о седми днехъ», и оканчивается 179-й главой «О приходѣ къ мѣтрѣ (Троицкую Лавру) послыкъ Московскаго Государствл и о мнрѣ съ Королевскими людьми, Молера 64 днл»; слѣдующія три главы содержатъ въ себѣ коротенькія, по годамъ и мѣсяцамъ, замѣтки о царствованіи Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича, и Іоанна и Петра Алексѣевичей; послѣднее извѣстіе относится къ 7204 (1696), іюля 19-му, «О кнѣтѣ Азюкцекъ Турудѣи Великому Государю уеломъ и о сдѣлѣ Азюка». По счисленію 124-й главы объ отложеніи мясъ, Феодоръ Студитъ жилъ по седмомъ соборѣ «къ сѣмѣ (836), а до тѣхъ времешъ за ѹгъ лѣта какъ выль Феодоръ Стоудитъ»; о Никонѣ говорится, что онъ жилъ «къ лѣто 7201, а до сего времени за фѣмѣ лѣтъ» (1072). И въ немъ сказаніе о Кирилловомъ преложеніи книгъ совершенно согласно съ сказаніемъ предыдущихъ Хронографовъ, и онъ названъ въ немъ епископомъ Катаонскимъ. Послѣднее названіе встрѣтилось мнѣ даже въ самомъ заглавіи етого Сказанія, при недавнемъ пересмотрѣ описанія Славянскихъ и Россійскихъ рукописей библиотеки И. Н. Царскаго, составленнаго П. М. Строевымъ (Москва 1848), въ Сборникѣ № 379 (изъ 3-хъ рукописей разныхъ почерковъ исхода XVI-го в., въ 4-ху, на 487), гдѣ, послѣ «По хвалы св. Кириллу, епископа Климентя», читаетъ, на л. 439-мъ:

«Отъ Пролога. Въ той же день, иже во святыхъ отца нашего Кирила Философа, епископа Катаньскаго, учителя Словеномъ и Болгаромъ, иже преложи *Русьскую* (такъ-съ!) грамоту съ Греческія и крести Словены и Болгары». Начало: «Въ *Солуньстѣмъ градѣ*», и проч. Къ сожалѣнію, послѣдняя рукопись нѣ доступна, и по тому не могу сказать, въ чемъ это сказаніе сходствуетъ, а въ чемъ разнится съ прочими, упомянутыми выше.

66. Извлечение ето напечатано въ «Статьяхъ, касающихся древняго Словянскаго языка, В. Григоровича. Казань 1852», перепечатан. изъ «Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета за 1851 годъ», именно, въ статьѣ: «О трудахъ, касающихся древняго Словянскаго языка до М. Смотрицкаго» (стр. 26—52). Оно взято изъ двухъ рукописей, одной города Охрида, а другой монастыря Богородицы на горѣ Тръскавецъ, близъ Прилѣпа. Въ первой, писанной уставомъ и около половины XVI-го стол. (1547 г.), какъ показываетъ приписка, оно помѣщено на концѣ, послѣ твореній Іоанна Дамаскина (какихъ?) и Григорія Паламы въ переводѣ, а о второй отыскавшей ее ничего не говорить, кромѣ того, что она найдена «отдѣльно, въ кучѣ разныхъ лоскутковъ, лежавшихъ въ церковной наперти, и, по видимому, старѣе первой, а по тому положенной въ основаніе изданія» (своднаго); обѣ писаны уставомъ, но уставъ послѣдней «не столько крупенъ и болѣе сжатъ». Существенной разницы въ той и другой нѣтъ, кромѣ «разницы писанія нѣсколькихъ примѣровъ». Вотъ заглавіе самаго сокращенія, напечатаннаго съ возможной точностью правописанія, «противорѣчащаго самой теоріи»: «Сѣа словеса крѣпкѣ изверлима отъ книги Константина Философа Костентьскаго, бывшаго оучителемъ Сръбскаго въ дѣи благоутѣнаго Стефана Деспота, Гидіа Сръблемъ, и имать образъ сицевъ къ писателюмъ» (стр. 36—52). Уже самое заглавіе показываетъ, что сочиненіе ето въ названныхъ рукописяхъ—Сербскаго разряда. Шафарикъ гдѣ-то говорить, что списокъ етого сочиненія находится еще въ одномъ Фрушкогорскомъ (въ Сремѣ, въ южной Угріи) Сербскомъ монастырѣ (кажется, Вьрдникѣ), а въ «Разцвѣтѣ Славянской письменности въ Булгаріи» приписываетъ Костенскому Философу, кромѣ того: «Бесѣды на Евангелія, Житіе Сербскаго князя, Стефана Лазаревича» (ум. 1427), и проч. Послѣднее извѣстно ему въ рукописи XV-го вѣка. См. его «Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslawen», въ «Anzeige=

Blatt für Wissenschaft und Kunst № LIII, «Jahrbücher der Literatur. Wien 1831, S. 54.

67. Кроме того, свесите, на прилѣвъ, съ етъмъ еще слѣдующія данныя, которыя предлагаетъ намъ «Описаніе рукописей Славянскихъ и Россійскихъ библиотеки И. Н. Царскаго». Москва 1848 г.: а) въ Сборникъ № 179, писанномъ полууставомъ XVI-го вѣка, въ листъ (449 л.), на л. 351-мъ: «Въ недѣлю 19-ю. Св. Кирила Философа Слово о исходѣ души и о восходѣ на небо». Нач.: «Понеже убо тайна сія не всѣмъ откровенна бысть», и проч.; б) въ Сборникъ № 388, того же полууст. XVI-го в., въ 4-ку (305 л.), на л. 244: «Се мудрость Кирила Философа, како училъ Вареоломѣя». Нач.: «Одѣнъ въ рубѣхъ, непороботенъ, въ добрыхъ портѣхъ», и пр.

68. По харатейному списку Московской Духовной Академіи, описанному весьма подробно И. М. Снегиревымъ уже въ «Трудахъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ», часть V-я, кн. 1-я (Москва, 1830 г.), статья 13-ая: «Замѣчанія о Георгіи Амартолѣ», стр. 255—264. Въ дополненіе къ находящемуся въ этой статьѣ, прибавлю, съ своей стороны, слѣдующее: а) на 15-мъ листѣ находится извѣстіе «О роцъскомъ пришествіи»; б) съ 150 «писано другою рукою и другими чернилами», собственно только иною рукою, но чернила, какъ и прежнія, желты, хотя нѣсколько свѣтлѣе, а почеркъ крупнѣе и тверже (уставъ), впрочемъ, очень сходенъ съ предыдущимъ; съ 153 еще иной почеркъ, нѣсколько меньше и тоньше, чернила черныя; съ 198 послѣднія становятся немного блѣднѣе, а съ 205, т. е., съ «Временника о хрестыаньскихъ црѣхъ», уставъ, величиной съ тотъ, который съ 150 л. до 153-й, но блѣднѣе, хотя почеркомъ похожъ на черныи, съживаясь постепенно; съ 236 по 260 одинаковъ съ прежнимъ чернымъ, который отсюда опять показывается и идетъ до конца, т. е., по 266 л., оканчиваясь во 2-мъ столбцѣ оборота 265 л., строкой 16-й, словами: «и натымъ своръ ѿ. ѿ. и ѿ. и наты стѣхъ оцѣ»; за тѣмъ, на остальномъ, полууставомъ, который почти стерся, съ трудомъ можно разобрать только слѣдующее: «сними мѣтки наши покаяньемъ оцѣ пѣнго, могущаго помилати ны къ дѣхъ оцѣ, и и тѣхъ конимъ, просице оцѣреніи, помилати ны ѿче і сѣе и стѣмъ дше тво. . . . тѣмъ стати кеснорона предъ тобою и ѿкерзи зстыа мои, да помилотица, гдѣ приде. . .»; далѣе замѣтно нѣсколько *Глаголическихъ* буквъ, равно какъ и одна на послѣдней строкѣ. За сими слѣдуетъ нѣсколько листовъ, перевѣренныхъ теперь сюда, но прежде влетенныхъ было между

149—150-мъ л., Богъ вѣсть откуда взятыхъ, много уставнаго письма, чернилами черными, а по содержанию совершенно не принадлежащихъ къ Амартолову сочиненію. Еще замѣтить должно, что съ 151 л. другой пергаментъ, покрѣпче, равно какъ и на изображеніяхъ, встрѣчающихся на немъ въ среднихъ изложеніяхъ, краски ярче и свѣжѣе. На разгнутомъ Евангеліи одного изъ начальныхъ изображеній читается: «Рѣ гѣ азъ есмь сѣсть есемъ миру, ходи по мнѣ не имать ходити во тмѣ, но имать жи...» Языкъ этой рукописи Амартоловаго «Временника» во многомъ отличенъ отъ языка другихъ, извѣстныхъ мнѣ, рукописей его, Булгарскаго извода, сравнительно далеко темнѣе, но, съ тѣмъ вѣстѣ, богаче особенными выраженіями и словами. Слѣдовательно, судя по этому и остаткамъ Глаголическихъ буквъ, етотъ списокъ его—*списокъ съ Глаголицы*.

69. Мѣсто это о препираніи Петра съ Симономъ Волхвомъ, къ сожалѣнію, по отсутствію списка съ Академической рукописи Амартола, приведено мною, по необходимости, въ текстъ изслѣдованія моего, по другому, вѣсколку позднѣйшаго извода, списку. Получивъ же теперь первый списокъ, считаю нужнымъ привести это мѣсто и по нему: «И въѣ въ Римѣ матежь много и съристаныиъ Петра ради и Симона, яко предѣ ѡбою твордохуться худеса.... въ единѣ ѡ дни покая Симонъ прикести оунецъ прекелникъ, къзгласи къ оухо кмоу, лъкъ оудре оунецъ; Петръ же помолникъса, лъкъ късѣри; людие же видѣше, динишася, гѣще: къ истиноу кже ѡжикети плаче оудреньи кѣще ксть уѣ, и нал зямении многа створиста, и словесы бѣгословити и родословити гѣласта межн собою не тоуѣю въ Римѣ, но и въ Соурин дрекле, кже Кланъ Римлянинъ, премоудрии оуѣниъ Петроуъ и силаритиниъ съдольствитиши исповѣдають» (стр. 151—152). Впрочемъ, сказаніе Амартола могло быть отдаленнѣйшимъ источникомъ для составителя Проложныхъ Житій Кирилла и Меодія; непосредственнымъ же—Проложное Житіе самаго Сильвестра, основанное, разумѣется, вполнѣ, или же отчасти, на Амартоловомъ повѣствованіи. Очень жалѣю, что это Житіе встрѣтилось мнѣ уже по отпечатаніи этого листа. Занимаясь наведеніемъ справокъ, я увидѣлъ, что Проложныя Житія Кирилла и Меодія суть не что иное, какъ Житіе Сильвестра, папы Римскаго, то есть, составлявшій ихъ взялъ себѣ въ образецъ Житіе послѣдняго, что сдѣлалъ, безъ сомнѣнія, по тому обстоятельству, что жизнь тѣхъ и этого представляла нѣсколько точекъ соприкосновенія, сходства. Таковы: какъ Сильвестръ былъ проповѣдникомъ слова Божія и первымъ Христіанскимъ епископомъ въ Римѣ, такъ точно и Солунскіе братья

ти Селивестра; Селивестръ же, вше (во 2-мъ: «возше») на столпъ, помалше, вела мѣвати; моулиноу же вышю (въ 1-мъ: «шоу»), рече Селивестръ: Покан, црю, да ёго же выма оуморилъ, того же и жиа сѣтворитъ. Замбрѣи же рече: Никтѣ можетъ ѿ укъ жиа сѣтворити. Аще ли ты сего жиа сѣтвориши (въ 1-мъ: «ожениши»), то мы вси крѣтиса. Селивестръ рѣ: Во има ѡца и сѣа и стго дѣа, и имъ (въ 1-мъ: «Г ѣмъ») выма за оухо, постави жиа. Тогда повелъ црь Жи-домъ крѣтиса, нехоташа же шечемъ погоуки. Мнози же (въ 1-мъ: «мнози же») боаре, видаше уюдо, крѣтиса с домы сконни, а Сѣлиньскыа цркви изжгоша (во 2-мъ: «изжогоша») ѡгнемъ, имѣша Жи-довьскыа дѣла Селивестроу. Селивестръ же шѡгы црки сѣзди и шѡгы (въ 1-мъ: «гн») ѿ Сѣлинь крѣткъ (въ 1-мъ: «крестикъ»), и Гѡу ѡнде».

Ясно, Замбрѣи былъ Жидъ, какъ показывается его имя, во первыхъ: по своему значенію; далѣе, употребленію, на примѣръ, въ числѣ царей Израильскихъ или Самарійскихъ приводится Амартоломъ Замбрѣи, отецъ Ахавовъ: «мно по Илѣ црѣкова Замбрѣи лѣта .лѣ.»; въ спискѣ другаго извода, равно какъ и въ Библии «Замбрѣи»; и напоследокъ, въ Проложномъ Житіи Сильвестра тѣхъ же Макарьевскихъ Четій-Миней (л. фѡе, столб. 1-й) онъ названъ прямо Евреемъ: «Сен (Селивестръ) сѣвершенаго рѣди ёго въскоженѣа поставленъ высть ѣпѣкъ Староаго Рима, Мелетнадоу ѿ житѣа ѡшедшоу, многымъ уюдесемъ дѣлатель выкъ, и великого иже къ црѣхъ Константилѣ къ Хѣу крѣе поставленъ и бжественнымъ крѣпѣшемъ дѣшныа и телесныа стрѣти ѡуш-стикъ, и ёже закономъ Хѣ проповѣдашиго поназкъ, и оуца ожникъ, ёго же оуки Сѣрѣниъ Замбрѣи, а не може того въскресити, и мно-гымъ сѣию покинникъ выкъ, во глѡбоца староста и Гѡу ѡнде». Въ Проложномъ Житіи Кирилла названный только еретикомъ, Замбрѣи въ такомъ же Меѡодіа обращенъ уже въ Козарина, конечно, по той причинѣ, что прѣвнѣ, по Паннонскому Житію Кирилла, имѣло мѣсто въ Козарѣхъ, на основаніи коего и перенесено (съ примѣненіемъ) происходившее тамъ въ Моравію (къ етому прибавленъ помощникъ его, Сѣдиславъ, котораго, сказано тамъ, пожрала земля, при чемъ Замбрѣи «рѣзѣдеса», и т. д.), но по образцу Проложнаго Житія Сильвестрова. Нельзя также не замѣтить, что и самое Житіе Сильвестра все основано, даже до выражений, на разсказѣ, помѣщенномъ въ «Вре-меньникѣ» Амартола, который, по сему, повторяю, должно считать первоосновой какъ его, такъ, черезъ него, и нашихъ Проложныхъ Житій Кирилла и Меѡодіа. Правда, сказаніе о Прѣвнѣ Сильвестра и Чудѣ его съ юнцемъ помѣшено также во всѣхъ почти нашихъ Хро-нографахъ, но въ нихъ оно зашло тоже изъ Амартола, и съ зна-

XLVIII

чительными переидами въ содержаніи, а еще больше въ выраженіяхъ, при томъ тѣхъ самыхъ, которыя встрѣчаемъ въ Проложныхъ Житіяхъ Кирилла и Меѳодія, равно какъ Житіи Сильвестра и Амартоловомъ сказаніи. Этого не могло быть, если бы Житія нашихъ Солунцевъ были составлены по одному только разсказу Хронографовъ, а не упомянутыхъ выше источниковъ.

70. *Kalendaria ecclesiae universae*, III, p. 14 sq.: «At quod Henschenius subdit de lingua Slavorum, Chazaris communi, quam Cyrillus, dum Chersonae degeret, didicerit, deque sacris libris ibi ab eodem in eam Slavicam linguam versis, novisque ejus linguae characteribus excogitatis, hoc, inquam, nullo pacto probari posse censeo: tum quia paucorum mensium spatio, quo Cyrillus Chersonae moratus est, fieri nequit, ut et linguam illam didicerit, et in eam tot sacros libros converterit, tum quia Chazarorum lingua a Slavica erat aliena: Chazari enim Hunnico sive Turcico sermone, non Slavico utebantur.» Слѣдуютъ выписки о томъ изъ Кедрина (подъ 16 год. Ираклія), Конст. Багрянороднаго (*De admin. impregio*, cap. XXXVIII), и друг. *Шлѣцеръ*, въ *Несторѣ*, подлинник. Кар. X., Abschn. VI, I, S. 229, 237, Руск. перев. часть II, стр. 556 и 572. Объ языкѣ Козаръ см. Френовы выписки изъ Арабскихъ писателей.

71. *Rozkvět slovanské literatury v Bulharsku*, str. 15—16, въ Руск. 10—11; сравни. тамъ же, подлин. 7—8, перев. моего 5. Его сказаніе по сию пору извѣстно мнѣ только по двумъ спискамъ: а) рукоп. Миней на генварь, Московской Духовной Академіи, л. 677 и сл., и б) Макарьевск. Четь-Миней на генварь же. Сдѣсь и тамъ оно помѣщено подъ 30-мъ генваря, т. е., днемъ празднованія памяти св. священномученика Климента, епископа Анкиры Галатскія. Именно, въ послѣдней (Макар. Четь-Миней) сперва (л. 1475, столб. 2-й) Проложное Житіе его, за тѣмъ такое же Житіе епископа Павліана (1-й же столб.), потомъ (съ столб. 2-го л. 1477 до полов. 2-го же столб. 1482 л.): «Въ той днѣ слово на пренесеніе (въ сп. Мак. «принесеніе») мощемъ преславнаго Климента, историческою мощею (Мак. «мощи») бесѣды, яко Хбою помощію въ д. тысяца. 7, и 8, и 9. лѣ изысканымъ (Акад. «изысканіе») его любезію (Акад. «любезіе») и вѣрно, яко изъ (Акад. «изъ») нѣ бо (Акад. пропуск. «бо») и Понте восѣл». Нач.: «Въ обретеніе мощи (Мак. «мощи») стѣ славнаго Климента и радостнымъ образомъ явленія нхъ высокою бесѣдою, яко оубо сытость блговѣрнѣ (Мак. и) дѣокнымъ и (Мак. нѣтъ «и») любащимъ (Мак. «и») послоушаніе, еще же и добрымъ зданіемъ обитникомъ (Мак. съ «д.») пензла и славнаго словесе въ мысленіи велелтнн, постретіе же и проданіе нзкого радостно изысканіе», и пр. Очевидно, сдѣсь, въ означеніи времени,

ошибка писца, т. е., вѣсто. Д. должно стоять .Б., что составитъ ,Б. Ы. ̅. ̅. ̅. ̅. (6369) или 861 годъ, слѣдовательно, согласно съ Паннонскимъ Житіемъ Кирилла, по которому отбытіе его къ Козарамъ случилось не задолго до прихода Великоморавскихъ пословъ въ Царьградъ. Жаль, что изложеніе въ обояхъ спискахъ этого «Слова на пренесеніе мощей Климента» не соотвѣтъ грамматически правильно, что произошло, по всему, отъ переписчиковъ, не вездѣ хорошо выразумѣвшихъ языкъ его, указывающій собой на глубокую древность. При томъ, онъ вполнѣ сохранился только въ одномъ спискѣ Макарьевскихъ Четивъ-Миней, между тѣмъ какъ списку Московской Духовной Академіи недостаетъ конца, именно, со словъ: «и надо всми, Клименте, даши или стѣи си дѣи шленѣмъ твоихъ мощей», и проч. За сими Словомъ въ Мак. Четивъ-Миней слѣдуетъ самое «Житіе и мѣне стѣо Климента Ангѣльскаго», начинающееся такъ: «Въ лѣте двосотнѣе чѣмъ нѣго и Гѣ Нѣхъ Хѣ, во шестѣи въ второе надесѣтое Оуларѣиѣ чѣтѣи», и проч. Оно очень велико и очень замѣчательно своимъ языкомъ. Очевидно, что Слово это помѣщено тутъ по ошибкѣ, вѣсто того, чтобы занять мѣсто подъ 25-мъ ноября. Какъ бы то ни было, только и содержаніе и языкъ Похвальнаго Слова Клименту, нищаго историческую бесѣду, какъ сказано въ заглавіи, чрезвычайно замѣчательны, и по всему оно принадлежитъ одному и тому же лицу, что и «Похвала стѣомъ Клименту, патриарху Римскому», о которой изъ надписанія ея знаемъ, что она «написана Климентомъ Сискономъ», хотя, съ другой стороны, есть доводы въ пользу написанія оной и самимъ Кирилломъ Философомъ. Но что особенно замѣчательно, такъ его правописаніе списка сего Слова, принадлежащаго Московской Духовной Академіи, указывающее, вѣстѣ съ языкомъ, на переписку его съ *Глаголическою* извода.

72. *Dobrovsky* Cyrill und Method u. s. w. §§. 3—4. *Ego же*, Mähgische Legende von Cyrill und Method, S. 39, 98—99.

73. То есть, собственно, Княжества Блатенскаго, Коцелова, а въ обширномъ смыслѣ и Великоморавіи, такъ какъ значительная часть областей ея находилась въ Панноніи, простиравшейся по ту и по сю сторону Дуная, слѣдовательно, обѣихъ Панноній, Верхней и Нижней.

74. Память о такомъ значеніи Велетрада долго сохранялась въ устахъ не только простаго народа въ Чехахъ, Моравѣ и сосѣднихъ краяхъ, но и въ письменныхъ государственныхъ памятникахъ. Такъ въ одной грамотѣ, относящейся ко второй четверти XI-го столѣтія, данной соборной Церквю святаго Петра и при ней часовнѣ святаго Климента въ Голомуцѣ, по случаю возобновленія старинныхъ нада-

ній обвиниъ Брячиславомъ 1-мъ, сыномъ Чешскаго князя, Ольдрика, читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова, въ которыхъ онъ выражаетъ чувства, волновавшія его при видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда дѣйствовали Кирилъ и Меодій, за сто лѣтъ съ небольшимъ передъ тѣмъ, т. е., Моравіи и ея стольнаго града, оставшихся, по разрушеніи Ростиславовой Державы (907 г.), въ запустѣніи, но теперь освобожденныхъ имъ послѣ пораженія на голову въ нѣсколькихъ битвахъ Угорскаго короля, Стефана, отнявшаго было ихъ у Поляковъ, заусобившихъ по смерти Болеслава Храбраго (1025 г.), который недавно передъ тѣмъ, во время такихъ же усобицъ Чеховъ (послѣ Болеслава II-го), отторгъ оныя къ своимъ владѣніямъ. Освободитель Моравіи получилъ ее отъ отца своего въ управленіе съ именемъ Воеводы Моравскаго. «*Illacrimavi sane et intimo corde sum percussus, quando uidebam loca illa sacra, ubi cepit christianitas, per eosdem Ungaros, tum paganos, deuastata et diruia atque in ruderibus dissipata iacere et ecclesias in illis partibus terre nostre omnes ad unam spoliatas et profanatas existere; et deuomi pio meo tum proposito magnam spoliarum copiam ab eisdem uastatoribus et depredatoribus receptam in reedificium et restaurum predictarum ecclesiarum impendere, deponendo ipsam super altari eius, cui ablata, atque quo opitulante recepta esse dinoscuntur. Hinc est, quod ego Brachizlaus dux Morauiensis etiam ecclesie sancti Petri in Olomuci et capelle, que est in honore b. Clementis constructa ibidem, eam dotis sue restitui fecimus portionem, quam ipsi ex collatione antiquorum huius terre principum concessam esse scripto et oretenus ueraciter didicimus*» etc. См. *Boček Codex diplomat. et epistol. Morauiae, I, № СХХVII, pag. 112*, взят. «ex fragmento antiquissimi codicis ecclesiae Olomucensis, quod ab ipsius detectore, professore Monse, Monsianum nominatur» (Lit. III.). Грамота эта, по мнѣнію Палацкаго (*Geschichte von Böhmen, I Bd., S. 274; Его же, Dějiny národu českého, Díl I, část. I, str. 298*), относится къ 1028, а не 1030, году, какъ полагалъ Бочекъ. А что подъ выраженіемъ ея: «*ubi cepit christianitas*» разумѣется именно Велеградъ, то стоитъ только снести съ етѣмъ,—говоритъ тамъ же Палацкій,—такія же слова о Велеградѣ, употребленныя тѣмъ же самымъ Брячиславомъ въ грамотѣ своей, данной, спустя два года (1030), церкви, построенной въ память побѣды надъ Уграми, въ только что основанномъ имъ городѣ, Снитигѣвѣ (теперь селѣ на рѣкѣ Моравѣ, въ Градиштскомъ краѣ), и напечатанной Бочкомъ въ слѣдъ за предыдущей, въ *Codex diplom. etc.* подъ № СХХVIII (pag. 113—114.), сохранившейся въ одной невзданной рукописной Хроникѣ XIII-го столѣтія, составленной первымъ Моравскимъ лѣто-

пасцемъ, Гильдегардоу Градиптскимъ (Hildegardus Gradicensis, 1127—1147 г.): «Brachizlaus dux Morauiensis, tradidit ad eccelsiam, quam in loco noue ciuitatis Zpitigneu, in memoriam uictorie sue super Ungarorum gente locande, honorifico opere construxerat, universam dotem, que olim ecclesie b.—iuxta *Vueligrad*, ubi cepit christianitas, in loco quondam ciuitatis Deuin extitisse cernitur», etc. Сличите также о Велеградѣ *Annales Fuldenses* ap. Pertz I, 381: «Karolus dum cum exercitu sibi commisso in illam ineffabilem Rastizi munitionem et omnibus antiquissimis dissimilem venisset», etc. И сдѣсь подѣ *munitionis* разумѣется,—говоритъ Палацкій,—(тамъ же I, примѣч. 87), Велеградъ, который, собственно, значить «велій градъ», а градъ, въ старину, какъ и теперь, у многихъ Славянъ, значить крѣпость, укрѣпленіе, слѣдовательно, по Латини *magna munitio, munitus locus*. О названіи же «Deuin» сравните тѣ же *Annales Fuldens.* (I, pag. 378), въ коихъ читаемъ: «In quadam ciuitate.... Douina, id est, puella» (Дѣвина, Дѣвинъ, отъ дѣва); по сию пору, замѣчаетъ Шафарикъ (*Slovenské starožitnosti*, I, str. 801, въ Рускомъ II, кн. 2, стр. 296, прим. 35), ложно примѣняли его къ Дѣвину, близъ Пресбурга находившемуся. Стало быть, столица Великоморавіи носила три названія: самое древнее, «*Дѣвинъ*», составлявшее собственное ея имя; второе—«*Велеградъ*», которое, кажется, скорѣе было прозваніе Дѣвина, то есть, велій градъ, великій градъ, или укрѣпленіе, твердыня («*ineffabilis munitio, magna munitio*»), какъ въ средневѣковой Латини *Magnopolis*, Нѣмецкое *Mikilimburg* (названіе для Славянскаго города Любова, въ землѣ Бодричей), по коему и весь край прозванъ Миклибургомъ или Мекленбургомъ (*Slovan. starož.* I, str. 902, Руск. II, кн. 3-ья, стр. 147); и, наконецъ, третье, «*Градисте*» (*Hradisté*) или наше «*Городище*», названіе для возникшаго уже изъ развалинъ «велія града», городка или «*городища*».

75. Этотъ отрывокъ изъ «Слоужбъ» сообщенъ мнѣ, лѣтъ 7-мъ тому назадъ, В. И. Григоровичемъ. Языкъ ея въ теперешнемъ своемъ видѣ, очевидно, уже Среднебулгарскій.

76. См. статью мою: «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ» и проч., стр. 17—18, 28—39. Какимъ образомъ очутилось это свидѣтельство, по правописанію на *Среднебулгарскомъ* языкѣ, въ сводѣ краткихъ лѣтописей *Сербскихъ* въ «Памятникахъ Югославянской письменности» или «Изборѣ Югославянскихъ достопамятностей» (Прага, 1851 года, стр. 67—68), изданныхъ Шафарикомъ, получившимъ его отъ меня еще въ 1842-мъ году, тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ Вратиславы (Бреслава), въ которой оно было открыто мною? Кромѣ того, въ томъ видѣ, какъ оно тутъ напечатано, правописаніе не

всюду соблюдено строго, но принаровлено отчасти къ Сербскому, именно: ъ в. м. љ, а в. м. м.

77. «О древней письменности Словянъ», В. И. Григоровича, стр. 62, 64.

78. Тамъ же, стр. 67. Я отдѣляю въ два реченія «вѣскресьма», т. е., «вѣскресь» и «ма, относя послѣднее къ слѣдующему слову «стакль», (мистакль), съ которымъ оно и составитъ одно реченіе «мистакль», в. м. «мистакль». Подъ «вѣскресь» разуется Греческое *ἀκρατος* вѣсто *ἀκρατος*, то есть, праздничныя или недѣльныя (*ἀ+κρατος*, *κράτος*, *κρατος*, дѣлаю, *ἀκρατιω*, не дѣлаю, веду жизнь праздную, *οτιωσις* *ωσις*, гуляю; *ἀκρατος*, недѣлающій, недѣльный; *ἀκρατία*, *οτιωσις*, праздность, бездѣйствіе), по недѣлямъ (какъ днямъ праздничнымъ, въ которые не трудятся, *не дѣлають*, *ἀκρατια* *ἡμέρας*, *festae*, праздники, святки, гулянки, досугъ, дни, свободныя отъ трудовъ и занятій) расположенныя чтенія Евангелій, начиная съ праздника *праздникомъ*, Пасхи или Свѣтлаго Воскресенія, Святой, въ противоположность чтеніямъ, расположеннымъ по Евангелистамъ. А какъ названіе Воскресенія Славянами-Христіянами, особенно Рускими, перенесено и на всякой первый день недѣли (откуда у насъ простой народъ поздравляетъ васъ «съ *праздникомъ*», т. е., съ Греческимъ *ἀκρατια* *ἡμέρας* во всякое воскресенье или воскресный день [старинное недѣля, какъ это и теперь еще употребляется у многихъ Славянъ въ смыслъ воскресенья, по первому или главному дню, а не седмицы, называемой разными разн.: *тыждень*, т. е., *тыждень*, *тыждень*, *тѣдь*, цѣлое, состоящее изъ известнаго числа сходныхъ, одинакихъ или *тѣхъ-же дней*, и т. п.]), то отсюда наше названіе для такого Евангелія «Вѣскресь (особенно «Вѣскресь»), Вѣскресьіе («Вѣскресьіе»). Впрочемъ, если допустить чтеніе «Вѣскресьма», тогда должно подразумѣвать при немъ «чѣтвеніи», и форму «стакль» вѣсто «стакль», либо «стакль».

79. Извѣстно изъ сравнительнаго языковеденія, что буква *я* собственно есть доегласная, образовавшаяся изъ *і* приставкой *а*: *а+і=аі*, выражаемой въ Санскритѣ обыкновенно звукомъ *е*, а въ Славянскомъ различно: *е*, *я*, *ѣ*, *є*, *и* или *я*, *д*, *і*, *ва*, *ѣ* или *го*, смотря по нарѣчію, времени и степени любви къ смягченію или іотациі, составляющей одну изъ главнѣйшихъ особенностей Славянскихъ языковъ. Такой способъ обращенія гласной въ доегласную называется усиленіемъ или удвоеніемъ, по Санскритски *гуной*. Сдѣсь въ «*обратникъ*» звукъ *а* составляетъ гуну, т. е., Древнебулгарское *я* обратилось въ Среднебулгарскомъ въ *а* в. м. *и* (*я*), какъ родственнѣйшій ему звукъ *и* часто переходитъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, уже

въ Церковнославянскомъ или Древнебулгарскомъ въ *а*, особенно послѣ плавныхъ и небныхъ или шипящихъ и свистящихъ: драти (вм. драти), жрати (жрати), шрати (шрати), басада, зрати, прапрада или прапрада, обиталь, благодать (собственно «благодать»), орахъ (орахъ), боура (боура), азъ (азъ), лице (лице), и множество другихъ, а не «небольшое только количество». Да и нынѣшніе Булгаре нерѣдко говорятъ, тамъ и сямъ: цалка, цалма, цалуи, исцаленье, какъ мы: целовать, поцелуй и т. п.

80. Смотри «О древней письменности Словянъ»; стр. 68; сравни выше примѣч. 77: «Св. Меѳодій названъ *обратникъ* (въ Тропарѣ ему), отъ обращенія Греческаго алфавита (и Глагольскаго?), въ Словянской, привѣненіемъ Греческихъ буквъ къ *извѣстнымъ* уже въ Словянскомъ языкѣ».

81. См. выше примѣчаніе 37.

82. Это въ отвѣтъ на вопросъ въ статьѣ: «О древней письменности Словянъ», стр. 68. «Сообразивъ эти обстоятельства, спрашиваю, не достоверно ли заключить могу, что Меѳодій *сталъ первый писать* Греческими буквами въ Словянской языкѣ?»

83. Стр. 66—67, строк. 13 и 33—36.

84. Первое извѣстіе объ этой рукописи сообщено было самимъ Кухарскимъ, въ письмѣ его изъ Дубровника (Рагузы), отъ 28-го августа, 1829 года, напечатанномъ въ IV-й книжкѣ Журнала Чешскаго Музея, подъ заглавіемъ: «Literní zprávu z Dalmatska». Исчисляя Церковнославянскія рукописи, видѣнныя въ Черногорской митрополичьей Библиотекѣ, онъ приводитъ, подъ № 16-мъ, и етотъ Сборникъ, говоря: «Рукопись бумажная, въ 4-ку, подаренная мнѣ митрополитомъ; она содержитъ въ себѣ много разныхъ предметовъ, между прочимъ и лѣтовисъ, въ коей читаемъ: «и Болгары хрѣстѣи бѣше», и проч.; но годъ ошибочно выставленъ, то есть, 6330 вѣсто 6360 (стр. 127). Шафарикъ тоже упоминаетъ объ этомъ «Сказаніи възрацѣ», съ ссылкой на письмо Кухарскаго, въ «Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslawen», помѣщенн. въ «Anzeige-Blatt für Wissenschaft und Kunst», № LIII, der «Jahrbücher der Literatur», 1831, Januar—März. Wien, S. 55. Конецъ 14 листа этой рукописи таковъ: «Петръ. Згодна быти испокладю по всьмъ, иже глѣши, се во твердо разумю, мно житіе, а не знаменіа, шрѣтсе; и та бо выключѣа знаменіа, докродѣлааго житіа немаланіе носети. Молю оубо аде и ефе ижеа естѣла сѣтъ, ижеаши ми и та быти, иже да глѣдѣюа ме къ блгыхъ немаланіихъ прѣлиташн. Григоріе. Хотѣахъ тебѣ, къ хвалѣ и славе изъ-

Румянц. Музей»; но въ ней не находимъ слѣдующихъ словъ, напечатанныхъ, однако, при переводѣ сочиненія Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій», въ прилѣжаніи къ отрывку изъ этого Хронографа, общенному переводчику самимъ А. Х. Востоковымъ: «и при всеобщемъ Митрополитѣ всаѣ Русіа Зосимѣ»; послѣ сего слѣдуетъ: «и при всеобщемъ Архіепископѣ всаинаго Мокангорода и Пскова вѣцѣ Гершадіи». Такъ какъ Слово «всеобщемъ» въ томъ и другомъ находится, то, вѣроятно, оно-то и было причиной пропуска со стороны наборщика, который вдругъ перескочилъ отъ перваго къ послѣднему, какъ это вѣрѣдко случается въ Типографіяхъ. Иногда рѣшительно невозможно бываетъ замѣтить то при выправкѣ, особливо, когда смыслъ отъ того не страдаетъ, какъ въ этомъ случаѣ.

92. На оборотѣ 835 листа читаемъ сверху, на полѣ, такое заглавіе киноварью: «Книга нарицалема», а на 836-мъ: «Палла, написана въ лѣтѣ 755» (1518).

93. Представляю его здѣсь вполнѣ:

Предложеніе грамотамъ.

Прежде всѣхъ бы Жидовскія грамота. С томъ слыша 'Еллинскіи стѣи грамотицици; тае по сихъ Римскія и проуи и нши мнѣзи. По мнѣзѣхъ же лѣтѣ Русскія; послѣ же всѣхъ Пермскія. Оу Жидовскія азбукы перкомоу слову има алфъ, а оу Греускыя азбукы перкомоу слову има алфанта, а Сурьскыя алфѣбе, а Оугорскыя алфакласакл, а оу Русскія азъ, а оу Пермскыя азбуръ, да не по единомъ глѣще оумножатся слово; мнѣзи бо сѣтъ грамоты, и мнѣгы азбукы. Сѣтъ бо писмена книжна иже издавна и по посланикъ мзыцы нмѣше в себе, ико се Жидовскыи и 'Еллинскыи и Римскыи, и нмѣ что достонѣ речн, намъ что подобѣ безцати? Иже ѣ, ико млоууѣмса ѣ писмѣа, а не никакъ како; но ѡбѣ в писани сиче ѣ, еже ѣ Адамъ первоуданилго глѣю, егѣ смышъ Сифъ, сѣ перкѣ изоуунса грамота Жидовскыи; тае ѣ Адамъ до потопа пренде лѣтѣ 755 м. смѣ; по потопа бѣ столпотвореніе, егда раздѣлиша мзыцы, ико бытѣе ишметъ, да ико раздѣлиша азукы, тако раздѣлиша и ирлен, и шьууан, и оустакн, и закѡны, и хитрости на азукы, ико се глѣю ѣ мзыкъ 'Егѣпетскыи, емоу земномърѣе досталоса, а Персомъ и Хаддѡмъ и Асѣрѡмъ астрономіе, звездочетѣе, колшкеніе и уроканіе, и проуи свѣтныи хитрости улѣвскія; Жидовкомъ стѣа книги, поѣ тѣ млоууемн сиче, еѣ грамотою и Моусенъ потомъ писаше ѡ бытїи всего мира Бытїискія книги, в нихъ же писано, еко Бѣ створилъ нѣбо и землю и вса, иже на нѣи, и удѣи

и все по радѣ проуче, яко ѣ Бытїи писаны; 'Сланиомъ же досталаа грамотниѣ, и риторниѣ, и философіа. Но исверха 'Слани не имѣаху оу себе грамоты, но Латинскою грамотою поуждахъса писати свою рѣчь, и тако бѣша по многа лѣта. И кысть никто и нѣхъ философъ имѣеши Поманидъ, иже послѣдѣ пришедъ, сътвори 'Сланиомъ азвочкоу, илукъ сице: алфа, вита, и положи усломъ словъ .ѣи., токо 'Сланиомъ изъобрѣтено. Потомъ по яколицѣхъ лѣтѣхъ нѣхъ книжникъ именемъ Кадѣмъ Мнисиѣ, приложи нѣхъ три слова писмениѣ; тѣмъ же и по многа лѣта .ѣи.,ю словъ свои азвочкы, скончи писаны поуждахъса написати. Потомъ же нѣхъ грамотникъ, именемъ Симсиандъ, обратъ еще приложи нѣхъ .ѣ. слова писмениѣ, и оуже слагѣтса усломъ словъ нѣхъ .ѣд. 'Спихирїи же никто, слухатель симъ книгамъ, сїи изъобрѣте, приложи нѣхъ .ѣ. слова писмениѣ; ти тако събраса азвочкы Греускїа словъ усломъ .ѣд. Потомъ же по мнозѣхъ лѣтѣхъ Дїонисъ никто грамотникъ, шесть двѣгласныхъ изъобрѣте; по сихъ же дроугымъ философъ .ѣ. словъ приложи, нѣхъ книжникъ .ѣ. слова, ими же усла пишѣтса, шестое мѣхъ, и декатдесатное и декатсотное. И тако по многа лѣта мнози философи ѣдеа събрали сѣхъ азвочкы Греускїю словъ усломъ .ѣи. Потомъ же многымъ лѣтомъ мношѣдшимъ, кѣиимъ словѣомъ обратомъ .ѣ. мѣхъ иудрець, иже приложили книги ѣ Иудѣискїаго языка ил Греускїи. Коли много лѣтъ мнози философи 'Сланистїи събрали и съставили грамоты Греускїю, и ѣдеа оуставили, мнозими троуды и мнозими временемъ ѣдеа сложили, .ѣ. философъ ѣдеа азвочкоу съставили, а седмидесѣ мѣхъ иудрець предложене предложили, перетълмунли книги, ѣ Иудѣискїаго языка ил Греускїи прекедѣша. Тамъ мню, яко Роускїа грамота утѣвни ѣ илукъ 'Сланискїа, сѣхъ ко ѣла моужъ сътвориѣхъ ю бѣсть, Кириѣла рекоу философъ, а Греускою алфавентоу 'Слани, не ирѣниѣ сѣхъ, съставили сѣхъ. Тѣмъ и потомъ Пермскїа грамота илукъ 'Сланискїа, ю Стефанъ сътвори Но Кириѣ философъ спосоклаше многожды вратъ ѣго Мѣфодъ, или грамоты складывати, или азвочкы съставивати, или книги прѣводити; Стефаноу никто обратѣтса помощникъ, развѣ токо ѣдїнъ Бѣ илукъ, прикѣжице и скла, помощникъ къ скорѣхъ, ѣвративихъ ны зало. Аще ли кто реуеѣ слоко ил Пермскїю грамотоу, яко похочѣла ю, гѣд, яко нѣхъ гораздо оустроѣна грамота си, достоно ѣ поуминкати ѣл, и ѣще тѣмъ и смѣхъ реуемъ: и Греускїю грамоту тѣко мнози поуминвали: Акиѣл и Сїмахоѣ уады и шїи мнози; дикїи ко ѣ готовѣго поумини, оудокѣ ко ѣ послѣди пострадати, илукъ нежели исперѣл илукати и сътвориѣти. Аще ко кто кыроситъ Греускїаго книжника, гѣд: кто ны ѣ грамоты сътвориѣхъ, или книги предложихъ,

и въ коѣ время то са с дѣла, то рѣдче ѿ нѣ бѣзѣ дати могуѣтъ, и не мнози вѣдаютъ. И аще въпросиши Русьскыя грамотники, гдѣ: кто ны ѣ грамоту сътвориъ и книги претлъковаъ, то вси вѣдаютъ и вскорѣ ѿвѣщаютъ, рекоуще: стѣи Костантинѣ философъ, ирицземъ Кирилъ, тѣ намъ грамоту сътвориъ и книги предложилъ съ Греускыя языка на Русьскыи съ братомъ си съ прѣимъ с Мефодомъ, и бѣ посатди ѣиныхъ Моравьскыи. Въ коѣ время то баше? Въ црѣтко Микхана, Греускыя црѣ, и въ Царьградѣ црѣтковавшого, ириццрицрса Фотзи, а лѣ Бориса кнѣза Болгарьскаго, и Растица кнѣза Моравьскаго, и Костеля кнѣза Балтеньскаго, къ княженѣе кнѣза всаьскаго всаа Русѣи Люрица, погана свѣд и не ирѣшл, зл .рѣ. лѣ до ирѣшсѣи Русьскыя земли, а ѿ създаша миръ к лѣ .г.ѣ.тѣг.

94. «О древней письменности Словянъ», стр. 69, примѣчан. 2—ое.

95. Прокопій хвалитъ склонность етѣхъ Готовъ къ Християнству, замѣчая, что они дѣйствительно получили себѣ епископа отъ императора Юстиниана. *Bellum Gothicum*, IV, 4. О войнѣ ихъ съ Козарами говорится въ «*Acta S. Joannis*», ар. *Boll. Jun.* 5. pag. 190 — 191, а о Готской Епархіи у Кодина «*Notitia Graecorum episcopatum*», pag. 381, 403.

96. «Древнія письмена Славянскія», въ Ж. М. Н. П., 1848, кн. VII, Отд. II, стр. 64.

97. Въ рукописи Московской Духовной Академіи № 19—й, въ слѣдъ за Житіемъ Кирилла, помѣщено небольшое извѣстіе о Руской грамотѣ и судьбѣ ея. Очевидно, цѣль сочинителя была показать, что, не смотря на извѣстіе етого Житія объ изобрѣтеніи азбуки Константиномъ, онъ, собственно, только перенялъ ее отъ какого-то Русина Християнина, жившаго въ Корсуни, слѣдовательно, ето не его изобрѣтеніе, но чисто Руское, свое, и, по тому, она, собственно, грамота Руская; ею онъ написалъ книги Моравцамъ, отъ коихъ по томъ перешла къ Чехамъ и къ Ляхамъ, и держалась у нихъ до самаго Войтѣха, замѣнявшаго ее Латинской. Повторяю, составленіе етого извѣстія относится ко времени вѣроисповѣдной борьбы Рускихъ съ западными соплеменниками, которымъ доказывали тѣмъ, что и они, когда-то, были Православные и, стало, писали одинаковой съ ними азбукой, вытѣсненной только насильно извѣстнымъ ревнителемъ Латинскаго обряда, Войтѣхомъ. А чтобъ еще болѣе удостовѣрить въ томъ, рука, увлеченнаго ревностью по старинѣ, не дрогнула сказаніе собственаго своего изобрѣтенія внести даже въ Житіе Кирилла, помѣстивъ его въ отдѣлъ, въ которомъ говорится о пребываніи послѣдняго въ Корсуни; цѣль была очевидна—показать, во первыхъ, что

она, какъ я сказалъ уже, собственно Руское дѣло; во вторыхъ, самъ Константинъ перенялъ, отнюдь же не изобрѣлъ, ее; въ третьихъ, она тамъ «введена крестъ словъ Бѣгомъ», гдѣ «Владимиру Дѣхъ стѣи въдохвоудъ» и самую «Вароу прѣгати». Такъ какъ извѣстіе или сказаніе ето находится и въ обоихъ Псковскихъ спискахъ Палѣи, и при томъ, непосредственно соединено съ выписками изъ Кириллова Житія, относящимися преимущественно къ азбукѣ, то отсюда можно вывести заключеніе, не изъ подобнаго ли источника сдѣлана эта вставка въ Житіе, да и сама не для Хронографовъ ли собственно составлена была, которымъ нельзя было обойтись безъ разсказа о происхожденіи нашихъ письменъ? Что ето стояло совершенно въ разладѣ съ послѣдующимъ разсказомъ Кириллова Житія, вставщикъ не заботился о томъ. Такіе люди никогда не смущаются подобными противорѣчїями: ихъ задача — сдѣлать по своему, а тамъ—разбѣрай себѣ, кто можетъ; объясняй и доказывай, сколько угодно, противное. Дѣло сдѣлано, и не стать же передѣлывать его для какой-то исторической совѣстливости. Я увѣренъ, что когда найдется списокъ Паннонскаго Житія Кирилла постарше тѣхъ, которые теперь у насъ подъ руками, въ немъ не будетъ етой вставки—здѣлїя нашей умной и книжной чади.

98. Cosmae Pragensis Chronica Bohemorum, lib. I, въ «Scriptores rerum Bohem., ed. Peltzel et Dobrovsky», Т. I. pag. 49. Подлинность етого посланія сюда не относится; если бы даже самъ лѣтописецъ выдумалъ его, какъ полагаетъ Добровскій, все таки оно показываетъ намъ, что уже въ его время такими, а не иными, глазами глядѣли на отношеніе нашего стараго языка и народа къ Православному Богослуженію, т. е., въ XI—XII вѣкѣ.

99. См. «Évangélique slave de Reims, ou texte du sacre, fac-simile et publié par. J. B. Silvestre». Paris 1843, 2-de livraison; другое заглавіе: «Évangélie slavice, quibus olim in Regum Francorum oleo sacro inungendorum solemnibus uti solebat ecclesia Remensis, vulgo Texte du sacre, ad exemplaris similitudinem descripsit et edidit Silvestre. Lutetiae Parisiorum, pag. 61—62; также: «Слѣзко-Симъское стѣе бѣговъствожаніе, нинѣ же Ремское, ил неже прѣже присаглнл прїемувальномъ шропомазанїи царї Францоустїи. Съ прикзвєнїемъ съ бокоу того же утєнїи Латнїйскими воуккани и сьлнунїемъ Остроширока еуѣнгелїи и Острожскимъ утєнїи. Троудомъ и нѣднїемъ Кашеслака Ганнїи. Въ Утєшскомъ Празѣ, 1849», стр. 186—188.

100. Молитва эта такъ читается въ «Прологъ о Хѣ сьмъзлннн

О҃цю, Сѣоу и прѣстоуоуемоу Дѣоу.
 Кѣмоу же усть и дръжка и слезъ
 Отъ всекъ теари и думаниа,
 Къ вса кнѣи и на кнѣи, лминиъ.

Выраженія: «Шестидцать силоу въспримиъ.

Шѣствоюу мѣиъ по сядоу оучителю,
 Имени юо и дѣоу послѣдоуа»,

показываютъ, что молитва сія, писанная; какъ видно, стихами (и напечатанная дважды при соч. Добровскаго въ Руск. перев. «Кириллъ и Меодій,» стр. 109 и 151), не можетъ быть сочиненіемъ Константина Философа, напротивъ, ученика его, Константина, по догадкѣ Шафарика (Разцвѣтъ Славян. письм., стр. 20, по Руски стр. 13), епископа Прѣславскаго, которому, сверхъ названнаго творенія, принадлежитъ еще переводъ Аѳанасія Александрійскаго четырехъ словъ на Аріянъ, сдѣланный, по желанію Булгарскаго царя, Симеона, въ 906 г., и сохранившійся въ двухъ рукописяхъ XV-го в., въ Москвѣ и въ Волоколамскомъ Іосифовѣ монастырѣ, на которыя первый обратилъ вниманіе наше К. Ѳ. Калайдовичъ (въ Іоан. Екс. Болг., стр. 14 и 98, прим. 40, стр. 94, пр. 20). Послѣдній встрѣтилъ я также въ Макарьевской Четь-Минен на мѣсяць май. Тутъ, между «Житіемъ (2-го мая) сѣго Аѳанасіа, архіеіпа Александрійскаго» (листъ рѣе), и его Словами на Аріянъ: «Иже къ стѣи оуи нашего Аѳанасіа Архіеіпа Александрійскаго на Аріимы Слово прѣвое» (1. рѣи—сѣи), столб. 1-й, читаемъ извѣстіе о времени перевода ихъ, находящееся, по увѣренію Калайдовича, въ концѣ 4-го слова по Синодальной рукописи. Такъ какъ оно чрезвычайно важно по своему содержанію, то я его и выписываю здѣсь. Изъ сличенія его съ Синодальнымъ можно замѣтить только нѣкоторыя язычныя разности: «Сѣи ииагы кѣгоуѣимы, иариуемыа Аѳанасіа, повелѣиѣмъ ииѣа изшего Болгарска, имени Сімеона, преложи ихъ еіпѣи Константинъ къ Словенскѣи азѣи Ѳ Грѣуеска, а лѣи Ѳ иауала мира, ѣ. ѣ. іѣ. нѣ. іѣ., оуѣиуиъ сѣи Меодіѣ, Архіеіпа Моравы. Иавіса же и Тоудоръ херноризецъ Доѣи, тамъже ииѣе повелѣи, на оуѣиѣи Тмуа, в лѣто .ѣ. ѣ. іѣ., Іиѣи. іѣ., иѣеж стѣи златѣа црѣкы новѣа сѣтворѣа еі тамъ ииѣемъ. В се уѣо лѣто оуѣеа рѣеъ кѣи сѣго ииѣа оуѣи, къ вѣзѣа кѣрѣ живѣи, а добронсповѣданіи Гѣи ииѣо Іѣ Хѣи, великии, уѣиѣи, кѣго-кѣрѣи госпѣи нашѣи кнѣаъ Болгарскѣи, имени Борѣи, хрѣіанѣе ииѣа еімоу Микѣи, ииѣа ииѣа къ .ѣ. дѣи, а сѣкотѣи кѣѣр. Сѣи Борѣи Болгарѣи крѣіаъ еі к лѣи .стѣи. вѣхѣи., ко ииѣа Оуѣи и Сѣи и сѣго Дѣи, лминиъ. Кромѣ того, Шафарикъ приписываетъ ему и «Написаніе о правѣи

вѣрѣ», известное по Булгарской рукописи 1348 г., сдѣланной для Булгарскаго царя, Іоанна Александра, и находящейся въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Разнорѣчіе въ приведенныхъ трехъ стихахъ, относящееся къ словамъ: «оучителю, мю», вмѣсто которыхъ въ другихъ спискахъ стоитъ «оучителю его», конечно, можетъ указывать вообще на обонихъ братьевъ, коихъ Константинъ былъ равно ученикомъ; но тогда выраженіе: «Имени мю и дялоу послѣдоушъ», будетъ противорѣчить тому, слѣдовательно, надобно признать, что сдѣсь должно стоять единственное, а не двойственное, число (оучителя мю).

Твореніе это, судя по статьѣ, приложенной въ заключеніе его: «Историкни зѣ бѣ вѣратъцѣ одрѣжани лѣ отъ Адама до Хѣа пришествіа, и ины отъ Хѣ до настоящаго въ .лѣ. индикта,» переведено въ концѣ IX-го вѣка, въ правленіе Булгарскаго царя, Бориса, котораго и изображеніе приложено въ самомъ началѣ, или же въ началѣ X-го, даже въ годъ его смерти, либо вскорѣ по томъ. То обстоятельство, что при немъ выставлена подпись: «Сѣмъ Борисъ», было причиной, что на него никто не обращалъ вниманія, считая его Рускимъ княземъ Борисомъ. Въ соч. «Вѣкъ Болгарскаго Царя, Симеона» (стр. 111, прим. 123), повторивъ слова Шафарика объ изображеніи при Константиновомъ переводѣ Булгарскаго князя, Бориса, спрашиваютъ: «Не ошибка ли это: *Бориса* вмѣсто *Симеона*?» Кто видѣлъ это изображеніе и сообщилъ о немъ упомянутое извѣстіе, имѣя подлинникъ въ рукахъ своихъ болѣе года, тотъ звалъ, что писалъ; впрочемъ, извѣстіе его можетъ повѣрить всякой въ Московской Синодальной Библіотекѣ, гдѣ хранится послѣдній. Вообще, надо признаться, что сочинитель этого изслѣдованія компилируетъ другихъ, но только компилируетъ, и то не всегда вѣрно, самъ же или вовсе ничего не представляетъ своего, или же представляетъ все въ превратномъ видѣ: почти что ни слово, то ошибка, недоразумѣніе, даже чистая напраслина. Это очень жаль, тѣмъ болѣе, что самоувѣренный тотъ сочинитель можетъ ввести многихъ въ заблужденіе, яко бы то, что онъ говоритъ, дѣйствительно такъ. Вотъ, впрочемъ, заключеніе упомянутаго сейчасъ Историческаго лѣтосчисленія: «Въстѣхъ же лѣтъ ѿ провѣтна Хѣа до Льва цѣа и шестидесяти дѣсятъ сътъ .лѣ., а ѿ Адама до настоящаго въ бѣ индикта, есть лѣ .s.ѣзъ». Я не могу вдаваться въ розысканіе правильности показаній этого лѣтосчисленія и соглашенія разнорѣчій его съ другими современными, на прихѣръ, въ чему въ немъ, въ заглавіи и заключеніи, сказано «въ .лѣ. индик., при 918 и 6406, между тѣмъ какъ по другому показанію, приведенному выше, въ 6415 поставлено «Индик. .лѣ.» Наконецъ, Молитва Константина, какъ легко замѣтить, написана въ

азбучномъ порядкѣ; сличеніе ея съ другими списками было бы теперь не совсѣмъ умѣстно, хотя и привело бы къ весьма любопытнымъ выводамъ, особливо касательно числа и послѣдовательности самыхъ буквъ. Замѣчу только, что во всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, спискахъ ея (которые далеко моложе Синаодальнаго), довольно опущеній, между тѣмъ какъ въ этомъ послѣднемъ важнѣйшій промахъ, въ сравненіи съ ними, состоитъ: въ поставленіи ѿ на мѣстѣ І (или даже вовсе пропускъ); далѣе, ѿ на мѣстѣ ѿ; ю вм. ш; ѿ вм. ш; послѣдніа два и въ прочихъ спискахъ не соблюдены, а изъ двухъ ш, одно для ш, а другое для шт, вм. ш, котораго не было въ языкѣ Кирилла и Меѳодія, отъ того въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ нашихъ (Русскихъ) спискахъ этой молитвы пишется слово «шествою черезъ престале»; наконецъ, выставляются: ѿ при «имени», ш при «ше», а при «ш (прибавленное) жалоу», а при «ше» вм. «ю(ш)же», и т. д. Какое правильнѣе чтеніе: Синаодальнаго ли списка: «Летитъ ко шитъ и Словянско шема», Волоколамскаго: «І лять то ко шитъ Словянско шема», какого-то третьяго: «І лтитъ ко, шѣ, Слвянско шема», или же Псковскихъ списковъ Палѣи: «И проситъ дары твои прияти Словянско шема», теперь не могу сказать навѣрное.

101. По крайней мѣрѣ не подлежитъ уже ни какому сомнѣнію, что иное Церковнославянскій языкъ, а съ нимъ, стало быть, во многихъ и редакція въ памятникахъ, писанныхъ Глаголицей, или съ нея списанныхъ, а иное оиъ въ памятникахъ Кириллицы. Впрочемъ, и послѣдніе представляютъ довольно поучительныхъ особенностей. Чѣмъ старѣе памятникъ, тѣмъ языкъ въ нихъ чище, своеобразнѣе и естественнѣе, тѣмъ въ нихъ больше своего, кореннаго; даже многія слова, извѣстныя теперь намъ только въ Греческой одеждѣ, тогда ходили въ одеждѣ своего руководѣля.

102. Послѣдняго по Сборнику, нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ принадлежащему: «Память и похвала кнзю Роусномъ Володимеръ, како крестиса Володимеръ и дати скол крести и всю землю Рускую ѿ конца и до конца. Писано Низкомъ Мшккомъ». Это Слово, одна изъ немногихъ жемчужинъ нашей древней письменности, издано теперь въ «Извѣстіяхъ по 2-му Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ».

103. Списокъ этотъ, судя по языку его, принадлежитъ къ изводу Южнорускому и, сверхъ того, отличается многими опущеніями и прибавленіями.

104. Сравните съ егѣмъ исчисленіемъ народовъ Православнаго исповѣданія и Славянской грамоты исчисленіе, навѣчатанное иномъ

въ первомъ моемъ «Донесеніи Г. Министру Народнаго Просвѣщенія изза границы», помѣщенномъ въ Ж. М. Н. П. 1838 г. Что до сказанія о судьбахъ Православія, стоящаго, въ моемъ спискѣ Кириллова Житія, тотчасъ за етѣмъ послѣднимъ, какъ бы дальнѣйшее продолженіе о томъ, что же случилось съ грамотой и Вѣрой, для которыхъ столько потрудился етотъ апостолъ Славявъ, то въ немъ особенно подробно излагается отношеніе Католичества въ Западныхъ земляхъ Славянскихъ къ Католичеству, начиная съ Войтѣха до Езуитовъ. Вспомогаемые «Господаремъ земанъ» (Королемъ) и его панами, послѣдніе всячески преслѣдуютъ Православныхъ, и «за оубогимъ Ржскимъ иродомъ никто не предстательствуетъ»; они (Езуиты), «не кзыуаюуи разширени илоуни Ржси, кзышмаша и рогаъ скон кзыносаъ надъ оубогою Ржсю, ѿ которыхъ насъ Бѣ да издеиить, икъ ѿ еискаша ихъ Вонтеха, иже прилаъ мздаъ и ведраскоа: възде непрадаа ёго на глава ёмъ оу Пржсехъ», по тому что онъ—то «прекратилъ тмѣ земанъ (Чехы, Мораву, Ляхы и Угры), и илоуиа сѣго Кирила Словенскаю, который оу Пржсехъ оуенѣмъ бысъ, аба згннлаъ, за прекратность а раскоаъ законаъ сѣго, иже мадрокааъ надъ Словами Греческимъ закономъ, не кзыуаюуи илоуни Ржской Словамомъ, прекратилъ ихъ не оуенѣмъ, но маунтаствомъ и прогнанѣмъ а шордокамнѣмъ ёипокаъ I ёреѣвъ Словенскихъ», и проч. Стало, сочинителю очень хорошо извѣстно было, что Войтѣхъ первоначально, подобно многимъ своимъ землякамъ, принадлежалъ Православному Исповѣданію, слѣдовательно, было время, когда и онъ не противился ему. Къ етой—то порѣ его жизни относится также и то обстоятельство, на которое указываетъ сочинитель статьи: «Ostatnie pojżenie na Polskę średnich wieków». (Pozn. 1851, str. 523—524), т. е., что Войтѣхъ «z siebie samego nauce sławiańskiej i zwyczajowi greckiemu przychylny, chrzcil poganę, z obrędem sławiańskim żył w zgodzie, kiedy sam pragnął w mnichy greckie wnieść». Дѣйствительно, въ Жизнеописаніи его, составленномъ близкимъ къ нему лицомъ (Vita sancti Adalb. per Johan. Kanaparium, умер. въ Римѣ 1004 г.; см. Monumenta Germaniae historica, t. IV scriptorum, ed. J. H. Pertz. Hanov. 1841), находимъ извѣстіе, какъ онъ, въ первое свое путешествіе въ Римъ, явился было, однажды, къ Нилу (ум. 1005 г.), игумену Греческаго монастыря свят. Михаила близъ Бара, прося принять его въ обитель, и какъ тотъ отвѣчалъ ему: «Recepissem te, nisi haec susceptio mihi meisque nocitura, tibi tamen minime esset profutura» (сар. XV.). Но въ послѣдствіи, когда возмужалъ и понабрался Латинства въ частыхъ своихъ путешествіяхъ въ Италію и

пребываніи въ ея монастыряхъ , Войтъхъ переиѣнился, изъ расположеннаго къ Православію сдѣлался преслѣдователемъ его, какъ показываютъ то дѣла его.

105. «Древнія письмена Славянскія», въ Ж. М. Н. П. 1838, кн. VII, Отд. II, стр. 63, 66. Извѣстіе Храбра объ употребленіи Славянами, по крещеніи своемъ, въ Греческихъ областяхъ и сосѣднихъ имъ и Италиіи краяхъ Римскихъ и Греческихъ, письменъ по нуждѣ, ни мало не говоритъ въ пользу справедливости сказанія о существованіи перевода на Рускій языкъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ до Кирилла и Меѳодія, по тому что это двѣ вещи, совершенно разныя. Въ противномъ случаѣ пришлось бы заключать изъ того обстоятельства, что нѣкоторые простые Булгаре, особенно торговцы, незнакомые съ Кириллицей, но, по сношеніямъ своимъ, знакомые съ Греками и ихъ азбукой, пишутъ, равнымъ образомъ, по нуждѣ, послѣдней своимъ счету, грамотки и т. п., пришлось бы, говорю, заключать изъ этого обстоятельства также о существованіи перевода на языкъ Булгарскомъ, Греческими буквами писанномъ, или даже изданномъ, т. е., «писменъ безъ оустрожеви».

106. Выраженіе «и со днѣ фонгами» даетъ намъ знать, что писавшій это смыслилъ коечто и по Латыни.

107. Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. S. Petersburg 1810, S. 8—12, 14, 57—58, 81, 86, 97, 114—115, 126, 165; 91—92, 96—98, 126, 143; 325—326.

108. Такъ по Нестору, по тому что онъ прежде, рассказавши, о поселеніи Славянъ въ нынѣшней Руси, равно какъ о другихъ народахъ, «иже днѣ даютъ Русь», опять обращается къ Дунайскимъ Словѣнамъ, отъ которыхъ они и другіе ихъ соплеменники «рзидоша сѧ по земли», и замѣчаетъ, въ дополненіе къ сказанному уже о нашествіи на нихъ Волъховъ, о такомъ же нашествіи Болгаръ изъ Козаріи или древней Скиѣи, а за ними о нашествіи третьяго инородца, *Угровъ Бѣлыхъ*, появившихся при царѣ Иракліи, которому, какъ и Обры, помогали противъ Персовъ. Послѣдніе (Обры) даютъ ему случай распространиться о такомъ же нашествіи на Русь, какъ и на Славянъ Дунайскихъ, прежде всего етѣхъ Обровъ, слишкомъ сурово обращавшихся съ нѣкоторыми ихъ вѣтвями (Дулѣбами), по томъ Печенѣговъ, что, какъ извѣстно, было въ 6423-мъ году или 915, въ 3-е лѣто Игорева княженя, и, кромѣ того, о нашествіи *Угровъ Черныхъ*, которые, однако, только прошли мимо Кіева, еще за 17 лѣтъ до Печенѣговъ, «при Олзѣ». Ясно, лѣточисля-

тельный порядок у Нестора не соблюденъ; но во всякомъ случаѣ Угры нашли было на Русь, хоть и не утвердились въ ней, а проселись далѣе, на югозападъ, устремившись черезъ горы великія, слѣдовательно, въ Паннонію, гдѣ жили тогда Словѣны съ Волъхами, сводни, когда-то, покорителями, которыхъ немедленно прогнали и сами сѣли съ Словѣнами, овладѣвши землей ихъ, прозванной, съ тѣхъ поръ по нимъ, землей Угорской. Слѣдовательно, и выше, и сдѣсь говорится объ одномъ и томъ же событіи, равно какъ и объ одномъ и томъ же народѣ, т. е., какъ покоренномъ, Славянахъ, такъ и покорителяхъ, Уграхъ, и стало, Угра Бѣлимъ и Угри Черніи будутъ одно и тоже. Но по чему же Несторъ въ одномъ мѣстѣ своей лѣтописи назвалъ ихъ Бѣлыми, а въ другомъ—Черными? Не по тому ли, что первые дѣйствительно принадлежали въ то время, о которомъ говорится у него о нахожденіи ихъ на «Хоздродъ, царя Персидско», къ народу, еще ни кѣмъ не покоренному, свободному, что, обыкновенно, жителями Востока и нами, сосѣдями ихъ, выражается цвѣтомъ бѣлымъ («Бѣлой Царь» и т. п.), а вторые, хотя, въ сущности, племя первыхъ, но съ тѣхъ поръ (съ начала VII-го вѣка) до своего движенія къ Карпатамъ, нѣсколько разъ были, говоря тѣмъ же пластическимъ языкомъ Востока и нашего народа, въ черномъ тѣлѣ, т. е., въ зависимости отъ другихъ: Обровъ или Аваровъ, Булгаръ, Козаровъ и т. д.?

109. Это сборникъ, въ 4-ку, бум., подъ названіемъ: «Писма или собраніе крестей богоугоднаго святаго отца Писмита. Имо же писма отъ разныхъ земли собираеть, тѣмъ и въ сію книжку трудолюбно собрано». Вотъ по чему, стало быть, въ старину называли Пчелой собраніе разныхъ статей въ одно мѣсто (сборникъ или сборникъ). Она писана 1679 году въ Крупичполѣ, при храмѣ святаго Христова, Николая, многогрѣшнымъ П. Виноградскимъ, и получена мною въ даръ отъ П. А. К. Достоинно вниманія, что это Житіе Владимира заключаетъ уже въ себѣ разныя попытки опредѣлить поближе мѣстность повѣствуемаго въ немъ. Такъ, говоря объ Андрѣ Первозванномъ, замѣчаетъ, что онъ, «пришедши на горы Кіескіи, благословилъ ихъ, и крестъ скатыи на нихъ, гдѣ теперь церковь скатаго Симеона стоитъ, поставилъ». Далѣе, о проповѣди апостола Павла говоритъ: «Придетъ латонисца, преподобный Несторъ, же и скатыи апостолъ Павелъ былъ. ѳудии и проповѣдаючи Христова Евангеліе, въ Мисіи и Иларнику, яко въ Давидѣхъ иметь; Мисіи здѣсь и Иларникъ Словенскія есть земля. Потомъ скатыи апостолъ Павелъ послалъ Словенноу ѳуеника своего. Андроника, единого отъ семидесяти апостолоу, которій ѳуналъ і крестилъ въ Иларнику і Мисіи, то есть въ Болгарскѣ,

из Киева и из Моравы, где почивал на Валях священный писец. Стало быть, эти же «Валя» и есть «Валява», дошедшая была распространена въ списках Восточной гветики. Замышляю, что перешла съ Савиты уже не упоминается въ «Литви», современникъ Крутичидельный Пчелъ, Описаніи Киева, составленномъ 1692 году въ Киевской Печерской Пабѣ. Сохранилась ли книга писецъ объ этой перее въ гелершество Каеті?

110. Въ этой книгѣ за Соборникомъ или Мисахельникомъ слѣдуетъ «Валява повество. писецъ на сиритъ, по вся дни» или «Франко Мисахельное (съ фѣи въ фѣи); далее: «Валява и повество до текстовъ священныхъ повестводѣи гветикъ» или «Валява о повество» (въ фѣи); за тѣмъ: «Валявадѣ гветикъ свитъ повестводѣи» или «Валява до Валявадѣ» (въ фѣи); послѣднее: «Валявадѣ къ священной притереніи» (фѣи) и «во Притереніи» (фѣи. а въ заключеніи: «Валявадѣ издѣтѣи»; послѣднее, въ содѣлѣи, вырвана, и въ тому неясности, до какой страницѣ она простиралась.

111. Также безъ выходящаго листа, на фѣи л., идетъ отъ «Валявадѣи повестводѣи» до «Валявадѣ о притереніи». Самый «Валявадѣ» простирается съ тѣмъ во оборотъ фѣи, между «Третьяки и Кондѣи сѣи и дѣи» и «Валявадѣи дѣи».

112. Кроме того, въ книгѣ повѣдѣи: полная Хронологія до 1833 года, съ присловомъ повѣдѣи хозяйственныхъ записокъ, прачебантъ наставленій и другихъ общепользованныхъ свѣдѣній. Изданіе 2-ое. Кто составитель этого «Памятника», не знаю, но отъ, какъ сказано на заглавномъ листѣ, сунноженъ трудани Александра Кузнецова, и издавъ издѣвѣи братъ Кузнецовыхъ и А. Ерофеева, 595 стр. Въ книгѣ извѣстество противорѣчій даже собственнымъ своимъ показаніямъ.

113. Особенно послѣднихъ четырехъ.

114. Можетъ быть, коечто изъ второстепенныхъ источниковъ и ускользнуло отъ моего вниманія, но не изъ первостепенныхъ, слѣдовательно, это обстоятельство ни кони образомъ не можетъ имѣть важнаго вліянія на произнесеніе окончательнаго сужденія при рѣшеніи разспитриваемаго вопроса, такъ какъ оно должно быть основано на прямыхъ показаніяхъ, отнюдь же не на, такъ называемыхъ, пособіяхъ: «Pluris est oculatus testis unius, quam auriti decem».

115. Въ скобкахъ: (sub sigillis, Archivi secreti apostolici Vaticani, nec non D. Marini, Tabul. Praefecti). Къ сему Бочекъ прибавляетъ еще отъ себя, отъ кого онъ получалъ списокъ стѣхъ посланій пави: «Quorum authenticum exemplar (literarum sub n. LVII) sicuti et li-

terarum sequentium sub n. LVIII et LXI (e cod. Ms. sec. XI minusculis Longobardicis in Monte Cassino pro Tabulariis S. R. E. descripto: оно не относится къ изслѣдуемому нами предмету) Clar. D. Professor, Gregorius Wolny, с. г. legato Romae intercedente, patriae nostrae procuravit. Quum authentia literarum juxta editiones hactenus emanatas saepius in dubium vocaretur, ipsas forma genuina obtutibus sisto». См. Codex diplom. et epistol. Moraviae, I, pag. 40.

116. Добровскаго: «Кирилль и Меѳодій», въ Руск. перев., стр. 142.

117. «О древнѣйшимъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій», въ Ж. М. Н. П. 1843, кн. VI, стр. 11—13.

118. Несторъ, III, S. 186, 2; въ Руск. пер. II, стр. 476.

119. II, pag. 112—116; *Stritter*, *Memor. populor.* II, pag. 963.

120. Впрочемъ, въ харатейномъ спискѣ этого Слова, хранящемся въ Сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора (см. выше прим. 39) стоитъ тутъ «сѣтворъшемоу», что можно бы принять за признакъ того, что списывавшій, зная изъ другихъ рукъ, къмъ собственно изобрѣтены Славянскія письмена, не осмѣлился поставить этого слова въ двойственномъ числѣ, думая, конечно, тѣмъ исправить ошибку, если бы новая ошибка его въ концѣ сего заглавія не заставляла насъ инаго быть о томъ мнѣнія.

121. Стр. 85.

122. III, S. III, S. 185; Руск. III, стр. 473—474.

123. Стр. 50—51.

124. *Národné zpiewanky Slowáků, sebr. od J. Kollára. V Budině 1834, str. 29.*

125. Доказательства етъ въ первый разъ высказаны нашедшимъ Папюнонскія Житія, въ статьѣ его: «Кирилль и Меѳодій», стр. 405—409; мною же подкрѣплены они сдѣсь еще новыми соображеніями.

126. Шлёцеръ, въ Несторъ, III, S. 184, въ Руск. II, 471.

127. Шафарикъ, *Slov. starož.*, str. 828; Руск. пер. II, кн. 2, стр. 352.

128. Тотъ же и тамъ же.

129. «Памятники духовной литературы времени Великаго Князя Ярослава 1-го. Москва 1844,» стр. 38, и «Славянорусскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго. Моск. 1848», стр. 36, также въ «Чтеніяхъ въ Общ. ист. и древн. Росс.» того года, кн. III-я.

130. *Fraehn, Ibn-Foszlans und and. arab. Bericht. St. Petersburg. 1823, 27, прим. 75.*

131. Тамъ же, стр. 15.

132. Несторъ II, S. 172; Руск. пер. III, стр. 448.

133. «P. Dobner ein wahrer Geschichtsforscher.... legte zu unsern»

vorliegenden Untersuchungen einen Grund, auf dem ich hier fortbaue. II, S. 152, Руск. пер. 412—413.

134. Въ самомъ дѣлѣ, Шлѣцеръ, сказавши, что «прежде всего, конечно, надобно опредѣлить время, въ которое случились сіи досто-памятныя происшествія» (посольство Моравовъ въ Царьградъ, изобрѣтеніе письменъ и переводъ Свящ. Писанія на Славянскій языкъ), замѣчаетъ, что «Несторъ ничего не опредѣляетъ, кромѣ того, что Моравскіе Князья отправили посольство къ Им. Михаилу», и по томъ еще прибавляетъ: «но какъ онъ (Михаилъ) былъ убитъ въ 867 г., то этому (посольству) должно случиться, по меньшей мѣрѣ, предъ сказаннымъ годомъ» (слѣдственно, во время Рюрика). Вотъ все его рѣшеніе; дальнѣйшее же заключается въ выпискѣ яко бы Добнеро-выхъ соображеній о годѣ пришествія обоихъ нашихъ апостоловъ въ Моравію, случившагося въ первыхъ мѣсяцахъ 863 г., т. е., 1) что, по Легендамъ, оба они пробыли въ Моравіи 4½ года; 2) отозванъ въ Римъ папой Николаемъ; 3) не застали его въ живыхъ.

135. И. Г. Р. I, гл. III, стр. 66, сжатаго изд.

136. Изд. Кіевск. 1707, обор. стр. 541-й.

137. Явная описка, ви. 1-й, по тому что папъ съ етѣмъ именемъ всего на всего было только пять: 1-й 858—867, II-й 1058 — 1061, III-й 1277 — 1280, IV-й 1288 — 1262, и V-й 1447—1455. Изъ нихъ, по Фабрицію, II-й 1059—1061, да Антипапа 1328—1330. Jo. Alb. Fabricii, Bibliographia antiquaria. Hamb. et Lips. 1743, pag. 224—225.

138. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ ду-ховнаго чина Греко-Россійской Церкви, изд. 2-ое, т. II, стр. 57—58. Спб. 1827, а 1-го 1818, II, стр. 422—423.

139. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. Москва; 1824, гл. I, стр. 3—4.

140. Тамъ же, стр. 89.

141. Тамъ же, стр. 87.

142. Кіевъ, 1837 г., стр. 15—16.

143. Стр. 200, прилѣч. 386.

144. Я не привожу здѣсь сочиненія «О языкѣ Церковно-Сла-вянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ», громкомъ и много обѣщающемъ по заглавію, но въ сущности составляющемъ, по собственному признанію автора, толь-ко «сборъ и сводъ отдѣльныхъ мнѣній ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ, при чемъ, гдѣ было надобно и возможно, самъ дѣ-лалъ выводы, казавшіяся ему наиболѣе правдоподобными». Другими словами, это—компиляція, слѣдовательно, какъ не представляющая ничего самостоятельнаго, не можетъ требовать къ себѣ особеннаго

вспоминанія, кромѣ упоминанія дьяволоу быблиграфической. Въ ней то хорошо только, что хорошо въ своихъ источникахъ. На стр. 28 говоритъ онъ, въ очеркѣ жизни Кирилла и Меодія, что «между 861 и 863 годами, Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель, прислали къ Императору посольство и просили себѣ учителя, который научилъ бы народъ ихъ читать божественныя книги на родномъ языкѣ, и наставилъ его въ Христіанскомъ законѣ, и что въ 863 году Константинъ и Меодій отправились въ Моравію, гдѣ народъ принялъ ихъ съ восторгомъ.» На 30-й: «Четыре съ половиною года К. и М. оставались въ Моравіи, проповѣдывали и отправляли священнослуженіе на Славянскомъ языкѣ». И только. О годѣ же составленія письменъ нигдѣ ни слова, хоть въ оглавленіи 1-й главы и читаемъ: «Мнѣнія о томъ, кѣмъ и когда совершенъ былъ первоначальный переводъ книгъ Св. Писанія на Славянскій языкъ, и когда изобрѣтена была Кирилловская азбука». Но изъ всего, въ ней сказаннаго, выведено то лишь одно, что «Кириллъ и Меодій были первыми изобрѣтателями Славянской азбуки и переводчиками Св. Писанія (стр. 17), что они были первоначальными составителями настоящей Славянской грамоты, и что если бы даже до Солунскихъ братьевъ и существовала Славянская грамота и начатки переводовъ, то К. и М. конечно сдѣлали весьма важный и рѣшительный шагъ въ этомъ дѣлѣ, такъ что по всей справедливости имъ принадлежитъ званіе первоучителей Славянскихъ (стр. 18). А годъ? о немъ обронено слово мимоходомъ только по поводу свидѣтельства папы Іоанна VIII, гдѣ сказано: «Все это (изобрѣтеніе азбуки, литургія, св. Евангеліе и божественныя изреченія Ветхаго и Новаго Заветъ на Славянскомъ языкѣ) возымѣло начало свое только при Святополкѣ, котораго тутъ же (стр. 15) называетъ *«Божжекимъ королеми!»*

145. Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur. Ganz umgearbeitete Ausgabe. Prag 1848, 12, §. 6.

146. Josephi Dobrowsky Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus Graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus Latini Slavos in libris sacris obtinet. Vindobonae MDCCCXXII, 8, pag. V, Руск. перев. Спб. 1833, стр. III. «Ad Moraviam et Pannoniam circa annum 863 evocatus Methodius, «noviter inventis Slavinis literis», ut loquitur Anonymus de Conversione Carantanorum, inducto nimirum ritu Slavico id effecit, ut populo vilescerent Missae et Evangelia ecclesiasticumque officium eorum, qui hoc latine celebrabant».

147. Cyrill und Method der Slawen Apostel. Ein historisch-kriti-

scher Versuch. Für die Abhandlungen der kön. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften von den Jahren 1822—1823. Prag. §. 7, S. 42—43, Рус. пер. стр. 30.

148. Botiwoy's Taufe. Prag, 1803, S. 60.

149. Шафарикъ въ «Славянскихъ Древностяхъ» тоже увлекся примѣромъ Ассемани и Добровскаго, на конхъ и ссылается Отд. XI, стр. 811, прим. 74, Руск. пер. Т. II, кн. 2-я, стр. 316.

150. Собрание Словенскихъ памятниковъ въ Россіи. Спб. 1827, стр. 2, примѣч.

151. Slov. starož. Okr. II, čl. III, O Slowanech Bulharských, §. 29, str. 588, въ Руск. перев. Томъ II, кн. 1-я, стр. 295—296.

152. По Моравскому Сказанію (Легендѣ) о Кириллѣ и Меѳодіи, равно какъ Житію Климента Булгарскаго и свидѣтельству Діоклейскаго священника, Меѳодій сперва проповѣдывалъ въ Булгаріи у Бориса, а по томъ уже въ Вышней Моравѣ, куда пришелъ въ 863 г., если еще не прежде» (862).

153. Изъ стѣхъ другихъ, однако же, въ 85 примѣчаніи поименованъ лишь Баронъ Розенкампфъ.

154. Въ Отд. о Славянахъ Булгарскихъ, примѣч. 109, Шафарикъ замѣчаетъ: «Въ Сербскихъ лѣтописяхъ обыкновенно показывается 852, а не 855-й, годъ изобрѣтенія Славянской азбуки, что, какъ догадываюсь, произошло отъ порчи лѣточисленія». При семъ ссылака на приведенное мною мѣсто въ изложеніи.

155. Slov. starož, str. 814—823, Руск. перев. II, кн. 2-я, стр. 322 и слѣд. Въ 1834 г. появилась статья въ Нью-Йоркскомъ Журналѣ «Biblical Repertory» etc., за мѣсяцы апрѣль и июль, издававшемся Ед. Робинсономъ, въ которомъ представлено было Американцамъ и Англичанамъ извлеченіе, озаглавленное: «Historical view of the Slave language» etc., изъ извѣстнаго Шафарикова сочиненія, вышедшаго передъ тѣмъ за 8 лѣтъ, въ Будишѣ, въ Угріи. Сдѣсь мѣніе сочинителя о началѣ Славянскихъ письменъ передано безъ дальнѣйшей оговорки, какъ оно тогда образовалось у него. Такъ какъ статья эта напечатана была въ недоступномъ для многихъ Европейцевъ журналѣ, а отдѣльныхъ оттисковъ было сдѣлано лишь нѣсколько, то, съ одной стороны, это побудило г. *E. von O.*, молодого Прусскаго офицера, перевести его на Нѣмецкій, съ дополненіями изъ его источника (Шафарикова сочиненія) и кое какихъ другихъ, извѣстныхъ ему, сочиненій и издать, спустя три года (1837) подъ названіемъ «Geschichtliche Uebersicht der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», а съ другой, въ 1852

году гжу Talvj (Teresia, Amalia, Luiza von Jacobi, дочь одного Нѣмецкаго ученаго, служившаго въ началѣ нашего столѣтїя въ Россїи, именно, въ Петербургѣ и Харьковѣ, и вышедшую за Американца Робинсона) пере-смотримъ вновь свой «Историческій взглядъ на Славянскій языкъ» (ибо онъ принадлежалъ ей) и выпустить особой книгой, съ предисловіемъ своего мужа (въ коемъ изложена исторїя всего этого; она переведена на Нѣмецкїй Докторомъ Б. К. Брилемъ (Brühl) и напечатана въ Лейпцигѣ (въ 6. 8-ку, XII, 346, т. е., 264 для Исторїи, а остальное для Очерка Народной Славянской поэзіи, какъ 4-я часть сочиненїя), 1852. Въ этожъ сочиненїи высказано тоже самое мнѣніе, что и въ прежнемъ, но уже съ оговоркой: «Wahrscheinlich ging Cyrill nach seiner Rückkehr von dieser Mission an die Bekehrung der Bulgaren. Um diese Zeit, oder kurz zuvor, erfand er, nach Dobrowsky's Ansicht, die slavischen Lettern, und übersetzte während seines Aufenthaltes zu Byzanz die Evangelien. Dies ist jedoch nicht mehr als eine Annahme, welcher von anderen Gelehrten andere Annahmen entgegengestellt werden. Zwischen dem Jahre 861 und dem Jahre 863 kam eine andere Gesandtschaft vom mährischen Fürsten Rostislav an den Kaiser, welcher Fürst nicht nur um einen Lehrer zum Unterrichte seiner Unterthanen im Christenthume, sondern auch im Lesen hat. Die meisten Mähren wurden damals auch getauft. Konstantin wurde, begleitet von seinem Bruder Methodius, nach Mähren gesendet und von dem Volke daselbst mit grosser Freude aufgenommen. Sie führten die slavische Liturgie ein und predigten in slavischer Sprache», u. s. w. (S. 28).

156. Geschichte von Böhmen, Prag. 1836, I Band, S. 118—157. V Capit.

157. «И тебѣ, дорогой Францъ Палацкїй, моя сердечная благодарность: подавши мнѣ главную мысль и, въ некоторыхъ образомъ, планъ этого сочиненїя, ты по томъ постоянно оставался при немъ, словно своемъ, какъ совѣтникъ и помощникъ». Стр. VI, Руск. пер. VIII. Разбирая въ послѣдствїи это сочиненїе (въ Čas. česk. Muzeum), Палацкїй, въ числѣ особенно удавшихся Шафаріку Отдѣловъ, ставитъ и Отдѣлъ IX-й, въ которомъ заключается именно изслѣдованїе о Кириллѣ и Меодїи, равно какъ и Отдѣлъ III-й о Славянахъ Булгарскихъ.

158. Dějiny národu českého. I, str. 138 — 139. Geschichte von Böhmen, I Bd. S. 124. Изъ прочихъ Чешскихъ писателей: Я. Б. Мамль, въ «Dějiny národu českého (V Praze, 8, VI, 190), историческомъ учебникѣ для среднихъ учебныхъ заведенїй, явившемся 1849 года, и Чекановичъ въ «Stav a děje národův, na zemi uherské bydlících (dil I, v Praze, 8, VI, 124), 1854, не смотря на перемѣну мнѣнїя, объявленную Шафарікомъ еще въ 1848 году, держатся, подобно Палац-

кому, прежнего, повторяя своими выражениями лишь сказанное другими, въ чемъ послѣдній и признается, говоря, что весь рассказъ о Кириллѣ и Меѳодіи взятъ ими изъ Шафариковыхъ Древностей и Палацкаго Исторіи народа Чешскаго (стр. 117, прим. 2).

159. Стр. 149—150; 212—213. Въ этой, по объему, небольшой (всего 226 стр., въ мал. 8-ку) исторіи нашей древней Словесности, въ первый разъ обращено должное вниманіе на Рускій языкъ какъ въ изустномъ, такъ равно и книжномъ, его видѣ, что въ особенности замѣчательно въ отношеніи къ родственныимъ нарѣчіямъ, преимущественно къ Церковнославянскому. По сию пору ничего лучшаго не было сказано объ этомъ предметѣ нигдѣ въ нашихъ Исторіяхъ Словесности; говорю, въ нашихъ Исторіяхъ Словесности, а не отдѣльныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ, изъ коихъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ принадлежитъ все же ему, т. е., «Начатки Руской Филологіи». Кіевъ 1848, 8, стр. 212. Можно съ сочинителемъ не соглашаться во многомъ, но вообще всюду проглядываетъ наблюдательный ботаникъ-филологъ, подмѣчающій часто такия, по видимому, мелочи, которыя по томъ обращаются въ основу весьма важныхъ явленій. Очень жаль, что по сию пору не видимъ продолженія обоимъ упомянутыхъ трудовъ. Не ужели и имъ суждено остановиться на 1-ой книгѣ?

160. Свѣдѣніе какъ объ этомъ спискѣ, такъ равно и объ означенномъ у Шафарика именемъ Львовскаго 1-го (въ Предисловіи къ Житію Кирилла Философа), первый сообщилъ Ярославъ (Яковъ) Головацкій въ «Русалкѣ Дябстровой» (Будниъ, 1837, 12 л), въ короткой вѣдомости о рукописяхъ въ Библиотекѣ монастыря св. Василія Великаго въ Львовѣ, подъ № 14-мъ и 20-мъ, стр. 124 и 126. Первый списокъ помѣщенъ въ Сборникѣ, въ л., на 188 л., въ коемъ л. 165—188: «Память и житіе блаженнаго оцунтца нашего Константина Философа, перваго наставника Словенскомуу езупноу» (конецъ вырванъ), а во второмъ, на л. 366—384: «Память и житіе блаженнаго оцунтца нашего Константина Философа, перваго наставника родоу Россійскомуу и всемоу азикоу Словенскомуу, списано изъ Библиотекки Хмелиндерской Лавры Сербской».

161. Стр. 189.

162. Slovan. star., str. 274, Руск. пер. I, кн. 2, стр. 104.

163. Подлин. стр. 6, перев. стр. 4.

164. S. 86.

165. Mährische Legend., von Dobrowsky, S. 17—18.

166. То же, стр. 17.

167. Въ подкрѣпленіе этого дѣлаетъ слѣдующее прилѣчаніе:

«Martinus ille, vir maxime quidem pius, sed habitu seculari, imbecillus admodum et pedibus mutilatus ita, ut a quattuor bajulis, quocumque vellet, deferretur, qui c. 837 Croatas in fide Romana confirmavit (teste Constantino Porphyrogenito) ad illos venerat e Francia, quae inter Chrobatiam et Venetiam media est, i. e., e Carniola seu Histria».

168. Slovanka. Zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer, von J. Dobrowsky. Prag, 1814—1815, 2 Lieferungen, I, S. 72—73.

169. Говорю въ сущности, по тому что въ печатную «Книгу Житій Святыхъ» вошло, собственно, только Житіе Кирилла, а изъ Житія Меѳодія весьма мало, по крайности, въ сокращеніи; но въ рукописной Четь-Минее оба Житія вполне находятся, не говоря уже объ особенныхъ спискахъ того и другаго въ разныхъ сборникахъ и отдѣльно. Стыдно подумать, какъ мало мы, книжники, сами знакомы были съ етими двумя Житіями до обнародованія извлеченій изъ нихъ въ 1843-мъ году, хотя надпись, выставленная на полѣ печатной Четь-Минее: «Въ раздѣльныхъ харатейныхъ Четьй сокращенія», должна была бы возбудить въ насъ любопытство отыскать етъ харатейныя Четин въ ихъ несокращенномъ видѣ. Что намъ во сто разъ доступнѣе было и чѣмъ мы все таки воспользовались такъ поздно, въ томъ нельзя упрекать другихъ, болѣе отдаленныхъ отъ источника. При томъ, Копитаръ могъ находиться въ етомъ случаѣ подъ вліяніемъ своего первообраза, Добровскаго. Вліяніе Добровскаго на Копитара до того простиралось, что онъ ни въ чемъ не измѣнялъ ему, и даже старался найти въ немъ то, чего тотъ никогда не говорилъ, оправданіе своихъ замысловъ и тайныхъ желаній: примѣромъ тому можетъ служить ето мнѣніе, составляющее единственное отступленіе его отъ вѣрованій своего образца. Но въ етомъ обязанъ онъ былъ чисто случаю, доставившему ему въ руки одну изъ древнѣйшихъ рукописей Глаголическаго письма какъ по внѣшнему своему виду, такъ и внутреннему содержанію, т. е., буквы коей чрезвычайно отличались самымъ уже начертаніемъ отъ буквъ Глагольскихъ памятниковъ, извѣстныхъ Добровскому, равно какъ и языкъ говорилъ далеко о древнѣйшемъ времени, нежели вѣкъ, къ коему послѣдній приурочивалъ появленіе старѣйшаго изъ Глаголитскихъ списковъ. Отдѣлившись въ одномъ, онъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, не зналъ уже мѣры, и, по тому, громоздя предположенія на предположенія, дошелъ, подъ конецъ, до того, что рѣшительно отдавалъ предпочтеніе Глаголицѣ передъ Кириллицей какъ по времени появленія, такъ и употребленію ея въ бо-

гослуженіи и т. п. Подозрительный отъ природы, онъ съ постоянной недовѣрчивостью встрѣчалъ всѣ открытія въ области древнихъ лѣтъ, особливо неутожимо преслѣдовалъ тѣ изъ нихъ, которыя не были одобрены его образцемъ: стоитъ только припомнить жалкіе споры его съ Чешскими учеными и язвительныя выходки противъ нихъ. Впрочемъ, онъ былъ въ непрерывныхъ походахъ противъ какого либо ученаго Славянина, даже противу цѣлаго народа; такъ извѣстны битвы его съ землякомъ его, Краинскимъ Словенцемъ, бібліотекаремъ Чопомъ, описанныя, послѣднимъ въ «*Illug. Blatte*» 1833, и особо въ «*Nuovo discacciamento di lettere inutili, das ist Slowenischer ABC-Krieg*». Laibach, 1833; съ Польскимъ графомъ, Дунинымъ-Борковскимъ, объ «*Editio princeps des St. Florianer Psalterium trilingue*», начатый въ «*Jahrbücher der österreichischen Literatur, Band 67, Jahrg. 1834*», и вызвавшій отвѣтъ: «*Zur Geschichte des ältesten polnischen Psalters zu St. Florian bei Linz, genannt der Psalter der Königin Margarethe*». Wien 1835, на что отвѣтъ въ «*Anti-Tartar oder Herstellung des Thatbestandes in Sachen der Wiener Editio Princeps (1834) des ältesten Denkmals der polnischen Sprache, nämlich des polnischen Drittes des (nicht Margarethen=sondern) Elisabeth-Hedwigischen Psalterium trilingue (A. 1300—1370) zu St. Florian in Oesterreich gegen den plagiarischen Roman eines Tartaren. Als Manuscript für Freunde herausgegeben von Leberecht Hassenschelm*». Уже послѣднія слова показываютъ, какииъ духомъ дышетъ отвѣтъ, яко бы изданная въ «*Stockholm, bei A. Bonnier*», хотя на оборотъ послѣдняго листа выставлено: «*Druck von Breitkopf und Härtel*», и подъ статьею подпись «*K*», объясненная въ выходномъ листѣ, въ скобкахъ (В. Коритаръ's), а также и въ самомъ изложеніи. Онъ любилъ прибѣгать къ заугольнымъ продѣлкамъ журналовъ, являясь, однако же, въ отдѣльныхъ отгискахъ, для присныхъ предназначаемыхъ, безъ всякаго покрывала. Авъ «*Appendix miscellanea philologici maxime et slavistici argumenti*», къ «*Hesychii glossographi discipulus et πλιν-υλοβιβτης Russus*», etc., далъ, наконецъ, полный просторъ негодванію какъ противъ старыхъ своихъ, мнимыхъ, соперниковъ, такъ равновѣрно и новыхъ. Завершеніе же етѣхъ браанныхъ подвиговъ своихъ сдѣлалъ онъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, двумя, довольно объемистыми, памфлетами противъ насъ: оба пренсполнены самыхъ грубыхъ и нелѣпыхъ вымысловъ, самыхъ недобросовѣстныхъ искаженій и толкованій, и т. п. Замѣчательно, что въ томъ же 1844-мъ году, въ которомъ появился послѣдній изъ нихъ, и самъ онъ скончался.

170. Отдѣлъ этотъ даже названъ имъ по тому: «De linguae S. Methodii liturgicae rannonietate». Впрочемъ, та же самая мысль, прямо и непрямо, проводится и въ слѣдующихъ двухъ отдѣлахъ, изъ коихъ 14 озаглавленъ: «De theatro apostolicorum SS. fratrum Cyrilli et Methodii laborum», а 15: «De W. A. Maciejowski ad Slavorum historiam, litteraturam et legislationem commentariis lingua polonica editis Petropoli et Lipsiae 1839, 8, voll. II», также и въ другихъ отдѣлахъ, кстати и некстати.

171. Въ примѣчаніи на концѣ «Appendix» читаемъ: «coeptum imprimi mensi Martio 1839, absolutum Februario 1840», но на заглавномъ листѣ выставленъ 1839 годъ.

172. Slow. star., str. 347, Руск. I, кн. 2, стр. 252.

173. Проф. И. Н. Березинъ въ «Москвитянинѣ», 1854 г., № 22, кн. 2, Отд. IV, стр. 70.

174. Мнѣніе, по которому *црѣкы* образовано точно такъ же, какъ *Вабілікѣ* (отъ *Вабілісѣ*, т. е., basilica, regia, scilic. *авѣлѣ*, чертогъ, по томъ судилище, а послѣ исключительно храмъ Христіанскій), т. е., отъ *црѣ*, откуда *црѣкы*, а тамъ *црѣкѣ*, показываетъ плохое знаніе приѣмовъ сравнительнаго языковѣдѣнія, равно и языковъ, сличаемыхъ между собою. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы *црѣкы* произошло отъ *црѣ*, надо впередъ допустить: а) что заимствованіе послѣдняго далеко раньше въ Славянскомъ языкѣ, чѣмъ первое, по тому что при современномъ нельзя и думать о томъ; б) что Славяне, образуя *црѣкы*, засматривались при этомъ на *вѣбѣлікѣ*, т. е., справлялись съ Греческой грамматикой, а это—чистая нелѣпость и поклепъ на нашихъ предковъ, которые, какъ извѣстно, такіа Греческія формы всегда передавали согласно съ свойствами своего языка всякой разъ, когда приходилось имъ усвоить себѣ Греческое слово, имѣвшее ету форму; таковы *фубѣкѣ*, *арѣдѣтѣкѣ* и т. п., слѣдов., одинаково съ Латинцами; в) развѣ въ Славянскомъ языкѣ есть прилагательныя на *ы* въ женскомъ родѣ? Или статочное ли дѣлю, чтобы Славяне удерживали въ етѣхъ прилагательныхъ и самый родъ ихъ, перенося такіа слова въ свой языкъ? г) наконецъ, если бы *црѣкы* было образовано нами какъ *Вабілікѣ*, то оно должно бы имѣть прежде всего форму *црѣсарѣкы* или *црѣсарѣскы*, подъ титлою *црѣскы*, *црѣкы*, *црѣкы*, такъ какъ *црѣ* есть дальнѣйшее и позднѣйшее стяженіе *црѣсарѣ*. Покажите же намъ напередъ ету мнимую форму въ какомъ ни есть старинномъ памятникѣ, и тогда говорите уже смѣло: «Этѣ происхожденіе, по крайней мѣрѣ, скорѣе можетъ быть допущено, нежели отъ *Kirche* или *сігсѣ*» (Панлонскаго статья: «Филолог. замѣтки о Русскомъ языкѣ», въ Ж. М. Н. П. 1854, кн. VI, Отд. II, стр. 207, примѣч. 14).

175. Dobrowsky, Slovanka. Prag 1814, I, S. 248. Я не согласенъ съ Добровскимъ, чтобы Славянскія названія дней недѣльныхъ указывали «auf den christlichen Gebrauch». Что въ нихъ такого, чтобы говорило объ этомъ, кромѣ субботы?

176. Сравн. Шафарика Славян. Древн., стр. 819, Руск. II, кн. 2, стр. 334.

177. Miklošič Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen. Wien, 1852, 8, Einleit. S. VII—VIII.

178. «Pregled slovenskega slovstva» при «Slovenska slovnica, sprisal Anton Janežič». V Celovcu, 1854, 8, стр. 120—129. Увлеченіе простирается до того, что, когда рѣчь зайдетъ о памятникѣ, изданномъ или разрабатывавшемся Словенцемъ и другимъ ученымъ Славяниномъ, послѣдній либо вовсе пропускается, либо же ставится въ тѣни, какъ это сдѣлано съ Фрейзингенскими отрывками, изданіе и объясненіе конхъ приписано одному лишь Копитару; даѣе, сочиненія по Церковнославянскому языку Востокова равнымъ образомъ умолчаны, а первымъ во главѣ оказавшихъ услуги въ области этого языка поставленъ Миклошичъ, сочиненія коего названы первымъ руководствомъ къ изученію и вычислены въ преемственномъ порядкѣ: «Na koncu še dostavljamo knjige, po katerih se moremo s staroslovenskim jezikom popolnoma seznaniti; in te so akorej zgolj dela našega prealavnega jezikoslovca, g. prof. Miklošiča».

179. Житіе св. Вячеслава найдено г. *Востоковымъ* въ Торжественникѣ, носящемъ заглавіе: «Книга нарицаемая Соборникъ», въ 4-ку, на 348 л., полуустав. начала XVI-го вѣка; принадлежитъ Румянцевскому Музею и описана подъ N. СССРXXXVI-мъ въ «Описаніи рукописей сего Музея» (стр. 692—698). На оборотѣ 54-го листа, подъ 28-мъ сентября, читаемъ: «Въ иѣ днѣ. въспомне стго Вячеслава князю Уесьскя». Начало: «Се иѣт семѣи пророцеское слово, еже гѣше Гѣ нашъ Ісѣ Хѣ, вѣдетъ во рече к послѣднимъ днѣ, мно жѣ мнимъ сѣща, възстанеть во братъ на брата своего и сѣтъ на оцѣ своемъ». Сказаніе это продолжается до 60-го листа. Оно сообщено было нашедшимъ его издателю «Московского Вѣстника», который и напечаталъ оное въ XVII-й книжкѣ этого журнала на 1827 годъ, стр. 82—94, гражданскими буквами, безъ сокращеній и титулѣ и съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній приславшаго. Спустя 3 года, В. В. Ганка перевелъ его на Чешскій и помѣстилъ въ Čas. česk. Mus. 1830 г., кн. IV-й, стр. 453—463, назвавъ: «Petrohradská legenda o svatém Wáclawu»; къ ней тоже присоединены небольшія примѣчанія, большею частью, состояція въ выпискахъ

сходныхъ мѣсть изъ Лаврентійской Легенды, писанной на пергам., въ 4-ку, по Латыни, Лонгобардскимиъ мелкимиъ письмомъ XI-го вѣка, въ Монтекассино (см. Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde, von G. H. Pertz. Hannov. 1825, V, S. 137). И тоже нашелъ его въ Макарьевскихъ Четь-Минеехъ подъ тѣмъ же 28-мъ сентября (л. 1888—1993): «В томъ же дѣи житіе бж҃ейшаго князѣ Вячеслава бж҃шаго. Со шмѣтъ сѣмьстѣса вѣрусьское слово», и т. д. Оно потерпѣло уже довольно подѣ перомъ списчиковъ и т. п., но во многомъ представляетъ и теперь еще довольно весьма уважительныхъ особенностей. Вообще, Житіе наше (по обоимъ спискамъ) замѣчательно также нѣкоторыми подробностями убіенія, неизвѣстными Чешскимиъ писателямъ, на прим., о томъ, какъ Людмила, бабка Вячеслава, отдала его, прежде всего, учиться Славянской грамотѣ; о 4-хъ сестрахъ его, изъ коихъ только объ одной говорятъ Чешскіе летописцы, «Прибиславъ»; о числѣ убійць (по Чешск. два, а тутъ еще одинъ); смерти нѣкоего Мстинны, убитаго съ нимъ вмѣстѣ въ Болеславъ; объ имени попа, *Крестя* или *Крася*, взявшаго тѣло убитаго, положившаго предѣ церковью и покрывшаго тонкой плащаницей. Это и слѣдующіе признаки показываютъ, что Сказаніе наше составлено *тотчасъ по совершеніи убійства*, даже прежде *Страхвасова* жизнеописанія его, равно какъ и упомянутой Легенды, вѣроятно, написанной Монтекассиинскимиъ монахомъ, Лаврентіемъ, на основаніи устнаго разсказа Войтѣха, бывшаго 989 г. въ Монтекассино, любимомъ Итальянскомъ монастырѣ, и украшенной, по обычаю того времени, сильно цвѣтами краснорѣчія. Доказательства мои:

1) Названіе Богородицы просто, по обычаю Запада, *Святою Марією*, Sancta Maria: «И възросте отрокъ, и шмо шм оудати шмоу колосъ, и възрѣа Коретиславъ князъ Епископа етера съ шмъ шм-росомъ, и възрѣа литургію къ цркви Стыа Маріа». Въ Мак. Четьи нѣсколько иначе: «И възросте отрокъ, и шмо шмъ шмо его Кратиславъ посадити отрока на шмоу столъ, шмъ къ старъ, уаши шмрти сѣтъ, и възрѣаъ Кратиславъ князи, шже къ тогда къ шмои шмла-стн, I шмъ и шмъ възрѣа црквиши, добрыи же и шмоу шмши шмши и шмтраи со шмъ шмросомъ, шмши шмоу литургію къ цркви шмты шмца нашѣа бж҃а и шмо Дѣи Мрїа, и възрѣае отрока, шмташм на шмои шмре шмларемъ, и шмги его шмшъ, шмце рѣкъ», и пр. (л. 1889).

2) Извѣстіе о неудовольствіи Чешскихъ вельможъ на Вячеслава за его малолѣтство и излишнюю, по ихъ мнѣнію, привязанность къ благочестивымъ занятіямъ, а оставленіе дѣлъ государственныхъ.

Религія его была уже Католическая, отъ чего онъ особенно уважалъ *Божійхъ работъ*, т. е., Римское духовенство, какъ оно всегда называло себя, а, напротивъ, послѣдователей *Православія*, которое, безъ сомнѣнія, имѣло еще своихъ служителей въ Чехіи, если не преслѣдовалъ, по крайности, не отличалъ особенно. Это подтверждается благопріятнымъ отзывомъ сочинителя о Драгомирѣ, матери его, какъ извѣстно, гонительницѣ Христіанъ, полагать должно, Католическихъ. Она такой сдѣлалась по видамъ политическимъ. Будучи дочерью Стодеранскаго князя, въ нынѣшнемъ Браниборѣ (Бранденбургѣ), Драгомира видѣла, какъ Нѣмцы, подъ предлогомъ Вѣры, старались лишить свободы земляковъ ея; что было тамъ, того могла ожидать она и сдѣсь, въ новой своей родинѣ, и что, дѣйствительно, оправдывалось вторженіемъ императ. Генриха 1-го (928), Птицелова, склонившаго къ себѣ сына ея, Вячеслава, который обязался ему платить ежегодную дань и быть въ зависимости. Такое обязательство повело за собой введеніе Западнаго духовенства въ Чехы и заставило ее съ, младшимъ сыномъ, Болеславомъ, и нѣкоторыми сильными, сдѣлать заговоръ, имѣвшій слѣдствіемъ изгнаніе ея, и потомъ опять возвращеніе. Но какъ Вячеславъ продолжалъ начатое, то и Драгомира тоже не перемѣнялась, то есть, держала постоянно сторону Славянскую и, слѣдовательно, сторону послѣдователей старой Вѣры. По этому-то, повторяю, составитель Сказанія такъ отзывается о невинности Драгомиры, хотя она раздѣляла чувства Болеслава: «*Пси здѣи, иже сына Вячеслава илючнми выдати цатери свою всѣхъ вини*». Слѣдовательно, Драгомира является намъ совѣтъ въ иномъ видѣ, нежели въ какомъ представляютъ ее Латинскіе источники, т. е., она не была защитницей язычества, какъ язычества; этого нельзя предполагать въ супругъ Христіанскаго князя, вышедши за котораго, разумѣется, должна была и сама отказаться отъ своего язычества, если только еще держалась его до того; нельзя допустить, говорю въ такомъ глубоко Христіанскомъ семействѣ, каково составляли потомки Боривоя; но она защищала исповѣдавшихъ Славянское Богослуженіе, которое такъ пришлось было по сердцу всѣмъ Западнымъ и Южнымъ соплеменникамъ ея, въ высокой степени благопріятствовало самостоятельному развитію ихъ, охраняло и совершенствовало народность каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вообще. Извѣстно, что Римская Церковь, въ увлеченіи своемъ, очень не рѣдко величала Православныхъ *язычниками*, pagani. А какъ pagani у старыхъ означало, собственно, обитателей селъ, простой народъ, долѣе и упорнѣе державшійся своего, роднаго, то и сдѣсь pagani, кромѣ обычнаго своего значенія,

могло также означать и тѣхъ, кои отстаивали старину Славяно-Христіанскую, были, какъ самъ же народъ называлъ ихъ, *старовѣрами*, хотя они не многіи старѣе были Латинцевъ. Слѣдовательно, Вячеславова мать, какъ Полабка, не терпѣла Римскаго обряда, уже по тому, что ояъ былъ обрядомъ утѣснителей ея прежней и новой родины, и покровительствовала обряду Славянскому, какъ вызывавшему и воспитывавшему народную самостоятельность исповѣдывавшихъ его. Иначе, нельзя объяснить себѣ етого особеннаго расположенія къ ней сочинителя Житія ея сына. Скажутъ: «А поступки ея съ Людмилой?» Такъ; но тутъ она дѣйствовала не какъ соперница по вѣроисповѣданію, а какъ соперница по власти, какъ дочь независимаго князя и жена такого же князя, не хотѣвшая унижаться передъ дочерью, хоть и богатаго, но все же простаго, не владѣтельнаго, Чеха, и мало ли еще по какимъ побужденіямъ, порождающимъ и питающимъ соперничество двухъ женщинъ.

3) Названіе: «*Божіи раки*» вл. духовенства, священства, и т. п., которое столько разъ повторяется въ Сказаніи, указываетъ также, какъ мы уже замѣтили выше, на мѣсто написанія его. Это, какъ извѣстно, обыкновенное и любимое титуло Западнаго духовенства, называющаго себя рабами Божіими. Въ Фрейзингенской рукоп. тоже попадаетъ это выраженіе, равно какъ и въ Житіи Кирилла и Меѳодія по Паннонскому списку читаемъ, какъ етотъ послѣдній старался расторгнуть бракъ одного богатаго княжескаго совѣтника, женатаго на своей «*коцнестѣ*» или ятровѣ. Нѣмецкіе духовные, «*Божіи раки твораше са, тли разкращахоу н, ласилоуе нитини ради*».

4) Вячеславъ былъ обѣтованъ св. *Емѣраму* (Еммераму): «*Приде дѣнь сѣго Емѣрама, и з немоу же окъщанъ сѣмъ Вячеславу, кеседашеса о Боуѣ*». Въ Макар. Чет. сдѣсь и ниже всюду: «*Акрдма*»: «*Приде же дѣнь сѣго Акрдма, и немоу же въ клажениѣ окъштъ скоу твораше, и кеседашеса о Боуѣ*». Еммерамъ былъ сперва епископомъ Французскимъ, по томъ миссіонеромъ въ Регенсбургѣ, гдѣ и скончался въ полов. VII-го (652, сент. 22) мученически, отъ того особенно чтили его въ Регенсбургской Епархіи. А какъ Чехи тогда, по духовному управленію, принадлежали къ ней, то это могло быть извѣстно только одному туземцу. Въ Регенсбургѣ находился монастырь Емѣрама, куда Болеславъ, спустя 3 года по убіеніи Вячеслава, послалъ на воспитаніе малолѣтнаго своего сына, Страхаса (Моск. В., 1827, кн. XVII, стр. 89, прим. 8).

5) Когда же погребенъ Св. Вячеславъ, «*докрыи и праведныи владыни*», то «*крыи его не хоташи по три дни къ землю нти, къ*

третія же кеуеръ, вснмъ видѣшимъ, черкии взиде надъ нимъ. И дивншася тоу вси, и еще иддземся Богу, молитвами и благоволеніемъ добраго Вячеслава, и больши уоудо акитиса». Въ Мак. Четвъ: «прощь его по три дни не рлун ѣ землю ити, въ .г., же дѣь прощь его поотрекиса, и цѣркии ѣзиде надъ нимъ, всамъ людемъ видѣшимъ тоу и диващиса, а и еще иддьющеся Богу и на мѣтвѣ кѣговарнаго Вячеслава, колшоу уоудъ медшоуеса». Ясно, что такъ можетъ говорить только очевидецъ, современникъ: «иддземся», выражается онъ, и при томъ описываетъ только единственное чудо, совершенное тотчасъ Святимъ. Если бъ онъ писалъ нѣсколько позже, на прим., какъ Страхвабъ, и друг., то, конечно, не умолчалъ бы о многихъ другихъ чудесахъ, сотворенныхъ Вячеславомъ и рассказываемыхъ съ такой подробностью прочими его жизнеописателями. Напротивъ, онъ изъявляетъ одну лишь надежду на будущія чудеса, большія перваго (Тамъ же, стр. 93, прим. 15).

Къ етѣмъ историческимъ доказательствамъ присоединю еще нѣсколько *язычныхъ*, лучше и неопровержимѣе всего говорящихъ о мѣстѣ и лицѣ, которому принадлежитъ этотъ памятникъ.

6) «Бѣ же никто иназу великъ салкою, въ Уехехъ живши». Въ Мак. Четвъ: «Бѣ же никто иназу великъ и салкою уестемъ, в Уехехъ живши, именовъ Вратислакъ». Многіе Славяне употребляютъ такое означеніе страны именемъ народа; въ ней живущаго, то есть, имен. пад. множ. названія этого народа, но ни одинъ такъ часто и съ такой любовью не привязанъ къ этому, прекрасному, самостоятельному и истинно Славянскому, наименованію, какъ Чехи. И теперь Чехи иначе не называютъ свою землю, да и не умѣютъ даже называть ее, какъ *Чехы*, равношрно Угрію—Угры, Хорвацію—Хрваты, и пр. Имен. пад. множ. числа именъ народа оканчиваютъ они иначе: Чехи, Угржи, Хрвати, и т. п. И у насъ въ старыхъ памятникахъ, то же, на пр., у Нестора и др., даже еще въ XVII ст.: Запорогъ—Волохи, Мутьяны, Ногаи, и т. п.

2) «Въ то же время оуире Коротислакъ Кизъ, и нослакиша Кизъ Вячеслава на столъ дѣдѣни». Въ Макар. Чет.: «В то же время оуире Вратислакъ кѣзъ, и нослакиша и кѣзъ Вячеслава на столъ ѡца своего Вратислаки». Въ первомъ: «на столъ дѣдѣни» — оборотъ, чисто Западныхъ Славянъ. Восточная вѣтвь употребляетъ въ такомъ случаѣ отнѣй, отеческій, или, какъ стоитъ во второмъ спискѣ уже, «ѡца своего Вратислаки», и т. д., но Западная всегда почти *дѣдѣни*, *dědinnŭ*, *dědinnŭ*, *dědinskŭ* и т. п., то есть, собственно *дѣдовскій*, *дѣдичный*, по дѣду или послѣ дѣда доставшійся, по томъ

наслѣдственный по праву родства, по преданью, отцу, отсюда *dědinnikъ, дѣдичъ*—наслѣдникъ чего по дѣдамъ, наше *отчимъ*; *dědina* — доставшееся по дѣдамъ движимое и недвижимое, особенно состоящее въ поляхъ, нивахъ, и т. п., *haereditas, fundus, proprietas*, далѣе деревня, село, какъ мѣсто жительства нашихъ дѣдовъ, перешедшее къ намъ по праву наслѣдства, и, наконецъ, вообще земля, домъ, *terra, territorium, domus*. У насъ во всемъ отвѣтствуетъ этому *отчина* и *вотчина*, и т. д. Правда, есть нѣсколько случаевъ, что это слово и у Чеховъ замѣняется словомъ *отнй* (на пр., въ Суду Любуши нѣсколько разъ, Вацерадовомъ словарѣ и, можетъ быть, еще кое-гдѣ), равно какъ и у насъ слово дѣднй тамъ и сямъ попадаетъ, на пр., у Нестора: «И живяше Володимеръ по устроению отню и дѣдню»; но все это—исключенія, устарѣлые остатки прежняго, а не обыденные обороты, по которымъ только одними провозносимъ приговоръ языку и народу.

3) «Не же ꙗко вса Болеславоу дѣлакоу въ сердце, да илюстниша и на врата своего». Въ Мак. Чет. это неже пропущено, а сказано: «и тоже время вса Дѣлакоу, неже изнауаа неманида рода уѣкуа, Болеславоу лоуниваа къ срѣце его, и илюсти его на врата своего, имо же и охлѣнаго Стополка, неже совѣща злое на братію свою въ срѣци своемъ, изири братію свою, и прѣимъ власть единыи в Роустен земли, а не вѣдоуше ѿиришиа Бѣѣа, имо слоуги бѣѣа не тоуше мѣхъ носати, но ѣ погнѣбѣа неустыжннхъ; тако и тѣи змии совѣтннцы дѣлакоу, неже совѣщаша злая въ срѣцихъ своихъ с Болеславоу на вѣжннмаго ииѣа Влѣслава» (л. 1890—91). Очевидно, въ послѣднемъ это мѣсто передѣлано въ послѣдствіи, послѣ такого же убіенія Рускимъ Болеславоу (Святополкомъ) братьевъ своихъ, вызывавшаго, естественно, ссылку на прежде бывшее, слишкомъ за сто лѣтъ, въ Чехахъ. Отъ того, въ этомъ не видимъ уже слова «неже», которое составляетъ чисто Чешскій союзъ, по Церковному «иѣ, но»; теперь онъ употребляется сокращенно, *неѣ*, или же *неѣли*, *неѣли*, и соотвѣтствуетъ во всемъ Южносербскому *него*, *негѣ*. Но Церковнославянское неже, встрѣчающееся въ Остромировомъ Евангеліи, стр. 12 (Іоан. III, 19), 56 (Мат. XVIII, 13), 77 (Мат. XIX, 24), 111 (Лук. XVIII, 25), 290 (Марк. VI, 11), то же, что позднѣйшее *нежели*, Греч. *ἤ*, и разъ въ значеніи выше, больше (*нежели*), *ἤπερ*, стр. 43 (Іоан. XII, 43).

4) «Влѣславъ же аздаше по градомъ». Въ Макар. Чет. это мѣсто пропущено, по тому что выше сказано: «Бѣхоу же свѣщеніе црѣимъ тогда», вм. «Бѣхоу же свѣщеніе прѣимъ въ всѣхъ градѣхъ», отъ

того «Вацеслакъ лудше по гредешъ», и однажды «аха (и) во Бо-леславию гредоу». Форма «лудше» обращает на себя вниманіе. Письменный языкъ Чеховъ не знаетъ ее, за то больше, чѣмъ вѣроятно, зналъ устный, простонародный, судя по тому, что сжатая гласная и теперь еще не всюду употребляются Чехами вмѣсто широкихъ. Есть много краевъ, въ конхъ слышите: duša, duši, duše, dušu, и т. п., вм. нынѣшняго книжнаго и по книжному, большею частью произносимаго, duše, duši, и т. д., точно такъ и конч. на мягкое ѣ: теѣа, теѣи, а не теѣе, теѣі, и т. д., равно отглагольныя на-ѣ, ѣе, склоняются правильно во всѣхъ падежахъ: štěstě, -tia, -tiu, и т. д., а не štěstí, почти всюду í (происшедшее отъ стяженія). Такъ, глаголы простолудинъ всегда скажутъ: řiју, řiju, řažu, вм. řij, řijí, řaží. Тѣмъ болѣе это въ употребленіи въ Моравин, которая, граница, съ одной стороны, съ Словаками, а съ другой съ Поляками, подтверждается стѣми народами въ сохраненіи широкихъ, по старому. По тому, очень вѣроятно, когда ни будь говорили, если не въ Чехии, по крайности, въ Моравин, *вудъ*, *язда*, какъ теперь Поляки, *jazda*, а глаголъ уже *jezdzić*, *jeździeć*, *jechać*, наст. *jadę*, стар. *jachacъ*, Серб. и Хорут. *яхати* (верхомъ на лошади), наст. *яшемъ*, *equito*. Впрочемъ, это послѣднее опредѣляетъ намъ еще точнѣе родину сочинителя Житія, т. е., Мораву.

5)... «и смышлѣхъ доуѣргію, Вацеслакъ хотѣ хати домоуъ изъ Празъ». Въ Макар. Чет. опять измѣнено: И Бслоушлѣхъ блаженнымъ нѣхъ Вацеслакъ стоюю дѣуѣргію, хотѣхъ хати ѣ домоуъ скон ѣборзъ». Нарѣчіе домоуъ, собственно, образовалось изъ дательнаго падежа *д. домоуи*, подразумѣвая, или не подразумѣвая, предлоги *къ*, *мо*, *до*, *въ*, *во*, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ Славян. нарѣчіяхъ, на прим., обоихъ Серболужицкихъ, нѣкогда Древнерускомъ (у Нестора и др.), и даже въ нашемъ Сказаніи: «и не смѣ нести его въ домоуъ скон, нѣ помоуъ изъкъ омыше и окоуше и, положивъ посреди церкви»; въ Макар. Чет. прибавлено уже «къ»: «по ѣ помоуъ дворѣ омыше и олекше и, и несоуи и, и положивъ и въ цркви»; или: «и еще идѣемса Боуъ», и пр. Въ старину въ такихъ случаяхъ предлоги не ставились. Изъ этого же домоуъ произошло, съ одной стороны, наше *домой*, тоже дательный сокращен., употребляемый, обыкновенно, въ нынѣшнихъ Серболуж. нарѣчіяхъ, въ конхъ прежде, въ старинныхъ памятникахъ, встрѣчается полное оконч.—*оуи* (*owi*), равно какъ и въ простонародномъ Чеш., именно въ краяхъ Младоболеславскомъ, Биджовскомъ, Градецкомъ, частію Хрудимскомъ и Къркопошахъ, слѣд., на границѣ Лужицъ и Силезіи, на примѣръ, *holuboj*, и т. п., а съ другой стороны нынѣшнее Чешское

domi, дому, въ коемъ конечное *u* опущено, а *o* измѣнено, по обыкн. закону, въ *u*. Но нѣкогда оно употреблялось въ полной своей формѣ, т. е., *domov*: «*Pojed', mili, guče domov*»;—«*J vzech zmilitku v náguče, otědech z níj domov*» (Краледв. рук.). Теперь оно также употребляется, но уже въ смыслѣ существительнаго, и означаетъ родину, отечество, жилище, обиталище, и склоняется правильно: «*Dostal psání z domova*»; даже просто въ значеніи родной домъ: «*Od domova prýč bití*». Иногда дается ему еще форма средняя: *domovo*, *domovi*: «*z domoví vyjítí*». Какъ не замѣтить здѣсь сходства въ употребленіи слова *домъ* въ видѣ нарѣчія, безъ предлога, съ древними Греч. и Латин., въ коихъ, однако же, оно имѣетъ еще обширнѣйшій объемъ. Можно сказать даже: *domi Virgillii, Ovidii, domi meae, tuae*, *vi. in domo* и *domum*, *domum meam*, *vi. in domum*, между тѣмъ какъ въ Руск. языкѣ только въ свой домъ, туда, гдѣ живеть, находится временно, или постоянно кто либо; но Чешскій превышаетъ и самые классическіе языки: въ немъ оно перешло въ существенное отличіе употребленія *домъ* въ существ. и нарѣчной его формахъ и заключается въ слѣд.: въ первомъ значеніи болѣе опредѣленное, стѣсненное, сжатое, болѣе вещественное, а во второмъ на оборотъ, смыслъ обширнѣйшій, нестѣсняемый 4-мя стѣнами, болѣе, такъ сказать, духовный. Вы говорите: «*онъ въ домѣ*», и разумѣете при семъ всегда, неизбѣжно, въ этомъ, а не другомъ, домѣ, во внутренности его; а когда говорите: «*онъ дома*», «*онъ пошелъ домой*», то не стѣсняете его извѣстнымъ домошъ, внутренностью его; напротивъ, даете знать, что онъ находится (или отправился) въ извѣстномъ только мѣстѣ своего пребыванія, такъ, что онъ можетъ и вовсе не быть въ домѣ, не имѣть его, а все же находится дома, или пойти домой, можетъ быть въ домѣ, и на дворѣ, пойти въ домъ прямо, и на дворѣ, и т. д. Словомъ, оно прекрасно выражается нашимъ оборотомъ: «*у себя, къ себѣ*». Такимъ образомъ, и здѣсь: «*хотъ захати домокъ*», значить *домой*; а для большаго еще опредѣленія прибавлено: «*къ Прлзѣ*».

б) «*Болеславъ не да смоу захати домокъ. Молвса пллускинымъ смысломъ, мола и глагола: нлко хощеши отъзахати: нлко цлло нлзю. Онъ же не оторусса брату, не хл домокъ*». Въ Макар. Чет. «*оторусса*» измѣнено въ «*фреусса*». «*Оторусса*», чуждо теперь Церковно-Славянскому языку, но лучше всего можетъ быть объяснено Чешскимъ *odstrčeti*, отъ *strčiti*, *-kati*, корень *strk*, а того *trk*, откуда глаголь *trkati*, *trčiti*, Словац. *trgam*, наше *торгамъ*, *дергамъ*, бить чѣмъ острымъ, рогами и т. п.; двигать туда и сюда;

драть; торчать; висѣть; прильнуть; бѣжать прытко: «Tako zlutise (Jaroslav), v Talaru trčie».—«Davem trčju ku braně» (Краледв. рук.). Въ этомъ смыслѣ употребляется и въ Южносерб. «Дотрчао самъ Београду».—«Камо трчишъ?» Отъ сего глагола произведенъ другой, strčeti—kati, бить, пихать кого чѣмъ острымъ; стиснуть; толкать; бросить; всунуть кому что; свергнуть, сразить; столкнуться; спрятаться; показываться; выглядывать; напоследокъ, отбросить; отчалить. Очевидно, что во всѣхъ етѣхъ значеніяхъ постоянно присуще понятіе чего-то выдающагося, остраго внутри, которымъ что либо отражается, не допускается, прогоняется и т. п. По этому: «омъ же не оторусса», значить, не сталъ противъ него *торцемъ*, не отказалъ ему, не противился», и т. п.: «Ne odstrčil modlitby mé od sebe» (Br. žal. 66, 20).

7) «Овѣи же извнши, а друзѣи развѣгошса по землѣмъ, а младенци извнши его»; и ниже: «Разсѣкоша его, и младенци его извнши. Тутъ «младенци» не значить наше и Церковное *младенець*, infans, но соотвѣтствуетъ нашему *молодецъ*, что кое-гдѣ и употребляется; *mládec*, но съ наращевіемъ *en* еще больше уменьшено; третья форма *mládek* и *mladik*. Всѣ етѣ формы постоянно значать молодець въ обширномъ смыслѣ, Лат. juvenis, -nis, -nalis, adolescens, т. е.: а) уже не дѣтя, но молодой до возмужалости (30 лѣтъ), парень; б) оруженосецъ, благороднаго и неблагороднаго происхожденія; пажъ, чурра, грядень; в) неженатой: «Jest ještě mládenec»; г) дѣвственникъ; д) бояринъ на свадьбѣ; е) старой холостякъ (*starý mládenec*); ж) прикащикъ, сѣдѣлецъ; з) слуга вообще, особенно у господъ. Для нашего *младенець* Чехи употребляютъ слово *mladě*, *mlad'atko*, и т. п., хотя и то иногда означаетъ вообще *молодаго, -дое*. Въ старину же у нихъ и *mládenec* значило *infans*, *pullus*, на пр.: *Svú ženu a dva mládence jsem ztratil*. Příkl. z kron. гкр. 139.—«Z úst mládencov, ex ore infantium et lactantium». Ms. Ps. 8, 3;—«Orlice mládence své, aquilla pullos suos». Ms. Ps. 162. Dent. 32; послѣ, мало по малу, раздвигалось значеніе этого слова и переносилось также на другіе возрасты, что неудивительно при необыкновенной склонности Чешскаго народа къ уменьшительнымъ. Слѣдовательно, и сдѣсь будетъ оно означать непосредственныхъ служителей князя, разумѣется, въ лѣтахъ юношескихъ, оруженосцевъ, пажей, въ Монтекасси. Легендѣ *palatini*, придворные слуги, отвѣчающіе Церковному и у нашихъ предковъ «*троки Княжескіе*», называвшіеся иногда *молодые*. Это-то слово заставило А. Х. Востокова сказать, что Житіе сіе «*переводъ съ Богемскаго*», что, по моему мнѣнію, совершенно на оборотъ, хотя дѣйствительно, слово это внесено въ него сочините-

лемъ изъ Чешскаго языка, слѣдов., оно показываетъ, вѣсть съ нѣкоторыми другими, что составитель былъ природный Чехъ и, пишучи по Церковнославянски, противу воли употреблялъ и выраженія своего языка, какъ это же самое замѣчаемъ у Сербскихъ и Русскихъ писателей въ ихъ Церковнославянскихъ сочиненіяхъ.

8)...«слоужки бо смоу гонѣнѣмъ и съ страхомъ». Ясно, что тутъ гонѣнѣмъ употреблено не въ смыслѣ нашего *юльнїя*, т. е., воздержанія отъ пищи, питія и т. д., но въ томъ, въ какомъ оно поставлено въ сложныхъ Церковнославянскихъ, *влагогонѣмѣ, -нѣм, -гонѣти*; послѣднее дѣйствительно и находимъ въ Макар. Чет.: «слоужитель бо въ Бѣу со благогонѣнѣмъ и со страхомъ», и въ какомъ употребляется и теперь еще въ Чешскомъ, именно: уважать, чтить, почитать; далѣе же, потакать, благопріятствовать, сообразоваться съ чѣмъ: «Máš li dobytek, hověj mu!» похлѣбствовать, снисходить: «Dobrým škodí, kto zlým hoví»; щадить, беречь: «Stavěl, žádným nákladům ne hověl».

Впрочемъ, «Сказаніе ето»,—говоритъ г. Востоковъ,—«по видимому, внесено въ Прологъ (сент. 28) сокращенно и съ отмінами». Помянутое сокращеніе встрѣчается уже въ рукописныхъ Прологахъ первой половины XV-го в., на пр., въ пергаменномъ 1442, принадлежащемъ Имп. Публичной Библ. и въ Макар. Четъ - Миненъ подъ тѣмъ же 28-мъ сентября, въ двухъ спискахъ: одинъ предпосланъ етому, болѣе подробному, на л. 1872 — 1873, а другой послѣ, на 1895—1896, подъ заглавіемъ: «В' тон же дѣнь стѣръ стѣго Вячеслава кнѣза Ушьскаго». Нач.: «Подовно естъ вѣдати преже ѿутьство и столъ стѣго мѣнна Вячеслава. «Сен въ сѣтъ Вратислава Ушьскаго кнѣза, и пр. Но полное, какъ оно тутъ есть, должно быть составлено гораздо прежде. И такъ, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Житіе ето сочинено въ самой Чешской землѣ, и при томъ Чехомъ. Въ то время, въ которое оно, по изложеннымъ признакамъ, должно быть сочинено, т. е., тотчасъ по убіеніи Вячеслава, Чехи мало еще писали на своемъ языкѣ, а могли писать только или на Церковнославянскомъ, или же Латинскомъ, какъ и дѣйствительно Болеславовъ сынъ, Страхквасъ или Христанъ, описавъ послѣ смерти своего дѣди на послѣднемъ. И возможно ли, чтобы онъ, или кто другой, не упомянулъ о существованіи Чешскаго подлинника, если бъ былъ такой когда? А что никто не говоритъ о Церковнославянскомъ подлинникѣ, то ето понятно само собою: тогда Латинское духовенство сильно старалось истреблять все, сколько ни будь напоминавшее ему и народу ето Исповѣданіе. Въ пользу глубокой древности Житія сего, т. е., написанія его въ X-мъ вѣкѣ, говоритъ и то обстоятельство, что сочинитель

Сказанія: «О силѣи моуѣеникоу Бориса и Глязл», упоминаетъ и о мученіи Вячеслава князя, на пр., слѣд. мѣсто, выписываемое Восточнымъ: «Помышлаше ко себѣ божажении Борисъ мѣниѣ стго Мнѣи и страсти стго Вячеслава княза». (Опис. Румянц. Музея, стр. 693). Стало, Житіе ето перенесено было къ намъ, потерпѣло нѣсколько передѣлокъ какъ въ сущности изложенія, такъ и самомъ виѣшнемъ видѣ, даже языкѣ. На етотъ послѣдній указываютъ: а) формы, чисто Рускія, замѣнившія прежнія, на пр., названіе князя Вратислава *Воротиславомъ*; а Драгомиры *Дорогомирю*, хотя въ спискѣ Макарь. Четъ-Минен: «Вратиславъ» и «Драгомиръ»; б) измѣненіе имени города, въ который Вячеславъ былъ отданъ отцемъ своимъ для ученія Латинскимъ книгамъ, *Будецъ* въ *Будучъ*, *Будичъ*. «И егда и баба своа, Людмила, илючити книгамъ Словенскимъ по слѣдоу попокоу, и илчмуе разоумъ добръ. Отсади же Воротиславъ въ Боудочу, и илаа отрокъ оучитиса книгамъ Латынскимъ, и илючиса добръ». Въ Макарь. Чет.: «И еда его баба своа, Людмила, оучити книгамъ Словенскимъ, послѣдоу своимъ оучителю добръ, и илчмуе разоумъ всемъ вѣрѣ; Отсади же и князь Вратиславъ въ Будичъ, и илчатъ отрокъ оучитиса книгамъ Латынскимъ, и илючиса добръ». *Христанъ... filium suum... Wenceslaum... in lege divina litteris imbuendum tradiderat in civitatem, quae Budecz vocabatur.* Vita S. Ludmillae. Вообще, сочинитель Житія Вячеслава хвалитъ успѣхи его въ ученіи: «И възложи Богъ благодать тѣлоу шл Вячеслава Княза, и илу оучити книги Латынскія шко же добрыи епископъ, или попъ, да аще а възмаше, ш Греческіа книги, или Словенскія, проучиташе а вѣиъ безъ блази. Не токмо же книги оучиташе, но втроу соверша, всемъ оубогимъ добро твораше». Въ Макарь. Чет.: «И възложи багъ сицекоу на Вячеслава княза, и илаа оучити книгамъ Латынскимъ или шко же сѣиъ, или сѣииниъ, да аще козаше (възаше) Греческіа книги и Словенскіи, и уташе вѣиъ собѣ безъ блази (въ рук. испорчено: «соблази»). И не токмо книгамъ оучиташе, но и втроу соверша, всемъ оубогимъ добро дѣаше». Тутъ второе ш употреблено вмѣсто «или», отъ «или, или» что теперь южные Сербы часто дѣлають, особливо въ Далмаціи; да ето подтверждается и слѣдующимъ за ш или. в) «Греческіа» стоитъ въ обонхъ, конечно, вмѣсто «Латинскія». г) «Състыже Болеславъ въ вортѣхъ», см. «кратѣхъ», какъ въ Макарь. Четъи: «И постиже ш Болеславъ ко вратѣхъ. д) Господиъ, см. господине, хотя въ Макарь. Четъ-Миненъ въ етомъ мѣстѣ «гди»: «Вячеславъ же озракса и рече: добръ дѣи, гѣ, вѣра», вмѣсто, какъ въ Румянц. спискѣ: «Добръ въ намъ, господиъ, вѣверъ»!

Г. *Востоковъ*, въ «Описаніи Румянц. Музея», на стр. 454 и 456, упоминаетъ еще о двухъ Житіяхъ Вячеслава, одно въ Прологѣ первой половины года, съ сентября по февраль, въ л., 502, полуустав. XVI-го в., сентября 28: «Сѣтъ сѣго Вячеслава кнѣза Угешскаго»; а другое въ Прологѣ же второй половины года, съ марта по августъ, въ л., 460 л., небрежнѣишъ Рускимъ полууст. конца XV-го или начала XVI-го стол., именно подъ: 4-мъ марта: «Принесеніе мощей сѣго Вячеслава кнѣза». «Начало: «Бѣ кнѣзь въ Угсахъ пражеденъ, именемъ Вячеславъ, рождѣся ѿ хрѣтианому родителю, ѿца Братислава, мѣти же Дорогомиръ». Это другое Проложное сокращеніе, на перенесеніе мощей, составлено чрезвычайно коротко. Названіе Воротислава или Вратислава, отца Вячеславова *Братиславомъ*, точь въ точь, какъ въ Монтекассинской Легендѣ, Lectio II: «Quodam igitur tempore *Bratesclabus* quidam regali insigniter potiens». Изъ *Братиславъ* образовалось, по извѣстнѣишъ законамъ Чешскаго благозвучія, *Vřetislav*, въ старину, какъ въ Рускомъ, *Браунславъ*. Но въ етомъ же Проложномъ Сказаніи по одному списку Макарьевской Четъ-Миненъ правильно, по другому «Ростиславъ». Первый списокъ на л. 66, а второй 71-мъ: «В томъ же дѣнь (.д. марта) принесеніе мощей сѣго Вячеслава, кнѣза Угешскаго». Въ 1-мъ начало: «Тонъ въ кнѣзь въ Угсахъ пражеденъ, именемъ Вячеславъ, родиса ѿ хрѣтианому родителю, ѿца Братислава, матере же Дорогомиръ»; а во 2-мъ: «Бѣ кнѣзь въ Угхъ пражеденъ, именемъ Вячеславъ, рождѣся ѿ хрѣтианому родителю, ѿца Ростислава, матере же Дорогомиръ».

Что до *Церковной пльски*, то, по мнѣнію Юнгмана (*Historie literatury české. V Praze 1849, 2 vydání, str. 16*) и Шафарика (*Wýbor z literatury české. Díl 1nı́, str. 28 — 29*), она твореніе либо Кирилла и Меѳодія, либо же непосредственныхъ учениковъ ихъ, и по тому составляетъ первый и самый древнѣишій памятникъ введенія Христіанства въ Чешскую землю, тѣмъ болѣе, что уже Козьма завѣряетъ насъ въ томъ, что ее пѣли ужъ при посвященіи перваго Пражскаго епископа, Дитмара, 973-го года, слѣдовательно, она не могла быть произведеніемъ Войтѣха. Она, какъ я сказалъ въ изложеніи, во всѣ вѣка пѣлась, и теперь поется, въ торжественные случаи, въ Чешскихъ храмахъ. Впрочемъ, старѣишій списокъ ея, по сю пору отысканный, не восходитъ далѣе XIV-го столѣтія (1397, въ Пражской Унивѣрситет. Библиотекѣ, подъ зн. XVII, F. 30). Тогда же (въ концѣ XIV в.) *Янъ изъ Голешова* считалъ уже нужнымъ написать на нее объявленіе, которое *Болелуцкій* напечаталъ въ «*Rosa Bohemiae*», но съ ошибками; по томъ многіе много разъ издавали ее. Шафарикъ въ

«Выборъ» помѣстилъ ее въ троякомъ видѣ, предполагаясь Церковно-славянскомъ, далѣе, какъ уцѣлѣла въ устахъ Чешскихъ, и, на послѣдокъ, въ Лативскомъ переводѣ. Вотъ первые два:

I.

Господи, помилуй ны!	Hospodine, pomiluj ny!
Иссу Кръсте, помилуй ны!	Jesu Křiste, pomiluj ny!
Ты, Спасе всего шра, Спаси жь ны, и оуслыши, Господи, гласы наша!	Ты, Spase všeho míra, Spasi ž ny, i uslyši ž, Hospodine, hlasy naše!
Дли нмъ вьсмъ, Господи, Жизнь и шръ въ земли!	Daj nam všem, Hospodine, Žizn a mir v zemi!
Крешь, Крешь, Крешь!	Křeš, Křeš, Křeš!

Удивительно, какъ въ теченіе такого долгаго времени (почти 1,000 лѣтъ) такъ мало еще измѣнился подлинникъ отъ безпрестаннаго употребленія въ живой рѣчи Чеховъ. Вся разница только въ словѣ *Hospodine* вм. Господи, да одной фонетической особенноти («*všem*» вм. «*всьмъ*»). Крешь же есть Греческое «*Κύριε ἑλεῖβο!*»

180. Собраніе Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, составленное П. Кеппеномъ. Спб., 1827, стр. 21—24.

181. Въ такъ названномъ «*Nachschrift*» къ разбору его «*Josephi Dobrowsky, Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*» etc. (S. 66 — 97). Этотъ «*Nachschrift*» сдѣланъ по поводу полученной имъ отъ двухъ Русскихъ путешественниковъ, П. И. Кеппена и Березина, XVII-ой части «Трудовъ Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ» (Москва, 1820 г.), въ которой помѣщено «Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ», А. Х. Востокова. Представляя 10 выводовъ изъ этого изслѣдованія, и привѣтствуя въ немъ денницу настоящей Древнеславянской Филологіи на восточномъ небосклонѣ Славянскихъ земель, Копитаръ, съ своей стороны, считалъ нужнымъ сдѣлать замѣчанія на три положенія Востокова (7, 8 и 9, по собственному своему исчисленію), именно: объ окончаніяхъ *ъмъ* и *ьмъ*, о *гз* и о носовыхъ звукахъ. По поводу послѣднихъ возражаетъ, что остатки ихъ сохранились не у однихъ только Булгаръ, но также и у Хорутанцевъ, и, въ доказательство того, ссылается на 9-ть четвертокъ Сѣверо-Хорутанскаго «*Vademecum*» одного Фрейангенскаго миссіонарія, и относитъ составленіе этого памятника, по всей вѣроятности, ко времени докирилловскому: «*Ferner, nicht allein die Bulgaren haben Reste des Rhines-*

mus, sondern auch die Karantaner, wie aus den unschätzbaren Quartseiten des nordkarantanischen Vademecums eines Freysinger Missionars erhellt. Въ примѣръ приводитъ изъ трехъ отрывковъ первый, какъ кратчайшій, сперва дословно по подлиннику, за тѣмъ Кириллицей, какъ бы тотъ же самый миссіонеръ написалъ ею это, и въ заключеніе, прибавляетъ подстроченный Латинскій переводъ; тамъ и сямъ, въ выноскахъ, дѣлаетъ нѣсколько небольшихъ примѣчаній. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ помѣстилъ, въ своемъ «Glagolita Clozianus», на стр. XXXIII—XLVIII, подъ числ. XXXI-мъ, всѣ етъ отрывки, какъ «Specimen dialecti Carantanicae sec. X: Monumenta Frisingensia tria explicata et illustrata». Тутъ, прежде всего, изложена имъ исторія открытія ихъ, между прочимъ, какъ Добровскій отказался отъ объясненія, предоставляя ету честь ему, природному Хорутанцу, и какъ онъ, не имѣя досуга, не могъ того сдѣлать, между тѣмъ Кеппенъ и Востоковъ такъ хорошо это выполнили въ «Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, изд. въ Спб. 1827 года», что ему осталось только привести списокъ съ нихъ (*διαγραφοί*, Facsimile), полученный имъ отъ В. Л. Гумбольдта: «sed degerat otium; nosque non invitos, imo gratulantes praevenere amicissimi Russi, P. Köppen et Al. Postokov, qui A. 1827 inter alia monumenta slavica etiam haec Frisingensia edidere Petropoli non solum *sculpta* omnia, sed explicata summo studio, et scientia mirabili. Ita ut nobis vix restet aliud, quam illorum rarioris apud nos editionis nostris reliquis monumentis partem maxime necessariam fideliter e nostro *διαγραφῶν*, adjicere» (р. XXXIV). Представивъ каждый отрывокъ, какъ онъ есть, какъ слѣдуетъ читать по его мнѣнію, далѣе, какъ нужно написать по правописанію Остромирова Евангелія Кириллицей, и, въ заключеніе, дословный Латинскій переводъ, Копитаръ приводитъ мнѣніе Добровскаго о нихъ изъ письма къ нему отъ 21-го ноября, 1826 г., свои на него замѣчанія, описываетъ внѣшній видъ ихъ, правописаніе и прибавляетъ «commentariolus», далеко во всемъ уступающій объясненіямъ Востокова, и проч. Тутъ же встрѣчаемъ и слѣдующее его мнѣніе о «Ноуменѣ ил пмать св. апостола Мариа»: «Nunc uno fortasse augeantibus illorum (Кеппена и Востокова) reperta, quod historia Frisingensi duce scriptorem codicis non dubitamus esse ipsum Frisingensem Episcopum Abrahamum, Carantanum, qui A. 957—994 sedit in Frisingensi cathedra». (Glag. Cloz., pag. XXXIV).

182. Тамъ же, стр. XLIV.

183. Первое озаглавлено такъ: «Зановѣданна о праздницѣхъ, Климента епископа Словянскихъ, когда хотѣше въ стѣхъ днѣхъ аплѣ, ли мѣнѣхъ, ли стѣхъ, поученіе къ людѣмъ». Начало: «Да есте къдоуше, брѣѣ,

«Aber, wenn man anderseits bedenkt, dass 1) ausser den Illyriern, im Süden der Donau, und zwar in *Pannonien* dem eigentlichen Kirchensprengel Method's, der hier an die dreissig Jahre im Weingarten des Herru arbeitete, am südlichen und östlichen Abhange der nobrischen und julischen Alpen, längs den Flüssen Save, Drave, Mur, Rab u. s. w., zwischen der Kulp und der Donau, noch jetzt anderthalb Millionen der ältesten slawischen Metanasten leben und weben, der Sprache 2) *der kirchenslawischen noch jetzt näher ist*, als die illyrische; bedenkt man 3) dass, nach den damaligen Sitzen der Südslawen, Cyrill und Method das Serbenland mit keinem Fusse berührten, sondern den Chroniken zu Folge nur durch das Land der Bulgaren reisten; dass 4) die Chroniken und Legenden nur von Bekehrung der Chazaaren, Bulgaren, *Slawen in Pannonien* und Mähren sprechen; dass also 5), da nur die *Bulgaren* und die *pannonischen Slowenen* als berechnigte Prätendenten übrig bleiben; aber endlich 6) ausser der grössern Sprachähnlichkeit auch noch besonders *Germanismen*, wie *oltar* (Altar), *kr'st* Christ, *kr'stili* christen (taufen), *cerky* Kirche, *pop* wohl zunächst von oberdeutschen Pfoff (Pfaffe), *mnich* Münch, *post* Faste, *goneznu* genesen, *stol* Stuhl, *Rim* (vgl. Römer), *ocet* (acetum), *upvati* hoffen, *penez* Pfenning, *plastyr* Pflaster, *plug* Pflug u. s. w. Germanismen, die wohl in *Pannonien*, nicht aber in *Mosien* natürlich sind, *entscheidend für Method's Diöcesanen sprechen*: so lässt sich's nur aus der heutigen literarischen und politischen Zerstückelung und Unbedeutendheit derselben erklären, wie man sie, bey Lösung der Frage, in der Ferne so ganz vergessen konnte. Denn «der Historiker ist», wie schon *Thunmann* bemerkt, «oft eben so ungerecht, wie der gemeine Mensch: er verachtet den, der nicht im Glücke ist». So wäre denn *Method's Sprengel zugleich auch die wahre Heimat der von ihm zuerst zur Schriftsprache erhobenen slowenischen Sprache!* Und die heutige Sprache der Nachkommen seiner Diöcesanen in streitigen oder zweifelhaften Fällen mit Nutzen zu befragen! Denn kaum war diese Sprache durch Method zur Schrift und Kirchensprache geweiht worden, als sie nach seinem Tode vor *Wiching* u. a. Gegnern gleichsam landflüchtig werden musste, und nur bey entfernten Verwandten Aufnahme, Schutz und Pflege fand. Kein Wunder, wenn sie in der Fremde manch Fremdes angenommen; ja, dass dessen im Ganzen nicht viel mehr geworden, ist nur aus ihrer heiligen Bestimmung und ihrem von Method und seinen Gehülfen fest aufgefasstem Typus zu begreifen. Method's heilige Bücher wurden nämlich im Ganzen mit frommer Gewissenhaftigkeit genauer abgeschrieben, als sonst bey profanen Gegenständen von sprachverwandten Abschreibern zu ge-

schehen pflegt, und nach dem Typus derselben die slowenische Literatur, mit Hintansetzung der Muttersprachen, selbst von gebornen Serben, Bulgaren, Wallachen, Russen u. s. w. fortgesetzt,—bis, durch stufenweise allgemeinere Kultur, erst seit gestern und ehegestern, die Landessprachen ihr Recht geltend machten, auch Schriftsprachen zu seyn; hier früher, dort später, nach Umständen: aber überall natürlich später, als dort, wo (wie bey den Katholiken) die Redesprache nicht erst eine heilige Kirchensprache zu beschwichtigen hatte. Man denke an die Literatur der Böhmen, Polen, Illyrier latini ritus, Krainer, Kroaten u. s. w., davon die jüngsten an dreyhundert Jahre zählen; während die Russen erst seit etwa hundert Jahren ihren Dialekt schreiben, und die Serben, die noch bis auf diese Stunde um die Rechte der Muttersprache streiten müssen, nicht so wohl gegen die alte Kirchensprache, als gegen einen Makaronismus, der entsteht, wenn Leute, die die Kirchensprache aus schlechten Grammatiken oder sonst schlecht gelernt haben, Altes und Neues durcheinander mengen, um sich doch von Unstudirten zu unterscheiden, und so Jeder seinen individuellen Makaronismus für Schriftserbisch verkauftъ. Ясно, что онъ въ послѣдствіи долженъ былъ отказаться отъ некоторыхъ словъ, выдаваемыхъ имъ за перешедшія изъ Нѣмецкаго черезъ посредство своихъ Паннонцевъ, каковы: gonesnu, stol, Rim, prvati, plastyr, plug.

190. «Nos interim rideamus *scholam historicam Bohemiae, in qua Palackus se et Schaffarikum statuit summi Dobrovii successores. Videmus quidem sedentes hos ambos in cathedra unius Dobrovii, sed negamus esse successores, quales e. g. fuere Aristotelis aut Platonis, continuantes doctrinam magistri. Nam quid commune vigilantissimo Dobrovio, cum his somnivoribus, quid luci cum tenebris, quid summo Critico, ne dicamus ὑπερηφανῶ cum summa et impudentissima vel ἀηροβία vel hypocrisi! Sunt igitur nec vocati, nedum electi, sed αὐτεκλήτοι, i. q. Russis самозванцы. Certe Jacobus Grimm (Göttingische gel. Anzeigen 1837, № 33) gravissimo iudicio, sed ut vides etiam periculo suo, nec leviori nostra invidia, alium pronunciavit veriores Dobrovii successorem. Hincque illae lacrimae?» А въ Гёттингенскомъ журналѣ сказано было, что мѣсто Добровскаго у Славянъ (заграничныхъ) достойно, кажется, занялъ Копитаръ, что очень понятно, когда вспомнишь, что Гриммъ, какъ Нѣмецкій ученый, незнакомъ въ такой степени съ Славянскими нарѣчіями, чтобы могъ свободно читать на нихъ, слѣдовательно, судилъ и судить по тому лишь, что писано, или переведено на его языкъ, или другой Западноевропейскій. Копитаръ же исключительно писалъ только на Нѣмецкомъ, или Латинскомъ. Подобный промахъ не въ первый разъ встрѣчать*

намъ у Западныхъ ученыхъ касательно сужденія объ нашихъ писателяхъ ; отсюда не исключаются даже и тѣ, которые , по самому роду своихъ занятій, казалось, должны бы лучше насъ знать и, стало быть, судить и присуждать побѣдные вѣнки.

191. Götting. gel. Anz. 1837, № 33—36.

192. См. его «Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen». Einleitung, S. VII—VIII.

193. На примѣръ, въ его «Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti». Vindobonae 1850.

194. Vergl. Lautlehre u. s. w., S. X.

195. «Grammatik der bulgarischen Sprache». Wien, 1852. Причина, приводимая самими сочинителями, по чемъ, они промѣняли Кириллицу на Латиницу при изданіи грамматики своего роднаго языка, еще страннѣе, чтобъ не сказать что хуже. Признаваясь въ Предисловіи, что они «sind keine Literaten vom Fach», между тѣмъ отважились на такое нововведеніе, которое не литератору, да и литератору, если онъ истый Булгаръ по роду и Вѣрѣ, никогда и въ голову не придетъ. И для чего же? «Wir haben aber hier *des allgemeinen Verständnisses* wegen die lateinische Schrift gewählt» (Vorrede, S. VI). Но развѣ есть какой смыслъ, на примѣръ, трезвому для того, чтобы, попавши между пьяныхъ, походить на нихъ какъ можно ближе, и самому корчить пьяную рожу и кривлянья всякаго рода? Пора бы ужъ давно перестать намъ обезьянничать, и начать пробиваться своимъ умомъ-разумомъ, хоть изза того, чтобъ перестали, наконецъ, честить насъ «imitatorum rescis»! Для кого, спрашиваю, изъ Булгаръ (о прочихъ Славянахъ молчу уже) понятенъ будетъ, на первый разъ, слѣдующій образецъ ихъ писанія: «As sù ímam sùsé róbeten pres dobrinù – tú vi, iš tú bùde golêma rečélbù za méné, ako prídobjú dobró-to vi sklonévane?» (страни. 141). И это «чудище огло, озлобло, съ трезвонной и стаей», смѣютъ еще называть намъ «angemessener, verständlicher», и прочее, тому подобное? Какъ! Знаки, составленные Кирилломъ Философомъ для выраженія звуковъ языка нашихъ предковъ, ужъ не годятся для насъ, ихъ потомковъ, и мы должны прибѣгать къ тому способу Славянъ, когда они, «погани саште, урътами и рѣзми уьтѣхъ и гатаахъ», когда они, до посланія къ нимъ Константина Богомъ, помилловавшимъ родъ «Словѣнскыиъ», какъ выражается Храбръ, «Римьскими и Грьубьскими писмены иждѣахъ сѣ писати Словѣнскоу рѣчь безъ оустроу?»

196. Vergl. Lautlehre u. s. w., S. VII.

197. Ср. «Radices linguae slovenicae veteris dialecti».

Lips. MDCCCXLV; «Lexicon linguae slovenicae» etc; но въ «Formenlehre» 1850, и «Vergl. Lautlehre» 1852, такъ называемыя «Quellen» приводятся въ азбучномъ порядкѣ.

198. Glagolitica, von J. Dobrowsky, 2-te Ausg. v. W. Hanka. Prag. 1822, S. 20.

199. Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften auf das Jahr 1785. Prag, 4, 2-te Abtheilung (1786), S. 101—139.

200. Parisiis 1538, 4. Такъ называемая новозобрѣтенная Постелломъ азбука есть просто скоропись Сербовъ Хорватскихъ, Далматскихъ, Боснійскихъ и т. п. его времени. Ею напечатано нѣсколько книгъ въ Венеци, упоминаемыхъ *II. Соларичемъ* въ соч. «Поминакъ книжескій о Славено-Сербскомъ въ Млеткахъ (Венеци) печатанію», 1810, на коего ссылаются: Добровский въ «Institutiones linguae slav. vet. dial.», pag. XLIV—XLV, и Кеппенъ въ «Библиограф. Листк.» 1825 г., № 21, стр. 295, и № 26, стр. 375, столб. 2-й.

201. I, Budae, 1795. 8.

202. Versuch einer Geschichte von Krain». 2 Theile. Laibach, 1788—91, 8.

203. «Erste Linien eines Versuchs über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Meinungen und Kenntnisse». Leipz. 1789, 8.

204. «Nach den Gesetzen der Gesellschaft durfte ich mich in keine Controvers mit ihm (Dobner) einlassen, auch Durich erinnerte mich, den alten würdigen, von ihm eben so, wie von mir geschätzten und verehrten Mann zu schonen. Ich konnte um so lieber von einer literarischen Fehde abstehen, als sich hoffen liess, Durich selbst würde einst diesen Gegenstand in seiner Bibl. slau. in's gehörige Licht setzen und ganz erschöpfen». Glag., 2-te Ausg., S. 22.

205. Въ И. Г. Р. Карамзинъ, въ 267 примѣч. 3-й главы I-го тома (сжатаго изд., стр. 69—70), представляетъ содержаніе Добнерова изслѣдованія о Глаголитикѣ и свои замѣчанія на него, которыя по тому времени очень и очень хороши.

206. Это мнѣніе найдено Добровскимъ въ дополненіи къ одной статьи его «Bibliotheca slavica antiquissima dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis», vol. I, оставшейся безъ заголовки. Glagolitica. S. 42.

207. Онъ, въ сочиненіи своемъ: «In originem et historiam alphabeti slavonici Glagolitici, vulgo Hieronymiani disquisition», Venetiis, 1766, 8, доказывалъ появленіе Глаголитскихъ письменъ задолго до Р. Х., изобрѣтенныхъ какинъ-то Фригійцемъ

Фенизиѣмъ (Славяниномъ, по тому что Фригійцы, по его мнѣнію, Славяне) (pag. 56), употреблявшихся, подъ именемъ рунъ, Гетами или Готами (тоже, какъ онъ полагаетъ, Славянами).

208. *Dobrowsky's Glagolitica*, S. 43.

209. Тамъ же, стр. 43.

210. *Götting. gel. Anzeigen* 1837, Nr. 33—36, въ разборѣ Копитаровой «*Glagolita Clozianus*». Шафарикъ въ «*Ramátky hlaholského písemnictví*»,—str. 8—24.

211. Объ этомъ сходствѣ начертанія нѣкоторыхъ рунъ съ Глагольскими еще точнѣе говорить онъ въ выискѣ, приводимой Добровскимъ въ своей *Glagolitica* (S. 44—45): «*Quisquis solam varietatem literarum Runicarum, quibus glagoliticis adeo similes immo easdem esse Grubissichius mauult, apud Wormium p. 6. in tabula, collectam pensi habuerit, non adeo difficilis erit ut in eandem mecum opinionem deducatur substantiam ductuum in literis Cyrillicis et Glagolicis eandem esse diversitate quadam ad solam reductionem linearum curuarum in rectas et subinde geminatas pertinentes*» etc. *Durich* 1, 462. *Collect. an. 1783*.

212. *Lepsius* (Rich.): «*Ueber die Anordnung und Verwandtschaft des Semitischen, Indischen, Aethiopischen, Alt-Persischen und Alt-Aegyptischen Alphabets*», въ «*Abhandlungen der königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, aus dem Jahre 1835*». Berl. 1837, *Historisch-philosoph. Klasse*, S. 177—227, и отдѣльно 1836, S. 76—80.

213. Pag. 76 и слѣд. Что до Фришевой Рѣчи, то она въ 4-ку, всего 19 стр. Замѣчательно, что тутъ уже встрѣчаемъ изображеніе Глаголическихъ буквъ (въ таблицѣ къ 9-й стр.), большихъ и малыхъ, въ печати и рукописяхъ употребляемыхъ, съ означеніемъ произношенія и объясненіями разныхъ сокращеній и т. п. Это уже третья попытка представить Глагольскую азбуку отдѣльно: первая, по словамъ сочинителя, принадлежитъ Вальвазору (in «*Torographico-historica descriptione Ducatus Carniolae*» II, p. 346), который, однако, «*omisit multa, quae in genere ad Characteres Glagoliticos, in specie vero ad scriptorum typis Ungnadianis editorum, faciliorem editionem pertinent*»; вторая Стредовскому, взявшему ее у перваго «*et historiae Cyrilli et Methodii inseruit, sed nec omissa supplevit, nec errores correxit*». При составленіи своей таблицы, Фришъ пользовался, сверхъ егѣхъ азбукъ, Новымъ Завѣтомъ, издан. Труберомъ, въ Тибингенѣ 1562, его же Посталлою, и Молитвой Господней, напеч. Ан. Миллеромъ въ «*Centuria versionum Orationis Dominicae*» (p. 56), выписанной изъ одного рукописнаго Катихизиса, наход. въ Ве-

неци. Въ заключеніе нечисляетъ извѣстныхъ ему Глаголическія печатныя книги, которыя, кромѣ упомянутыхъ уже двухъ изданій Трубера, суть: «Praecipui Fidei christiani articuli e locis Theologicis Philippi Melanchthonis. Tubingae 1562; Abecedarium, cujus titulus est: Tabla za ditzu s glagolskimi sslowi tschitati», etc., безъ объясненія, говоритъ Фришъ, произношенія и сокращеній, но съ указаніемъ числительнаго значенія буквъ, и страницей складовъ; недостаетъ также 3-хъ знаковъ, встрѣченныхъ въ Тибенгенскихъ изданіяхъ; и, наконецъ, пятая книга, соединенная, однако, съ предыдущей, Катихизисъ, перев. Стефана Консула, вышедшій тоже въ Тибенгенѣ, 1561 г. (р. 17—19).

214. *Лейбницъ* тоже называетъ выдумкой, хоть безъ всякихъ подробныхъ доводовъ, приписаніе изобрѣтенія Глаголическаго письма Иерониму: «Alphabeta hodierna Europaе omnia ex latinis formata sunt, demtis duplicibus Slavonicis, uno, *Cyrillico*, altero, ut parum apte vocant (glagola enim linguam significat) *Glagolico*. Male hoc posterius nonnulli auctori S. Hieronymo gente Illyrico tribuunt, falsa persuasione linguam veterem Illyricam ex Slavonicarum gente fuisse». «Dissertatio de variis linguis» etc. Кромѣ того и другіе современные ученые, особенно занимавшіеся изслѣдованіемъ о переводѣ Св. Писанія на разные языки, точно также отзываются объ этомъ, на прим.: *Фабрицій* (въ своей «Bibliotheca Graeca», vol. VII, pag. 682): «Solet etiam Chrysostomus a quibusdam venditari auctor versionis Armenicae Bibliorum, sed quam non minus quam *Slavonicam Hieronymo* tributam *chimaeris* accensere licebit». И.и.: (lib. IV, р. 79): «Quae de antiqua *Slavonica* sacrorum bibliorum versione ad *Methodium* vel *Cyrillum* aut *falso* etiam ad *Hieronymum* auctorem relata plerique narrant, de industria praetereo». *Мелонъ*, по замѣчанію Коля (pag. 62, not.), подробнѣе прочихъ изложившій исторію мнѣній о происхожденіи перевода Свящ. Писанія на Славянскій въ сочиненіи своемъ: «Bibliotheca sacra» (tom. I, ed. Paris. 1723, fol., Art. VI, pag. 453, Sect. 1.), и доставившій ему нѣсколько даяныхъ («a quo nonnulla prout opus ac visum est mutuabimur», pag. 57), въ заключеніе своихъ изслѣдованій, вынужденнымъ нашелся повторить только слова Бальбина (см. ниже, примѣч. 236).

215. «Да простятъ мнѣ всѣ великіе и малые толкователи лѣтописей и легендъ за мою дерзость противъ историческихъ предразсудковъ. *Въ меня вселмась искусительная недовѣрчивость къ авторитетамъ писателей*» (Критич. изслѣдованія объ исторіи Болгаръ, стр. 58).

216. L. *Tubero*, Comment. de temporibus suis, l. I, §. 6. «At-

que inde conjicio *Slavenos et Gothos eandem esse nationem.*» — «Nostro quoque tempore Rhagusanae matronae, cum ancillis *Slavenae* nationis succensent, *eas Gothas* appellant». — *Thom. Archid. Historia Salonitana*, с. V: «Coeperunt autem habere proprios Duces et quamvis pravi essent et feroces, tamen christiani erant, sed rudes valde, *Ariana* etiam erant *tabe* respersi. *Gothi a pluribus dicebantur* et nihilominus *Sclavi sunt secundum proprietatem nominis.*» — «Dux *Gothus*, qui toti praeerat *Sclavoniae*, coadunato magno exercitu descendit.» — Cap. XV, an. 1074: «Mittere statuit (Papa Alexander) ad extirpandum schismatis fomitem de partibus Sclavoniae. Itaque Cardinalis ad illas partes adveniens, ipsum pseudo-Episcopum (Celedam), coram *suis Gothis* durissime increpavit». Последнее объясняет все дѣло. Далматскіе Славяне Православнаго Исповѣданія для Католиковъ и ихъ писателей были и суть *schismatici Gothi*, по тому что живутъ въ тѣхъ земляхъ, въ коихъ прежде довольно долго жили Готы Аріане, вышедшіе оттуда въ Италію и столько памятные обитателямъ ея. По этой же причинѣ *Феофилактъ Симоката* и *Фотій* величаютъ насъ Готами, равно какъ и *Дуклянецъ* (Dioceas presbyter), отнюдь же не по тому, чтобы Латинцы смѣшивали Глагольскія буквы съ Готскими. Въ смыслъ Отцевъ Салонскаго Собора отвѣчалъ и папа Александръ III-й: «Propter Arianos inventores Litteraturae hujusmodi.» Иное дѣло мнѣнія позднѣйшихъ ученыхъ, на прим., *Грубишича*, который, съ своей точки зрѣнія, толкуетъ и самыя слова сихъ Отцевъ (pag. 40) «Itaque Slavonicae illae literae, quae Hieronymo tribuntur, forte non immerito gothicae ab Archidiacono (Spolitano Thoma) appellantur quin si illas accurate consideremus, gothicis, seu runicis illis, quarum frequens vestigium in Septentrione, atque adeo in Italia ipsa, occurrit magna ex parte similes esse comperiuntur».

217. Изданной, подъ моиѣмъ надзоромъ, на иждивеніи Болгарина, Н. Н. Денкоглу, въ 1849-мъ году, подъ названіемъ: «Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгаръ, съ прихода Болгаръ на Тракійскій полуостровъ до 968 года, или покоренія Болгаринъ Великимъ княземъ Русскимъ, Святославомъ». Москва, стр. 8, 342.

218. Видно, по сему, что Венелинъ вовсе не читалъ жизнеописанія Климента, говоря, что оно умножено статьей о Кириллѣ и Меѳодіи.

219. Въ «Исторіи Болгаръ», стр. 120, говоря о важности путешествія по Болгаріи для собранія остатковъ древней ея письменности, между прочимъ и Болгарской Четь-Миней о Кириллѣ и Меѳодіи, Венелинъ прибавляетъ: «Если я не возмогу вырваться изъ моихъ обстоятельствъ, чтобы имѣть возможность достиженія сей цѣ-

ли, чего уже столько лѣтъ такъ сильно желаю, то, по крайней мѣрѣ, вызываю къ сему благородному путешествію всякаго, желающаго обогатить отечественную Исторію новыми приращеніями. Неужели въ XIX столѣтіи не найдется никто, который бы имѣлъ довольно любопытства для совершенія сего предпріятія? Неужели не найдется другой Румянцовъ? Извѣстно же, что онъ, по окончаніи ученія въ 1829-мъ, получивъ, въ 1830-мъ году, себѣ дипломъ на званіе лѣкаря, отправился уже въ Болгарію на счетъ нашей Академіи Наукъ. Статья, поименованная въ «Спискѣ рукописныхъ сочиненій Венелина», въ концѣ 2-й части «Историко-критическихъ изысканій (названія, общаго для обѣихъ частей, даннаго въ послѣдствіи), подъ ч. 34-мъ: «Славянскій алфавитъ, и опроверженіе мнѣній объ изобрѣтеніи его Кирилломъ и Меѳодіемъ», 26 стран., составляетъ только извлеченіе изъ сказаннаго имъ подробно въ «Исторіи Болгаръ», напечатаннаго, если не ошибаюсь, въ «Отеч. Запискахъ», 1839 г., Томъ II, стр. 36 и слѣд., и переведеннаго на Сербскій. *Д. Тиромъ*, 1841, въ Бѣградѣ: «Доказывавъ, да су Славянски народи примили Христіанство іоштъ пре Кирила и Меѳодія», стр. 24.

220. Изд. также и отдѣльно.

221. Оно такъ и есть, по тому что о другой какой-то азбукѣ, древнѣйшей еще Глаголицѣ, и самые поклонники послѣдней ничего не знаютъ, равно какъ и противники Кириллицы, если не считать Храбровы чѣрты и рѣзи, а также и тѣ знаки, которые, по Литмару Межборскому, находились на Петрійскихъ истуканахъ, относящимися сюда, такъ какъ во всѣхъ ихъ нѣтъ прямой рѣчи о знакахъ, въ смыслѣ нашихъ буквъ. Въ Литмарѣ читаемъ: «interius . . . dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis» (VI, 17); а о рукописаніяхъ Хорватовъ, приложенныхъ, де, къ договору сънапой тотчасъ послѣ крещенія (стало, прежде чѣмъ успѣли выучиться у Христіанъ какой либо грамотѣ): οὗτι οἱ Χρῶατοὶ, μετὰ τὸ αὐτοὺς βαπτισθῆναι, συνθήκας καὶ ἰδιόχειρα ἐποιήσαντο καὶ πρὸς τὸν ἅγιον Πέτρον τὸν ἀπίστολον ὄρκους βεβατοὺς καὶ ἀσφαλεῖς, ἵνα μηδέποτε εἰς ἄλλοτιαν χώραν ἀπέλωσι καὶ πολεμήσωσιν ἀλλὰ μᾶλλον εἰρηνεύειν μετὰ πάντων τῶν βουλευμένων. Chrobati siquidem post acceptum baptismum pepigerunt et *chirographis propriis* datis S. Petro apostolo iuraverunt, nunquam se alienam terram armis invasuros, sed pacem habituros cum omnibus volentibus.» *Const. Porphyg.* De admin. imp., с. XXXI, ed. Bonn. Наконецъ, въ Любушвиномъ Судѣ упоминаются «*deaky pravdodatné*».

222. «Ni fallor, colligendum erit, *Ethicum non post initium quarti saeculi fuisse natum*; tum vero cum his bene consentiunt, quae nos-

tro loco dicit: Histriam cruentissimis illis annorum 260 — 280 bellis devastatam, usque ad diem nativitatis suae incultam remansisse. Quare haud multum aberrare credimus a veritate, si circa annum hujus aerae trecentessimam natum fuisse Ethicum contendimus» (197).

223. «Constat autem vergente saeculo secundo haud semel Sarmatas atque Iazyges, non in Histriam dico et Pannoniam, sed in Italiam ipsam pervenisse» (p. 155).

224. «Scimus veteres scriptores notissimo more omnes fere gentes septentrionales, quae ab Histrio inde usque ad Riphaeos montes et mare Caspium habitabant Scytharum nomine designasse, ita ut uno vocabulo diversissimas nationes comprehenderent. Sic nomine illo appellantur Iazyges, Sarmatae, Sclavi, Geti, Gothi, Hunni etc., qui omnes minime ad eandem stirpem pertinent. Nam, ut brevibus quaestionem difficilimam absolvam, Scythae orientalibus nationibus adnumerandi sunt, ut Hunni et Mongoli, Iazyges vero Sarmataeque gentibus iis, quas Sclavos hodie vocitamus: has autem Histriam et Pannoniam incoluisse certum est» (pag. 153—154).

225. «Post saeculum quartum non solum Illyricum, verum etiam Dalmatia, Pannonia, atque Histria a Sclavis occupatae sunt» (pag. 156).

226. «Jam supra demonstravimus Cosmographiam Ethici intra annos 396 et 409 a Sancto Hieronymo translatae esse, neque vero eodem tempore ab Ethico conscripta est. Quod enim iam aliis ex causis veri simile est: ex ipsis translatoris verbis apparet, Cosmographiam complures annos ante illud tempus ab auctore compositam fuisse. Legimus scilicet pag. 500, v. 12: «quam ut a praecedentibus lectoribus errorem enigmatum illorum» etc., quare iam ante annum 396 liber Ethici et notus erat, et lectores sibi comparaverat» (pag. 196—197).

227. Въ 383 г. говорится: «Ipsa litterarum nomina apud varias Sclavorum gentes varie pronunciarum docet Grubissichius», вовсе не то, что совершенно несходство въ названіи. При томъ, Грубичъ говоритъ только о различіи въ произношеніи названій буквъ, а не самихъ названій, которыя у всѣхъ Славянъ для Кирилловскихъ и Глагольскихъ буквъ были и есть одинаковы во всё времяна.

228. Такъ приведены имъ тутъ явные противники древности Глаголитики и составленія ея Іеронимомъ: Фришъ, Коль, Ассемани, Добровскій и другіе, писавшіе, одинъ за другимъ, противъ такого мнѣнія, а прежде нихъ Белларминъ (De verbo Dei, lib. II), Анс. Бандуря (въ Notae ad Const. Porphyg. de adm. imp.) и Бальбинъ (Miscell. Regn. Boh., Dec. I, lib. II, c. 23).

229. Не смотря на стараніе сочинителя быть полнымъ въ этомъ, все таки пропущены имъ тутъ: Дубравскій (Dubravius. Hist. Bohem.

С

l. I.), Иорданъ (Orig. Slav. P. I, с. 54), Стредовскій (Sacra Moraviae hist. l. II, с. 6), Коменскій (Amos Commenius, Histor. Frat. Bohem., ed. Hal. 1702, p. 4), Лупачъ, Велеславина и др.

230. Отъ 16-го октября, 1853 года, изъ Праги.

231. «Sed de Ethico et vita eius alio tempore disputabimus. Restat enim, ut, quantum fieri potest, exponamus, quid de auctore ipso et de libris eius nobis statuendum sit. De his autem atque aliis multis, quae huc pertinent, iudicium certum edere tum demum valebimus, quum libris aliquot melioribus inspectis, sanio rem Cosmographiae textum constituerimus» (p. 197).

232. «Cosmographiam Aethici Istrici, ab Hieronymo ex Graeco in Latinum breviarium redactam, secundum codicem Lipsiensem, separato libello expressam, primum edidit *Henricus Wutke*. Accedunt duae tabulae. Lipsiae MDCCCLIII (8-0), но на оберткѣ «1854», равно какъ и въ торговлѣ только въ послѣднемъ годѣ появилось. Самому изложенію (1 — 85) съ «Glosse, Randschriften der wolfenbüttler Handschrift, Lesarten und Register» (87—128), предпослано: I) «Einleitung», въ которомъ говорится: «Ueber den Inhalt und Werth der Bücher des Aethikos; Fragmente des Aethikos (VI—LXXVII); II) Ueber Aethikos (CCII); III) Ueber Hieronymus, dem Bearbeiter des Aethikos (CII—CXVII); IV) Von den Handschriften und von dieser Ausgabe (—CXXXII).

233. См. выше прилѣч. 96.

234. Напечатано въ Ж. М. Н. П. 1836 года, Част. XXIII, Отд. IV, стр. 17—30.

235. Изъ конхъ нѣсколько разъ «папа» вполне и сокращенно, разъ «но папа» (папа Иоаннъ VIII?), разъ «Кирилл», и разъ «свадьскогъ жыраштъ», что прямо указываетъ на Сербя.

236. Начало Мартирологія на 3-мъ листѣ: «Incipit libellus de festiuitatibus sanctorum apostolorum et reliquorum, qui discipuli aut vicini successoresque ipsorum apostolorum fuerunt». Romae natalis beatorum apostolorum Petri et Pauli, qui passi sunt sub Nerone» etc.

237. Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія послѣдующимъ словамъ Храбра, по конхъ Кириллъ къ Греческимъ прибавилъ еще «четыри надесать по Словянскоу мѣстоу», по тому что въ исчисленныхъ за тѣмъ поименно буквахъ стоитъ ѿ, а въ словахъ, для которыхъ нѣтъ знаковъ въ Греческой азбукѣ, приведено слово ѿ, слѣдовательно, одна изъ нихъ должна быть лишней въ Кирилловской азбукѣ, А какъ а) древнѣйшее начертаніе ѿ есть ѿт; б) ѿ не знаетъ

Новобулгарскій языкъ, ближайшій въ етомъ судья, и в) ш есть то же ш+у, звукъ, преимущественно любимый Рускими нарѣчїями, то и надобно допустить, что первоначально Кирилль едва ли изобрѣталъ его, т. е., на Фракійскомъ полуостровѣ, гдѣ онъ не могъ слышать его, но могъ легко прибавить онъ, или братъ его, Меѳодій, или же кто либо изъ сотрудниковъ и учениковъ, въ послѣдствїи, въ Великоморавской Державѣ, гдѣ етотъ звукъ уже замѣтенъ больше, меньше въ устахъ Славянскихъ народовъ, составлявшихъ ее, особливо сосѣдей ихъ, Рускихъ и Поляковъ. А какъ онъ послѣдними двумя употребляется тамъ, гдѣ первыми шт, то естественно, вѣсто того, чтобы отыскивать для него какой либо другой знакъ, стоило только первую изъ сочетаемыхъ (ш+т), какъ характеристическую етого звука, отличить чѣмъ либо, что легче всего можно было сдѣлать, проведши среднюю черту ея нѣсколько ниже. Если же видѣть въ ней Коптскую букву, то и ето Кириллу, какъ знатоку языковъ (и при томъ Египеть въ іерархическомъ отношенїи всегда состоялъ въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Царьградомъ), легко было тогда сдѣлать, тѣмъ болѣе, что Коптская азбука—та же Греческая, только приспособленная къ свойствамъ Коптовъ. Въ послѣднемъ случаѣ нужно было только изъ етой Греко-Коптской азбуки перенести ее въ Славянскую.

238. Уже Бальбинъ въ своихъ «Notae historicae in «Vitam et passionem S. Ludmillaе et S. Principis Wenceslai», a Christanno scr.», думалъ, представляющееся тутъ, противорѣчіе, согласить такимъ образомъ: «Cognisse omnibus omnino litteris Slavicis gentes, ad usque S. Cyrilli tempora, difficile est dicere (слѣдуетъ свидѣтельство о томъ изъ Гайка); nihilominus gravissima Christanni autoritas, alteram sententiam (quae S. Cyrillum aut Methodium inventorem Slavicae literaturae facit) reddit probabilem; idem sensit Lupacius, idem uetus illa narratio, de conversione Carentanorum, nisi quod S. Methodium ejus scripturae facit authorem. Conciliari sententiae possunt, si dicamus: quamvis antea Slavi, ac potissimum Bohemi, litteras habuerint, novam tamen et commodam scribendi rationem invenisse Sanctos Cyrillum et Methodium, ac fortasse illa erit, quam nunc Rutheni alique Slavica lingua utentes Graeci ritus sacerdotes sequuntur; quales litterarum notae in Coenobio Slavorum Praegae, pueri quondam legebamus, qualesque alicubi ex vetustis inscriptionibus attulit Paprocius (in «Diadocho»), suntque in vetustis quibusdam Bibliothecis libri ejusmodi generis scripturae constantes». По томъ упоминаеть о приписывающихъ изобрѣтене Славянскихъ письменъ Іерониму и отвергающихъ то, Кромеръ, Христанъ и другихъ, и заключаетъ: «Quid ipse potissimum sequar,

nescio, in *Christanni* tamen et *Cromeri* sententiam inclino, praesertim, cum non satis constet, an S. Hieronymi temporibus (anno post Christum natum 400) Slavi Illyricum, eaque loca tenuerint». См. «*Epitome historica rerum Bohemicarum*». Pragae MDCLXXVII, fol., pag. 77—78. А. Фойтцъ, разбирая въ своемъ изслѣдованіи («*Untersuchung über die Einführung der Buchstaben*» u. s. w.), разныя предположенія о происхожденіи Славянскихъ письменъ, такъ выразилъ его мнѣніе (§. VI, S. 177): «Der andere Einwurf besteht darinn, dass, wenn man ja den angeführten Schriftstellern (§. IV) zufolge, den beyden Aposteln der Slaven, in Ansehung der slavischen Buchstaben, etwas zugestehen müsse; *solches doch keine Erfindung im eigentlichen Verstande, sondern nur eine Vermehrung, Verbesserung und bequemere Einrichtung derselben gewesen seyn*».

239. *Фришъ*, въ упомянутомъ выше сочиненіи своемъ.

240. *Коль*, см. его мѣсто, приведенное вполнѣ выше.

241. Писатели, говорившіе о нашемъ предметѣ кстати, но не вдававшіеся ни въ какія подробности и розыски, а большею частью принимавшіе одно изъ извѣстныхъ уже имъ мнѣній, сколько могу припомнить теперь, суть, изъ *Рускихъ*: М. Т. Каченовскій, въ статьѣ: «О Славянскомъ и въ особенности Церковномъ языкѣ», въ VII-й части «Трудовъ Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ». Москва, 1817, стр. 13. Онъ уже пользуется Житіемъ Меодія и Кирилла, помѣщеннымъ, въ «Книгѣ Житій Святыхъ», подъ 11-мъ мая, и доказываетъ, что буквы сдѣланы Кирилломъ, а переводъ Св. Писанія совершенъ на старинное Сербское нарѣчіе, которому тотъ и другой выучились еще въ Солуни и ея окрестностяхъ, слѣдовательно, на тотъ языкъ, которому имѣли случай научиться, начавъ его (переводъ) въ Константинополѣ и покончивъ въ Моравіи: «*Кирилль, составивши буквы для всѣхъ звуковъ Славянскихъ, трудился съ братомъ своимъ надъ переложеніемъ съ Греческаго языка тѣхъ самыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, которыя донныи употребляются Славянами православнаго восточнаго исповѣданія, обитающими въ Босніи, Сербіи, Венгріи, Булгаріи, Польшѣ, Россіи*».—Баронъ *Розенкамль*, въ «Обзорѣніи Кормчей книги» (Моск. 1829 г.), стр. 44: «Въ царствованіе Василія Македонянина и Льва Мудраго введены были у Болгаръ Славянскія письмена».—Н. П. *Гречъ*, въ «Опытѣ исторіи Руской литературы» (Спб., 1822), весьма замѣчательною по своему времени богатствомъ матеріаловъ, которымъ по сю пору ни одна изъ появившихся послѣ Исторіи нашей Словесности не могла превзойти

его Опыта, § 14, стр. 17—18: «Братья *Меводій* и *Константинъ* (въ монашествѣ наименованный Кирилломъ), жившіе около половины IX вѣка, уроженцы Греческаго города Солуня (нынѣ Салоника), *были изобрѣтателями церковныхъ буквъ Славянскихъ*. Первый изъ нихъ посланъ былъ Греческимъ Императоромъ Михаиломъ III въ страны, населенныя Славянами, и выучился тамошнему языку, а послѣдній, воспитанный при Цареградскомъ Дворѣ, былъ Священникомъ, Библиотечаремъ при Софійской Соборной церкви въ Константинополѣ, и Учителемъ Философіи. Около 863 года, Моравскіе Князья Ростиславъ, Святополкъ и Коцель просили прислать къ нимъ изъ Константинополя Христіанскихъ учителей. Къ нимъ отправлены были братья Меводій и Константинъ. *Они изобрѣли Славянскую азбуку* (названную въ послѣдствіи, по имени послѣдняго изъ нихъ, *Кирилловскою*), составивъ оную изъ буквъ Греческихъ, къ коимъ присовокупили изображенія звуковъ, свойственныхъ языку Славянскому (ѡ, ж, џ, ш, ѣ, ѡ, ѡ, ю, ш, ж). Потомъ перевели они съ Греческаго языка Апостолъ, Евангеліе, Псалтырь, Октоихъ и другія нужнѣйшія для церковной службы книги на одно изъ нарѣчій Славянскаго языка, которое въ тѣ времена къ Рускому было гораздо ближе, нежели нынѣ. Слустя 18 лѣтъ, въ «Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ» (Спб. 1840), встрѣчаемъ то же, но уже съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, стр. 77—78: «Славянская азбука, составлена въ *половинѣ IX вѣка*. Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель, просили Греческаго Императора прислать къ нимъ христіанскихъ учителей. Онъ отправилъ къ нимъ двухъ братьевъ, Меводія и Константина (въ монашествѣ Кирилла), уроженцевъ Солуня, жившихъ посреди Славянъ, которые распространились съ VI вѣка въ областяхъ Имперіи. *Они не изобрѣли, а составили Славянскую азбуку*, названную, по имени послѣдняго изъ нихъ, Кирилловскою. Главнымъ основаніемъ ея былъ алфавитъ Греческій, къ которому они прибавили буквы: ѡ, ж, џ, ѡ, ѡ изъ армянскаго, ш и ѣ изъ еврейскаго и коптскаго, ѡ, ѡ, ѡ, ю, ш и ж. Эта азбука, съ нѣкоторыми переѣнами, урѣзками и прибавками, существуетъ у насъ понынѣ. Ей обязаны мы возможностью выражать большую часть звуковъ голоса человѣческаго, которые, въ языкахъ, имѣющихъ азбуку латинскую, изображены быть не могутъ. Неудобства ея произошли, во-первыхъ, отъ того, что составители ея слишкомъ близко придерживались азбуки Греческой, и ввели въ нее многія буквы лишнія, на пр.: *ѡло, і, икъ, ижмицу, кси, пси*; во-вторыхъ, для насъ есть въ ней нѣкоторые недостатки, происшедшіе отъ того, что она составлена не для русскаго, а для другаго

нарѣчія славянскаго, близко подходившаго къ нынѣшнему сербскому. Есть еще одна славянская азбука, *Глаголитская*, или букваца, которой изобрѣтеніе католики приписываютъ Иерониму, жившему въ IV вѣкѣ, но это также *Кирилловская*, только обезображенная вычурными украшеніями, которыя придуманы Западнымъ Духовенствомъ въ XIII вѣкѣ для Далматовъ: это родъ Грамматической уніи». — Н. А. Полевой, въ 1-мъ томѣ «Исторіи Русскаго народа» (Москва, 1830), въ изложеніи, стр. 95—96: «Они (Греческій Императоръ, Патріархъ Фотій и Василій, любимецъ и соправитель Михаила) рѣшились избрать проповѣдника, знающаго Славянскій языкъ, который могъ бы изъяснить Славянамъ Священное Писаніе на ихъ природномъ языкѣ, переведа оное съ Греческаго. Окрестъ Селуня, родины Василя, жило множество Славянъ, *Сербскаго поколѣнія*, и жители Селуня хорошо знали языкъ ихъ поселенцевъ. Монахи, *Кирилль* и братъ его *Меводій*, урожденцы Селуня, мужи ученые и мудрые, отправлены были въ Моравію. Еще въ *Царыградѣ* начали они переводъ Евангелія, и увидѣли необходимость, для выраженія звуковъ Славянскаго языка, прибавить къ Греческой азбукѣ нѣсколько буквъ, упростивъ начертаніе другихъ. Событіе важное, ибо *здесь начало Славянской азбуки и Церковно-Славянскаго языка*, который, будучи въ основаніи древнимъ *Сербскимъ*, для выраженія великихъ таинствъ и велелѣпія Библейскаго языка, преобразенъ былъ по Греческимъ формамъ. Разумѣется, что такой языкъ не могъ быть совершенно понятенъ всѣмъ Славянамъ, говорившимъ уже отдѣльными нарѣчіями, но онъ былъ для нихъ вразумителенъ: книги Св. Писанія приводили въ восторгъ Славянъ, и были приняты въ Булгаріи, гдѣ жители, потерявъ уже свой первобытный языкъ, говорили испорченнымъ Славянскимъ нарѣчіемъ (?). Въ примѣчаніи 68: «Булгарскій языкъ былъ самый испорченный Славянскій; но Булгары писали на Церковномъ языкѣ. Переводъ Библии, сдѣланный для Моравовъ Кирилломъ и Меводіемъ, былъ принятъ Булгарами (ссылка на Калайдовичевъ Ю. Екс. Болг.). А въ «Дополненіи», въ статьѣ IV: «О Церковно-Славянскомъ языкѣ и составленіи Славянской азбуки,» о послѣдней говоритъ и того меньше, замѣчая только, что «письмена для Славянскихъ звуковъ изобрѣтены были въ IX вѣкѣ, когда Христіанская вѣра была введена между Славянами». Ниже: «Славянская азбука была составлена двумя Греческими проповѣдниками». Касательно же языка, на который переведено было Св. Писаніе, представляетъ два рѣшенія, изъ коихъ по первому: «Славяне въ IX-мъ вѣкѣ говорили хотя и отдѣльными нарѣчіями, но различія между оными не были еще весьма

велики. Славянскіе обитатели Греціи, Сербіи, Булгаріи весьма сходствовали въ языкахъ своихъ. На сей-то языкъ переведено Св. Писаніе, и потому языкъ Церковныхъ книгъ есть самый близкій къ первоначальному Славянскому языку, и древнѣйшій изъ всѣхъ различій Славянскихъ языковъ; а по второму: «переводъ начать былъ Греческими проповѣдниками въ Царьградъ; оны знали Славянское нарѣчіе своей родины, Селуня; окрестъ Селуня жили **Сербы**, слѣд. переводъ сдѣланъ былъ на **Сербскій языкъ**. Дѣйствительно, изъ всѣхъ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчій ни одно столь близко не подходитъ къ языку церковныхъ книгъ, какъ *нынѣшнее Сербское* (?), потому что Сербы точно жили окрестъ Селуня, и слѣд., Кириллъ и Меѳодій должны были знать Сербское Славянское нарѣчіе; также, что оны начали переводить Св. Писаніе въ Царьградъ, еще до отбытія на свою Паству, на все это есть историческія свидѣтельства. И такъ, въ пользу *второго рѣшенія* мы находимъ убѣдительныя доказательства; въ пользу *перваго* остаются одни предположенія. Церковный Славянскій языкъ никогда и нигдѣ не былъ народнымъ, разговорнымъ, но составленъ, или, такъ сказать, *изобрѣтенъ* Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ для перевода Св. Писанія; при чемъ взяли они въ основаніе *древній Сербскій языкъ*, но преобразили его по Греческимъ формамъ, измѣнили, выдумали слова, слѣд., Церковный Славянскій языкъ долженъ быть почитаемъ особымъ книжнымъ языкомъ, ни къ какому нарѣчію, а также къ первоначальному языку Славянъ, вовсе не принадлежащимъ. Самая азбука Славянская была списокъ съ Греческой, гдѣ много буквъ находилось излишнихъ (какъ-то: *зело, и, оу, нивъ, отъ, юсъ, двойное о, я, пси, пси, фита, гжица*), и нѣкоторыхъ недоставало (какъ-то буквы для звука ё)» (стр. 336—339).—Сочинитель «Россіи въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» (Спб. 1837.), во 2-й части «Исторіи», разбирая, въ главѣ III-й, «военныя и политическія отношенія Западныхъ Славянъ къ Франкскому Государству, во время Карла Великаго и его наследниковъ до 862 года», касается, въ §. 2-мъ, Чеховъ и Моравцевъ, и замѣчаетъ (стр. 231—232), что «Ростиславъ, въ угодность волѣ народной, желая избавиться отъ вліянія ненавистныхъ *Славянамъ* Франковъ и вообще Германовъ, вознамѣрился заключить тѣсный союзъ съ Восточною Имперією и обитающими на ея границахъ *Славянами*, между которыми уже было много Христіанъ. Ростиславъ уприсилъ Императора Михаила (между 861 и 863 года) прислать къ нему наставниковъ въ Христіанской Вѣрѣ, для крещенія на ода и обученія чтенію Священнаго Писанія. Въ это время прибыли въ Моравію зна-

меняты въ Исторіи Славянскаго просвѣщенія мужи, Кириллъ и Меѳодій. Объ ихъ подвигахъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь должны объявить предварительно, что мы не вѣримъ, будто до *изобрѣтенія Славянскихъ буквъ* этии проповѣдниками истинной Вѣры Моравцы были народъ безграмотный. Моравскіе князья были въ безирерывныхъ торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ, то съ Восточною Имперіей, то съ Франками, а потому безъ всякаго сомнѣнія и гражданственность была развита въ почетномъ сословіи народа до той степени, что они знали употребленіе письменъ и условія тогдашней Дипломатики». А въ IV-й части, главѣ 1-й, §. 2-й (стр. 17—20): «Ислѣдовавъ важнѣйшее, что было писано нашими Славянскими учеными на счетъ изобрѣтенія Славянской азбуки, мы думаемъ объ этомъ слѣдующее. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у Славянъ были *руны*. При распространеніи умственныхъ потребностей и по введеніи Христіанства у Адриатическихъ Славянъ, изъ *рунь* или буквицы составили правильную *Азбуку*, которая нынѣ называется *Глаголитскою*. Изобрѣтеніе этой Азбуки приписывается Святому Иерониму (Мы не утверждаемъ, что она точно изобрѣтена Иеронимомъ, но вѣримъ, что эта Азбука *древнѣе* Кирилловской, потому именно, что очертанія буквъ ея приближаются болѣе къ письму руническому, и что Далматы, просвѣтившись гораздо прежде другихъ Славянъ, должныствовали имѣть прежде свои письмена.). Прежде ученые мужи не вѣрили, чтобъ эта Азбука была древнѣе изобрѣтенной Кирилломъ, а Шлецеръ бранить безпощадно тѣхъ, которые осмѣлились принимать это предположеніе. По прилежномъ и хладнокровномъ изслѣдованіи дѣла, весьма многіе Славянскіе ученые возвратились къ прежней мысли, и самъ почтенный Копитаръ, одинъ изъ главнѣйшихъ противниковъ древности Глаголитскихъ письменъ, нынѣ признаетъ, что они древнѣе Азбуки, изобрѣтенной Кирилломъ (Мы вѣрили въ это прежде нежели получили новое сочиненіе Копитара, *Glagolita Clozianus etc. Vindob. 1836*). Но *Кириллъ и Меѳодій*, впрямую, изобрѣли для той новой Азбуки, что *Глаголитскія буквы слишкомъ кудрявы для скоротиси*. Притомъ же, въ то время, эти письмена были недостаточны для предпринятаго труда, а потому для большаю *сближенія Славянской грамоты съ Греческой*, *Кириллъ и Меѳодій* должны были составить новую Азбуку, по образцу Греческихъ буквъ, и недостающія буквы взяли изъ Греческой Азбуки и изъ древнихъ *руновъ Славянскихъ или чертъ* (т. е. начертаній) и *ръзовъ* (т. е. наръзаній на деревѣ), о которыхъ говоритъ монахъ Храбръ. Очертаніе буквъ Славянскихъ, въ послѣдствіи измѣнилось, какъ-

то видно изъ прежнихъ рукописей, и нѣкоторыя буквы нынѣ вовсе отброшены, но основаніе осталось древнее. Константинъ жилъ около четырехъ съ половиною лѣтъ въ Моравіи, отправился въ Римъ, вступилъ въ монашескій чинъ, прозваннаго Кирилломъ и скончался около 871 года. Меѳодій, возведенный въ санъ Архіепископа Моравскаго, продолжалъ трудиться надъ утвержденіемъ Христіанства, почти 30 лѣтъ, и умеръ около 899 года». На послѣдокъ (стр. 22—23): «По нашему мнѣнію, наши Церковныя книги писаны языкомъ, который былъ въ употребленіи у Славянъ, поселившихся въ Греціи, въ окрестностяхъ Селуня, а это нарѣчіе приближалось болѣе къ Булгарскому и Сербскому, т. е. къ нарѣчію Южныхъ Славянъ. Нельзя сомнѣваться, что въ древности всѣ Славянскія нарѣчія болѣе нѣсли между собою сходства, но по нашему мнѣнію, они всегда (ицъ по крайней мѣрѣ, съ незапамятныхъ временъ) различались формою рѣчи и произношеніемъ. Переведенныя книги Кирилломъ и Меѳодіемъ могли быть понимаемы тогда всѣми Славянами, но усвоить ихъ могли только Адриатическіе Славяне, Сербы, Булгары и Южныя Славяно-Руссы, которыхъ языкъ былъ весьма близокъ къ нарѣчію Греческихъ Славянъ. Мы почитаемъ Дунайскихъ Славянъ переселенцами изъ Россіи, слѣдовательно и различіе въ нарѣчій между отдѣльными племенами не могло быть велико, въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ, особенно при частыхъ сношеніяхъ». Вообще сочинитель, при всѣхъ промахахъ, говоритъ довольно дѣльно о многихъ Славянскихъ предметахъ, даже такое, чего у другихъ не отыщешь, да и старое является нерѣдко въ новомъ, болѣе выгодномъ для себя, видѣ, и тѣмъ наводитъ на новыя соображенія, которыя, статья можетъ, и не пришли бы безъ того.—Въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (Моск. 1851) томъ 1-мъ, главѣ IV-ой, обозрѣвая «состояніе Европейскихъ народовъ, преимущественно Славянскихъ, въ эпоху призванія князей», сочинитель, между прочимъ, замѣчаетъ (91—92), что «въ Византіи, въ IX-мъ вѣкѣ, происходитъ важное явленіе: богословскіе споры, волновавшіе ее до сихъ поръ, прекращаются: въ 842 году, въ годъ востества на престолъ Императора Михаила, съ котораго нашъ лѣтописецъ начинается свое лѣтосчисленіе, созванъ былъ послѣдній, седьмой Вселенскій Соборъ для окончательнаго утвержденія догмата, какъ будто для того, чтобы этотъ окончательно установленный догматъ передать Славянскимъ народамъ, среди которыхъ въ то же самое время начинается распространяться христіанство; тогда же въ помощь этому распространенію является переводъ священнаго писанія на Славянскій языкъ, благодаря святой ревности Кирилла и Меѳо-

дія. По слѣдамъ знаменитыхъ братьевъ обратимся къ нашимъ западнымъ и южнымъ соплеменникамъ, судьбы которыхъ должны обратитъ на себя наше особенное вниманіе». И точно (исправивъ, во второмъ изданіи 1854 года, важную ошибку касательно времени послѣдняго Вселенскаго Собора), сочинитель, очеркнувъ состояніе и отношеніе Чеховъ съ V-го вѣка къ Германцамъ, Франкамъ, Аварамъ, переходитъ къ состоянію Моравскаго государства, о которомъ основательно говоритъ (стр. 95—96), что «князь Моравскій долженъ былъ понимать, что для независимаго состоянія Славянскаго государства прежде всего была необходима независимая Славянская церковь, что съ Нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости Славянъ, что съ Латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только со вѣвшей, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князь Моравскій долженъ былъ обратиться къ Византійскому двору, который могъ прислать въ Моравію Славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на Славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить Славянское богослуженіе и основать независимую Славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать Моравскому князю на этотъ путь; со стороны Византіи нечего было опасаться притязаній, подобныхъ Нѣмецкимъ: она была слишкомъ слаба для того,—и вотъ Ростиславъ посылаетъ въ Константинополь къ Императору Михаилу съ просьбою о Славянскихъ учителяхъ, и въ Моравію являютъ знаменитые братья—Кириллъ и Меѳодій, доканчиваютъ здѣсь переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и распространяютъ Славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи. Призывъ Кирилла и Меѳодія, полагаемый въ 862 году, совпадаетъ со временемъ основанія Русскаго государства, которому по преимуществу суждено было воспользоваться дѣломъ святыхъ братьевъ.—*Балудянскій* (Андрей), Карпаторусъ, Мукачевскій каноникъ и въ Унградскомъ Лицеѣ профессоръ Исторіи и Церковнаго права, въ «Исторіи церковной Новаго завѣта (въ Вѣнѣ, 1852, изд. 3-ье), въ 1-й главѣ III-го періода (800—1517 г.), хотя основывается, большею частью, на второстепенныхъ источникахъ или пособіяхъ, однако, о началѣ Христіанства у Славянъ, предлагаетъ довольно правильное понятіе, а о судьбѣ Православной Церкви въ Угріи, Галиціи и сосѣднихъ краяхъ, весьма любопытныя свѣдѣнія, доселѣ бывшія для насъ во многомъ неизвѣстными. Сочиненіе его написано нашимъ языкомъ и нашими буквами, съ небольшимъ оттѣнкомъ Малороссійскаго. О нашемъ предметѣ прямо утверждаетъ (стр. 168),

что «Кирилъ и Мессодій Славянь Апостоли изобрѣтенныя буквы Славянскія, которія про то кириллическія называются, въ Моравію приехали, и Мораво-Чехомъ ніякій предъ тѣмъ алфавитъ неизмѣнныи, передали. Кроімъ того с. писаніе и книги Грековъ литургическія, въ Славенскій языкъ переведенныя, въ больше образехъ переписать велѣли, по Моравіи распространили, и въ службу божію славенскій языкъ вовели, изъ которыхъ причины Славяне Моравскіи ихъ съ великою радостію и восторгомъ пріяли».—Изъ писателей прочихъ Славянъ: *Стоядковичъ* (Александръ, Сербъ), въ «Исторіи Восточно-Славенскогъ богослуженія и Куріллскогъ книжества кодъ Славена Западне цркви» (У Новомъ саду, 1847), такъ выражается, стр. 8—9: «Я тако мыслимъ, да народъ Христіанскій и не може бити безъ художества писаня, и за то, кадъ (когда) оно доказали, да єдина знаменита часть народа Србскогъ год. 640, т. е. на 200 и нѣколико година пре (прежде) св. Курілла и Мео. Христіанску вѣру принала, онда оно скупа (виѣсть) и то доказали, да є Србсьма художество писаня пре св. Кур. и Мео. на 200 и нѣколико година познато было. Ясніє да изложимъ нѣнїє мое: Србсьма су пре крштєна свога имали безъ сумнѣ свою языческую азбуку, но почемъ она Христіанскій законъ приє, то одна (тогда) истребленія такоє постане главнимъ задаткомъ Грчкомє духовенству, о томє стараємсе, да ничєга не заостанє, што би покрштєній народъ Србскій на преданїє свое языческо служенє опоминяло. Тако заведена буде кодъ (у) Србля Грчка азбука. Садъ (теперь) се њмь више появє, трудившисє ову за Славенско употребленіє успособствовати, можда (можетъ быть) гдикое писмо по шудїи и изъ языческе азбуке позаимавши. Овє о усавершенствованю Грчко-Славянске азбуке трудившесє мужєвє сматрати можемо као предтече Св. Курілла, *ком є истїй посао* (дѣлю) *срєтньо* (счастливо) *доврїю*, *речєну азбуку у такоє совршенство привєдши*, да она и данасъ (нынѣ) *предметъ удивленїя учєни сачинява*. И за то ова азбука, о кое усавершенствованю Св. Куріллъ има найвєтє (найбольшія) заслугє, доцлїє (послѣ) у земляма, по конїма є ояъ препмутьствєно проповѣдао и дѣйствовавє, названа буде Куріллова азбука или Куріллица». Въ другомъ мѣстѣ «Писменама є, говорисє (стр. 14), св. Куріллъ умѣсто Грчки или Финскїи, Славенска имена наделаю (надалъ). Но мы завѣроятнїє држїмо, да су то имена изъ старє языческо-народнє азбуке задржана». Сочинитель держитєся мнѣнїя земляка своего, Драгосавльевича и под. ему.—Извѣстный Польскій ученый, В. А. *Мацѣевскій*, въ «Исторіи первобытной Христіанской Церкви у Славянъ», переведенной по Руски Ор. Евецкимъ и напо-

чтанной въ Варшавѣ, 1840, возражая Копитару, говоритъ (стр. 34—36): «Мы не повторимъ словъ г. Копитара, утверждающаго, что Римско-Католическое духовенство изобрѣло Глаголитскую азбуку, древнѣйшую нежели Кирилловская, которая потомъ много содѣйствовала къ усовершенствованію Славяно-Церковной азбуки (стр. IX, XI, XXXII *Glag. Cloz.*). Точное свидѣтельство исторіи, что церковная азбука изобрѣтена Кирилломъ и Меѳодіемъ (*Epist. pap. Ioan. VIII*) прежде Глаголической, какъ это всѣ утверждаютъ, и что Славяне, которые издавна были подвѣдомственны Восточно-Католической церкви, и тѣ, которые перешли на лоно ея изъ язычества, употребляли при божественной литургіи книги, писанныя одними только Кирилловскими буквами, низпровергаетъ мнѣніе г. Копитара. Славяне, обращенные въ Римско-Католическую Вѣру до Кирилла и Меѳодія въ Каринтіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, могли употреблять при отправленіи богослуженія книги, написанныя другими какими нибудь письменами (на пр., Фрейзин. памятникъ); но чтобъ эти письмена были Глаголитскія, или чтобъ Кирилловскія отъ нихъ произошли, на это нѣтъ слѣдовъ въ исторіи и нѣтъ никакихъ историческихкихъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе выше изложенныхъ предположеній. Происхожденіе Глаголитской азбуки, которая, по словамъ г. Копитара, изобрѣтена прежде Кирилловской, не восходитъ выше XI вѣка, судя по наружному ея виду и начертанію буквъ, и слѣдовательно относится, согласно съ общимъ мнѣніемъ, къ тому времени, когда, вмѣсто Кирилловской азбуки составлена новая, названная Глаголитскою. Ничего также не доказываютъ слова, которыя, по замѣчанію г. Копитара, получивъ начало въ западной Европѣ, перешли, при посредствѣ Глаголитской письменности, въ Кирилловскую и наконецъ удержались въ Старо-Церковномъ нарѣчій; потому что ясно уже доказано (*Шафарикомъ*, въ *Славян. Древн. I*, стр. подл. 814—824), что эти слова напротивъ имѣютъ корень въ Греческомъ языкѣ.—*М. Вишневицкій*, въ «*Historya literatury polskiéj*», томъ 1-мъ (*Kraków*, 1840), вѣритъ въ старшинство Глаголицы передъ Кириллицей (стр. 167—172): «*Pismo glagolickie czyli bukwa, dawniejsze jest od Kirylicy czyli greckiego abecadła, które Cyryll do mowy słowiańskiéj zastosował (приспособилъ), a które w Bulgaryi, Serbii, Pannonii i Morawii upowszechniło się (принялось) przedъ zaprowadzeniem Kirylicy. Słowianie pisali od prawej ręce ku lewej, podobnie jak Etruskowie i Grecy (?)*». А въ прилѣч. 8-мъ повторяетъ слова Папенброха и Геншена, «*że Cyryll nie wynalazł abecadła, ale greckie zastosował do ruskiego (?)*».—*Тышинскій*, въ «*Rus historyczny oświecenia Słowian*» (*Warsz.* 1841), утверждаетъ (стр. 39), что Коп-

же поль ннѣхъ разумѣть отношеніе двухъ азбукъ, той, которая доставляла матеріалъ составителю, и той, которая снова воображена была ннѣ; т. е., получила новый образъ отъ примѣненія письменныхъ знаковъ Греческихъ къ Славянскимъ звукамъ и прибавленія къ нимъ новыхъ, отчасти также взятыхъ изъ другихъ азбукъ, отчасти же преобразованныхъ посредствомъ соединенія тѣхъ и другихъ? Далѣе, какъ разумѣть: «звонъ же Бѣни соуготоу преломаша?» Напоследокъ, сходясь въ годъ смерти Кирилла: «и тако поуми о Гїи къ .ѣ.т. бх.» 6377, т. е., 869, съ показаніемъ Кириллова Житія по всѣмъ, извѣстнымъ ннѣ, спискамъ его, Слово это не сходится однимъ годомъ въ означеніи времени кончины Меѳодія съ такимъ же въ Житіи его, именно: въ первомъ: «и тако поуми о Гїи къ лѣ ѿ тварн всьего мира. ѣ.т. ѣ. ѣ. .д.» а въ последнемъ: «поуми къ .ѣ. днѣ мѣа апрѣла, къ .г. иидити, къ ѣ.т. и .ѣ. и .ѣ. лѣ ѿ тварн всьего мира». Впрочемъ, такое разнорѣчіе только видимое, какъ показываетъ то ближайшее разсмотрѣніе, которое, однако, теперь было бы неумѣстно ннѣ приводить здѣсь.

243. Slovan. starož., str. 814, Руск. II, кн. 2, стр. 324, прил. 88.

244. Блато или наше болото означаетъ не только просто топь, иловатое и тинистое мѣсто, покрытое стоячею водою, грязь, но еще, въ некоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, лѣсъ, особенно еловый, лиственный, боръ, растущій на немъ (Нижнелужицкое bloto, bwoto, boto, отсюда лѣсъ по рѣкѣ Спревѣ или Сировѣ у селенія Буки, на мѣстѣ чрезвычайно низменномъ, простирающемся на нѣсколько верствъ), а также, въ старину, и самую воду озерную, озеро, съ етъми особенностями въ большинѣ разнорѣчій, лужу. Въ Костромской губ. именно болотомъ называютъ лужу, а въ Смоленской крупный лѣсъ (Опытъ областного Великорусск. словаря, стр. 12). Точно такъ боръ и бара, барина, въ Чешск. и Серб. сродны между собою, происходя отъ одного и того же корня; последнее значить лужу, болото, lacus, palus, а у Хорватовъ вообще лугъ, pratum, словомъ, всякую топьную страну, а боръ—лѣсъ, растущій особенно на такихъ мѣстахъ. Слнч. Нѣм. Born, Рум. и Алб. переу.

245. *Anonym. De conversione Bagoar. et Garant. ap. Kopitar, G la g., pag. LXXV.* «Venerabilis archiepiscopus Juvavensium Adalwinus nativitatem Christi celebravit in castro Hezilonis, noviter Moseburch vocato, quod illi successit moriente patre suo privvino quem Maravi occiderunt; illo quoque die ibi officium celebravit ecclesiasticum. Sequentique die in proprietate Wittimaris dedicavit ecclesiam in honore S. Stephani protomartyris», etc. Копитаръ возражаетъ Добровскому касательно названія Salaburg и Moseburg: «Male dicit

Dobrovius, prius nomen fuisse *Salaburg*. Tolerabilis est alterum, quod nullo quidem teste proponit nomen, *Belgrad* sive *Webgrad*. Anonymus nonnisi Privinae civitatem appellat, tum novum edit sub Adalwino nomen Moseburg, cujus apud Fuldensium annalium continuatorem ad A. 890, latina videtur interpretatio: *urbs paludarum*. *Mos* enim Bavariae idem est, quod Saxonibus *Mór*, id est locus *palustris*. Тамъ же стр. LXXVII—LXXVIII. Стало, Mosburg, какъ я сказалъ, Блатноградъ, тѣмъ болѣе, что самое *mos* или *mór* идетъ отъ одного корня съ море, Латин. mare, откуда Нѣм. Morást, Marsch. Сравни. еще «Cestoris do horní Italie a t. d., od J. Kollára», въ Пешти 1843, въ коемъ оутъ, какъ очевидецъ, описалъ намъ нынѣшнее состояніе тамошняго края и говорить: «Okolí jest ravinatá dolina, přes níž řeka čili potok Sála ne tak teče jako raději podryvá a tratí se pod černau rašelinatou zemí (Torf). Woda říčky často cele z očí zmizí a opět, co neviděti, z trásoviak (трясинъ) pod nohami se přehybujících vykukává (появляется). Na obou březích Sály jsou mnozí roztracení a seamotnějí hájkové aneb kusy a chomáče (обрывки) lesův na větším díle wolšových, které všechny zléjší Mad'afi jedním slovem *Szalaliget* t. j. Sálaký háj (лѣсъ, боръ) jmenují; oni jsou pozůstatky onoho bývalého zde velikého a celistvého lesu, o němž Anonym Solnohradský píše, že hrad Priwinův stal «in nemore et palude Salae fluminis» (pag. LXXIV). Tyto háje a stromy (деревья) zléjší obyvatelé pořád (безпрестанно) ještě vypalují a kolčují, aby z nich role a lauky mfti mohli» (стр. 11). О твердости и мѣстности положенія этого города замѣчаетъ и Регино подъ 880 годомъ: «Castrum munitissimum, quod Moseaburch nuncupatur, eo quod palude impenetrabili locus vallatus, difficillimum adeuntibus praebet accessum». Дальше, излагая исторію, *Колларъ* замѣчаетъ, что только въ 1019 году Угорскій король, Стефанъ, поставилъ снова въ этомъ мѣстѣ аббата Латинскаго обряда: «ubi ordinavimus Abbatem latinum nomine Petrum (пишетъ Стефанъ въ грам., въ «Diplomat. Феера»), въ Бенедиктинскомъ, имъ построенномъ, монастырѣ. Стало, Православное богослуженіе держалось тутъ съ 870 г. до этого короля, склоненнаго къ Латинству учителемъ и совѣтникомъ своимъ, Войтѣхомъ. До того имя его было *Woik*, *Waik*, т. е., *Вонкъ*, довольно частое у Славянъ (отъ *вонкъ*, *уменьш.*, которое тоже употребляется и теперь еще, какъ собственное, даже у насъ); родные его также съ Славянскими именами: мать *Блѣокиляни*, двоюродный братъ *Ладиславъ* или *Владиславъ*, жена его *Примислава*, другой двоюродный братъ *Wazul* или *Wazilel*—Славянская Православная форма известнаго Греческаго имени (стр. 16).

246. Mährische Leg. S. 86.
247. Несторъ, III, Kap. X, S. 177, Руск. II, стр. 458.
248. Cyrill und Method, §. 7.
249. Slow. star., str. 814, пер. II, кн. 2, стр. 324, прим. 89.
250. *Dümmler* (Er.) Ueber die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Karolingern» (795 — 907), въ X-ой части «Archiv für Kunde österr. Geschichts-Quellen» u. s. w., S. 34.
251. *Шафарикъ*, Slov. star., str. 814, пер. II, кн. 2, стр. 324, прим. 87.
252. *Конст. Багрянородный* Chronogr. lib. III, 28.
253. Kalendaria Ecclesiae universa II, pag. 367.
254. Mähr. Leg., S. 81.—Slow. star. I, str. 811, Руск. II, кн. 2, стрн. 316, прим. 74.
255. Житіе Кирилла.
256. *Martini Fuldensis Chronicon*, въ Io. Geo. *Eccardi Corpus historicum medii aevi*, tom. I, pag. 1665.
257. См. выше, примѣч. 71.
258. Въ Макар. Четъ-Миней оно помѣщено между проложнымъ и пространымъ Житіями сего святаго.
259. Кромѣ того, всюду рѣчь, какъ участника въ обрѣтеніи: «сѣторихомъ, ндохомъ, нежелдохомъ, поставихомъ рязоу тоу, нвѣше съ нами и сндохомъ; въ неуди же намъ соущемъ, зде много тасъ пренде и нуди же акиса, нвдахомъ оубо оуди и оуди око нъ Бѣу возводаци, око нъ стѣи тои рязи нмоще, павѣ поуще сице».
260. Разцвѣтъ Славян. писмен. въ Булгаріи, стр. 4, прим. 2.
261. *Gesenius*, Hebr. Grammat. 1842, §. 3.
262. Cyrill und Method, §. 16. Въ етомъ Добровскій собственно возражаетъ Шлецѣру, и въ заключеніе выражается словами Ассемани: «Wir unterscheiden also Assemani's wahrscheinlichen Schluss, nach welchem unser Method von dem Maler Method nicht verschieden, sondern mit ihm eine und dieselbe Person ist: «Convenient tempora, nomen Methodii, locus praedicationis, historici denique, qui illum primo Bulgaris, deinde Moravis praedicasse scribunt» (р. 44). Gründe genug für unsre Meinung».
263. Тамъ же, §. 14.
264. Симеонъ Логоветъ, Левъ Грамматикъ, Георгій Монахъ, Продолжатель Константина Багрянороднаго, Кедринъ и Зонара. *Stritter* II, pag. 570—572.
265. На 171-мъ листѣ; онъ писанъ крупнымъ уставомъ, въ два

столбца; мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь. Заглавіе: «Уюдо сѣто Георѣи ѡ вѣтѣ и ѡ Болгаринѣ».

266. Далѣе, историческая часть сего разсказа чрезвычайно важна и совершенно нова для насъ: «и потомъ сподоки и Бѣ, да приимихъ лигѣини образъ, ѡ лѣстниаго сего житни къ кышпни искрѣмъ къ Хѣ престависа. И иже имену живку сѣцю в уернеустькѣ, и в него мѣсто сѣцю Володимеру, сѣю иго иеркому, вѣи бѣгкнѣ Бѣис и Миханлово из Сембонт, и прии столъ, сѣгилъ врата, и вѣста на нь кышпъ Оугорьскни, и иолонина имену, во тѣ годъ и мнѣ сѣцю къ стун тон. Вхларашахъ же и реус великии архимандритъ: иныи самоиъ поуѣтъ ты еаше ѡ инахъ? Онъ же реус ми: Ахъ, оѣе, сина итсмъ инахъ ииного же, ни исмъ жнахъ, идаже инахъ жикаше, но вѣт, в людехъ; ино итѣ разгнаша Оугри, покъже инахъ иединтъ поуѣтъ, и погнаша итѣ Оугри, и инахъ ми ионъ слахти и оставати», и проч.

267. Въ «Anhang III: «Ueber das Jahr, in welchem der bulgarische Fürst Bogoris getauft ward» (S. 80—82) къ соч: «Ueber die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Carolingern» (795 — 907), въ 1-мъ выпускѣ X-ой части «Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen». Возраженія, сдѣланныя Димлеромъ Паджи, больше чѣмъ слабы; выходками въ общихъ выраженіяхъ противъ Византийцевъ не опровергають противниковъ: нужно отдѣлать у нихъ истину отъ лжи, которой не меньше и у другихъ лѣтописцевъ объ етомъ предметѣ.

268. Москвитянинъ 1843, кн. VI, стр. 422—423.

269. По всему вѣроятію *Гондрихъ* или *Гонрдихъ* — Гавдерикъ (Gaudericus), епископъ Велитрскій, коему приписываютъ составленіе Житія св. Климента, папы Римскаго, посвященнаго папѣ Іоанну VIII-му, въ 3-хъ книгахъ. Извѣстное сказаніе «De translatione corporis b. Clementis», по мнѣнію отца Геншена, есть только отрывокъ изъ третьей книги, содержаніе коей составляли: «miracula, prodigia, exultationis angustiae» etc. Онъ тоже является въ Римѣ со времени вступленія Адріяна на папство, который возвратилъ его изъ ссылки. — Москвитянинъ, 1843, кн. VI, стр. 423—424.

270. Творенія Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1853 г., кн. IV-я, стр. 663.

271. Я. С. *Бандтке*.

272. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen, 1826, S. 118—119.

Z 115 .B6 f
O vremeni proiskhozhdeniia sta
Stanford University Libraries

3 6105 041 667 234

Z
115
B6
f

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.